Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ

И

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

1909.

Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ

И

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

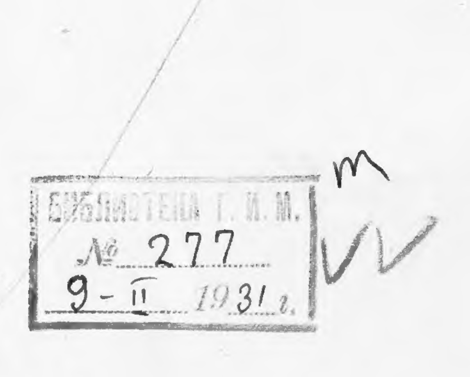
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

1909.

Оттиски изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1908 и 1909 г.г.



Печатать разрѣшается. Февраля 3 дня, 1908 г.
Ректоръ Академіи Епископъ *Евдокимъ*.

Изученіемъ времени патріарха Никона я занимался еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ журналѣ *Православное Обозрѣніе* 1887 года мною начаты были печатаніемъ статьи подъ общимъ заглавіемъ: *Патріархъ Никонъ какъ церковный реформаторъ*. Но эти статьи, при самомъ своемъ появленіи, въ нѣкоторыхъ кругахъ, вызвали противъ меня цѣлую бурю негодованія и обвиненія чуть не въ еретичествѣ.

До тѣхъ поръ исторія возникновенія у насъ старообрядства изучалась и писалась по преимуществу полемистами съ расколомъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, изучали событія съ тенденціозно-полемической точки зрѣнія, старались видѣть и находить въ нихъ только то, что содѣйствовало и помогало ихъ полемикѣ съ старообрядцами, поставленной ими очень своеобразно. Тогдашніе полемисты съ расколомъ на вопросъ: откуда и какъ произошли у насъ искаженія древнихъ православныхъ чиновъ и обрядовъ, и какимъ образомъ эти искаженные чины и обряды попали въ наши церковно-богослужебныя книги, обыкновенно отвѣчали: древніе православные обряды и чины исказило вѣковое русское невѣжество, а въ наши печатныя церковныя книги они внесены были при патріархѣ Іосифѣ невѣжественными книжными справщиками: Аввакумомъ, Нероновымъ, Лазаремъ и другими, которые, возставая потомъ противъ реформы Никона, въ существѣ дѣла отстаивали только твореніе своихъ собственныхъ невѣжественныхъ рукъ. Такъ смотрѣли тогда на дѣло всѣ полемисты съ расколомъ и во главѣ ихъ профессоръ нашей академіи Н. И. Субботинъ, редакторъ и издатель полемическаго противообрядческаго журнала *Братское Слово*.

Между тѣмъ въ своемъ изслѣдованіи, опиравшемся главнымъ образомъ на *Матеріалы для исторіи раскола*, изданные тѣмъ же самымъ профессоромъ Субботинымъ, мною ясно было показано, что Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и

др. никогда не были книжными справщиками и вообще никогда къ книжной справѣ никакого отношенія не имѣли, что они ранѣе совсѣмъ не жили въ Москвѣ, а только нѣкоторые изъ нихъ появились въ ней не задолго до смерти патріарха Іосифа и потому никакъ не могли имѣть при немъ вліянія на книжную справу. На вопросъ необходимо отсюда возникшій: кто же, въ такомъ случаѣ, и когда испортилъ наши древніе православные церковные чины и обряды, которые потомъ Никону пришлось исправлавлять, мною былъ данъ такой отвѣтъ: древніе наши церковные чины и обряды никогда ни кѣмъ у насъ не искажались и не портились, а существовали въ томъ самомъ видѣ, какъ мы, вмѣстѣ съ христіанствомъ, приняли ихъ отъ грековъ, только у грековъ нѣкоторые изъ нихъ позднѣе измѣнились, а мы остались при старыхъ, неизмѣненныхъ, почему впослѣдствіи и явилась рознь между московскими церковными чинами и обрядами и позднѣйшими греческими. Это свое общее положеніе я иллюстрировалъ на формѣ перстосложенія для крестнаго знаменія, при чемъ выяснилъ, что въ христіанской церкви древнѣйшею формою перстосложенія было единоперстіе, а потомъ единоперстіе у православныхъ грековъ замѣнено было двоеперстіемъ, которое мы отъ нихъ и заимствовали при своемъ обращеніи въ христіанство. И въ то время какъ греки не остановились и на двоеперстіи, а позднѣе замѣнили его у себя троеперстіемъ, русскіе остались при прежнемъ, воспринятомъ ими отъ грековъ, двоеперстіи, которое и было у насъ, до Никона, господствующимъ обычаемъ.

Указанныя два наши положенія: что Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и др. главнѣйшіе противники церковной реформы Никона и основатели старообрядчества никогда не были книжными справщиками и никакаго вліянія на книжную справу при патріархѣ Іосифѣ не имѣли, что двоеперстіе является не искаженіемъ и порчею древняго обряда русскимъ невѣжествомъ, а есть настоящій древній православный обрядъ, перешедшій къ намъ отъ православныхъ грековъ, у которыхъ онъ ранѣе употреблялся, произвело очень сильное впечатлѣніе на тогдашнихъ нашихъ полемистовъ съ расколомъ. Въ томъ же 1887 году, когда мною начато было печатаніе своего неслѣдованія, проф. Н. И. Субботинъ, въ

издаваемомъ имъ журналѣ *Братское Слово*, выступилъ противъ меня съ цѣлымъ рядомъ статей, въ которыхъ особенно усиливался показать, что мой взглядъ на перстосложеніе для крестнаго знаменія неправиленъ, такъ какъ совпадаетъ со взглядами старообрядцевъ, и по самому существу не есть взглядъ православный, а старообрядческій, и что будто бы къ защитѣ собственно старообрядства направлено и все мое изслѣдованіе. Мнѣ пришлось отвѣчать на нападки г. Субботина (Прав. Обозр. за 1888 г.). Изъ моего отвѣта г. Субботинъ убѣдился, что научно-литературнымъ путемъ подорвать правильность моихъ воззрѣній и доказать правоту свою—дѣло едва-ли возможное. Тогда онъ прибѣгнулъ къ другому способу, чтобы заставить меня замолчать окончательно. Человѣкъ, близко знакомый тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода и его помощнику, онъ представилъ имъ начавшееся печатаніемъ мое изслѣдованіе какъ очень вредное для православной церкви, а мою личность какъ неудобную для профессуры въ духовной академіи. Выгнать меня изъ академіи ему однако не удалось, но цензоръ журнала *Православное Обозрѣніе*, свящ. Ив. Дм. Петропавловскій, получилъ приказаніе отъ К. П. Побѣдоносцева не допускать къ дальнѣйшему печатанію моего изслѣдованія о патріархѣ Никонѣ, почему оно и было прекращено печатаніемъ, остановившись только на времени патріарха Іосифа.

Между тѣмъ мои взгляды на старый обрядъ въ послѣдующее время не только не были кѣмъ либо опровергнуты, но и получили полное подтвержденіе, какъ научно правильные. Извѣстный историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій въ 1892 г. издалъ особое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: *Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами*, въ которомъ новыми данными, относящимися къ вопросу о перстосложеніи и другимъ спорнымъ обрядовымъ вопросамъ, вполнѣ подтвердилъ научную вѣрность моихъ взглядовъ на старый обрядъ. Теперь они приняты всѣми въ наукѣ и уже не возбуждаютъ иикакихъ споровъ среди самихъ полемистовъ съ старообрядцами и никто въ нихъ ничего вреднаго для церкви не находитъ.

Такъ какъ прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, когда остановлено было печатаніе моего изслѣдованія о патріархѣ Никонѣ, а въ этотъ промежутокъ времени появились по

данному вопросу и новые матеріалы, то естественно, что настоящее изслѣдованіе представляетъ изъ себя не воспроизведеніе стараго сочиненія, а совершенно новую работу, написанную послѣ повторнаго изученія всѣхъ относящихся къ дѣлу документовъ, причемъ нѣкоторые факты и явленія мною поняты и объяснены теперь значительно иначе, нежели какъ это было сдѣлано ранѣе.

Задача настоящаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, представить Никона какъ церковнаго реформатора, со всѣми сопровождающими эту его дѣятельность обстоятельствами; съ другой—показать тѣ особыя отношенія Никона къ свѣтской государственной власти, въ какія онъ, въ своемъ лицѣ, поставилъ патріаршую власть и какія потомъ онъ всячески старался обосновать и защитить, какъ законныя, уже и послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры. Рѣшеніе первой задачи составляетъ содержаніе перваго тома, рѣшеніе второй задачи войдетъ въ содержаніе втораго тома.

Наши историки обыкновенно видятъ въ Никонѣ единственнаго виновника произведенной при немъ церковной реформы: онъ былъ ея иниціаторомъ, только ему она обязана своимъ проведеніемъ въ жизнь, такъ что она—церковная реформа была исключительно дѣломъ одного Никона, она составляетъ главное дѣло его патріаршества, его главную заслугу предъ церковію. Мною высказывается и выясняется на это дѣло совершенно другой взглядъ, болѣе согласный съ историческою дѣйствительностію, именно: иниціатива произвести церковную реформу, въ смыслѣ объединенія нашихъ церковныхъ чиновъ, обрядовъ и богослужебныхъ книгъ съ тогдашними греческими, принадлежитъ не Никону, а царю Алексѣю Михаиловичу и его духовнику—протопопу Стефану Вонифатьевичу. Они первые, еще до Никона, задумали произвести церковную реформу, ранѣе намѣтили ея общій характеръ и начали, до Никона, по немногу приводить ее въ исполненіе; они еще до Никона вызвали въ Москву изъ Кіева знающихъ греческій языкъ книжныхъ справщиковъ, съ помощію которыхъ еще до Никона уже начали исправлять наши книги съ греческихъ и, что главное, они же создали и самаго Никона, какъ реформатора-грекофила. Никонъ, сдѣлавшись патріар-

хомъ, только выполнялъ ту программу, какая ему дана была, конечно въ самыхъ общихъ чертахъ, царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Правда, что въ самое выполненіе программы царь активно не вмѣшивался, предоставивъ въ этомъ дѣлѣ Никону полную свободу, почему практическое проведеніе реформы въ жизнь, въ томъ или другомъ видѣ, зависѣло уже исключительно отъ Никона, отъ его личныхъ взглядовъ, пониманія дѣла, его характера и такта. Самъ Никонъ никогда не считалъ себя иниціаторомъ въ дѣлѣ книжныхъ исправленій и никогда не считалъ книжныя исправленія первою и главною задачею своего патріаршества. Оставивъ патріаршую каѳедру, онъ совсѣмъ пересталъ интересоваться своею церковною реформою и, въ концѣ, даже отнесся рѣзко-отрицательно какъ къ тѣмъ самымъ грекамъ, по указаніямъ которыхъ онъ производилъ свои церковныя реформы, такъ и къ самымъ печатнымъ греческимъ книгамъ, на основѣ которыхъ главнымъ образомъ и велись всѣ книжныя исправленія во время его патріаршества.

Самъ Никонъ главную задачу, смыслъ и, такъ сказать, душу своего патріаршества видѣлъ и поставлялъ вовсе не въ книжныхъ и обрядовыхъ исправленіяхъ, а въ томъ, чтобы освободить церковь, въ лицѣ патріарха, отъ подавляющей ея всецѣлой зависимости отъ государства, чтобы сдѣлать патріарха, какъ духовнаго главу церкви, не только независимымъ отъ государя, но и поставить его рядомъ съ царемъ, какъ другаго великаго государя, подчинить его контролю, какъ блюстителю и охранителю вѣчныхъ незыблемыхъ божественныхъ законовъ, не только церковную, но и всю государственную и общественную жизнь, поскольку послѣднія должны быть проявленіемъ всегда и для всѣхъ обязательныхъ божественныхъ заповѣдей и законовъ. Никонъ вѣрилъ и училъ, что *священство выше царства*, и всячески старался осуществить эту идею во время своего патріаршества практически, а послѣ оставленія патріаршей каѳедры, горячо и усиленно старался защитить ее теоретически. Объ этомъ я подробно буду говорить во второмъ томѣ моего изслѣдованія, который подготовляется къ печати.

ГЛАВА I.

Церковно-реформаціонное движеніе во время патріаршества Іосифа и его главные представители.

Появленіе въ русскомъ обществѣ, послѣ такъ называемаго смутнаго времени, сознанія необходимости улучшить религіозно-нравственную жизнь всего русскаго народа. Разныя челобитныя къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ съ жалобами на церковныя непорядки, на зазорное поведеніе бѣлаго и чернаго духовенства, на народныя языческаго характера суевѣрія и игрища, на разныя народные пороки и недостатки. Правительственныя мѣры по поводу этихъ жалобъ. Образованіе въ Москвѣ кружка ревнителей благочестія. Глава кружка, царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Его придворная дѣятельность, его приверженность къ кіевлянамъ и грекамъ, его заботы о подняти нравственности и просвѣщенія среди духовенства и народа, поставленіе имъ, съ этою цѣлію, по разнымъ городамъ на протопопскія мѣста лицъ, извѣстныхъ своею строгою жизнію, истовостію въ совершеніи церковныхъ службъ, учительностію, ревностію къ насажденію благочестія въ народѣ и борьбою съ народными языческаго характера игрищами и суевѣріями. Образованіе изъ этихъ лицъ провинціальнаго кружка ревнителей благочестія. Общій характеръ дѣятельности провинціальнаго кружка ревнителей, задачи и цѣли, какія онъ преслѣдовалъ. Его взглядъ на относительное достоинство греческаго благочестія, греческихъ обрядовъ и чиновъ, сравнительно съ русскими.

Послѣ такъ называемаго смутнаго времени, когда почти совсѣмъ погибало русское царство, когда многое, прежде считавшееся такимъ твердымъ и незыблемымъ, пошатнулось, оказалось слабымъ и малоустойчивымъ, русская жизнь уже стала не удовлетворять очень и очень многихъ. Она—русская жизнь какъ-то вся заколебалась, незамѣтно стала понемногу сдвигаться съ своихъ старыхъ дѣдовскихъ основъ и устоевъ, стала, хотя сначала ощупью и въ разбродъ, искать новыхъ путей, новыхъ болѣе культурныхъ силъ и средствъ для своего дальнѣйшаго существованія. Отсюда явились по-

пытки такъ или иначе реформировать ее, улучшить и усовершенствовать, причемъ бравшіеся за это дѣло подходили къ той же цѣли разными путями, съ разныхъ сторонъ и употребляли разныя средства. Одни—большинство видѣли причину всѣхъ происшедшихъ бѣдъ и нестроеній народной и государственной жизни въ низкой народной нравственности, въ народной испорченности и порочности, въ недостаточности ея проникновенія христіанскими и церковными началами. Поэтому они желали нравственно перевоспитать общество съ помощію борьбы съ остатками въ народѣ языческихъ суевѣрій, грубыхъ обычаевъ, языческаго характера народныхъ игрищъ, забавъ и увеселеній, желали на народъ болѣе мощнаго церковно-религіознаго воздѣйствія. Въ этихъ видахъ они усиленно стремились прежде всего привести въ порядокъ нашу тогдашнюю церковную жизнь, въ которую вкралось много нестроеній и непорядковъ, именно: они рѣшительно возставали противъ порочной и зазорной жизни духовенства, усиливались ввести въ отправленіе всѣхъ церковныхъ службъ чинность, истовость, учительность, чтобы сдѣлать церковныя службы вразумительными и назидательными для народа. Другіе думали поставить дѣло шире: желали еще исправленія нашихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, пересмотра и исправленія всѣхъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, съ помощію свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ людей, такъ какъ были убѣждены, что наши церковныя книги, чины и обряды потерпѣли, вслѣдствіе разныхъ причинъ, нѣкоторыя нежелательныя измѣненія, сдѣлавшія ихъ кое въ чемъ непохожими на настоящіе древне-церковные православные чины и обряды. Третьи, не отрицая указанныхъ причинъ, видѣли еще коренной недостатокъ тогдашней русской жизни въ полномъ отсутствіи у русскихъ просвѣщенія, какихъ бы то нибыло научныхъ знаній, вообще въ ихъ умственной темнотѣ и невѣжествѣ, почему думали и стремились завести къ Москвѣ, съ помощію ученыхъ грековъ и кіевлянъ, правильно устроенную строго православную школу, чтобы при ея посредствѣ насаждать среди русскихъ недостающія имъ знанія и просвѣщеніе. Наконецъ были и такіе, хотя еще и очень немногіе, которые, то сознательно, то безсознательно, стремились сблизиться съ иновѣрнымъ просвѣщеннымъ западомъ, усвоить, путемъ подражанія и заим-

ствованія, его обычаи, внѣшнюю обстановку его жизни, а въ концѣ—западныя знанія и науку. Часто всѣ эти стремленія и направленія перепутывались и смѣшивались между собою и даже у одного и того же лица. Вообще въ переходныя эпохи, когда только что зарождаются и начинаютъ формироваться въ народной жизни новыя направленія и теченія, ихъ трудно бываетъ выслѣдить съ полною ясностію и опредѣленностію, такъ какъ онѣ сами еще очень неясны, неопредѣленны, а ихъ носители и выразители не рѣдко являются непослѣдовательными, а иногда и противорѣчивыми. Къ тому же: самыя зарождающіяся новыя направленія въ жизни почти всегда встрѣчаются затемненными сторонними, къ существу дѣла неотносящимися обстоятельствами, разными случайными и побочными явленіями.

Среди различныхъ новыхъ направленій, начавшихъ у насъ появляться послѣ смутнаго времени, и имѣвшихъ въ виду обновить, улучшить нашу народную жизнь, прежде всего съ особою силою выступило стремленіе улучшить крайне разшатавшуюся народную нравственность, возвысить общій уровень христіански религіозной жизни народа, стоявшей доселѣ еще на довольно низкой ступени, и даже сохранившей въ себѣ много языческаго; стремленіе исправить тогдашнее духовенство и самую церковную жизнь, въ которую вкрались многія нестроенія, особенно въ сферѣ отправленія церковныхъ службъ. Это стремленіе вызвало прежде всего появленіе различныхъ челобитенъ, исходившихъ отъ частныхъ лицъ, которыя, проникаясь ревностію къ благочестію, обращаются къ патріархамъ и къ самому государю съ ходатайствами, чтобы они предприняли мѣры къ уничтоженію общественныхъ недостатковъ и пороковъ, къ улучшенію церковной и вообще нравственно-религіозной жизни народа и самого духовенства.

Въ 1636 году девять нижегородскихъ священниковъ, въ числѣ которыхъ находился и знаменитый потомъ Іоаннъ Нероновъ, подали патріарху Іоасафу челобитную, въ которой они довольно подробно указываютъ на различныя церковныя безпорядки и нестроенія, на зазорное поведеніе приходскаго духовенства, на его лѣнь и небреженіе къ духовно-нравственнымъ потребностямъ пасомыхъ, на его пьянство и безчинство, на крайне непристойное и безчинное поведѣніе

молящихся въ храмахъ, на грубыя съ явнымъ языческимъ характеромъ народныя забавы и увеселенія, свидѣтельствующія объ отсутствіи во всемъ народѣ истинной христіанской религіозности, доброй нравственности и добрыхъ христіанскихъ нравовъ. Въ виду этого челобитчики умоляютъ патріарха позаботиться „о неисправленіи церковнемъ; о часѣхъ съ обѣднями и о постныхъ безвремянныхъ вечерняхъ". Они просятъ птаріарха: „учени, государь, свой святильской указъ, чтобъ по преданію св. апостолъ и святыхъ истинно славился Богъ, и до конца бы церкви Божія въ лѣности и въ небрежіи не разорилась, и намъ бы въ неисправленіи и въ скудости вѣры до конца не погибнути; и вели, государь, на тѣ дѣла о церковномъ исправленіи: какъ пѣти часы и вечерни въ постъ великій и о мятежи церковнемъ, что неистовствуютъ въ церквахъ шпыни и прокураты, и о играхъ бѣсовскихъ, дати свои государевы святительскія грамоты" [1]).

Неизвѣстный, въ челобитной къ патріарху Іосифу, возстаетъ съ особою силою противъ тогдашняго распущеннаго духовенства, говоря, что пастыри церкви только „именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, только нареченіемъ и образомъ учители, а произволеніемъ тяжцы мучители, иже малаго ради своего покоя и предатели суть душамъ человѣческимъ, ненастоящей и маловременной, но грядущей и вѣчной муцѣ". Этотъ суровый отзывъ о тогдашнихъ пастыряхъ неизвѣстный иллюстрируетъ въ своей челобитной указаніемъ на то, что священники совершаютъ службы „омраченные пьянствомъ", что они „вскочутъ безобразно въ церковь" и начинаютъ отправлять церковныя службы безъ соблюденія церковнаго устава и правилъ, стараясь только какъ можно скорѣе кончить службу. Ради этого они никогда не читаютъ въ церкви положенныхъ для народа поученій, поютъ и читаютъ заразъ въ пять—шесть голосовъ, дѣлая этимъ все богослуженіе непонятнымъ для народа, который поэтому въ церкви ничему не научается и нисколько не назидается. Священники не только не прекращаютъ въ церкви разныхъ безчиній со стороны молящихся, особенно если послѣдніе

---

1) Эта челобитная, съ очень обстоятельнымъ объясненіемъ, напечатана Н. В. Рождественскимъ въ Чт. общ. ист. и древн. расс. за 1902 г. кн. II, отд. IV, стр. 1—31.

принадлежатъ къ людямъ знатнымъ и сильнымъ, но и всячески заискиваютъ передъ ними и во всемъ потакаютъ имъ, не заботясь объ ихъ исправленіи, и вообще на свою паству— на ея нравственную распущенность и пороки, не обращаютъ никакого вниманія. И не только бѣлое духовенство, но и монахи, вопреки своимъ иноческимъ обѣщаніямъ и клятвамъ, „любятъ сребро и злато и украшеніе келейное, имѣютъ влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся притяжати большая стяжанія, и тѣмъ желаютъ мірскія любве достигнути“. Они устрояютъ въ обителяхъ пиры на монастырскій счетъ „для великоименитыхъ властей“, даютъ имъ взятки, чтобы получить чрезъ нихъ въ монастырѣ: игуменство, строительство, келарство и вообще какую либо почетную и доходную монастырскую должность. И вотъ такія монастырскія власти, пріемши власть цѣною гиблющаго имѣнія, къ подвластнымъ звѣрообразни являются сурови и мстиви томители, и святыхъ обителей грабители“; сами же они, окруженные родственниками и приспѣшниками, обыкновенно ведутъ пьяную, разгульную и развратную жизнь. Не оставилъ безъ обличенія неизвѣстный и высшихъ церковныхъ іерарховъ. Архіереи, заявляетъ онъ, сами занимая іераршія каѳедры неподготовленными, неискушенными предварительно иночески подвижническою жизнію, не стараются исправить указанныя вопіющія недостатки въ иноческой монастырской жизни. Въ виду этого челобитчикъ умоляетъ патріарха, косвенно дѣлая и ему упрекъ въ нерадѣніи: „подвигнися, пишетъ онъ, о церквахъ Божіихъ и о святыхъ и честныхъ монастырѣхъ, пріими, государь, ревность ученія первопрестольникъ твоихъ великихъ святителей: Петра и Алексѣя и Іоны, тіи бо на всяко лѣто области своя по всѣмъ градомъ трудолюбно сами церкви Божіи назирали, како во всей славѣ стоятъ, и монастыри, паче же живущихъ въ нихъ наставниковъ и наставляемыхъ, како безъ смущенія и страха пребываютъ. Исправи, государь хромое, да не како до конца совратится, но да исцѣлѣетъ. Не трудно бо тебѣ, государь, шествовати, путь воздаяніемъ спасенія мзды посыпана“.

Въ 1651 году иконописецъ Григорій подалъ государю челобитную, въ которой онъ жалуется на порочную и во всѣхъ отношеніяхъ очень распущенную жизнь духовенства города Вязьмы, служащую соблазномъ для прихожанъ, на разныя

народныя игрища „мерзкіе“, которыя „бываютъ въ началѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія всенощные, на коихъ святыхъ нарицаютъ, и монастыри дѣлаютъ, и архимандрита, и келаря и старцовъ нарицаютъ, тамъ же и женокъ и дѣвокъ много ходятъ, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдаютъ“. Другое игрище бываетъ въ Троицынъ день, когда „загородъ на курганя ходятъ и неподобное творятъ“. Третье игрище—отъ Петрова до Ильина дня, когда „на реляхъ вѣшаются и накрутящихъ крутятся, и многихъ діаволъ беретъ, и деньги тыхъ благословляютъ при церкви погребати“. Наконецъ было еще игрище ночью подъ рождество Іоанна Предтечи, когда „всю нощь бѣсятся, бочки дегтярные зажигаютъ и съ горъ катаютъ и, вѣники зажегши, скачутъ“. И такъ какъ „и поинымъ городамъ такожде много неисправленія“, то челобитчикъ рекомендуетъ государю, „таковаго бы человѣка изыскати на исправленіе поиныхъ городахъ, еже не своего искати, но Божія, и не на лица зрѣти, и посуловъ бы не брати“ т. е. онъ рекомендуетъ государю назначить отъ себя особое лицо, честное и неподкупное, и поручить ему спеціально заняться учничтоженіемъ въ городахъ тѣхъ безпорядковъ, безчиній и грубыхъ народныхъ языческихъ и кощунственныхъ игрищъ, на которыя указалъ челобитчикъ [1]).

Кромѣ патріарховъ и государя челобитныя, по поводу разныхъ церковныхъ нестроеній, нравственной распущенности духовенства и народа, подавались нѣкоторыми частными лицами и разнымъ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереямъ. Такъ суздальскому архіепископу Серапіону (поставленъ въ архіереи 5-го окт. 1634 г., умеръ въ 1653 г.) нѣкто, называющій себя Агаѳоникомъ, подалъ особую очень обширную челобитную, въ которой подробно доказываетъ необходимость введенія въ церковныхъ службахъ единогласія, указываетъ и разъясняетъ незаконность практиковавшагося тогда многогласія, его вредъ и пагубность для молящихся. Тому же архіепископу Серапіону дѣлались заявленія о разныхъ церковныхъ непорядкахъ въ его епархіи, о нравственной распущенности духовенства и пасомыхъ и т. под.

---

[1]) Челобитныя: неизвѣстнаго и иконописца Григорія напечатаны въ приложеніи нашей книги: *Патр. Никонъ*.

Помимо челобитенъ встрѣчаются еще въ рукописныхъ сборникахъ и особыя статьи съ обличеніемъ тѣхъ или другихъ частичныхъ церковныхъ непорядковъ и уклоненій отъ церковнаго устава и правилъ. Такова, напримѣръ, статья о поклонахъ въ великій постъ, въ которой авторъ заявляетъ, что „въ нынѣшнее настоящее время отъ нѣкихъ іереовъ, иже страха Божія въ себѣ не имутъ, презираеми бяху и мнози поклоновъ не творятъ въ церкви во святой великій постъ, якоже уставъ повелѣваетъ, ово убо лѣности ради и небреженія, ово же безстрашія ради и нечаянія будущаго страшнаго суда и вѣчныхъ мукъ, и не хотяще разумѣти, яко сіи земніи поклони повсюду всѣмъ вообще—православнымъ инокомъ и мірскимъ—преданы отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, яко да никакоже сіи презираеми бываютъ во святый сій великій постъ, но да и паче подвигнемся, еже исправити сіе святыхъ отецъ преданіе, сирѣчь колѣнное преклоненіе, яко же уставъ повелѣваетъ, а не разрушити и вмѣсто свѣта тьму возлюбити: проклято бо сіе, съ еретики отвержено, еже не творити поклоновъ до земли въ молитвахъ нашихъ къ Богу въ церкви во уреченныя дни“. Затѣмъ авторъ старается доказать всю великость нечестія—не творить поклоны, соотвѣтствіе послѣднихъ со всѣмъ церковнымъ преданіемъ и правилами, отрицаніе поклоновъ называетъ „нечестіемъ и ересью“, и такъ какъ, по его заявленію, „во многихъ вкоренися таковое нечестіе и ересь“, то онъ и дѣлаетъ далѣе выписки изъ церковнаго устава, показывающія: когда, сколько и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ дѣлать поклоны во время разныхъ церковныхъ службъ [1]).

Такимъ образомъ частныя лица, или коллегіально—какъ нижегородскіе священники, или въ одиночку, своими челобитными и литературными обличеніями и разъясненіями, вскрывали предъ высшею духовною и свѣтскою властію различныя церковныя нестроенія, царившіе въ обществѣ и среди самаго духовенства пороки и недостатки, и призывали на борьбу съ ними правительство. Церковная власть, съ своей стороны, принимала во вниманіе заявленія челобитчиковъ и издавала иногда поэтому поводу особыя распоряженія. Такъ, по поводу челобитной нижегородскихъ священниковъ патрі-

---

[1]) Рук. импер. публ. библ. изъ собранія гр. Толстого № 258, л.л. 11—120.

архъ Іоасафъ, въ 1636 году 14 августа, издалъ извѣстную память тіуну Манойлову и поповскому старостѣ, никольскому попу Панкратію, о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и церковныхъ непорядковъ, которыя, очевидно, во всей силѣ существовали не только въ Нижнемъ Новгородѣ, но и въ самой Москвѣ, а также и въ другихъ городахъ. Память патріарха Іоасафа тіуну Манойлову имѣла значенія не для одной Москвы, но была разослана, повидимому, ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ. По крайней мѣрѣ въ 1642 году 30 мая послана была: „по указу великаго господина преосвященнаго Серапиона, архіепископа суздальскаго и торускаго, *память* въ Суздале городе и по всѣмъ городамъ нашие архіепископьи и протопопомъ и священникомъ и діакономъ“, которая является почти буквальнымъ воспроизведеніемъ памяти патріарха Іоасафа, только съ присоединеніемъ къ ней и многаго своего, вызваннаго чисто мѣстными условіями. Память, или точнѣе, окружное посланіе къ духовенству и народу суздальскаго архіепископа Серапіона, бывшее доселѣ неизвѣстнымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень любопытно, какъ памятникъ стремленія духовныхъ властей упорядочить и улучшить мѣстную епархіальную жизнь.

Память архіепископа Серапіона 1642 года начинается тѣми же словами, какъ и память патріарха Іоасафа, только съ измѣненіемъ названія разсылающаго ее лица и названія города, куда она адресована. „Вѣдомо убо намъ архіепископу, пишетъ Серапіонъ, отъ многихъ извѣстися, что въ Суздалѣ и по всѣмъ городамъ нашея архіепископьи, въ соборныхъ и приходскихъ святыхъ Божіихъ церквахъ чинятца мятежи и соблазнъ и нарушеніе святыя нашея православныя христіанскія непорочныя вѣры, что въ святыхъ Божіихъ церквахъ зѣло поскору пѣніе Божіе, не по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ: говорятъ въ голосовъ пять и шесть и больши, совсякимъ небреженіемъ“ и т. д.—воспроизводится вся память патріарха Іоасафа тіуну Манойлову 1636 года [1]).

---

[1]) Впрочемъ въ суздальской памяти встрѣчаются и нѣкоторыя измѣненія по сравненію съ московской, хатя и неособенно значительныя. Онѣ касаются прежде всего нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, неимѣющихъ значенія и происшедшихъ вѣроятно отъ перепищиковъ. Но кромѣ этихъ случайныхъ измѣненій въ отдѣльныхъ словахъ, въ суздальской памяти

Но воспроизведеніемъ московской памяти, съ нѣкоторыми въ ней измѣненіями и вставками, суздальскій архіепископъ

есть противъ московской и нѣкоторыя характерныя опущенія и вставки, именно: въ московской памяти говорится: „а въ церквѣ бы велѣли говорити голоса въ два, *а понуждѣ въ три голосы* опрочѣ экзапсалмовъ, а экзапсалмы бы по всѣмъ церквамъ говорили въ одинъ голосъ". Въ суздальской памяти говорится: „а въ церкви велѣти говорити голоса *въ два*, а экзапсалмы по всѣмъ церквамъ говорити въ одинъ голосъ"; слова московской памяти: „а по нуждѣ (говорить) въ три голосы", въ ней опущены. Очевидно архіепископъ Серапіонъ, сочувствовавшій, вѣроятно, единогласію, избираетъ средину: онъ дозволяетъ говорить въ церкви въ два голоса, но не дозволяетъ говорить, хотя бы и по нуждѣ, въ три голоса, и тѣмъ самымъ, съ одной стороны, нѣсколько удовлетворяетъ сторонниковъ единогласія, а въ тоже время существенно не расходится въ этомъ пунктѣ и съ патріаршею памятью. О нищихъ въ московской памяти говорится: „нищимъ во время святаго пѣнія по церквамъ ходити милостыни прошати отнюдь не велѣти же, а велѣти имъ стояти и просити милостыни внѣ церкви, стояти въ притворѣ церковнѣмъ, егдаже православніи христіяне должни суть подаяти имъ до святаго пѣнія, входяще во святую церковь, послѣ пѣнія, исходяще изъ церкви, подаютъ. А во время святаго пѣнія имъ, въ церковь приходя, мятежу и соблазну никакого отнюдъ чинити не велѣти, а велѣти имъ въ тѣ поры въ церкви Божіей стояти и слушати божественнаго пѣнія такожде со страхомъ и благоговѣніемъ, немятежно". Въ суздальской памяти все это мѣсто изложено такъ: „а нищимъ шпынямъ по церквамъ ходити отнюдь невелѣть"— и только. Сравнительно съ московскою памятью въ суздальской есть и нѣкоторыя вставки. Въ московской говорится: „а иные, полагаютъ пелены на блюдѣ и свѣчи, собираютъ, рекуще: на созиданіе церквамъ; иніи же творятца малоумни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ". Въ суздальской это мѣсто изложено такъ: „а иніи, полагаютъ пелены на блюдѣ и свѣчи, собираютъ, рекуще: на созиданіе церквамъ, а потомъ ихъ мнози видятъ со пьяницами; а иніи проданными себя называютъ и на окупъ просятъ; а иные творяща неистовыми нравы, и потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ". Въ московской памяти говорится; „чего непострадахомъ: не плѣнена-ли земля, не взяты-ли быша гради, не падоша-ли безъ оружія, не помроша-ли скоти и не оскудѣша-ли нивы? И сія [вся содѣяшася нынѣ предъ очима нашима въ наше наказаніе, и никакоже воспомянухомъ ся! И тивуну Ивану Манойлову и пр." Въ суздальской памяти, послѣ словъ московской—„и никакоже воспомянухомъ ся" — находится слѣдующая довольно большая вставка: „и протопопомъ и священникомъ всякую службу: вечерню и повечерницу, и утреницу, и часы пѣти въ ризахъ; а которые христіяне бороды брѣютъ, и женскій полъ бѣлятца, и тѣмъ заповѣдать, чтобы впредь того не творили; и которые промышляютъ кабаками и тяжутся ходя х'крестному цѣлованію, и промежъ себя любви не имѣютъ, живутъ во враждѣ и прелюбодѣйствѣ и въ блудѣ, и отъ таковыхъ въ церковь Божію приноса отъ нихъ не принимать, дондеже обратятся отъ

Серапіонъ однако неограничился. Онъ, съ своей стороны, къ московской памяти присоединилъ еще цѣлый рядъ собственныхъ своихъ распоряженій, разсужденій и увѣщаній, вызванныхъ, очевидно, особенностями мѣстной жизни и личными заботами архипастыря устранить и уврачевать недостатки нравственно-религіозной жизни мѣстнаго общества и духовенства.

Архіепископъ предписываетъ, чтобы всѣ православные христіане обязательно постились въ великій постъ, „и кто достоинъ, они бы пречистому тѣлу и крови Христовѣ причащалися; а коимъ недостойно причаститися, и они бы къ дорѐ приходили, а отнюдьбы нихто отъ православныхъ христіянъ святаго великаго поста не постяся—не минули“, причемъ архіепископъ требуетъ прежде всего соблюденія этихъ пред-

---

такихъ злыхъ дѣлъ. Да священникомъ же дѣтей своихъ духовныхъ во вся воскресенія и въ праздники наказывать по заповѣди Божіей жити, и къ церкви Божіей велѣть приходити по часту, чтобы не облѣнилися. Да и самимъ бы вамъ протопопомъ и священникомъ и дьякономъ добро пожити къ великой духовной крѣпости и люди учити. Помните какову власть отъ Бога пріяхомъ: поставлени бо есте Христово стадо пасти словесныхъ овецъ, православныхъ христіянъ, а ни злата, ни сребра ради и никакихъ тлѣнныхъ вещей, но токмо о душахъ христіянскихъ пещися во дни и въ нощи, да како имамъ отвѣтъ воздати Богу во второе пришествіе: се азъ и дѣти, яже ми далъ Богъ“. Въ московской памяти повелѣвается, чтобы „позорною и безстудною бранію... отнюдь бы небранилися, таковыми словесы языка и душъ своихъ не сквернили“. Въ суздальской къ этому сдѣлана такая прибавка· „и блуда и прелюбодѣйства отнюдь удалялися, и содомскаго грѣха отнюдь блюлися, понеже бо за такія дѣла Содомъ и Гоморъ Господь огнемъ пожже“. Конецъ московской памяти со словъ: „да и самому бы тіуну Ивану Монойлову, да старостѣ поповскому попу Панкратію велѣти у себя въ тіунской избѣ сію память прочитати“. и далѣе до конца памяти, въ суздальской изложенъ нѣсколько иначе, именно: да и сами бы есте протопопы и священницы вся творили по сей памяти, и прочитали бы есте сію память почасту православнымъ христіяномъ, кои къ вамъ въ церковь Божію приходятъ по воскреснымъ днемъ и по владычнымъ и богородичнымъ и нарочитыхъ святыхъ праздникамъ, и о томъ бы накрѣпко наказывали всѣхъ православныхъ христіянъ, чтобы творили такъ, какъ въ сей памяти написано, неотложно, съ великимъ утверженіемъ. Такожде бы и вы, священницы, не безчинствовали и по кабакамъ не ходили и исправляли бы пѣніе церковное благочинно и не лѣностно по преданію св. апостолъ и св. отецъ и противъ сея памяти. А старостамъ поповскимъ по мірскимъ по приходскимъ церквамъ дозирати почасту того церковнаго пѣнія и тово въ себѣ оплошку не ставити“.

писаній отъ самаго духовенства. „А буде вы сами (протопопы священники и дьяконы), пишетъ архіепископъ, не учнете творити такъ, и отъ пьянства и отъ иныхъ неподобныхъ дѣлъ, яже писано въ сей памяти, не воздержитеся и дѣтей своихъ духовныхъ и прихожанъ не станете наказывать и поучать, и вамъ за то отъ насъ, архіепископа, быть въ великомъ жестокомъ наказаніи и въ пенѣ. А православніи христіаня, буде кой не учнетъ васъ слушати и во святый великій постъ не учнутъ поститися и на предняя дѣла злая своя обратятся: учнутъ блудъ и прелюбодѣйство творити, или хто пойдетъ къ крестному цѣлованью, или жены ихъ учнутъ лица свои премѣняти — на бѣсовскій обычай бѣлитца, или иное какое дурно учнутъ дѣлать; и таковымъ православнымъ христіяномъ безчинникомъ запрещати, и въ церковь Божію не пущати, и приносу отъ нихъ никакова не пріимать, дондеже обратятца; и вамъ извѣщать на нихъ архіепископу, и отъ насъ такимъ безчинникомъ быти въ великомъ и жестокомъ наказаніи и въ пенѣ безпощады“.

Архіепископу вѣдомо учинилось, что въ земской избѣ, гдѣ ежегодно бываютъ сходы всѣхъ посадскихъ людей, „на томъ сходѣ, промежъ вами, мірскими людьми, бываютъ мятежъ великъ и брань велія о всякихъ податехъ, и бываютъ у васъ промежъ васъ въ податехъ оклады: на иныхъ прибавка, а съ иныхъ сбавка; и въ тѣхъ у васъ окладахъ промежъ вами бываютъ клятвы великіе и боженіе не по правдѣ“. Архіепископъ слышалъ далѣе, что во время раскладки въ земскую избу на сходъ приносятъ образъ Христа „и предъ тѣмъ образомъ Христовымъ клятвы и боженія творите, а все не по правдѣ. А иніи—де безумніи человѣцы, на томъ у васъ сходѣ, къ тому пречестному образу въ томъ окладѣ на ротѣ и прикладываются, чтобы съ него подати сбавили“. Архіепископъ повелѣваетъ, чтобы „отселѣ впредь тако не творити, клятвы и боженія на кривѣ не глаголати, и къ пречестному образу Спасову на ротѣ во окладѣхъ податныхъ не ходити“. Нарушителямъ этого требованія—„тѣмъ безумнымъ людемъ отъ насъ, архіепископа, быть въ великомъ наказаніи, и велимъ тѣхъ безумныхъ человѣкъ отцемъ ихъ духовнымъ отъ церкви отлучити, и въ домы ихъ не велимъ ни съ какою святынею приходити“. А тѣмъ начальнымъ людямъ, которые все это будутъ допускать на будущихъ сходахъ, говоритъ архіепи-

скопъ, „будетъ тоже наказаніе и запрещеніе отъ насъ и отъ отцевъ ихъ духовныхъ“.

Архіепископъ заявляетъ далѣе: „да увасъ, православныхъ христіанъ, слышимъ, что у васъ безумніи человѣцы лаютъ другъ друга матерны, а иніи безумніи человѣцы говорятъ скаредныя и срамныя рѣчи, ихже невозможно писанію предати; а иніи, окаянніи человѣцы, творятъ блудъ и прелюбодѣйства и садомскія грѣхи“. Архіепископъ увѣщеваетъ своихъ пасомыхъ „отъ таковыхъ богомерзкихъ дѣлъ отселѣ престати, и матерны другъ друга не бранити, и скаредныхъ и срамныхъ рѣчей не говорити, и блуда и прелюбодѣйства и садомскаго грѣха не творити“. Священниковъ онъ убѣждаетъ, что бы они всячески унимали своихъ прихожанъ „отъ таковыхъ богомерзкихъ дѣлъ“, причемъ замѣчаетъ: „да и самимъ бы вамъ, священникамъ и дьяконамъ, житіе доброе жити, въ безмерное пьянство не вдаватися, и отъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ уклонятися, и на кабакъ отнюдь не ходити... И аще сами священницы удержатся отъ пьянства, то незазорно имъ будетъ и люди учити“. Свою рѣчь о пьянствѣ, замѣчаетъ архіепископъ, онъ обращаетъ не къ одному духовенству, но и ко всѣмъ пасомымъ, которыхъ онъ затѣмъ и научаетъ истинно христіанской жизни. „Подобаетъ, говоритъ архіепископъ, всѣмъ православнымъ христіаномъ имѣти любовь нелицемѣрну, ненавидяще злое, прилепляющеся благому братолюбіемъ другъ ко другу“ и т. д. Прерывая свои поученія ковсѣмъ православнымъ, Серапіонъ снова обращается исключительно къ священникамъ, какъ главнымъ исполнителямъ его архипастырскихъ предписаній, какъ призваннымъ руководить и наставлять въ доброй жизни другихъ. „Вы священницы, поучаетъ архіепископъ, разсмотряйте дѣтей своихъ духовныхъ, аще кто въ нихъ повиненъ, и беззаконникъ, и непокорливъ, и нечестивъ, и грѣшникъ, неправеденъ и скверенъ, хульникъ, отца и матери досадитель, мужебійца, блудникъ, мужеложникъ, клятвопреступникъ,— съ таковыми грѣшники не повелѣно ни пити, ни ясти;—и вы бы, священницы, въ таковыхъ грѣсѣхъ кто у васъ обрящется, и вы бы имъ за такія грѣхи опитемьи давали и запрещали бы впредь такихъ богомерзкихъ дѣлъ не творили“. А такъ какъ тогдашнее духовенство и само было заражено многими пороками и недостатками, то архіепископъ опять

обращается къ нему съ поученіемъ: „да и самимъ вамъ— священницы и діакони, быти непорочнымъ, трезвымъ, цѣломудреннымъ, благоговѣйнымъ, честнымъ, страннолюбивымъ. учительнымъ, не пьяницамъ, не бійцамъ, не сварливымъ, не мшелоимцемъ; но кроткимъ, смотреливымъ, независтливымъ, несребролюбцемъ, свои домы добре правяще, чада своя имуще въ послушаніи со всякою чистотою; аще бо кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіи прилежати возможетъ?“ Всѣхъ православныхъ христіанъ архіепископъ убѣждаетъ чтить и слушать своихъ священниковъ, любить братство, бояться Бога, чтить царя, повиноваться властямъ придержащимъ, и присоединяетъ къ этому и еще другія общія нравственныя наставленія.

Обращаясь снова къ священникамъ архіепископъ запрещаетъ имъ, послѣ вѣнчанія, заходить на обѣды въ дома брачущихся двоеженцевъ и троеженцевъ, такъ какъ „возбранено есть святыми отцы іереемъ съ такими обѣдати у нихъ на брацѣхъ“. Въ тоже время относительно священниковъ архіепископъ произноситъ такое практически важное сужденіе: „суть иже (священники) божественныя книги добре вѣдуще, словомъ же и дѣломъ и житіемъ цѣломудреннымъ, таковыхъ на большіи лучшіи степень повелѣваемъ возводити, благодареніе же и чести подати имъ многи, да и прочіи, окрестъ сущіи, тверже будутъ вѣрою на сохраненіе нашего царства, якоже и карѳагенскаго собора правило 71 повелѣваетъ“.

Но, пишетъ архіепископъ, что бы церковная жизнь шла правильно, необходимо всѣмъ строго соблюдать церковныя постановленія, необходимо, что бы на самыя архіерейскія каѳедры избирались люди достойные, способные истинно пасти стадо Христово. „Сице убо, пишетъ онъ, послѣдующе имы св. апостолъ преданію и богоносныхъ отецъ, твержьщая запрещенія положихомъ святѣй и апостольстѣй церкви, яко да грубымъ и худымъ неудобь имъ будетъ восходити первое святительства, или же чрезъ божественныя повелѣнія возводя таковыя“. И приводя затѣмъ различныя свидѣтельства св. Писанія, подтверждающія его мысль, заявляетъ: „видиши ли, яко преслушанія ради божественныхъ книгъ и вся злая приходятъ на вы. Да аще убо въ ветхѣмъ законѣ толико казни и толико запрещенія, то кольми паче въ благодати

требенъ есть смотрѣніе велико имѣти. Повелѣхомъ бо сего ради на высоту святительства добрѣ могуща и крѣпкія возводити не тѣломъ, но душею и разумомъ, могущихъ на пажить обращати душа словесныхъ овецъ—паству Христову, иже поручени быша отъ Бога паставити подъ сѣнію церкве святыя божественныхъ таинъ, и затворити во оградѣ спасенныхъ заповѣдій, яко немощно будетъ звѣремъ входити и восхищати паству Христову и священное церковное смущающе исполненіе".

Въ заключеніе своего окружнаго посланія архіепископъ Серапіонъ говоритъ, что нынѣ произошло смущеніе въ церкви „отъ вины брачныя", и онъ, согласно соборному установленію, предписываетъ, чтобы четвертому браку „быти отвержену отнюдь". Если же кто вступитъ въ четвертый бракъ, „всякого лишенъ будетъ собора церковнаго, и входа въ церковь святую, дондеже въ сожитіи: се бо отцемъ, прежде насъ бывшимъ, изволися; мы же волю явленѣйшу творящу, яко чужа христіанскаго житія сего отмѣщемъ". Третій бракъ, „человѣчестей повинующеся немощи" архіепископъ признаетъ, но подъ условіемъ возложенія епитиміи на троебрачника. Если же, говоритъ архіепископъ, какой священникъ дерзнетъ троебрачущихся допустить до святаго причащенія ранѣе положеннаго епитимійнаго срока (отъ 3-хъ до 5 лѣтъ), то такой іерей „въ своемъ степени бѣду пріиметъ", а незаконно сподобившійся причащенія „въ непріобщенныхъ стояти до скончанія шестаго лѣта" [1]).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведенной памяти суздальскаго архіепископа Серапіона, епархіальные архіереи, по поводу получаемыхъ ими жалобъ на различные церковные безпорядки, на нравственную распущенность духовенства и пасомыхъ, издавали отъ себя памяти, или окружныя посланія, адресованныя епархіальному духовенству и всѣмъ пасомымъ въ видахъ, путемъ запрещенія и угрозъ, увѣщаній и наставленій, исправить вкравшіеся въ мѣстную церковную и народную жизнь различные безпорядки и пороки.

---

[1]) Рукопись импер. публ. библ. изъ собр. гр. Толстаго, по описанію Калайдовича и Строева, № 258, а по нынѣшнему библ. каталогу: Отд. II, 21, № 33; л. л. 122—162. Московская память тіуну Монойлову 1636 года напечатана въ Акт. Арх. эксп. Т. III, № 264.

Но одними запрещеніями и угрозами, одними увѣщаніями и назиданіями, устранить всѣ недостатки и нестроенія въ религіозно-нравственной жизни общества и самого духовенства было очень трудно. Поэтому, и послѣ изданія памятей духовными властями, осуждаемые въ нихъ недостатки и нестроенія продолжали существовать попрежнему, попрежнему они возбуждали неудовольствія и жалобы людей благочестивыхъ, искренно и сильно смущавшихся ими, и потому жалобы на церковные безпорядки, на распущенность духовенства и народа, непрекращались. Очевидно необходимо было, кромѣ изданія памятей, употребить еще и другія средства, которыя бы болѣе дѣйствительно содѣйствовали нравственно-религіозному подъему какъ духовенства, такъ и пасомыхъ.

На одну изъ такихъ мѣръ, болѣе живо и энергично способную воздѣйствовать на улучшеніе жизни и пастырской дѣятельности духовенства, указываетъ суздальская память. Въ ней архіепископъ повелѣваетъ священниковъ книжныхъ, учительныхъ, ведущихъ трезвую цѣломудренную жизнь, ревностныхъ къ надлежащему исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей, возводить на высшую степень т. е. на протопопскія мѣста съ тѣмъ, чтобы они служили живымъ наглядпымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ пастырей, и чтобы эти другіе священники, смотря на нихъ—на воздаваемую имъ честь, стали вовсемъ подражать имъ, и такимъ образомъ жизнь духовенства сама собою стала бы постепенно улучшаться, а вмѣстѣ съ нею необходимо стала бы улучшаться и вся нравственно-религіозная жизнь пасомыхъ.

Указанную мѣру архіепископа Серапіона—выдвигать лучшихъ, выдающихся священниковъ, на видныя протопопскія мѣста, въ видахъ перевоспитанія духовенства и народа, въ широкихъ размѣрахъ постарался вскорѣ осуществить духовникъ царя Алексѣя Михайловича, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, ставшій въ Москвѣ главою цѣлаго реформаторскаго кружка ревнителей благочестія и получившій особое, исключительное вліяніе на ходъ всѣхъ тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ.

Благовѣщенскій протопопъ Степанъ Вонифатьевичъ, выдвинувшійся на первое мѣсто въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ съ возшествіемъ на престолъ царя Алексѣя Михаиловича, какъ его духовникъ, по одному современному извѣ-

стію, былъ „мужъ благоразуменъ и житіемъ добродѣтеленъ, слово учительно во устахъ имѣяй“. Свою учительность Стефанъ направлялъ прежде всего на самаго юнаго царя. Онъ, говоритъ біографъ Неронова, „всегда входя въ царскія палаты, глаголаша отъ книгъ словеса полезная, увѣщевая съ слезами юнаго царя ко всякому доброму дѣлу, и врачуя его царскую душу отъ всякихъ злыхъ начинаній“. Даже ночью царь приходилъ къ своему духовнику, чтобы принять отъ него благословеніе и побесѣдовать съ нимъ на единѣ. Въ видахъ воспитанія и нравственнаго воздѣйствія на царя, Стефанъ или самъ читалъ предъ царемъ, или давалъ ему самому читать тѣ или другія назидательныя и учительныя книги. Нероновъ, въ письмѣ къ Стафану изъ Вологды, отъ 13 іюля 1654 г., пишетъ: „преподобнаго отца Ѳеодора Исповѣдника, игумена Студійскаго, житія къ тебѣ послахъ, моля, да часто почитаеши его предъ благочестивымъ царемъ, чтобъ ему, государю, вѣстно было. Пачеже и великаго свѣтильника и вселеннѣй учителя воистинну и покаянію проповѣдника, Іоанна Златустаго житіе почитати молихъ тя“. Очевидно, чтеніе Стефаномъ книгъ предъ царемъ, или передача имъ книгъ царю для прочтенія, было явленіемъ обычнымъ. Какъ сильно и замѣтно было вліяніе Стефана на молодаго царя и окружающихъ его лицъ, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: старинный, свято всѣми соблюдавшійся обычай, требовалъ, чтобы свадьбы праздновались возможно пышно, шумно и весело, что бы на нихъ все пѣло, плясало, много пило и всячески веселилось, и никто не рѣшался отступать отъ установившагося взгляда на характеръ свадебнаго пира,—иначе и свадьба была бы не въ свадьбу. Царскія свадьбы доселѣ носили тотъ же характеръ. Но когда Алексѣй Михаиловичъ вступилъ въ бракъ съ Маріею Милославской, „тогда честный оный протопопъ Стефанъ и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти въ оно брачное время смѣху никаковому, ниже кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснемъ студнимъ, ни сопельному, ни трубному козлогласованію“. И хотя это требованіе благочестиваго духовника шло рѣшительно въ разрѣзъ съ вѣковыми обычаями, всѣми свято соблюдаемыми, „моленіе и запрещеніе“ глубоко уважаемаго духовника взяло верхъ: свадьба царя Алексѣя Михаиловича дѣйствительно совершилась „въ ти-

шинѣ и страсѣ Божіи, и въ пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ": вмѣсто прежнихъ „пѣсней студныхъ" на ней пѣли „строчные и демественные большіе стихи, также и тріодей драгія вещи" [1]).

Поучая и назидая царя, заботясь о томъ, чтобы царскій домъ въ своей жизни, во всемъ своемъ домашнемъ обиходѣ, былъ примѣромъ и образцомъ для подданныхъ, Стефанъ Вонифатьевичъ въ тоже время не опускалъ случая дѣйствовать своими поученіями и на окружающихъ царя вельможъ, чтобы и въ нихъ возрастить сѣмена благочестія, и подвигнуть ихъ къ строгому соблюденію правды и справедливости въ ихъ общественно-государственной дѣятельности. Біографъ Неронова увѣряетъ, что Стефанъ „зѣло пекійся о спасеніи души благочестиваго царя, млада суща, да несовратится умъ его въ нѣкая злая", въ то же время „и болярь увѣщеваше съ слезами непрестанно, да имуть судъ правый безъ мзды, и не на лица зряще да судятъ, яко да не внійдетъ отъ нѣкоторыхъ обиденныхъ и до конца раззорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваоѳа".

Поученія и назиданія кроткаго и миролюбиваго царскаго духовника не только никого не раздражали и не возбуждали противъ него, но царь и бояре „въ сладость послушаше его и любяше всею душею, яко истаго си отца". Протопопъ Аввакумъ въ одномъ случаѣ замѣчаетъ, что при царскомъ духовникѣ Стефанѣ „вся быша тихо и немятежно ради его слезъ и рыданія и *негордаго ученія*" [2]).

Стефанъ заботился о наученіи и назиданіи не только царя и бояръ, но и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя могли и любили почитать книги учительнаго и назидательнаго характера. Для этой цѣли въ 1648 году въ Москвѣ издана была, по свидѣтельству дьякона Ѳедора, „тщательствомъ благаго духовника царя" книга о Вѣрѣ, написанная кіевляниномъ Нафанаиломъ, игуменомъ кіевскаго Михаиловскаго монастыря. Вѣроятно не безъ поощренія Стефана Вонифатьевича издавались тогда въ Москвѣ и другія просвѣтительныя и учительныя книги, заимствованныя изъ южно-русскихъ произве-

---

[1]) Мат. для ист. раск. I, 97, 272—273. Забѣлина: Дом. бытъ рус. царицъ, стр. 451.

[2]) Мат. V, 122.

деній, каковы, напримѣръ: славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, съ обширнымъ и очень важнымъ по своему содержанію предисловіемъ, изданная въ 1648 году; въ слѣдующемъ 1649 году „ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіанамъ, наипаче дѣтемъ учащимся“, напечатанъ былъ такъ называемый малый Катихизисъ, представляющій изъ себя простую перепечатку краткаго Катихизиса Петра Могилы и т. д. [1]). Что Стефанъ Вонифатьевичъ сочувствовалъ кіевлянамъ и кіевской учености, это видно и изъ того, что его другъ—извѣстный Ѳедоръ Ивановичъ Ртищевъ, въ бесѣдахъ съ которымъ онъ проводилъ иногда цѣлыя ночи, устроилъ около Москвы Андреевскій монастырь, и заселилъ его нарочно вызванными для этой цѣли южнорусскими монахами. Точно также и вызовъ въ Москву извѣстныхъ ученыхъ кіевлянъ: Арсенія Сатановскаго, Дамаскина Птицкаго и Епифанія Славинецкаго, за которыми послѣдовали и другіе, конечно совершился съ благословенія Стефана Вонифатьевича,—безъ его прямаго одобренія и поощренія молодой царь не рѣшился-бы на такую мѣру.

Стефанъ Вонифатьевичъ былъ не только поклонникомъ кіевской учености, не только заботился о перенесеніи въ Москву кіевскихъ ученыхъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и убѣжденный грекофилъ, считавшій необходимымъ тѣсное во всемъ единеніе русской церкви съ вселенскою греческою, признававшій, что греческіе патріархи, и современные греки вообще, строго православны, что у нихъ церковный чинъ и обрядъ сохранился въ его древнемъ первоначальномъ видѣ, и что если онъ въ чемъ несходенъ съ современнымъ русскимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ, то это потому, что русскія церковныя книги, нѣкоторые церковные чины и обряды именно у насъ, а не у грековъ, подверглись порчѣ и измѣненію. Въ 1648 году, какъ мы говорили, была издана Стефаномъ Вонифатьевичемъ книга о Вѣрѣ, которая уже въ первые два мѣсяца съ небольшимъ разошлась въ количествѣ 850 экземпляровъ, что указываетъ на крайне большой спросъ на эту книгу и на ея быструю распространенность въ тогдашней читающей публикѣ. А между тѣмъ въ ней самымъ рѣшительнымъ образомъ о гре-

[1]) Подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: Патріархъ Никонъ, стр. 14—18.

ческой тогдашней церкви и восточныхъ греческихъ патріархахъ дѣлаются такія заявленія: „святая восточная въ грецѣхъ обрѣтенная церковь правымъ царскимъ путемъ, аще и вельми тѣснымъ, но обаче отъ Іисуса Христа Бога и Спаса нашего и истинныхъ его наслѣдниковъ утлаченнымъ, ни направо, ни налѣво съ пути не совращаяся къ горнему Іерусалиму сыны своя препровождаетъ, въ поданномъ отъ Господа Бога терпѣніи; и ни въ чесомъ установленія Спасителя своего и блаженныхъ его учениковъ, и святыхъ отецъ преданія, и седьми вселенскихъ соборовъ, *Духомъ Святымъ собранныхъ уставъ не нарушаетъ, ни отмѣняетъ, и въ малѣйшей части не отступаетъ, не прибавляя, ни отнимая что*, но яко солнце одинакою лучею правды всегда, *аще и въ неволи пребывая, свѣтится правою вѣрою.* А чтобы лучше православныи христіане въ той мѣрѣ вѣдомость моглъ имѣти, яко стадо Божіихъ овецъ, въ греціи живущихъ, аще тѣлесную чувственную, отъ тѣлеснаго и чувственнаго врага неволю терпитъ, но вѣру истинную, и совѣсть свою чисту и нескверну, Царю надъ всѣми цари и Богу сохраняетъ. Ничесожь бо турци отъ вѣры и отъ церковныхъ чиновъ отъимаютъ, точію дань грошовую отъ грековъ пріемлютъ, а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣинствѣ нимало не належатъ, и не вступаютъ въ то. И якоже люди Божіи, егда въ работѣ египетской были, вѣры не отпадоша, и первіи христіане, въ триста лѣтъ въ тяжкой неволи будучи, вѣры не погубиша; тѣмъ же образомъ и въ нынѣшнее время въ неволѣ турецкой христіане вѣру православную цѣлу соблюдаютъ... *да заградятся всякая уста глаголющихъ неправду*, гордынею и уничиженіемъ, на смиренныхъ грековъ!“ „Помощію Господнею въ восточной церкви четырехъ верховнѣйшихъ пастырей, по подобію четырехъ евангелистовъ, имѣемъ... Слушати восточныя церкве и патріарха константинопольскаго и прочихъ четырехъ, творитъ намъ оную пользу: благословеніе временное и спасеніе вѣчное. *Русійскому народу патріарха вселенскаго, архіепископа константинопольскаго, слушати, и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ наукѣ духовной есть польза, и пріобрѣтеніе веліе, спасительное и вѣчное*“ [1])... Думать, что эти и подобныя мѣста книги о Вѣрѣ

---

[1]) Главы: 2, 20, 25.

относительно тогдашней греческой церкви явились только потому, что онѣ находились въ южно-русскомъ подлинникѣ, простымъ дословнымъ воспроизведеніемъ котораго явилось Московское изданіе, что въ Москвѣ имъ вовсе не придавали того значенія, какое онѣ имѣютъ сами по себѣ, рѣшительно невозможно. Воззрѣнія книги о Вѣрѣ на тогдашнихъ грековъ слишкомъ противорѣчили ходячимъ московскимъ представленіямъ поэтому предмету, и потому никакъ немогли остаться незамѣченными какъ самимъ издателемъ, такъ и многочисленными читателями самой книги. На оборотъ, именно эти воззрѣнія на грековъ и были, конечно, главною причиною, почему Стефанъ Вонифатьевичъ „съ тщательствомъ" занялся изданіемъ книги о Вѣрѣ: онъ сознательно хотѣлъ этою книгою подготовить московское читающее общество къ той мысли, что задуманное имъ и царемъ приведеніе русской церкви къ полному во всемъ единству съ тогдашнею греческою церковію, не должно вызывать какихъ либо недоумѣній, а тѣмъ болѣе протестовъ, какъ явленіе вполнѣ естественное и законное, что предубѣжденіе русскихъ противъ современной греческой церкви—ошибочно, несправедливо и отъ него слѣдуетъ отказаться [1]). Тѣмъ болѣе Стефанъ Вонифатьевичъ могъ расчитывать на подобное именно впечатлѣніе въ московскомъ обществѣ отъ изданной имъ книги, что уже и ранѣе появившаяся въ Москвѣ Кириллова книга, тоже рѣшительно заявляла: „четыре вселенскія патріархи даже и до днесь, каждаго лѣта соборнѣ, такоже и по единому, писаньми своими право и неизмѣнно вѣру данную имъ отъ святыхъ апостолъ, и ихъ учениковъ, и седьми вселенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держали и держатъ, и славятъ пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа" [2]).

Но особенно ярко грекофильство Стефана Вонифатьевича сказалось въ той дѣятельности, какую онъ, и его духовный

[1]) Въ этихъ видахъ Стефанъ Вонифатьевичъ позаботился, чтобы книга о Вѣрѣ получила возможно быстрое и широкое распространеніе среди московскаго общества, чего онъ, какъ мы видѣли, и достигъ: Книга о Вѣрѣ раскупалась въ Москвѣ очень быстро и для того времени въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

[2]) Л. 93.

сынъ—царь Алексѣй Михайловичъ, проявили подъ конецъ патріаршества Іосифа, а такъ же въ избраніи и поставленіи въ патріархи Никона, и въ дѣятельной поддержкѣ его грекофильской реформы, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

За свой высокій нравственный характеръ, за свою кротость и миролюбіе, за свое смиреніе, соединенное съ глубокимъ благочестіемъ, Стефанъ Вонифатьевичъ пользовался величайшимъ уваженіемъ не только царя, Ртищева, Никона, но и всѣхъ вообще близко знавшихъ его лицъ. Нероновъ, въ своихъ письмахъ, называетъ Стефана „мужемъ строящимъ миръ церкви", „подобнымъ Давидови незлобіемъ и кротостію", заявляетъ, что онъ „дивится его смиренію и простонравію блаженному". Игуменъ Ѳеоктистъ, въ письмѣ къ Стефану отъ 15 іюля 1654 года, величаетъ его „великій отче и дивный моему смиренію покрове, пачеже стѣно по Бозѣ и заступниче, вселюбезный нашъ по Бозѣ пастырю и учителю". Протопопъ Аввакумъ, не имѣвшій обычая говорить добраго слова о тѣхъ, кто не согласенъ былъ съ нимъ въ убѣжденіяхъ, не смотря на то, что Стефанъ „всяко ослабѣлъ" т. е. стоялъ на сторонѣ Никона, сохранилъ о немъ однако самое доброе воспоминаніе,—время Стефана всегда представлялось ему самымъ лучшимъ и свѣтлымъ. Въ челобитной государю, по возвращеніи изъ Дауръ, когда Стефана уже не было въ живыхъ, онъ пишетъ: „добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко вся быша тихо и не мятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ на убіеніе. Тебѣ свѣту (т. е. царю) самому житіе его вѣстно". Разсказывая о своемъ заключеніи въ Андроньевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ три дня сидѣлъ безъ пищи и питья, Аввакумъ замѣчаетъ: „тутъ мнѣ пищу принесе ангелъ за молитвъ святаго отца протопопа Стефана". Въ посланіи къ нѣкоему Симеону Аввакумъ замѣчаетъ: „при духовникѣ протопопѣ Стефанѣ Алексѣюшко-то съ Марьюшкою (т. е. царь съ царицей) добры до насъ были и гораздо, яко Аркадій и Евдокія къ Иванну". Въ одномъ случаѣ Аввакумъ обращается къ царю: „воздохни-тко по старому, какъ при Стефанѣ бывало, добренько". Дьяконъ Ѳедоръ называетъ Стефана, въ противоположность Никону, добрымъ[1]).

[1]) Мат. для ист. раск. т. I, стр. 85, 91, 104, 109—110; т. V, стр. 122, 125, 220; т. VI, 197; т. VIII, 44.

Такъ какъ личная учительная и назидательная дѣятельность Стефана сосредоточена была только въ предѣлахъ царскаго двора и круга только придворныхъ лицъ, на которыхъ онъ непосредственно могъ оказывать свое дѣйствіе, а между тѣмъ Стефанъ имѣлъ въ виду болѣе широкія цѣли: воспитывать въ благочестіи весь народъ, то онъ и постарался изъ среды извѣстнаго ему духовенства выдвинуть такихъ лицъ, которые бы всюду въ народѣ были проводниками и исполнителями его предначертаній. Царь вполнѣ раздѣлялъ планы Стефана и потому послѣднему легко было поставить въ разныхъ городахъ на видныя протопопскія мѣста такихъ священниковъ, которые были извѣстны ему строгою благочестивою жизнію, начитанностію и учительностію, ревностію въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, готовностію бороться съ различными общественными пороками и недостатками и т. под. Ревнители, поставленные Стефаномъ на протопопскія мѣста по разнымъ городамъ, должны были, съ одной стороны, служить примѣромъ и образцомъ для всего подчиненнаго имъ духовенства, бороться съ его распущенностію и недостатками, поучать и направлять его къ правильному достойному отправленію своихъ пастырскихъ обязанностей, и тѣмъ поднимать уровень пастырской дѣятельности всего духовенства; съ другой стороны, они, каждый въ своемъ приходѣ и городѣ, должны были учить, наставлять и обличать своихъ пасомыхъ, смѣло и неустанно бороться съ народными пороками, недостатками, съ народными грубыми развлеченіями, съ народными языческими игрищами и суевѣріями, съ недостатками въ народѣ настоящей религіозности и церковности и т. под. Изъ этихъ ревнителей, разсѣянныхъ по разнымъ городамъ, по преимуществу патріаршей области, образовался особый, довольно тѣсно сплоченный, кружекъ, главою, руководителемъ и опорою котораго былъ Стефанъ Вонифатьевичъ, всегда готовый поддержать ревнителей въ ихъ трудномъ и отвѣтственномъ служеніи, оградить ихъ отъ обидъ и насилій, предстательствовать за нихъ предъ царемъ, и доводить до свѣдѣнія государя ихъ ходатайства о тѣхъ или другихъ мѣрахъ, проведеніе которыхъ они считали необходимымъ для успѣха ихъ нравственно-просвѣтительной дѣятельности въ народѣ.

Въ составъ кружка ревнителей благочестія вошли извѣ-

стныя потомъ лица: Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Лазарь, Логгинъ. Изъ нихъ самымъ виднымъ и дѣятельнымъ помощникомъ Стефана былъ Іоаннъ Нероновъ, котораго Стефанъ нарочно изъ Нижняго Новгорода перевелъ въ Москву и сдѣлалъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора, потому что, говоритъ біографъ Неронова: „та церковь посреди торжища стоитъ, и многъ народъ по вся дни непрестанно въ ней бываетъ, да слышаще его ученіе сладкое народъ отвратятъ сердца своя отъ злыхъ обычаевъ и навыкнутъ добрыхъ дѣлъ. Ибо въ оная времена въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и въ иныхъ россійскихъ градахъ, изсякло бѣ ученіе, и уклонилися бяху людіе въ небреженіе и слабость и во многія игралища“. Очевидно Стефанъ имѣлъ въ виду сдѣлать въ Москвѣ изъ Неронова народнаго церковнаго проповѣдника и дать въ его лицѣ образецъ московскому духовенству, какъ ему слѣдуетъ настоящимъ образомъ отправлять церковныя службы и всѣ вообще свои пастырскія обязанности. Нероновъ такъ именно и понялъ задачу и цѣль своего переселенія въ Москву. Онъ сталъ здѣсь — въ Казанскомъ соборѣ, самымъ истовымъ образомъ отправлять положенныя церковныя службы, ввелъ въ нихъ строгое единогласіе, сталъ постоянно читать въ церкви отеческія поученія и толковать ихъ народу, чѣмъ и произвелъ очень сильное впечатлѣніе на москвичей, которые толпами направлялись въ Казанскій соборъ, такъ что въ немъ немогли даже помѣститься всѣ желавшіе слушать Іоанна. И этихъ, невмѣщавшихся въ храмъ, Нероновъ не хотѣлъ оставить безъ наученія и назиданія: онъ „написа окрестъ стѣны святыя церкви поучительныя словеса, да всякъ отъ народа, приходяй къ церкви, аще и кромѣ пѣнія, не простираетъ ума своего на пустошная міра сего, но да прочитаетъ написанная на стѣнахъ, и пользу душѣ пріемлетъ“. Нерѣдко въ Казанскій соборъ пріѣзжалъ и самъ царь со всею семьею, чтобы слушать поученія Іоанна [1]).

Подобныхъ же характеромъ т. е. истовостію въ исполненіи разныхъ церковныхъ службъ, учительностію, энергичною борьбою съ различными общественными пороками и недостат-

---

[1]) Предшествовавшая переселенію въ Москву жизнь и дѣятельность Неронова подробно изложены нами въ нашей книгѣ: *Патріархъ Никонъ*, стр. 107—113.

ками, отличались и другіе члены кружка ревнителей. Достаточно въ этомъ случаѣ припомнить знаменитаго протопопа Аввакума, его подвиги въ борьбѣ съ нечестіемъ, его многія злостраданія за обличеніе людской неправды, людскихъ пороковъ и недостатковъ, его великую способность переносить все, чтобы „грѣшницы не дѣлали на хребтѣ его“. Познакомившись съ Аввакумомъ, Стефанъ Вонифатьевичъ на первый разъ „благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользовать прочитая и люди“, и потомъ, убѣдившись въ горячей ревности Аввакума по благочестіи, въ его готовности энергично бороться съ общественными неправдами, пороками и недостатками, Стефанъ назначаетъ Аввакума протопопомъ Юрьевца Повольскаго. Когда Аввакумъ за свои рѣзкія обличенія былъ сильно побитъ въ Юрьевцѣ и бѣжалъ въ Москву, гдѣ явился къ Стефану, то Стефанъ, разсказываетъ Аввакумъ, „на меня учинился печаленъ: на что—де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ горе! Царь пришелъ къ духовнику благословиться ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина; на что-де городъ покинулъ?“ Понятно недовольство царя и Стефана бѣгствомъ Аввакума изъ Юрьевца: Аввакумъ и поставленъ былъ въ юрьевскіе протопопы именно для борьбы съ царившими тамъ среди духовенства и народа пороками, а онъ, при первой непріятности, ничего не сдѣлавъ, малодушно бросаетъ свой важный, отвѣтственный постъ и бѣжитъ въ Москву.

Книжностію, учительностію, борьбою съ общественными пороками и недостатками отличались и другія лица бѣлаго духовенства, выдвинутыя Стефаномъ, и получившія благодаря ему протопопскія мѣста по разнымъ городамъ. Такъ костромской протопопъ Даніилъ за свои ревностныя обличенія былъ, подобно Аввакуму, изгнанъ изъ Костромы. Объ учительствѣ Логгина сохранилось извѣстіе у Олеарія, который говоритъ, что Логгинъ въ 1653 году сталъ говорить проповѣди и хотѣлъ ввести этотъ порядокъ въ подвѣдомственномъ ему духовенствѣ, въ чемъ уже и имѣлъ большой успѣхъ. Но патріархъ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ, отрѣшилъ отъ мѣста, предалъ анаѳемѣ и сослалъ въ Сибирь. Извѣстна также челобитная жителей Мурома къ архіепископу рязанскому и муромскому Мисаилу съ похвалами Логгину и съ просьбою возвратить его паствѣ. Въ челобитной

говорилось, что Логгинъ мужъ учительный, „по вся дни, нощи и часы“ проповѣдывалъ слово Божіе, вразумлялъ невѣжественныхъ, а „враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. Апостолъ, обличалъ, и отъ стада Христова отгонялъ“, и что именно эти враги, изъ боязни его обличеній, ложно оклеветали его, а между тѣмъ, съ удаленіемъ Логгина изъ Мурома, явилось въ городѣ „въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе“, мятежники возстали на почитателей благочестія, которымъ теперь приходится бѣжать изъ города, почему челобитчики и просятъ воротить въ Муромъ Логгина. О книжности и способности къ учительству романо-борисоглѣбскаго попа Лазаря говоритъ его обширная челобитная противъ новоисправленныхъ книгъ, которая опровергается въ книгѣ: *Жезлъ правленія.*

Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ и другіе протопопы и священники, разсѣяные по разнымъ городамъ московскаго государства, ревновавшіе о подъемѣ нравственно религіозной жизни духовенства и всего народа, составляли изъ себя, въ кружкѣ ревнителей благочестія, особую группу, которую мы, въ отличіе отъ кружка ревнителей столичныхъ (о нихъ рѣчь ниже), назовемъ провинціальною, такъ какъ въ нѣкоторыхъ своихъ воззрѣніяхъ эта группа существенно разнилась отъ воззрѣній группы столичныхъ ревнителей, вслѣдствіе чего между ними, съ теченіемъ времени, и произошелъ разрывъ, вызвавшій расколъ въ русской церкви.

Объ общемъ характерѣ дѣятельности провинціальнаго кружка ревнителей Нероновъ въ своей челобитной царю изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 2 ноября 1653 года, говоритъ такъ: „а при отцѣ твоемъ царевѣ, блаженные памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Русіи, тѣ страдальцы (т. е. Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ и Лазарь) многа лѣта были, и порока въ нихъ, государь, никакова къ вамъ, государемъ, не явилося... А они въ тѣ лѣта безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія бещинные извѣщали, и святѣйшимъ патріархомъ блаженныя памяти, и прочимъ властемъ о утвержденіи святыхъ церквей, что вамъ, государемъ, вѣстно было. И вы, государи, ко утвержденію церкви, вышняго Бога помощію, десницею своею помощь подавали“. И въ посланіи къ царицѣ, отъ 2 мая 1654 года, тотъ же Нероновъ говоритъ: „яко же и древле

начальникъ вѣры и спасъ душъ нашихъ владыка Христосъ зависти ради пострада отъ жидовъ; сице и тіи (т. е. Аввакумъ, Даніилъ и др.) мучени, и томлени, и изгнани, ради проповѣди закона, и ради ученія, и за еже понуждати имъ на благое всѣхъ человѣкъ, ревность имуще, да не единъ отъ христіанъ праваго пути погрѣшитъ, но вси спасеніе да улучатъ и чисти предъ сотворшимъ ны предстанутъ въ день праведнаго суда, иже и воздастъ комуждо по дѣломъ его" [1]).

Такимъ образомъ, по заявленію самихъ провинціальныхъ ревнителей, ихъ особенная задача и призваніе состояли прежде всего въ томъ, чтобы они „на всякія бещиныя извѣщали государемъ", и чтобы патріархамъ и другимъ властямъ подавали челобитныя „о утвержденіи святыхъ церквей" т. е. ходатайствовали предъ духовными властями объ уничтоженіи разныхъ церковныхъ безпорядковъ и нестроеній, которыя такъ рѣзко тогда проявлялись въ нашей церковной жизни и на которыя указывалось въ ихъ челобитныхъ. Затѣмъ задачей ревнителей, по ихъ выраженію, была „проповѣдь закона" и наученіе, съ цѣлію побуждать всѣхъ на благое, чтобы никто изъ христіанъ не уклонялся отъ праваго пути, „но вси спасеніе да улучатъ". Этими задачами, по мнѣнію провинціальныхъ ревнителей, и исчерпывалась вся дѣятельность кружка, въ осуществленіи только этихъ задачъ состояло и должно состоять все его назначеніе [2]). При этомъ кружку провинціальныхъ ревнителей благочестія совершенно была чужда мысль о признаніи неисправности самыхъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, церковныхъ чиновъ и обрядовъ: нечинно, неправильно, небрежно совершаются духовенствомъ церковныя службы, нетакъ, какъ требуетъ уставъ и святые отцы; пороки и нехристіанскіе обычаи царятъ въ народѣ, а пастыри объ этомъ нерадятъ,—вотъ только о чемъ постоянно твердятъ всѣ ихъ челобитныя. О томъ, что нужно исправлять самыя наши церковныя книги, чины и обряды, какъ погрѣшительные, что для этого нужно приглашать въ Москву ученыхъ кіевлянъ и грековъ и имъ поручить въ Москвѣ книжную справку, что слѣдуетъ у нихъ

---

[1]) Мат. I, 36, 80.

[2]) Частнѣе эта дѣятельность кружка ревнителей подробно указана въ нашей книгѣ: Патр. Никонъ, стр. 117—128.

учиться разнымъ наукамъ, такъ какъ и вся вообще московская жизнь нуждается въ обновленіи съ помощію иноземной науки и просвѣщенія,—провинціальные ревнители вовсе и не думали, подобныя мысли были имъ совершенно чужды и даже вовсе непонятны. Они, если и признавали недостатки современной имъ нравственно-религіозной и церковной жизни, признавали долгъ пастырей энергично бороться съ ними, то, въ тоже время, во взглядѣ на русскую церковь вообще и на отношеніе ея къ греческой церкви, стояли на почвѣ тѣхъ исторически сложившимся у насъ воззрѣній, которыя были высказаны нѣкоторыми нашими книжниками еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, по которымъ русской церкви отводилось первое мѣсто въ ряду другихъ православныхъ церквей, которыми Русь признавалась единственною хранительницею и опорою чистаго, ни въ чемъ неповрежденнаго православія, уже нѣсколько замутившагося у самихъ грековъ. Москва—это третій Римъ, заступившій мѣсто новаго Рима—Константинополя; въ дѣлѣ православія русскіе заняли мѣсто прежнихъ грековъ, такъ какъ только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая, ни въ чемъ неизмѣненная вѣра; только на одной Руси, сравнительно со всѣми другими странами, „большее есть православіе и высшее христіанство“, только одна русская держава цвѣтетъ теперь „совершеннымъ благочестіемъ, какъ свѣтъ солнечный“; тогда какъ у самихъ грековъ „вѣра православная испроказися Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ“, вслѣдствіе чего она стала у нихъ ниже и несовершеннѣе во всемъ совершенной вѣры русской. На почвѣ именно этихъ воззрѣній, высказанныхъ еще въ началѣ XVI вѣка, по преимуществу старцемъ Елеазарова монастыря Филоѳеемъ, и стояли провинціальные ревнители. Правда, они допускали, что въ русской церковной жизни есть свои недостатки и погрѣшности; но эти недостатки и погрѣшности заключаются не въ самыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, а только въ неправильномъ, или небрежномъ выполненіи ихъ пастырями церкви, которые дѣйствительно и нуждаются въ наученіи, или исправленіи. Сама же русская церковь, по убѣжденію провинціальныхъ ревнителей, до самыхъ послѣднихъ обрядовыхъ мелочей, всегда оставалась и остается вѣрною во всемъ истинному православію, никогда ни въ чемъ не измѣняла ему, ни въ чемъ,

даже въ самомъ незначительномъ обрядѣ, ничего не утеряла изъ него, такъ какъ на Руси всегда твердо и неизмѣнно держались той мысли, что „не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей частицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у какого слова, не у какой рѣчи ни убавить, ни прибавить ни единаго слова недолжно“, „что православнымъ нужно умирать за едину букву азъ“. Если же русская церковь въ нѣкоторыхъ своихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ и порознилась съ современною греческою церковію, то это потому, что позднѣйшіе греки не остались во всемъ вѣрны православію, но коечто утеряли изъ него, допустивъ у себя разныя новшества, вслѣдствіе чего у современныхъ грековъ самое православіе сдѣлалось „пестро“, а благочестія у нихъ, „и слѣду нѣтъ“. Въ виду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнѣнію провинціальныхъ ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной провѣркѣ русскимъ, и только то, что найдетъ себѣ оправданіе въ русской церковной жизни и практикѣ, можетъ быть отъ грековъ принимаемо и русскою церковію; все же, что у грековъ несогласно съ русскимъ, должно быть безусловно отвергнуто, какъ чуждое православію, какъ превзошедшее въ греческую церковную жизнь въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ иновѣрія и главнымъ образомъ латинства, ибо единственно вѣрный критерій для опредѣленія того, что истинно православно и что нѣтъ, теперь находится не у грековъ, а только у русскихъ. Поэтому: вносить въ русскую церковную жизнь что либо греческое, несогласное съ русскимъ, исправлять русскіе церковные чины и обряды по образцу современныхъ греческихъ, значило, по мнѣнію провинціальныхъ ревнителей, завѣдомо развращать чистое, ничѣмъ и никогда неоскверненное русское православіе, значило вносить въ него латинскія ереси.

Точно также провинціальные ревнители благочестія признавали, что въ русскихъ церковныхъ книгахъ находятся нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, внесенныя въ нихъ небрежными и невѣжественными перепищиками, и что съ этой стороны русскія книги дѣйствительно нуждаются въ исправленіи. Но они рѣшительно не допускали той мысли, что бы русскія церковныя книги были очень испорчены и притомъ

настолько, что заключали въ себѣ чуть не ереси, чтобы ихъ слѣдовало исправлять или вновь переводить по греческимъ печатнымъ книгамъ. Если они и признавали греческія книги, то только древнія рукописныя, а не новыя печатныя, которыя печатались въ иновѣрныхъ земляхъ и въ которыя латиняне и лютеране вносили свои ереси. Въ виду этого русскимъ никакъ не слѣдуетъ принимать греческихъ книгъ, и, во всякомъ случаѣ, для опредѣленія достоинства и пригодности греческихъ книгъ, ихъ необходимо провѣрять имѣющимися у русскихъ славянскими переводами, и все несогласное съ ними въ греческихъ книгахъ, рѣшительно отбрасывать, какъ неправославное, внесенное въ нихъ еретиками. Греческія книги потому именно и порознились съ русскими, что онѣ подверглись у грековъ искаженіямъ со стороны еретиковъ, вслѣдствіе чего исправлять русскія книги по греческимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ съ ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русскія книги, вносить въ нихъ тѣ именно ереси, которыя уже успѣли внести еретики въ книги греческія.

Наконецъ провинціальные ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились къ ученымъ выходцамъ: грекамъ и кіевлянамъ, и никакъ не желали допускать ихъ до какого либо участія въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ, въ одной своей челобитной государю, взываетъ: „и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истинѣ неразвратниковъ, коихъ истинѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиши житіе ихъ“. Нероновъ, съ своей точки зрѣнія, объясняетъ, почему безъ строгаго тщательнаго испытанія, никакъ не слѣдуетъ довѣрять ученымъ иностраннымъ выходцамъ. „Зримъ бо въ нихъ (ученыхъ выходцахъ), государь, пишетъ Нероновъ, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имутъ, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многояденіе и пьянство любятъ; вмѣсто же, еже Христа, истаяти тѣло, магкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лицы истинное изобразити не хотятъ, и сложенію перстъ блядословнѣ противятся, яко врази истиннѣ и ругатели; на колѣнехъ же поклонитися Господеви отъ покоя ради

не хотятъ, и лжу сшиваючи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрывающи, своевольнѣ блядутъ на прелесть безумнымъ человѣкомъ“ [1]).

---

[1]) Мат. I, 67. Нужно замѣтить однако, что Нероновъ представлялъ изъ себя нѣкоторое исключеніе въ средѣ провинціальныхъ ревнителей въ томъ отношеніи, что онъ признавалъ въ церковныхъ дѣлахъ авторитетомъ восточныхъ патріарховъ, хотя и не признавалъ нужды исправленія Никономъ нашихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ. Подробно объ этомъ будемъ говорить ниже.

ГЛАВА II.

Церковно-реформаціонное движеніе во время патріаршества Іосифа и его главные представители.

Столичный кружекъ ревнителей благочестія. Особенности его воззрѣній, задачъ и цѣлей, по сравненію съ провинціальными ревнителями. Важнѣйшіе извѣстные представители этого кружка. Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ членъ кружка ревнителей благочестія. Его семейное воспитаніе въ грекофильскихъ традиціяхъ. Алексѣй Михаиловичъ, какъ убѣжденный грекофилъ и убѣжденный сторонникъ полнаго и тѣснаго единенія русской церкви съ тогдашнею вселенскою греческою. Политическіе мотивы его грекофильства. Рѣшеніе царя и Стефана Вонифатьевича произвести церковную реформу въ смыслѣ полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою. Предварительныя мѣры царя и Стефана Вонифатьевича, какія ими предприняты, еще въ патріаршество Іосифа, для проведенія намѣченной ими церковной реформы: вызовъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ и начатое ими исправленіе церковныхъ книгъ съ греческихъ; заботы объ открытіи въ Москвѣ греческой школы; порученіе греческому назаретскому митрополиту Гавріилу произносить въ Москвѣ устныя на современныя темы проповѣди; согласованіе нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ чиновъ съ тогдашними греческими, по указаніямъ іерусалимскаго патріарха Паисія; посылка на востокъ Арсенія Суханова для изученія на мѣстѣ греческихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ; обращеніе къ константинопольскому патріарху, какъ высшей церковной инстанціи, за рѣшеніемъ вопроса о единогласіи; приказъ царя на многолѣтіяхъ, вмѣстѣ съ московскимъ патріархомъ, поминать и вселенскихъ греческихъ патріарховъ. Никонъ какъ членъ кружка ревнителей благочестія. Мѣры со стороны царя и Стефана Вонифатьевича привить Никону, какъ кандидату въ патріархи на мѣсто Іосифа, грекофильское направленіе и превращеніе Никона, благодаря этимъ мѣрамъ, изъ грекофоба въ грекофила, способнаго осуществить церковную реформу, ранѣе намѣченную царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Ѳедоръ Михаиловичъ Ртищевъ, какъ дѣятельный и вліятельный членъ кружка ревнителей. Его особенная расположенность къ кіевскимъ ученымъ инокамъ,

къ Кіевской школѣ и литературѣ; его расположенность къ грекамъ и къ русскимъ представителямъ разныхъ направленій. Его домъ, какъ сборный нейтральный пунктъ, для представителей всѣхъ направленій, гдѣ они свободно вступали между собою въ состязанія, о чемъ зналъ и государь. Анна Михайловна Ртищева, какъ дѣятельная сторонница церковной реформы, и бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, сочувствовавшій грекофиламъ.

Въ то время, какъ въ лицѣ провинціальныхъ ревнителей на сцену выступала старая Русь, выросшая и воспитавшаяся на Псалтыри, на житіяхъ святыхъ, на старыхъ московскихъ сборникахъ и ихъ содержимомъ, прочно державшаяся всѣхъ дѣдовскихъ вѣрованій, обычаевъ и традицій, крѣпко вѣровавшая въ ихъ незыблемость и спасительность, крайне неподатливая на всякую новину, желавшая исправлять только распущенные народные нравы, дурные обычаи, и церковныя нестроенія, вызывавшіяся безпорядочною жизнію и дѣятельностію духовенства, и притомъ желавшая исправлять все это, такъ сказать, чисто домашними средствами, не сходя съ русской исторической почвы, неизмѣняя своей родной, завѣтной старинѣ;—другая группа кружка—ревнители столичные, верхи, смотрѣли на дѣло реформы иначе. Къ тѣмъ задачамъ и цѣлямъ, какія преслѣдовали провинціальные ревнители, они присоединяли еще и другія, для достиженія которыхъ уже требовалось совсѣмъ иное пониманіе дѣла, иныя средства и иные люди, ничего общаго съ провинціальными ревнителями неимѣющіе.

Отличительною чертою столичныхъ московскихъ ревнителей благочестія, сравнительно съ провинціальными, было то, что они, вопреки послѣднимъ, признавали несостоятельность старой русской жизни въ нѣкоторыхъ ея основахъ, именно: русскія церковныя книги они признавали сильно испорченными, и потому нуждающимися въ исправленіи по греческимъ подлинникамъ; а равно такъ же они признавали испорченными, нуждающимися въ исправленіи по образцу греческихъ, тѣ русскіе церковные обряды и чины, которыми русскіе порознились съ тогдашними греческими. Они признавали, что старое русское обученіе и образованіе, основанное на крайне одностороннемъ и случайномъ начетчествѣ, совершенно несостоятельно, и должно быть замѣнено устройствомъ въ Москвѣ правильной школы, съ помощію ученыхъ

грековъ и кіевлянъ, которыхъ поэтому слѣдуетъ приглашать въ Москву и для обученія въ школѣ и для производства книжныхъ переводовъ и исправленій. Помимо устройства школы, недостатку образованности и знаній въ московскомъ обществѣ, они старались помочь усиленнымъ изданіемъ какъ имѣвшихся въ Москвѣ разныхъ учительныхъ и назидательныхъ книгъ, такъ особенно печатаніемъ въ Москвѣ разныхъ южно-русскихъ сочиненій. Но что особенно важно: столичные и провинціальные ревнители благочестія самымъ рѣшительнымъ образомъ расходились между собою во взглядѣ на относительное достоинство русскаго и греческаго благочестія, на отношенія къ современнымъ грекамъ.

Если послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя многіе русскіе книжники, руководимые національнымъ самомнѣніемъ и самовозвеличеніемъ, стали настойчиво заявлять ту мысль, что истинное благочестіе у грековъ стало пестро, наклонилось къ латинству, испроказилось махметовою прелестію, что высшее и совершеннѣйшее православіе теперь находится только у русскихъ, а вовсе не у грековъ, почему вѣрѣ и благочестію теперь слѣдуетъ учиться не русскимъ у грековъ, а наоборотъ—грекамъ у русскихъ; то у насъ несомнѣнно въ тоже самое время существовали и другіе взгляды, признававшіе грековъ по прежнему строго во всемъ православными, настаивавшими на необходимости всегдашняго тѣснаго единенія русской церкви съ вселенскою греческою. Она—греческая церковь, по этимъ воззрѣніямъ, никогда не утрачивала своего исконнаго православія, никогда ни въ чемъ не измѣняла своихъ древнихъ отеческихъ церковныхъ уставовъ и чиновъ, и никогда не теряла своего древняго права на руководительное значеніе въ церковныхъ дѣлахъ всего православнаго міра, а слѣдовательно, когда нужно, и въ дѣлахъ русской церкви. Если у насъ, подъ вліяніемъ флорентійской уніи и паденія Константинополя, подъ вліяніемъ факта политической самостоятельности и все болѣе расширявшагося и крѣпнувшаго Московскаго царства, русская митрополія сдѣлана самостоятельною и независимою отъ константинопольскаго патріарха; то въ это же время у насъ существовала и другая довольно сильная и вліятельная партія, которая рѣшительное стояла за старину въ церковныхъ дѣлахъ т. е. за прежнее подчиненіе московской

митрополіи константинопольскому патріарху, и новый порядокъ считала уклоненіемъ отъ законной истинно православной нормы церковной жизни. Пафнутій Боровскій, а такъ же и другія лица, нехотѣли признавать за митрополита святителя Іону, какъ поставленнаго безъ благословенія константинопольскаго патріарха. Если потомъ національная русская партія, съ Іосифомъ Волоцкимъ во главѣ, признала митрополита Іону святымъ, заявляла, что „русская земля нынѣ благочестіемъ всѣхъ одолѣ“ (слова „Просвѣтителя“), то представители противной Іосифу партіи: Нилъ Сорскій, Вассіанъ Косой, Курбскій, Максимъ грекъ и др. не хотѣли признавать за святыхъ тѣхъ вообще русскихъ, которые явились у насъ въ качествѣ святыхъ послѣ того, какъ русская митрополія освободилась отъ зависимости константинопольскаго патріарха. Партія Іосифлянъ взяла рѣшительный верхъ и сурово расправилась съ своими грекофильствующими противниками, но окончательно уничтожить основныя идеи этой партіи не могла, — онѣ сохранились въ русскомъ обществѣ и потомъ, только въ измѣненномъ видѣ: фактъ независимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха былъ признанъ, какъ законный, но въ тоже время признавалась и необходимость всегдашняго единенія русской церкви съ вселенскою греческою, какъ вполнѣ православною. Само наше правительство, побуждаемое между прочимъ и практическими потребностями, всегда держалось этихъ воззрѣній на греческую церковь: оно поддерживало непрерывныя связи съ православнымъ востокомъ, щедрою милостынею патріаршимъ и архіерейскимъ каѳедрамъ и разнымъ монастырямъ оно усиленно стремилось поддержать тамъ православіе, радушно принимало у себя всѣхъ просителей милостыни съ востока, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже оставляло у себя на вѣчное житье. Съ другой стороны наше правительство, въ извѣстныхъ случаяхъ, само нуждалось въ православномъ востокѣ: такъ оно хлопотало, чтобы восточные патріархи признали царское вѣнчаніе Грознаго; по настояніямъ нашего правительства константинопольскій патріархъ ставитъ у насъ перваго московскаго патріарха, и наше правительство заботится, чтобы это ставленіе было формально и торжественно признано всею вселенскою греческою церковію. Послѣ Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ ставитъ у насъ въ патріархи Фила-

рета Никитича, благодаря чему наши связи съ греческою восточною церковію становятся еще тѣснѣе, пока наконецъ, въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, не превращаются въ рѣшительное грекофильство, такъ рѣзко проявившееся потомъ въ церковной реформѣ Никона [1]).

Главными представителями этого грекофильскаго направленія въ столичномъ кружкѣ ревнителей благочестія были, какъ мы уже видѣли: глава всего кружка Стефанъ Вонифатьевичъ, его духовный сынъ—самъ царь Алексѣй Михаиловичъ, Никонъ, впослѣдствіи патріахъ, бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Ртищевъ, его сестра Анна, бояринъ Морозовъ и, вѣроятно, другія лица.

Къ кружку ревнителей благочестія принадлежалъ, (какъ мы сказали), самъ молодой государь, тишайшій и благочестивѣйшій Алексѣй Михаиловичъ. Онъ сильно подчинился нравственно-религіозному вліянію своего уважаемаго духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича. Благодаря, между прочимъ, Стефану, изъ Алексѣя Михаиловича вышелъ особый любитель церковныхъ службъ и знатокъ церковнаго устава, любитель почитать разныя благочестивыя и назидательныя книжки, человѣкъ лично очень благочестивый, великій церковникъ и ревнитель о водвореніи и распространеніи церковности и благочестія въ народѣ. Онъ до конца своей жизни близко къ сердцу принималъ всѣ церковные интересы, близко всегда стоялъ ко всей тогдашней церковной жизни, сердечно и горячо относился ко всѣмъ ея запросамъ и движеніямъ. Онъ вполнѣ раздѣлялъ общія убѣжденія и стремленія кружка ревнителей благочестія, относился къ ихъ дѣятельности съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ, готовъ былъ оказать имъ содѣйствіе и поддержку въ ихъ стремленіи улучшить и поднять на большую высоту церковную жизнь, смягчить и облагородить грубые народные нравы и обычаи, въ которыхъ еще такъ много было языческаго. Благодаря Стефану Вонифатьевичу Алексѣй Михаиловичъ познакомился съ нѣкоторыми провинціальными членами кружка ревнителей, вошелъ съ ними въ личныя сношенія. Такъ онъ и царица хорошо знали Неронова и нѣ-

---

1) Фактическій матеріалъ по этому вопросу достаточно изложенъ въ нашей книгѣ: Патр. Никонъ, стр. 23—39.

рѣдко царь со всею семьею пріѣзжалъ въ Казанскій соборъ чтобы слушать тамъ церковную службу, отправляемую Нероновымъ единогласно и особенно истово, слушать поученія, которыя Іоаннъ обязательно читалъ и толковалъ народу. Нероновъ являлся и въ царскій дворецъ, гдѣ учительный протопопъ всегда встрѣчалъ въ царской семьѣ радушный и благосклонный пріемъ. Благодаря Стефану царь лично познакомился и съ протопопомъ Аввакумомъ, который не разъ представлялся царю и царицѣ, былъ имъ хорошо извѣстенъ и они даже знали его дѣтей. Наконецъ царь познакомился и потомъ близко сошелся съ самымъ виднымъ членомъ кружка ревнителей—новоспасскимъ архимандритомъ Никономъ, котораго онъ особенно полюбилъ и, вмѣстѣ съ своимъ духовникомъ, предназначилъ въ преемники патріарху Іосифу. Такъ, благодаря протопопу Стефану Вонифатьевичу, между царемъ и болѣе видными представителями кружка ревнителей благочестія образовались личныя отношенія. Царю нравились эти строгіе, горячіе и неустанные ревнители, онъ чувствовалъ къ нимъ и ихъ дѣятельности большую симпатію и даже полюбилъ ихъ. Это давало ревнителямъ всегдашнюю возможность, особенно при посредствѣ Стефана, обращаться къ царю съ разными ходатайствами общественнаго характера, а царь охотно принималъ ихъ представленія и нѣкоторыя изъ нихъ заботился немедленно привести въ жизнь. Царь навсегда сохранилъ къ ревнителямъ, несмотря на совершенно измѣнившіяся потомъ обстоятельства, свое расположеніе, всегда старался примирить ихъ съ новымъ наступившимъ потомъ порядкомъ церковныхъ дѣлъ, старался щадить ихъ и, при случаѣ, даже защитить отъ слишкомъ суровой и быстрой расправы съ ними Никона патріарха. Конечно съ согласія и одобренія царя Стефанъ Вонифатьевичъ всячески усиливался примирить Неронова съ патріархомъ Никономъ, и царь былъ очень доволенъ, когда Нероновъ пошелъ впослѣдствіи на уступки и его примиреніе съ Никономъ состоялось. Царь потомъ употреблялъ много усилій склонить протопопа Аввакума примириться съ церковною реформою Никона, подчиниться голосу всей церкви, хотя эти усилія его и не имѣли успѣха.

Царь Алексѣй Михаиловичъ воспитался въ грекофильскихъ традиціяхъ своей семьи. Его дѣдъ былъ ставленникомъ іеру-

салимскаго патріарха Ѳеофана, которому поэтому Филаретъ Никитичъ всегда оказывалъ особую любовь, расположеніе и готовность исполнять всѣ его просьбы о помощи святому Гробу, или о помощи тѣмъ лицамъ, которыхъ Ѳеофанъ рекомендовалъ вниманію Московскаго патріарха. Крайняя нелюбовь Филарета Никитича къ латинству и южно-русской уніи, побуждала его еще тѣснѣе примкнуть къ православному востоку, поддерживать съ нимъ непрерывныя тѣсныя связи и единеніе, вслѣдствіе чего онъ находился въ самыхъ живыхъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ со всѣми восточными патріархами, имѣлъ съ ними постоянную переписку. Всѣ приходившіе въ Москву греки встрѣчали у него ласковый и радушный пріемъ, нѣсколько греческихъ іерарховъ постоянно жили въ Москвѣ, пользовались особымъ расположеніемъ и покровительствомъ Филарета Никитича, и занимали при немъ вліятельное положеніе во всѣхъ дѣлахъ по сношеніямъ съ православнымъ востокомъ. Филаретъ Никитичъ сдѣлалъ нѣсколько церковныхъ исправленій, въ видахъ согласованія русскихъ церковныхъ чиновъ съ греческими; онъ попытался было устроить на своемъ патріаршемъ дворѣ греческую школу, заставлялъ дѣлать переводы съ греческихъ книгъ на русскій. Словомъ Филаретъ Никитичъ много содѣйствовалъ развитію и укрѣпленію у насъ идеи о необходимости тѣснаго постояннаго единенія между русскою церковію и тогдашнею греческою [1]).

---

[1]) Въ житіи преп. Діонисія, архимандрита Троице-Сергіева монастыря, говорится, что іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ отправился въ Россію „наполняя всѣхъ мира и любве, о правой вѣрѣ и о дѣлахъ по евангелію Божію созидая, утверждая обои предѣлы т. е. великую Россію и малую. Къ сему же соединяя укрѣплялъ единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія, и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“. Мы не можемъ точно указать, по какому именно частному случаю Ѳеофанъ счелъ необходимымъ убѣждать русскихъ „единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія, и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“, и что именно въ тогдашней русской церковной практикѣ онъ находилъ несогласнымъ съ старыми законами греческаго православія и другими уставами четырехъ патріаршествъ. Намъ извѣстны только два дѣйствія Ѳеофана въ этомъ направленіи. Когда онъ, направляясь въ Москву, проѣзжалъ южною Русью, то нашелъ въ тамошней церкви такой обычай: „въ причащеніи святыхъ и животворящихъ таинъ трикратное подаяніе съ отдѣленіемъ именъ Божіихъ: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ чи-

Вполнѣ естественно было, что по тому же пути, по которому шелъ въ своихъ сношеніяхъ съ православнымъ восто-

---

сленіемъ". Θеофанъ осудилъ этотъ обычай, какъ чуждый православной церкви и неблагочестивый (Арх. Юг.-зап. Россіи, т. V, стр. 7). Но тотъ же самый обычай Θеофанъ нашелъ и въ Москвѣ, почему онъ и обратился къ Филарету Никитичу и государю, чтобы они уничтожили этотъ обычай, замѣнивъ его единократнымъ подаяніемъ святыхъ даровъ, какъ это дѣлается согласно у четырехъ патріарховъ. Настоянія Θеофана имѣли успѣхъ: „тамошній московскій архіепископъ, говоритъ онъ въ окружной грамотѣ къ южно-руссамъ, за благочестивымъ царемъ тотъ трикратный обычай покинуть обѣщались" (Рукоп. сборн. библ. Моск. Румян. Музея № 712, л.л. 204 об,—206). Другой случай—это извѣстное уничтоженіе изъ Потребника прилога слова *и огнемъ* въ молитвѣ на освященіе воды въ Богоявленіе, возбудившее у насъ горячіе споры, которые были прекращены вмѣшательствомъ Θеофана, признавшаго слово *и огнемъ* незаконнымъ прилогомъ, котораго нѣтъ въ старыхъ греческихъ Потребникахъ. Вѣроятно патріархъ Θеофанъ обращалъ вниманіе Филарета Никитича и на другія какія либо церковныя особенности Московской Руси и настаивалъ на согласованіи ихъ съ греческимъ тогдашнимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ, чтобы „древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися". По крайней мѣрѣ Филаретъ Никитичъ, въ одной изъ своихъ грамотъ Θеофану (въ 1625 году), писалъ: „да ваше святительство писалъ къ намъ и прислалъ переводы съ греческихъ древнихъ Потребниковъ о освященіи богоявленскіе воды и о прилогѣ огня *и о иныхъ духовныхъ дѣлехъ*, о которыхъ мы, по совѣту сына нашего государя и великаго князя Михаила Θеодоровича, всеа Русіи самодержца, *совѣтовали съ тобою*, какъ еси былъ у насъ на Москвѣ, и мы то приняли вашего святительства любительно и о прилогѣ исправили и утвердили *по вашему совѣту* во вѣки неподвижно" (Большой москов. архивъ мин. иностран. дѣлъ, Греческія дѣла, 7133 г. № 5). Очевидно, что уже Филаретъ Никитичъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ и убѣжденій Θеофана, производилъ частичное согласованіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими. Очень характерно сказалось отношеніе патріарха Θеофана къ тогдашнимъ русскимъ церковнымъ событіямъ въ дѣлѣ преп. Діонисія архимандрита, такъ жестоко было пострадавшаго за свои книжныя исправленія. Преп. Діонисій былъ горячимъ убѣжденнымъ почитателемъ преп. Максима Грека, вполнѣ понималъ и одобрялъ произведенныя послѣднимъ у насъ книжныя исправленія и переводы съ греческаго, самъ ими пользовался, заботился объ ихъ распространеніи, и, при исправленіи имъ Потребника, произведеннаго по порученію царя, самъ справлялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ греческими книгами, и такимъ образомъ онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ тогда у насъ грекофиламъ, почему, какъ справщикъ, и обвиненъ былъ въ порчѣ русскихъ церковныхъ книгъ, и подвергся несправедливымъ жестокимъ преслѣдованіямъ. Патріархъ Θеофанъ, познакомившись въ Москвѣ съ этимъ дѣломъ, энергично вступился за преп. Діонисія, постарался добиться оправданія не только его лично, но и признанія

комъ Филаретъ Никитичъ, пошелъ и его внукъ—царь Алексѣй Михаиловичъ, только онъ еще шире, чѣмъ его дѣдъ,

---

правоты совершенныхъ книжныхъ исправленій, чего вполнѣ и достигъ, благодаря воздѣйствію на своего ставленника Филарета Никитича. Но этого мало. Прибывъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, Ѳеофанъ особеннымъ образомъ выразилъ свое чрезвычайное уваженіе и расположеніе къ преп. Діонисію, именно: онъ торжественно, съ особою церемоніею, возложилъ, при мощахъ преп. Сергія, свой патріаршій клобукъ на главу преп. Діонисія. Конечно патріархъ Ѳеофанъ все это дѣлалъ недаромъ. Онъ видѣлъ въ преп. Діонисіи сторонника и почитателя грековъ, энергичнаго представителя въ русскомъ обществѣ того направленія, которое заявляло, что не греческое провѣряется русскимъ, а наоборотъ—русское греческимъ. Поддержать и укрѣпить это слабое еще тогда направленіе среди большинства русскихъ Ѳеофанъ, какъ грекъ, считалъ своею прямою непремѣнною обязанностію. Недаромъ конечно и современный событіямъ составитель житія преп. Діонисія замѣчаетъ о патріархѣ Ѳеофанѣ: „дивный патріархъ Ѳеофанъ учинилъ многи сыны православныя греческія книги писать и глаголать, и философство греческихъ книгъ до конца научилъ вѣдать“. Конечно это замѣчаніе біографа преп. Діонисія о характерѣ дѣятельности патріарха Ѳеофана на Руси болѣе относится къ южной Руси, но могло имѣть отношеніе и къ Руси московской, гдѣ Ѳеофанъ, очевидно, всячески заботился поднять и укрѣпить греческій авторитетъ вообще. И это ему въ значительной степени удалось. Филаретъ Никитичъ, будучи самъ ставленникомъ Ѳеофана, окружилъ себя въ Москвѣ разными выѣзжими греческими іерархами, всегда покровительствовалъ имъ и поддерживалъ ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался къ ихъ совѣтамъ и указаніямъ, какъ людямъ образованнымъ и свѣдущимъ. Такъ ахридскій архіепископъ Нектарій, выѣхавшій въ Москву еще въ 1613 году, и сдѣлавшійся у насъ епархіальнымъ вологодскимъ архіереемъ, былъ лишенъ каѳедры мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола митрополитомъ Іоною. Сдѣлавшись патріархомъ, Филаретъ Никитичъ пересмотрѣлъ дѣло о Нектаріи, нашелъ дѣйствія Іоны неправильными, и возстановилъ грека Нектарія на его прежней вологодской каѳедрѣ въ качествѣ русскаго епархіальнаго архіерея. Въ 1628 году пріѣхалъ въ Москву и остался въ ней на житье при патріархѣ иверійскій митрополитъ Аверкій, пользовавшійся въ началѣ особымъ расположеніемъ и довѣріемъ Филарета Никитича; въ 1629 году пріѣхалъ въ Москву и остался въ ней жить селунскій митрополитъ Паисій, въ 1630 году севастійскій Іосифъ и въ томъ же году еще пріѣхали и жили въ Москвѣ митрополиты: зихновскій Неофитъ и имбрійскій Аѳанасій. Въ Москвѣ же жилъ, и назывался архангельскимъ, ранѣе прибывшій въ Москву съ константинопольскимъ патріархомъ Іеремією, элассонскій архіепископъ Арсеній. Оставались въ Москвѣ и жили здѣсь и другіе выходцы греки: архимандриты, іеромонахи и старцы. Такъ, напримѣръ, іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ здѣсь, на вѣчное житье, своего старца Іоанникія, чтобы имѣть въ немъ преданнаго агента при московскомъ дворѣ, который бы служилъ

понялъ самую идею о необходимости полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, и энергичное всестороннее проведеніе ея въ жизнь сталъ считать одною изъ главныхъ и насущнѣйшихъ задачъ своего царствованія. На

въ Москвѣ представителемъ, истолкователемъ и вліятельнымъ поборникомъ интересовъ іерусалимскаго патріарха. Іоанникій сдѣлался въ Москвѣ келаремъ Новоспасскаго монастыря и пользовался особымъ расположеніемъ Филарета Никитича. Между прочимъ сохранилась „сказка Новоспасскаго монастыря келаря Іоанникія" о монастыряхъ, имѣющихся въ Царьградѣ, Іерусалимѣ и во всей греческой землѣ, писанная имъ по просьбѣ Филарета Никитича. Когда персидскій шахъ прислалъ въ даръ царю Михаилу Ѳеодоровичу ризу Господню, въ Москвѣ остереглись сразу повѣрить въ подлинность этой ризы и, между прочимъ, обратились за справками къ келарю Іоанникію, не знаетъ-ли онъ чего про „Христову срачицу" и про иныя святыни: гдѣ онѣ и въ какомъ государствѣ, не слыхалъ-ли онъ чего объ этомъ въ Греціи, когда былъ тамъ? (Наша книга: Характеръ отношеній Россіи къ прав. востоку, стр. 171). Вообще при патріаршемъ дворѣ Филарета Никитича постоянно толпилось много греческихъ архіереевъ, которые, пользуясь своими архіерейскими правами, участвовали во всѣхъ церковныхъ службахъ на ряду съ русскими іерархами и даже присутствовали на пріемахъ иностранцевъ патріархомъ. Тяготѣніе къ грекамъ Филарета Никитича было такъ велико, что онъ, нуждаясь въ образованныхъ и свѣдущихъ людяхъ, хорошо знающихъ греческій языкъ, рѣшилъ просить въ 1632 году тогдашняго константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса пріискать на востокѣ и прислать въ Москву подходящаго православнаго учителя, который бы основалъ въ Москвѣ греческую школу и былъ бы способенъ переводить книги съ греческаго языка на русскій. И когда въ томъ же 1632 году въ Москву пріѣхалъ протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, ранѣе нѣсколько лѣтъ жившій въ южной Россіи и изучившій здѣсь русскій языкъ, онъ, по просьбѣ Филарета Никитича и государя, остался въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы „служити... духовными дѣлы: переводити ему греческія книги на славянскій языкъ и учити на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ; да ему жъ переводити съ греческаго языка на славянскій на латинскія ереси". Училъ-ли дѣйствительно протосингелъ Іосифъ въ Москвѣ малыхъ ребятъ по гречески, мы не знаемъ, но книги съ греческаго языка на славянскій онъ переводилъ. Къ сожалѣнію уже въ слѣдующемъ, 1633 году, умеръ Филаретъ Никитичъ и въ томъ же, или въ слѣдующемъ, году умеръ и протосингелъ Іосифъ и дѣло объ устройствѣ въ Москвѣ греческой школы остановилось (Характеръ отношеній... стр. 482—483).

Такимъ образомъ Филаретъ Никитичъ, въ своей церковной политикѣ, держался яснаго, опредѣленнаго грекофильскаго направленія, желалъ и дѣломъ стремился осуществлять идею постояннаго тѣснаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, такъ что при немъ грекофильское направленіе при московскомъ дворѣ значительно окрѣпло и усилилось.

этомъ пути онъ встрѣтилъ себѣ полную поддержку и одобреніе со стороны своего уважаемаго духовника протопопа Стефана Вонифатьевича, благодаря чему изъ царя Алексѣя Михаиловича и выработался вполнѣ сознательный, убѣжденный и очень энергичный церковный дѣятель грекофилъ, какимъ онъ и остался до конца своей жизни. Извѣстный Павелъ Алепскій въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ замѣчаетъ: „нынѣшній благополучный царь и новый патріархъ Никонъ очень любятъ греческіе обряды и имѣютъ большую склонность къ разсужденіямъ и къ ученію христіанскому, *въ особенности царь*". Тотъ же Павелъ Алепскій передаетъ, что за однимъ обѣдомъ царь, разговаривая чрезъ переводчика съ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, „просилъ (Макарія) молиться за него Богу, какъ Василій Великій молился за Ефрема Сирина, и тотъ сталъ понимать по гречески: *чтобы и царю также уразумѣть этотъ языкъ*" [1]). Какъ именно Алексѣй Михаиловичъ самъ себѣ представлялъ свои грекофильскія церковныя стремленія и въ какую реальную форму должны были, по его мнѣнію, отливаться эти стремленія, это онъ съ особенною ясностію выразилъ впослѣдствіи, въ своихъ грамотахъ къ восточнымъ патріархамъ, въ которыхъ онъ приглашалъ ихъ въ Москву для суда надъ Никономъ и для приведенія въ порядокъ русскихъ церковныхъ дѣлъ. Такъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Паисію онъ пишетъ: „мы нынѣ отъ зѣлнаго раченія нашего — потщавшеся обновити и подутвердити соузъ церковнаго общаго нашего мира—тоя единыя православныя вѣры, да будетъ между вами же и нами яко же прежде сице и нынѣ и потомъ непремѣнно до кончины вѣка,—пишемъ и молимъ тя извѣститеся опасно хотяще.... быти намъ съ вами желаемъ едино, якоже глаголетъ самая истина Христосъ, моля Отца своего о хотящихъ вѣровати: да будутъ едино, якоже и мы едино есмы". И въ заключеніе пишетъ: „Господь же мира и утѣшенія, иже разстоящая совокупляяй во едино и тойжде соединеніе вѣры да дастъ благодать пребывати единомыслію церквей своихъ, сущихъ во предѣлѣхъ нашихъ и вашихъ, даже до скончанія вѣка нерушиму съ вами во исправленіе

---

[1]) Путешествіе ант. п. Макарія въ Россію описанное Павломъ Алепскимъ, перев. Муркоса, выпускъ второй. стр. 153; выпускъ четвертый, стр. 111.

и преспѣяніе и ращеніе въ лучшая намъ". Въ грамотѣ къ александрійскому патріарху Паисію царь заявляетъ: „во всѣхъ благочестія догматѣхъ согласоватися съ вами хотяще... Отецъ присносущный и Богъ... да преподастъ святый свой миръ, соединеніе и единомысліе святымъ своимъ церквамъ". Въ грамотѣ бывшему константинопольскому патріарху Паисію царь пишетъ, что приглашаетъ Паисія въ Москву, чтобы „церквей нашихъ единомыслію не отторгнутися Христа и васъ". Въ грамотѣ къ антіохійскому патріарху Макарію царь заявляетъ, что обязанность царя не о царскомъ только пещися, но самое главное: „еже есть общій миръ церквамъ и здраву вѣру крѣпко соблюдати и хранити намъ; егда бо сія въ насъ въ цѣлости и снабдятся, тогда намъ вся благая строенія отъ Бога бываютъ: миръ и умноженіе плодовъ и враговъ одолѣніе, и прочии вещи вся добрѣ устроятися имутъ". Проситъ Макарія пріѣхать въ Москву „да общій миръ церквей отъ сего извѣстится, иже толико есть потребенъ, въ православіи сущимъ, елика и дыхати намъ воздуха, присно бо желаемъ соблюдати единеніе вѣры нашея и быти всегда соединени съ вами во единомъ дусѣ и въ соузѣ мира, яко же и звани быхомъ во единомъ упованіи званія нашего" [1]). Очевидно царь Алексѣй Михаиловичъ попеченіе о вѣрѣ и церкви считалъ одною изъ первыхъ и самымъ отвѣтственныхъ своихъ царскихъ обязанностей: Богъ взыщетъ именно съ него, какъ главнаго отвѣтственнаго лица, за нерадѣніе въ дѣлахъ церковныхъ, да и само царство его пострадаетъ, если онъ допуститъ какое либо нестроеніе церковное. Самое же попеченіе о церкви должно было выражаться, по его представленію, попреимуществу въ поддержаніи полнаго единства между всѣми православными церквами и, въ частности, между русскою церковію и вселенскою греческою, въ устраненіи изъ русской церковной практики всего, что препятствовало и въ будущемъ можетъ препятствовать полному единенію русской церкви съ греческою. Вся послѣдующая церковная реформа Никона была поэтому, въ глазахъ Алексѣя Михаиловича, только простымъ, необходимымъ и прямо обязательнымъ для него—царя актомъ, устрояющимъ полное единеніе русской церкви съ греческою и другими

---

[1]) Гиббенетъ: Дѣло п. Никона, т. II, стр. 562—578.

православными церквами, къ чему онъ, какъ православный царь, всегда дѣятельно обязанъ былъ стремиться. А эта обязанность, въ свою очередь, покоилась на томъ его представленіи объ отношеніи русскаго царя къ вселенскому православію, по которому русскій царь есть единственный теперь въ цѣломъ мірѣ представитель, опора и охранитель всего вселенскаго православія, наслѣдникъ и продолжатель дѣла великихъ и благочестивыхъ древнихъ греческихъ царей. Эти идеи объ исключительномъ призваніи русскаго царя въ православномъ мірѣ, которыя на всѣ лады проводили въ своихъ грамотахъ всѣ восточные іерархи, были вполнѣ усвоены царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, и онъ непрочь былъ въ своемъ лицѣ воскресить образъ древнихъ греческихъ императоровъ. Въ грамотѣ къ аѳонитамъ, отъ 11 января 1666 года, царь проситъ ихъ прислать въ Москву „изъ святогорскихъ монастырей грековъ, добрыхъ и ученыхъ людей, которые-бъ знали эллинское и словенское ученіе, трехъ человѣкъ иноковъ... Да въ святогорскихъ же монастырехъ сыскати бъ Судебникъ да Чиновникъ всему царскому чину прежнихъ благочестивыхъ греческихъ царей печатной; а сыскавъ тѣхъ ученыхъ людей и книги, прислать къ намъ, великому государю, незамотчавъ“ [1]). Изъ этого видно, что Алексѣй Михаиловичъ дѣйствительно хотѣлъ быть возможно точною копіею старыхъ благочестивыхъ греческихъ царей, и ради этого, стремился имѣть у себя ихъ Судебникъ и Чиновникъ „всему ихъ царскому чину“, конечно съ прямою цѣлію, чтобы всѣмъ своимъ поведеніемъ и придворнымъ чиномъ воочію явиться преемникомъ старыхъ благочестивыхъ греческихъ царей.

Съ другой стороны несомнѣнно и то, что въ церковныхъ грекофильскихъ стремленіяхъ царя Алексѣя Михаиловича не послѣднюю роль играли и политическіе мотивы, такъ какъ Алексѣй Михаиловичъ считалъ себя преемникомъ древнихъ благочестивыхъ греческихъ императоровъ не только въ дѣлахъ вѣры и благочестія, но и законнымъ наслѣдникомъ ихъ царства, вѣрилъ, что ему, или его преемникамъ, дѣйствительно суждено въ будущемъ владѣть самымъ Константинополемъ и всѣми православными народами томящимися

---

[1]) Ibid. стр. 883, 885—887.

подъ турецкимъ игомъ. Конечно Алексѣй Михаиловичъ съ особымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушалъ, когда пріѣхавшій въ Москву, въ 1649 году, іерусалимскій патріархъ Паисій, въ своей привѣтственной рѣчи, на первой ауедіенціи у государя, торжественно, въ слухъ всѣхъ говорилъ между прочимъ и слѣдующее: „Пресвятая Троица—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, едино царство и господство, благословитъ державное ваше царствіе, да умножитъ васъ превыше всѣхъ царей, и покажетъ васъ побѣдителемъ и одолѣтелемъ на сопротивныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, якоже и древнихъ и новыхъ царей: царя Давида, царя Езекія и великаго царя Константина; да утвердитъ васъ и умножитъ лѣта во глубинѣ старости, *благополучно сподобитъ васъ воспріяти вамъ превысочайшій престолъ великаго царя Константина, прадѣда вашего, да освободитъ народъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ отъ нечестивыхъ рукъ, отъ лютыхъ звѣрей, что поѣдаютъ немилостиво; да будеши новый Моисей, да освободиши насъ отъ плѣненія, якоже онъ освободилъ сыновъ израилевыхъ отъ фараонскихъ рукъ жезломъ--знаменіемъ честнаго животворящаго креста*“ [1]). Точно такъ же съ большимъ удовольствіемъ, вѣроятно, Алексѣй Михаиловичъ читалъ въ челобитной бывшаго константинопольскаго патріарха Аѳанасія Пателара, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1653 году, что порабощенные турками греки имѣютъ въ русскомъ царѣ „столпъ твердый и утверженіе вѣрѣ и помощника въ бѣдахъ и прибѣжище намъ и освобожденіе... А брату, государь, моему и сослужителю, великому господину, святѣйшему Никону патріарху московскому и всеа Руси, *освящати соборную апостольскую церковь Софѣю премудрость Божію*“ [2]). Съ своей стороны и Никонъ, при своемъ поставленіи въ патріархи, на привѣтственную рѣчь царя, говорилъ ему, что онъ—Никонъ желаетъ государю, чтобы Богъ распространилъ его царство „отъ моря и до моря, и отъ рекъ до конца вселенныя, *и расточенная во благочестивое твое царство возвратитъ и соберетъ во едино* и на первообразное и радостное возведетъ, *во еже быти тина вселеннѣй царю и самодержцу христіанскому*, и возсіяти

---

[1]) Наша книга: Сношенія іерус. патріарховъ съ рус. правительствомъ, т. I. 137. Изд. Палестинскаго общества, вып. 43.

[2]) Чтен. общ. люб. духовн. просв. 1889 г., наша статья: пріѣздъ бывшаго конст. п. Аѳанасія въ Москву стр. 363.

яко солнцу посреди звѣздъ“ [1]). Понятно, что Никонъ такъ говорилъ хорошо зная, что молодой царь смотритъ на себя, какъ на призваннаго объединить въ своей благочестивой державѣ всѣ расточенные православные народы, страждущіе подъ игомъ невѣрныхъ.

Что политическіе мотивы играли извѣстную роль въ грекофильскихъ стремленіяхъ и настроеніяхъ царя, что ему не чужда была мысль сдѣлаться освободителемъ православныхъ народностей изъ подъ турецкаго ига и овладѣть, какъ своимъ наслѣдіемъ, Константинополемъ, что церковное единеніе онъ считалъ первою и необходимою ступенью будущаго политическаго единенія, на это есть нѣкоторыя указанія у Павла Алепскаго. Со словъ одного боярина Павелъ разсказываетъ, что будто-бы, когда царь окончательно отпустилъ изъ Москвы антіохійскаго патріарха Макарія, то, обращаясь къ окружающимъ его боярамъ, онъ „вздохнулъ и сказалъ: молю Бога, прежде чѣмъ умру, видѣть его (п. Макарія) въ числѣ четырехъ патріарховъ служащимъ во святой Софіи и нашего патріарха пятымъ вмѣстѣ съ ними. И всѣ присутствующіе отвѣтили: да услышитъ Господь“. Тотъ же Алепскій передаетъ и слѣдующій слышанный имъ разсказъ: въ первый день Пасхи греческіе купцы, проживавшіе тогда въ Москвѣ, вмѣстѣ съ вельможами явились къ царю съ поздравленіями. Государь одѣлилъ грековъ по два яйца и, подозвавъ ихъ къ себѣ поближе, говорилъ имъ: „хотите ли и желаете ли, чтобы я освободилъ васъ и избавилъ отъ неволи? Они поклонились ему и отвѣчали: какъ намъ не хотѣть этого? и выразили ему подобающія благожеланія. Онъ продолжалъ: когда вернетесь въ свою страну, просите своихъ архіереевъ, священниковъ и монаховъ молиться за меня и просить Бога, ибо по ихъ молитвамъ мой мечъ сможетъ разсѣчь выю моихъ враговъ. Потомъ, проливая обильныя слезы, онъ сказалъ вельможамъ своего царства: мое сердце сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей, которые находятся во власти враговъ вѣры. Богъ—да будетъ прославленно имя Его! — взыщетъ съ меня за нихъ въ день суда, ибо, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегаю этимъ, и прибавилъ: не знаю, какъ долго будетъ продолжаться это

---

1) Гиббенетъ, I, 15.

дурное состоянiе дѣлъ, но со временъ моихъ дѣдовъ и отцовъ къ намъ не перестаютъ приходить патрiархи, архiереи, монахи и бѣдняки, стѣная отъ обидъ, злобы и притѣсненiй своихъ поработителей, и всѣ они являются къ намъ не иначе, какъ гонимые великой нуждой и жестокими утѣсненiями. Посему я боюсь, что Всевышнiй взыщетъ съ меня за нихъ, и я принялъ на себя обязательство, что, если Богу будетъ угодно, я принесу въ жертву свое войско, казну и даже кровь свою для ихъ избавленiя. Они отвѣчали ему: да дастъ тебѣ Господь по желанiю сердца твоего!" [1]) Говорилъ-ли дѣйствительно Алексѣй Михаиловичъ тѣ слова греческимъ купцамъ, которыя передаетъ намъ Павелъ Алепскiй, мы незнаемъ. Но отрицать, что Алексѣй Михаиловичъ дѣйствительно считалъ себя преемникомъ старыхъ благочестивыхъ греческихъ царей и наслѣдникомъ ихъ царства, что онъ за себя, и своихъ преемниковъ на русскомъ престолѣ, могъ мечтать объ освобожденiи всѣхъ православныхъ народовъ отъ турецкаго ига, мы не имѣемъ основанiй. Тѣмъ болѣе, что и въ представленiи другихъ, болѣе образованныхъ тогдашнихъ русскихъ, идея полнаго всецѣлаго единенiя русской церкви съ тогдашнею греческою сливалась съ идеею о политическомъ объединенiи подъ главенствомъ русскаго царя всѣхъ православныхъ народностей, томящихся въ турецкой неволѣ. Такъ извѣстный грекофилъ и борецъ съ западникомъ Медвѣдевымъ старецъ Евѳимiй, въ доказательство необходимости тѣснаго единенiя русской церкви съ четырьмя восточными греческими патрiархами, писалъ, что русскiе должны быть „согласны во всемъ и купночинны съ восточною святою церковiю и со святѣйшими, равночисленными св. евангелистамъ, патрiархи", что тогда „и святѣйшiе патрiархи подадутъ вящщее благословенiе и молитву о благосостоянiи всероссiйскаго царствiя, *и народи вси окружнiи, сущiи православiя восточнаго, Богу возблагодарятъ и царскому величеству приклонятся*, т. е. Евѳимiй утверждаетъ, что на почвѣ церковнаго объединенiя всѣхъ православныхъ народовъ, можетъ произойти потомъ и ихъ политическое объединенiе подъ главенствомъ православнаго русскаго царя.

---

[1]) Путеш. ант. п. Макарiя, Муркоса, выпускъ четвертый, стр. 158, 170—171.

Царь Алексѣй Михаиловичъ до конца остался вѣренъ своимъ грекофильскимъ убѣжденіямъ, до конца настойчиво старался провести ихъ въ жизнь, осуществить на дѣлѣ. Царю Алексѣю Михаиловичу главнымъ образомъ церковная реформа обязана своимъ началомъ, своимъ проведеніемъ при Никонѣ и своимъ окончательнымъ признаніемъ голосомъ всей русской церкви послѣ удаленія Никона. Никонъ—реформаторъ былъ собственно созданіемъ царя и Стефана Вонифатьевича, онъ — Никонъ энергично дѣйствовалъ и проводилъ реформу только пока живъ былъ Стефанъ Вонифатьевичъ и пока онъ сохранялъ тѣсную связь съ царемъ. Какъ же скоро Стефанъ Вонифатьевичъ умеръ, а самъ Никонъ не съумѣлъ поддержать свои прежнія близкія отношенія къ царю, его грекофильство и его прежній напряженный интересъ къ произведенной имъ церковной реформѣ сильно охладѣли и замѣнились равнодушіемъ. Послѣ удаленія съ патріаршей каѳедры Никона, все дѣло поддержанія церковной реформы пришлось вести одному царю, и Алексѣй Михаиловичъ дѣйствительно умѣло и искусно довелъ его до конца: онъ создалъ новыхъ преданныхъ реформѣ дѣятелей—Павла, Иларіона, Іоакима, которые и дѣйствовали въ его духѣ и по его указаніямъ, такъ что только благодаря исключительно его усиліямъ и умѣнью церковная реформа Никона, не смотря на все противодѣйствіе ей со стороны большинства тогдашняго общества, была торжественно и окончательно принята всею нашею церковію.

Рѣшивъ привести русскую церковь къ полному единенію съ тогдашнею греческою церковію, и ради этого совершить провѣрку нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ съ греческими подлинниками, нашу церковно-обрядовую тогдашнюю практику объединить съ современною греческою, царь Алексѣй Михайловичъ и его духовникъ Стефанъ Вонифатьевичъ постарались подготовить почву и средства для задуманной ими церковной реформы, которую потомъ суждено было приводить въ исполненіе Никону. Еще въ 1648 году государь послалъ въ Кіевъ въ Печерскій монастырь инока Марка „добоголюбезнаго епископа Зосима“, котораго просилъ прислать въ Москву Дамаскина Птицкаго „для своего государева дѣла“, но въ то время „послати того старца невозможно было для монастырскія потребы“. Тогда въ маѣ 1649 г.

государь снова обратился уже къ кіевскому митрополиту и къ властямъ кіевскаго братскаго монастыря, чтобы присланы были въ Москву старцы—Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій, такъ какъ государю „вѣдомо учинилось, что они божественнаго писанія вѣдущи и эллинскому языку навычны, и съ эллинскаго языка на славянскую рѣчь перевести умѣютъ, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ, а нашему царскому величеству такіе люди годны", почему царь и проситъ митрополита прислать „тѣхъ учителей" „для справки библѣи греческіе на словенскую рѣчь, на время намъ великому государю послужити". Благодаря этой грамотѣ государя, 12 іюля того же 1649 года, въ Москву прибыли изъ Кіева старцы, книжные переводчики: Арсеній Сатановскій и Епифаній Славенецкій, поселившіеся сначала на большомъ посольскомъ дворѣ, а потомъ въ Чудовѣ монастырѣ. Въ слѣдующемъ 1650 году въ Москву прибылъ и третій переводчикъ кіевлянинъ Дамаскинъ Птицкій. [1]) Значитъ, кіевскіе ученые старцы вызывались въ Москву спеціально для перевода на славянскій языкъ греческихъ и латинскихъ книгъ вообще и частнѣе: „для справки библѣи греческіе на словенскую рѣчь"; вызывались они потому, что „еллинскому языку навычны и съ эллинскаго языку на словенскую рѣчь перевести умѣютъ и латинскую рѣчь достаточно знаютъ". И дѣйствительно, съ пріѣздомъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ у насъ сразу книжная справка была поставлена на новыхъ началахъ: стали справляться не только съ древними славянскими рукописями, но и съ греческими и южно-русскими изданіями. Такъ въ послѣсловіи къ извѣстной Іосифовской Кормчей, которая начата печатаніемъ по повелѣнію государя, по совѣту и благословенію патріарха Іосифа въ 1649 году 7-го ноября, говорится: „буди вамъ, христоименитому достоянію, всѣмъ извѣстно: яко да соузъ мира церковнаго твердо, въ дусѣ кротости хранится и да не будетъ, несогласія ради, распри въ церковномъ тѣлеси, сего ради, многія переводы сія святыя книги, Кормчіи, ко свидѣтельству типографскаго дѣла, собрани быша; въ нихъ же едина паче прочихъ, въ сущихъ правилахъ крѣпчайши, *наипаче же свидѣтельствова*

1) Большой моск. архивъ мин. иностр. дѣлъ. Дѣла Малороссійскія св. 4, № 8.

ту книгу греческая Кормчая книга, Паисіи патріарха святаго града Іерусалима, яже древними писцы написася за многія лѣта, ему же, патріарху Паисіи, въ та времена бывшу въ царствующемъ градѣ Москвѣ". [1]) Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1650 года говорится: „подобаетъ вѣдати, яко же въ книгѣ сей указы о ипокояхъ, на повечерняхъ по трисвятомъ, и на полунощницахъ по трисвятомъ же, и по шестой пѣсни, вмѣсто воскресныхъ кондакъ, указаны наряду кондакъ—заступнице христіаномъ, отложити подобаетъ. Глаголати же вмѣсто того и на повечерняхъ и на полунощницахъ и по 6 пѣсни, егда не поется святому поліелеосъ, непремѣнно воскресные кондаки, высоты ради воскреснаго дне: ипакой бо точію по непорочныхъ глаголются, *понеже и во греческихъ переводѣхъ по сему же уставу обрѣтохомъ,* еже воскресные кондаки на тѣхъ мѣстахъ глаголати. *Сего ради и послѣдующе сему, такожe указахомъ и положихомъ въ конецъ книги сія.* На ряду же указанному да не дивится никтоже, ниже смущается о семъ, *зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ*". Т. е. справщики заявляютъ, что положенные ими „въ самой книгѣ указы вмѣсто воскресныхъ кондаковъ пѣть, въ означенныхъ случияхъ, кондакъ Заступнице усердная", слѣдуетъ оставить и пѣть воскресные кондаки, какъ это показано на двухъ послѣднихъ припечатанныхъ послѣ листахъ книги. Эту перемѣну они производятъ потому, что такъ найдено ими положеннымъ въ греческихъ книгахъ. Въ самой же напечатанной ими книгѣ „Шестодневъ" эти перемѣны непроизведены потому, что во время печатанія книги у нихъ еще не было подъ руками греческихъ книгъ, и имъ пришлось печатать съ прежнихъ переводовъ, греческія же книги явились у нихъ тогда, когда печатаніе Шестоднева уже было кончено.—Въ послѣсловіи учительнаго Евангелія, изданнаго въ Москвѣ въ 1652 году, по благословенію патріарха Іосифа, справщики заявляютъ: „къ сему же да не усумнишися православный читателю, егда обрящеши въ святой книзѣ сей исправленія рѣченій, въ клоненіихъ измѣнена и другая таковая, и возмнится нова быти и самосмышлена, но нѣсть сице: понеже за ихъ же святительскимъ благословеніемъ со многихъ переводовъ свидѣтельствованнѣ исправлена суть;

---

[1]) Опис. староп. книгъ Толстаго № 114, Царскаго № 168 и 169.

переводы же собраны быша: единъ святыя соборныя великія церкве пресвятыя Богородицы Успенія, и другій — Чудова монастыря и чудотворца Алексіа, и два Симона монастыря, древнихъ писмъ, *къ симъ же инъ Острожскія печати*“ [1]).

Такимъ образомъ еще до патріаршества Никона книжная справа у насъ, благодаря царю и Стефану Вонифатьевичу, уже прочно была поставлена на совершенно новыхъ началахъ: при изданіи церковно-богослужебныхъ книгъ стали справляться съ греческими книгами, ими провѣрять наши прежнія изданія и, въ случаѣ разногласія славянскихъ переводовъ съ греческими подлинниками, стали давать рѣшительное преимущество послѣднимъ. Кромѣ греческихъ книгъ стали прибѣгать еще къ сличенію московскихъ изданій съ южно-русскими, какъ болѣе исправными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ старыя московскія. Очевидно Никону впослѣдствіи приходилось только продолжать книжныя исправленія въ томъ духѣ и направленіи, какъ это было налажено уже до него.

Помимо приглашенія ученыхъ Кіевлянъ рѣшено было еще въ самой Москвѣ основать такую школу, въ которой бы преподавался греческій языкъ, почему стали искать подходящаго для школы учителя грека. Когда въ 1649 году въ Москву пріѣзжалъ іерусалимскій патріархъ Паисій, а съ нимъ его дидаскалъ грекъ Арсеній, который ранѣе жилъ въ кіевской Руси и зналъ славянскій языкъ, то Арсеній былъ оставленъ въ Москвѣ для предположенныхъ книжныхъ переводовъ и исправленій, а такъ же и для учительства. Въ то же время государь обратился съ особою просьбою къ іерусалимскому патріарху Паисію, что бы онъ, возвратившись изъ Москвы на востокъ, позаботился пріискать тамъ между учеными греками благонадежнаго учителя и прислалъ его для учительства въ Москву. Объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота патріарха Паисія къ государю въ 1652 году, въ которой онъ, посылая въ Москву, въ качествѣ учителя для московской школы, митрополита Навпакта и Арты Гавріила, пишетъ: „повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго, и не имѣлъ бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ, и былъ

[1]) Опис. старопеч. книгъ Царскаго, № 176.

бы далече отъ еретиковъ, и послати бъ намъ іво ко святому вашему царствію поклонитися, да учинитъ учительство и учитъ эллинскій языкъ, якоже она есть древня отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ другимъ“ [1]). Въ то же самое время, очевидно подъ давленіемъ царя и Стефана Вонифатьевича, и патріархъ Іосифъ долженъ былъ показать заботливость относительно устройства въ Москвѣ греческой школы. Грекъ Иванъ Петровъ въ 1649 году писалъ патріарху Іосифу: „даю вѣдомость о нѣкоторомъ учителѣ смышленомъ эллинскому языку и разсудителя евангельскому слову, и имя ему Мелентій, прозвище Сирихъ, что такова учителя втораго не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ. И далъ свое слово—хотѣлъ придти сюда къ благочестивому царю и къ святѣйшеству вашему, а будетъ благоволеніе благочестиваго царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, самодержца всея Руси, и произволеніемъ святительства вашего, изволите дати грамоту мнѣ, да онъ придетъ сюда, и челомъ бью, да мнѣ о томъ учини указъ и подай отвѣтъ“ [2]).

Приглашеніемъ ученыхъ переводчиковъ книгъ и пріисканіемъ на православномъ востокѣ учителей грековъ для предположенной въ Москвѣ школы не ограничились, а пошли, въ дѣлѣ сближенія съ православнымъ востокомъ, значительно далѣе.

Въ Москвѣ рѣшительно отсутствовала церковная проповѣдь и всякое вообще церковное учительство. Правда ревнители уже заводили въ церквахъ чтеніе для народа поученій—отеческихъ произведеній, или житій святыхъ. Но это были именно чтенія, иногда мало понятныя для слушателей, чтенія о матеріяхъ крайне далекихъ, а иногда и совсѣмъ чуждыхъ интересамъ тогдашняго общества, которое нуждалось не въ чтеніяхъ по книжкѣ, а въ устной, живой настоящей проповѣди, на болѣе или менѣе жизненныя и современныя темы. Такъ какъ у нашихъ ревнителей не было достаточнаго умѣнья составлять и говоритъ такія проповѣди, то рѣшились, чтобы познакомить московское общество съ характеромъ настоящей живой проповѣди, прибѣгнуть къ

---

[1]) Греческія дѣла (въ Москов. архивѣ мин. ин. дѣлъ) 7161 г. № 5.
[2]) Греч. дѣла 7157 г. № 24.

помощи пріѣзжихъ образованныхъ грековъ. Въ Москву, 8 декабря 1650 года, прибылъ назаретскій митрополитъ Гавріилъ, игравшій дѣятельную и важную роль посредника между Хмѣльницкимъ и московскимъ правительствомъ по вопросу о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ и хорошо знавшій русскій языкъ. Ему поручено было проповѣдывать въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ онъ остановился, и гдѣ онъ дѣйствительно сказалъ рядъ устныхъ церковныхъ проповѣдей (изъ нихъ намъ извѣстны четыре проповѣди). Особеннаго вниманія заслуживаетъ его проповѣдь, сказанная имъ въ 1651 году, въ праздникъ Пятидесятницы, причемъ современный списатель его проповѣдей счелъ нужнымъ сопроводить свой списокъ такимъ замѣчаніемъ: „глаголаше же сіе поученіе изоустъ въ слухъ всѣмъ людемъ. Отпѣвъ божественную литургію“. Это поученіе назаретскаго митрополита касалось особенностей тогдашней русской жизни, и несомнѣнно имѣло прямую связь съ обличительными и реформаціонными стремленіями тогдашняго московскаго кружка ревнителей благочестія, сказано было съ ихъ согласія и одобренія. Вотъ что услышали о себѣ москвичи съ церковной каѳедры изъ устъ пріѣзжаго греческаго іерарха: разсуждая о спасительности и важности крещенія, откуда-де произошло и самое названіе христіанъ, проповѣдникъ говоритъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ — москвичамъ: „самихъ же себѣ нарекосте болярами, и не Божіихъ сыновъ, но сыновъ болярскихъ любете себе предъ человѣки нарицати“; что же касается низшихъ себя — „меньшихъ братій своихъ сущихъ“—то ихъ называютъ небеснымъ званіемъ— „христіанми“ (т. е. крестьянами), но этимъ названіемъ „яко бы ихъ охуждаютъ, зане поручены имъ суть, и отъ ихъ трудовъ хранилища своя исполняютъ и пространно питаютъ“. Между тѣмъ всякая душа, не именующая себя христіаниномъ вдовица есть, лишившаяся жениха, „наипаче пространно питающаяся лихоиманіемъ отъ трудовъ кровавыхъ меньшихъ подручниковъ“. Приглашая всѣхъ не гнушаться званіемъ христіанина, проповѣдникъ восклицаетъ: „устыдися прочее о семъ, о любимче, и воскресни отъ мертвыхъ сихъ дѣлъ и изыди отъ мрака гордыни суетнаго гроба тьмы бѣсовскаго самомнѣнія“; Царь и Творецъ всяческихъ не стыдится нарицать насъ своею братіею, „ты жъ стыдишися по

Адамлю естеству и по духу благодати подручниковъ своихъ меншею братіею ихъ себе нарицати. И что глаголю: и священникомъ, иже васъ крещеніемъ сынами Божіими творятъ, и пречистые дары божественнаго таинства преподаютъ, и тѣмъ васъ съ Богомъ собщаютъ, — зане жъ раби Бога живаго суть—выжъ съ рабы своими равно ихъ вмѣняете. Но ты кто, судяй чуждему рабу? Священника не почитаеши, священника охуждаеши; но слыши слово Его, реченное во пророцѣхъ: моихъ мнѣ отмщеніе, глаголетъ Господь; и азъ о моихъ воздамъ". Впрочемъ, оговаривается проповѣдникъ, не одни знатные заслуживаютъ обличенія, „но и во общихъ и простыхъ людехъ многому исправленію подлежаще: недугу лютой болѣзни піянства, во иныхъ же сребролюбивый правъ и непреклонный къ милостыни, яжъ къ нищимъ, иныхъ же блудодѣяніемъ и иными многими студѣянія, и льстивымъ обычаемъ, и лицемѣрнымъ человѣкоугодіемъ, и небратолюбіемъ и несогласіемъ сего сродства Божіаго небеснаго благородіа свѣтло помрачаютъ и охуждаютъ, и тако ругающеся, охъ горе, сими злыми дѣлы Творцу своему досаждаютъ и небеснаго званіа на прекрасное имя христіанское хулу отъ иноплеменникъ наносятъ, по глаголющему: вами бо, рече, имя мое хулится воязыцѣхъ". Послѣ этихъ обличеній проповѣдникъ взываетъ къ слушателямъ: „престаните отъ злобъ вашихъ и научитеся добро творити, вы бо есте людіе Божіе, і языкъ святъ, царское священіе, яко жъ раби и сыны Божіи по благодати. Общее братолюбіе нелицемѣрно другъ ко другу имуще, въ смиреномудріи со страхомъ каждый особнѣ, дѣло и талантъ ему отъ Бога врученный, дѣлаетъ: держащіи скипетра и діадему царствіа, яко истинніи раби Божіи, да не туне мечь носитъ, но на отмщеніе злыхъ, и да не полагаетъ сего на земли, но присно въ десницѣ своей держай, да посылаетъ его на отмщеніе иноплененныхъ языкъ, расхищающихъ стадо Христово и умаляющихъ достояніе его; токожде же и да потрясуетъ имъ надъ главами всякаго хищника, и лихоимца, и посульника, и на мздѣ судъ творящихъ, и на обиду творящихъ на неповинныхъ, и на всякаго насильника и еретика. И тако бо душа ихъ избавляти страхомъ отъ смерти, зане страха Божія не стяжаша, поне страхомъ слуга Божіаго царя уцѣломудрятся и въ чувство пріидутъ". Поучивъ бояръ, народъ и самаго царя, проповѣдникъ обращается

съ поученіемъ къ епископамъ и священникамъ: „церковные пастыріе—святители и наставницы, учителіе и проповѣдницы слова Божія—священницы, врученный имъ отъ Бога талантъ духомъ кротости и всякимъ смиреномудріемъ и негорделивымъ нравомъ, но благимъ привѣтомъ люботщательне да дѣлаетъ въ виноградѣ Христовѣ, нелѣностно, ниже на мздѣ, ибо мздоиманіе проклятая ересь симоніанская наречется, еюже безумніи продаютъ Духъ Святый,—Іюда бо Христа Бога славы по плоти продаде, симоняне Духъ Святый продаютъ". Убѣждая епископовъ ставить священниковъ не на мздѣ, проповѣдникъ далѣе убѣждаетъ ихъ духовные пищи—святое ученіе чистаго и правовѣрнаго восточнаго благочестія слово не человѣкоугодное преподавать—нищимъ и богатымъ, и всѣхъ бы ихъ равно, яко чада своя духовная отъ чистаго сердца любити, и начастѣ ихъ назирать во градѣхъ и во весяхъ и по домомъ, да не плевелы и лядина въ нихъ лукаваго бѣса вкоренившись, пустъ и неплоденъ сотворитъ виноградъ Господа Саваоѳа, его же содѣла кровію Сына своего, и тогда отъ рукъ вашихъ крове душъ овецъ своихъ и сребра своего съ лихвою взыщетъ. Подобаетъ, продолжаетъ поучать проповѣдникъ русскихъ архіереевъ, пастыремъ трезвость и бодрость и многое вниманіе имѣти, и дабы имъ нещадно казнити лѣнивыхъ и піяныхъ поповъ и черньцовъ десными и шуями, временнѣ и безвременнѣ, обаче кротостію духа и страхомъ спасти и отъ огня исхищающе". Затѣмъ проповѣдникъ обращается съ поученіемъ къ священникамъ: „такожде и попове, говоритъ онъ, приходнымъ своимъ—чадъ духовныхъ въ злобахъ ихъ, въ піанствахъ же и сребролюбіяхъ, и въ лѣностехъ и нечистотѣхъ ихъ, нимало бы имъ въ тѣхъ не поблажати, ниже попущати, наипаче же самихъ себѣ образъ имъ къ добрымъ дѣламъ показывати, и тако себѣ спасутъ и послушающихъ ихъ". Не оставилъ проповѣдникъ безъ назиданія и иноковъ и, особенно, монастырскія власти. „Изрядне же, говоритъ онъ, отрекшіяся міра и мірскихъ—чернцы, обѣтъ свой, его же предъ послухомъ ангельскимъ и человѣческимъ Богу въ залогъ дадоша, да присно тщаніе къ тщанію прилагающе, на духовный подвигъ подвизаются, взирающе на прежнихъ святыхъ отецъ, въ повиновеніи наставниковъ своихъ и отецъ духовныхъ, въ постѣ-жъ и нищетѣ духовнѣй, а не

въ піанствѣ и роспустѣ и въ непокореніи, на таковыхъ бо, рече, грядетъ гнѣвъ Господень на сыны непокорствіа. Еще-жъ и начальники инокомъ въ цѣломудріи и кротости и истины да строятъ святые монастыри со всякимъ вниманіемъ и страхомъ Божіимъ, помышляюще себѣ самихъ пришельцами и странниками на земли быти, и изгнанными отъ грѣховъ изъ міра и мірскихъ. А еже врученное имъ имѣніе монастырское, не своимъ да помышляютъ имѣти, по глаголющему: яко вся имуще и ничто-же содръжаще; и ниже то своимъ сродникомъ по плоти раздовати, и богатыхъ и великихъ боляръ тѣмъ друговъ себѣ набывати, да не со святокрадцемъ Іюдою осужденіе и муку пріимите, но паче на удовольство братіи и монастырскую потребу то да строете съ совѣтомъ старцевъ монастырскихъ въ чистѣ совѣсти своея; якожъ и оныхъ блаженныхъ трехъ отрокъ вавилонстіа пещи огнь чистыхъ и дѣвственныхъ не опали; тако бо и вашихъ неповинныхъ рукъ, или паче: душъ и совѣстей отъ монастырскаго стяжанія невредимыхъ быти, и тако наслѣдницы будете обнищавшаго васъ ради Христа, и достойную мзду съ мудрыми строители въ радости отъ него воспріимите и въ день воздаянія". Въ заключеніе слова проповѣдникъ призвавъ всѣхъ: боляръ, богатыхъ нищихъ и убогихъ къ взаимной любви между собою, къ повиновенію церковному закону, благочестивому и христіанскому царю, чтобы быть истиннымъ тѣломъ Христовымъ, домомъ и жилищемъ Св. Троицы,—сильно порицаетъ всѣхъ невѣрующихъ въ Св. Троицу: евреевъ, аріанъ, гусіаны", соціанъ и „проклятыхъ могометанъ" [1]).

Приведенное нами поученіе пріѣзжаго въ Москву за милостынею назаретскаго митроплита Гавріила, сказанное имъ въ Москвѣ въ 1651 году, поученіе съ довольно рѣзкимъ обличительно-учительнымъ характеромъ, обращенное имъ ко всѣмъ русскимъ, какъ къ высшимъ, такъ и къ низшимъ, какъ къ мірскимъ, такъ и духовнымъ, неисключая самихъ архіереевъ, ясно показываетъ, что отношеніе къ грекамъ, по крайней мѣрѣ высшаго Московскаго правительства, уже сильно измѣнилась даже сравнительно съ очень недав-

---

1) Импер. публичн., Погодинскія рукописи, по нынѣшнему каталогу № 1560. л.-л. 9—15.

нимъ временемъ, когда на пріѣзжихъ къ намъ грековъ большинство и въ Москвѣ смотрѣло очень подозрительно, а нѣкоторые священники даже не пускали ихъ въ свои храмы. Смѣлое поучительное обращеніе греческаго митрополита въ словѣ къ самому царю, чтобы онъ постоянно держалъ мечъ въ рукахъ для пораженія иноплеменныхъ, наказанія всякихъ насильниковъ, злыхъ и порочныхъ, а также еретиковъ, показываетъ, что слово ранѣе прочитано было государю и публично произнесено было съ его разрѣшенія и одобренія. Въ противномъ случаѣ пріѣзжій греческій іерархъ милостынесобиратель никогда бы не рѣшился публично проповѣдывать въ Москвѣ съ церковной каѳедры въ рѣзкомъ обличительномъ тонѣ. Самое большее, на что бы самъ по себѣ могъ отважиться пріѣзжій въ Москву греческій іерархъ — это льстивое, напыщенное прославленіе русскаго царя, русскаго благочестія, публичное признаніе русскихъ свѣтомъ и опорою всего православія.

И въ сферѣ чисто церковныхъ установленій царь и Стефанъ Вонифатьевичъ, еще за нѣсколько лѣтъ до патріаршества Никона, уже выступаютъ на тотъ путь церковныхъ исправленій, какія потомъ сталъ производить Никонъ. Именно: царь воспользовался пріѣздомъ въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія и совѣтывался съ нимъ о постѣ въ четыредесятницу и относительно времени совершенія литургіи и, вѣроятно, по другимъ церковнымъ вопросамъ, въ видахъ приведенія къ единству нашего церковнаго устава и всей церковной практики съ тогдашними греческими порядками и практикой, намѣчая этимъ характеръ будущей реформы Никона и, въ извѣстномъ смыслѣ, предваряя ее. Объ этомъ соглашеніи государя съ патріархомъ Паисіемъ по нѣкоторымъ вопросамъ, мы узнаемъ изъ письма къ государю самого патріарха Паисія, который пишетъ: „относительно святой четыредесятницы царствіе твое изволилъ послать своего боярина просить насъ, чтобы мы относительно ея учинили соглашеніе со святѣйшимъ патріархомъ, братомъ и сослужителемъ; и я сказалъ, что въ продолженіи всего года должна совершаться божественная литургія въ два часа, а въ святую четыредесятницу, которой научилъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, должно поститься до отпуска вечерни, такъ какъ она есть одесятствованіе всего года, дабы испо-

вѣдывались христіане для заглажденія грѣховъ и очищенія душъ, если что они содѣяли во весь годъ... Я же, долгоденствующій царь, сказалъ твоему бояриину, чтобы было такъ, какъ рѣшено тобой, ибо въ праздникъ святаго я спросилъ твое царствіе о литургіи, и ты приказалъ, какъ пишетъ уставъ... И я, услышавъ твое царское слово, что указалъ слѣдовать уставу, очень возрадовался"... [1]).

Въ то же время, въ видахъ болѣе широкаго проведенія въ будущемъ задуманной церковной реформы, въ видахъ подготовки для нея болѣе обширнаго и на мѣстѣ собраннаго матеріала, царь посылаетъ на востокъ, вмѣстѣ съ отъѣзжавшимъ туда изъ Москвы Іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, извѣстнаго старца Арсенія Суханова, которому государемъ поручено было составить „описаніе святыхъ мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ", какъ онъ ихъ найдетъ, хорошо ознакомившись съ ними на мѣстѣ.

Въ 1651 году наше правительство пошло въ указанномъ направленіи далѣе. Патріархъ Іосифъ, несомнѣнно подъ давленіемъ царя и Стефана Вонифатьевича, принужденъ былъ обратиться къ константинопольскому патріарху за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ возникшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ и, главнымъ образомъ, вопроса о единогласіи въ церковныхъ службахъ, чѣмъ рѣшительно и ясно было признано, что въ случаѣ возникновенія у насъ сомнѣній и разногласій по вопросамъ нашей церковной практики, русскіе должны обращаться къ представителю греческой вселенской церкви—константинопольскому патріарху, которому и принадлежитъ рѣшающій голосъ по возбужденнымъ вопросамъ.

Наконецъ, не задолго до смерти патріарха Іосифа, царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ еще одинъ въ высшей степени важный шагъ: онъ велѣлъ на многолѣтіяхъ, вмѣстѣ съ московскимъ патріархомъ, поминать и вселенскихъ греческихъ партріарховъ. Іюня 11-го 1652 года Никонъ, тогда еще новгородскій митрополитъ, съ пути, при возвращеніи изъ Соловецкаго монастыря съ мощами св. Филиппа митрополита, пишетъ государю: „а что во многолѣтіи и вселенскихъ патріарховъ поминать, и то зѣло благо, какъ ты го-

[1]) Арсеній Сухановъ, С. А. Бѣлокурова, ч. I; прилл., стр. XXXVI.

сударь писалъ". [1]) Это распоряженіе царя, чтобы на многолѣтіяхъ поминались вселенскіе патріархи, было публичнымъ, торжественнымъ признаніемъ полнаго единенія русской церкви съ вселенскою греческою, публичнымъ въ слухъ всѣхъ признаніемъ тогдашнихъ греческихъ патріарховъ такими же православными, какъ и московскій патріархъ.

Такимъ образомъ царь Алексѣй Михайловичъ и его духовникъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, еще въ патріаршество Іосифа, уже намѣтили, очень ясно и опредѣленно, характеръ будущей церковной реформы, которую долженъ былъ совершить потомъ преемникъ состарѣвшагося Іосифа. Они вызвали изъ Кіева ученыхъ книжныхъ справщиковъ, которые еще при Іосифѣ уже начали въ Москвѣ исправлять книги по греческимъ и южно-русскимъ изданіямъ. Для этой же цѣли въ Москвѣ былъ оставленъ и извѣстный Арсеній грекъ, которымъ потомъ, какъ и учеными кіевлянами, Никонъ воспользовался для книжной справы. Греки еще до Никона допущены были у насъ до публичнаго церковнаго учительства, чтобы показать русскимъ примѣръ живой устной проповѣди, нами было забытой. Еще до Никона царь усиленно заботится объ устройствѣ въ Москвѣ школы, въ которой бы преподавался греческій языкъ, почему и разыскиваетъ на востокѣ подходящаго греческаго учителя. Еще до Никона наше правительство вступаетъ съ пріѣзжавшимъ въ Москву іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ въ соглашеніе по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ, принимая во вниманіе сдѣланныя имъ указанія и разъясненія. Но этого мало. Еще до Никона у насъ уже обращаются къ константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ нѣкоторыхъ возникшихъ въ нашей церковной практикѣ вопросовъ, и тѣмъ открыто признаютъ въ дѣлахъ русской церкви высшій авторитетъ греческой вселенской церкви, ея право дѣлать намъ указанія и разъясненія. Въ видахъ будущаго согласованія всей нашей церковно-богослужебной практики съ тогдашнею греческою, на православный востокъ посылается нарочитый человѣкъ—Арсеній Сухановъ, который обязанъ былъ точно и безпристрастно описать всѣ греческіе церковные чины, какими онъ ихъ найдетъ у тогдашнихъ грековъ. Наконецъ въ Москвѣ

---

[1]) Письма русскихъ государей, ч. I, 382, стр. 302.

начинаютъ на многолѣтіяхъ торжественно поминать греческихъ патріарховъ, чтобы тѣмъ публично засвидѣтельствовать, что русская церковь признаетъ современныхъ греческихъ патріарховъ вполнѣ православными.

Очевидно церковная реформа, въ смыслѣ тѣснѣйшаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, въ смыслѣ согласованія русскихъ богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими, задумана была царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его уважаемымъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, и что они, еще до патріаршества Никона, уже усиленно подготовляли почву и средства для ея выполненія въ опредѣленномъ духѣ и направленіи.

Изъ сказаннаго понятнымъ становится, какую особую исключительную важность придавали царь и Стефанъ Вонифатьевичъ тому лицу, которое должно было занять мѣсто патріарха Іосифа. Послѣдній догадывался, а вѣроятно и положительно зналъ, о планахъ царя, о томъ, что онъ, Іосифъ, занимая патріаршій престолъ, мѣшаетъ новымъ дѣятелямъ, которые съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда онъ освободитъ патріаршую каѳедру своему преемнику. Іосифъ даже сталъ думать, что его низведутъ съ патріаршества: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, говорилъ онъ въ послѣднее время своимъ приближеннымъ". Но царь, въ письмѣ къ Никону о смерти патріарха Іосифа, рѣшительно отрицаетъ справедливость подозрѣній Іосифа о его низверженіи: „а у меня, пишетъ царь, и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей ни на умѣ того небывало; и помыслить страшно на такое дѣло" [1]). Вѣроятно царь и Стефанъ Вонифатьевичъ дѣйствительно вовсе не думали о низверженіи Іосифа, но, въ виду его старости и болѣзненности, конечно думали и говорили между собою о необходимости заранѣе намѣтить въ преемники Іосифу такого человѣка, который бы вполнѣ раздѣлялъ ихъ воззрѣнія на предстоящую задуманную ими церковную реформу, и чтобы онъ обладалъ такими личными силами и средствами, которыя бы дали ему возможность твердо и рѣшительно провести эту реформу въ исполненіе. Они необходимо искали вокругъ себя подходящее лицо, и ихъ вниманіе остановилось на новоспасскомъ архимандритѣ

---

1) Ак. Эксп. т. IV, № 57, стр. 83.

Никонѣ, который, казалось, по своимъ качествамъ вполнѣ подходилъ къ той роли, какую предназначалось выполнить будущему патріарху.

Никонъ былъ безспорно замѣчательно умный и богато одаренный отъ природы человѣкъ: живой, воспріимчивый, сильно увлекающійся и энергичный, способный своими выдающимися качествами и всею своею личностію производить на другихъ сильное впечатлѣніе. Онъ былъ учителенъ и умѣлъ хорошо говорить поученія и рѣчи на различныя случаи, онъ обладалъ обширною начитанностію и прекрасною памятью, что давало ему возможность въ своихъ рѣчахъ ссылаться на библейско-церковно-историческіе примѣры, на свидѣтельства отцовъ и учителей церкви. По природѣ онъ былъ широкая натура, способная дѣйствовать не по шаблону, способная увлекаться новымъ, оригинальнымъ, грандіознымъ. Строитъ онъ, напримѣръ, монастыри, но не такъ, какъ другіе: въ одномъ онъ воздвигаетъ храмъ по образцу храма стараго Іерусалима и самый монастырь называетъ Новымъ Іерусалимомъ; другой строитъ по подобію аѳонскаго и называетъ его Иверскимъ, населяетъ его монахами южно-русскими выходцами, заводитъ въ немъ типографію, а въ своемъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ устанавливаетъ церковныя службы на греческомъ языкѣ Кіевскими напѣвами. Проживая въ Москвѣ въ качествѣ новоспасскаго архимандрита, онъ, какъ человѣкъ умный и воспріимчивый, сближается здѣсь съ учеными кіевлянами и греками, начинаетъ понимать и цѣнить ихъ и, сдѣлавшись патріархомъ, выдвигаетъ ихъ, привлекаетъ къ рѣшенію церковныхъ дѣлъ и опирается на авторитетъ ихъ учености и знаній. Даже въ обычной обстановкѣ Никонъ любилъ все необычное, выдающееся, красивое. Такъ въ Новгородѣ онъ выстраиваетъ новый хорошій архіерейскій домъ, строитъ въ Москвѣ новый по тому времени роскошный патріаршій домъ. Никонъ любитъ, являясь всенародно въ качествѣ патріарха, торжественную и возможно пышную обстановку: его патріаршія облаченія отличались необыкновенною роскошью и ихъ было очень много (однихъ сакосовъ до ста). Словомъ во всемъ и всюду онъ проявлялъ незаурядную натуру, оригинальность, умъ и вкусъ. Поселившись въ Москвѣ онъ заявилъ себя здѣсь очень виднымъ и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ: какъ новоспасскій архи-

мандритъ онъ игралъ при царѣ эфектную роль ходатая и заступника за всѣхъ бѣдныхъ, несчастныхъ, обездоленныхъ, что дѣлало его очень популярнымъ. Ставъ потомъ новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ показалъ себя выдающимся для того времени епархіальнымъ архіереемъ: онъ ввелъ въ Новгородѣ единогласное истовое церковное служеніе, ввелъ въ церковномъ пѣніи кіевскіе напѣвы, которые такъ любилъ, говорилъ къ народу поученіи, что для того времени было мало обычно. Онъ строилъ въ Новгородѣ богадѣльни, кормилъ голодныхъ и нищихъ, щедро раздавалъ милостыню, лично посѣщалъ заключенныхъ въ темницы, заступался за неправильно осужденныхъ, заботился поднять престижъ всего духовенства въ глазахъ паствы, смѣло, во имя законности и порядка, боролся съ бунтовавшею народною массою, рискуя при этомъ быть убитымъ. Естественно, что всѣми этими блестящими качествами, выдающеюся незаурядною дѣятельностію, Никонъ производилъ сильное и благопріятное впечатлѣніе на царя и на Стефана Вонифатьевича.

Но при своихъ блестящихъ природныхъ дарованіяхъ Никонъ, въ то же время, по общему характеру строя всей своей умственной жизни, по пріемамъ и способу своего мышленія, по основамъ своего общаго міросозерцанія, по пониманію православія и благочестія, по своей малой способности вращаться въ сферѣ высшихъ христіанскихъ истинъ и знаній, былъ настоящимъ сыномъ своего времени, и въ этомъ отношеніи ничѣмъ существенно и кореннымъ образомъ не разнился отъ своихъ друзей, а потомъ враговъ—Неронова, Аввакума и др. Онъ даже, какъ и они, былъ такой же и сновидѣцъ и цѣлитель и чудотворецъ. Въ существѣ дѣла Никонъ—реформаторъ оставался тѣмъ же типичнымъ старымъ московскимъ начетчикомъ, подчасъ очень одностороннимъ и узкимъ въ дѣлѣ пониманія вѣры и благочестія, какъ и его противники. Какъ и у нихъ его мысль и благочестіе были прикованы по преимуществу къ внѣшней сторонѣ религіи: къ ея обряду, къ тому или другому церковному чину и обычаю, почему и его благочестіе обязательно и неразрывно соединялось у него только съ опредѣленною внѣшнею извѣстною формою выраженія,—измѣненіе этой формы являлось въ его пониманіи измѣненіемъ самаго существа благочестія. Ему, какъ и всѣмъ тогдашнимъ начетчикамъ, недо-

ставало, при ихъ выдающихся природныхъ дарованіяхъ, самаго главнаго: систематическаго правильнаго обученія, научныхъ знаній, умѣнья изучить предметъ критически, умѣнья въ дѣлахъ вѣры и благочестія существенное отдѣлить отъ несущественнаго, важное отъ неважнаго, вѣру и ученіе отъ обряда, того или другого исторически сложившагося церковнаго чина, устава, просто обычая. А все это извѣстнымъ, неособенно благопріятнымъ образомъ, должно было отразиться впослѣдствіи на всей его церковно-реформаторской дѣятельности. Къ этимъ интеллектуальнымъ особенностямъ Никона присоединялись еще и нѣкоторыя особенности его нравственнаго характера, которыя съ особою силою сказались, когда онъ сдѣлался патріархомъ. Въ Никонѣ-патріархѣ сказался человѣкъ очень властный, гордый и суровый, человѣкъ самолюбивый, неуступчивый и нетерпимый къ мнѣнію другихъ, а въ то же время человѣкъ очень увлекающійся, и потому недостаточно устойчивый въ самыхъ своихъ убѣжденіяхъ и, особенно, въ своихъ симпатіяхъ и отношеніяхъ къ другимъ, способный часто дѣйствовать подъ вліяніемъ просто гнѣва или неудовольствія, и вообще тѣхъ или другихъ случайныхъ и чисто внѣшнихъ впечатлѣній. Впрочемъ всѣ эти отрицательныя качества выступили у Никона съ особою рельефностію только впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался патріархомъ; ранѣе ихъ не замѣчали, и потому Никонъ, какъ безспорно-выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, и былъ намѣченъ царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ въ патріархи на мѣсто Іосифа.

Если царь и Стефанъ Вонифатьевичъ видѣли въ Никонѣ вполнѣ подходящаго по своимъ качествамъ человѣка, который съ успѣхомъ могъ выполнить ихъ планъ о полномъ единеніи русской церкви съ вселенскою греческою, объ уничтоженіи у насъ въ церковной практикѣ всего, что препятствовало доселѣ этому единенію, если они уже заранѣе подготовили для такой реформы почву и средства, а также указали и тотъ путь, какимъ долженъ слѣдовать будущій патріархъ для достиженія намѣченной цѣли; то понятно, что предназначая Никона въ преемники Іосифу, они предварительно должны были получить твердую и несомнѣнную увѣренность, что Никонъ, по своимъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ, есть дѣйствительно такой человѣкъ, который вполнѣ

раздѣляетъ ихъ воззрѣнія на современныхъ грековъ, какъ на строго православныхъ, на русскія церковныя особенности, несогласныя съ тогдашними греческими, какъ на уклоненія отъ строго православныхъ нормъ, которыя сохранились только у грековъ; на русскія церковно-богослужебныя книги, какъ на испорченныя русскимъ невѣжествомъ, и потому нуждающіяся въ ихъ тщательномъ всестороннемъ исправленіи по греческимъ подлинникамъ учеными кіевлянами и греками. Словомъ, они должны были напередъ увѣриться, что Никонъ будетъ имѣть полную охоту дѣйствовать именно въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ желали они. Но именно этого-то о Никонѣ и нельзя было сказать. Какъ и всѣ провинціальные ревнители благочестія, Никонъ очень подозрительно относился къ современнымъ грекамъ и ихъ благочестію, онъ думалъ, что истинное благочестіе теперь сохранилось только у русскихъ, а не у грековъ. Эти обычныя тогда воззрѣнія большинства русскихъ на грековъ Никонъ не стѣсняясь высказывалъ открыто уже и тогда, когда онъ переселился въ Москву и сдѣлался здѣсь новоспасскимъ архимандритомъ. Нероновъ впослѣдствіи говорилъ патріарху Никону: „Святитель, иноземцевъ (т. е. грековъ) законоположеніе ты хвалишь и обычаи тѣхъ пріемлешъ, благовѣрны и благочестніи тѣхъ родители нарицаешъ; *а мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говаривалъ намъ: „гречане-де и Малые Росіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой-де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ-де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ необъявилося и благочестія нимало*“ [1]). Очевидно, если потомъ Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, сразу заявилъ себя завзятымъ греко-филомъ, то значитъ, въ его воззрѣніяхъ на грековъ и ихъ благочестіе совершился въ Москвѣ, и притомъ въ послѣднее время, крутой переворотъ, превратившій Никона изъ порицателя грековъ въ ихъ поклоника и почитателя. Понятно подъ чьимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ совершился этотъ переворотъ у Никона. Поселившись въ Москвѣ, сблизившись съ царемъ, Стефаномъ Вонифатьевичемъ и Ртищевымъ, Никонъ попалъ въ грекофильствующую среду, выросшую въ иныхъ чѣмъ онъ воззрѣніяхъ на грековъ, на взаимныя от-

---

[1]) Матер. I, 150.

ношенія русской церкви къ греческой. Какъ человѣкъ очень умный и воспріимчивый, онъ не могъ не присмотрѣться къ этимъ новымъ для него воззрѣніямъ на грековъ и греческое благочестіе, не могъ не придти къ убѣжденію, что эти новыя для него воззрѣнія вѣрнѣе его прежнихъ, порожденныхъ національнымъ самомнѣніемъ, что онѣ болѣе соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности, исконнымъ предшествующимъ историческимъ отношеніямъ русской церкви къ породившей ея вселенской греческой. Онъ не могъ не видѣть, что при господствѣ его старыхъ воззрѣній на грековъ и православный востокъ вообще, Россія не можетъ быть тѣмъ единымъ православнымъ царствомъ, въ которое войдутъ разрозненныя и покоренныя турками православныя народности, о чемъ однако постоянно мечтали и проповѣдывали старо-московскіе книжники, порицатели грековъ и ихъ благочестія. Словомъ, благодаря знакомству съ царемъ, Стефаномъ Вонифатьевичемъ, Ртищевымъ, благодаря частымъ бесѣдамъ съ ними, Никонъ незамѣтно измѣнилъ прежнія свои воззрѣнія на современныхъ грековъ какъ разъ на противоположныя, незамѣтно сталъ сочувствовать, сталъ принимать участіе въ планахъ царя и Стефана—объ установленіи теснѣйшаго единенія русской церкви съ современною греческою, на почвѣ согласованія русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ греческими.

Въ этомъ же направленіи на Никона дѣйствовали въ Москвѣ и другія вліянія, окончательно убѣдившія его въ правотѣ и необходимости церковной реформы, ранѣе въ общемъ уже намѣченной царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ.

Поселившись въ Москвѣ, Никонъ необходимо познакомился, благодаря царю и Стефану, съ появившимися тогда въ Москвѣ новыми учительными книгами: Кирилловой и книгою о Вѣрѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя и издана-то была Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Знакомство съ этими книгами, для Никона обязательное, естественно должно было убѣждать его въ ошибочности его прежняго взгляда на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное благочестіе, должно было вести его къ убѣжденію, что четыре восточные патріарха „право и неизмѣнно вѣру, данную имъ отъ св. Апостолъ, и ихъ учениковъ, и седьми вселенскихъ соборовъ, и

помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не нарушающе, ни прикладая, ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держали и держатъ (Кириллова книга); что россійскому народу патріарха вселенскаго, архіепископа константинопольскаго, слушати, и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцѣ духовной есть польза и пріобрѣтеніе веліе — спасительное и вѣчное" (книга о Вѣрѣ). Къ этимъ воздѣйствіямъ новоизданныхъ московскихъ книгъ присоединились еще воздѣйстія со стороны грековъ и кіевлянъ.

27 января 1649 года въ Москву пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Паисій, который съ обычнымъ почетомъ принятъ былъ царемъ. Предъ наступленіемъ великаго поста Паисій прислалъ въ Посольскій приказъ листъ, въ которомъ, разсуждая о важности поста, и желая государю провести его здраво и радостно и невредимо, въ концѣ своего разсужденія пишетъ и слѣдующее: „еще пребываючи азъ при вашей милости въ прошлые дни, говорилъ есми со преподобнымъ архимандритомъ спасскимъ Никономъ, и полюбилась мнѣ бесѣда его; и онъ есть мужъ благоговѣйный и досужъ и вѣрный царствія вашего; прошу, да будетъ имѣти повольно приходити къ намъ бесѣдовати по досугу, безъ запрещенія великаго вашего царствія". Послѣ поставленія Никона въ новгородскіе митрополиты, Паисій снова прислалъ въ Посольскій приказъ письмо, въ которомъ восхвалялъ государя за такой удачный выборъ. „Похваляемъ благодать, пишетъ Паисій царю, что просвѣти васъ Духъ Святый и избрали есте такого честнаго мужа, преподобнаго инокосвященника и архимандрита господина Никона, и возведе его великое ваше царствіе на святый престолъ святые митрополіи новгородскіе, и онъ есть достоинъ утверждати церковь Христову и пасти словесныя овца Христова, якоже глаголетъ Апостолъ: таковъ намъ подобаше архіерей, и будетъ молити Бога о многолѣтномъ здравіи великое ваше царствіе". Въ заключеніе Паисій выражаетъ желаніе, если позволитъ государь, подарить Никону одну мантію отъ святыхъ мѣстъ. Съ несомнѣнностію можно предположить, что въ бесѣдахъ между Паисіемъ и Никономъ затрогивались тѣ именно церковные вопросы, которые касались разностей, какія тогда существовали между русскою и греческою церковно-обрядовою практикою, причемъ Паисій старался убѣдить Никона въ правотѣ

тогдашней греческой практики и въ необходимости, въ видахъ полнаго единенія церквей, согласовать съ нею практику русской церкви. Что свои бесѣды съ Никономъ Паисій велъ именно на этой почвѣ, видно изъ того, что подобнаго же рода бесѣды Паисій велъ и съ самимъ царемъ, а съ патріархомъ Іосифомъ онъ, по приказанію царя, даже „учинилъ соглашеніе" относительно поста въ четыредесятницу и времени совершенія литургіи. Впослѣдствіи самъ Никонъ заявлялъ, что іерусалимскій патріархъ Паисій зазиралъ его за разныя церковныя вины и, между прочимъ, за неправильное изображеніе крестнаго знаменія. Конечно бесѣды Никона съ Паисіемъ происходили по желанію царя и Стефана Вонифатьевича, которые имѣли въ виду этимъ путемъ утвердить Никона въ убѣжденіи, что современная греческая церковь также православна, какъ и древняя, и что не русскіе, а греки должны быть образцомъ при упорядоченіи нашей церковно-обрядовой практики. Вѣроятно и самъ Никонъ, уже ранѣе признавшій ошибочность своего прежняго предубѣжденія противъ грековъ, стремился личною бесѣдою съ іерусалимскимъ патріархомъ провѣрить свои новыя воззрѣнія и убѣдиться въ ихъ правильности, и эти бесѣды несомнѣнно имѣли очень большое вліяніе на окончательную увѣренность Никона въ правотѣ его новыхъ воззрѣній на современныхъ грековъ. Что же касается патріарха Паисія, то его желаніе поближе сойтись съ Никономъ и оказать на него воздѣйствіе въ интересахъ грековъ и всего греческаго, было вполнѣ естественно. Никонъ былъ любимцемъ царя, самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ и, слѣдовательно, могъ расположить царя къ удовлетворенію всѣхъ просьбъ Паисія о помощи бѣдствующему св. Гробу. Съ другой стороны патріархъ Паисій не могъ не видѣть, что Никонъ въ скоромъ будущемъ будетъ играть въ русской церкви выдающуюся и, вѣроятно, исключительную роль, и потому съ своей стороны употребилъ всѣ усилія обратить Никона въ друга грековъ, постарался разсѣять въ немъ всѣ старыя неосновательныя предубѣжденія противъ грековъ и убѣдить его, что греки сохранили православіе, благочестіе и весь церковный чинъ и обрядъ въ своемъ первоначальномъ, неповрежденномъ видѣ и чистотѣ. Итакъ какъ это убѣжденія Никона Паисій къ томуже сопровождалъ особыми похвалами выдающимся качествамъ

ума и сердца Никона, а Никонъ никогда не былъ равнодушенъ къ расточаемымъ ему похваламъ, то онъ, послѣ бесѣдъ съ Паисіемъ, окончательно примкнулъ къ программѣ грекофильской церковной реформы, ранѣе намѣченной царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ.

Своими только личными бесѣдами съ Никономъ патріархъ Паисій не ограничился. Онъ рѣшился воздѣйствовать на русское правительство, и въ частности на Никона, въ видахъ дальнѣйшаго укрѣпленія его въ грекофильскомъ направленіи, съ помощію другихъ лицъ, нарочито присылаемыхъ въ Москву. Такъ 1650 году въ Москву прибылъ, посланный Паисіемъ, назаретскій митрополитъ Гавріилъ. Онъ, какъ мы знаемъ, занимался въ Москвѣ церковнымъ проповѣдничествомъ, а также книжными переводами и въ тоже время, съ разрѣшенія царя, велъ бесѣды съ Никономъ, настаивая, какъ знающій славянскій языкъ, на неисправности русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ и необходимости ихъ исправленія съ греческихъ подлиниковъ, указывалъ на нѣкоторые неправые русскіе обряды и на необходимость ихъ исправленія согласно съ обрядами, существовавшими въ греческой церкви. На такого рода зазиранія назаретскаго митрополита впослѣдствіи ссылался самъ Никонъ, въ оправданіе проводимой имъ церковной реформы. Но и посылкою въ Москву назаретскаго митрополита патріархъ Паисій неограничился. Сопровождавшій его изъ Москвы извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, затѣялъ съ греками въ Молдавіи извѣстныя свои пренія о вѣрѣ, причемъ рѣзко высказалъ тотъ взглядъ, что греки потеряли уже истинное благочестіе, которое теперь сохранилось только у русскихъ, что самое православіе современныхъ грековъ сомнительно. Для противодѣйствія этимъ взглядамъ и для поддержанія уже намѣченной въ Москвѣ грекофильской реформы, патріархъ Паисій рѣшилъ послать въ Москву такое довѣренное и авторитетное лицо, которое бы способно было убѣдительно разъяснить русскимъ ошибочность и полную несправедливость ихъ подозрительнаго отношенія къ правовѣрію и благочестію современныхъ грековъ, убѣдило бы ихъ въ необходимости привести русскій церковный обрядъ въ полное соотвѣтствіе съ тогдашнимъ греческимъ. Такимъ человѣкомъ былъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріилъ Власій, человѣкъ ученый,

знавшій языки греческій и славянскій, ранѣе уже хорошо извѣстный въ Москвѣ, такъ какъ онъ присылалъ въ Москву книги, писанныя на греческомъ и славянскомъ языкахъ, а также и разныя отписки съ тайными политическими вѣстями. При этомъ Гавріилъ Власій былъ знакомъ и съ тѣми церковными вопросами и недоумѣніями, рѣшеніемъ которыхъ, предполагалось, ему придется заняться въ Москвѣ. Онъ не только былъ свидѣтелемъ преній Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ, но и самъ принималъ въ этихъ преніяхъ непосредственное личное участіе и, значитъ, уже ранѣе былъ нѣсколько подготовленъ къ своей особой миссіи въ Москвѣ. Въ октябрѣ 1652 года митрополитъ Гавріилъ Власій прибылъ въ Москву, причемъ патріархъ Паисій, въ своей грамотѣ государю, рекомендуетъ Власія какъ „премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы", что „такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтаетца", что онъ уполномоченъ, „въ которомъ мѣстѣ не будетъ, *отвѣщати за насъ во всѣхъ благочестивыхъ вопросахъ православныя вѣры нашея*". Съ своей стороны, бывшій константинопольскій патріархъ Іоанникій, въ особой грамотѣ царю, заявлялъ, что Гавріилъ „и богословъ и православный въ родѣ нашемъ, *и что произволитъ великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ отвѣтъ будетъ держати благочестно и православно*, яко же воспріяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь". Очевидно митрополитъ Гавріилъ Власій былъ посланъ въ Москву Паисіемъ, между прочимъ, и съ особою спеціальною цѣлію: отвѣчать „отъ богословія и изысканія церковнаго" на всѣ тѣ вопросы, какіе, предполагалось, ему будутъ предложены въ Москвѣ. Какъ митрополитъ Гавріилъ Власій выполнилъ свою миссію въ Москвѣ мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Очень вѣроятно, что онъ велъ съ Никономъ, только что сдѣлавшимся патріархомъ, бесѣды „отъ богословія и изысканія церковнаго", относительно особенностей русскаго обряда и чина, о необходимости ихъ немедленнаго приведенія въ полное соотвѣтствіе съ тогдашними греческими чинами и обрядами, особенно въ виду того, что эти обрядовыя разности, какъ показали пренія Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ, подаютъ поводъ нѣкоторымъ русскимъ подозрительно и даже прямо отрицательно относиться къ

православію современныхъ грековъ. Вѣроятно эти бесѣды съ митрополитомъ Власіемъ, человѣкомъ ученымъ и уже ранѣе подготовившимся къ такимъ бесѣдамъ, вызвали въ Никонѣ окончательную рѣшимость немедленно заняться исправленіемъ русскаго церковнаго чина и обряда. Покрайней мѣрѣ вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Москвы митрополита Гавріила Власія (онъ выѣхалъ изъ Москвы въ февралѣ 1653 г.) Никонъ, въ виду наступившаго великаго поста, издалъ свое первое извѣстное реформаціонное распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи для крестнаго знаменія [1]).

Наконецъ былъ еще одинъ факторъ, который оказалъ сильное вліяніе если не на самую перемѣну въ воззрѣніяхъ Никона на грековъ, то на характеръ и выполненіе его будущей реформы. Это были пріѣхавшіе въ Москву въ 1649 году, вскорѣ послѣ отъѣзда іерусалимскаго патріарха Паисія, ученые кіевляне, и изъ нихъ по преимуществу ученѣйшій Епифаній Славинецкій. Дѣло въ томъ, что при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ въ кіевской Руси совершилась таже самая церковная реформа, которая произведена была потомъ Никономъ въ Москвѣ: и въ Кіевѣ, какъ и въ Москвѣ, исправлялись церковныя книги съ греческихъ, церковные обряды и чины приводились, по возможности, въ полное соотвѣтствіе съ греческими чинами и обрядами. Въ виду этого вполнѣ естественно было, что ученые кіевляне, перебравшись въ Москву, явились здѣсь поборниками той же самой церковной реформы, какую они уже пережили у себя на родинѣ, тѣмъ болѣе, что московскія церковныя особенности служили для многихъ москвичей поводомъ и основаніемъ заподозривать православіе не только современныхъ грековъ, но и кіевлянъ. Со стороны послѣднихъ поэтому вполнѣ естественно было желать, путемъ церковной реформы въ Москвѣ, снять съ себя нареканія москвичей въ уклоненіи отъ строгаго православія. Въ одной исторической запискѣ, конца XVII вѣка, о дѣятельности Епифанія раскaзывается, что онъ, прибывъ въ Москву, сталъ сличать греческую библію съ славянскими перeводами и нашелъ послѣднія очень неисправными, почему и сталъ заявлять въ слухъ всѣмъ, что стыдъ для православныхъ славянъ не имѣть у себя хорошаго перевода

---

1) Греческія дѣла 7161 г. № 5 (въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ).

Библіи. „И оттуду, заявляетъ записка, вину пріемъ святѣйшій Никонъ патріархъ нача съ греческихъ правити книги славянскія, по тогожде мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія разсмотрѣнію и извѣщенію, яко книга Литургіарій премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи съ греческимъ святыя литургіи. И тако мало по малу мудраго и православнаго сего Епифанія словеса доидоша въ слухи и самаго благочестивѣйшаго государя, царя и великаго князя, Алексѣя Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, что въ словенской Библіи премногая суть прегрѣшенія въ реченіихъ и разумѣніи, не отъ хитрости, но отъ простоты и невѣдѣнія, и несогласіе величайшее съ эллинскою седмдесятыхъ переводниковъ, преведшихъ древле при Птоломеѣ Филаделфѣ, египетстемъ царѣ, съ еврейскаго на эллинскій діалектъ“. [1]) Заявленіе записки объ Епифаніи, какъ первомъ, подмѣтившемъ испорченность славянскихъ переводовъ Библіи, вовсе невѣрно, такъ какъ Епифаній и вызванъ былъ въ Москву именно потому, что тутъ уже признана была несостоятельность переводовъ старо-славянскихъ Библіи и необходимость ея новаго перевода съ греческаго. Невѣрно и то извѣстіе записки, что будто бы благодаря именно разъясненіямъ Епифанія, Никонъ пришелъ къ мысли исправлять наши богослужебныя книги съ греческихъ; къ этой мысли пришли въ Москвѣ, какъ мы знаемъ, ранѣе прибытія Епифанія. Но не считая Епифанія иниціаторомъ въ книжныхъ Никоновскихъ исправленіяхъ, не приписывая ему на Никона того вліянія, какое усвояетъ ему указанная записка, нельзя однако не признать того, что Епифаній, съ которымъ хорошо былъ знакомъ Никонъ, равно какъ и другіе ученые кіевляне, могли имѣть значительное вліяніе на окончательную рѣшимость Никона начать церковную реформу въ извѣстномъ направленіи, что они своими знаніями и разъясненіями могли сообщить Никону большую увѣренность въ правотѣ и полезности дѣла реформы, могли воодушевлять его указаніемъ на примѣръ южной Руси, совершившей у себя, при Петрѣ Могилѣ, ту же церковную реформу. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ дѣлѣ самыхъ книжныхъ исправ-

---

[1]) Опис. рукоп. Ундальскаго № 1291. Словарь писателей духовн. чина ч. 1, стр. 178—183.

леній, кіевляне, благодаря своимъ знаніямъ и научному образованію, были самыми компетентными и полезными совѣтниками и пособниками Никона, который, безъ образованныхъ и свѣдущихъ людей, хорошо знающихъ греческій и славянскій языки, не могъ бы произвести и самой реформы, такъ какъ Никонъ не зналъ греческаго языка и самъ лично не могъ руководить всѣми частностями и подробностями книжныхъ исправленій.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ царя и Стефана Вонифатьевича, и, затѣмъ, подъ вліяніемъ іерусалимскаго патріарха Паисія, назаретскаго митрополита Гавріила, митрополита Навпакта и Арты Гавріила Власія, и подъ вліяніемъ выѣзжихъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ, Никонъ окончательно измѣнилъ свои старыя воззрѣнія на грековъ и греческое благочестіе, сдѣлался поклонникомъ и великимъ любителемъ всего греческаго, готовый, со свойственною ему энергіей, страстностію и увлеченіемъ, проводить свои новыя воззрѣнія въ жизнь. Значитъ, Никонъ теперь созрѣлъ въ извѣстномъ отношеніи настолько, что царь и Стефанъ Вонифатьевичъ смѣло могли предоставить ему, по смерти Іосифа, патріаршую каѳедру, въ полной увѣренности, что онъ поведетъ дѣло церковной реформы въ томъ именно духѣ и направленіи, какъ это было намѣчено ими ранѣе.

Къ московскому кружку ревнителей благочестія принадлежалъ еще очень видный и дѣятельный его членъ—любимецъ и довѣренное лицо царя, другъ и собесѣдникъ Стефана Вонифатьевича, постельничій и бояринъ Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ. Всецѣло преданный интересамъ церкви, лично глубоко благочестивый, добрый и щедро благотворительный, радѣтель о всѣхъ бѣдныхъ, больныхъ, старыхъ и несчастныхъ, любитель всякаго книжнаго чтенія и почитатель людей ученыхъ образованныхъ, Ѳедоръ Михайловичъ имѣлъ замѣтное вліяніе на дѣятельность и все направленіе кружка московскихъ ревнителей. Ему и Стефану Вонифатьевичу всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства согласно приписываютъ иниціативу введенія въ московскихъ церквахъ единогласія; Стефанъ по совѣту съ Ртищевымъ вызываетъ въ Москву Неронова, и дѣлаетъ его, какъ выдающагося народнаго проповѣдника, протопопомъ Казанскаго собора; Стефанъ совѣтуется съ нимъ и по поводу другихъ церковныхъ

дѣлъ. Особенно замѣтную роль сыгралъ Ртищевъ въ дѣлѣ насажденія въ Москвѣ кіевской учености и кіевскаго вліянія вообще. Онъ, говоритъ его житіе, имѣлъ особую любовь къ Кіево-Печерской лаврѣ, которой давалъ „милостыню немалу", а это повело его къ знакомству и сближенію съ кіевскими монахами, между которыми находилось немало лицъ, обучавшихся въ Кіевской академіи. Еще въ 1640 году Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, чрезъ своего посланнаго, предлагалъ устроить въ Москвѣ монастырь, населить его учеными кіевскими монахами и съ ихъ помощію открыть при монастырѣ школу. Это предложеніе Могилы, чрезъ нѣсколько лѣтъ, было осуществлено Ртищевымъ, который построилъ близь Москвы извѣстный Андреевскій монастырь, куда изъ Кіевской лавры и другихъ южно-русскихъ монастырей переселилъ до тридцати иноковъ „въ житіи, и въ чинѣ, и во чтеніи, и пѣніи, церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ". Конечно при его дѣятельномъ участіи были приглашены въ Москву, въ 1649 году, извѣстные ученые кіевляне: Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ, Птицкій и Епифаній Славинецкій. Въ 1652 году, по порученію Ртищева, съ разрѣшенія государя, путиловскій соборный попъ Иванъ привезъ въ Москву изъ Кіева Братскаго монастыря архидіакона Михаила, „да съ нимъ спѣвакъ: Өедора Тернопольскаго съ товарищи—одинадцать человѣкъ". Это кіевскіе пѣвчіе, приглашенные въ Москву только на время, „пошли въ Андреевскій монастырь на житье", а двумъ пѣвчимъ: Ивану Бережанскому и Михаилу Быковскому, какъ они сами заявляютъ въ челобитной царю, „по твоему государеву указу велѣно писати твое государево дѣло: книгу Камень" и состоять при Посольскомъ приказѣ. Съ своей стороны и архидіаконъ Михайло, по его собственному заявленію, занимался въ Москвѣ переводомъ книги учителя Августина, „которую, говоритъ онъ, велѣлъ мнѣ переводить дьякъ думный представившійся Михаило Юрьевичъ", и которую архидіаконъ дѣйствительно успѣлъ перевести въ Москвѣ до своего возвращенія въ Кіевъ [1]). Такъ энергично дѣйствовалъ Өедоръ Михайловичъ въ видахъ привлеченія въ Москву ученыхъ,

---

[1]) Малороссійскія дѣла (въ моск. арх. мин. ин. дѣлъ), связка 4, 1650 г. № 8, связка 5, 1652 г. № 15.

образованныхъ кіевлянъ, которые исполняютъ у насъ самыя разнообразныя порученія правительственныхъ лицъ: занимаются книжною справою, книжными переводами, служатъ посольскому приказу, обучаютъ московскихъ пѣвчихъ кіевскимъ церковнымъ напѣвамъ, которые начинаютъ получать у насъ съ этого времени значительное распространеніе. Понятно само собою, что вмѣстѣ съ кіевлянами въ Москву усиленно переправляются и разныя южно-русскія книжныя изданія, которыя находятъ на московскомъ рынкѣ хорошій пріемъ и все болѣе широкую распространенность, благодаря чему ученое кіевское вліяніе прочно и надолго укрѣпляется въ Московской Руси. И если царь Алексѣй Михаиловичъ стремился обучать своихъ пѣвчихъ греческимъ напѣвамъ, любилъ слушать греческое пѣніе и чтеніе въ церкви, старался имѣть въ Москвѣ греческихъ ученыхъ и греческую школу; то Ртищевъ можетъ быть названъ главнымъ и дѣятельнѣйшимъ въ Москвѣ сторонникомъ кіевлянъ и кіевской учености, энергичнымъ проводникомъ у насъ кіевскаго вліянія. Такъ именно на него и смотрѣли въ Москвѣ. Дьячекъ Костка Ивановъ показывалъ на допросѣ: „говорили-де ему, Косткѣ, Лучка и Ивашко: извѣсти-де протопопу, что-де онъ, Лучка, у кіевскихъ чернецовъ учиться нехочетъ, старцы-де недобрые, онъ-де въ нихъ добра не позналъ, и добраго ученья у нихъ нѣтъ; нынѣ-де онъ манитъ Өедору Ртищеву, боясь его, а впредь-де учиться никакъ не хочу. Поѣхалъ-де учиться (въ Кіевъ) Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а грамоту-де проѣзжую Өедоръ (Ртищевъ) промыслилъ доучиваться у старцевъ у кіевлянъ по латыни“. Значитъ Ртищевъ не только переселялъ въ Москву ученыхъ Кіевлянъ, но и москвичей поощрялъ учиться у нихъ, а успѣвающихъ въ ученіи посылалъ въ Кіевъ для завершенія тамъ образованія, причемъ нѣкоторые изъ москвичей стали учиться у кіевлянъ только „маня“ Өедору Ртищеву, т. е. чтобы только угодить и понравиться ему, вовсе серьезно не думая объ обученіи [1]).

Покровительствуя образованнымъ кіевлянамъ, поощряя москвичей обучаться у нихъ наукамъ, Ртищевъ, въ то же время вполнѣ раздѣлялъ и грекофильскія стремленія царя, такъ какъ недаромъ, конечно, въ Москвѣ нѣкоторые „межъ

[1]) Наша книга: патр. Никонъ, стр. 139—141, примѣчаніе.

себя шептали: учится-де у кіевлянъ Өедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той-де грамотѣ и еретичество есть". Извѣстный цареградскій архимандритъ, учитель, Венедиктъ [1]), во время своего пребыванія въ Москвѣ, въ письмѣ къ боярину Борису Ивановичу Морозову, между прочимъ пишетъ: „понеже чрезъ сына моего о Дусѣ святѣ, любимаго и мудрѣйшаго государя Өедора Михайловича мнѣ велѣлъ еси". Очевидно кромѣ кіевлянъ Ртищевъ знакомился и близко сходился и съ пріѣзжавшими въ Москву образованными греками, такъ что грекъ, учитель Венедиктъ, называетъ его своимъ сыномъ, любимымъ и мудрѣйшимъ. Но и этаго мало Ртищевъ привѣчалъ у себя не только кіевлянъ и грековъ, но и тѣхъ изъ русскихъ, которые выдавались изъ ряда другихъ своею жизнію, публичною дѣятельностію, дарованіями, начитанностію, такъ что его домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ вообще выдающихся дѣятелей, причемъ между представителями разныхъ взглядовъ и направленій, собиравшимися въ его домѣ, происходили иногда горячія и шумныя пренія. Такъ Нероновъ былъ близко знакомъ съ Өедоромъ Михаиловичемъ и впослѣдствіи (послѣ смерти протопопа Стефана), во время своихъ пріѣздовъ въ Москву, даже останавливался въ его домѣ. Протопопъ Аввакумъ, воззвратившись изъ Дауръ, по его словамъ, „къ Өедору Ртищеву зашелъ" и выражается о немъ: „дружище наше старое Өедоръ Ртищевъ", причемъ замѣчаетъ, что въ домѣ Ртищева онъ, протопопъ, „съ еретиками бранился и шумѣлъ о вѣрѣ и законѣ" [2]). Кіевлянинъ, пѣвчій Василій, заявлялъ, что его призывали къ себѣ въ домъ Ртищевы, гдѣ въ то время были еще Иванъ Озеровъ и старецъ Симеонъ (Полоцкій) „и клали предъ нимъ многіе книги, и онъ-де ихъ переспоривалъ" [3]). Разъ Нероновъ, уже примирившійся съ Никономъ и признавшій его книжныя исправленія, въ бесѣдѣ съ Ртищевымъ высказалъ однако мнѣніе, что новоисправленные служебники слѣдуетъ сжечь. Между тѣмъ кто-то донесъ Никону, что будто бы Нероновъ сжегъ новоисправленные слу-

---

1) Подробности объ архимандритѣ и учителѣ грекѣ Венедиктѣ см. въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 240—241, 284—286.

2) Матер. для ист. раск. т. I, 286—287; т. V, 59, 65, 66, 98—99.

3) Гибб. II, 978—979.

жебники и Никонъ, на основаніи этаго доноса, велѣлъ привести къ себѣ Неронова, предварительно арестовавъ его близкихъ. Нероновъ, разсказываетъ записка о его жизни „увидѣвъ сицевое, пришедъ ко окольничему, къ Ѳедору Михайловичу Ртищеву, свирѣпо къ нему рекъ: Іудо, предавай! съ тобою у меня была рѣчь, а не дѣло. И окольничей нача плакати, глаголя: Старецъ Григорій (Нероновъ), непопусти Боже, что мнѣ на тебя клеветнику быти; потерпи Бога ради со мною въ дому; азъ съ тобою къ патріарху иду, и страдати готовъ“; и дѣйствительно отправился къ патріарху и дѣло кончилось ничѣмъ [1]). Такимъ образомъ Ртищевъ ограждалъ отъ отвѣтственности тѣхъ лицъ, которые въ его домѣ дозволяли себѣ высказываться совершенно свободно и, благодаря этому обстоятельству, его домъ дѣйствительно былъ сборнымъ пунктомъ для представителей всѣхъ направленій, гдѣ каждый свободно высказывалъ свои мнѣнія, гдѣ велись горячіе споры по разнымъ вопросамъ, волновавшимъ тогдашнее общество, причемъ самъ Ртищевъ относился къ разнымъ мнѣніямъ и направленіямъ вполнѣ терпимо. Это были, очевидно, очень любопытныя и характерныя собранія.

Вполнѣ естественно было, что царь Алексѣй Михаиловичъ хорошо былъ ознакомленъ Ртищевымъ съ тѣми преніями, какія происходили въ его домѣ, съ тѣми лицами, которыя вели пренія, почему царю хорошо были извѣстны всѣ, какъ южно-руссы, такъ и москвичи, выдававшіеся или своею образованностію, или начитанностію и своею природною даровитостью, стремленіемъ къ общественной дѣятельности, искусствомъ и находчивостію въ преніяхъ, своимъ вліяніемъ на окружающихъ; царь зналъ, кто что защищаетъ, кто противъ чего борется, кто стоитъ за новое, кто за старое и т. под. Очевидно Ѳедоръ Михаиловичъ Ртищевъ былъ, такъ сказать, связующимъ звеномъ, посредникомъ между царемъ и тогдашнимъ передовымъ, болѣе образованнымъ и развитымъ московскимъ обществомъ: благодаря Ртищеву царь былъ въ курсѣ тогдашней передовой умственной московской жизни, самъ всецѣло примыкалъ къ ней, зналъ, не только всѣ ея направленія и оттѣнки, но и ея представителей.

Вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Михаиловичемъ Ртищевымъ дѣй-

---

[1]) Мат. I, 160.

ствовала и сестра его—Анна Михаиловна. По словамъ „Житія“ Ртищева [1]). Θеодоръ Михаиловичъ свою сестру „аки матерь почиташе“ и что она „бяше ему во всякомъ благотвореніи споспѣшница“. По словамъ житія Морозовой Θеодоръ Михаиловичъ и сестра его Анна (въ житіи ошибочно названная его дочерью), какъ родственники „и яко возлюбленніи Никону и его новопреданія сосуди“, не разъ пріѣзжали уговаривать Морозову соединиться съ церковію, причемъ будто бы говорили; „великъ и премудръ учитель Никонъ патріархъ, яко не туне и самъ царь его послушаетъ, и вѣра, отъ него преданная, зѣло стройна и добра, и красно по новымъ книгамъ служити“. И одна Анна Михаиловна не разъ пріѣзжала къ Морозовой уговаривать ее признать церковныя исправленія Никона. „Съѣли тебя, говорила она Морозовой, старицы бѣлевки, проглотили твою душу,—аки птенца отлучили тебя отъ насъ“ [2]). Въ виду преданности Анны Ртищевой церковной реформѣ Никона, въ виду той дѣятельной роли, какую она, и чрезъ брата и лично, играла въ дѣлѣ ея распространенія въ высшемъ московскомъ обществѣ, объ ней тенденціозно—насмѣшливо отзываются первые борцы за русскую церковную старину. Такъ прот. Аввакумъ, завѣряя, что Никонъ развратилъ царя, замѣчаетъ: „я вѣдь тогда тутъ былъ, все вѣдаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволомъ“. Разсказывая о призваніи Никона на патріаршество, Аввакумъ замѣчаетъ: „царь его на патріаршество зоветъ, а онъ бытто нехочетъ; мрачилъ царя и людей, а со Анною по ночамъ укладываютъ, какъ чему быть“. Еще въ одномъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „а о Павлѣ Крутицкомъ мерзко и говорить.... Анны Михаиловны любимый владыка, подпазушной песъ борзой“. Дьяконъ Θеодоръ объ Аннѣ Михаиловнѣ насмѣшливо выражается: „Анна, Никонова манна“ [3]). Очевидно Анна Михаиловна Ртищева была горячей, убѣжденной и энергичной сторонницей грекофильской тогдашней партіи, и очевидно она играла настолько замѣтную и для другихъ роль въ тогдашней церковной реформѣ, такъ близко стояла къ ея главнымъ дѣятелямъ, что вызвала противъ себя ненависть и инсинуаціи со стороны приверженцевъ церковной старины.

---

1) Житіе Ртищева напечатано въ XVIII томѣ Древн. Вивліоθики.

2) Мат. VIII, 149—151.

3) Мат. VIII, 29, 38; VI, 228. А. К. Бороздина: Прот. Аввакумъ, стр. 228.

Мы должны еще упомянуть воспитателя царя, боярина Бориса Ивановича Морозова, который былъ тоже сторонникомъ новыхъ московскихъ церковныхъ вѣяній и если, по своему положенію въ государствѣ, не имѣлъ возможности принимать непосредственное дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ, то несомнѣнно вполнѣ сочувствовалъ дѣятельности и направленію московскаго кружка ревнителей, поддерживалъ и одобрялъ царя въ его стремленіи произвести церковную реформу въ смыслѣ полнаго единенія русской церкви съ греческою, и привлеченія для этой цѣли въ Москву ученыхъ грековъ и кіевлянъ. Недаромъ, конечно, въ Москвѣ тихонько между собою говорили: „Борисъ-де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а кіевлянъ-де началъ жаловать, а то-де знатно дѣло, что туда уклонился къ таковымъ же ересямъ". Константинопольскій архимандритъ, учитель Венедиктъ, писалъ, будучи въ Москвѣ, Борису Ивановичу; „преславнѣйшій и честнѣйшій, всякія чести и достоинства достойный, государю Борисе Ивановичъ, — бьючеломъ и поклоняюся азъ богомолецъ твой грѣшный, архимандритъ Венедиктъ цареградскій. Понеже чрезъ сына моего о Дусѣ святѣ, любимаго и мудрѣйшаго государя Ѳедора Михаиловича, мнѣ велѣлъ еси, богомольцу своему, да ти изъявляю о седми оныхъ фіалехъ, о нихъ же Іоанъ Ѳеологъ и Евангелистъ пишетъ во Апокалипсисѣ въ 15 главѣ дажъ до 17,—да увѣсть паки твоя мудрость сіе вкратцѣ, понеже времене не имамъ, да ти пишу во мнозѣ, якожъ и подобаетъ, понеже въ Посольскомъ приказѣ мнѣ велятъ по праздницѣ ѣхать. Понеже фіалы суть единъ сосудъ, яко братина; но яко суть братинки иная малыя, а иныя великія, и вся единымъ зовутъ именемъ; сице и фіалы: иныя суть во образѣ малы, а иные великіи" и т. д. [1]). Изъ этаго письма Венедикта видно, что Борисъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ другими, интересовался религіозными вопросами, обращался, чрезъ посредство Ртищева, за разрѣшеніемъ ихъ къ пріѣзжавшимъ въ Москву ученымъ грекамъ, какъ болѣе компетентнымъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, чѣмъ доморощенные московскіе грамотѣи.

---

1) Рук. сборн. имп. публ. библ. по каталогу Богданова, вып. І, № 86; л.л. 207—210.

Изъ всего сказаннаго нами объ извѣстныхъ намъ представителяхъ кружка ревнителей благочестія, нетрудно видѣть, что въ составъ кружка вошли люди очень различнаго общественнаго положенія и происхожденія: въ немъ мы видимъ самаго царя, боярина Ртищева, Никона, сначала архимандрита, а потомъ митрополита, царскаго духовника—благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьевича, нѣсколько столичныхъ и провинціальныхъ протопоповъ и священниковъ, и даже женьщину: Анну Михаиловну Ртищеву. Рядомъ съ царемъ и бояриномъ другіе ревнители были очень невиднаго происхожденія: это или поповичи, или дѣти крестьянъ, начавшіе свою общественную карьеру съ обученія грамотѣ у какаго либо захолустнаго мастера, и потомъ перешедшіе на клиросъ или своей родной деревенской церкви или ближайшаго монастыря, и постепенно прошедшіе всѣ церковныя степени, начиная съ причетника. Нетрудно видѣть, что члены кружка ревнителей благочестія были люди для тогдашняго времени относительно образованные, отличавшіеся большою начитанностію, правда очень одностороннею и узкою, но всетаки рѣзко выдѣлявшею ихъ изъ среды безграмотной массы, дѣлавшею ихъ людьми сравнительно свѣдущими, знающими, почему Нероновъ и оттестуетъ ихъ „добрѣ вѣдущими законъ и пророки“. Всѣ члены кружка были люди глубоко благочестивые, набожные, очень воздержные въ своей частной жизни и нравственные, всецѣло преданные церкви и ея интересамъ, постоянно ревновавшіе не только о своемъ личномъ спасеніи, но и о спасеніи другихъ, и потому люди очень учительные, всегда готовые поучать, наставлять, обличать. Всѣ они дѣйствовали на религіозно-церковной основѣ, на почвѣ и въ духѣ тогдашняго церковнаго благочестія, одинаково и ревностно стремились къ улучшенію церковной и всей вообще религіозно-нравственной жизни общества, и свои общественно церковные идеалы стремились провести въ жизнь подъ флагомъ строгаго православія, истинной неповрежденной церковности. Посуществу всѣ они были людьми съ реформаторскими болѣе или менѣе стремленіями, такъ какъ они ясно сознавали недостатки церковной и всей вообще религіозно-нравственной жизни тогдашняго общества, считали себя призванными бороться съ этими недостатками, перевоспитать и улучшить все общество своею дѣятельно-

стію. Но, при извѣстной одинаковости и общности стремленій всѣхъ реформаторовъ, при общности и одинаковости ихъ исходной точки и цѣли, сами реформаторы значительно расходились однако между собою въ пониманіи того, какимъ путемъ, съ помощію какихъ средствъ и въ какихъ границахъ нужно вести общество по пути усовершенствованія. Если, напримѣръ, Нероновъ и Аввакумъ были, относительно значительной массы духовенства, либералами, новаторами и чуть не еретиками, такъ какъ они строго держались единогласія, чинности и истовости въ отправленіи церковныхъ службъ и были учительны; то они же, съ другой стороны, были завзятыми консерваторами по отношенію къ Никоновской реформѣ, которая въ ихъ глазахъ была отрицаніемъ древняго благочестія, самаго православія, прямо злою ересью. Съ своей стороны самъ Никонъ, такъ горячо ратовавшій въ пользу тѣснаго единенія до послѣднихъ обрядовыхъ мелочей русской церкви съ греческою, дружившій съ учеными греками и кіевлянами, пользовавшійся въ своихъ цѣляхъ ихъ знаніями и ученостію; въ тоже время крайне нетерпимо относился ко всякому заимствованію съ запада, къ западной наукѣ и образованности, видѣлъ въ этомъ угрозу православію, чуть не ересь, которую нужно всячески преслѣдовать. Если царь, Ртищевъ, Стефанъ готовы были устроить въ Москвѣ, съ помощію грековъ и кіевлянъ, настоящую школу, и съ помощію ея насаждать у насъ науку и образованность; то провинціальные ревнители кружка относились къ греческимъ и кіевскимъ ученымъ и къ самой ихъ наукѣ прямо отрицательно, видѣли въ наукѣ и учености только одно зловредное киченіе человѣческаго ума, угрозу православію. Словомъ, члены кружка ревнителей, при одиноковости основъ своего міросозерцанія и пониманія окружающихъ ихъ явленій общественной жизни, при одинаковости ихъ воззрѣній на задачи и цѣли своей общественной дѣятельности, въ тоже время имѣли очень важныя и существенныя различія во взглядахъ на самый характеръ и причины существующихъ церковныхъ и другихъ нестроеній, на тѣ способы и средства, съ помощію которыхъ онѣ должны быть устранены и замѣнены лучшими порядками; почему одни изъ нихъ задачи реформы и улучшеній понимали болѣе широко, другіе болѣе узко, одни думали достигнуть предположенной цѣли одними

средствами, другіе считали эти средства недостаточными и находили нужнымъ прибѣгнуть къ другимъ, — единства во взглядахъ на характеръ предстоящей реформы и на средства ея проведенія у нихъ не было. Неудивительно поэтому, что члены кружка ревнителей благочестія, одинаково стремившіеся улучшить, реформировать жизнь русскаго общества, пошли къ этой цѣли разными путями, потянули русское общество въ разныя стороны, а въ концѣ концовъ враждебно столкнулись между собою и вступили другъ съ другомъ въ открытую ожесточенную борьбу, причемъ та и другая сторона, увлекаясь борьбою, впала въ односторонность, въ полное отрицаніе дѣятельности и всякой правоты своихъ противниковъ. Впрочемъ въ началѣ, когда кружку еще приходилось завоевывать, такъ сказать, самое существованіе, создавать и укрѣплять свое право на руководящую роль въ общей церковной жизни, бороться съ своими противниками и среди высшей церковной іерархіи и среди низшаго духовенства, кружекъ дѣйствовалъ единодушно и дружно.

ГЛАВА III.

Борьба кружка ревнителей благочестія съ патріархомъ Іосифомъ по вопросу о единогласіи.

Первоначальная общая дѣятельность кружка ревнителей благочестія. Неудовольствіе на эту дѣятельность со стороны высшихъ духовныхъ властей, особенно патріарха. Столкновеніе между ревнителями и патріархомъ Іосифомъ изъ за единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Возникновеніе и развитіе у насъ многогласія. Неудачная борьба съ этимъ злоупотребленіемъ, начиная съ Стоглавнаго собора. Стефанъ Вонифатьевичъ и Ртищевъ вводятъ единогласіе сначала въ своихъ церквахъ, а потомъ къ нимъ присоединяются царь, Нероновъ, Никонъ и другіе ревнители. Соборъ 11 февраля 1649 года, подъ предсѣдательствомъ патріарха Іосифа, рѣшаетъ вопросъ въ пользу стараго многогласія. Царь не признаетъ этого соборнаго постановленія и заставляетъ патріарха Іосифа передать рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе константинопольскаго патріарха, который безусловно высказывается за единогласіе. Въ 1651 году патріархъ Іосифъ принужденъ былъ созвать новый соборъ для вторичнаго разсмотрѣнія вопроса о единогласіи и порѣшить его, вопреки своему прежнему постановленію, такъ, какъ желали его противники-сторонники единогласія. Патріархъ Іосифъ теряетъ всякое значеніе въ церковныхъ дѣлахъ вплоть до самой своей смерти.

Первоначальная общая дѣятельность всѣхъ членовъ кружка ревнителей благочестія опредѣлялась наличностію тѣхъ пороковъ и недостатковъ, какіе въ то время существовали въ жизни народа, самаго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, наличностію тогдашнихъ церковныхъ безпорядковъ, отсутствіемъ живой проповѣди и вообще учительности въ духовенствѣ. На борьбу съ общественными пороками и недостатками, на борьбу съ лѣностію и распущенностію духовенства и выступилъ прежде всего кружекъ ревнителей, поставивъ своею задачею водворить въ народѣ истинное христіанское благочестіе, уничтожить разные церковные безпорядки, вызвать къ жизни церковную проповѣдь.

Прежде всего кружекъ ревнителей энергично возсталъ противъ разныхъ народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій, народныхъ иногда кощунственныхъ забавъ и увеселеній, настаивая предъ высшею церковною и свѣтскою властію, что бы она пришла къ нимъ на помощь въ этомъ дѣлѣ своими правительственными мѣрами: запрещеніями и указами. И съ этой стороны кружекъ достигалъ своей цѣли: благодаря воздѣйствію Стефана Вонифатьевича на царя изданъ былъ цѣлый рядъ указовъ и распоряженій въ видахъ уничтоженія въ нородѣ грубыхъ и безнравственныхъ языческихъ игрищъ, забавъ и суевѣрій, на которыя указывали правительству ревнители. Затѣмъ кружекъ выступилъ съ энергичными обличеніями безпорядочной, зазорной жизни какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства и настаивалъ предъ властями, что бы онѣ предприняли мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ, также и разныхъ церковныхъ нестроеній, проявляющихся въ самомъ отправленіи духовенствомъ церковныхъ службъ. Въ то же время кружекъ ревнителей усиливался возстановить совсѣмъ было замолкшую на Руси церковную проповѣдь, настаивая, что бы при церковныхъ службахъ народу читались положенныя уставомъ поученія и житія, причемъ сами члены кружка старались неукоснительно выполнять всѣ тѣ требованія, какія они предъявляли къ остальному духовенству [1]).

Указанная дѣятельность кружка ревнителей, находившихъ себѣ постоянную поддержку и поощреніе въ царскомъ духовникѣ Стефанѣ Вонифатьевичѣ и прочную опору въ самомъ государѣ, естественно не могла нравиться какъ патріарху, такъ и большинству епархіальныхъ архіереевъ. Въ дѣятельности кружка патріархъ и власти видѣли косвенное порицаніе ихъ архипастырской дѣятельности, обличеніе ихъ въ нерадѣніи въ исполненіи своихъ архипастырскихъ обязанностей, въ преступномъ ихъ равнодушіи къ печальному нравственно - религіозному положенію пасомыхъ, духовенства и самой церкви, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя челобитныя ревнителей даже прямо принимали наставительно-учительный тонъ относительно патріарха и другихъ архіереевъ. Неизвѣстный, на-

---

[1]) Указанныя стороны общей дѣятельности кружка ревнителей, по дробно изложены нами въ нашей книгѣ: патр. Никонъ, стр. 117—128.

примѣръ, въ своей челобитной къ патріарху Іосифу, называя себя „грубоумнымъ его богомольцемъ“, въ то же время напоминаетъ Іосифу о его предшественникахъ—московскихъ митрополитахъ: Петрѣ, Алексѣѣ, Іонѣ, примѣру которыхъ и приглашаетъ Іосифа слѣдовать въ своей архипастырской дѣятельности, причемъ рѣзко заявляетъ: „твоего святительскаго рукоположенія служители (церкви), только именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, только нареченіемъ и образомъ учители, а произволеніемъ тяжцы мучители“. Онъ молитъ Іосифа поревновать о церквахъ Божіихъ, оказать ревность по примѣру своихъ великихъ предшественниковъ на московской каѳедрѣ и исправить „хромое“, пока еще есть время. Другой челобитчикъ такъ пишетъ суздальскому архіепископу Серапіону: „ты, святителю Божій, яко же слышится, не прележиши, еже отринути и воспретити худыхъ человѣкъ, по бѣсовскому ухищренію, возношеніе и гордость на невѣсту Христову, глаголю церковь Божію: или мниши избѣжати суда Божія? Помни реченное въ писаніи: тому же быть волку и сему, аще волкомъ терпитъ, а не пастырю. Ты бо еси пастырь поставленъ и стражъ людемъ Божіимъ отгоняти волки, яко же во Іезекеилѣ речено бысть. Того ради и епископъ нарицаешися и мѣста высокого сподобился еси, еже ти смотряти опасно на вся люди, сущія подъ паствою твоею, и учити на благовѣріе... И о семъ зельнѣ болю душею, яко отдалъ еси паству свою волкомъ на расхищеніе, паче же церковь Божію въ поруганіе мятежникомъ“.—Понятно, что подобныя обличенія со стороны ревнителей самихъ архипастырей церкви, приравниваніе ихъ къ волкамъ и губителямъ своихъ пасомыхъ и самой церкви, естественно вызывали сильное раздраженіе и непріязнь со стороны высшей духовной власти. Но одними обличеніями и укоризнами по адресу архипастырей церкви, кружекъ ревнителей не ограничился. Благодаря сочувствію къ себѣ и поддержкѣ царя и близкихъ къ нему лицъ, кружекъ дѣлается постепенно крупною силою, начинаетъ оказывать очень замѣтное вліяніе и прямо давленіе на ходъ всѣхъ вообще церковныхъ дѣлъ, начинаетъ оказывать вліяніе на самое назначеніе митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ на царя чрезъ Стефана Вонифатьевича. Вслѣдствіе этаго руководство всею церковною

6*

жизнію стало переходить въ руки кружка ревнителей, который фактически дѣлался управителемъ всей русской церкви. Понятно, что патріархъ и всѣ власти, которымъ по праву принадлежала иниціатива во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ собственно должны были исходить всѣ церковныя мѣропріятія и постановленія, оказались стоящими въ сторонѣ, иниціатива въ церковныхъ дѣлахъ стала ускользать изъ рукъ властей и переходить къ ревнителямъ, которые дѣлаются все смѣлѣе, энергичнѣе и требовательнѣе. Очень и очень непріятно должны были чувствовать себя власти, у которыхъ власть осязательно начинала ускользать изъ рукъ, и относительно которыхъ ревнители, состоявшіе въ значительной части изъ бѣлаго духовенства, часто не скупились на рѣзкія обличенія. Но особенно сильно долженъ былъ чувствовать это и сознавать самъ патріархъ, подъ бокомъ и на глазахъ котораго родилась и выросла эта враждебная ему и всѣмъ архіереямъ сила, грозившая окончательно отстранить его и всѣхъ властей отъ фактическаго управленія церковію. Тогда патріархъ Іосифъ рѣшился вступить въ борьбу съ ревнителями. Вопросъ о введеніи единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи и сдѣлался тѣмъ боевымъ вопросомъ, около котораго произошла рѣшительная борьба между патріархомъ и кружкомъ ревнителей, причемъ дѣло тутъ шло не только о единогласіи, но и о томъ: кто побѣдитъ—партія-ли новаторовъ-ревнителей, съ Стефаномъ Вонифатьевичемъ во главѣ, или партія приверженцевъ старыхъ церковныхъ порядковъ, во главѣ которой открыто сталъ теперь патріархъ Іосифъ, поддерживаемый большинствомъ архіереевъ и приходскимъ духовенствомъ, недовольнымъ реформаторскими затѣями кружка. Почему изъ всѣхъ другихъ вопросовъ, поднятыхъ ревнителями, именно вопросъ о единогласіи выдвинулся на первое мѣсто и сдѣлался боевымъ по преимуществу, это объясняется тѣмъ, что другіе вопросы, какъ, напримѣръ, о необходимости борьбы съ остатками язычества, съ распущенною жизнію бѣлаго и чернаго духовенства, ни въ комъ не возбуждали сомнѣній: ненормальность указанныхъ явленій и необходимость борьбы съ ними признавалась всѣми. Другое было съ вопросомъ о единогласіи: тутъ возможны были, съ точки зрѣнія тогдашняго пониманія дѣла, и споры по этому вопросу, и борьба изъ за него.

Еще Стоглавый соборъ постановилъ: „псалмовъ бы и псалтыри вдругъ не говорили и каноновъ по два вмѣстѣ не канонархали, но по единому, занеже то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ; тако творити отцы отречено бысть“. Но не смотря на такое постановленіе Стоглаваго собора, „то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“ продолжались по прежнему, по прежнему службы церковныя совершались разомъ нѣсколькими голосами: одинъ пѣлъ, другой въ это время читалъ, третій говорилъ эктеніи или возгласы, или читали сразу въ нѣсколько голосовъ и каждый свое особое, не обращая вниманія на другихъ, и даже стараясь ихъ перекричать. Всякая чинность, стройность, а также и всякая назидательность богослуженія, окончательно терялись — церковная общественная служба, при такихъ порядкахъ, не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву предстоящихъ, но напротивъ: пріучала ихъ относиться къ богослуженію чисто механически, безсмысленно, только внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго участія мысли и чувства. Многіе изъ народа стали смотрѣть на посѣщеніе церкви, какъ на одну формальность, и не только во время богослуженія держали себя крайне непристойно, что чуть-ли не сдѣлалось общимъ правиломъ, но и старались ходить въ тѣ именно церкви, гдѣ служба, ради многогласія, совершалась съ особою скоростію. Съ своей стороны духовенство, желая заманить въ свои храмы побольше народу, доводило скорость церковныхъ службъ до крайности, дозволяя въ храмѣ читать единовременно голосовъ въ шесть и больше. Эти вопіющіе безпорядки въ церковномъ богослуженіи глубоко возмущали всѣхъ истинно благочестивыхъ людей, и по ихъ жалобамъ высшія церковныя власти предпринимали противъ злоупотребленій нѣкоторыя мѣры. Патріархъ Гермогенъ въ посланіи пишетъ: „повѣдаютъ намъ христолюбивые люди со слезами, а иніи писаніе приносятъ, а сказываютъ, что въ мірскихъ людяхъ, паче во священникахъ и иноческомъ чинѣ, вселися великая слабость и небреженіе, о душевномъ спасеніи нерадѣніе, и въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе. По преданію св. апостолъ и по уставу св. отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ-де въ голоса въ два, и въ три, и въ четыре, а индѣ и

въ пять—въ шесть. И то нашего христіанскаго закона чуже".[1]) Въ 1636 году нижегородскіе священники въ своей челобитной патріарху Іосифу заявляютъ: „въ церквахъ, государь, зѣло поскору пѣніе, не по правиламъ святыхъ отецъ, ни наказанію васъ, государей, говорятъ голосовъ въ пять и шесть и болѣ, со всякимъ небреженіемъ, по скору. Екзапсалмы, государь, такоже говорятъ съ небреженіемъ не во единъ же голосъ, и въ тужъ пору и псалтырьи каноны говорятъ, и въ тужъ пору и поклоны творятъ невозбранно" [2]). Подобныя церковныя нестроенія совершались и въ самой Москвѣ и по другимъ епархіямъ. Такъ патріархъ Іоасафъ, въ памяти тіуну Манойлову 1636 года, заявляетъ, что въ Москвѣ во всѣхъ церквахъ „чинится мятежъ и соблазнъ и нарушеніе нашея святыя и православныя христіанскія непорочныя вѣры", во всѣхъ церквахъ „зѣло по скору пѣніе Божіе, говорятъ голосовъ въ пять и шесть и больши, со всякимъ небреженіемъ". Патріархъ запрещаетъ многогласіе, однако сейчасъ же дѣлаетъ и уступку въ пользу укоренившагося злоупотребленія; „а въ церкви бы велѣти говорити, пишетъ онъ, голоса въ два, а по нуждѣ въ три голосы, опрочѣ экзапсалмовъ, а экзапсалмы бы по всѣмъ церквамъ говорили въ одинъ голосъ, а псалтыри и каноновъ въ тѣ поры говорити отнюдь не велѣти". Суздальскій архіепископъ Серапіонъ въ своемъ окружномъ посланіи 1642 года пишетъ: „вѣдомо убо намъ, архіепископу, отъ многихъ извѣстися, что въ Суздалѣ и по всѣмъ городомъ нашея архіепископьи, въ соборныхъ и приходскихъ святыхъ Божіихъ церквахъ чинятца мятежи и соблазнъ и нарушеніе святыя нашея православныя христіанскія непорочныя вѣры, что въ святыхъ Божіихъ церквахъ зѣло по скору пѣніе Божіе, не по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ: говорятъ въ голосовъ въ пять и шесть и больши, со всякимъ небреженіемъ". Въ виду этихъ злоупотребленій архіепископъ повелѣваетъ: „а въ церкви велѣти говорити голоса въ два, а экзапсалмы по всѣмъ церквамъ говорити въ одинъ голосъ, а псалтыри и каноновъ въ ту пору говорить отнюдь невелѣть". Но такъ какъ злоупо-

---

[1]) Сахарова: Изслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣніи.

[2]) Чт. общ. ист. и древн. 1902 г., кн. II, отд. IV, статья Н. В. Рождественскаго.

требленія продолжали существовать по прежнему, то они по прежнему продолжали вызывать и горькія жалобы людей благочестивыхъ. Такъ, неизвѣстный въ челобитной къ патріарху Іосифу говоритъ: „воспомяну тебѣ, государь, и о бездушныхъ гласѣхъ — благовѣсты и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне по чину содѣваются, первому другое послѣдуя, звонъ съ благовѣстомъ несмѣсно; царскаго же, государь, пѣнія обычай отъ многихъ небрегомъ и не по ряду совершается, яко же предаша намъ святіи отцы, ежебы первыхъ божественны сладости вкусивше, и другихъ совершенію святыя службы всѣмъ всякаго глаголемаго и чтомаго и поемаго словеси насыщатися; но точію, государь, именемъ утренняго времени зовется утреня, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается же, государь, отъ многогласія въ церквахъ Божіихъ пѣніе образомъ неистоваго пьянства: къ начальному пѣнію другій поемлетъ и третій, даже и до пяти и шести гласовъ купно бываетъ. И еще, государь, бываемое, кто наречетъ святаго церковнаго устава обычай? Воистину государь, тѣмъ сводимъ на себе гнѣвъ Божій, а не милость“ [1]). Біографъ Неронова говоритъ: „въ оная времена отъ неразумѣющихъ божественнаго ученія внійде въ святую церковь смущеніе веліе, яко чрезъ уставъ и церковный чинъ не единогласно пѣваху, но въ гласы два, и три, и въ шесть церковное совершаху пѣніе, другъ друга неразумѣюще, что глаголетъ; и отъ самѣхъ священниковъ и причетниковъ шумъ и козлогласованіе въ церквахъ бываше странно зѣло: клирицы бо пояху на обоихъ странахъ псалтырь и иныя стихи церковныя, не ожидающе конца ликъ отъ лика, но купно вси кричаху; псаломникъ же прочитоваше стихи, не внимая поемыхъ, начинаше иныя, и не возможно бяше слушающему разумѣти поемаго и читаемаго“ [2]). Нѣкто, называющій себя Агаѳоникомъ, прислалъ суздальскому архіепископу Серапіону цѣлое обширное посланіе, съ цѣлію доказать необходимость введенія во всѣхъ церквахъ обязательнаго единогласія и необходимость уничтоженія укоренившагося у насъ многогласія. Послѣ небольшаго вступленія, съ выраженіемъ почтенія къ архіепископу и своего недостоин-

---

[1]) Наша книга: Патр. Никонъ, приложеніе.

[2]) Мат. т. І.

ства, послѣ укоровъ архіепископу за его нерадѣніе въ борьбѣ съ приверженцами многогласія, которые, какъ волки, расхищаютъ его паству, производятъ церковный раздоръ, авторъ спрашиваетъ: „кто сіе устави единогласное и благочинное пѣніе—повѣждь ми?“ И отвѣчаетъ: „не инъ бо кто сіе устави, но иже восшедый до третьяго небесе, Павелъ Апостолъ, яко же рече: нынѣ же братія, аще пріиду къ вамъ языки глаголяй, кую вамъ пользу сотворю, аще вамъ не глаголю или во откровеніи, или въ разумѣ, или въ пророчествіи, или въ наученіи“.., и ссылаясь на толкованіе этихъ словъ Апостола Златоустомъ, говоритъ: „тако и мы, святый владыко, во святыхъ Божіихъ церквахъ, егда въ два гласа и въ три и четыре вдругъ говоримъ вси, которая польза будетъ слышающимъ? всюду неполезное будетъ, яко же Златоустый глаголетъ здѣ и Павелъ Апостолъ. Слыши святый владыко, како Апостолъ Павелъ, Златоустъ безполезное показуютъ пѣніе „съ безчиніемъ бываемое“... Приводя другія мѣста изъ Апостола Павла и толкованія на нихъ Златоуста, говоритъ: „вонми святый владыко Апостола гласу, яко бѣснующихся являетъ быти всѣхъ глаголющихъ вдругъ; не явѣ-ли мы, егда въ гласа въ два, и въ три, и въ четыре, и въ пять, овогда и въ шесть и въ седмь, неточію невѣрніи, но и вѣрный, благочестіе и благочиніе церковное любяй, неречетъ-ли намъ — бѣснуемся? ей посмѣется сему нашему бѣснованію“. Снова приводя слова Апостола Павла и толкованіе Златоуста, говоритъ: „видиши-ли владыко святый, како Павелъ Апостолъ и Златоустый Іоаннъ къ пользѣ вся творити повелѣваютъ, и къ созиданію ближняго и исправленію; кая же польза получити предстоящимъ въ церкви людемъ во время божественнаго пѣнія, егда въ гласа два или три и множае вдругъ говорятъ,—никако ничесого, точію шумъ всуе, и безъ пользы, и пагуба съ великимъ грѣхомъ“. И опять приводя слова Ап. Павла и толкованія Златоуста, говоритъ, что онъ „повелѣ явно вездѣ по вселеннѣй во всѣхъ церковныхъ святыхъ, пѣти единымъ гласомъ, вниманія и созиданія ради слышати хотящихъ слова Божія въ пользу себѣ, да не безъ плода отъ церкве отъидутъ“. Ссылаясь затѣмъ, въ подтвержденіе необходимости единогласія на Григорія Богослова, авторъ, обращаясь къ архіепископу, говоритъ: „что же святителю Божій къ симъ? Аще сихъ свидѣтелей не требуемъ,

или не преемлемъ, глаголющихъ правая и истинная о Христѣ и о догматѣхъ, то убо тща и вѣра наша, обрѣтаютжеся и лжесвидѣтели Божія Апостоли, яко послушествоваше на Бога, яко воскреси Христа, Его не воскреси; и умершіи о Христѣ и о догматѣхъ—погибоша; аще въ животѣ семъ уповающе есмы въ Христа точію,—окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы; и евангельская проповѣдь и апостольская преданія, и правила святыхъ и богоносныхъ отецъ будутъ ложны и не истинны, тако же и уставы церковныя; то убо нынѣшнихъ мятежниковъ и раскольниковъ церковныхъ уставы добры? Ни, не буди тако. Вся сія бляди суть суетословцовъ и своевольниковъ, якоже Златоустъ глаголетъ, зане по своему ихъ любоначалію сія глаголющимъ, и творящимъ во святыхъ церквахъ еретическій сей шумъ, а любоначаліе мати есть ересямъ, якоже Златоустый глаголетъ. Буди намъ послѣдовати и творити по преданію святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ правиломъ, и по церковнымъ уставомъ, еже въ пользу себѣ и всему православному христіанству, а еретическихъ блядей и богопротивныхъ всячески ошаяватися и отметати ихъ". Авторъ заявляетъ, что за единогласіе говорятъ не только указанные имъ святые мужи, но и московскій Стоглавый соборъ, постановленіе котораго о единогласіи онъ и приводитъ, а также и московскій патріархъ Гермогенъ, „новый исповѣдникъ", также боровшійся съ многогласіемъ; и затѣмъ, обращаясь къ архіепископу, говоритъ: „поминай святителю Божій Златоустаго слово, яко рече: да не убо ми речеши, яко пресвитеръ согрѣшилъ есть, ниже яко діаконъ: всѣхъ сихъ на главу хиротонисавшихъ вины переходятъ". Въ заключеніе своихъ разсужденій и доказательствъ въ пользу безусловной обязательности для всѣхъ единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи, авторъ приходитъ къ такому выводу, что „всею силою и мощію должни суть архіепископи и епископи имѣти стражбу о освященныхъ кононѣхъ божественныхъ правилъ, поручено бо есть имъ твердо соблюдати я, да ничто отъ нихъ преступаемое и забытіемъ преминуемо, ни изысканіемъ оставляемо, во онъ день въ мукахъ онѣхъ изыскано будетъ: хранящіи бо священныя каноны Владыки Бога сподобляются, сія же преступающіи, въ конечное осужденіе себѣ влагаютъ. Божественнымъ канономъ несохраняемымъ, различна преступленія бываютъ, отъ тогоже Божій

гнѣвъ на насъ сходитъ, и многія казни, и послѣдній судъ. Тому сему повинни суть святители, не бдяще, не стрегуще винограда, еже есть церковь, но препущающе во обиду по нѣкоей страсти, или по неразумію небоязны вышняго страха, иже суть клялися сохранити и судьбы закона и правды Божія,—горекъ судъ таковымъ и подѣломъ воздаяніемъ будетъ. Бога ради, молимъ тя, святителю Божій, со всѣми, иже Бога любящими, во еже силою Святаго Духа, по богоизбранномъ народѣ твоея паствы, паческе о душахъ ихъ, поболѣти и руку подати требующимъ и исцѣлити братію, погибнути хотящихъ, и во единое собрати разстоящыяся уды, исправити же согрѣшеніе, дондеже время настоитъ, яко да многимъ странамъ подашъ подобающе согласіе, еже убо безмѣстіе худыхъ человѣкъ погубити возношеніе, занеже се и Владыцѣ всѣхъ благоугодно и вышши всякія молитвы“ [1]).

---

1) Агаѳоникъ, авторъ посланія къ суздальскому архіепископу о единогласіи, былъ москвичъ, а не суздалецъ. Это видно изъ слѣдующихъ его словъ: „якоже и въ нынѣшнее настоящее время *и у насъ на Москвѣ* въ мірскихъ церквахъ“... Онъ былъ не архіерей, а священникъ, потому что, говоря о священникахъ, выражается: „мнѣ подобніи“, и особенно изъ заключительныхъ словъ посланія, гдѣ авторъ называя себя худоумнымъ, „рабски творя метаніе къ стопамъ честныхъ ногъ“ архіепископа, заявляетъ, что хотя „николиже бо, святителю Божій, *овца* пастыремъ не бываетъ, ниже заяцъ льву“, но въ надеждѣ на доброту святителя рѣшился писать къ нему. Кто былъ Агаѳоникъ, не знаемъ, такого лица не встрѣчается между извѣстными намъ тогдашними московскими дѣятелями. Предполагаемъ, что это посланіе къ Серапіону было написано или самимъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, или кѣмъ либо другимъ по его порученію, и разсылалось потомъ отъ его лица тѣмъ архіереямъ, отъ которыхъ Стефанъ ожидалъ сочувствія его заботамъ о введеніи единогласія. Къ числу такихъ сочувствующихъ, но нерѣшительныхъ архіереевъ, принадлежалъ и Серапіонъ. Это видно изъ того, что посланіе, съ одной стороны, замѣчаетъ, будто Серапіонъ, какъ слышно, не заботился о введеніи въ церквахъ единогласія; съ другой—въ посланіи говорится: „твое же, святителю Божій, похваляю съ радостію Христово подражательство по Христѣ и по церкви, и хвалу Богу воздаю, яко подкрѣпляеши церковниковъ на благочинное и боголюбезное единогласное пѣніе во святыхъ Божіихъ церквахъ, вниманія ради и пользы предстоящихъ православныхъ народовъ“. Очевидно, Серапіонъ поощрялъ церковниковъ къ единогласію только частнымъ образомъ и не рѣшался открыто признать его обязательнымъ. Что это посланіе могло быть прислано Серапіону Стефаномъ Вонифатьевичемъ, думать такъ даетъ право самый характеръ посланія. Оно расчитано убѣдить Серапіона, что единогласіе основывается на св. Писаніи, на ученіи великихъ отцовъ церкви, на требованіи и постановленіи рус-

Но многогласіемъ въ чтеніи и пѣніи, одновременностію чтенія и пѣнія, дѣло не ограничивалось, злоупотребленія и

скаго Стоглаваго собора, на предписаніи русскаго первосвятителя и страдальца патріарха Гермогена. Наоборотъ многогласіе является нарушеніемъ яснаго ученія Христа, Апостоловъ, св. отцовъ, постановленій соборныхъ, и въ самой русской церкви представляетъ изъ себя недавнее явленіе, особенно развившееся и окрѣпшее только въ смутное время. Многогласіе представляетъ изъ себя „уставы нынѣшнихъ мятежниковъ и раскольниковъ церковныхъ“ „еретическій шумъ“ „поругательство Богу и второе Христораспинаніе, тѣла Его раздираніе“. Такъ писать о многогласіи было вполнѣ естественно горячему ревнителю единогласія — Стефану. Составитель посланія, называя себя „и худшимъ и сквернѣйшимъ и всѣхъ окаяннѣйшимъ“, будучи только священникомъ, пишетъ однако къ архіерею съ большою властію и прямо, за нерадѣніе о введеніи единогласія, выражаетъ архіепископу свое порицаніе. „Или мниши убѣжати суда Божія?“ спрашиваетъ онъ Серапіона, и сурово напоминаетъ ему, что такіе нерадивые архіереи называются въ Писаніи не пастырями, а волками. О себѣ, какъ силу и авторитетъ имѣющій, авторъ говоритъ: „и о семъ *зельнѣ болю душею*, яко отдалъ еси паству свою волкомъ на расхищеніе, пачеже церковь Божію въ поруганіе мятежникомъ“. Очевидно писавшій хорошо зналъ, что архіепископъ обратитъ должное вниманіе „на зельное болѣніе душею“ писавшаго и не отнесется къ этому заявленію автора съ пренебреженіемъ, или полнымъ индеферентизмомъ, какъ бы это могло быть, если бы авторъ не былъ сильный и вліятельный человѣкъ въ Москвѣ. Только Стефанъ Вонифатьевичъ могъ такимъ тономъ писать архіепископу: „всею силою и всею мощію должни суть архіепископи и епископи имѣти стражбу о священныхъ канонахъ божественныхъ правилъ, поручено бо есть имъ твердо соблюдати я...“ Изъ словъ автора: „николи же бо, святителю Божій, овца пастыремъ не бываетъ, ниже заяцъ — льву; но вѣдая твое, святителю Божій, ко мнѣ нищему милостивное права человѣколюбнаго, дерзнухъ извѣстити и на память ти привести“, видно, что авторъ—москвичъ, лично хорошо былъ знакомъ съ архіепископомъ и пользовался его расположеніемъ, которое и ободрило его обратиться къ архіепископу съ посланіемъ о единогласіи. Нельзя не замѣтить и того, что еслибы авторъ посланія былъ заурядный москвичъ ревнитель, то зачѣмъ бы онъ сталъ съ своими разсужденіями и доказательствами въ пользу единогласія обращаться къ архіепископу суздальскому, когда онъ могъ направить свое посланіе прямо къ патріарху, или даже къ государю, какъ это и дѣлали обыкновенно всѣ московскіе ревнители. Иное дѣло Стефанъ Вонифатьевичъ. У него уже вышло (о чемъ скажемъ ниже), по вопросу о единогласіи, столкновеніе съ патріархомъ Іосифомъ, онъ зналъ, что для рѣшенія этого вопроса будетъ собранъ нарочитый соборъ, и онъ сталъ стараться найти среди архіереевъ такихъ, которые бы, убѣжденные его посланіемъ, открыто стали на сторону единогласія. Въ лицѣ суздальскаго архіепископа онъ, очевидно, хотѣлъ пріобрѣсти себѣ сторонника въ вопросѣ о введеніи единогласія. Наконецъ нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство,

безпорядки шли далѣе, простирались на самый характеръ церковнаго пѣнія. Біографъ Неронова говоритъ, что въ то время въ церквахъ „пояху рѣчи не яко писани суть, но измѣняюще реченія ради козлогласованія своего, воспріемше обычай древнихъ безчинниковъ, и вмѣсто ежебы глаголати: Богъ, Христосъ, Спасъ, они пояху: Бого, Христосо, Спасо и прочія рѣчи измѣняюще, яко нынѣ странно зѣло слышати“: Инокъ Евфросинъ въ 1651 году писалъ: „Духъ Святый повелѣваетъ бо пѣти не просто, но разумно, сирѣчь не шумомъ, ниже украшеніемъ гласа, но знати бы поемое самому поющему, и послушающимъ того пѣнія разумъ рѣчей мощно бы вѣдати, а неточію гласъ украшати, о силѣ же глаголъ, небрещи... Въ пѣніи бо нашемъ точію гласъ украшаемъ и знаменныя крюки бережемъ, а освященныя рѣчи до конца развращены противу печатныхъ и письменныхъ древнихъ и новыхъ книгъ, и неточію развращены, но и словенскаго нашего языка, въ немъ же родихомся и священнымъ писаніямъ учихомся, чюжи, не свойственны и сопротивны. Гдѣбо обрящется во священномъ писаніи нашего природнаго словенскаго діалекта сицевыи, несогласныя рѣчи: сопасо, пожеру, вомонѣ, тѣмено, имои, восѣни, волаемо, иземи, людеми, сонѣдаяй и прочія таковыя странныя глаголы, ихже множество невозможно нынѣ подробну исчести“ [1]).

что это посланіе Стефана къ архіепископу Серапіону находится въ тѣсной связи съ извѣстной челобитной государю патріарха Іосифа (она напечатана вь приложеніи къ нашей книгѣ: Патр. Никонъ) на Стефана Вонифатьевина, въ которой Іосифъ отъ лица всего собора жаловался государю, что Стефанъ говорилъ, „будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня, богомольца твоего, называлъ *волкомъ, а не пастыремъ*; такожъ называлъ и насъ, богомольцевъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископа, и весь освященный соборъ бранными словами, *и волками и губителями*, и тѣмъ безчестилъ“. Въ посланіи къ Серапіону архіереи, за допущеніе многогласія, и приравниваются именно къ волкамъ и губителямъ, отдающимъ свою паству волкамъ на расхищеніе, а церковь Божію въ поруганіе мятежникамъ — многогласникамъ, причемъ самое многогласіе, защищаемое патріархомъ Іосифомъ и его соборомъ, называется расколомъ, еретическимъ шумомъ, вторымъ христораспинаніемъ и под. (Посланіе къ суздальскому архіепископу Серапіону о единогласіи, находится въ рукописномъ сборникѣ библіотеки московской духовной академіи, № 100, л.л. 321—341).

1) Бычкова. Опис. рукоп. сборниковъ импер. публ. библ. № XXIII. Опис. рукоп. Хлудова № 91. Сахарова: Изслѣд. о русс. церк. пѣснопѣніи.

Глава кружка ревнителей, Стефанъ Вонифатьевичъ, рѣшительно возсталъ противъ многогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи и рѣшился всюду ввести единогласіе. Вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Ртищевымъ они стали дѣйствовать на царя, который охотно примкнулъ къ нимъ, вполнѣ раздѣляя ихъ воззрѣнія на единогласіе. Тогда Стефанъ и Ртищевъ „первое уставиша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе“, а потомъ, посовѣтовавшись между собою, при поддержкѣ государя, вызвали изъ Нижняго Новгорода извѣстнаго Іоанна Неронова и сдѣлали его протопопомъ московскаго Казанскаго собора. Нероновъ немедленно ввелъ въ своемъ соборѣ единогласное пѣніе и чтеніе. Къ нимъ скоро примкнулъ, въ этомъ дѣлѣ, и новоспасскій архимандритъ Никонъ, впослѣдствіи патріархъ, который, по словамъ Шушерина, и сдѣлался Стефану „въ томъ богоспасаемомъ дѣлѣ велій поборникъ и помощникъ“. Затѣмъ, по примѣру Стефана и Неронова, за единогласіе дружно стали и провинціальные ревнители: Аввакумъ, Лазарь и другіе.

Настойчивыя и энергичныя усилія кружка ревнителей ввести въ приходскихъ московскихъ церквахъ единогласіе, и очевидное ихъ стремленіе распространить его на всю церковь, вызвали сильное возбужденіе и недовольство среди громаднаго большинства приходскаго духовенства, которое увидѣло въ единогласіи зловредное новшество, чуть не ересь, и готово было открыто и рѣшительно возстать противъ него. Этимъ возбужденіемъ приходскаго духовенства, и въ значительной мѣрѣ самихъ прихожанъ, воспользовался патріархъ Іосифъ, чтобы подвести свои счеты съ ненавистнымъ ему, зазнавшимся кружкомъ ревнителей, состоящимъ исключительно изъ лицъ низшей церковной іерархіи и не имѣвшимъ въ средѣ своей ни одного архіерея. Патріархъ сталъ во главѣ противниковъ единогласія [1]).

[1]) Что приходское духовенство и въ самой Москвѣ, было рѣшительно противъ единогласія, готово было видѣть въ немъ даже еретичество, новую вѣру, и всячески стояло за многогласіе, на это имѣются несомнѣнныя данныя. Въ 1651 году гавриловскій попъ Иванъ извѣщалъ государя: „говорилъ-де ему никольскій попъ Прокофей, гдѣ съ нимъ не сойдетца: заводите-де вы, ханжи, ересь новую — единогласное пѣніе и людей въ церкви учите, а мы-де людей прежде сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ. И говаривалъ-де онъ попъ Прокофей: бѣса-де въ себѣ имате и вы всѣ ханжи... и протопопъ де благовѣщенскій (Стефанъ

На первый взглядъ можетъ показаться очень страннымъ: какимъ образомъ патріархъ Іосифъ могъ защищать много-

---

Вонифатьевичъ) такой же ханжа: сказалъ-де онъ: Господа Саваоѳа видѣлъ, и онъ де бѣса видѣлъ, а не Бога. А Бога-де кто можетъ видѣти во плоти?" И другіе московскіе священники сильно были возмущены введеніемъ единогласія и требованіемъ отъ нихъ учительства,—они шумѣли и не хотѣли подписываться подъ требованіемъ объ обязательномъ введеніи единогласія въ приходскихъ церквахъ. Тотъ же попъ Іванъ заявлялъ, что 11 февраля, въ сѣняхъ московской тіунской избы, былъ сильный крикъ: „лукинскій попъ Сава съ товарищи говорилъ такія рѣчи: мнѣ-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи бояромъ и окольничимъ,—любо-де имъ будетъ единогласіе?" И когда попъ Иванъ сталъ говорить противящимся единогласію; что они не могутъ презирать изволеніе Божіе, уставъ св. отецъ, повелѣніе государя и патріарха, то получилъ такой отвѣтъ отъ шумѣвшихъ іереевъ: „намъ-де хотя и умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать". Въ тоже время какой-то попъ Андрей говорилъ: „чтобъ ему съ казанскимъ протопопомъ (Нероновымъ) въ единогласномъ пѣніи дали жребій, и будетъ его вѣра права, и они-де всѣ учнутъ пѣть (единогласно) и говорить (поученія)". (Зап. русс. археол. общ. т. II, стр. 394—396). И значительно позже послѣ собора 1651 года, сдѣлавшаго единогласіе обязательнымъ, оно еще долго однако не могло привиться въ приходскихъ церквахъ и даже въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Въ 1658 году вологодскій архіепископъ Маркеллъ пишетъ на Бѣлоозеро протопопу Авраамію о наблюденіи имъ, „чтобы въ церкви Божіи всякое пѣніе пѣли и говорили единогласно" (Ак. Эксп. IV, № 105). Въ 1660 году въ царской грамотѣ ко всему новгородскому духовенству предписывается, „чтобъ во всѣхъ церквахъ Божіихъ церковное пѣніе было единогласно, со страхомъ Божіимъ" (Ibid. и № 115). Въ 1661 году новгородскій митрополитъ Макарій, въ грамотѣ къ архимандриту Тихвинскаго монастыря Іоасафу, писалъ, что ему вѣдомо учинилось, „что на Тихвинѣ на посадѣ и около Тихвина въ новгородской десятинѣ", въ монастыряхъ и погостахъ, „поютъ и говорятъ не единогласно", почему-де и слѣдуетъ сдѣлать духовенству строгій наказъ, „чтобъ пѣли и говорили по всѣмъ Божіимъ церквамъ единогласно, а не во многіе гласы" (Ак. Ист. IV, № 151). Въ 1671 году новгородскій митрополитъ Питиримъ требуетъ, чтобы въ церквахъ „пѣли и говорили единогласно" (Ак. Эксп. IV, № 184). Тотъ же митрополитъ Питиримъ въ слѣдующемъ 1672 году заявляетъ, что ему вѣдомо учинилось, „что на Вагѣ, въ Шенкурскомъ острогѣ и во всей важской десятинѣ, во всѣхъ четырехъ четвертяхъ, по монастыремъ у игуменовъ, и у строителей, и у черныхъ поповъ съ братьею, а по погостамъ и по выставкамъ у поповъ и у дьяконовъ и у церковныхъ причетниковъ, по святымъ Божіимъ церквамъ, многое церковное неисправленіе—поютъ и говорятъ не единогласно". (Ibid. IV, № 188). Въ 1687 году, въ наказѣ новгороскаго митрополита Корнилія завѣдующему тіунскимъ приказомъ, священнику Никитѣ Тихонову, говорится, что онъ

гласіе—сіе безстрашіе и нерадѣніе о церковномъ пѣніи“, „то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“; ка-

---

долженъ наблюдать, чтобы „во святыхъ церквахъ пѣли бы и говорили единогласно, а не въ два и три гласы“ (Ак. Ист. V, № 152).

Приходское духовенство, съ своей стороны, имѣло очень уважительныя причины противиться введенію единогласія и отстаивать старое привычное для прихожанъ многогласіе. 11-го февраля 1651 года, какъ мы видѣли, лукинскій попъ Савва съ товарищи говорилъ такія рѣчи: „мнѣ-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки неприкладывать; напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи Бояромъ и окольничимъ: любо-ли-де имъ будетъ единогласіе?“ Это безпокойство приходскаго духовенства о томъ, какъ прихожане, особенно знатные, богатые и вліятельные, отнесутся къ введенію единогласія, очень сильно удлинявшаго всѣ церковныя службы, тогда какъ ранѣе благодаря многогласію, прихожане привыкли къ службамъ очень короткимъ, вытекало изъ опасенія, что между духовенствомъ и прихожанами, изъ за продолжительныхъ службъ, могутъ произойти очень непріятныя недоразумѣнія и даже открытыя столкновенія, далеко не всегда безвредныя для вводителей въ церквахъ единогласія. Протопопу Аввакуму, напримѣръ, сильно доставалось отъ прихожанъ за введенное имъ въ службахъ единогласіе. Многогласное пѣніе и чтеніе, говоритъ онъ, „лесть сію молитву я предъ Богомъ вмѣняю. Того ради такъ (многогласно) говорятъ, чтобы намъ изъ церкви скорѣе вытти. Меня и самово за то (единогласіе) бывали и гоняли безумніи: долго-де поешъ единогласно! Намъ-де дома недосугъ! Я имъ говорю: пришелъ ты въ церковь молиться, отверзи отъ себя всякую печаль житейскую; ищи небесныхъ! О человѣче суетнѣ! Невозможно окомъ единѣмъ глядѣть на землю, а другимъ на небо, такоже сластемъ и страстемъ работати, Такъ меня за тѣ словеса въ церкви бьютъ, да волочатъ, а иные и въ ризахъ не щадятъ“. (Мат. V, 222 — 223). Когда Нероновъ прибылъ въ ссылку въ Каменскій монастырь, то, доброжелательно сначала встреченный настоятелемъ и братіей, немедленно принялся вводить здѣсь новые церковные порядки: единогласіе, истовость въ отправленіи службъ, чтеніе всѣхъ положенныхъ поученій и житій, что крайне удлинило монастырскія службы. Настроеніе братіи и настоятеля къ Неронову скоро измѣнилось и сдѣлалось враждебнымъ. Одинъ старецъ сталъ говорить: „какъ-де пріѣхалъ протопопъ Іоаннъ, такъ-де и пѣніе стало большое, и свѣчамъ-де большой расходъ“. Наконецъ иноки открыто возстали противъ ревнителя точнаго, истоваго соблюденія всѣхъ предписаній устава, къ нимъ присоединился и архимандритъ, который однажды „емъ Іоанна за власы, по трапезѣ влачаше, и рукама по щекамъ біяше время довольно“. (Мат. I, 113—115). Сибирскій и тобольскій архіепископъ Симеонъ пишетъ государю въ челобитной: „въ прошломъ, государь, въ 161 году, въ Сибири, въ Красной слободѣ (Тюменскаго уѣзда), московскій прикащикъ Прокопей Протопоповъ священника билъ до полусмерти ослопы *за церковное единогласное пѣніе*: велитъ пѣть по своему угодію во многіе голосы, и налогу тому священнику большую чинитъ, и жену ево билъ

кимъ образомъ патріархъ могъ возстать на защиту многогласія, столь очевидно представляющаго изъ себя вопіющее злоупотребленіе, ни подъ какимъ видомъ недопустимое и не терпимое въ церкви? Между тѣмъ, съ точки зрѣнія тогдашняго пониманія дѣла, Іосифъ имѣлъ свои серьезныя основанія бороться противъ единогласія и отстаивать многогласіе.

Русскіе того времени были убѣждены, что при совершеніи всѣхъ церковныхъ службъ необходимо вычитать и пропѣть безъ всякихъ пропусковъ все, что положено въ церковномъ уставѣ, который однако взятъ былъ нами изъ восточныхъ самыхъ строгихъ монастырей, и введенъ былъ у насъ въ

до полусмерти". И когда архіепископъ, призвавъ къ себѣ Прокопія, сталъ выговаривать ему за его побои священнику, „и онъ, Прокопей, и ко мнѣ обезстыдился,—отказывалъ мнѣ невѣжливыми словами: гдѣ-де вамъ—ханжамъ! Нынѣ не старое время! И не у тебя-де я подъ судомъ". (Рук. Старина, 1892 г., мартъ, стр. 678). Очевидно священникамъ, сторонникамъ и вводителямъ въ своихъ церквахъ единогласія, приходилось иногда отъ прихожанъ очень плохо, и они имѣли всѣ основанія не подписываться къ приказу о введеніи единогласія прежде, чѣмъ къ нему неподпишутся бояре и окольничіе, а въ другихъ мѣстахъ вообще люди сильные и властные. Да если гдѣ священниковъ и не били за введеніе единогласія, за то прихожане, какъ свидѣтельствуетъ соборное постановленіе, отъ 11-го февраля 1649 года, просто переставали ходить въ тѣ церкви, гдѣ службы, ради единогласія, совершались очень долго. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, священники необходимо лишались очень многихъ доходовъ, а это, конечно, сильно побуждало ихъ крѣпко держаться за старое привычное многогласіе.

Наконецъ и безъотносительно къ прихожанамъ и доходамъ, для очень многихъ членовъ тогдашняго клира, единогласіе являлось крайне нежелательнымъ по той простой причинѣ, что значительная часть тогдашнихъ клириковъ была малограмотна, неумѣла хорошо читать и пѣть. Такимъ, при многогласіи, было очень удобно, такъ какъ стоявшіе въ церкви, ради многогласія, рѣшительно не имѣли возможности разобрать, кто, что и какъ читаетъ и поетъ, почему всякое сомнительное чтеніе и просто не разборчивое бормотанье по церковной книгѣ полуграмотнаго чтеца, могло сходить за настоящее чтеніе. Иначе стояло дѣло при единогласіи и соединенной съ нимъ истовости службы, когда каждый стоящій въ церкви могъ понять и оцѣнить всякаго чтеца и пѣвца, тутъ безграмотному клирику скрыться за другихъ становилось невозможнымъ, почему безграмотность клира и держалась упорно за многогласіе. Очевидно единогласіе не замѣтно предъявляло новыя, повышенныя нѣсколько требованія къ умѣнью клира пѣть и читать въ церкви, что и вызывало среди малограмотныхъ клириковъ противодѣйствіе единогласію.

обыкновенныхъ приходскихъ церквахъ. Благодаря этому обстоятельству службы въ приходскихъ храмахъ, при вычитываніи и выпѣваніи всего положеннаго строгимъ монастырскимъ уставомъ, выходили чрезмѣрно длинными и крайне утомительными для прихожанъ, которые, при такихъ условіяхъ, неохотно посѣщали церковныя службы, какъ очень обременительныя для нихъ и требующія слишкомъ много времени. Практическая повелительно настоятельная нужда требовала сокращенія церковныхъ службъ въ приходскихъ церквахъ. Тогда наши предки, для достиженія этой, самой жизнію подсказанной цѣли, прибѣгли къ такому средству: оставаясь вѣрными тому своему воззрѣнію, что весь церковный уставъ обязательно долженъ выполняться при совершеніи всѣхъ церковныхъ службъ, они стали употреблять многогласіе т. е. прибѣгли къ единовременному пѣнію положеннаго уставомъ въ нѣсколько голосовъ сразу, причемъ одинъ читалъ и пѣлъ одно, другой въ этоже время другое, третій свое и т. д., благодаря чему церковныя службы отправлялись очень скоро, а между тѣмъ все положенное уставомъ выпѣвалось и вычитывалось вполнѣ и безъ всякихъ пропусковъ. Понятно, чѣмъ наибольшее количество голосовъ раздѣлялось положенное для данной службы чтеніе и пѣніе, тѣмъ скорѣе отправлялась служба, почему, въ видахъ скорости, стали употреблять въ службахъ пѣніе и чтеніе сразу голосовъ въ пять, шесть и семь. Но такое многогласіе, въ видахъ необходимаго сокращенія времени службъ, допускалось только для приходскихъ церквей, ради немощи мірскихъ людей, ради снисхожденія къ ихъ житейскимъ заботамъ, недозволяющимъ удѣлять имъ слишкомъ много времени на посѣщеніе церковныхъ богослуженій. Другое дѣло монастыри, населенные людьми, отрекшимися отъ всего мірскаго, обязавшимся посвятить себя всецѣло служенію Богу, непрестанной молитвѣ; тамъ строго требовалось соблюденіе единогласія и долгія службы были обязательны. Полагалось, если кто изъ мірскихъ хотѣлъ слушать настоящую истовую службу, тотъ долженъ былъ отправляться на богомолье въ монастырь, почему благочестивые русскіе люди и считали себя обязанными, времени отъ времени, посѣщать ради богомолья монастыри, чтобы хотя изрѣдка помолиться какъ слѣдуетъ, выстаивая всѣ длинныя монастырскія службы.

Естественно поэтому, что когда ревнители благочестія, указывая на полное извращеніе характера и значенія церковныхъ службъ многогласіемъ, на весь вредъ подобныхъ церковныхъ порядковъ для молящихся, необходимо ничего не понимавшихъ изъ того, что читалось и пѣлось въ церкви, и потому составлявшихъ о самомъ богослуженіи и его цѣли и назначеніи, самое неправильное и извращенное понятіе,— когда они потребовали уничтоженія многогласія и введенія единогласія; то самъ собою возникъ практическій и, нужно сознаться, очень важный вопросъ: какъ отзовется введеніе единогласія на посѣщеніи храмовъ народомъ, когда приходскіе службы удлинятся чрезмѣрно? Вѣдь и сторонники единогласія, также какъ и сторонники многогласія, требовали при совершеніи службъ полнаго соблюденія всѣхъ предписаній устава, даже вводили еще въ богослуженіе разныя положенныя чтенія изъ прологовъ, житій святыхъ, отеческихъ поученій, чѣмъ необходимо крайне удлиняли всѣ службы, приближая ихъ къ монастырскимъ. Никакихъ выпусковъ и сокращеній въ службахъ они не допускали; напротивъ они все совершали по уставу, очень истово, точно, безъ малѣйшихъ опущеній. Мы знаемъ, какъ такія истовыя, уставныя службы единогласниковъ должны были отзываться на молящихся во храмѣ. Павелъ Алепскій вотъ что пишетъ объ этихъ нашихъ церковныхъ службахъ: мы выходили изъ церкви, говоритъ онъ, едва волоча ноги отъ усталости и безпрерывнаго стоянія безъ отдыха и покоя... Что касается насъ, то душа у насъ разставалась съ тѣломъ, отъ того что они затягиваютъ обѣдни и другія службы: мы выходили неиначе, какъ разбитые ногами и съ болью въ спинѣ, словно насъ распинали... Мы не въ состояніи (послѣ богослуженія) были придти въ себя отъ усталости и наши ноги подкашивались". Павелъ искренно изумляется необыкновенной выносливости русскихъ, выстаивавшихъ чрезмѣрно длинныя службы. „Что за крѣпость въ ихъ тѣлахъ и какія у нихъ желѣзныя ноги! восклицаетъ онъ. Они неустаютъ и неутомляются. Вышній Богъ да продлитъ ихъ существованіе!.. Какое терпѣніе и какая выносливость! Несомнѣнно, что всѣ эти люди святые: они превзошли подвижниковъ въ пустыняхъ. Мы же вышли (изъ церкви) измученные усталостію, стояніемъ на ногахъ и голодомъ". „Всего больше, заявляетъ онъ, боялся я и хло-

поталъ объ отъѣздѣ (изъ Москвы) до Пасхи, что бы избавиться отъ бдѣній, трудовъ и стояній Страстной седмицы“ [1]).

Такимъ образомъ единогласіе, истовость въ совершеніи церковныхъ службъ, введеніе въ нихъ чтеній изъ разныхъ учительныхъ книгъ, несомнѣнно не только измѣняло привычный для прихожанъ строй богослуженія, но, что особенно важно, оно чрезмѣрно удлиняло всѣ церковныя службы, дѣлало ихъ очень утомительными и обременительными для обыкновенныхъ молящихся, которые, не имѣя возможности удѣлять на нихъ слишкомъ много времени и силъ, предпочитали вовсе не ходить въ церковь. Вотъ именно на это-то практическое послѣдствіе введенія единогласія и обратилъ свое вниманіе патріархъ Іосифъ. Если сторонники единогласія говорили и проповѣдывали, что многогласіе губитъ истинное благочестіе и уничтожаетъ назидательность церковныхъ богослуженій; то противники единогласія говорили наоборотъ, что именно единогласіе губитъ народное благочестіе, такъ какъ оно совсѣмъ отучаетъ народъ отъ посѣщенія церкви и вопросъ, значитъ, въ представленіи современниковъ, сводился въ концѣ собственно къ слѣдующему: что лучше въ интересахъ благочестія: ходить-ли часто въ церковь и почти вовсе не понимать того, что въ ней поется и читается, или же, ради чрезмѣрной продолжительности церковныхъ службъ, посѣщать ихъ очень рѣдко? Патріархъ Іосифъ, вопреки ревнителямъ, сталъ на сторону умѣреннаго многогласія и рѣшительно выступилъ противъ пагубнаго, по его мнѣнію, единогласія, которое должно имѣть мѣсто въ монастыряхъ, а не въ приходскихъ церквахъ [2]). На почвѣ этаго спорнаго вопроса и произошло рѣшительное столкновеніе патріарха Іосифа съ Стефаномъ Вонифатьевичемъ.

Государь въ 1649 году приказалъ патріарху Іосифу устроить

---

1) Путеш антіох. патр. Макарія, перев. Муркоса, вып. II, стр. 100 164; вып. III, стр. 185, 194; вып. IV, стр. 85, 161.

2) Что патріархъ Іосифъ допускалъ многогласіе только въ приходскихъ церквахъ, а въ монастыряхъ требовалъ единогласія, это видно изъ его грамоты въ Саввинъ монастырь въ 1648 году, гдѣ онъ пишетъ: „архимандриты, и игумены, и попы черные, и строители и старцы о церковномъ пѣніи и благочиніи нерадѣютъ... въ церквахъ Божіихъ *поютъ по скору, неединогласно, со всякимъ безстрашіемъ*“. (Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ—Иванова; стр. 302. Ак. Эксп. т. IV, 325).

соборное засѣданіе съ тѣмъ, что бы на немъ былъ разсмотрѣнъ вопросъ о единогласіи и рѣшенъ „какъ лутче быти“. Дѣйствительно 11-го февраля 1649 года, въ царской середней палатѣ, составился соборъ подъ предсѣдательствомъ патріарха Іосифа для разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о единогласіи. Разсматривая этотъ вопросъ соборъ нашелъ, что отъ введенія въ московскихъ приходскихъ церквахъ единогласія, что сдѣлано въ самое послѣднее время, „на Москвѣ учинилась молва великая, и всякихъ чиновъ православные людіе отъ церквей Божіихъ учали отлучатися за долгимъ и безвременнымъ пѣніемъ“. Въ виду этаго патріархъ „со всѣмъ освѣщеннымъ соборомъ совѣтовали и уложили: какъ было при прежнихъ святителехъ митрополитехъ и патріархехъ по всѣмъ приходскимъ церквамъ божественной службѣ быти по прежнему, а вновь ничево не вчинати“ [1]). Такъ соборнымъ постановленіемъ 11-го февраля 1649 года, вопреки домогательствамъ Стефана и другихъ ревнителей, единогласіе въ приходскихъ церквахъ формально было отвергнуто, какъ мѣра вредная для народнаго благочестія, а многогласіе, какъ старый обычай, торжественно было узаконено.

Понятно, какое сильное и удручающее впечатлѣніе это соборное опредѣленіе должно было произвести прежде всего на Стефана Вонифатьевича. Всѣ его хлопоты и старанія о введеніи единогласія, его горячая увѣренность, что безъ единогласія въ народѣ не можетъ насаждаться истинное благочестіе, о чемъ онъ такъ усиленно заботился вмѣстѣ съ царемъ и другими ревнителями, должны были кончиться ничемъ, благодаря сопротивленію патріарха и его сторонниковъ. Этаго мало. Соборное формальное постановленіе окончательно узаконяло у насъ многогласіе, это „въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“, полагало сильное препятствіе, покрайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, всѣмъ дальнѣйшимъ попыткамъ ввести у насъ единогласіе. Всегда спокойный и кроткій Стефанъ на этотъ разъ не выдержалъ. Онъ публично жаловался государю на патріарха и всѣхъ властей, присутствовавшихъ на соборѣ, называлъ ихъ волками и губителями, а не пастырями, говорилъ, что утвержденнымъ

---

1) Дѣяніе собора 11-го февраля 1649 г. напечатано С. А. Бѣлокуровымъ въ чт. общ. ист. и древн. 1894 г. кн. IV.

соборомъ многогласіемъ уничтожается истинная церковь Христова, и въ глаза бранилъ и безчестилъ патріарха и всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ сторонниковъ многогласія. Эта несдерженная выходка Стефана сильно оскорбила патріарха и властей, тѣмъ болѣе, что все это произошло публично. Іосифъ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы окончательно раздѣлаться съ ненавистнымъ ему царскимъ духовникомъ. Отъ своего лица и отъ лица всего освященнаго собора онъ подалъ государю челобитную на благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьевича, въ которой писалъ: „въ нынешнемъ, государь во 157 году, февраля въ 11 день, указалъ ты, благочестивый и христолюбивый государь царь, мнѣ, богомольцу своему, и намъ богомольцомъ своимъ, быть у себя, государя, въ середней. И тотъ благовѣщенскій протопопъ Стефанъ билъ челомъ тебѣ, государю, на меня, богомольца твоего, и на насъ, на весь освященный соборъ, а говорилъ: будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня, богомольца твоего, называлъ волкомъ, а не пастыремъ; тако жъ называлъ и насъ, богомольцовъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепискуповъ, и епискупа, и весь освященный соборъ бранными словами, и волками, и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцовъ твоихъ, меня, патріарха, и насъ, богомольцовъ твоихъ, освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ“. Затѣмъ патріархъ заявляетъ: „въ уложенной книгѣ писано: кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какія хульныя словеса, да смертію умретъ, а онъ, Стефанъ, нетолько что на соборную и апостольскую церковь хулу принесъ и на всѣ Божіи церкви, и насъ, богомольцовъ твоихъ, обезщестилъ“. Въ виду этаго патріархъ проситъ царя созвать соборъ для суда надъ Стефаномъ [1]). Но государь не придалъ значенія этой челобитной Іосифа и собора и не далъ ей хода. Онъ неутвердилъ и соборнаго постановленія Іосифа, узаконявшаго многогласіе, такъ какъ самъ всецѣло былъ на сторонѣ Стефана, вполнѣ одобрялъ и поддерживалъ его стараніе ввести у насъ во всѣхъ церквахъ обязательное единогласіе. Однако соборное постановленіе о многогласіи, хотя и неутвержденное царемъ, всетаки состоялось, съ этимъ фактомъ приходилось считаться итакъ или иначе парализовать

[1]) Эта челобитная патріарха Іосифа на Стефана, напечатана въ нашей книгѣ: патр. Никонъ, въ приложеніи.

его. Тогда государь и Стефанъ Вонифатьевичъ пришли къ мысли, передать рѣшеніе вопроса о единогласіи на разсмотрѣніе и рѣшеніе константинопольскаго патріарха, какъ высшей и руководственной инстанціи въ рѣшеніи спорныхъ церковныхъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ и оказано было ими давленіе на патріарха Іосифа.

Патріархъ Іосифъ ранѣе не только не былъ принципіальнымъ противникомъ грековъ, но открыто и рѣшительно признавалъ, что восточные патріархи православную вѣру до нынѣ держать твердо и ненарушимо, и находятся въ полномъ единеніи съ русскою церковію. Такъ въ первомъ своемъ посланіи къ датскому королевичу Вольдемару (21 апрѣля 1644 г.) патріархъ Іосифъ между прочимъ пишетъ, что „греки и Русь" отвергли папу „за отступленіе отъ вселенскихъ патріархъ", „а назвали соборную каѳолическую церковь едину восточную, которая седьмію вселенскими соборы утвержденную вѣру держитъ вовсемъ ненарушимо, цѣлу и невридиму соблюдаетъ и до днесь", что „римляне и германе" не крестятся прямымъ крещеніемъ, „якоже изначала предано святыми апостолы и святыми вселенскими седмію соборы въ три погруженія, еже и до нынѣ у грековъ и у насъ Руси невредимо соблюдаемо есть". Во второмъ посланіи къ Вольдемару Іосифъ пишетъ, что русскіе приняли истинную православную вѣру отъ православныхъ грековъ при князѣ Владимірѣ, „что *съ четырьми вселенскими патріархи и до днесь о православіи ссылаемся*, и къ намъ отъ восточныхъ странъ митрополиты и архимандриты прежде сего и нынѣ пріѣзжаютъ, да еще и *сами патріархи свидѣтельствованные въ вѣрѣ* (т. е. несомнѣнно строго православные), и до сего дня мы безъ всякаго порока православную вѣру держимъ и пребываемъ въ ней". Доказывая, что истинная церковь доселѣ находится въ Іерусалимѣ, патріархъ Іосифъ говоритъ, что къ Іерусалимской истинной церкви принадлежатъ теперь и другія „паче же и четыре патріаршіе мѣста, *къ сему же* (къ истинной іерусалимской церкви) *съ тѣми* (четырьмя восточными патріархами), со всѣми святыми вкупѣ, *и наша святая, великая россійская церковь согласуется правымъ исповѣданіемъ*" [1]). Такимъ образомъ патріархъ Іосифъ самое пра-

[1]) Рукоп. нашей академической библіотеки (москов. духовной) № 338, л.л. 3, 96, 99 об.

вославіе русскихъ доказываетъ именно его принятіемъ отъ грековъ и непрерывностію общенія, до самаго послѣдняго времени, русской церкви съ православными греческими четырьмя патріархами, которые, вмѣстѣ съ русскими, православную вѣру „не нарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаютъ и до днесь“. Мы уже не говоримъ о томъ, что напечатанныя съ благословенія патріарха Іосифа Кириллова книга и книга о Вѣрѣ, заявляютъ, что русскому народу вселенскаго константинопольскаго патріарха слѣдуетъ слушать „и ему подлежати и повиноватися въ справѣ и науцѣ духовной“. Значитъ, патріархъ Іосифъ, по характеру своихъ воззрѣній на грековъ, не могъ оказать особенно упорнаго сопротивленія требованію царя перенести спорный вопросъ о единогласіи на рѣшеніе константинопольскаго патріарха, хотя, несомнѣнно, онъ уступалъ въ этомъ дѣлѣ царю крайне неохотно, такъ какъ хорошо понималъ, что это требованіе царя направляется противъ него, патріарха, и составленнаго имъ соборнаго опредѣленія противъ единогласія. Но такъ какъ царь придавалъ этому дѣлу важное принципіальное и практическое значеніе,—этимъ указывался и расчищался путь для будущей реформаторской дѣятельности Никона, то патріархъ Іосифъ уступилъ давленію царя и обратился къ константинопольскому патріарху съ особою грамотою, въ которой просилъ его разрѣшить слѣдующіе вопросы: можно-ли многимъ архіереямъ или іереямъ служить божественную литургію двумя потирами? Подобаетъ-ли въ службѣ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ читать единогласно? Нѣкоторыя жены оставляютъ мужей своихъ по нелюбви и постригаются, а мужи оставляютъ женъ своихъ,—какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Можно-ли дѣлать священниками женившихся на вдовахъ, или вступившихъ во второй бракъ? На эти вопросы Іосифа изъ Константинополя былъ полученъ соборный отвѣтъ, разрѣшавшій недоумѣнія московскаго патріарха, причемъ, въ желательномъ для царѣ духѣ, заявлялось, что великая константинопольская церковь воспріяла отъ Бога силу отверзать двери вѣрнымъ къ разумѣнію божественнаго ученія, утверждать ихъ въ разумѣніи истинной и правой вѣры Христовой, что она есть источникъ и начало всѣмъ церквамъ, „напаяетъ и подаетъ животъ всѣмъ благочестивымъ христіанамъ во всѣ церкви“, такъ какъ она всѣ догматы

благочестія „хранитъ ненарушимо и неподвижно, какъ сначала приняли, не умалили и не прибавили“. Константинопольскій патріархъ и лично отъ себя прислалъ Іосифу грамоту, въ которой опять заявляетъ, „что великая церковь Христова, благодатію св. Духа, есть начало инымъ церквамъ *и должна въ нихъ исправлять неисправленное*“. Относительно же единогласнаго пѣнія и чтенія въ церквахъ, грамота патріарха рѣшительно заявляетъ, что единогласіе „не только подобаетъ, но и непремѣнно должно быть“ [1]).

Отвѣтъ константинопольскаго патріарха былъ полнымъ торжествомъ царя и Стефана Вонифатьевича и не по частному только вопросу о единогласіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ являлся и оправданіемъ и поощреніемъ всей ихъ грекофильской дѣятельности. Въ 1651 году Іосифъ долженъ былъ, для рѣшенія вопроса о единогласіи, созвать новый соборъ, на которомъ, вопреки постановленію собора отъ 11 февраля 1649 года, рѣшено было „пѣти во святыхъ Божіихъ церквахъ чинно и безмятежно, на Москвѣ и по всѣмъ градомъ, единогласно, на вечерняхъ, и повечерницахъ, и на полунощницахъ, и на заутреняхъ, псалмы и псалтирь говорить въ одинъ голосъ, тихо и неспѣшно; со всякимъ вниманіемъ, къ царскимъ дверемъ лицомъ“ [2]). Но и здѣсь, уступая необходимости, Іосифъ остался себѣ вѣренъ: въ объясненіе того, почему онъ теперь предписываетъ во всѣхъ службахъ, по всѣмъ и приходскимъ церквамъ, строго держаться единогласія, противъ котораго онъ еще такъ недавно возставалъ соборно, онъ ссылается не на посланіе константинопольскаго патріарха, а на постановленіе русскаго Стоглаваго собора. Патріархъ заявляетъ; „потщахся и изыскахъ въ соборномъ уложеніи, сирѣчь, въ Стоглавѣ“, что тамъ предписывается единогласіе, онъ и повелѣваетъ всюду держаться о единогласіи этаго соборнаго русскаго постановленія. И какъ бы предвидя, а вѣроятно и зная, что скоро русскіе церковные чины и книги должны будутъ потерпѣть значительныя измѣненія, онъ говоритъ: „а иже кто гордостію дмяся, и отъ неразумія безуменъ, сый сего древняго и нынѣшняго нашего соборнаго уложенія учнетъ превращати, *и на свой разумъ чины церков-*

[1]) Греческія дѣла 7159 ч. № 8.
[2]) Ак. Эксп. IV, 327.

ныя претворяти, мимо нашихъ древнихъ письменныхъ и печатныхъ книгъ, и таковый по правиломъ святыхъ отецъ отъ нашего смиренія пріиметъ отлученіе и изверженіе". Но ни на жалобы Іосифа, что онъ „уже третіе лѣто есть біенъ отъ свадникъ, терпя клеветныя раны", ни на его угрозы тѣмъ, кто бы сталъ на свой разумъ претворять церковные чины мимо нашихъ древнихъ письменныхъ и печатныхъ книгъ", уже не обращали вниманія. Въ извѣстномъ намъ кружкѣ церковная реформа рѣшена была окончательно, все дѣятельно и энергично къ ней приготовлялось, и патріархъ Іосифъ увидѣлъ, что его терпятъ только изъ уваженія къ его старости и сану, почему въ послѣднее время говорилъ своимъ приближеннымъ: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соборомъ объ отставкѣ буду бить челомъ". Такъ дѣло шло до самой смерти Іосифа.

ГЛАВА IV.

Первыя церковно-реформаторскія дѣйствія патріарха Никона.

Вступленіе Никона на патріаршую каѳедру. Онъ разрываетъ свои прежнія близкія отношенія къ провинціальнымъ ревнителямъ. Причины и ближайшія послѣдствія этого поступка Никона. Первое реформаторское дѣйствіе Никона: распоряженіе его о поклонахъ и перстосложеніи. Протестъ противъ этого распоряженія со стороны провинціальныхъ ревнителей благочестія. Расправа съ ними Никона. Дѣйствительныя отношенія между Никономъ патріархомъ и царскимъ духовникомъ протопопомъ Степаномъ Вонифатьевичемъ. Соборъ 1654 года, уполномочивавшій Никона произвести книжныя исправленія. Впечатлѣніе, произведенное соборомъ 1654 года на русское общество. Слабыя стороны собора 1654 года.

15 апрѣля 1652 года умеръ патріархъ Іосифъ. Преемникъ ему уже ранѣе былъ предопредѣленъ царемъ и его духовникомъ, протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Это былъ новгородскій митрополитъ Никонъ, который въ то время возвращался изъ Соловецкаго монастыря въ Москву съ мощами св. митрополита Филиппа. Царь, извѣщая Никона о смерти п. Іосифа, писалъ ему: „возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ, обирать на патріаршество именемъ Ѳеогноста, а безъ тебя отнюдъ ни за что не примемся... ты, владыко святый, помолись... чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто ему Свѣту годенъ, имя вышеписанное, а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный“ [1]).

Съ другой стороны и члены кружка ревнителей благочестія сильно были заинтересованы вопросомъ, кого избрать пат-

---

[1]) Ак. эк. IV, № 57.

ріархомъ на мѣсто умершаго Іосифа, такъ какъ они, благодаря Стефану Вонифатьевичу, уже привыкли вмѣшиваться въ дѣла по замѣщенію разныхъ іерарших каѳедръ. Того обстоятельства, что вопросъ о новомъ патріархѣ уже давно и окончательно былъ рѣшенъ царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ, они совсѣмъ не знали, а потому считали себя призванными позаботиться о выборѣ преемника Іосифу. Естественно, что они пожелали имѣть патріархомъ одного изъ членовъ своего кружка. Самымъ лучшимъ, казалось имъ, избрать патріархомъ главу и патрона кружка—Стефана Вонифатьевича. Но, какъ и слѣдовало ожидать, Стефанъ рѣшительно уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія, и указалъ своимъ друзьямъ на Никона, какъ на самаго подходящаго кандидата въ патріархи. Они согласились съ Стефаномъ и подали царю челобитную о Никонѣ, такъ какъ по ихъ тогдашнему мнѣнію, послѣ отказа Стефана, Никонъ былъ самымъ подходящимъ и желаннымъ лицомъ для занятія патріаршей каѳедры [1]).

Никонъ принадлежалъ къ кружку ревнителей благочестія, былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ его членовъ, находился какъ къ Стефану, такъ и къ другимъ ревнителямъ, въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Впо-

---

[1]) Какъ и при какихъ условіяхъ произошло избраніе Никона въ патріархи и какую роль въ этомъ дѣлѣ играли ревнители, объ этомъ Аввакумъ сообщаетъ слѣдующее: „Посемъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловокъ Филиппа митрополита. А прежде его пріѣзду, духовникъ Стефанъ моля Бога и постяся седмицу съ братіею, и Я съ ними тутъ же, о патріархѣ, да дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ. И съ митрополитомъ Казанскимъ Корниліемъ, написавъ челобитную за руками, подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть въ патріархахъ. Онъ же не восхотѣлъ самъ и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ. Егда же пріѣхалъ (Никонъ изъ Соловокъ) съ нами яко лисъ челомъ да здорово. Вѣдаетъ, что быть ему въ патріархахъ и что бы откуля помѣшка какова не учинилась“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ о томъ же: „въ лѣта 7160 году, іюня въ день, по пущенію Божію вкрался на престолъ патріаршескій бывшій попъ Никита Миничъ, въ чернцахъ Никонъ, обольстя святую душу протопопа духовника царева Стефана, являлся ему яко ангелъ, внутрь сый діаволъ. Протопопъ же увѣща царя и царицу, да поставятъ Никона на Іосифово мѣсто. И азъ окаянной о благочестивомъ патріархѣ къ челобитной приписалъ свою руку; ано врага выпросили и бѣду на свою шею“. (Матер. для ист. раск. т. V, стр. 17, 261—262).

слѣдствіи Нероновъ говорилъ Никону, уже патріарху: „прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игумнахъ, и въ архимандритѣхъ, и въ митрополитѣхъ. А которые боголюбцы посланы государемъ блаженные памяти ко Іосифу патріарху, чтобъ ему поставити, по его государеву совѣту, оныхъ въ митрополиты, и во архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, и игумены и протопопы, а ты съ государемъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ и не прекословилъ нигдѣ, а на поставленіи ихъ не говорилъ: неаксіосъ, сирѣчь недостоинъ. Тогда у тебя вси непорочніи были, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойніи стали.... Доселѣ ты другъ нашъ былъ—на насъ793сталъ". Въ письмѣ къ царицѣ изъ Спасокаменнаго монастыря Нероновъ жалуется, что онъ и братія страдаютъ теперь „но древле отъ любимаго нами по Бозѣ, нынѣ же честь вземша и перемѣнишася". Игуменъ Ѳеоктистъ въ письмѣ къ Стефану Вонифатьевичу говоритъ, что „братія" страдаетъ теперь „не отъ врага, по Бозѣ отъ отца и отъ любезнаго намъ древле зѣло, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, жестока бывша къ намъ и горка зѣло дотолика, яко и смерть у когождо насъ предъ очима" [1]). Сдѣлавшись новогородскимъ митрополитомъ, Никонъ дѣятельно и энергично осуществлялъ въ своей епархіи идеи ревнителей и поддерживалъ съ ними, особенно со Стефаномъ, прежнія близкія дружескія отношенія. Такъ, отправляясь на Соловки за мощами св. митрополита Филиппа, Никонъ поднесъ въ даръ Стефану дорогую шапку для церковнаго служенія [2]). Въ росписи книгъ и писемъ, взятыхъ при обыскѣ у игумена Ѳеоктиста въ Вяткѣ, между прочимъ значится: „отписка преосвященнаго Никона митрополита новгородскаго къ духовнику Стефану Нифантьевичу, ево руки, на трехъ столбцахъ", изъ чего можно заключить, что Никонъ, сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ, находился въ перепискѣ съ Стефаномъ [4]). Даже по возвращеніи

---

[1]) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 47, 82, 110.
[2]) Временникъ моск. Общ. Ист. и Древн. кн. XIII, стр. 32.
[3]) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 331—332.

своемъ изъ Соловецкаго монастыря, когда Никонъ уже хорошо зналъ, что царь предназначилъ его въ патріархи, онъ поспѣшилъ явиться, по свидѣтельству Аввакума, къ Стефану и другимъ ревнителямъ съ поклономъ и ласками, будто бы въ тѣхъ видахъ, чтобы снова подтвердить свою полную солидарность съ кружкомъ ревнителей и не встрѣтить съ ихъ стороны какой либо помѣхи въ достиженіи имъ патріаршества.

Несомнѣнно, что кружекъ ревнителей благочестія, выставляя Никона кандидатомъ въ патріархи, видѣлъ въ немъ не только своего личнаго друга, но и человѣка, казалось ему, вполнѣ раздѣлявшаго всѣ взгляды и убѣжденія ревнителей. Нероновъ говорилъ впослѣдствіи Никону патріарху: „святитель, иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ пріемлешь, благовѣрны и благочестніи тѣхъ родители нарицаешь, а прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говаривалъ: гречане де и малые Росіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія ни мало“ [1]). Изъ этихъ словъ Неронова очевидно, что ревнители видѣли въ Никонѣ, до его патріаршества, человѣка ихъ убѣжденій и воззрѣній, и потому не имѣли никакихъ особыхъ причинъ противиться кандидатурѣ Никона, на котораго къ тому же указывалъ самъ Стефанъ. Съ избраніемъ Никона у ревнителей даже соединялись особыя надежды: они расчитывали при немъ играть болѣе видную и дѣятельную роль въ церковныхъ дѣлахъ, нежели какую они играли при Іосифѣ, такъ какъ видѣли въ Никонѣ не врага, а своего друга, единомышленника и даже свою креатуру. Впослѣдствіи игуменъ Ѳеоктистъ писалъ Стефану Вонифатьевичу, что ревнители желали бы видѣть его своимъ отцомъ и учителемъ въ вѣрѣ, т. е. патріархомъ на мѣсто Никона, такъ какъ они ожидаютъ отъ него, что онъ будетъ строить миръ церкви „внимая прилежно отца Іоанна (Неронова) глаголомъ“. Конечно и отъ Никона ревнители ожидали прилежнаго вниманія глаголамъ отца Іоанна и другихъ братій. Но провинціальнымъ ревнителямъ пришлось скоро и горько разочаро-

---

[1]) Ibid. стр. 150.

ваться въ своемъ бывшемъ другѣ, единомышленникѣ и избранникѣ въ патріархи, на котораго они возлагали столько надеждъ. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, рѣшительно и рѣзко порвалъ всѣ прежнія связи съ провинціальными ревнителями, и даже сталъ къ нимъ прямо во враждебныя отношенія.

Никонъ въ послѣднее время окончательно примкнулъ во взглядѣ на характеръ предстоящей церковной реформы къ программѣ царя и Стефана и, конечно, обязался предъ ними держаться ее и выполнить по своемъ вступленіи на патріаршій престолъ, причемъ царь и Стефанъ должны были служить ему опорою и поддержкою въ этой его дѣятельности. При такихъ обстоятельствахъ кружекъ провинціальныхъ ревнителей, иначе понимавшій и представлявшій себѣ задачи предстоящей церковной реформы, былъ теперь для Никона не только не нуженъ, но еще стѣснялъ его, мѣшалъ ему своими притязаніями, своимъ безпокойнымъ стремленіемъ вмѣшиваться во всѣ церковныя дѣла и направлять ихъ сообразно своимъ убѣжденіямъ и идеаламъ. Кромѣ того: уже по самому своему характеру Никонъ не терпѣлъ ничего, что не подчинялось ему безусловно, не терпѣлъ ни малѣйшаго ограниченія своего самовластія, не выносилъ никакого противорѣчія себѣ. Онъ хотѣлъ быть патріархомъ на всей своей волѣ: ни царь, ни бояре, никто не долженъ былъ вмѣшиваться въ его патріаршую дѣятельность, всѣ обязаны были безпрекословно исполнять его архипастырскія распоряженія. Недаромъ Никонъ, вступая на патріаршую каѳедру, заставилъ публично умолять себя царя, бояръ и весь народъ, недаромъ онъ взялъ съ нихъ клятву, что всѣ они и во всемъ безпрекословно будутъ слушаться своего новаго отца и архипастыря. Онъ видѣлъ, въ какое жалкое, прямо унизительное положеніе поставилъ кружекъ ревнителей (впрочемъ не безъ участія и самаго Никона) предшественника его патріарха Іосифа, какъ кружекъ вершилъ разныя церковныя дѣла, не обращая вниманія на безсильнаго, публично оскорбляемаго имъ патріарха. Съ Никономъ этого не случится: онъ будетъ крѣпко стоять во всеоружіи патріаршей власти, высоко надъ всѣми подниметъ ея знамя, такъ униженное при его предшественникѣ, онъ поставитъ ее рядомъ съ властію самаго великаго государя, и даже его заставитъ покориться ему—

патріарху во всѣхъ духовныхъ и церковныхъ дѣлахъ. Отнынѣ всѣми церковными дѣлами будетъ управлять только онъ, святѣйшій Никонъ патріархъ; отъ него, какъ главы церкви, будетъ исходить вся власть, всѣ церковныя распоряженія; всякій иной источникъ власти, всякое иное движеніе, не исходящее отъ него патріарха, онъ вырветъ съ корнемъ; его архипастырской волѣ не будутъ противиться даже самъ царь и бояре—они публично клялись ему въ этомъ. Очевидно при Никонѣ патріархѣ кружку ревнителей, съ его притязаніями заправлять и руководить всѣми церковными дѣлами, не было мѣста.

Но, съ другой стороны, и ревнители, согласившись на избраніе Никона патріархомъ, вовсе не думали вмѣстѣ съ этимъ устраниться отъ дѣлъ, отказаться отъ руководящей роли въ церковныхъ дѣлахъ, отъ пріобрѣтеннаго ими ранѣе общественнаго значенія и вліянія. Напротивъ, они расчитывали, съ восшествіемъ Никона на патріаршую каѳедру, играть еще болѣе видную и дѣятельную роль, думали быть при Никонѣ душею и главными дѣятелями въ управленіи церковными дѣлами. Понятно теперь, какъ должны были ревнители, мнившіе подъ рукою Никона вершить всѣ церковныя дѣла, отнестись къ своему бывшему другу, единомышленнику, когда онъ, сдѣлавшись патріархомъ, не только не сталъ совѣтоваться съ ними, но даже пересталъ пускать ихъ и въ крестовую! Понятно, какое озлобленіе, какую страстную, непримиримую ненависть должны были почувствовать къ Никону особенно болѣе пылкіе члены кружка, почему они до конца жизни имѣли о нравственномъ характерѣ Никона самое нелестное представленіе, почему они никогда уже болѣе не вѣрили ему и во всей его дѣятельности видѣли одно только дурное, подъ всѣ его поступки подкладывали всегда самые нечистые и низкіе мотивы. Понятно также, что ревнители вовсе не думали мириться съ тѣмъ опальнымъ положеніемъ, на которое такъ для нихъ неожиданно осудилъ ихъ бывшій ихъ другъ и единомышленникъ, понятно, что они не хотѣли сойти со сцены молча, не хотѣли безъ борьбы поступиться своимъ прежнимъ очень виднымъ, почетнымъ и вліятельнымъ положеніемъ. Ранѣе ревнители боролись, и довольно успѣшно, съ патріархомъ Іосифомъ, ничто не препятствовало имъ вступить въ борьбу и съ преемни-

комъ Іосифа. Царь по прежнему хорошо относился къ ревнителямъ, въ самой царской семьѣ они пользовались уваженіемъ и вліяніемъ [1]), связи ихъ съ знатными боярскими домами были обширны и крѣпки, члены кружка были тѣсно сплочены и готовы всячески постоять другъ за друга, во главѣ ихъ по прежнему стоялъ сильный и вліятельный царскій духовникъ, во всемъ и вполнѣ, казалось имъ, солидарный съ ними. И по самому характеру своихъ членовъ кружекъ ревнителей не былъ способенъ остаться въ спокойномъ, выжидательномъ положеніи, онъ уже ранѣе привыкъ дѣйствовать, бороться, обличать, привыкъ о всемъ говорить публично, всенародно. И кружекъ дѣйствительно заговорилъ по своему обычаю не стѣсняясь, рѣзко и очень обидно для новаго патріарха: недаромъ же въ похвалу членамъ кружка ставилось то, что они говорили „не обинующася лицъ сильныхъ, по пророку Давиду, предъ цари глаголюща и не стыдящася“. А между тѣмъ Никонъ вовсе не принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, которыя спокойно выслушиваютъ отъ другихъ разныя обличенія и назиданія и относятся къ нимъ спокойно и равнодушно.

Такъ естественно и необходимо, въ силу особенностей характера Никона и ревнителей, въ силу ихъ предшествующихъ личныхъ отношеній, должна была между ними произойти борьба. Но если бы эта борьба происходила, какъ нѣкоторые думали, только на почвѣ однихъ личныхъ отношеній, если бы они боролись только изъ-за власти и вліянія, если бы между ними только рѣшался вопросъ о томъ: кто будетъ въ дѣйствительности управлять дѣлами русской церкви: Никонъ или кружекъ ревнителей; то эта борьба не имѣла бы никакого особеннаго важнаго значенія для всей русской церкви и всего народа, не вышла бы изъ границъ обыкновенной придворной интриги, не перешла бы въ народъ, не вызвала бы раскола въ русской церкви. Если же

---

1) Священникъ московскаго Казанскаго собора Иванъ Даниловъ въ 1653 г. писалъ Неронову въ Спасокаменный монастырь слѣдующее: „и безъ тебя государь, не единаго намъ корму не было; а побили челомъ Аннѣ Михайловнѣ (сестрѣ государя) о кормахъ, чтобы печаловалася о насъ; и она сказала: и впредь де не будетъ вамъ ничево, молилися де, да и вымолили Ивана Неронова вонъ“. (Матер. для ист. раск. т. I. стр. 32—33).

случилось совершенно противное, то, значитъ, борьба ревнителей съ Никономъ далеко не исчерпывалось ихъ личными только отношеніями, а имѣла подъ собою болѣе глубокую и широкую основу, которая создала возможность перенести эту борьбу изъ узкой сферы столкновеній дворцовыхъ партій на широкую арену народной борьбы, народнаго дѣла, которая дала возможность заинтересовать въ ней и знатнаго книжнаго аристократа, и простаго грамотнаго крестьянина, и архіерея и убогаго инока,—словомъ, лицъ всѣхъ ранговъ, общественныхъ положеній и состояній. Эта борьба уже давно пережила не только ея первыхъ зачинщиковъ и ихъ ближайшихъ послѣдователей, но и цѣлый рядъ послѣдующихъ поколѣній, а между тѣмъ она не прекратилась, она съ полной силой продолжается и доселѣ, и мы сами, отдѣленные отъ начала борьбы вѣками, волей-неволей являемся, такъ или иначе, ея активными участниками и продолжателями. Ясное дѣло, что видѣть начало и причину этой вѣковой борьбы только въ личныхъ отношеніяхъ, объяснять ея возникновеніе только личными счетами начавшихъ борьбу, значитъ заключеніе выводить не изъ надлежащихъ посылокъ.

Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, рѣшительно порвалъ не только свои прежнія, очень близкія связи съ ревнителями, сталъ къ нимъ во враждебныя отношенія, лишивъ ихъ прежняго вліянія на дѣла церковныя, но вмѣстѣ съ этимъ онъ отрицательно и враждебно отнесся и къ тѣмъ воззрѣніямъ и идеаламъ, представителями и дѣятельными поборниками которыхъ были провинціальные ревнители. Разрывъ между ними и Никономъ шелъ, значитъ, съ самаго начала, гораздо дальше простыхъ личныхъ счетовъ и столкновеній: это былъ разрывъ лицъ рѣшительно разошедшихся между собою во взглядахъ и убѣжденіяхъ, разрывъ лицъ, одинаково желавшихъ и стремившихся къ реформѣ въ наличныхъ порядкахъ русской церкви, но совершенно различно понимавшихъ исходную точку, задачи, цѣли и объемъ реформы, способы и средства, которыми она должна быть проведена. Въ этомъ различіи собственно и заключается вся важная и серьёзная сторона столкновенія Никона съ кружкомъ провинціальныхъ ревнителей, здѣсь именно лежали причины, придавшія борьбѣ Никона съ ревнителями широ-

кій народный характеръ, вызвавшій и распространившій въ русской церкви расколъ. Въ борьбѣ Никона съ провинціальными ревнителями рѣшался, впрочемъ, не одинъ только церковный, но и въ высшей степени важный для всей послѣдующей русской жизни общественно-культурный вопросъ: останется ли Русь при своихъ старыхъ идеалахъ, воззрѣніяхъ, задачахъ и цѣляхъ, какъ они опредѣлились у насъ подъ вліяніемъ Флорентійской уніи и паденія Константинополя; или же русское общество уже выросло изъ того платья, которое было сшито ему по мѣркѣ книжниковъ конца XV и первой половины XVI вѣка? Побѣда Никона означала бы отреченіе отъ прошлаго, съ его особыми своеобразными идеалами, цѣлями и стремленіями, означала бы признаніе самимъ русскимъ обществомъ несостоятельности его прежней жизни, необходимости ея реформы, перестройки на новыхъ началахъ, въ виду инаго пониманія ея задачъ и цѣлей. Напротивъ побѣда провинціальнаго кружка ревнителей благочестія надъ Никономъ показала бы, что прежнія устои и основы русской жизни стоятъ еще прочно и крѣпко, что русская жизнь вовсе не нуждается въ какихъ-либо коренныхъ реформахъ, въ новыхъ путяхъ, въ всестороннемъ обновленіи, а будетъ продолжаться по прежнему, будетъ держаться за прежнія идеалы и весь связанный съ ними строй понятій и дѣйствій. Въ такомъ или иномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, повторимъ, и заключался весь смыслъ, все великое для последующей русской жизни значеніе ожесточенной, страстной, обостренной личными отношеніями, борьбы между Никономъ патріархомъ и кружкомъ провинціальныхъ ревнителей благочестія.

25 іюля 1652 года Никонъ былъ поставленъ въ патріархи, и уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ между нимъ и кружкомъ провинціальныхъ ревнителей благочестія произошло открытое столкновеніе по поводу слѣдующаго распоряженія Никона, которое онъ разослалъ по всѣмъ московскимъ церквамъ, предъ наступленіемъ великаго поста 1653 года: „по преданію св. Апостолъ и св. отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны; еще и тремя бы персты есте крестились“.

Это неожиданное единоличное распоряженіе новаго патріарха, покушавшееся измѣнить старый привычный церковный

чинъ и обрядъ, распоряженіе ничѣмъ немотивированное должно было крайне смутить совѣсть всѣхъ благочестивыхъ людей, воспитанныхъ въ преданности наличнымъ церковнымъ чинамъ и обрядамъ, не допускавшихъ и мысли, чтобы въ нихъ нужны и возможны были какія-либо измѣненія и передѣлки. Тѣмъ болѣе должны были многіе смутиться по поводу неожиданнаго распоряженія Никона, что у русскихъ существовало прямое и вполнѣ опредѣленное относительно перстосложенія для крестнаго знаменія постановленіе Стоглаваго собора: „иже кто не знаменается двѣмя персты, яко же и Христосъ, да есть проклятъ". Въ виду такого постановленія Стоглаваго собора, имѣвшаго тогда для всѣхъ обязательную силу, первое реформаторское дѣйствіе Никона необходимо ставило всякаго благочестиваго русскаго человѣка въ очень затруднительное положеніе: подчиниться распоряженію своего новаго архипастыря,—значило пренебречь яснымъ и опредѣленнымъ соборнымъ постановленіемъ, значило подвергнуть себя страшной соборной клятвѣ; остаться вѣрнымъ соборному постановленію,—значило явиться ослушникомъ своего архипастыря, который уже ранѣе связалъ всѣхъ клятвою—безпрекословно исполнять всѣ его архипастырскія распоряженія.

Особенно сильное впечатлѣніе распоряженіе Никона о поклонахъ и перстосложеніи должно было произвести въ кружкѣ ревнителей, для которыхъ оно имѣло и особенное значеніе. До сихъ поръ церковные вопросы и предполагаемыя церковныя реформы и обсуждались въ средѣ кружка и имъ приводились въ исполненіе. Теперь Никонъ единолично дѣлаетъ важныя церковныя распоряженія, не спрашиваясь и не совѣтуясь съ своими друзьями, чѣмъ ясно даетъ понять кружку, что его роль совѣтника и руководителя по церковнымъ дѣламъ уже кончилась, что всѣми церковными дѣлами теперь будетъ управлять не кружекъ ревнителей, а только одна воля и благоусмотрѣніе его, Никона патріарха. Конечно не безъ цѣли Никонъ послалъ свое распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи прежде всего въ Казанскій соборъ къ Неронову—онъ хотѣлъ, очевидно, посмотрѣть, какъ кружекъ отнесется къ его единоличнымъ церковнымъ патріаршимъ распоряженіямъ. Кружекъ хорошо понялъ относящій къ нему смыслъ распоряженія Никона, понялъ, что

Никонъ открыто и рѣшительно объявляетъ ему войну. Протопопъ Аввакумъ говоритъ, что когда получено было распоряженіе Никона, „мы же задумались, сошедшеся между собою; видимъ, яко зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ,—седмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: время приспѣ страданія! Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ; тоже Коломенскому епископу Павлу, его же Никонъ напослѣдокъ огнемъ сжегъ въ Новгородскихъ предѣлахъ; потомъ—Даніилу, Костромскому протопопу; тоже сказалъ и всей братіи“ [1]).

Предчувствіе кружка, что для него наступаетъ зима, время страданій, скоро вполнѣ оправдалось. Въ настоящемъ его положеніи для кружка возможны были два исхода: безусловное подчиненіе новому патріарху и всѣмъ его распоряженіямъ, съ оставленіемъ всякой мысли о прежней выдающейся роли въ церковныхъ дѣлахъ; или—открытая борьба съ Никономъ, человѣкомъ рѣшительнымъ, крутымъ, и при этомъ, крайне сильнымъ, такъ какъ за него стоялъ самъ царь. Кружекъ, какъ и слѣдовало ожидать, избралъ послѣднее. Онъ всегда считалъ сабя на стражѣ истиннаго благочестія, былъ его всегдашнимъ присяжнымъ ревнителемъ и поборникомъ, члены кружка тѣмъ именно и славились, что они, „ревность велію имуще по Бозѣ“, небоялись смѣло выступать на обличенія лицъ сильныхъ и даже, „по пророку Давиду, предъ цари глаголюща и не стыдящася“. Именно борьба съ нечестіемъ, публичныя обличенія другихъ за уклоненіе отъ существующихъ церковныхъ уставовъ и постановленій, составляло, такъ сказать, спеціальную профессію членовъ кружка, создавшую имъ и громкую извѣстность и очень видное общественное положеніе. Единоличное, ни чѣмъ повидимому неоправдываемое распоряженіе Никона о поклонахъ и перстосложеніи, давало имъ прекрасный случай выступить въ привычной, и прежде очень благодарной для нихъ, роли обличителей и порицателей нечестія Никона, который къ тому же пересталъ пускать своихъ недавнихъ друзей и „въ крестовую“. Въ опроверженіе распоряженія Никона членами кружка немедленно составлена была за-

---

[1]) Мат. для ист. раскола т. V, стр. 13.

писка о поклонахъ и перстосложенiи и подана государю, но тотъ, какъ догадывается Аввакумъ, передалъ ее Никону.

Нельзя сказать, чтобы первое реформаторское дѣйствiе Никона—отмѣна стараго двоеперстiя и распоряженiе о поклонахъ—было выбрано имъ удачно, вполнѣ достаточно сображено съ воззрѣнiями и понятiями того общества, въ которомъ Никону приходилось дѣйствовать. Никонъ началъ свою церковную реформу тѣмъ, что сразу, съ перваго же шага, безъ всякой подготовки къ тому общества, затронулъ ранѣе всѣми признаваемый церковный обрядъ и чинъ, т. е. ту именно область, на которой по преимуществу воспиталось религiозное чувство русскаго народа, и которая поэтому была особенно близка ему, дорога и священна въ его глазахъ. Русскiе, которымъ недоступны были наука и образованiе, а вмѣстѣ съ этимъ возможность теоретическаго усвоенiя системы христiанскаго вѣроученiя внѣ обряда, по необходимости сосредоточили свое вниманiе на внѣшней обрядовой сторонѣ христiанства, которая, какъ наглядное выраженiе отвлеченныхъ истинъ, была ближе и понятнѣе для простого, необразованнаго народа, мало способнаго къ отвлеченному мышленiю. Обрядъ такимъ образомъ естественно выступалъ на первый планъ въ христiанской жизни русскихъ: не отъ вѣроученiя переходили они къ обряду, какъ бы слѣдовало, а совершенно наоборотъ: они начинали прежде всего съ обряда, и уже чрезъ обрядъ и при его посредствѣ приходили къ усвоенiю и пониманiю самаго ученiя, такъ что русскихъ воспитывалъ и училъ христiанству прежде всего опредѣленный обрядъ, внѣ котораго они не могли ни представить, ни мыслить христiанства. На самый обрядъ и его значенiе, по историческимъ обстоятельствамъ своей жизни, русскiе смотрѣли значительно иначе, чѣмъ напримѣръ греки. Греческая церковь, отправляясь отъ ученiя Христа и апостоловъ, въ теченiи своей исторической жизни выработала у себя, на основанiи этого ученiя, цѣлую систему обрядовъ, которыми она выразила внѣшнимъ образомъ содержимое ею ученiе и свое пониманiе его за различное время. Понятно что она, какъ создавшая православный обрядъ, хорошо знала его происхожденiе, его отношенiе къ вѣроученiю, его истинное значенiе въ христiанской жизни. Къ русскимъ обрядъ перешелъ уже готовый, въ существенныхъ чертахъ

вполнѣ сформировавшійся и законченный; процессъ его историческаго происхожденія и постепенной выработки остался для нихъ совершенно неизвѣстнымъ, почему они приписали ему одинаковое происхожденіе и значеніе съ самымъ вѣроученіемъ. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ для значительнаго большинства русскихъ обрядъ былъ тоже, что и вѣроученіе; онъ такъ же важенъ, святъ, спасителенъ и неизмѣненъ, какъ и вѣроученіе. Измѣнить обрядъ, по ихъ мнѣнію, значило тоже, что измѣнить вѣроученіе; иной обрядъ указывалъ на иное ученіе, разность въ обрядѣ указывала и на разность въ ученіи, а не на иную только внѣшнюю форму его выраженія, такъ что русскій не ученіемъ повѣрялъ обрядъ, но обрядомъ ученіе; всякій держащійся иного обряда былъ въ его представленіи иновѣрующій, ибо правый обрядъ повсюду единъ, какъ едино повсюду правое вѣроученіе. При этомъ большинство русскихъ искренно и твердо было убѣждено, что правый обрядъ во всей его чистотѣ и первоначальной неизмѣнности сохранился только у нихъ однихъ, тогда какъ у современныхъ грековъ, и у другихъ восточныхъ православныхъ христіанъ, онъ уже нѣсколько видоизмѣнился, воспринялъ въ себя нѣкоторыя новшества. Въ виду подобнаго отношенія русскихъ къ обряду понятнымъ становится, какъ опасно было затрагивать именно эту неприкосновенную и завѣтную для религіознаго чувства русскихъ область ихъ вѣковыхъ вѣрованій, понятно, какого осторожнаго и бережнаго отношенія требовалъ къ себѣ обрядъ со стороны каждаго. А между тѣмъ Никонъ, только что успѣвшій войти на патріаршую каѳедру, сейчасъ же, безъ всякихъ разъясненій и оправданій, безъ всякой предварительной подготовки къ тому общества, единолично своимъ распоряженіемъ измѣняетъ вѣковой обрядъ, всѣми признаваемый доселѣ за правый, недопускающій никакихъ перемѣнъ.

Но этого мало. Никонъ, по непонятнымъ для большинства причинамъ, измѣняетъ тотъ именно обрядъ, который постоянно употребляется каждымъ православнымъ христіаниномъ, и неизмѣняемость котораго была утверждена и ограждена клятвою Стоглаваго собора, вслѣдствіе чего Никонъ, въ мнѣніи большинства общества, необходимо долженъ былъ явиться противникомъ такихъ соборныхъ постановленій, ко-

торыя въ то время для всѣхъ считались обязательными, и ни съ чьей еще стороны не возбуждали сомнѣній,—долженъ былъ явиться такимъ человѣкомъ, который свою волю, только свое личное усмотрѣніе въ церковныхъ вопросахъ, ставитъ выше голоса всей церкви, тѣмъ болѣе, что Никонъ, фактически упраздняя постановленіе Стоглаваго собора о двуперстіи, въ тоже время вовсе не объяснялъ, какъ его распоряженіе о перстосложеніи относится къ существующему по этому предмету соборному постановленію, прямо ему противоположному. Наконецъ такой образъ дѣйствій не особенно, былъ удобенъ для Никона и потому, что на патріаршей каѳедрѣ Никонъ былъ новымъ, для большинства вовсе неизвѣстнымъ человѣкомъ, что онъ не только не успѣлъ пріобрѣсти того подавляющаго нравственнаго авторитета, который бы заставилъ его паству спокойно смотрѣть и на такія его дѣйствія, которыя съ перваго взгляда могли показаться ей не имѣющими достаточнаго оправданія ни съ исторической, ни съ канонической точки зрѣнія; но онъ имѣлъ еще у себя и непримиримыхъ враговъ, всегда готовыхъ самыя правыя и законныя его дѣйствія объяснить въ дурную сторону и тѣмъ вооружить противъ него народъ.

Такимъ образомъ первый реформаторскій шагъ Никона былъ дѣйствіемъ поспѣшнымъ, недостаточно обдуманнымъ и соображеннымъ съ тѣми условіями, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать; а между тѣмъ такой шагъ долженъ былъ имѣть для всей послѣдующей дѣятельности Никона очень важное значеніе: онъ сразу поколебалъ въ мнѣніи многихъ довѣріе къ Никону патріарху, заставилъ зорко-недовѣрчиво относиться ко всей его послѣдующей реформаторской дѣятельности, далъ сильное противъ него оружіе въ руки его противниковъ.

Впрочемъ Никонъ самъ скоро увидалъ и сознaлъ ошибочность и поспѣшность своего перваго реформаторскаго дѣйствія, и потому немедленно рѣшился взяться за дѣло реформы иначе, идти къ той же цѣли инымъ, хотя и болѣе медленнымъ, но за то болѣе вѣрнымъ путемъ.

Оказанное Никону открытое сопротивленіе со стороны кружка провинціальныхъ ревнителей благочестія, по поводу его распоряженія о поклонахъ и перстосложеніи, дало ему случай убѣдиться въ томъ, что въ лицѣ отвергнутыхъ имъ

ревнителей онъ найдетъ себѣ самаго сильнаго и опаснаго врага, способнаго дискредировать въ мнѣніи общества проводимыя имъ реформы и подорвать самый его патріаршій авторитетъ, только опираясь на который онъ сдѣлалъ извѣстное распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи. Поэтому Никону необходимо было прежде всего такъ или иначе освободиться отъ враждебныхъ ему ревнителей, которые легко могли сдѣлаться органомъ всѣхъ недовольныхъ, какъ лично Никономъ, такъ и его церковными реформами, и тѣмъ создать ему массу затрудненій и непріятностей въ будущемъ. Дѣйствовать относительно своихъ бывшихъ друзей мягко и примирительно, постараться привлечь ихъ на сторону предположенной церковной реформы, воспользоваться ихъ ревностію, энергіею и дарованіями для достиженія своихъ цѣлей—Никонъ не хотѣлъ, потому что уже ранѣе хорошо изучилъ взгляды и убѣжденія своихъ бывшихъ друзей, и ясно видѣлъ сильную нерасположность съ ихъ стороны сочувственно, или только терпимо, отнестись къ намѣченной церковной реформѣ. Въ виду этаго Никонъ рѣшилъ просто отдѣлаться отъ своихъ притязательныхъ, заносчивыхъ и опасныхъ для него и его дѣла друзей, и при томъ такимъ способомъ, который бы сразу далъ имъ почувствовать всю силу и могущество Никона, а ихъ собственное безсиліе и ничтожество предъ нимъ. Всемогущему царскому любимцу и патріарху нетрудно было найти поводы и способы покончить съ непріятнымъ опаснымъ для него кружкомъ. Члены кружка ревнителей всюду, гдѣ только имъ приходилось дѣйствовать, создавали себѣ немало враговъ, благодаря своимъ рѣзкимъ обличеніямъ чужихъ неправдъ, пороковъ и недостатковъ. Никонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей. Онъ сталъ принимать жалобы озлобленныхъ противъ ревнителей и, давая вѣру этимъ жалобамъ, сталъ привлекать ревнителей къ отвѣтственности. По такой жалобѣ онъ отдалъ за пристава Логгина, чѣмъ крайне возмутились всѣ ревнители. Нероновъ выступилъ полномочнымъ защитникомъ Логгина, и между нимъ и Никономъ публично произошла очень бурная сцена, въ присутствіи цѣлаго собора. Нероновъ при этомъ случаѣ до того забылся, что дозволилъ себѣ самыя грубыя и рѣзкія выходки противъ патріарха, обвиняя его въ неуваженіи и презрѣніи къ царю, въ неправдахъ, въ

жестокости, въ склонности слушать клеветниковъ и наушниковъ, въ довѣріи къ людямъ завѣдомо недостойнымъ, и въ преслѣдованіи людей добрыхъ и хорошихъ. Когда, напримѣръ, Никонъ, обличаемый Нероновымъ въ неправомъ судѣ, замѣтилъ: „я де кромѣ Евангелія ничѣмъ не сужу", то Нероновъ такъ отвѣчалъ ему: „во святомъ Евангеліи написано: Господь рече, любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ; а тебѣ кто и добра хощетъ и ты и тѣхъ ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, и ты тѣхъ любишъ и жалуешь и слушаешъ. А кто тебѣ кого огласитъ напрасно, хотя за пять сотъ верстъ, или за тысячу, и ты вѣры имѣешъ... тебѣ клеветники въ явѣ клевещутъ на добрыхъ людей, а ты имъ вѣры имѣешъ... Доселѣ ты протодіакона Григорія и прочихъ, которые нынѣ въ крестовой у тебя совѣтники его, врагами Божіими и разорителями закона Господня сказывалъ; а нынѣ у тебя на соборѣ то и добрые люди... Доселѣ ты другъ нашъ былъ, на насъ возсталъ. А коихъ ты разорилъ, и на ихъ мѣсто поставилъ иныхъ, и отъ нихъ добраго ничего не слышать. А коихъ ты оставилъ, вины на нихъ положилъ, что они людей мучатъ, такъ де ненадобно дѣлать, какъ ты говоришъ; а самъ безпрестанно мучишъ: старца соловецкаго и въ кресной день велѣлъ еси бить немилостиво. Се того себѣ не вмѣняешъ, властемъ зазираешъ, а самъ безпрестанно мучишъ... Нынѣ отъ тебя боголюбцы терпятъ скорби, и бѣды и разоренія". Нероновъ рѣзко порицалъ не только одного Никона, но и весь соборъ". Незнаю, говорилъ расходившійся ревнитель, чѣмъ вашъ сей соборъ назвать, потому что не поболѣніе ваше о законѣ Господни, но укоризны и поносы! Таковы соборы были и на великаго святителя Іоанна Златоустаго и на великаго святителя Стефана Сурожскаго" [1]).

Такъ ревнители, съ самаго начала патріаршества Никона, подвергли его патріаршія дѣйствія самой рѣзкой и придирчивой критикѣ, находили въ нихъ только одни неправды, произволъ и жестокости, проповѣдуя открыто и рѣшительно, что Никонъ недостойный патріархъ [2]). Понятно, что Никонъ

---

1) Мат. для ист. раск. т. 1, стр. 44—49.

2) Обвиненія Никона въ жестокомъ обращеніи съ подчиненными обычны. Но здѣсь скорѣе имѣла мѣсто не только личная жестокость, но и такъ называемый духъ времени, тогдашніе суровые нравы,—тогда такъ всѣ поступали. Протопопъ Аввакумъ, напримѣръ, про себя разсказыва-

не могъ остаться равнодушнымъ къ этимъ задорнымъ и рѣзкимъ обличеніямъ, имѣвшимъ въ виду окончательно подорвать его значеніе патріарха, тѣмъ болѣе, что все это происходило въ первый годъ патріаршества Никона, когда его положеніе еще не вполнѣ окрѣпло и установилось, почему нападенія на него ревнителей грозили ему серьезною опас-

---

етъ, что онъ обыкновенно приходилъ къ утрени ранѣе всѣхъ и одинъ начиналъ полунощницу: „докаместь сходятся крылошаня, а я проговорю въ тѣ поры. Прощаются—иво Богъ проститъ; а который дуруетъ, *то на чепь добро пожаловать:* не раздувай уса—тово у меня“. (Матер. VIII, 91). Но особенно важно для характеристики суровыхъ нравовъ тогдашняго времени собственное свидѣтельство архіепископа сибирскаго Нектарія (въ одномъ изъ его писемъ) о томъ, что онъ вытерпѣлъ отъ старца, у котораго жилъ на послушаніи въ Ниловой пустыни, до своего архіепископства. Вотъ что онъ сообщаетъ: „до смерти мнѣ надобно помнить, какова милость Божія надо мною грѣшнымъ была въ пустынѣ и что мы кушали: вмѣсто хлѣба сіе брашно: траву папорть и кислицу, ужевникъ и дягиль, дубовые жолуди и цявлевину, и съ древесъ сосновыхъ кору отыскали и сушили и, съ рыбою смѣшавъ, вмѣстѣ толкли; то намъ брашно было, а гладомъ не уморилъ насъ Богъ. И како терпѣлъ отъ начальника съ первыхъ моихъ дней: два года по дважды на всякій день былъ битъ въ два времени, а не по едино время на день бои были. Но и въ свѣтлое воскресеніе Христово дважды битъ былъ. И того сочтено у меня въ два года по два времени на всякій день боевъ: тысяча четыреста и тридесять. Сколько ранъ и ударовъ на всякій день было отъ рукъ его честныхъ, тѣхъ не щитаю—Богъ вѣсть—и не помню: отъ ранъ великихъ едва дыханіе во мнѣ бысть. Пастырь мой плоть мою сокрушалъ, а душу мою спасалъ. Что ему въ рукахъ прилучилось, тѣмъ и жаловалъ меня, свою сиротку и малаго птенца. Училъ клюкою, и остномъ прободалъ, и полѣномъ, коимъ въ жерновѣ мелютъ муку, и пѣстомъ, что въ ступѣ толкутъ, и кочергою, что въ печи уголье гребутъ, и поварнями, что ѣствы варятъ, и рогатками, что растворъ на хлѣбы и просфоры и на пироги въ сосудѣхъ бьютъ, чтобъ хлѣбы, или просфоры и пироги были бѣлы,—чтобъ душа моя темная свѣтла была, а не не темна; и въ ушатахъ, что двое носятъ моторъ, и тѣмъ древомъ изъ ноги моея икра выбита, чтобъ ноги мои на послушаніе Христа ради готовы были. И нетокмо древомъ всякимъ, но и желѣзомъ, и каменіемъ, и за власы драніемъ, и кирпичемъ, и что прилучилося въ рукахъ его, чѣмъ раны дать, и что тогда глаза его узрятъ, тѣмъ душу мою спасалъ, а тѣло мое смирялъ. И въ то время персты мои изъ составовъ выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и нынѣ немощенъ и скорбенъ, чаю себѣ скоро смерти“, почему желаетъ оставить каѳедру и остатокъ дней провести въ мѣстѣ своего перваго обѣщанія—въ Ниловой пустынѣ. Нектарій умеръ въ Москвѣ въ январѣ 1667 года. (Рукопись Виѳанской духовной семинаріи № 2369, л. 60, 198—202).

ностію. Никонъ поспѣшилъ окончательно отдѣлаться отъ своихъ бывшихъ друзей. Съ Неронова онъ снялъ скуѳью и послалъ его подъ крѣпкій началъ въ Спасокаменный монастырь; Логгину онъ остригъ голову, т. е. лишилъ его сана священства, причемъ послѣдній, когда его разстригали въ соборѣ, не удержался отъ публичныхъ грубыхъ и неприличныхъ выходокъ противъ Никона. Съ видимымъ удовольствіемъ, какъ о какомъ-то высокомъ подвигѣ, разсказываетъ объ этомъ Аввакумъ слѣдующее: „остригше, содрали съ Логгина однорядку и кафтанъ. Логгинъ же, разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая и чрезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ. Распоясался, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ". Не смотря на все крайнее непреличіе поведенія Логгина, оно однако, по словамъ Аввакума, было увѣнчано всенароднымъ чудомъ: „и чюду, повѣствуетъ онъ, растопоряся рубашка и покрыла на престолѣ дискосъ, бытъ-то воздухъ". Но нечестивый Никонъ, по словамъ Аввакума, къ подобнымъ очевиднымъ чудесамъ надъ ревнителями, относился не только скептически, но и насмѣшливо. Когда ему донесли, что Богъ чудесно, заключенному послѣ разстриженія въ темницу Логгину, далъ шапку и шубу, то Никонъ только разсмѣялся и при этомъ замѣтилъ: „знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ" [1]). Вслѣдъ за Логгинымъ и Нероновымъ опалѣ подверглись и другіе ревнители—Аввакумъ и Даніилъ Костромской, которые было подали царю челобитную за Неронова. Даніилъ былъ разстриженъ и сосланъ въ Астрахань, Аввакума же спасло отъ растриженія заступничество царя, но онъ все таки былъ сосланъ въ Сибирь.

Такъ Никонъ отдѣлался отъ своихъ бывшихъ друзей, лишивъ ихъ прежняго вліятельнаго и виднаго общественнаго положенія и разославъ ихъ по дальнимъ уголкамъ Россіи. Царь рѣшительно стоялъ на сторонѣ Никона и предоставилъ ему полную свободу дѣйствій въ церковной сферѣ, отказываясь отъ всякаго вмѣшательства въ церковныя дѣла. Нероновъ, еще до своей ссылки, говорилъ Никону: „подалъ равноапостольный, благочестивый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи тебѣ волю, и ты,

---

[1]) Матер. для ист. раск. т. V, стр. 21—22.

зазнався, тако всякія руганія творишь, а ему, государю, сказываешь, я де дѣлаю по Евангелію и по отеческимъ преданіямъ", Стефанъ Вонифатьевичъ писалъ сосланному уже Неронову, уговаривавшему его побудить царя вмѣшаться въ церковныя дѣйствія Никона, что царь „на себя такого чина не взимаетъ, что управити ему, государю, благочестіе"; и въ другомъ мѣстѣ: „царь государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу" [1]).

Такимъ образомъ Никонъ находился теперь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ относительно выполненія предположенной церковной реформы. Тѣ лица, отъ которыхъ онъ только и могъ ожидать серьезнаго противодѣйствія себѣ, находились далеко отъ Москвы, въ ссылкѣ; царь оказывалъ ему безусловное довѣріе и предоставилъ ему въ церковныхъ дѣлахъ полную свободу дѣйствій; власти, бояре и весь народъ уже ранѣе клялись ему безпрекословно подчиняться всѣмъ его архипастырскимъ распоряженіямъ. И однако же, не смотря на все это, Никонъ встрѣтилъ сильныя препятствія на пути къ осуществленію церковной реформы, и открытое рѣшительное сопротивленіе всѣмъ своимъ реформаторскимъ распоряженіямъ. Противодѣйствіе исходило отъ его бывшихъ друзей — ревнителей, которые, не смотря на свою ссылку, очень чувствительно давали знать о себѣ Никону. Пользуясь своими прежними связями и особымъ положеніемъ въ Москвѣ, они обращались съ своими челобитными къ царю и царицѣ, а также и къ царскому духовнику, чтобы они защитили ихъ отъ Никона, который несправедливо гонитъ ихъ и преслѣдуетъ, причемъ самихъ себя они выставляли мучениками за правду, страдальцами за ревность по благочестіи. Такъ Нероновъ, который теперь сталъ во главѣ своихъ опальныхъ друзей ревнителей и всѣхъ вообще противниковъ Никона, пишетъ царицѣ: „тіи (Павелъ, Даніилъ, Аввакумъ, Логгинъ) мучени и томлены, и изгнани ради проповѣди закона, и ради ученія, и за еже побуждати имъ наблагое всѣхъ человѣкъ, ревность имуще, да не единъ отъ христіанъ праваго пути погрѣшитъ, но вси спасенія да улучатъ и чисти предъ сотворшимъ ны предстанутъ въ день праведнаго суда, иже и воздастъ комуждо по дѣломъ его".

---

[1]) Ibid. т. I, стр. 89, 91, 106.

Ревнители не ограничивались тѣмъ, что представляли Никона человѣкомъ жестокимъ, несправедливымъ, гонителемъ людей, ревнующихъ о правдѣ и благочестіи. Указывая всѣмъ на единоличное распоряженіе Никона о поклонахъ и перстосложеніи, они на первыхъ уже порахъ стали открыто и настойчиво заявлять о томъ, что русскому благочестію грозитъ отъ Никона серьезная опасность. „Не наша бо страданія, пишетъ Нероновъ въ своей первой челобитной царю, отъ 6-го ноября 1653 года, нудятъ насъ къ тебѣ, государю, вопити, ниже скорбей и мученій нашихъ моленіе къ тебѣ, государю, приношу; *но страхъ держитъ мя о семъ, дабы благочестіе истиннѣ въ поруганіи не было и гнѣвъ Божій да не снидетъ...* О, благочестивый царю, устави, молю, бурю, смущающую церквы!.. О, благочестиве! молю тя: скорби бо и гоненія, еже претерпѣхомъ за любовь Господа нашего Іисуса Христа, радость намъ воистину; а еже зрѣти или слышати люди Божія смущаемы и печалію погружаемы *прововѣрія ради и благочестія* отъ бѣдъ и скорбей — нестерпимо“. Съ своей стороны Аввакумъ, вмѣстѣ съ Даніиломъ, еще до своей ссылки, уже писалъ царю въ особой челобитной: „о, благочестивый царю, откуда се привнидоша въ твою державу? Ученіе въ Росіи не стало и *глава отъ церкви отста*, понеже озоба вепрь отъ луга и инокъ дивій поялъ и есть“. Во второй челобитной государю, писаной въ началѣ 1654 года, Нероновъ прямо уже указываетъ царю, въ чемъ заключается опасность, грозящая церкви. „Искушенія бо пріиде, потрясающція церковь, и велико несогласіе, пишетъ онъ царю. Чесо ради? всяко вѣси. Отцы преданное колѣнное покланеніе попираемо, и крестнаго знаменія сложеніе перстъ пререкуемо, и ново нѣкако сказуемо не отъ писанія, плачю достойно, соблазнъ приносяще людемъ, ихъ же ради Христосъ кровь свою пролія... Колѣнное же покланяніе отъ устава пріяхомъ, преданнаго церкви святыми отцы, согласующе отъ тѣхъ и блаженному Никону въ своихъ правилѣхъ, и не хотящихъ до земли покланятися, непоклоннической ереси послѣдующихъ тѣхъ глаголетъ, юже сказуетъ девять-десять первую въ Дамаскиновѣ книгѣ“. Доказывая за тѣмъ истинность двуперстія сказаніемъ о Мелетіѣ антіохійскомъ, словами Ѳеодорита, свидѣтельствомъ Максима Грека, Нероновъ говоритъ: „всѣхъ же зримъ нетлѣніемъ и чудесы отъ Бога прославленныхъ, отъ

нихъ же ни единъ инако мудрствуя, приложити что смѣя, послѣдующе древле бывшимъ отцемъ, и яко постепеніи другъ по друзѣ идуще, а предъ отцы не прескочающе, но пребываху въ нихъ же научени быша, *самочиннѣ же законовъ не полагаху и церковныхъ догматъ не развращаху*. Сихъ ли святѣйшія есмы? О, благочестивый царю, яко законы ихъ, ими же они Богови угодивши, и въ чудесѣхъ велицѣ явльшеся, тако, яко истиніихъ прогоняютъ бѣсовъ; мы же сія нетрудно разорити покушаемся. На сихъ ли возносимся, имъ же видимъ ты, благочестивый царю, и вси правовѣрніи князи, и боляра, и архіереи, и ереи, и православныя христіяня со страхомъ многимъ любезно святыя ихъ мощи цѣлуете, и ракамъ ихъ касаетеся ради освященія единородныхъ нашихъ душъ, и яко да молятъ о насъ человѣколюбца Бога, да милостивъ будетъ намъ въ день судный, — на сихъ вознестися имамы?“ Затѣмъ Нероновъ, въ той же челобичной царю, говоритъ, что вмѣстѣ съ вѣрою русскіе приняли отъ грековъ и книги, которыя „добрѣ и богоугодно“ были переведены на славянскій языкъ, а потомъ благовѣрніи цари, князи, святители и прецодобніи отцы „писаніе уясниша и тисненію печатному предаша“ причемъ преподобный Максимъ Грекъ крѣпко завѣщавалъ „возносящимся премудростію и тщетною философіею, развращенно же житіе имущимъ, отнюдь не дерзати святыхъ книгъ таковымъ переводити, ниже вручити таковымъ, яковъ же онъ лукавый чернецъ Арсеній, о немъ же патріархъ іерусалимскій писалъ къ тебѣ, государю, изъ Путивля, что онъ Арсеній еретикъ, велѣлъ ся его остерегать. А нынѣ онъ, Арсеній, взятъ къ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ кельѣ, да ево и свидѣтеля, врага, поставляетъ, а въ древнихъ великихъ мужей и святыхъ чудотворцевъ свидѣтельство отметаетъ и ложно нарицаетъ“. Для рѣшенія возникшихъ церковныхъ недоумѣній Нероновъ предлагаетъ царю созвать соборъ, но только чтобы этотъ соборъ былъ истинный, „а не сонмище іудейско“. „Не единымъ бо архіереомъ подобаетъ собратися, пишетъ онъ, но и священно-архимандритомъ, и священно игуменомъ, и протопопомъ, и священно-инокомъ, іереомъ и діакономъ, вѣдущимъ до конца божественное писаніе; такожде и въ мірѣ живущимъ и житіе добродѣтельное проходящимъ всякаго чина людямъ; поискати же лѣпо, государь, и въ пусты-

ни живущихъ иноковъ, искусныхъ отцевъ, науку имѣющихъ отъ божественнаго писанія, пачеже житія ради добродѣтельнаго и чистоты и дарованію сподобльшихся отъ Бога, да же споспѣшествуютъ намъ, государь, неточію словеса, но и молитвы ихъ, ко исправленію нашея православныя христіанскія вѣры, да же истина свѣтлѣе солнца явится. Тебѣ же, государь, яко превеликому столпу, ту предсѣдѣти и всѣхъ зрѣти". Только одного ограниченія для проектируемаго собора желаетъ Нероновъ. Это — чтобы государь никакъ не принималъ въ совѣтъ иностранныхъ иноковъ, „истинѣ и благочестію ругателей и ересемъ вводителей" [1]).

Царь не только не придалъ никакого значенія этимъ челобитнымъ, вполнѣ положившись въ церковныхъ дѣлахъ на Никона, но и запретилъ Неронову обращаться къ нему съ жалобами на Никона. Но это не остановило Неронова. Онъ сталъ писать царицѣ, прося ея ходатайства предъ царемъ, и особенно обращался къ своему патрону и доброжелателю Стефану Вонифатьевичу, думая найти въ немъ противника Никону.

Нероновъ, и особенно его друзья, до конца своей жизни имѣли неправильное представленіе объ участіи Стефана Вонифатьевича въ дѣлѣ церковной реформы Никона, и неправильно представляли себѣ личныя отношенія, существовавшія между Стефаномъ и Никономъ. По ихъ представленіямъ Никонъ, до своего патріаршества, очень дружилъ съ Стефаномъ, во всемъ соглашался съ нимъ, не противорѣчилъ ему и даже всячески предъ нимъ заискивалъ. Но сдѣлавшись патріархомъ, онъ рѣшительно будто бы измѣнилъ къ Стефану свои отношенія: сталъ не только гнать и преслѣдовать его друзей, но ругать и поносить и самого Стефана. Нероновъ говорилъ патріарху Никону: „преже сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игумнахъ, и въ архимандритѣхъ, и въ митрополитѣхъ... Ты съ государевымъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прекословилъ нигдѣ... И протопопъ Стефанъ за что тѣбѣ врагъ

---

[1]) Матер. I, 23—24, 37—38, 54—67, 80.

сталъ? — вездѣ ты ево поносишь и укоряешъ“ [1])... Но такое представленіе ревнителей объ измѣнившихся будто отношеніяхъ Никона къ Стефану, послѣ того какъ Никонъ успѣлъ сдѣлаться патріархомъ, рѣшительно невѣрно и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Стефанъ Вонифатьевичъ несомнѣнно всегда былъ сторонникомъ Никона, какъ своего ставленника въ патріархи, и до самой своей смерти сохранилъ къ нему близкія дружескія отношенія. На производимую Никономъ реформу онъ смотрѣлъ какъ на свое личное дѣло, и потому не только не могъ ей противодѣйствовать, но и всячески ее поддерживалъ. Въ посланіи къ царю изъ Спасокаменнаго монастыря. отъ 27 февраля 1654 года, Нероновъ пишетъ: „по приказу отца священнопротопопа Стефана Ниѳантьевича, всякое покореніе и любовь показывалъ азъ къ Никону патріарху, еще же онъ былъ въ архимандритѣхъ и въ митрополитѣхъ, и лживыхъ словъ ему, господину, не говорилъ, но все поистиннѣ истину, моля его, да не слушаетъ клеветниковъ“ [2]). Значитъ, когда Никонъ еще былъ архимандритомъ и митрополитомъ, уже тогда между имъ и Нероновымъ происходили несогласія, уничтожаемыя авторитетомъ Стефана, который заставлялъ Неронова оказывать Никону „покореніе и любовь“ т. е. уже и тогда Стефанъ считалъ болѣе правымъ Никона и былъ на его сторонѣ, а не на сторонѣ Неронова. Тоже было и послѣ, когда Никонъ сталъ патріархомъ и началъ свою реформаторскую дѣятельность. Протопопъ Аввакумъ въ письмѣ къ Неронову въ Спасокаменный монастырь, отъ 14 сентября 1653 года, говоритъ: „а про Стефана сказать не знаю что, — всяко ослабѣлъ. Писалъ я о тебѣ челобитную, и онъ государю и не снесъ. И я помышляю: благо намъ и такъ; Давыдъ богоотецъ реклъ: не надѣйтеся на князя на сына человѣческаго, въ нихъ же нѣсть спасенія“ [3]). Отсюда видно, что въ произшедшемъ столкновеніи Никона патріарха съ его бывшими друзьями-ревнителями, Стефанъ сразу сталъ на сторону не ихъ, а Никона, что подмѣтили ревнители и объясняли это странное, по ихъ мнѣнію, поведеніе Стефана тѣмъ, что онъ „вся-

---

[1]) Ibid. стр. 47.
[2]) Матер. I, стр. 67—68.
[3]) Ibid. стр. 25.

ко ослабѣлъ“. Ясно что ревнители не понимали Стефана, совсѣмъ не знали того, что Никонъ въ своей церковной реформаторской дѣятельности осуществляетъ программу царя и Стефана, и потому они сильно заблуждались, считая Стефана сторонникомъ своихъ воззрѣній на реформу, совсѣмъ не одобряющимъ реформы Никона, и только изъ политики поддерживающимъ внѣшнія корректныя сношенія съ Никономъ патріархомъ. Въ дѣйствительности роль Стефана въ дѣлѣ столкновенія Никона съ его бывшими друзьями была ролью посредника между двумя борющимися сторонами. Онъ старался дѣйствовать примирительно, посреднически, склоняя обѣ стороны къ уступчивости, воздѣйствуя въ этомъ смыслѣ, съ одной стороны, на царя и Никона, съ другой, на Неронова, какъ тогдашняго главу недовольныхъ Никономъ. Это какъ нельзя болѣе ясно открывается изъ переписки Стефана съ Нероновымъ. Стефанъ въ письмѣ къ Неронову въ Спасокаменный монастырь совѣтуетъ ему оставить затѣянную имъ борьбу съ Никономъ патріархомъ, такъ какъ онъ — Нероновъ борется „всуе“, правъ Никонъ патріархъ, а не Нероновъ, почему послѣдній долженъ оказывать Никону послушаніе „и безъ разсужденія не прекословити ему ни въ чемъ“, тѣмъ болѣе, что Никонъ ждетъ отъ него покаянія и просьбы о прощеніи, которое онъ, подъ этимъ условіемъ, и получитъ. На эти совѣты и убѣжденія Стефана оставить борьбу съ Никономъ и примириться съ нимъ, Нероновъ отвѣчаетъ Стефану рѣшительнымъ отказомъ, заявляетъ, что онъ никогда не покорится Никону, а будетъ по прежнему бороться съ нимъ: „Молютя, брате, пишетъ онъ Стефану, вскую мя оскорбилъ еси, воспоминая ми подвигъ оставити и приложитися отъ благоначинанія, яже о Христѣ, а не добрѣ подтвержая мя, яко да теченіе окончаю? Или еще не уразумѣ настоящія бѣды всеи Русіи? Всякое благочестіе преста и чадомъ церковнымъ вездѣ плачь... Како же рече о возлюбленне, яко всуе ми трудъ? разсмотри добрѣ превождѣленне, — себе ли ради сіе творю? Не буди то никакоже: но церкве ради и братіи, о нихъ же Христосъ кровь свою излія... Идѣже вредъ преемлетъ церковь, и многимъ блазнь бываетъ и погибель душевная, — какое тутъ молчаніе? Се въ упрямство не вмѣняй, еже къ патріарху прощенія не приношу: не вѣмъ бо себе къ нему согрѣшиша“. При этомъ

Нероновъ относительно дальнѣйшаго своего образа дѣйствій рѣшительно заявилъ Стефану, что проситъ у Христа помощи и заступленія, „да дастъ ми крѣпость, еже съ братіею моею за имя Его любезно пострадати и съ ними, о Христѣ моими господами, смерть или животъ пріяти, да въ безконечныя вѣки съ любезными моими не разлучаюся“. Но этого мало. Нероновъ и самого Стефана старается убѣдить открыто стать на сторону дѣла Неронова и его друзей, всячески ихъ поддерживать и ради ихъ бороться съ Никономъ. Онъ пишетъ Стефану: „не пріиде бо Христосъ вложити мира, но рать и мечь, раздѣлити отца на сына, и сына на отца, и дщерь на матерь свою, и невѣстку на свекровь свою. Сицевое Спасово реченіе часто воспоминай и намъ не стужай, дѣло наченшимъ; но, молю, и помогай; азъ орю и добрѣ землю дѣлаю, ты по ней посѣй, яко да обогатѣеши. Не угаси, молю, малыя искры, лежащія въ тебѣ, да не отъ Бога наказанъ имаши быти, яко погубивъ правду“. И въ другомъ мѣстѣ тогоже письма заявляетъ Стефану: „грубыхъ словесъ моихъ не гнушайся, о превозлюбленне, но съ радостію, яко истинѣ другъ, пріемли въ клѣти, яко птица, сѣди и пой Господеви пѣсни красны, во дни и въ нощи. Прочти мученіе святого пророка и мученика Еремія, иже посылаше, ко царю ученикомъ своимъ Варухомъ епистолію, они же драша и жгоша, самого же пророка и соученикомъ его мучиша, послѣди же и въ калъ его втопташе. Опасно зри, каковъ судъ подъяша. Тако и ты, — аще и жещи и драть не будеши, но писанное тебѣ аще презирати будещи: блюди да не тояжде постраждещи. Аще бо къ человѣку согрѣшишъ, отпуститъ ти ся; аще ли о церкви не радѣти будеши, и чадомъ ея блазнь сотвориши, неумолимъ судъ обрящеши въ день праведнаго суда Христова“ [1]).

Такъ старался Нероновъ убѣжденіями и мольбами, а частію и угрозами, склонить Стефана на свою сторону, заставить его рѣшительно и открыто выступить на борьбу съ Никономъ. Но въ тоже время Нероновъ невольно чувствовалъ, что Стефанъ вовсе не на его сторонѣ, что онъ не оправдываетъ его строптиваго, вызывающаго поведенія относительно Никона. Нероновъ искалъ причины такого, казалось ему,

---

[1]) Ibid. стр. 70—94.

непонятнаго поведенія своего друга и совѣтника. Въ припискѣ къ письму онъ спрашиваетъ Стефана: „не то ли ты мыслишъ, государь мой союзниче, священнопротопопе Вниѳатьевичъ, что я тебѣ, живучи на Москвѣ, стужалъ и много тебѣ жестоко и противно говорилъ?“ Значитъ Нероновъ сознавалъ, что Стефанъ имъ недоволенъ, что онъ оправдываетъ не его, а Никона, причину этого думаетъ найти въ прежнихъ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Стефану, когда онъ, въ виду вскрывавшагося между ними несогласія по тѣмъ или другимъ вопросамъ, дозволялъ себѣ много и горячо спорить съ Стефаномъ и не соглашаться съ нимъ. Отсюда очевидно также и то, что рознь въ воззрѣніяхъ между Стефаномъ и Нероновымъ сказывалась уже давно и, благодаря рѣзкости и упрямству Неронова, уже ранѣе вызывала неудовольствіе Стефана, о чемъ теперь и вспоминаетъ Нероновъ.

Еще яснѣе свои истинныя отношенія къ Никону патріарху и реформатору Стефанъ выразилъ во второмъ письмѣ къ Неронову. Здѣсь онъ пишетъ, что царь, которому онъ прочелъ письмо Неронова, удивляется его (Неронова) упрямству“, что царь и Стефанъ „блазни не имѣютъ о патріархѣ,—все онъ доброе творитъ“, и что вообще „государь за патріархомъ ничего худаго не видалъ“. Что же касается распоряженія Никона о поклонахъ, то Стефанъ находитъ его правильнымъ, вполнѣ согласнымъ съ русской церковной стариной; а относительно перстосложенія вопросъ еще не рѣшенъ окончательно, т. е. царь и Стефанъ находили правильными первые реформаторскіе шаги Никона и вполнѣ ихъ оправдывали, такъ какъ они, очевидно, и предприняты были Никономъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго соглашенія по этому предмету съ царемъ и Стефаномъ. Поэтому не удивительно, что и царь не похвалялъ сопротивленія и упрямства Неронова, и что онъ выразилъ желаніе, чтобы Нероновъ подчинился Никону и снова занялъ свое прежнее мѣсто въ московскомъ Казанскомъ соборѣ, о чемъ Стефанъ и извѣщалъ въ письмѣ Неронова.

Такимъ образомъ Стефанъ былъ, несомнѣнно, вполнѣ на сторонѣ Никона, и оправдывалъ его реформу предъ своими задорными друзьями—ревнителями, съ которыми онъ, особенно съ Нероновымъ, поддерживалъ всегда прежнія близкія

отношенія, всячески усиливаясь его и другихъ примирить съ новыми явленіями въ тогдашней русской церковной жизни. Несомнѣнно также и то, что и царь принималъ живое и дѣятельное участіе въ первыхъ реформаторскихъ шагахъ Никона и въ посреднической попыткѣ Стефана примирить ревнителей, особенно Нерона, съ Никономъ и его реформаторскою дѣятельностію.

Стефанъ мало однако расчитывалъ побороть упрямство Неронова путемъ убѣжденій и уговоровъ, и потому рѣшилъ достигнуть этой цѣли инымъ способомъ; какъ видно, Стефанъ уже давно задумалъ принять монашество, промѣнять свое видное и вліятельное положеніе царскаго духовника, на положеніе простаго смиреннаго инока старца. Къ тому же онъ рѣшилъ склонить и Неронова. Послѣдній во второмъ своемъ письмѣ пишетъ Стефану: „прочее же писанное тобою (т. е. Стефаномъ), о вселюбезне, внятно разумѣхъ, смиренію твоему подивихся и простонравію блаженному, *и благій совѣтъ твой пріемлю.* Молю же тя, *поне мірскаго мудрованія уклонися, якоже и міра,* и Владыцѣ нашему Господу Іисусу *послужимъ по силѣ нашей*". Принявъ благой совѣтъ Стефана Нероновъ, какъ извѣстно, постригся въ монахи подъ именемъ Григорія. Также поступилъ и Стефанъ Вонифатьевичъ. Въ 1655 году онъ, на средства своего духовнаго сына—государя, построилъ въ Москвѣ на „убогихъ домѣхъ", гдѣ было кладбище для бѣдняковъ, странниковъ, умершихъ насильственною смертію, замершихъ и другихъ несчастныхъ, особый монастырь, названный Покровскимъ, въ которомъ, вѣроятно въ 1656 году, онъ и былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Савватія. Стефанъ Вонифатьевичъ, въ иночествѣ старецъ Савватій, скончался 11-го ноября 1656 года, и былъ похороненъ въ своемъ Покровскомъ на убогихъ домѣхъ монастырѣ [1]). Понятно почему Стефанъ добивался и потомъ дѣйствительно постригъ Неронова въ монахи. Самъ Стефанъ смотрѣлъ на свое иноческое постриженіе, какъ на актъ всецѣлаго отреченія отъ міра и всецѣлаго посвященія себя служенію только Господу Іисусу—онъ, послѣ постриженія, не царскій духовникъ, не вліятельное придворное лицо, даже не іерей, а смиренный инокъ—просто старецъ

---

1) Матер. т. I, стр. 91, Письма государей № 386, стр. 350.

Савватій. Онъ былъ убѣжденъ, что и Нероновъ, сдѣлавшись старцемъ Григоріемъ, подобно ему, тоже всецѣло проникнется иноческимъ смиреніемъ, броситъ свою задорную общественную дѣятельность и, какъ инокъ, смирится предъ патріархомъ, весь сосредоточится на работѣ Христу, навсегда замкнувшись отъ міра въ своей уединенной иноческой келіи. Но Стефанъ ошибся въ своихъ надеждахъ на Неронова: ставши старцемъ Григоріемъ, Нероновъ не измѣнился, а по прежнему во всѣхъ случаяхъ проявлялъ и прежній задоръ, и неуступчивость, и ненависть къ патріарху, и прежнее желаніе играть въ обществѣ видную и прямо шумливую роль. Монашество оказалось безсильнымъ передѣлать неспокойную натуру Неронова и направить его энергію и помыслы въ другую сторону. Въ виду этого миротворческія стремленія Стефана по отношенію къ Неронову не удались, но за то они, въ извѣстной степени, удались по отношенію къ другому лицу,—патріарху Никону.

Если Нероновъ впослѣдствіи говорилъ Никону патріарху „протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь“, то на это заявленіе Неронова слѣдуетъ смотрѣть какъ на преувеличеніе, какъ на выраженіе желанія Неронова показать, что Никонъ не только преслѣдовалъ его Неронова, но даже ругалъ и поносилъ такого уважаемаго и почитаемаго всѣми человѣка, какимъ былъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Стефанъ, какъ миротворецъ, сохраняя постоянно дружескія отношенія съ Никономъ, въ тоже время дружилъ съ Нероновымъ и его друзьями, всячески усиливаясь примирить ихъ съ Никономъ и его реформаторской дѣятельностію, а Никона побудить къ болѣе кроткому и снисходительному отношенію къ ревнителямъ. Возможно, что суровому и нетерпѣливому Никону иногда было непріятно это миротворческое вмѣшательство Стефана, это его стремленіе щадить и по возможности извинять своихъ друзей, и онъ дозволялъ себѣ, по обычной ему несдержанности, выражать иногда свое неудовольствіе на Стефана, что подхватывалось Нероновымъ и его сторонниками и нарочно выставлялось потомъ, въ видахъ повредить Никону, какъ проявленіе его вражды къ Стефану. Въ дѣйствительности же никакой вражды къ Стефану Никонъ не имѣлъ и даже болѣе: Стефанъ и на Никона оказывалъ сдерживающее и смяг-

чающее вліяніе и Никонъ, благодаря Стефану, сталъ потомъ терпимѣй и снисходительнѣй. Мы видѣли, что Стефанъ всячески усиливался примирить Неронова съ Никономъ, но умеръ, не достигнувъ этой цѣли. Очень вѣроятно, что Стефанъ, передъ смертію, взялъ съ Никона обѣщаніе примириться съ Нероновымъ, если тотъ пойдетъ хотя бы сколько нибудь на уступки. И дѣйствительно Никонъ, уважая память Стефана, рѣшился идти на примиреніе съ Нероновымъ. Очень любопытны и характерны, для обоихъ заинтересованныхъ сторонъ, нѣкоторыя обстоятельства этого примиренія, поскольку онѣ связаны съ личностію Стефана. Нероновъ, послѣ своего постриженія въ монахи, пробывъ нѣкоторое время въ Москвѣ у Стефана, отправился на житье въ Игнатьеву пустынь. Но такъ какъ Никонъ его разыскивалъ, то Нероновъ, скрываясь, переходилъ съ мѣста на мѣсто. Въ это время въ Москвѣ умеръ Стефанъ, и Нероновъ, получивъ вѣсть о его смерти, явился въ свою пустынь, „и моли Іоаннъ духовную братію, да въ царствующій градъ Москву, на гробъ къ отцу Савватію (т. е. Стефану) того отвезутъ проститися: зане отецъ Савватій представися, Григорій же (Нероновъ) бѣгая живяше и не сподобися послѣди се цѣловати любезнаго ему друга и брата, и во многихъ слезахъ бяше сицевыхъ ради; духовная же братія готови исполнити прошенія его, и елико той хотяше, дѣломъ исполняху.“ Нероновъ прибылъ въ Москву и здѣсь между нимъ и Никономъ произошло примиреніе, причемъ Никонъ, несмотря на задоръ, несдержанное и грубо-неприличное поведеніе Неронова, отнесся къ нему въ высшей степени сдержанно и ласково-милостиво. Между прочимъ Нероновъ просилъ Никона назначить ему мѣсто, гдѣ бы онъ могъ проживать во время своего пребыванія въ Москвѣ. Никонъ, имѣя въ виду близкія отношенія Неронова къ Стефану, зная, можетъ быть, что и въ Москву-то онъ прибылъ, если вѣрить его заявленіямъ, собственно за тѣмъ, чтобы плакать на гробѣ своего „друга и брата“, предложилъ ему жить въ Покровскомъ на убогихъ дому монастырѣ, гдѣ была могила Стефана. Но Нероновъ не понялъ всей деликатности предложенія ему Никона жить въ Покровскомъ монастырѣ, онъ грубо отвѣчалъ патріарху: „далече, великій святитель; гдѣ мнѣ отъ тебя поближе; потому что человѣкъ я древній, бродить не могу. Изволь пожаловать

на Троицкомъ подворьѣ побыть". И патріархъ рекъ: „ино-де добро", и Нероновъ поселился на Троицкомъ подворьи, а не въ монастырѣ Стефана. Но если Нероновъ не хотѣлъ, хотя-бы временно, пожить при гробѣ своего друга и брата Стефана, а предпочелъ поселиться поближе къ двору и патріарху, чтобы быть на глазахъ у сильныхъ міра сего; за то Никонъ, съ своей стороны, не забывалъ умершаго Стефана, съ уваженіемъ относился къ его памяти, заботился о построенномъ имъ монастырѣ [1]), посѣщалъ его могилу, на которой, конечно и не разъ, плакалъ. Въ запискѣ о жизни Неронова разсказывается:" генваря въ 14 день (1657 г.) патріархъ Никонъ пріѣхалъ въ Покровскій монастырь, что на убогихъ дому, идѣже лежатъ мощи отца Саватѣя, и бывъ у гроба старцова, пошелъ къ строителю старцу Кирилу въ келью. И въ кельѣ, обычно благословеніе и миръ давъ, сѣде, покивая же главою и плача, глаголя: „старецъ Григорій!" Старецъ (т. е. строитель Кириллъ) вопрошая его, глаголя: владыко святый, что вина плачу, его же ради зѣло плачеши? Патріархъ же ничто же рече строителю, но, плакався довольно, отъиде" [2]). О чемъ именно плакалъ Никонъ на гробѣ Стефана,—мы не знаемъ. Но судя потому, что Никонъ, плача, говорилъ: „старецъ Григорій!" можно съ вѣроятностію заключать, что тяжелое душевное настроеніе Никона создалось его примиреніемъ съ Нероновымъ, которое, какъ онъ ясно видѣлъ, не смотря на всю сдержанность и уступчивость съ его стороны, не удалось, такъ какъ Нероновъ попрежнему питалъ къ нему полное нерасположеніе и готовъ былъ всячески вредить ему. Никонъ, пріѣзжая плакать на гробъ миротворца Стефана, отдавалъ, вѣроятно, дѣло своего примиренія съ Нероновымъ, на судъ умершаго Стефана, такъ усиленно всегда объ этомъ заботившагося. Во всякомъ случаѣ, плакать на могилу Стефана пріѣзжалъ не Нероновъ, а патріархъ Никонъ, и это уже одно говоритъ за его всегдашнія близкія отношенія къ Стефану, за его любовь и глубокое уваженіе и почтеніе къ нему. О враждѣ патріарха Никона

---

1) Строитель Покровскаго монастыря Кириллъ, конечно по дѣламъ монастыря, упоминается въ числѣ посѣтителей, собиравшихся въ Крестовой патріарха Никона. Матер. I, 155.

2) Матер. 1, 158—159.

къ Стефану не можетъ быть, при указанныхъ обстоятельствахъ, и рѣчи.

Никонъ, не смотря на полный разгромъ кружка ревнителей, на поддержку царя и его духовника Стефана Вонифатьевича, на свою всесильную патріаршую власть, не могъ однако скрыть отъ себя, что протестъ кружка ревнителей, относительно его распоряженія о поклонахъ и перстосложеніи, въ значительной степени былъ справедливъ, что единоличною, только своею патріаршею властію, производить такія важныя въ мнѣніи общества церковныя реформы дѣло рискованное и очень непрочное. Не могъ не сознать Никонъ и того, что его противники были люди убѣжденные, искренніе, вполнѣ вѣровавшіе въ свое призваніе бороться за истинное благочестіе, страдающее отъ самочинія новаго патріарха, что ихъ голосъ въ этомъ случаѣ могъ быть убѣдителенъ для очень и очень многихъ, такъ какъ въ своихъ нападкахъ на Никона они опирались на извѣстную всѣмъ и всѣми почитаемую родную старину, которую Никонъ самочинно стремится нарушить. Въ виду этого Никонъ, конечно съ совѣта царя и Стефана, рѣшается, въ своей дальнѣйшей реформаторской дѣятельности, опереться на болѣе прочную опору: на цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ, благодаря чему дѣло церковной реформы должно было стать дѣломъ всей русской церкви, а не одного только Никона. Эти соображенія вызвали соборъ 1654 года, очень важный въ томъ отношеніи, что на немъ Никонъ въ первый разъ торжественно высказалъ свой взглядъ на положеніе русской церкви и на тѣ реформы, какія бы онъ желалъ произвести въ ней.

Соборъ 1654 года Никонъ открылъ рѣчью, въ которой указалъ на причины, побудившія созвать соборъ, на тѣ вопросы, какіе подлежали соборному разсмотрѣнію и рѣшенію. Въ оправданіе задуманной церковной реформы Никонъ сослался на постановленіе константинопольскаго собора объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, гдѣ, между прочимъ, заповѣдывалось пастырямъ церкви истреблять всѣ новины церковныя. Прочитавши дѣянія константинопольскаго собора, Никонъ говорилъ собору: „сего ради долженъ есть нововводные чины церковные къ вамъ объявити“, и затѣмъ перечисляетъ самыя найденныя имъ въ московскихъ служебникахъ новины. Онъ указалъ именно: а) разрѣшительную архіерей-

скую молитву, которую незаконно положено было читать священнику предъ совершеніемъ литургіи, отпустъ предъ началомъ литургіи, который принято было читать на всю церковь, и нѣкоторыя излишнія эктеніи; б) существовавшій обычай у насъ оставлять царскія врата отверстыми отъ начала литургіи до великаго входа; в) обычай праздничную литургію начинать въ седмомъ и даже въ восьмомъ часу дня т. е. въ первомъ и во второмъ часу по полудни; г) обычай— при освященіи храмовъ не полагать мощи подъ престоломъ; д) дозволеніе простецамъ двоеженцамъ и троеженцамъ пѣть и читать въ церкви на амвонѣ; е) употребленіе земныхъ поклоновъ въ четыредесятницу (при чтеніи молитвы Ефрема Сирина) вмѣсто 12 малыхъ и ж) положеніе антиминса подъ покровомъ, вмѣсто того, чтобы полагать его на престолѣ открыто и на немъ совершать таинство евхаристіи. Указавъ на то или другое новшество въ московскихъ печатныхъ книгахъ, Никонъ обыкновенно замѣчалъ, что указанные имъ нововводные чины несогласны ни съ греческими, ни съ славянскими книгами, и обращался къ собору съ вопросомъ: „и о семъ прошу рѣшенія: новымъ-ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовати, или греческимъ и нашимъ, *старымъ*, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показуютъ? На такіе вопросы Никона, говоритъ соборное дѣяніе, „*великій государь царь*... преосвященныя митрополиты, архіепископы и епископъ... и священныя архимандриты и игумены... большаго собора пречистыя Богородицы протопопъ... и весь освященный соборъ, *вси едино отвѣщали*: достойно и праведно *исправити противостарыхъ харатейныхъ и греческихъ*“; или: „святый соборъ рече: и мы тако же утверждаемъ быти, яко же греческія и наши *старыя книги и уставы* повелѣваютъ“; „святый соборъ рече: добро есть *исправити противу старыхъ и греческихъ книгъ*“. „И сіе соборное уложеніе благочестивый государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, и великій государь святѣйшій Никонъ, архіепископъ московскій, и всея великія и малыя Россіи патріархъ, написати повелѣша ради совершеннаго укрѣпленія, чтобы впредь быти исправленію въ печатномъ тисненіи божественнымъ книгамъ, *противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ уставовъ*, потребниковъ, служебниковъ и часослововъ“.

Изъ той постановки дѣла о церковной реформѣ, какую далъ Никонъ на соборѣ 1654 года, нельзя не видѣть, что Никонъ былъ очень своеобразный реформаторъ: онъ самъ, очевидно, не имѣлъ настоящаго правильнаго представленія о предметѣ своей реформы т. е. о происхожденіи, историческомъ ростѣ и дѣйствительномъ значеніи въ дѣлѣ вѣры тѣхъ церковно-обрядовыхъ явленій, которыя онъ такъ смѣло взялся реформировать. Русскіе церковные чины, несогласные съ тогдашними греческими, онъ прямо называетъ на соборѣ неправыми и нововводными, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это были правые, старые греческіе чины и обряды, нѣкогда перешедшіе на Русь отъ православныхъ грековъ и у насъ неизмѣнно сохраняемые, тогда какъ у самихъ грековъ, вслѣдствіе естественнаго роста и перемѣнъ въ церковно-обрядовой жизни, они измѣнялись, почему и стали кое въ чемъ несходны съ русскими, или что тоже: съ своими же древними греческими чинами и обрядами. Фактически, поэтому, дѣло стояло такъ, что не русскіе отступили отъ греческой церковной старины, въ какомъ видѣ она перешла на Русь, а позднѣйшіе греки, въ силу разныхъ историческихъ перемѣнъ и требованій, видоизмѣняли свои старые обряды и чины, и сдѣлали ихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, непохожими на старые, а слѣдовательно и на русскіе. Въ виду этого Никонъ долженъ былъ говорить на соборѣ не о томъ, что русскіе церковные чины и обряды есть нововводные и неправые, а—самое большее—о томъ, что это чины и обряды устарѣвшіе и отжившіе, что они уже болѣе не стоятъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ церковною практикою всей вселенской православной церкви и потому должны быть видоизмѣнены, въ видахъ этого соотвѣтствія. Въ той же постановкѣ дѣла церковной реформы, какую далъ ей на соборѣ Никонъ, она неминуемо должна была вызвать въ обществѣ сильное противодѣйствіе себѣ, такъ какъ была несогласна съ русской церковной стариной, а слѣдовательно—и съ стариной греческой.

При чтеніи вопросовъ Никона, предложенныхъ имъ собору 1654 года, нельзя не обратить вниманія и на то рѣзко бросающееся въ глаза обстоятельство, что Никонъ въ число нововводныхъ чиновъ, на исправленіе которыхъ онъ требовалъ себѣ соборныхъ полномочій, не рѣшился включить двое

перстія, сугубой аллилуіи, чтенія въ символѣ вѣры „истиннаго“ и вообще тѣхъ замѣтныхъ обрядовыхъ особенностей, которыми русскіе порознились тогда отъ современныхъ грековъ, и относительно которыхъ у русскихъ существовало опредѣленное обязательное для всѣхъ постановленіе Стоглаваго собора, оградившаго клятвою установленный обрядъ отъ всякихъ его измѣненій въ будущемъ. А между тѣмъ, если въ чемъ настояла для Никона особенная нужда заручиться прямымъ спеціальнымъ соборнымъ полномочіемъ, такъ это именно относительно тѣхъ обрядовъ, которые установилъ Стоглавый соборъ. Но разъ Никонъ этого не сдѣлалъ, а между тѣмъ сталъ потомъ измѣнять и передѣлывать этотъ обрядъ, онъ необходимо тѣмъ самымъ долженъ былъ, со стороны ревнителей и всѣхъ вообще почитателей русской церковной старины, навлечь на себя и на все свое дѣло горькія жалобы, нареканія и прямыя обвиненія въ самочиніи, въ презрительномъ отношеніи къ существующимъ соборнымъ постановленіямъ. Почему Никонъ не предложилъ собору уполномочить его на измѣненіе указанныхъ обрядовъ,— понятно: соборъ 1654 года, какъ чисто русскій по своему составу, никогда бы не далъ ему такихъ полномочій, что хорошо зналъ Никонъ.

Никонъ, настаивая на необходимости церковной реформы, заявлялъ на соборѣ 1654 года, что русская церковь содержитъ неправые, нововводные чины, несогласные съ древними русскими и греческими, и тѣмъ самымъ онъ открыто признаетъ, что вся вообще русская церковь не удержалась во всемъ на высотѣ строго православнаго обряда, такъ какъ она допустила у себя существованіе неправыхъ, нововводныхъ церковныхъ чиновъ, несогласныхъ съ строго православными чинами, какіе ранѣе существовали въ русской церкви и сейчасъ существуютъ у грековъ. Значитъ, бѣда заключалась не въ томъ только, что наши книги были испорчены невѣжествомъ, но въ томъ, что порча проникла въ самую жизнь церкви, что сама церковь усвоила себѣ нововводные, позднѣйшаго измышленія, неправые чины и обряды, выдавая ихъ за древніе, строго православные, такъ что погрѣшали не только уже книги, но и вся русская церковь. Въ виду этого Никонъ говоритъ на соборѣ не о такихъ книжныхъ исправленіяхъ, подъ которыми бы разумѣлись внесенныя

въ нихъ невѣжествомъ ошибки, описки и подобныя неважныя и легко исправимыя погрѣшности, но требуетъ исправленія книгъ поскольку онѣ содержатъ, по его мнѣнію, нововводные чины и обряды, требуетъ, такъ сказать, исправленія самой церкви, а не книгъ только. Испорченность нашихъ церковныхъ книгъ и необходимость ихъ исправленія признавалась у насъ всегда и всѣми, а при патріархѣ Іосифѣ наши церковныя книги даже стали свѣрять съ греческимъ текстомъ, что бывало и ранѣе. Но при этихъ исправленіяхъ, какъ ранѣе, такъ и при патріархѣ Іосифѣ, никогда у насъ не признавалось, что бы русская церковь потеряла или исказила въ чемъ либо древній православный чинъ и обрядъ, чтобы она обладала неправыми, нововводными чинами и обрядами, и что бы наши церковныя книги нуждались въ исправленіи именно съ этой стороны. Поэтому требуемая Никономъ на соборѣ 1654 года церковная реформа, должна была существенно отличаться по своему характеру отъ всѣхъ предшествующихъ книжныхъ исправленій.

Заявленіе Никона на соборѣ 1654 года, что церковныя книги московской печати содержатъ въ себѣ неправые, нововводные чины и обряды, несогласные съ истинно православными древними чинами и обрядами, необходимо должно было произвести въ высшей степени сильное впечатлѣніе на большинство благочестивыхъ русскихъ людей, и вызвать у нихъ цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ.

До сихъ поръ каждый русскій искренно и твердо вѣрилъ, что русская церковь приняла отъ грековъ православіе во всей его чистотѣ и полнотѣ, что въ теченіи вѣковъ она хранила его неизмѣнно, и ни разу не поступилась имъ ни въ какую сторону, такъ что православіе, и въ церковно обрядовомъ отношеніи, всегда царило въ ней безъ всякихъ колебаній и уклоненій, дало ей цѣлый рядъ великихъ угодниковъ Божіихъ, и самое русское государство сдѣлало могучимъ и сильнымъ,—единымъ теперь православнымъ царствомъ въ цѣлой вселенной. Сами греки не разъ открыто признавали, что русскіе всегда были тверды и неизмѣнны въ вѣрѣ, что Русь сдѣлалась опорою и единственно вѣрнымъ убѣжищемъ гонимаго на востокѣ православія. Много перебывало на Руси различныхъ греческихъ іерарховъ, не разъ бывали въ ней и сами патріархи различныхъ восточ-

ныхъ каѳедръ, и никогда, до Никона, они не замѣчали, чтобы русская церковь содержала какіе либо неправые церковные чины и обряды. Они, наоборотъ, только дивились русскому благочестію, восхваляли русскихъ за горячую преданность истинному православію, за ихъ религіозную крѣпость и устойчивость. Самъ константинопольскій патріархъ Іеремія торжественно заявлялъ на Москвѣ, что въ ней теперь слѣдуетъ быть престолу вселенскаго патріарха, что Москва теперь есть истинная столица всего вселенскаго православія, что она—третій Римъ. И вдругъ московскій патріархъ Никонъ торжественно заявляетъ теперь на соборѣ, что русское благочестіе сомнительно, такъ какъ русскіе содержатъ у себя неправые, нововводные церковные чины и обряды, и что самыя благослужебныя книги, по которымъ вѣруютъ и спасаются русскіе, исполнены очень серьезныхъ ошибокъ и погрѣшностей. Откуда же взялъ Никонъ это поразительное и страшное открытіе? Ему указали на него греки, церковныя книги, чины и обряды которыхъ порознились съ русскими. Тогда невольно возникалъ вопросъ: чьи же теперь книги нужно признать испорченными—русскія или греческія? Никонъ, съ голоса разныхъ сомнительныхъ заѣзжихъ къ намъ грековъ и кіевлянъ, рѣшительно заявилъ, что испорчены именно русскія книги, и что ихъ слѣдуетъ исправить по книгамъ греческимъ, которыя не подверглись никакой порчѣ. Но значительному большинству русскихъ крайне трудно и тяжело было согласиться съ этимъ мнѣніемъ Никона, признать его справедливымъ. Русскія церковныя книги, обряды и чины испорчены: но кѣмъ, когда и съ какою цѣлію? Вотъ вопросы, которые необходимо возникали въ умѣ русскаго человѣка, и на которые онъ никакъ не могъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. На Руси не было, какъ въ Греціи, ни царей еретиковъ, ни верховныхъ іерарховъ отступниковъ, никакая ересь ни разу не царила на Руси, православіе всегда и всѣми признавалось въ ней неизмѣнно, Русь именно гордилась тѣмъ, что разъ принятое его православіе она всегда хранила твердо, безъ малѣйшихъ измѣненій. Кому же теперь и для какой цѣли понадобилась порча русскихъ церковныхъ книгъ, въ которыя всѣ вѣрили, которыя въ глазахъ русскихъ всегда были такъ святы и непререкаемы, что они не рѣшались измѣнить въ нихъ даже единой буквы,

учили, что православному человѣку слѣдуетъ умирать за едину букву азъ, если она будетъ измѣнена въ его священныхъ книгахъ. А между тѣмъ, если вѣрить Никону, оказалось, что русскіе, учившіе православныхъ умирать за едину букву азъ, какъ то странно незамѣтили порчи всѣхъ своихъ богослужебныхъ книгъ, не замѣтили, какъ въ нихъ вошли неправые, нововводные чины и обряды. Когда же въ самомъ дѣлѣ и какъ могло случиться это непонятное и странное явленіе? На этотъ вопросъ русскій не находилъ отвѣта [1]). Указаніе на то, что русскія церковныя книги, чины и обряды испортило, исказило вѣковое русское невѣжество, конечно ровно ничего не объясняло, потому что невѣжество могло только объяснить появленіе въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ разныхъ описокъ и неважныхъ погрѣшностей въ текстѣ, происшедшихъ отъ неумѣлой или невнимательной переписки книгъ, но никакъ не могло объяснить появленія въ книгахъ неправыхъ, нововводныхъ чиновъ и обрядовъ, такъ какъ для этого требовалось уже творчество и, во всякомъ случаѣ, серьезная передѣлка существовавшихъ тогда церковныхъ чиновъ и обрядовъ на новый ладъ, — дѣло настолько замѣтное и крупное, что оно никакъ не могло пройти незамѣченнымъ, особенно въ русскомъ обществѣ, всегда крайне чуткомъ къ малѣйшимъ обрядовымъ перемѣнамъ.

Не умѣя объяснить порчу книгъ русскихъ, не представляя себѣ самой возможности этой порчи, русскіе естественно задавались вопросамъ: да дѣйствительно-ли справедливо, что испорчены именно русскіе книги? Невѣроятнѣе-ли будетъ предположить, что испорчены не русскія, а греческія книги? Многое говорило русскому за справедливость послѣдняго предположенія. Онъ невольно вспоминалъ, при такомъ предположеніи, о господствѣ въ Константинополѣ латинянъ—крестоносцевъ, объ уклоненіи греческаго императора, патрі-

---

[1]) Дьяконъ Ѳедоръ, напримѣръ, поэтому случаю говоритъ въ своей челобитной государю: „а во твоемъ государствѣ небывало еретиковъ прежде, кои бы святыя книги превращали и противныя въ нихъ догматы вносили“. Въ посланіи изъ Пустозерска къ сыну своему Максиму Ѳедоръ пишетъ: „аще бы на Москвѣ приложили (въ символъ) *истиннаго:* кто приложилъ именемъ—царь-ли, или святитель кой? и въ кое лѣто? и како тому прилагатаю церковь премолча о прилогѣ? И аще вси люди мертвы быша въ то время: тогда буди тако, яко спящимъ всѣмъ людямъ на Москвѣ и приложи вѣкто *истиннаго* и утече нѣгдѣ“. (Матер. V, 41, 154).

арха и многихъ іерарховъ въ унію, о завоеваніи Константинополя турками, когда латиняне, будто бы скупивъ греческія книги, сожгли ихъ, и напечатали, на мѣсто сожженыхъ, новыя, ими передѣланныя, въ какомъ видѣ греческія книги продолжаютъ печататься и до селѣ въ Венеціи и другихъ иновѣрныхъ земляхъ; о томъ, что въ теперешнихъ греческихъ книгахъ, по сознанію и заявленіямъ самихъ грековъ, находится лютое еретическое зелье, внесенное въ нихъ латинянами и лютеранами; о греческихъ ученыхъ, которые получали образованіе въ латинскихъ школахъ, гдѣ многіе изъ нихъ заражались латинствомъ и т. под. Если, такимъ образомъ, для многихъ русскихъ была рѣшительно непонятна и необъяснима порча книгъ русскихъ, то наоборотъ, легко и удобно для нихъ объяснялась порча книгъ греческихъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что очень многіе русскія оказались болѣе склонными признать испорченными греческія книги, а не русскія. Но въ такомъ случаѣ, что же это значитъ, что самъ верховный архипастырь русской церкви торжественно, въ слухъ всѣхъ на соборѣ провозглашаетъ русскіе книги испорченными, нѣкоторые русскіе церковные чины и обряды неправыми и нововводными? Какъ объяснить это странное, доселѣ никогда невиданное на Руси явленіе, что верховный глава русской церкви открыто хулитъ и порицаетъ ея церковныя книги, чины и обряды, и наоборотъ хвалитъ греческіе, про которые всѣмъ хорошо извѣстно, что они испорчены позднѣйшими новшествами, тѣмъ болѣе что очень недавно самъ Никонъ заявлялъ своимъ бывшимъ друзьямъ, что гречане потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ?... Члены кружка ревнителей, разосланные Никономъ по различнымъ отдаленнымъ уголкамъ Россіи, но сохранившіе съ Москвою и между собою связь и общеніе, взялись отвѣтить на указанные мудреные и недоумѣнные вопросы, взялись разъяснить всѣмъ смыслъ того, что происходило тогда на Москвѣ. Изъ всѣхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи, куда только Никонъ успѣлъ загнать своихъ бывшихъ друзей, вслухъ всего народа послышалась одна и таже грозная, смутившая всю Русь, рѣчь: на каѳедрѣ великихъ святителей и чудотворцевъ московскихъ сидитъ теперь измѣнникъ православію, хулитель русской церкви и русскаго благочестія, человѣкъ, задумав-

шій страшное, злое дѣло — замутить и совсѣмъ раззорить русское благочестіе, искоренить чистую, доселѣ никѣмъ еще непохуленную русскую православную вѣру. Подъ предлогомъ церковныхъ исправленій онъ рѣшился ввести на Руси различныя латинскія новшества и ереси, которымъ онъ научился отъ грековъ. При немъ, въ качествѣ совѣтника, и сейчасъ находится всѣмъ вѣдомый еретикъ, сосланный за ересь на Соловки, грекъ Арсеній, его Никонъ взялъ изъ Соловокъ, держитъ при себѣ и поручаетъ ему — всѣмъ вѣдомому еретику, править русскія церковныя книги, въ которыя тотъ и вноситъ разныя ереси. Извѣстные ревнители благочестія и поборники его, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Логгинъ, Даніилъ, съ самого уже начала увидѣли и поняли злыя намѣренія Никона и, движимые ревностію по вѣрѣ, смѣло обличали его нечестіе, его злые умыслы, за что и подверглись отъ отступника разнымъ казнямъ и заточенію. Теперь Никонъ, освободившись отъ смѣлыхъ и опысныхъ для него обличителей, приводитъ на Москвѣ въ исполненіе, съ помощію окружающихъ его грековъ и малороссовъ, задуманное имъ дѣло — искоренить чистое православіе на Руси, не опасаясь болѣе помѣхи своему дѣлу со стороны разогнанныхъ имъ ревнителей благочестія. И вотъ отъ ссыльныхъ членовъ кружка ревнителей раздался по всей Россіи призывъ къ истинно вѣрующимъ и ревнующимъ объ истинномъ благочестіи возстать на защиту православной вѣры и церкви отъ покушенія на нихъ отступника Никона партіарха, призывъ на энергичную смѣлую борьбу съ этимъ еретикомъ. Спокойная и безмятежная доселѣ Русь, беззавѣтно вѣрившая въ полную истинность и спасительность содержимаго ею благочестія, сильно и глубоко заволновалась подъ вліяніемъ рѣчей и призывовъ кружка ревнителей. Почва, которую русскій человѣкъ привыкъ считать столь твердою и незыблемою, неожиданно сильно заколебалась подъ его ногами и онъ не зналъ, куда ему слѣдуетъ направиться, чтобы окончательно не сбиться съ пути и совсѣмъ не погибнуть. На Москвѣ царь, партіархъ и всѣ власти приказываютъ ему идти по указанному ими пути, тогда какъ извѣстные и уважаемые всѣми знатоки и ревнители правой вѣры и благочестія толкаютъ его на совершенно иной путь, противоположный первому: куда идти,

къ кому пристать? Смыслъ и цѣли намѣчаемой Никономъ реформы, для огромнаго большинства, были рѣшительно не понятны. Сознанія серьезной поврежденности и испорченности нашихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ у большинства тогдашняго общества вовсе не существовало, а существовало убѣжденіе какъ разъ противоположное. Поэтому реформа Никона, начатая и веденная имъ безъ всякой предварительной подготовки къ ней общества, даже съ прямымъ пренебреженіемъ къ его мнѣніямъ и пониманію, необходимо казалось большинству какимъ-то личнымъ, произвольнымъ дѣломъ одного только Никона, начатымъ по какимъ-то непонятнымъ, стороннимъ побужденіямъ, можетъ быть даже и не совсѣмъ чистымъ, какъ объ этомъ говорятъ, на что указываютъ извѣстные ревнители. Большинство-масса, всегда подозрительная ко всякимъ перемѣнамъ стараго, привычнаго, освященнаго вѣками, всегда враждебно встрѣчающая все непонятное ей новое, разрушающее излюбленную старину, а къ крутымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ въ религіозной жизни всегда относящаяся и прямо враждебно, охотно вѣрила тѣмъ разъясненіямъ смысла реформы Никона, какой давали ей члены кружка ревнителей. Они, въ этомъ случаѣ, стояли на прочной почвѣ народныхъ историческихъ воззрѣній, опирались на авторитетъ всѣмъ дорогой и понятной родной старины, они были носителями и выразителями національныхъ горделивыхъ представленій русскихъ о своемъ особомъ историческомъ призваніи, какъ избраннаго народа Божія, только въ средѣ котораго и удержалась теперь и правая вѣра, и истинное благочестіе, потерянныя всѣми другими народами. Поэтому, большинство, даже верхи, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, искренно сочувствовало членамъ кружка ревнителей, болѣе расположено было къ нимъ, нежели къ суровому, очень крутому и мало понятному реформатору Никону. Въ его пользу, конечно, говорилъ привычный авторитетъ власти, но противъ него все, чѣмъ доселѣ жила, что доселѣ думала, въ чемъ глубоко была убѣждена и къ чему стремилась Русь, исключая самаго незначительнаго меньшинства, притомъ появившагося только уже въ самое послѣднее время. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Русь, между двумя указываемыми ей путями, не сумѣла выбрать одного, какъ несомнѣнно вѣрнаго, но раскололась

на двѣ половины, изъ которыхъ каждая пошла теперь своимъ особымъ путемъ.

На соборѣ 1654 года Никонъ постарался намѣчаемую имъ церковную реформу выдать за дѣло представителей всей русской церкви, показать, что его реформаторская дѣятельность опирается на согласіе и одобреніе цѣлаго собора, а не есть только его личное дѣло, или дѣло небольшого кружка лицъ, хотя бы очень сильныхъ и великую власть имѣющихъ. Но этимъ Никонъ далеко не достигъ своей цѣли, — оппозиція его реформамъ нисколько не была ослаблена соборомъ 1654 года.

Дѣло въ томъ, что соборъ 1654 года уполномочивалъ Никона произвести исправленіе замѣченныхъ имъ погрѣшностей въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ на основаніи старыхъ харатейныхъ книгъ славянскихъ и греческихъ, а вовсе не на основаніи печатныхъ заграничныхъ греческихъ книгъ, или на основаніи современной греческой церковной практики, по указаніямъ и подъ руководствомъ современныхъ грековъ. Во всѣхъ отвѣтахъ на вопросы и указанія Никона, соборъ очень ясно и опредѣленно заявлялъ, что тѣ или другія погрѣшности „достойно и праведно исправити противо старыхъ харатейныхъ и греческихъ“; или: „и рече соборъ положити противъ древнихъ уставовъ“, т. е. соборъ желалъ и уполномочивалъ Никона производить исправленія по древнимъ славянскимъ переводамъ и по древнимъ греческимъ спискамъ такъ, чтобы эти исправленія опирались исключительно на греческую и русскую старину, а вовсе не на современную только греческую церковную практику. Затѣмъ, соборъ не уполномочивалъ Никона производить реформы въ той области обряда, которая ранѣе была ограждена отъ всякихъ перемѣнъ клятвою Стоглаваго собора (двуперстіе, двоеніе аллилуіи), хотя этотъ русскій обрядъ и расходился съ тогдашнимъ греческимъ обрядомъ. А между тѣмъ Никонъ сталъ потомъ исправлять наши церковныя книги по греческимъ венеціанскимъ изданіямъ, наши церковные чины и обряды на основаніи современной ему практики греческой церкви, по указаніямъ и подъ руководствомъ разныхъ случайныхъ заѣзжихъ въ Москву гречанъ, сталъ, опираясь на грековъ, измѣнять и передѣлывать и тотъ обрядъ, который былъ огражденъ отъ всякихъ перемѣнъ клятвою Стоглаваго

собора. Ясное дѣло, что Никонъ, въ своей послѣдующей реформаторской дѣятельности вовсе не стоялъ на почвѣ строго соборныхъ полномочій 1654 года, и всякая попытка въ послѣдующей дѣятельности Никона видѣть только приложеніе полномочій, данныхъ ему на соборѣ 1654 года, будетъ просто натяжкою, не оправдываемою самымъ ходомъ дѣлъ.

И по другимъ обстоятельствамъ соборъ 1654 года не могъ произвести на противниковъ Никона никакого особаго впечатлѣнія, способнаго удержать ихъ отъ противодѣйствія реформамъ Никона. Если мы и поймемъ постановленія собора 1654 года въ смыслѣ вполнѣ благопріятномъ для Никона, то и въ такомъ случаѣ, въ глазахъ его противниковъ, эти соборныя постановленія теряли свое значеніе, такъ какъ онѣ, по ихъ мнѣнію, служили выраженіемъ не голоса всей церкви, а только личныхъ взглядовъ Никона. Недаромъ конечно Нероновъ въ челобитной государю 1654 года настаивалъ, чтобы въ Москвѣ, для обсужденія и рѣшенія всѣхъ возникшихъ церковныхъ дѣлъ, собранъ былъ соборъ—„не сонмище іудейско", а соборъ истинный, настоящій, на которомъ бы присутствовали не одни архіереи, но и архимандриты, игумены, протопопы, книжными знаніями отличающіеся священники и діаконы, всякаго чина мірскіе люди, заявившіе себя добродѣтельною жизнію, иноки живущіе въ пустыняхъ, науку имѣющіе отъ божественнаго писанія" и прославившіеся святостію своей жизни, чтобы такимъ образомъ на соборѣ могъ выразиться, и притомъ свободно, безъ всякихъ стѣсненій, голосъ всей церкви, а не голосъ искусственно подобранныхъ лицъ, вовсе не выражавшихъ голоса всей церкви. А между тѣмъ Никонъ собралъ соборъ только изъ такихъ лицъ, отъ которыхъ не ожидалъ себѣ никакого противорѣчія, которые дрожали предъ всемогущимъ патріархомъ и не отваживались на заявленіе своихъ, неугодныхъ ему мнѣній; они только угодливо выслушивали мнѣнія патріарха и безприкословно подписывались подъ продиктованными имъ рѣшеніями. Поэтому на соборѣ не было собственно никакихъ обсужденій и преній, какъ бы слѣдовало, а все рѣшалось по желанію и въ угоду всемогущему, не терпѣвшему никакихъ противорѣчій патріарху. На соборѣ, кромѣ подбора извѣстныхъ лицъ, предприняты были и особыя мѣры, чтобы рѣшеніе поставленныхъ Никономъ вопросовъ, совершилось

обязательно въ извѣстномъ напередъ Никономъ и царемъ предрѣшенномъ смыслѣ, какъ это видно изъ самыхъ соборныхъ дѣяній. Въ нихъ разсказывается, что когда Никонъ спрашивалъ соборъ: „и о семъ прошу рѣшенія: новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовати, или греческимъ и нашимъ старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показуютъ“? то *„великій государь царь... преосвященные митрополиты... вси едино отвѣщали:* достойно и праведно исправити противо старыхъ харатейныхъ и греческихъ“. Значитъ, на соборѣ 1654 года царь первый подаетъ голосъ, а за нимъ и всѣ другіе, за такое или иное рѣшеніе поставленнаго Никономъ вопроса, и царь дѣлаетъ такой необычный для него поступокъ конечно съ особою цѣлію, чтобы своимъ подавляющимъ царскимъ авторитетомъ предупредить со стороны собора возможность отрицательнаго отвѣта на поставленный Никономъ вопросъ. Расчетъ былъ вѣрный. Если самъ царь первый подалъ на соборѣ голосъ въ смыслѣ необходимости совершить исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ; то, конечно, другіе члены собора уже не отваживались дать отвѣтъ, несогласный съ заявленнымъ государемъ; это значило бы открыто идти противъ ясно и публично выраженнаго желанія царя. Очевидно, голосъ государя подсказалъ отцамъ собора, что и какъ имъ слѣдуетъ отвѣтить на поставленный имъ Никономъ вопросъ, и всѣ они дѣйствительно послѣдовали за царемъ, благодаря чему вопросъ о церковной реформѣ принципіально рѣшенъ былъ соборомъ такъ, какъ этаго желалъ царь, предварительно, конечно, согласившійся съ Никономъ, какъ имъ слѣдуетъ дѣйствовать на соборѣ, чтобы достигнуть ранѣе намѣченной цѣли. Правда, присутствовавшій на соборѣ епископъ Павелъ Коломенскій, отважился было заявить свое несогласное съ патріархомъ мнѣніе о поклонахъ, ссылаясь на имѣющіяся у него два свитка. Но Павелъ жестоко долженъ былъ поплатиться за свою дерзость, за свою попытку выражать на соборѣ свое собственное сужденіе о дѣлѣ, несогласное съ мнѣніемъ патріарха. Быстрая и очень крутая расправа Никона съ епископомъ Павломъ Коломенскимъ убѣдила всѣхъ, что Никонъ не терпитъ никакихъ заявленій, несогласныхъ съ его взглядами, что онъ готовъ жестоко покарать всякаго, кто бы отважился, хотя бы и на соборѣ, противорѣчить

ему, и что царь, въ этомъ случаѣ, не защититъ смѣлаго человѣка отъ расправы съ нимъ суроваго патріарха.

Соборъ 1654 года не только ничѣмъ не умалилъ значенія и силы кружка ревнителей, но даже еще болѣе усилилъ его. Кружекъ, благодаря этому собору, сдѣлалъ очень важное и видное пріобрѣтеніе: на его сторону, вопреки Никону, открыто и рѣшительно сталъ Коломенскій епископъ Павелъ, обстоятельство для кружка очень важное. Доселѣ кружекъ былъ какой-то безголовый, ему сильно вредило то, что онъ состоялъ изъ однихъ протопоповъ и вообще членовъ низшаго іерархическаго ранга. На него доселѣ можно было смотрѣть какъ на кружекъ такихъ лицъ, которые, по гордости и самомнѣнію, возмутились противъ своихъ прямыхъ начальниковъ, которые своею показною ревностію о благочестіи только прикрываютъ властолюбивыя, эгоистическія стремленія,—ни одного архіерея нѣтъ на ихъ сторонѣ, всѣ высшія законныя власти противъ нихъ. Но вотъ на сторону кружка открыто становится епископъ, конечно потому, что видитъ въ членахъ кружка не простыхъ безчинниковъ и бунтовщиковъ противъ властей, а представителей и защитниковъ истины противъ покушеній на нея со стороны патріарха. Къ простымъ бунтовщикамъ противъ архіерейской власти епископъ, самъ власть, пристать очевидно не могъ, тѣмъ болѣе, что своимъ присоединеніемъ къ кружку протестантовъ онъ не только ничего не выигрывалъ, а наоборотъ все проигрывалъ, такъ какъ такой шагъ неминуемо навлекалъ на него гнѣвъ всемогущаго и суроваго патріарха, о которомъ уже хорошо было извѣстно, какъ онъ раздѣлывается съ своими противниками. Отсюда понятно, какое важное пріобрѣтеніе сдѣлалъ кружекъ ревнителей, пріобщивъ къ себѣ епископа Павла Коломенскаго, понятно также и то негодованіе, тотъ гнѣвъ Никона на епископа, перешедшаго открыто на сторону его враговъ и этимъ поступкомъ придавшаго кружку большую устойчивость и авторитетность въ глазахъ всего общества.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ соборъ 1654 года, не смотря на свою формальную правильность, терялъ однако свое значеніе и силу въ глазахъ протестантовъ, не производилъ на нихъ того впечатлѣнія, на которое расчитывалъ было Никонъ. Послѣдній долженъ былъ сознаться, что со-

боръ 1654 года далеко не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, что опираясь на постановленія только этаго собора, нельзя было съ успѣхомъ провести намѣченную реформу, такъ какъ даже и между архіереями у него нашелся противникъ, который сталъ открыто на сторону кружка ревнителей. Молчаливое и очень условное согласіе на реформу другихъ іерарховъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1654 года, не предвѣщало ему въ будущемъ ничего добраго [1]). Вести далѣе реформу опираясь только на свою громадную власть и тотъ страхъ, который онъ внушалъ всѣмъ, было бы дѣломъ слишкомъ рискованнымъ. Въ виду этого Никонъ рѣшился опереться на авторитетъ восточныхъ патріарховъ, и проводить свои реформы уже подъ ихъ высшей санкціей такъ, чтобы онѣ являлись выраженіемъ мысли и пониманія всей восточной православной церкви, а противленіе имъ, было бы противленіемъ всей православной церкви. Что на православномъ востокѣ его реформы найдутъ полное одобреніе и поддержку, въ этомъ Никонъ не сомнѣвался, такъ какъ онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по совѣту и въ духѣ грековъ, имѣлъ въ виду русскій чинъ и обрядъ привести въ соотвѣтствіе съ современнымъ греческимъ, чѣмъ онъ наносилъ смертельный ударъ горделивымъ представленіямъ русскихъ о своемъ всецѣломъ религіознымъ превосходствѣ надъ современными греками, и снова возвращалъ русскихъ къ признанію ими авторитета грековъ въ своихъ церковныхъ дѣлахъ.

---

[1]) Что соборъ 1654 года возбуждалъ недоумѣнія и въ послѣдующее время, это, между прочимъ, видно изъ того, что соборъ 1666 года, предъ началомъ своихъ засѣданій, счелъ нужнымъ предварительно поставить такой вопросъ: „соборъ, бывый въ богоспасаемомъ преименитомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ при благочестивѣйшемъ и богохранимомъ государѣ нашемъ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, всея в. и м. и б. Россіи самодержцѣ, и при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ, и царскаго пресвѣтлаго величества при всемъ его синклитѣ, подписанный священныхъ руками, *какъ исповѣдати нынѣ намъ долженствуетъ*, иже содѣяся въ царскихъ палатахъ въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ по плоти же рождества Господа Бога и Спаса нашаго Іисуса Христа въ лѣто 1654-е?“. Уже самая нужда ставить подобный вопросъ показываетъ, что въ 1666 году, относительно собора 1654 года, въ средѣ нашихъ іерарховъ могли встрѣтиться недоумѣнія.

ГЛАВА V.

Церковно-обрядовыя реформы Никона.

Посылка Никономъ грамоты Константинопольскому патріарху съ просьбою рѣшить предложенные въ ней вопросы. Пріѣздъ въ Москву антіохійскаго патріарха Макарія и его участіе въ церковно-реформаторской дѣятельности Никона. Расправа Никона, при поддержкѣ и ободреніи антіохійскаго патріарха Макарія, съ иконами франкскаго письма. Публичное одобреніе Макаріемъ распоряженія Никона о замѣнѣ двоеперстнаго перстосложенія троеперстнымъ. Соборъ 1655 года по разсказу служебника и по разсказу Павла Алепскаго. Соборная отвѣтная грамота константинопольскаго патріарха Паисія на вопросы Никона, не одобряющая его реформаціоннаго увлеченія, направленнаго на исправленіе и передѣлку безразличныхъ для вѣры и благочестія старыхъ русскихъ чиновъ и обрядовъ. Провозглашеніе антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ русскаго двоеперстія армянскимъ перстосложеніемъ. Торжественное проклятіе въ Успенскомъ соборѣ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, сербскимъ патріархомъ Гавріиломъ и никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ всѣхъ крестящихся двоеперстно. Древнія свидѣтельства, доказывающія, что двоеперстіе есть старое православное перстосложеніе и что оно древнѣе троеперстія. Отлученіе отъ церкви и проклятіе двоеперстниковъ соборомъ русскихъ іерарховъ 1656 года. Другія церковно-обрядовыя реформы Никона, совершенныя имъ по указаніямъ антіохійскаго патріарха Макарія. Общія замѣчанія о характерѣ и цѣнности церковно-обрядовыхъ реформъ Никона.

Немедленно послѣ собора 1654 года Никонъ обращается съ особою грамотою къ Константинопольскому патріарху Паисію, въ которой пишетъ: „нынѣ же мы, разсмотривше прилежно въ книгахъ нашихъ, разньство въ нихъ обрѣтохомъ, отъ преписующихъ ли, или отъ преводниковъ, невѣдущихъ языка греческаго, не вѣмы. Сего ради пишемъ ко пресвятости твоей, прежелаемый брате, да ту пресвятость твоя, съ прочими святѣйшими патріархи и браты нашими, и прочими архіереями, соборне, извѣстно и со всякимъ прилежнымъ

взысканіемъ о всякомъ чинѣ церковномъ, пишите“. Затѣмъ, указавъ на самыя замѣченныя имъ разности, какія уже были указаны на соборѣ 1654 года, Никонъ заключаетъ грамоту словами: „насъ же церкве Божія любовь возжизаше, да безъ порока ю пасемъ, сего ради къ святости твоей вописуемъ, да даси намъ о всѣхъ сихъ вышереченныхъ, о коеждо особь, потонку твоего святительства, чрезъ писаніе твое скоро, совѣтъ благъ: како вышереченная нами восточная церковь у васъ содержаше и содержитъ, и како нынѣ лѣть есть тоя блюсти, и что сотворити соблажняющимся о сихъ и непокорне пряцимся“. Къ этой черновой сохранившейся грамотѣ, Никонъ въ бѣловомъ ея спискѣ, отосланномъ Паисію, прибавилъ еще нѣсколько новыхъ вопросовъ (такъ что всѣхъ ихъ оказалось 27), и обвиненія противъ епископа Павла Коломенскаго и противъ Неронова [1]).

Итакъ, Никонъ все дѣло намѣчаемой имъ церковной реформы передалъ на благоусмотрѣніе и рѣшеніе собора восточныхъ іерарховъ, благодаря чему весь дальнѣйшій ходъ его реформаторской дѣятельности долженъ былъ зависѣть отъ такого или иного рѣшенія Константинопольскимъ патріархомъ посланныхъ ему вопросовъ. Очевидно также, что своимъ обращеніемъ на православный востокъ Никонъ открыто и торжественно призналъ высшій авторитетъ восточныхъ іерарховъ въ дѣлахъ русской церкви, обязательность для русскихъ въ дѣлахъ церковныхъ руководствоваться указаніями и рѣшеніями восточныхъ іерарховъ. Послѣ этого позволительно было ожидать отъ Никона, что онъ начнетъ свои дальнѣйшіе реформаторскіе шаги не раньше, какъ получивъ изъ Константинополя отвѣтъ на посланные туда вопросы, и что вся его дальнѣйшая реформаторская дѣятельность будетъ въ духѣ полученнаго имъ отвѣта. Въ дѣйствительности не было ни того, ни другого.

Въ это самое время (2-го февр. 1655 г.) въ Москву пріѣхалъ за милостынею антіохійскій патріархъ Макарій. Онъ надолго остался въ Москвѣ, всячески старался угодить всемогущему тогда Никону, на котораго пріобрѣлъ замѣтное вліяніе. Вмѣсто того, чтобы умѣрять и сдерживать односто-

---

[1]) Греческія дѣла, 7162 г., связка 32, № 23. Въ Москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

ронній, слишкомъ бурный реформаторскій пылъ Никона, остерегать его отъ неосторожныхъ, опрометчивыхъ, а въ тоже время крутыхъ мѣръ, сильно раздражавшихъ и обижавшихъ русскихъ, Макарій—по собственному-ли невѣжеству, по предосудительному-ли желанію порисоваться предъ русскими своею горячею преданностію дѣламъ церковнымъ, съ корыстною-ли цѣлію какъ можно больше угодить, понравиться Никону, въ видахъ полученія отъ Московскаго правительства болѣе щедрой милостыни,—только онъ дѣйствовалъ какъ разъ напротивъ. Онъ постоянно указывалъ Никону на разныя будто бы отступленія и новшества въ русской церковной практикѣ, требовалъ ихъ немедленнаго исправленія, и своимъ авторитетомъ торжественно одобрялъ и оправдывалъ самыя необдуманныя и крутыя мѣры Никона. Подъ вліяніемъ Макарія, при его дѣятельномъ участіи и одобреніи, Никонъ совершилъ рядъ такихъ дѣйствій, которыя сильно повредили ему и его реформѣ, и на которыя онъ, вѣроятно, не отважился бы безъ одобренія и поощреній Макарія.

Въ недѣлю православія, въ 1655 году, богослуженіе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ совершалось съ особою торжественностію, такъ какъ въ немъ участвовали три патріарха: московскій, антіохійскій и такъ называемый сербскій—Гавріилъ, пріѣхавшій въ Москву почти одновременно съ Макаріемъ и поселившійся было въ Москвѣ на всегдашнее житье. Въ соборѣ находился самъ царь, бояре и разные придворные чины; стеченіе народа было громадное. По окончаніи литургіи Никонъ сталъ говорить поученіе, направленное противъ новыхъ иконъ—франкскаго письма. Племянникъ антіохійскаго патріарха Макарія Павелъ Алепскій, какъ очевидецъ, разсказываетъ о происшедшемъ въ это время въ соборѣ слѣдующее: „во время проповѣди Никонъ велѣлъ принести иконы старыя и новыя, кои нѣкоторые изъ московскихъ иконописцевъ стали рисовать по образцамъ картинъ франкскихъ и польскихъ. Такъ какъ этотъ патріархъ отличается чрезмѣрною крутостію нрава и приверженностію къ греческимъ обрядамъ, то онъ послалъ своихъ людей собрать и доставить къ нему всѣ подобныя иконы, въ какомъ бы домѣ ни находили ихъ, даже изъ домовъ государственныхъ сановниковъ, что и было исполнено. Это случилось

лѣтомъ предъ появленіемъ моровой язвы. Никонъ выкололъ глаза у этихъ иконъ, послѣ чего стрѣльцы, исполнявшіе обязанность царскихъ глашатаевъ, носили ихъ по городу, крича: „кто отнынѣ будетъ писать иконы по этому образцу, того постигнетъ примѣрное наказаніе". Это происходило въ отсутствіе царя (т. е. въ 1654 году). Такъ какъ всѣ московиты отличаются большою привязанностію и любовью къ иконамъ, то они не смотрятъ ни на красоту изображенія, ни на искусство живописца, но всѣ иконы, красивыя и некрасивыя, для нихъ одинаковы: они всегда ихъ почитаютъ и поклоняются имъ, даже если икона представляетъ набросокъ на бумагѣ или дѣтскій рисунокъ... Видя, какъ патріархъ поступалъ съ иконами, подумали, что онъ сильно грѣшитъ, пришли въ смущеніе и волненіе и сочли его противникомъ иконъ. Въ это время случилась моровая язва и солнце померкло предъ закатомъ 2-го августа. Они подумали: „все случившееся съ нами есть гнѣвъ Божій на насъ за надругательство патріарха надъ иконами". Образовались скопища, враждебныя патріарху, которыя покушались убить его, ибо въ это время царя не было въ Москвѣ, и въ городѣ оставалось мало войска [1]). Въ этотъ день (т. е. въ недѣлю православія 1655 года) патріарху предста-

---

[1]) Въ донесеніи боярина Михаила Петровича Пронскаго царицѣ въ Колязинъ монастырь, о смутахъ въ Москвѣ во время мороваго повѣтрія, говорится: августа, государи, въ 25 день (1654 г.) были мы, холопы ваши, у обѣдни въ соборной церкви, и въ обѣдню къ соборной церкви приходили земскіе и разныхъ слободъ люди, и принесли съ собою въ кіотѣ икону, а написанъ былъ образъ Спасовъ нерукотворенный: лице у той иконы и подпись верх...скребено. И какъ мы, холопы ваши, пошли отъ обѣдни, и земскіе люди учали намъ говорить: взятъ-де образъ Спасовъ, на патріарховъ дворъ новгородскіе сотни у тяглеца у Софрона Ѳедорова сына Лопотникова; а отданъ-де ему тотъ образъ изъ тіунскіе избы для переписки, лице выскреблено, а скребенъ-де тотъ образъ по патріархову указу. И тогоже, государи, числа, въ восьмомъ часу дни, земскіе жъ люди многіе приходили къ красному крыльцу и приносили иконные цки, а говорили, что и съ тѣхъ цковъ образы скребеныжъ, и они-де тѣ цки разнесутъ для оказанія во всѣ сотни и слободы и придутъ-де къ намъ, холопамъ вашимъ, для того августа въ 26 день". Въ отвѣтѣ государыни на это донесеніе между прочимъ говорится: „а которые иконы скребены, и тѣ иконы написаны были не по отеческому преданію съ папежскаго и съ латынскаго переводу". (Гиббенетъ, Дѣло о патр. Никонѣ, т. II, стр. 473—475).

вился удобный случай для бесѣды въ присутствіи царя, и онъ много говорилъ о томъ, что такая живопись, какова на этихъ иконахъ, недозволительна. При этомъ онъ сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха, и, въ доказательство незаконности новой живописи, указывалъ на то, что она подобна изображеніямъ франковъ. Патріархи предали анаѳемѣ и отлучили отъ церкви и тѣхъ, кто станетъ изготовлять подобные образа, и тѣхъ, кто будетъ держать ихъ у себя. Никонъ бралъ эти образа правою рукою одинъ за другимъ, показывалъ народу и бросалъ ихъ на желѣзныя плиты пола, такъ что они разбивались, и приказалъ ихъ сжечь. Царь стоялъ близъ насъ съ открытою головою, съ видомъ кроткимъ, въ молчаніи внимая проповѣди. Будучи человѣкомъ очень набожнымъ и богобоязненнымъ, онъ тихимъ голосомъ сталъ просить патріарха, говоря: „нѣтъ отче, не сожигай ихъ, но пусть ихъ зароютъ въ землю“. Такъ и было сдѣлано. Никонъ, поднимая правою рукою икону, всякій разъ при этомъ восклицалъ; „эта икона изъ дома вельможи такого-то, сына такого-то“, т. е. царскихъ сановниковъ. Цѣлію его было пристыдить ихъ такъ, чтобы остальной народъ, видя это, принялъ себѣ въ предостереженіе“.

Но одною расправою съ иконами франкскаго письма Никонъ на этотъ разъ не ограничился. Вслѣдъ за проповѣдію противъ новыхъ иконъ, онъ сейчасъ же возсталъ еще и противъ стараго русскаго двоеперстнаго перстосложенія для крестнаго знаменія. Попытку эту, какъ мы видѣли, Никонъ сдѣлалъ уже ранѣе, немедленно по вступленіи своемъ на патріаршій престолъ, но принужденъ былъ тогда отказаться отъ своего требованія, такъ какъ встрѣтилъ себѣ слишкомъ сильное сопротивленіе, и не могъ никакими серьезными данными оправдать вводимую имъ перемѣну въ перстосложеніи. Теперь онъ рѣшился воспользоваться авторитетомъ и поддержкой антіохійскаго патріарха Макарія, чтобы показать несправедливость русскаго двоеперстнаго перстосложенія и истинность греческаго троеперстнаго, и тѣмъ показать всѣмъ, что онъ былъ правъ, когда, по вступленіи своемъ на патріаршую каѳедру, издалъ извѣстное распоряженіе: „и тремя бы персты есте крестились“. Понятно, что антіохійскій патріархъ Макарій охотно поддержалъ Никона и, въ угоду ему, торжественно заявилъ чрезъ переводчика

всему бывшему въ Успенскомъ соборѣ народу, что правое перстосложеніе для крестнаго знамени есть троеперстное, которое согласно употребляютъ всѣ православные народы. Павелъ Алепскій, какъ очевидецъ, разсказываетъ объ этомъ, что Никонъ, расправившись съ иконами франкскаго письма, „сталъ говорить о крестномъ знаменіи, ибо русскіе не крестятся подобно намъ сложенными тремя пальцами, но складываютъ ихъ подобно какъ архіерей, когда онъ благословляетъ. При этомъ Никонъ также сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха. Объ этомъ предметѣ нашъ учитель еще раньше говорилъ Никону, что такое крестное знаменіе недозволительно; и теперь всенародно чрезъ переводчика сказалъ слѣдующее: „въ Антіохіи, а не въ иномъ мѣстѣ, вѣрующіе во Христа (впервые) были наименованы христіанами. Оттуда распространились обряды. Ни въ Александріи, ни въ Константинополѣ, ни въ Іерусалимѣ, ни на Синаѣ, ни на Аѳонѣ, ни даже въ Валахіи и Молдавіи никто такъ не крестится, но всѣми тремя пальцами вмѣстѣ“ [1]).

Понятно какое тяжелое, угнетающее впечатлѣніе на всѣхъ производили эти крайне рѣзкія, необдуманныя дѣйствія Никона. Онъ грубо оскорблялъ весь народъ въ самомъ завѣтномъ и священномъ для него чувствѣ: его исконную приверженность къ святымъ иконамъ, такъ какъ народъ—масса—плохо, конечно, понималъ различіе живописи франкской и греческой, и видѣлъ въ иконѣ всякаго письма именно только святую икону, къ которой всякій обязанъ былъ относиться съ подобающимъ святынѣ уваженіемъ,—недаромъ въ его глазахъ Никонъ являлся иконоборцемъ. Но соблазнительною расправою Никона съ новыми иконами былъ затронутъ не только простой народъ, а и болѣе образованные и передовые лица высшаго класса. Въ это время у насъ началось все болѣе усиливаться и крѣпнуть западное вліяніе, которому подчинились нѣкоторыя лица высшаго по преимуществу сословія, особенно побывавшія въ разныхъ заграничныхъ посольствахъ, или дома познакомившіеся съ жившими у насъ

---

[1]) Свидѣтельства Павла Алепскаго изъ его сочиненія: „Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка“, мы приводили по переводу съ арабскаго г. Муркоса, вышедшему въ пяти выпускахъ. Выпускъ III, стр. 136—137.

иностранцами, или знакомившіеся съ западомъ при посредствѣ польско-литовскаго вліянія. Иконы франкскаго письма, отобранныя Никономъ у разныхъ знатныхъ лицъ и были, между прочимъ, однимъ изъ проявленій западнаго вліянія на тогдашнее высшее русское общество. Никонъ не понялъ и не оцѣнилъ этого новаго направленія въ нашей общественной жизни, не подмѣтилъ въ немъ здоровой и живой силы, не отгадалъ его великаго культурнаго значенія для всей послѣдующей жизни Россіи, и потому рѣзко и рѣшительно возсталъ противъ него, какъ зловреднаго. Слѣдовательно, Никонъ своимъ грубымъ выступленіемъ противъ новыхъ иконъ не удовлетворялъ никого, а раздражилъ рѣшительно всѣхъ: и приверженцевъ родной старины, и приверженцевъ запада, и всѣхъ вообще людей благочестивыхъ, которыхъ не могло не возмущать его отношеніе къ предметамъ благочестія. Очевидно также, что Никонъ своими рѣзкими выходками противъ новыхъ иконъ, а равно и русскаго перстосложенія для крестнаго знаменія, изъ чего русскіе неожиданно узнали о себѣ, что они будто бы доселѣ и лба-то перекрестить, какъ слѣдуетъ, не умѣли—самъ давалъ противъ себя прекрасное оружіе членамъ кружка ревнителей, которые естественно указывали всѣмъ на нетактичные, необдуманные поступки Никона, какъ на доказательство справедливости всего, что они говорятъ о нечестіи и злыхъ умыслахъ Никона.

Никонъ сильно торопился съ своими церковными реформами. Не дожидаясь полученія изъ Константинополя отвѣта на посланные имъ туда вопросы, онъ, подъ вліяніемъ указаній антіохійскаго патріарха Макарія, въ мартѣ 1655 года, поспѣшилъ созвать въ Москвѣ соборъ, на которомъ, кромѣ Никона и русскихъ архіереевъ, присутствовали еще патріархи: антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ. Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ изложены въ предисловіи къ служебнику, напечатанному въ 1656 году, съ согласія и одобренія Никона. Здѣсь разсказывается, что будто бы еще до собора 1655 г. была получена отвѣтная грамота константинопольскаго патріарха Паисія на посланные ему Никономъ вопросы; въ этой грамотѣ Паисій будто бы вполнѣ одобрялъ всю дѣятельность Никона, настойчиво совѣтовалъ ему провести намѣченныя имъ реформы, и даже указывалъ ему на нѣкоторыя другія

новшества русскихъ, которыя не были обозначены въ вопросахъ Никона. Разсказывается, что будто бы только послѣ прочтенія этой соборной грамоты, присланной константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ, Никонъ „симъ къ большему благихъ желанію воздвигшеся“, сталъ собирать имѣвшіяся въ русскихъ монастыряхъ древнія славянскія рукописи богослужебныхъ книгъ и затѣмъ послалъ Арсенія Суханова на востокъ для пріобрѣтенія тамъ древнихъ греческихъ рукописей, чтобы, такимъ образомъ, исправить русскія богослужебныя книги по древнимъ греческимъ спискамъ и по старымъ славянскимъ переводамъ. Только послѣ такихъ приготовленій и собранъ былъ соборъ въ 1655 году, на которомъ былъ прочитанъ отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія Никону, „и судиша е право и отъ Святаго Духа составлено быти“. Разсказывается, что антіохійскій патріархъ Макарій принесъ на соборъ и свои книги—служебникъ и другія, и что на соборѣ „тако вся старописанныя греческія и славянскія книги разсмотрѣвше, обрѣтоша древнія греческія съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася; въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія. Прочтеннымъ же симъ всѣмъ и разсужденнымъ, судиша тако быти, якоже апостольская и седьми вселенскихъ соборовъ святыя правила повелѣваютъ, и якоже на святыхъ соборѣхъ, первое въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ царскихъ палатахъ, потомъ же—въ Константинополи, у всесвятѣйшаго Паисія патріарха, и съ нимъ священныхъ мужей, установлено бысть“.

Весь этотъ разсказъ о соборѣ 1655 года, напечатанный, вѣроятно, съ вѣдома Никона, только спустя годъ послѣ собора, имѣлъ въ виду показать, что Никонъ, въ дѣлѣ исправленія русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, руководился не личнымъ только усмотрѣніемъ, не указаніями случайныхъ заѣзжихъ въ Москву греческихъ іерарховъ—милостынесобирателей, а голосомъ всей константинопольской церкви, выразившемся въ соборномъ опредѣленіи, которое прислалъ Никону константинопольскій патріархъ Паисій. Только послѣ полученія этого отвѣта, вполнѣ будто бы одобрявшаго реформы Никона и прямо его поощрявшаго, онъ приступаетъ къ собранію старыхъ славянскихъ книгъ, на

основаніи которыхъ, довольно ихъ изучивши, и производить исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ. Все дѣло исправленія служебника Никонъ представляетъ затѣмъ на усмотрѣніе собора, который, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и сличенія древнихъ греческихъ и славянскихъ служебниковъ, одобряетъ приготовленный къ изданію служебникъ, постановляетъ и другія книги исправить такимъ же образомъ и, между прочимъ, согласно съ тѣми указаніями, какія сдѣланы въ соборной грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія.

Свѣдѣнія о соборѣ 1655 года, изложенныя въ предисловіи къ служебнику, напечатанному Никономъ въ 1656 году, во многомъ, и очень важномъ, невѣрны и тенденціозны. Прежде всего, грамота константинопольскаго патріарха Паисія которая будто бы послужила исходной точкой для книжныхъ исправленій Никона и публично читалась на соборѣ 1655 г., въ дѣйствительности была получена въ Москвѣ уже спустя почти два мѣсяца послѣ собора. Соборъ былъ въ мартѣ, а грамота патріарха Паисія была прислана съ грекомъ Мануиломъ Константиновымъ, который прибылъ въ Москву только перваго мая, такъ что все, что предисловіе служебника говоритъ о соборной грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія, читанной на соборѣ 1555 года, есть завѣдомая неправда [1]). Затѣмъ, по несомнѣнному свидѣтельству Павла Алепскаго, соборъ 1655 года продолжался никакъ не болѣе одной недѣли. Слѣдовательно собору рѣшительно не было времени заниматься сличеніемъ множества собранныхъ греческихъ и славянскихъ рукописей съ книгами московской печати, не было времени и книгу служебникъ „во всемъ справить и согласну сотворить древнимъ греческимъ и славянскимъ“ служебникамъ.

Какъ въ дѣйствительности происходилъ соборъ 1655 года, что и какъ на немъ дѣлалось, объ этомъ сохранилось вполнѣ достовѣрное и довольно обстоятельное извѣстіе у Павла Алепскаго, очевидца собора, такъ какъ онъ лично на немъ присутствовалъ. Онъ сообщаетъ: „московскій патріархъ созвалъ соборъ (1655 г.) вслѣдствіе указаній, которыя сдѣлалъ

[1]) Греческія дѣла 7162 г., связка 33, № 14. О пріѣздѣ грека Мануила Константинова съ грамотами Константинопольскаго патріарха Паисія.

ему нашъ учитель (т. е. патріархъ Макарій), и совѣта, который онъ имъ далъ относительно нововведеній и разныхъ погрѣшностей въ дѣлахъ вѣры: во первыхъ, относительно того, что они не служатъ, какъ мы, на антиминсѣ съ изображеніями и съ надписями, освященнымъ мощами святыхъ, а на кускѣ бѣлаго полотна; во вторыхъ, что они, принося священную жертву, вынимаютъ не девять чиновъ (частицъ), а только четыре; въ третьихъ, что они дѣлаютъ въ нѣкоторыхъ словахъ ошибки въ „Вѣрую во единаго Бога"; въ четвертыхъ, прикладываются къ иконамъ только разъ или два въ году; въ пятыхъ, не принимаютъ антидора; въ шестыхъ, касательно ихъ крестнаго знаменія при иномъ расположеніи пальцевъ; въ седьмыхъ, относительно крещенія ляховъ, ибо они крестятъ ихъ теперь вторымъ крещеніемъ, и относительно разныхъ дѣлъ и обрядовъ, о коихъ мы уже говорили и будемъ говорить. Патріархъ Никонъ послушался словъ нашего владыки патріарха и перевелъ служебникъ литургіи съ греческаго языка на русскій, изложилъ въ немъ обряды и проскомидію въ ясныхъ выраженіяхъ, доступныхъ пониманію дѣтей, согласно подлинной греческой обрядности. Онъ напечаталъ этотъ служебникъ въ нѣсколькихъ тысячахъ (экземпляровъ) и роздалъ ихъ по церквамъ всей страны; напечаталъ также болѣе пятнадцати тысячъ антиминсовъ съ письменами и изображеніями, освятилъ мощами святыхъ и также роздалъ ихъ по всей странѣ. Исправилъ многія ошибки, по царскому утвержденію и повелѣнію, на основаніи свидѣтельствъ закона и пророковъ. Заключили разсужденія на соборѣ (постановивъ), согласно мнѣнію нашего учителя, что крещеніе ляховъ недозволительно, какъ повелѣвается въ Евхологіи и Законѣ (Номоканонъ), ибо ляхи вѣруютъ въ св. Троицу, крещены и не такъ далеко отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, какъ-то: шведы, англичане, венгеры и иные французскіе народы, кои не постятся, не поклоняются ни иконамъ, ни кресту и т. п. Патріархъ Никонъ, такъ какъ онъ любитъ грековъ, выразилъ согласіе (на исправленіе) и сказалъ, обращаясь къ архіереямъ и прочимъ присутствующимъ архимандритамъ и священникамъ: „я русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра греческія". Нѣкоторые изъ архіереевъ отвѣтили повиновеніемъ, говоря: „свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства

возсіяли намъ изъ странъ востока“; а нѣкоторые изъ нихъ— ибо во всякомъ народѣ непремѣнно есть люди грубаго нрава и тупого ума—внутренно возроптали, говоря про себя: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле“. Однако, они не смѣютъ говорить открыто, ибо гнѣвъ патріарха неукротимъ: (доказательство) какъ онъ поступилъ съ епископомъ коломенскимъ, ссылая его [1]).

Такимъ образомъ изъ свидѣтельства Павла Алепскаго оказывается, что соборъ 1655 года былъ созванъ вслѣдствіе указаній на недостатки русскаго церковнаго обряда и чина со стороны антіохійскаго патріарха Макарія, что Никонъ исправлялъ тѣ церковные недостатки, на которыя ему указывалъ теперешній его вдохновитель, руководитель и совѣтчикъ въ дѣлѣ реформы—патріархъ Макарій, что на соборѣ вовсе не было никакихъ тщательныхъ разсмотрѣній и обсужденій древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, а только представленъ былъ простой переводъ съ служебника Макарія, съ котораго потомъ и напечатано было нѣсколько тысячъ экземпляровъ; что указанія Макарія Никону почти всѣ касались разныхъ незначительныхъ обрядовыхъ мелочей, не имѣвшихъ никакого отношенія къ вѣроученію, и потому совершенно безразличныхъ для вѣры и благочестія.

На соборѣ 1655 года Никонъ очень торжественно и, въ то же время, очень рѣзко, никѣмъ не вынуждаемый, заявилъ рѣшительно о своемъ полномъ разрывѣ съ традиціонными русскими вѣрованіями и убѣжденіями, свой окончательный переходъ на сторону грековъ и греческихъ воззрѣній. „Я русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра—греческія“, говорилъ Никонъ отцамъ русскаго собора. Это публичное, торжественное отреченіе верховнаго архипастыря русской церкви отъ русскихъ вѣрованій и убѣжденій въ пользу иностранныхъ—греческихъ, это торжественное признаніе себя Никономъ по духу истымъ грекомъ, необходимо должно было произвести крайне непріятное и тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые вовсе не думали и не желали отказываться отъ своего русскаго въ пользу греческаго, въ чемъ, конечно, и нужды-то никакой не было и для Никона. На обидное для національнаго самосознанія

[1]) Выпускъ III, стр. 170—171.

русскихъ заявленіе Никона, нѣкоторые изъ членовъ собора подобострастно отвѣчали, что „свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства возсіяли намъ изъ странъ востока“. Но другіе молчали, и хотя, изъ боязни предъ грознымъ и всемогущимъ патріархомъ, не рѣшались на открытое его порицаніе, однако съ неудовольствіемъ говорили про себя: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревлё“. Значитъ, соборъ 1655 года не былъ выраженіемъ свободнаго голоса всей русской церкви, а почти исключительно личнымъ дѣломъ Никона, дѣйствовавшаго теперь по указаніямъ и подъ руководствомъ случайно пріѣхавшаго въ Москву за милостынею антіохійскаго патріарха Макарія, такъ какъ нѣкоторые члены собора вовсе не одобряли производимой Никономъ ломки русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, и если они открыто и не возстали противъ него на соборѣ, то единственно потому, что боялись жестокой расправы за это со стороны Никона, который не допускалъ никакого противорѣчія своимъ мнѣніямъ, какъ это ясно для всѣхъ было видно изъ примѣра епископа Павла Коломенскаго. Что же касается разсказа о соборѣ 1655 года, помѣщеннаго въ предисловіи къ служебнику, изданному Никономъ, гдѣ событія собора передаются въ значительно извращенномъ видѣ, но при томъ такъ, чтобы все дѣло собора представить въ благопріятномъ для Никона свѣтѣ, то, по нашему мнѣнію, самое уже появленіе этого тенденціознаго разсказа служитъ доказательствомъ за то, что и соборъ 1655 года происходилъ далеко не такъ, какъ хотѣлъ Никонъ, почему и признано было необходимымъ представить происходившее на соборѣ значительно иначе, нежели какъ было въ дѣйствительности.

Прошло уже болѣе мѣсяца послѣ собора 1655 года, какъ въ Москву былъ присланъ отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія на предложенные ему Никономъ вопросы. Этотъ отвѣтъ Паисія заслуживаетъ нашего особаго вниманія, такъ какъ въ немъ выраженъ взглядъ всей тогдашней константинопольской церкви на реформаторскую дѣятельность Никона, и такъ какъ онъ для всей его послѣдующей дѣятельности долженъ бы былъ имѣть руководственное значеніе [1]).

---

[1]) Отвѣты Паисія напечатаны были Никономъ въ скрижали. Въ недавнее время найденъ подлинный греческій текстъ этихъ отвѣтовъ, кото-

Самая грамота съ вопросами Никона константинопольскому патріарху Паисію не дошла до насъ, но мы съ нею хорошо можемъ познакомиться изъ отвѣтовъ Паисія. Всѣ двадцать семь вопросовъ Никона, которые онъ предложилъ на разрѣшеніе Паисія и собора, очень характерны, какъ для самого Никона, такъ и производимой имъ реформы. При чтеніи этихъ вопросовъ Никона, невольно поражаешься ихъ мелочностію, не важностію, полнымъ безразличіемъ для вѣры и благочестія. Нашъ извѣстный церковный историкъ, преосвященнѣйшій Макарій, разсказывая о томъ, какъ патріархъ Іосифъ посылалъ вселенскому патріарху грамоту „о церковныхъ великихъ потребахъ", подъ которыми онъ разумѣлъ самыя незначительные церковно-обрядовые вопросы, замѣчаетъ, въ заключеніе разсказа: „читая эти вопросы нашего патріарха Іосифа, за рѣшеніемъ которыхъ онъ обращался къ константинопольской каѳедрѣ, невольно подумаешь: вотъ что считалъ онъ „великими церковными требами", вотъ что не умѣлъ онъ или не осмѣлился рѣшить самъ съ одними русскими святителями и всѣмъ освященнымъ соборомъ" [1]). То же самое замѣчаніе съ полнымъ правомъ слѣдуетъ сдѣлать и относительно вопросовъ, предложенныхъ Никономъ на разрѣшеніе константинопольскаго патріарха, такъ какъ между вопросами Іосифа и Никона нѣтъ никакой существенной разности, все различіе между ними заключается не въ качествѣ, а въ количествѣ вопросовъ: одинъ предложилъ четыре только вопроса, а другой набралъ совершенно такихъ же вопросовъ двадцать семь. Если патріархъ Іосифъ спрашивалъ: можно ли многимъ архіереямъ и іереямъ служить божественную литургію на двухъ потирахъ? подобаетъ ли въ службахъ по мірскимъ церквамъ и монастырямъ соблюдать единогласіе? то патріархъ Никонъ, съ своей стороны, спрашивалъ: въ какой часъ нужно начинать и оканчивать божественную литургію? Когда лампадарій зажигаетъ свѣчу, чтобы звать іерарховъ въ церковь? Когда отверзаются врата св. алтаря? пріемлется ли жертва того іерея, который, литургисая, хранитъ въ сердцѣ своемъ

рый, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, и напечатанъ въ журналѣ Христ. Чтеніе за 1881 г., кн. I.

[1]) Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 170—171.

соблазнъ памятозлобія? Кровотеченія и искушенія во снѣ не служатъ ли для іерея препятствіемъ къ совершенію божественной литургіи? гдѣ полагается антиминсъ по окончаніи литургіи—надъ или подъ святымъ потиромъ? священническое благословеніе совершается посредствомъ ли прикосновенія къ благословляемому или нѣтъ? и т. под. Изъ этихъ вопросовъ Никона съ очевидностію открывается, что онъ, какъ и его предшественникъ Іосифъ, мелочные и неважные обрядовые вопросы тоже считалъ дѣломъ крайне важнымъ—„великими церковными потребами"—почему онъ, подобно Іосифу, и не осмѣливается порѣшить эти вопросы самъ, съ одними русскими святителями и всѣмъ освященнымъ соборомъ, а отсылаетъ ихъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе константинопольскаго патріарха и собора. Такой образъ дѣйствій и Іосифа и Никона объясняется тѣмъ, что они, не обладая какими либо научными богословско-историческими знаніями и хотя бы какимъ нибудь правильнымъ образованіемъ и развитіемъ, помимо очень случайнаго и односторонняго начетчества—не имѣли правильнаго представленія о происхожденіи и значеніи въ христіанской церкви обряда; не знали того, что обрядъ вырабатывался въ церкви постепенно, въ теченіи очень долгаго періода времени, и что процессъ его образованія не закончился и сейчасъ; не знали того, что каждый обрядъ имѣетъ въ себѣ двѣ стороны: одну существенную, которую составляетъ вложенная въ обрядъ мысль, ученіе, другую—несущественную, которая служитъ только внѣшнимъ, нагляднымъ выраженіемъ мысли или ученія; они не знали, что для вѣры и благочестія важна по преимуществу первая сторона, тѣсно связанная съ христіанскимъ вѣроученіемъ, а что касается второй, то она всегда подвергалась и можетъ впредь подвергаться разнымъ измѣненіямъ, въ различныхъ церквахъ была и всегда можетъ быть неодинакова, смотря по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ разныхъ помѣстныхъ церквей; они не знали, что нормою для опредѣленія пригодности или непригодности извѣстнаго церковнаго обряда всегда служила и служитъ его вѣрность православному ученію, его наглядность, понятность и назидательность для вѣрующихъ; что всѣ разные частные обрядовые вопросы и недоумѣнія могутъ быть рѣшены каждою помѣстною церковію при свѣтѣ и подъ

руководствомъ общаго христіанскаго православнаго ученія, поставленнаго въ связь съ церковною практикою древнѣйшихъ православныхъ церквей. Не имѣя правильнаго представленія о происхожденіи и значеніи въ церкви обряда, Никонъ не понималъ поэтому и того, что если русская церковь осталась во всемъ вѣрна догматамъ и всему вообще ученію православной церкви, то значитъ, она сохранила и правильный обрядъ, поскольку онъ былъ въ ней вѣрнымъ отраженіемъ содержимаго ею ученія, и что вовсе нѣтъ никакой бѣды въ томъ обстоятельствѣ, что русская церковь въ нѣкоторыхъ обрядахъ разошлась съ своими единовѣрцами, — тогдашними греками. Каждая помѣстная церковь всегда имѣла и имѣетъ право на тѣ мѣстныя обрядовыя особенности, которыя, не касаясь существа вѣры и благочестія, однако болѣе привычны и понятны для массы, чѣмъ какіе бы то ни было обряды другой помѣстной церкви, тѣмъ болѣе, что въ помѣстномъ обрядѣ народъ оставляетъ видимый, понятный ему и очень цѣнный для него памятникъ своего пониманія той или другой христіанской истины, того или другого христіанскаго православнаго ученія.

Невысокое представленіе о русскомъ церковномъ реформаторѣ получилъ константинопольскій патріархъ Паисій изъ вопросовъ Никона. Они поразили его крайней мелочностію, неважностію, полнымъ непониманіемъ со стороны вопрошавшаго значенія и смысла въ православной церкви того или другаго обряда. Паисій увидалъ въ Никонѣ человѣка очень ревностнаго и горячаго къ дѣламъ церкви, но въ тоже время человѣка необразованнаго, не обладавшаго высшимъ кругомъ христіанскихъ знаній, и потому направляющаго свою ревность на предметы безразличные для вѣры и благочестія, и даже могущаго своею дѣятельностію, благодаря своей неумѣренной ревности и недостаточному пониманію дѣла, принести церкви не пользу, а вредъ. Поэтому Паисій въ своихъ отвѣтахъ, написанныхъ отъ лица всей константинопольской церкви, не только не поощряетъ мелочно-обрядовой реформаторской дѣятельности Никона, его стремленія исправлять особенности мѣстнаго русскаго обряда, но наоборотъ: старается умѣрить его реформаторскій пылъ, ввести его ревность въ должныя границы, отклонить его вниманіе отъ безразличныхъ обрядовыхъ мелочей. Въ видахъ просвѣтить,

возвысить христіанское пониманіе Никона, Паисій сообщаетъ ему болѣе правильный взглядъ на христіанскій обрядъ, его происхожденіе, значеніе въ православной церкви, отношеніе его къ вѣроученію, старается дать Никону умѣнье рѣшать самому различные неважные и мелочные церковно-обрядовые вопросы. Вмѣстѣ съ этимъ Паисій даетъ понять Никону всю односторонность заявленной имъ ревности, такъ какъ православіе вовсе не требуетъ того, что бы оно разъ навсегда было заключено въ какую либо во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ опредѣленную обрядовую форму, но что оно всегда допускало и допускаетъ разнообразіе внѣшнихъ формъ выраженія своего ученія, лишь бы только эти внѣшнія обрядовыя различія церквей не были выраженіемъ различія въ самомъ ихъ ученіи. Вообще весь отвѣтъ Паисія былъ поученіемъ и назиданіемъ для Никона, имѣлъ въ виду предостеречь и удержать его отъ спѣшной и необдуманной передѣлки практиковавшагося въ русской церкви обряда, поскольку онъ не касался существа вѣры и благочестія, а такими Паисій находилъ всѣ предложенные Никономъ вопросы.

Въ своихъ отвѣтахъ патріархъ Паисій, послѣ привѣтствія и восхваленія пастырской ревности и личныхъ высокихъ качествъ Никона, указываетъ на необходимость единенія всѣхъ церквей, но только это единеніе, по прямому смыслу словъ самаго Господа (Іоан. XVII, 11) и ап. Павла (1 Кор. 1, 10), должно состоять, говоритъ Паисій, „*въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры, съ однимъ разумѣніемъ и съ одною мыслію*. Говорю это потому, продолжаетъ Паисій, что усматриваю основанія къ тому въ грамотахъ твоего блаженства: ты жалуешься сильно на не согласіе *въ кое-какихъ порядкахъ, существующихъ въ помѣстныхъ церквахъ, и думаешь: не вредятъ-ли эти различные порядки нашей вѣрѣ*. Въ отвѣтъ на это мы похваляемъ мысль,—поелику кто боится впасть въ малыя погрѣшности, тотъ предохраняетъ себя отъ великихъ, — *но исправляемъ опасеніе*: поелику, что касается еретиковъ, то мы дѣйствительно имѣемъ повелѣніе отъ апостола избѣгать ихъ послѣ перваго и втораго вразумленія, какъ развращенныхъ (Тит. III, 11), равно какъ и раскольниковъ, которые хотя и оказываются согласными съ православными въ главнѣйшихъ догматахъ, но имѣютъ кое-какіе и свои особенные, чуждые

общепринятымъ въ церкви. *Но если случится, что какая нибудь церковь будетъ отличаться отъ другой какими либо порядками, неважными и несущественными для вѣры, или такими, которые не касаются главныхъ членовъ вѣры, а относятся къ числу незначительныхъ церковныхъ порядковъ, каково, напримѣръ, время совершенія литургіи, или вопросъ о томъ: какими перстами долженъ благословлять священникъ и под.; то это не должно производить никакаго раздѣленія, если только сохраняется неизмѣнно одна и та же вѣра. Это потому, что церковь наша не съ самаго начала получила тотъ уставъ чинопослѣдованій, который содержитъ въ настоящее время, а мало по малу,* (какъ говоритъ св. Епифаній Кипрскій въ словѣ подъ заглавіемъ: „Краткое истинное слово о вѣрѣ каѳолической и апостольской церкви", въ концѣ): первоначально читали въ церкви только одинадцать псалмовъ, а потомъ уже больше, равно какъ имѣли разныя степени постовъ и мясоястій. И Великій Василій въ 29 гл. о св. Духѣ говоритъ относительно церкви Неокесарійской, что неокесарійцы не прибавили ровно ничего къ своему чинопослѣдованію, ни одного священнодѣйствія, ни слова, ни таинственнаго знака, съ тѣхъ поръ, какъ предалъ имъ это чинопослѣдованіе ихъ архіерей чудотворецъ Григорій: поэтому то (говоритъ онъ) многое, что у нихъ совершается, *кажется неудовлетворительнымъ, такъ какъ успѣло уже устарѣть* съ тѣхъ поръ, какъ они все это приняли въ началѣ, и такъ какъ они не принимали того, *что ввели у себя послѣ другія церкви*; равнымъ образомъ антифоновъ, составленныхъ Златоустомъ, съ водруженіемъ предъ каждымъ изъ нихъ креста, не имѣетъ уже церковь. И прежде святыхъ Дамаскина и Козьмы, и другихъ творцевъ, *мы не пѣли ни тропарей, ни каноновъ, ни кондаковъ.* При всемъ томъ, такъ какъ сохранялась одна и таже вѣра всѣми помѣстными церквами, то это различіе въ чинопослѣдованіяхъ не могло тогда служить основаніемъ признавать ихъ еретическими или схизматическими. *Не слѣдуетъ намъ и теперь думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ, или членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каѳолическою церковію.* А для того, чтобы знать, какіе это важные и существенные члены нашей вѣры, о которыхъ мы го-

воримъ, нашъ св. Синодъ составилъ одну книгу на общеупотребительномъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Православное исповѣданіе вѣры каѳолической и апостольской церкви восточной“, въ которой мы твердо обосновали всѣ члены древней нашей вѣры... Если вы нуждаетесь въ этой книгѣ, *а она дѣйствительно нужна вамъ* для того, чтобы всѣ пять патріархій были единомысленны, мы пришлемъ вамъ одну копію съ нея“.

Раскрывъ и обосновавъ свой общій взглядъ на происхожденіе и значеніе въ православной церкви разныхъ чинопослѣдованій и обрядовъ, которые были и теперь могутъ быть въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ не одинаковы, что однако, при единствѣ вѣры, никогда не мѣшало и сейчасъ не можетъ мѣшать имъ составлять изъ себя единую и единомысленную вселенскую церковь; порекомендовавъ Никону поближе и получше познакомиться съ вѣроученіемъ православной церкви, въ чемъ Паисій, очевидно, замѣтилъ у Никона значительный пробѣлъ, препятствующій ему различать важное и неважное въ строѣ жизни церковной, патріархъ Паисій переходитъ затѣмъ къ рѣшенію самыхъ вопросовъ, предложенныхъ ему Никономъ. Но прежде чѣмъ отвѣтить на тотъ или другой частный вопросъ Никона, Паисій старается предварительно объяснить происхожденіе, составъ, существенныя стороны и смыслъ частностей православной литургіи, чтобы Никонъ, послѣ этого объясненія, уже самъ видѣлъ, какъ слѣдуетъ ему рѣшать такіе вопросы, какъ, напримѣръ, предложенный имъ Паисію: когда слѣдуетъ въ литургіи отверзать царскія врата? Отвѣчая на вопросъ Никона, въ какіе часы надлежитъ совершать литургію и находя правильнымъ начинать ее „съ третьяго часа дня“, Паисій однако, зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, спѣшитъ сейчасъ же прибавить: „но мы должны прибавить, что часы эти не опредѣлены однажды навсегда такъ, чтобы мы не имѣли позволенія литургисать и въ какой либо другой часъ кромѣ третьяго... благодать Св. Духа не ограничивается тѣмъ или другимъ моментомъ времени“.

Отвѣчая на тѣ или другіе частные вопросы Никона, Паисій опять старается убѣдить его не придавать значенія предметамъ не важнымъ и прекратить относительно ихъ споры и препирательства. „Что же касается полемики, пишетъ на-

примѣръ онъ, которую ведете изъ за чина божественнаго тайноводства, какъ пишете въ седьмомъ вопросѣ, *то умоляемъ именемъ Господа нашего I. Христа, да прекратитъ ее твое блаженство, съ свойственной тебѣ разсудительностію: рабу бо Господню не подобаетъ сваритися* (2 Тим. 11, 24), *и особенно въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу главныхъ и существенныхъ и членовъ вѣры*, а убѣждай ихъ принять тотъ чинъ, который мы описали, чинъ, содержимый во всей восточной церкви... *Но можетъ быть*, говоритъ далѣе Паисій, *ваши чины и порядки несогласны съ нашими въ вещахъ необходимыхъ, а не въ тѣхъ, относительно которыхъ уставъ предоставляетъ выборъ на волю настоятеля, въ такомъ случаѣ напишите намъ, какіе это чины и порядки, и мы разсудимъ объ этомъ соборнѣ*". Очевидно, Паисій тѣ обрядовыя разности и отступленія въ русской церкви, на которыя указывалъ ему въ своихъ вопросахъ Никонъ, относилъ къ разряду совершенно безразличныхъ и неважныхъ, о которыхъ *рабу Господню не подобаетъ сваритися*, такъ что всякая полемика относительно ихъ, по мнѣнію константинопольскаго собора и патріарха, должна быть немедленно прекращена въ интересахъ мира русской церкви. Но если бы въ русской церкви дѣйствительно нашлись какіе либо чины и порядки, отступающіе отъ общецерковныхъ чиновъ и порядковъ „въ вещахъ необходимыхъ", Паисій проситъ тогда Никона писать ему объ этомъ. Или, напримѣръ, Паисій пишетъ, такъ: „что же касается чина крещенія, то онъ неизмѣнно остается въ томъ видѣ, какъ предписываетъ уставъ, находящійся въ Евхологіѣ. Тамъ вы можете его видѣть. И если онъ въ чемъ либо разнится отъ нашего, то или *исправьте его сами*, по взаимному соглашенію, или пишите къ намъ и мы разсудимъ соборне".

Но особеннаго вниманія конечно заслуживаетъ отвѣтъ Паисія на вопросы Никона о перстосложеніи, какъ для крестнаго знаменія, такъ и для архіерейскаго и іерейскаго благословенія, въ виду того исключительно важнаго значенія, какое придавали этому вопросу въ Москвѣ. „На двадцать четвертый (вопросъ) пишетъ Паисій, въ которомъ спрашиваете, какъ подобаетъ христіанину изобразить свой крестъ, т. е. какими перстами, отвѣчаемъ, что мы всѣ имѣемъ древнее обыкновеніе, по преданію, поклоняться: имѣя первыя три

перста соединенными вмѣстѣ во образъ св. Троицы, просвѣщеніемъ которой открыта намъ тайна домостроительства по плоти, и мы научены славить единаго Бога въ трехъ ипостасяхъ—Отца, Сына и Св. Духа, и да сораспнемся вмѣстѣ съ крестомъ Господа нашего Іисуса, Сына Божія, сшедшаго съ небесъ и вочеловѣчившагося и плотію пострадавшаго ради нашего спасенія. Да это и основательно, поелику чрезъ соединеніе трехъ перстовъ мы воспоминаемъ тайну Св. Троицы, а тѣмъ, что изображаемъ на себѣ крестъ Господень, напоминаемъ страданіе и воскресеніе Его, съ которыми и ради которыхъ призываемъ отъ Бога помощь".—Вотъ и весь отвѣтъ собора и патріарха относительно перстосложенія для крестнаго знаменія. Въ немъ указывается только на древній обычай греческой церкви, принятый по преданію, креститься тремя перстами, и объясняется смыслъ такого перстосложенія. А между тѣмъ Паисій конечно хорошо понималъ, что Никонъ требовалъ отъ него рѣшительно высказаться за то, какое перстосложеніе истинно правое и древнее: русское ли двоеперстное, или тогдашнее греческое троеперстное и, конечно, увѣренно ожидалъ, что Паисій, вмѣстѣ съ константинопольскомъ соборомъ, рѣшительно одобритъ греческое троеперстное перстосложеніе, а русское двоеперстное, какъ неправое, осудитъ. Однако Паисій въ своемъ отвѣтѣ счелъ достаточнымъ только указать на существовавшій тогда у грековъ обычай и на выражаемую имъ мысль, вовсе не думая въ тоже время утверждать, что греческое троеперстное перстосложеніе для крестнаго знаменія есть единственно правое и всегда неизмѣнно употреблявшееся въ православной церкви; не говоритъ, чтобы только въ этомъ видѣ оно было обязательно для всѣхъ, не говоритъ и о неправильности иного перстосложенія—русскаго двоеперстія. Очевидно вопросъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія Паисій относитъ къ числу предметовъ неважныхъ и несущественныхъ, относительно которыхъ каждая помѣстная церковь можетъ оставаться при своемъ мѣстномъ обычаѣ,—греки употребляютъ троеперстіе и—правы, потому что исповѣдуютъ этимъ правую мысль; русскіе спокойно могутъ держаться своего двоеперстія и также будутъ правы, конечно если они соединяютъ съ этимъ правую мысль.

Еще болѣе опредѣленно и рѣшительно свое и соборное

мнѣніе о безразличіи того или другого перстосложенія для крестнаго знаменія Паисій высказываетъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ—на вопросъ Никона относительно перстосложенія для архіерейскаго и іерейскаго благословенія. Что касается перстосложенія для архіерейскаго и іерейскаго благословенія, пишетъ Паисій, „то церковь благословляетъ всѣхъ, изображая іерейской рукой имя Мессіи или, что тоже,—имя І. Христа, именно: изображая *і* и *с*,—что въ сокращеніи значитъ Іисусъ, и *х* и *с*, что въ такомъ же сокращеніи означаетъ Христосъ. *А какими перстами кто начертываетъ эти четыре буквы, это безразлично*, лишь бы благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословеніе нисходитъ отъ І. Христа при посредствѣ руки священника, и что І. Христосъ самъ даетъ благодать благословенія по прошенію того, что ищетъ ея съ вѣрою. Но приличнѣе дѣлать такъ, какъ изображается І. Христосъ на иконахъ, поелику такая форма перстосложенія отчетливѣе выражаетъ имя Іисусъ Христосъ, именно большой т. е. первый и четвертый, будучи соединены вмѣстѣ, изображаютъ Іисусъ, а два (второй и третій) стоймя съ небольшимъ наклоненіемъ одно изъ нихъ, *х*, и малый послѣдній *с*,—что значитъ Христосъ. Впрочемъ тоже самое будетъ означать, если будешь держать и два послѣдніе перста (приклонными) книзу въ формѣ двухъ *сс*, три же первые стоймя, какъ изображающіе *і* и *х*,—*и это не дѣлаетъ никакого различія*“.

Такимъ образомъ патріархъ Паисій, отвѣчая отъ лица константинопольскаго собора на вопросъ Никона относительно архіерейскаго и іерейскаго перстосложенія для благословенія, прямо и рѣшительно говоритъ, что оно имѣетъ въ виду изобразить іерейскою рукою имя Мессіи, а какими это будетъ сдѣлано перстами—дѣло безразличное: „лишь бы только благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословеніе нисходитъ отъ І. Христа, при посредствѣ руки священника“. Затѣмъ, рекомендуя держаться извѣстной формы перстосложенія въ благословеніи, онъ однако опять замѣчаетъ при этомъ, что такъ или иначе будутъ слагать персты“ и это не дѣлаетъ никакого различія“, и тѣмъ ясно даетъ понять Никону, что сущность дѣла здѣсь заключается не въ томъ или иномъ перстосложеніи, а въ самой мысли, выражаемой имъ, что если человѣкъ держитъ

правильную мысль, то уже совершенно безразлично будетъ, какіе и какъ именно онъ слагаетъ персты. Само собою понятно, что если относительно важнѣйшаго—архіерейскаго и іерейскаго благословенія вполнѣ допустима свобода того или другого перстосложенія, то тѣмъ болѣе, конечно, эта свобода допустима относительно обычнаго для каждаго вѣрующаго знаменованія себя крестомъ, лишь бы мысль, выражаемая перстосложеніемъ, была при этомъ правильна.

Въ отвѣтахъ патріарха Паисія и собора на вопросы Никона есть одинъ пунктъ, который принимается нѣкоторыми какъ прямое доказательство, что Паисій дѣйствительно настаивалъ предъ Никономъ объ исправленіи всего вообще русскаго обряда, въ видахъ полнаго, до мельчайшихъ подробностей, согласованія его съ тогдашнимъ греческимъ, и что онъ этой сторонѣ дѣла придавалъ особенно важное значеніе. На сдѣланное ему Никономъ сообщеніе объ епископѣ Коломенскомъ Павлѣ и протопопѣ Нероновѣ, Паисій отвѣчаетъ: „а что касается епископа Коломенскаго Павла и одинаковаго съ нимъ (по воззрѣніямъ) протопопа, которые говорятъ, что ни книги ихъ, ни литургія, ни перстосложеніе не согласуются съ вашими, и которые порочатъ молитвы наши (т. е. молитвы греческой церкви), будто онѣ совершаются страха ради человѣческаго, а не ради страха Божьяго, и говорятъ, что патріархъ (т. е. какъ таковой вообще) долженъ предъ совершеніемъ литургіи въ присутствіи другихъ іереевъ молиться иначе, именно униженнѣе и смиреннѣе страха ради Божьяго, и долженъ искать и другихъ молитвъ, разнящихся отъ тѣхъ, которыя заключаетъ въ себѣ греческая литургія, особенно произносить молитвы о бѣдныхъ, какъ вы пишете въ восьмомъ и девятомъ вопросѣ [1]), отвѣчаемъ, что все это суть признаки ереси и раскола, и кто такъ вѣруетъ и говоритъ, тотъ чуждъ православной нашей вѣры... Пусть примутъ нелицемѣрно все, *что содержитъ и принимаетъ за догматъ православная наша церковь,* или послѣ перваго и втораго вразумленія, если останутся неисправимыми, отрекитесь отъ нихъ и отдѣлите ихъ отлуче-

---

[1]) Начало этаго отвѣта Паисія приводится нами по болѣе точному переводу графа А. Гейдена, въ его брошюрѣ: „Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ“, стр. 24—39.

ніемъ отъ овецъ Христовыхъ, чтобы они не питали ихъ смертоноснымъ кормомъ. Въ такомъ случаѣ вы будете имѣть согласіе на это и наше и нашего синода. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ соборѣ или у какого древняго святого нашли они будто молитвы нашей церкви совершаются по человѣкоугодію; что онѣ недостаточны и неудовлетворительны и въ силу этого (присвояютъ себѣ право) требовать ихъ восполненія? Всѣми мѣрами остерегайтесь такихъ собакъ, или, точнѣе сказать, волковъ; ибо они подъ видомъ исправленія (притворяясь) будто желаютъ исправлять недостатки церковные, на самомъ же дѣлѣ стремятся внести въ нее (церковь) ядовитые свои плевелы... Они приносятъ къ намъ свои нововведенія и апокрифическія молитвы въ качествѣ исправленій. Въ дѣйствительности эти лица являются вратами ада, вводящими въ геену огненную, попаляющую повинующихся имъ. Вслѣдствіе этого и будутъ отсѣчены отъ церкви, какъ гнилые и неисцѣлимые члены, оставаясь нераскаянными; поелику таковыя молитвы ихъ мы считаемъ богохульствомъ, такъ какъ они бросаютъ подозрѣніе на нашихъ святыхъ, и пытаются ввести новые порядки, которымъ насъ никогда не учили отцы, предавшіе намъ вѣру".

Чтобы понять смыслъ сейчасъ приведенныхъ мало понятныхъ рѣчей отвѣта константинопольскаго патріарха Паисія, нужно имѣть въ виду слѣдующее: Павелъ коломенскій и Нероновъ не хотѣли принимать „чина архіерейскаго совершенія литургіи на востокѣ", составленнаго для Никона патріархомъ Аѳанасіемъ Пателаромъ, въ бытность его въ Москвѣ и тогда же переведеннаго на русскій языкъ, такъ какъ они находили, что этотъ греческій чинъ расходится въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ прежнимъ русскимъ [1]). За это Ни-

[1]) Бывшій константинопольскій патріархъ Аѳанасій Пателаръ прибылъ въ Москву 16 апр. 1653 г. Въ Москвѣ онъ старался угодить Никону и написалъ для него особое сочиненіе подъ заглавіемъ „Чинъ архіерейскаго служенія литургіи на востокѣ", которое сохранилось и до настоящаго времени какъ въ подлинникѣ, такъ и въ славянскомъ переводѣ подъ такимъ заглавіемъ: „толкованіе божественныя литургіи, егда священнодѣйствуетъ архіерей, по чину и обычаю восточныя церкви. Аѳанасій, прежній вселенскій патріархъ на Москвѣ сице сподобивыйся (священнодѣйствовать) въ 1653 лѣто, мѣсяца іюлія, индикта 6". Рукопись москов. синод. библ. № 245 и 698). О пріѣздѣ и пребываніи въ Москвѣ патріарха Аѳанасія Пателара см. нашу статью въ журналѣ: Чтенія въ общ. любит. духовн. просв. за 1889 г.

конъ и жаловался на Павла и Неронова константинопольскому патріарху, и, вѣроятно, къ этому присоединилъ и другія какія-либо обвиненія, можетъ быть не вполнѣ ясныя для Паисія. Какъ бы то ни было, только послѣдній понялъ все дѣло такимъ образомъ, что будто бы Павелъ и Нероновъ имѣютъ какія-то свои книги, литургію, перстосложеніе, отличныя отъ употребляемыхъ и въ русской церкви („не согласуются съ вашими") и порочатъ молитвы церкви греческой, что подъ видомъ исправленія они привносятъ въ церковь свои нововведенія и апокрифическія молитвы, и пытаются ввести новые церковные порядки, какимъ никогда не учили отцы, предавшіе вѣру. Словомъ Павелъ и Нероновъ явились въ представленіи константинопольскаго патріарха Паисія какими-то новаторами, которые угрожали русской церкви появленіемъ въ ней или ереси, или раскола, почему Паисій и совѣтуетъ Никону немедленно отлучить ихъ отъ церкви, если они откажутся принять нелицемѣрно, „что содержитъ и принимаетъ за догматъ православная наша церковь". Очевидно Паисій, на основаніи можетъ быть непонятаго имъ доноса Никона, составилъ о Павлѣ и Нероновѣ совсѣмъ невѣрное представленіе. Дьяконъ Ѳедоръ поэтому поводу пишетъ: „на епископа же Павла коломенскаго, новаго исповѣдника, и на казанскаго протопопа Іоанна Неронова, писалъ Никонъ тогда ко греческимъ патріархомъ ложныя басни, оправдуя самъ себя, а на нихъ клевеща, яко діаволъ, будто они составили свои новыя молитвы и чины церковныя и тѣми людей развращаютъ, и отъ соборныя церкви отдѣляются. И цареградскій патріархъ Паисій, повѣря его клеветѣ, писалъ отвѣты ему, чая его пастыря сущаго быти, глаголя ему: блюдися, брате, таковыхъ, кои что ново вчиняютъ, и отъ церкве отдѣляются; таковіи, рече, вторіи люторцы, сирѣчь нѣмцы, прельщенные отъ Лютора еретика невдавнѣ. И тѣ отвѣты напечаталъ Никонъ въ новой книгѣ своей Скрыжали, на гибельное оправданіе себѣ и невѣдущемъ людемъ на соблазнъ. Патріархъ убо Паисій о томъ право ему отвѣща по отпискѣ ево; но онъ, врагъ, къ нему, судіи, неправду писалъ, но праведныхъ мужей оклеветалъ, и заводомъ, яко Езавель Навуфея. Намъ же всѣмъ православнымъ христіанамъ во всей русской землѣ вѣдомо о томъ, что нѣсть ихъ творенія, Павлова и Іоаннова, ни еди-

ныя молитвы, ни тропаря новаго, и единаго слова развратнаго не вложили они въ старыя книги наши нигдѣ отнюдъ, и раскола у нихъ въ церкви не бывало никакова, и у книжныя справы на печатномъ дворѣ не сиживали никогда, и въ наборщикахъ не бывали: вѣдомо о семъ всей Москвѣ“ [1]). Дѣйствительно-ли Никонъ оклеветалъ Павла и Неронова, въ своихъ вопросахъ, предъ константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ, какъ увѣряетъ дьяконъ Ѳедоръ, мы не знаемъ, такъ какъ самые вопросы Никона не дошли до насъ. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно только то, что Паисій совѣтывалъ Никону немедленно отлучить Павла и Неронова отъ церкви не потому, что видѣлъ въ нихъ защитниковъ стараго русскаго обряда, удержаніе котораго онъ считалъ бы несовмѣстнымъ съ православіемъ русской церкви, а единственно потому, что видѣлъ въ нихъ опасныхъ новаторовъ, церковныхъ нововводителей, стремящихся измѣнить существующіе церковные порядки, т. е. Паисій совѣтывалъ Никону отлучить Павла и Неронова за такія вины, въ которыхъ они были рѣшительно неповинны.

Итакъ, соборный отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія на вопросы Никона, далеко не заключалъ въ себѣ одобренія и поощренія реформаторской дѣятельности Никона. Правда въ Константинополѣ похвалили ревность Никона къ предметамъ вѣры и порядкамъ церковнымъ; но, въ тоже время, сочли нужнымъ настойчиво исправить его намѣреніе—исправлять русскіе церковные чины и обряды, постарались, въ видахъ наученія Никона, сообщить ему болѣе правильный взглядъ на его собственное дѣло, сдѣлать для него понятнымъ ту истину, что интересы вѣры и благочестія, правильно понимаемые, вовсе не требуютъ уничтоженія существующихъ въ различныхъ церквахъ помѣстныхъ обрядовъ и чиновъ, что единеніе церквей вовсе не состоитъ въ тожествѣ ихъ обряда во всѣхъ его частностяхъ и подробностяхъ, а „въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры съ однимъ разумѣніемъ и съ одною мыслію“, и что при такомъ условіи различіе обряда въ помѣстныхъ церквахъ, какъ въ прежнее время никогда не нарушало, такъ и теперь не можетъ нарушить единства вселенской церкви. Конечно, при

[1]) Мат. для ист. раск. т. VI, стр. 198—199.

сильномъ желаніи Никона видѣть въ отвѣтахъ Паисія оправданіе своей церковно-обрядовой реформы, онъ могъ найти въ нихъ, игнорируя ихъ общую мысль и характеръ, нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, которыя, повидимому, могли оправдывать его реформаторскую дѣятельность. Такъ, въ предисловіи къ своимъ отвѣтамъ, Паисій пишетъ: „да будемъ всегда заодно какъ въ единой вѣрѣ и единомъ крещеніи, такъ и въ единомъ исповѣданіи, одно и тоже говоря всегда одними устами и единымъ сердцемъ, чтобы не разногласить другъ съ другомъ ни въ чемъ“. Но, сказавъ это, Паисій сейчасъ же переходитъ къ объясненію, какъ нужно понимать это единство и доказываетъ Никону, что оно заключается „въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры съ однимъ разумѣніемъ и съ одною мыслію“, а не въ единствѣ обряда, который въ разныхъ церквахъ можетъ быть неодинаковъ. Такого же рода и два другія мѣста изъ посланія Паисія, на которыя Никонъ могъ посмотрѣть какъ на поощреніе и оправданіе своей реформаторской дѣятельности. Въ первомъ своемъ отвѣтѣ Паисій, кратко объяснивъ Никону составъ, существенныя стороны и таинственное знаменованіе чина божественной литургіи, говоритъ въ заключеніе: „вотъ чинъ, котораго мы держимся въ нашей литургіи. Надѣюсь, что этого же чина держитесь и вы, въ противномъ же случаѣ, т. е. если вашъ чинъ отступаетъ въ чемъ либо отъ нашего, *вы постарайтесь согласоваться съ нашимъ, сообразно съ указаннымъ распорядкомъ*, который мы приняли съ самаго начала, *дабы одними устами и однимъ сердцемъ славить и вамъ и намъ единаго Бога*“. То же Паисій заявляетъ и въ седьмомъ своемъ отвѣтѣ, когда проситъ Никона прекратить полемику“ особенно въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу главныхъ и существенныхъ и членовъ вѣры“. „Но, замѣчаетъ Паисій, можетъ быть ваши (чины и порядки) несогласны съ нашими въ вещахъ необходимыхъ, а не въ тѣхъ, относительно которыхъ уставъ предоставляетъ выборъ на волю настоятеля, въ такомъ случаѣ пишете намъ, какіе это (чины и порядки), и мы разсудимъ объ этомъ соборнѣ“. Очевидно Паисій, настаивая въ указанныхъ случаяхъ передъ Никономъ, чтобы на Руси принятъ былъ тотъ чинъ, который онъ описалъ, разумѣлъ основныя и существенныя стороны этого чина, а вовсе не тѣ безразличныя обрядо-

выя частности и подробности, о которыхъ собственно хлопоталъ Никонъ и изъ-за которыхъ, по мнѣнію Паисія и собора, рабу Господню не подобаетъ сваритися. Что же касается существенныхъ и основныхъ чертъ, то русскій церковный чинъ и обрядъ никогда не расходился ни въ чемъ съ греческимъ; вся разность между ними заключалась въ самыхъ неважныхъ и даже ничтожныхъ частностяхъ и подробностяхъ, при чемъ и эти неважныя русскія особенности были не русскимъ созданіемъ, а древне-греческія, только позднѣйшими греками видоизмѣненныя у себя, почему онѣ и стали у нихъ кое въ чемъ непохожи на русскія.

Отвѣтная соборная грамота константинопольскаго патріарха Паисія, долженствовавшая служить Никону исходною точкою для всѣхъ его дальнѣйшихъ реформъ, способная, при правильномъ пониманіи и усвоеніи ея, предохранить, остеречь Никона отъ слишкомъ поспѣшной, крутой и мало полезной, а въ тоже время крайне опасной для мира церкви, ломки русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ,—эта грамота не была понята и какъ слѣдуетъ усвоена Никономъ, и потому не имѣла никакого вліянія на его послѣдующую, по крайней мѣрѣ ближайшую, реформаторскую дѣятельность. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что изложенныя въ грамотѣ Паисія воззрѣнія на церковный обрядъ, какъ на слагавшійся мало-по-малу, различно въ различныхъ церквахъ, что онъ съ теченіемъ времени видоизмѣнялся и всегда можетъ быть въ разныхъ церквахъ не одинаковъ, и что изъ-за обрядовыхъ разностей и мелочей, какъ безразличныхъ для вѣры и благочестія, рабу Господню не подобаетъ сваритися,—такія воззрѣнія на обрядъ были слишкомъ новы и потому, на первый разъ, просто непонятны для Никона. Никонъ, какъ показываютъ его вопросы патріарху Паисію и вся вообще его церковно-обрядовая реформа, въ пониманіи церковной обрядности, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего патріаршества, ничѣмъ существенно не отличался отъ пониманія тогдашняго заурядннаго московскаго начетчика, т. е. Никонъ, вмѣстѣ со всѣми тогдашними русскими, смотрѣлъ на обрядъ такъ же, какъ и на вѣроученіе, думалъ, что обрядъ такъ же важенъ, святъ, спасителенъ и неизмѣненъ, какъ и самое вѣроученіе, что разность въ обрядѣ указывала на разность въ ученіи, такъ какъ обрядъ,

какъ и вѣроученіе, всегда и всюду долженъ быть одинъ и тотъ же. Исходя изъ этаго тогдашняго общерусскаго представленія объ обрядѣ и его значеніи, Никонъ, какъ скоро лично составилъ себѣ убѣжденіе о неправотѣ нѣкоторыхъ московскихъ чиновъ и обрядовъ, считалъ своею священною обязанностію немедленно исправить ихъ, чтобы ради ихъ совсѣмъ не замутилось на Руси истинное благочестіе, причемъ онъ искренно вѣрилъ, что приводя русскій обрядъ въ полное соотвѣтствіе съ тогдашнимъ греческимъ, онъ тѣмъ самымъ производитъ крайне важную и прямо необходимую въ интересахъ православія реформу, и производитъ ее такъ, что его реформа не есть измѣненіе или передѣлка стараго, а только реставрація, возстановленіе въ прежнемъ видѣ того, что по тѣмъ или другимъ причинамъ измѣнено было русскими въ позднѣйшее время. Съ другой стороны, если бы Никонъ усвоилъ истинный смыслъ отвѣтной грамоты патріарха Паисія и сталъ бы дѣйствовать въ ея духѣ, то ему пришлось бы ограничить свою церковную реформу только исправленіемъ русскихъ богослужебныхъ книгъ, поскольку въ нихъ вкрались ошибки и погрѣшности, темныя непонятныя выраженія и т. под.; пришлось бы вычеркнуть изъ своей реформаторской программы все, что относилось къ перестройкѣ и передѣлкѣ русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ по тогдашнему греческому образцу, такъ какъ, поучали его изъ Константинополя, „не слѣдуетъ намъ и теперь думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто-нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которые не принадлежатъ къ числу существенныхъ и членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каѳолическою церковію“. Но Никонъ уже слишкомъ далеко зашелъ въ своей реформаторской дѣятельности, и на всякое отступленіе отъ спѣшно намѣченной и очень спѣшно проводимой имъ программы реформъ, смотрѣлъ какъ на свое личное пораженіе, какъ на умаленіе престижа своей патріаршей власти, къ которой онъ всегда относился крайне ревниво. Это значило бы доставить торжество его врагамъ, которые, уже съ самаго начала, такъ рѣзко настойчиво указывали на несостоятельность его реформы, это значило бы признать правоту и справедливость ихъ заносчивыхъ нападеній на него, значило бы сознаться,

что его противники понимали дѣло гораздо лучше и вѣрнѣе его—Никона. Но это было выше силъ Никона Онъ, никогда не любилъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ, у него всегда были виноваты другіе, а самъ онъ во всемъ и всегда оказывался правымъ. Тѣмъ болѣе, конечно, онъ не могъ признаться въ своихъ ошибкахъ въ то время, когда предъ нимъ преклонялось все, когда онъ буквально царилъ и въ церкви и въ государствѣ, когда рядомъ съ нимъ и государево имя стало мало слышно. Поэтому вполнѣ естественно было, что Никонъ или вовсе не придалъ никакого значенія грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія, или же придалъ ей совершенно не то значеніе, какое бы она должна была имѣть для него. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что Никонъ проявилъ болѣе готовности слушать не тѣхъ, кто сдерживалъ и охлаждалъ его реформаторскій пылъ, а тѣхъ, кто поощрялъ его и поддерживалъ на излюбленномъ пути. За поощрителями дѣло не стало, они были подъ рукой у Никона, готовы были оказать всякую послугу всемогущему патріарху.

Антіохійскій патріархъ Макарій, постоянно поощрявшій Никона на проведеніе въ русской церкви обрядовыхъ реформъ, уже ранѣе одобрилъ крутую расправу Никона съ иконами франкскаго письма и, тоже въ угоду Никону, ранѣе торжественно заявилъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, что для крестнаго знаменія слѣдуетъ употреблять не двоеперстное—русское, а троеперстное греческое перстосложеніе. Но выслуга Макарія передъ Никономъ этимъ не ограничилась.

Въ память св. Мелетія антіохійскаго (12 февраля) того же 1656 года Никонъ, послѣ службы въ Чудовѣ монастырѣ, въ присутствіи царя, синклита и множества народа, прочелъ изъ пролога извѣстное сказаніе о св. Мелетіи антіохійскомъ, на которое обыкновенно ссылались русскіе въ защиту употребляемаго ими двоеперстія, и, обратясь къ Макарію, спросилъ его, какъ слѣдуетъ понимать это сказаніе? Въ отвѣтъ на это Макарій торжественно, въ слухъ всѣхъ возгласилъ: „мужіе всего православія, слышите: азъ преемникъ и наслѣдникъ сего св. Мелетія престолу; вамъ извѣстно, яко сей св. Мелетій три первые персты разлучены показа другъ отъ друга, отъ нихъ же и знаменія не быть; ты же паки три со-

едини, ими же и знаменіе показа. И аще кто сими треми персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити два послѣднія соединяя съ великимъ пальцемъ, да два великосредняя простерта имѣти, и тѣмъ образъ креста изображати, *таковый арменоподражатель есть, армянове бо тако изображаютъ на себѣ крестъ*". Изъ этого торжественнаго всенароднаго заявленія заѣзжаго въ Москву патріарха—милостынесобирателя—русскій народъ получилъ о себѣ совершенно неожиданное свѣдѣніе, что онъ крестится еретически, по-армянски. Это поразительное открытіе, конечно, должно было крайне смутить и изумить всѣхъ благочестивыхъ русскихъ людей, доселѣ знаменовавшихъ себя въ крестномъ знаменіи двоеперстно т. е., какъ оказалось, по-армянски. Но Никонъ не давалъ времени одуматься русскому благочестивому человѣку, поразмыслитъ о томъ, что это теперь творится на Москвѣ,—онъ приготовилъ для него еще болѣе поразительное зрѣлище.

Спустя двѣнадцать дней послѣ памятнаго для народа праздника въ день св. Мелетія антіохійскаго, наступила такъ называемая недѣля православія. На этотъ разъ торжественная служба совершалась въ Успенскомъ соборѣ, на ней присутствовалъ царь со всѣмъ синклитомъ, стеченіе народа было громадное. Когда начался извѣстный обрядъ православія, два пріѣхавшихъ въ Москву съ востока патріарха: антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ, да еще пріѣзжій греческій никейскій митрополитъ Григорій, стали предъ царемъ, его синклитомъ, предъ всѣмъ служившимъ духовенствомъ и бывшимъ въ соборѣ народомъ, и Макарій антіохійскій, сложивъ три первые перста и показывая ихъ, воскликнулъ: „сими тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ изображати на лицѣ своемъ крестное изображеніе; *а иже кто по Өеодоритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ есть*". За Макаріемъ тоже проклятіе на двоеперстниковъ повторили сербскій патріархъ Гавріилъ и никейскій митрополитъ Григорій.

Такъ торжественно пришлые иностранцы прокляли въ Москвѣ всѣхъ крестящихся двумя перстами. А между тѣмъ двоеперстникомъ былъ тогда весь русскій народъ, всѣ русскіе, можетъ быть за самыми ничтожными исключеніями, крестились дотолѣ двумя перстами, и не только въ данное

время, но такъ крестились ихъ предки и между ними всѣмъ вѣдомые и чудесами прославленные угодники Божіи. Что же это значитъ, невольно думали русскіе, что въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, этой національной Московской святынѣ, которая есть „всего государства мати всѣмъ церквамъ“, пришлые случайные чужеземцы торжественно предавали анаѳемѣ никого другого, какъ самихъ русскихъ, ихъ почившихъ предковъ и чуть не самыхъ русскихъ угодниковъ Божіихъ? Что это значитъ, что убогіе пришлецы-милостынесобиратели, явившіеся въ Москву молить русскихъ о подаяніи или о пріютѣ, рѣшаются такъ торжественно въ присутствіи царя, патріарха и народа позорить русскихъ, ихъ вѣковую святую старину, издѣваются надъ ихъ благочестіемъ, доселѣ еще никѣмъ не похуленнымъ? Подъ угрозой церковнаго проклятія велятъ пришлые чужеземцы креститься русскому не такъ, какъ крестились его предки и самые русскіе угодники Божіи; но кому долженъ былъ болѣе довѣрять благочестиво, въ преданности своей церкви воспитанный русскій: голословному-ли заявленію подозрительныхъ пришельцевъ, или голосу своей церкви, которая устами цѣлаго собора изрекла: „иже кто не знаменается двѣма персты, яко же и Христосъ, да есть проклятъ?“ Напрасно было говорить русскому о подложности слова Ѳеодорита, о неправильности въ сказаніи русскаго пролога о св. Мелетіи, напрасно было ему указывать на двоеперстіе, какъ еретическое армянское перстосложеніе,—ему достаточно было въ этомъ случаѣ только посмотрѣть на лики своихъ русскихъ великихъ угодниковъ, которыми такъ богата русская церковь, ради молитвъ которыхъ крѣпло и ширилось русское царство, чтобы вполнѣ и окончательно убѣдиться, что двоеперстіе не армянская ересь, а правое, вполнѣ православное перстосложеніе, доказанное несомнѣнною святостію лицъ, его употреблявшихъ: лики угодниковъ Божіихъ, вотъ кто, а не какія-либо сказанія, прежде всего и главнымъ образомъ убѣждали русскаго въ правотѣ его двоеперстія. Странно было бы не то, что русскій стойко сталъ за свое перстосложеніе, а то, если бы онъ, несмотря на опредѣленный и ясный соборный голосъ своей церкви, несмотря на свою вѣковую святую старину, вдругъ бы безъ всякаго колебанія бросилъ свое родное и принялъ чужеземное только

потому, что какіе-то пришлецы приказываютъ ему это. Только одного не могъ взять въ толкъ русскій человѣкъ: что же это значитъ, что патріархъ даетъ волю какимъ-то пришлецамъ въ самомъ чтимомъ московскомъ храмѣ произносить всенародно хулы на русское благочестіе, на самихъ русскихъ чудотворцевъ, нетлѣнно почивающихъ въ этомъ самомъ храмѣ? Очевидно правду говорятъ про патріарха, что онъ дѣйствительно отступникъ отъ православія, раззоритель истиннаго русскаго благочестія, что онъ, сговорившись съ отступниками греками, хочетъ и на Руси искоренить правую вѣру,—иначе нельзя и объяснить происходящее теперь на Москвѣ.

Въ силу указанныхъ обстоятельствъ анаѳема на двуперстниковъ, такъ торжественно произнесенная въ московскомъ Успенскомъ соборѣ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, сербскимъ Гавріиломъ и никейскимъ митрополиломъ Григоріемъ, не произвела однако на народъ того впечатлѣнія, на какое расчитывалъ было Никонъ, такъ горячо желавшій всѣмъ доказать, что онъ былъ правъ, когда въ первый годъ своего патріаршества издалъ свое извѣстное распоряженіе, чтобы его пасомые крестились не двумя, а тремя перстами. Самъ Никонъ сознается, что и послѣ произнесенія анаѳемы, въ Москвѣ возникли пренія о перстосложеніи и поэтому поводу произошло раздѣленіе: одни держались прежняго двоеперстнаго перстосложенія, другіе же стали употреблять новое—троеперстное. Тогда Никонъ рѣшилъ поступить такимъ образомъ: такъ какъ въ это время прибылъ въ Москву молдавскій митрополитъ Гедеонъ, но Никонъ обратился ко всѣмъ бывшимъ тогда въ Москвѣ восточнымъ іерархамъ съ предложеніемъ, письменно извѣстить его, какое перстосложеніе дѣйствительно правое, причемъ, конечно, требовалъ этаго формальнаго письменнаго удостовѣренія не для себя лично. На свое предложеніе Никонъ получилъ слѣдующій письменный отвѣтъ, подписанный Макаріемъ, Гавріиломъ, Григоріемъ и Гедеономъ: „преданіе пріяхомъ отъ начала вѣры отъ св. апостолъ, и св. отецъ, и св. седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста тремя первыми персты десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако, по преданію восточныя церкве, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, *есть еретикъ и подражатель арменомъ. И сего*

ради имамы его отлученна отъ Отца и Сына и св. Духа и проклята: извѣщеніе истины подписахъ своею рукою". Этотъ отвѣтъ восточныхъ іерарховъ Никонъ напечаталъ въ Скрижали.

Приведенныя рѣшительныя, не допускающія никакихъ возраженій и сомнѣній, заявленія указанныхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ, что будто бы церковь Христова отъ самихъ апостоловъ, древнихъ св. отцевъ и отъ семи вселенскихъ соборовъ приняла и всегда неизмѣнно употребляла въ перстосложеніи для крестнаго знаменія троеперстіе, и не допускала иныхъ формъ перстосложенія, считая ихъ за еретическія; такое утвержденіе во всѣхъ отношеніяхъ было несправедливо. Въ исторической дѣйствительности дѣло съ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія стояло совсѣмъ не такъ, какъ возвѣщали указанные восточные іерархи, желавшіе выслужиться предъ Никономъ.

Первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія для крестнаго знаменія, которая употреблялась въ первые вѣка христіанства и, по церковнымъ вѣрованіямъ, ведетъ свое начало со временъ апостольскихъ, была единоперстіе,—тогда знаменовались въ крестномъ знаменіи *однимъ перстомъ*. За это имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста... Не просто *перстомъ* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра". Св. Епифаній говоритъ о нѣкоемъ знакомомъ ему православномъ мужѣ Іосифѣ, что онъ, „взявъ сосудъ съ водою собственнымъ своимъ *перстомъ* напечатлѣлъ на немъ крестное знаменіе". Объ употребленіи одного перста въ крестномъ знаменіи говорятъ затѣмъ: блаженный Іеронимъ, блаженный Ѳеодоритъ, церковный историкъ Созоменъ, св. Григорій Двоесловъ, Іоаннъ Мосхъ и въ первой четверти VIII вѣка Андрей Критскій. Только у одного Кирилла іерусалимскаго мы встрѣчаемъ такое свидѣтельство: „съ дерзновеніемъ да изображаемъ *перстами* знаменіе креста на челѣ и на всемъ". Самый крестъ, при знаменованіи себя, въ первые вѣка христіанства, изображался иначе, чѣмъ въ послѣдующее время и теперь, именно: однимъ перстомъ изображали тогда крестъ по преимуществу на челѣ, иногда же и на устахъ, очахъ, персяхъ и вообще на отдѣльныхъ частяхъ тѣла, такъ что

знаменованіе себя теперешнимъ большимъ крестомъ, съ возложеніемъ перстосложенной руки на чело, животъ, на правое и лѣвое плечо, въ первые вѣка христіанства вовсе не употреблялось, а вошло въ обычай уже въ позднѣйшее время, вѣроятно начиная съ IX вѣка.

Древне-христіанское единоперстіе съ теченіемъ времени, начиная съ IX вѣка, стало замѣняться въ православной греческой церкви двоеперстіемъ, которое, вытѣснивъ собою единоперстіе, сдѣлалось у грековъ господствующимъ. Это подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами. Болѣе раннее и очень важное свидѣтельство объ употребленіи греками двоеперстія принадлежитъ несторіанскому митрополиту Иліи Гевери, жившему въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. Желая примирить монофизитовъ съ православными или мелхитами, какъ обыкновенно сирійцы несторіане называютъ православныхъ,—и съ несторіанами, онъ говоритъ: „въ согласіи вѣры между несторіанами, мелхитами и яковитами, что они несогласны между собою въ изображеніи креста, что конечно неважно. Именно, они знаменіе креста изображаютъ однимъ перстомъ, ведя руку слѣва направо; другіе *двумя перстами*, ведя, наоборотъ, справа налѣво. Яковиты, осѣняя себя однимъ перстомъ слѣва направо, означаютъ этимъ, что вѣруютъ въ единаго Христа — превелъ искупленныхъ отъ грѣха (слѣва) къ благодати (направо). Несторіане и мелхиты (мелхитами сирійцы называли православныхъ), изображая крестъ въ знаменіи *двумя перстами*—справа налѣво, исповѣдываютъ тѣмъ свое вѣрованіе, что на крестѣ божество и человѣчество были вмѣстѣ соединены, что это было причиной нашего спасенія и что вѣра началась съ правой стороны, а невѣріе, заблужденіе прогнаны съ лѣвой“. Кромѣ Иліи Гевери уже давно были извѣстны еще два свидѣтельства изъ XII вѣка, что православные употребляли тогда въ крестномъ знаменіи двоеперстіе. Такъ одинъ грекъ XII вѣка обличаетъ латинскихъ архипастырей въ томъ, что они благословляютъ пятью перстами, а знаменуютъ себя, подобно моноѳелитамъ, однимъ перстомъ, „между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы ими обозначались два естества (въ Христѣ) и три лица (въ Божествѣ)“ т. е. правильнымъ перстосложеніемъ считаетъ именно двоеперстное. Монахъ Петръ изъ Дамаска, писавшій около 1157 го-

да (хотя нѣкоторые думаютъ и утверждаютъ, что онъ жилъ гораздо ранѣе) говоритъ, что въ крестномъ знаменіи *два перста* убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Іисуса Христа, во двою естеству и въ единомъ составѣ познаваема".

Силу приведенныхъ свидѣтельствъ нѣкоторые думаютъ ослабить тѣмъ соображеніемъ, что эти свидѣтельства, если и говорятъ за существованіе двоеперстія, то только будто бы у однихъ сирійскихъ христіанъ, жившихъ среди монофизитовъ и несторіанъ, такъ что на это явленіе слѣдуетъ смотрѣть только какъ на исключительно мѣстный, какъ на спеціально сирійскій обычай, котораго совсѣмъ не знала и никогда не держалась вселенская православная константинопольская церковь, въ которой двоеперстіе вовсе не употреблялось. Но такое пониманіе дѣла будетъ несправедливо и несогласно съ дѣйствительностію, такъ какъ въ настоящее время найдены два такихъ свидѣтельства, которыя ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе двоеперстія въ самой константинопольской церкви съ начала XI и въ XII столѣтіяхъ.

Первое свидѣтельство заключается въ слѣдующемъ: яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ, жившій въ Антіохіи, которая въ то время принадлежала грекамъ, былъ обвиненъ милитинскимъ митрополитомъ Никифоромъ предъ греческимъ императоромъ Рованомъ Аргиропуломъ въ томъ, что будто бы Іоаннъ старается совращать грековъ въ свою ересь. Императоръ приказалъ привести Іоанна въ Константинополь. Въ 1029 году, 15 іюля, Іоаннъ Абдонъ съ 6 епископами, 20 пресвитерами и монахами яковитами, въ сопровожденіи обвинителя митрополита Никифора, прибылъ въ Византію. Здѣсь патріархомъ Константинопольскимъ составленъ былъ соборъ, съ цѣлію обратить яковитовъ въ православіе, но они остались непреклонными въ своемъ заблужденіи. „Тогда, говоритъ Ассеманъ, снова устроивши собраніе, патріархъ (греческій) и приглашенные епископы (греческіе) приказали Іоанну Абдону патріарху и Елію, епископу симнадійскому, присутствовать (на соборѣ). Когда же, послѣ долгаго спора, не могли преклонить нашихъ къ своему мнѣнію, потребовали отъ нихъ единственно того, чтобы не примѣшивали елея въ евхаристіи и *крестились не одномъ перстомъ, а двумя*". Такимъ образомъ въ 1029 году константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами, желая обратить въ

православіе яковитскаго патріарха Іоанна VIII и его спутниковъ, торжественно отъ нихъ потребовалъ на соборѣ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, а двумя. Ясное дѣло, что въ началѣ XI вѣка, какъ самъ константинопольскій патріархъ, такъ и другіе греческіе іерархи, въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе, которое они и считали истинно православнымъ перстосложеніемъ, вопреки тогдашнему монофизитскому одноперстію [1]).

Византійскіе императоры не разъ усиливались примирить армянъ съ православіемъ, для чего они неоднократно вступали съ армянами въ церковныя сношенія. Въ этихъ видахъ императоръ Мануилъ Комнинъ, въ 1170 году, послалъ къ армянамъ одного изъ константинопольскихъ ученыхъ, по имени Ѳеоріана, для богословскихъ собесѣдованій съ ними. Ѳеоріанъ описалъ свои собесѣдованія съ армянами и о второмъ изъ нихъ, между прочимъ, сообщаетъ и слѣдующее: „Когда это (предшествующее) было сказано, всталъ одинъ сирскій священникъ и сказалъ Ѳеоріану: для чего вы (т. е. константинопольскіе греки) *изображаете крестное знаменіе двумя перстами*? не раздѣлены ли (между собою) персты, какъ особые одинъ отъ другаго? слѣдовательно, по вашему раздѣлены и два естества Христовы. Но Ѳеоріанъ, какъ бы прибѣгая къ шуткѣ, сказалъ: не знаменуя два естества Христовы, такъ дѣлаемъ мы, но, бывъ избавлены отъ мучительства діавола, мы научены творить противъ него ополченіе и брань, ибо руками содѣлываемъ мы правду, милостыню и прочія добродѣтели, и это есть ополченіе; а перстами, полагая на челѣ печать Христову, мы составляемъ брань и такимъ образомъ побѣждаемъ его и съ Давидомъ благословляемъ Господа, говоря каждый: *благословенъ Господь Богъ мой, научаяй руцѣ мои на ополченіе и персты моя на брань* (Пс. 143, 1)—не перстъ (т. е. не одинъ перстъ, какъ у васъ—армянъ), но персты“ [2]). Изъ приведеннаго свидѣтельства видно,

---

[1]) О перстосложеніи для крестнаго знаменія, употреблявшимся въ христіанской церкви за различное время, находится довольно-обстоятельный трактатъ въ нашей книгѣ: Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ, гдѣ (на стр. 72—91) указаны всѣ относящіеся къ этому вопросу источники.

[2]) Е. Е. Голубинскаго: Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, стр. 95—96.

что когда одинъ сирійскій священникъ упрекнулъ константинопольскихъ грековъ, представителемъ которыхъ былъ Ѳеоріанъ, „для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами? не раздѣлены ли персты, какъ особые одинъ отъ другаго, слѣдовательно—по вашему и два естества Христовы раздѣлены между собою?", то Ѳеоріанъ подтвердилъ, что константинопольскіе греки дѣйствительно крестятся двумя перстами по такимъ-то основаніямъ. Значитъ, въ 1170 году въ Константинопольской церкви въ крестномъ знаменіи несомнѣнно употреблялось двоеперстіе, которое служило и признавалось тогда внѣшнимъ нагляднымъ признакомъ, отличающимъ православныхъ отъ монофизитовъ.

Почему греки древнее первохристіанское единоперстіе въ крестномъ знаменіи замѣнили потомъ у себя (не позже начала IX вѣка) двоеперстіемъ—понятно. Когда появилась ересь монофизитовъ, то она воспользовалась дотолѣ употреблявшейся формой перстосложенія — единоперстіемъ для пропаганды своего ученія, такъ какъ видѣла въ единоперстіи символическое выраженіе своего ученіе о единой природѣ во Христѣ. Тогда православные, вопреки монофизитамъ, стали употреблять въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, какъ символическое выраженіе православнаго ученія о двухъ природахъ во Христѣ. Такъ произошло, что одноперстіе въ крестномъ знаменіи стало служить внѣшнимъ, нагляднымъ признакомъ монофизитства, двоеперстіе православія. Продолжительная и упорная борьба съ монофизитствомъ, которую пришлось вести греческой церкви, естественно заставила православныхъ грековъ придавать особенно важное значеніе двоеперстію, какъ видимому и понятному для всѣхъ знаку принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви, тѣмъ болѣе, что въ Сиріи, Египтѣ, и нѣкоторыхъ греческихъ городахъ, православное народонаселеніе было перемѣшано съ монофизитскимъ. Этимъ и объясняется, почему константинопольскій патріархъ и епископы, обращая въ православіе яковитскаго патріарха и его спутниковъ, настойчиво требовали отъ нихъ, чтобы они изображали крестъ не однимъ перстомъ, а двумя; а, съ другой стороны, этимъ же объясняется, почему монофизиты упорно стояли за единоперстіе и никакъ не хотѣли, не смотря на всѣ убѣжденія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ угрозы и принужденія грековъ, пе-

ремѣнить свое единоперстіе на греческое православное двоеперстіе. Это бы значило, по ихъ убѣжденію, явно и открыто измѣнить самому своему вѣроученію, такъ какъ, по употребленію въ крестномъ знаменіи двоеперстія или одноперстія, заключали тогда о принадлежности лица къ православію или монофизитству. Борьбою и постояннымъ совмѣстнымъ жительствомъ съ монофизитами объясняется и то обстоятельство, почему двоеперстіе такъ долго держалось въ константинопольской церкви, и потомъ между сирійскими православными христіанами, и почему троеперстіе, эта, повидимому, самая естественная для христіанина форма перстосложенія, могло сдѣлаться въ греческой церкви господствующимъ обычаемъ только въ позднѣйшее время, когда уже окончательно прекратилась борьба съ монофизитствомъ. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, почему въ западной церкви, не соприкосавшейся непосредственно съ монофизитами, троеперстіе встрѣчается ранѣе, чѣмъ у грековъ.

Греки, измѣнившіе, по требованію указанныхъ обстоятельствъ, древнехристіанское единоперстіе на двоеперстіе, которое продолжалось у нихъ болѣе четырехъ сотъ лѣтъ, перемѣнили потомъ у себя двоеперстіе на троеперстіе. Причины этого явленія можно полагать въ слѣдующемъ: если греки отказались отъ древняго единоперстія не потому, чтобы эта форма перстосложенія, сначала строго православная, употреблявшаяся великими отцами и учителями церкви, сдѣлалась съ теченіемъ времени неправославною сама по себѣ, но потому, что ею воспользовались еретики монофизиты, связавшіе съ нею, къ соблазну православныхъ, свое еретическое ученіе, такъ что единоперстіе стало символомъ монофизитства, а двоеперстіе—православія; то и отъ двоеперстія греки отказались потомъ не потому, что оно сдѣлалось само въ себѣ неправославнымъ, а совершенно по другимъ причинамъ. Если появленіе двоеперстія и продолжительность его существованія въ православной греческой церкви зависѣло исключительно отъ монофизитства, только во время борьбы съ нимъ имѣло свой особый смыслъ и значеніе, то, какъ скоро борьба съ монофизитствомъ прекратилась, греческая константинопольская церковь, желая и самой формой перстосложенія въ крестномъ знамени отличаться не только отъ монофизитовъ—одноперстниковъ, но и отъ несторіанъ,

всегда строго державшихся двоеперстія, такъ какъ они соединили съ нимъ свое еретическое ученіе о соединеніи во Христѣ двухъ природъ, и въ двоеперстіи видѣли символическое выраженіе и подтвержденіе своего еретическаго ученія,—замѣнила у себя двоеперстіе болѣе естественнымъ и свойственнымъ каждому христіанину, помимо вѣроисповѣдныхъ его особенностей, троеперстіемъ, какъ выражающимъ главный, основной догматъ христіанства—ученіе о св. Троицѣ. Эта перемѣна у грековъ перстосложенія въ крестномъ знаменіи—изъ двоеперстія въ троеперстіе произошла, какъ можно думать, въ концѣ XII вѣка и продолжалась до конца XIII-го, когда оно у нихъ сдѣлалось наконецъ господствующимъ, обстоятельство для насъ въ высшей степени важное.

Русскіе, а ранѣе и другіе православные славяне, приняли отъ грековъ христіанство въ то время, когда, какъ мы видѣли, въ константинопольской церкви двоеперстіе въ крестномъ знаменіи признавалось единственно правильнымъ и всѣми употреблялось, какъ внѣшній видимый для всѣхъ знакъ принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви. Русскіе, принявъ отъ грековъ христіанство, приняли къ себѣ и присланныхъ изъ Константинополя церковныхъ іерарховъ, которые научили ихъ вѣрѣ и передали имъ весь греческій церковный обрядъ и чинъ. Понятно, что просвѣтители русскихъ христіанствомъ, константинопольскіе греки, прежде всего научили ихъ творить на себѣ крестное знаменіе, какъ внѣшній, видимый для всѣхъ знакъ ихъ обращенія и принадлежности къ христіанству, понятно, что греки научили новопросвѣщенныхъ русскихъ творить крестное знаменіе такимъ же образомъ, какъ они сами творили его въ то время. А такъ какъ правымъ и обязательнымъ для православныхъ греки считали тогда двоеперстное перстосложеніе, то конечно и русскихъ они научили знаменовать себя въ крестномъ знаменіи двумя перстами; понятно, что греки такъ же научили творить на себѣ крестное знаменіе и всѣхъ обращенныхъ ими въ христіанство славянъ [1]). Вотъ откуда и когда появилось на Руси двоеперстіе въ крестномъ знаменіи!

---

[1]) О существованіи двоеперстія у южноруссовъ и другихъ православныхъ славянъ см. нашу книгу: Патр. Никонъ. 68—70.

Троеперстіе, и другія предшествовавшія ему формы перстосложенія, никогда въ Греціи не вводились путемъ законодательнымъ, съ помощію какихъ либо соборныхъ постановленій, правилъ и принудительныхъ предписаній. То или другое перстосложеніе было только обычаемъ, оно возникало и распространялось, какъ обычай, постепенно, мало по малу и, какъ всякій обычай, съ теченіемъ времени, по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, видоизмѣнялось, переходя изъ одной формы въ другую, причемъ греки естественно никогда не смотрѣли на ту или другую форму перстосложенія какъ на что-то разъ опредѣленное, неизмѣняемое, равное по своей цѣнности самому вѣроученію—это только обычай, не болѣе. Троеперстіе, появившееся у грековъ не ранѣе конца XII вѣка и распространившееся, какъ обычай, въ теченіи XIII вѣка, естественно отъ грековъ съ XIV и XV вѣковъ, стало переходить и къ намъ на Русь и здѣсь находить себѣ послѣдователей. Но на Руси троеперстіе встрѣтилось съ ранѣе повсюду существовавшимъ у насъ уже нѣсколько столѣтій двоеперстіемъ, къ которому русскіе привыкли, и что главное и особенно важно—не смотрѣли на него, подобно грекамъ, какъ на измѣняющійся съ теченіемъ времени церковный обычай. Русскіе приняли всѣ церковные обряды и чины отъ грековъ въ готовомъ видѣ и были убѣждены, что они—церковные обряды и чины обязаны своимъ происхожденіемъ или самому Христу, или апостоламъ, или цѣлымъ соборамъ—вселенскимъ и помѣстнымъ, или хотя бы и отдѣльнымъ позднѣйшимъ лицамъ, но обязательно святымъ, находившимся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Божественной силы. Церковные чины и обряды, какъ имѣющіе божественное происхожденіе, сразу явились обязательно въ извѣстной строго-опредѣленной формѣ, которая повсюду, поэтому, должна быть одна и таже, и, какъ божественнаго происхожденія, не допускаетъ въ себѣ никакихъ измѣненій и потому не можетъ быть въ православной церкви не единообразна. Перстосложеніе для крестнаго знаменія ввелъ или Христосъ или апостолы—и тотъ, кто его ввелъ въ употребленіе, далъ, конечно, не нѣсколько формъ перстосложенія сразу, а только одну опредѣленную, которая и должна быть для всѣхъ обязательна, какъ божественная по своему происхожденію. И святую пѣснь аллилуію если велѣно пѣть,

то только опредѣленнымъ образомъ: или двоить или троить, но не то и другое вмѣстѣ. При этомъ въ каждомъ церковномъ обрядѣ и чинѣ, подъ внѣшней, разъ строго опредѣленной формой, заключенъ всегда опредѣленный точный смыслъ, и если они поучительны, назидательны и спасительны для вѣрующихъ, то только подъ условіемъ сохраненія ихъ въ томъ первоначальномъ видѣ, какъ они произошли. Значитъ, по своему происхожденію, смыслу и назначенію церковные чины и обряды *должны быть* всегда одинаковы во всей вселенской православной церкви; измѣнить ихъ, значитъ наложить руку на данное самимъ Богомъ, значитъ измѣнить заключенный въ нихъ смыслъ и тѣмъ отнять отъ нихъ присущую имъ спасительность для человѣка, значитъ божественное установленіе замѣнить своимъ человѣческимъ, и тѣмъ совершить ужасное нечестіе. Когда, поэтому, къ намъ стало проникать изъ Греціи троеперстіе и русскіе увидѣли, что есть нѣкоторая разность въ перстосложеніи между греческою и русскою церквами, чего, по ихъ представленію, никакъ не должно бы быть, то у нихъ невольно возникъ вопросъ: откуда и какъ могло произойти подобное невозможное явленіе? Ясно, казалось имъ, одно, что кто-то въ этомъ случаѣ грѣшитъ—или греки, или русскіе. А такъ какъ подобный вопросъ возникъ у русскихъ уже послѣ паденія Константинополя и принятія греческимъ императоромъ и самимъ константинопольскимъ патріархомъ флорентійской уніи, то русскіе и порѣшили, что относительно перстосложенія погрѣшили не они, а греки, почему и постарались всѣми мѣрами оградить и укрѣпить неизмѣняемость своего стараго двоеперстія, торжественно провозгласивъ на Стоглавомъ соборѣ: „иже кто не знаменается двѣма персты, яко же и Христосъ, да есть проклятъ“. Такъ случилось, что когда у грековъ вошло во всеобщій обычай троеперстіе, русскіе не только остались при старомъ греческомъ двоеперстіи, но и признали послѣднее единственно православною и потому для всѣхъ обязательною формою перстосложенія, а греческое троеперстіе новшествомъ, вошедшимъ въ практику греческой церкви подъ вліяніемъ латинства уже въ послѣднее время.

Возвращаемся къ прерванному нами разсказу о клятвѣ на двоеперстниковъ, торжественно провозглашенной и соб-

ственноручною подписью засвидѣтельствованной антiохiйскимъ патрiархомъ Макарiемъ, сербскимъ патрiархомъ Гаврiиломъ, никейскимъ митрополитомъ Григорiемъ и молдавскимъ митрополитомъ Гедеономъ.

Безъ всякихъ предварительныхъ изысканiй, безъ всякаго уваженiя къ исторической правдѣ, восточные iерархимилостыне—собиратели, совершенно голословно и бездоказательно, вопреки истинному духу и пониманiю церковiю ученiя Христа, первые провозгласители у насъ изначальное русское двоеперстiе въ крестномъ знаменiи армянскимъ еретическимъ перстосложенiемъ, и первые произнесли анаѳему на всѣхъ держащихся двоеперстiя. И это дѣлали они смѣло, рѣшительно, съ авторитетомъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣнiй и возраженiй, какъ будто провозглашенное ими о двоеперстiи было дѣйствительно святою, непререкаемою, для всѣхъ очевидною истиною. Ихъ—высшихъ архипастырей, нисколько не смущала и не тревожила мысль, что поступая такъ легкомысленно, такъ грубо—рѣзко оскорбляя своихъ милостивцевъ русскихъ, они вносятъ въ русскую, дотолѣ единую православную церковную среду, раздоры, раздѣленiя и прямо—церковный расколъ. Очевидно пришлецы имѣли въ виду только выслужиться предъ всемогущимъ московскимъ патрiархомъ, только заработать себѣ возможно щедрую милостыню, а какъ, какою цѣною—они надъ этимъ не задумывались [1]). Конечно голосъ этихъ заѣзжихъ слу-

---

[1]) Дiаконъ Павелъ Алепскiй, племянникъ антiохiйскаго патрiарха Макарiя, описавшiй совмѣстное свое путешествiе съ дядей въ Москву, откровенно сознается, что цѣлiю ихъ пребыванiя въ Москвѣ было обогащенiе отъ русскихъ. Онъ разсказываетъ напримѣръ слѣдующее: „Царь прислалъ патрiарху (Никону, во время своего похода на Польшу) болѣе ста облаченiй и мантiй, принадлежащихъ армянамъ и iезуитамъ, говоря ему: „дѣлай съ ними что хочешь,“ ибо считалъ ихъ нечистыми—таково убѣжденiе московитовъ. Получивъ ихъ, патрiархъ не нашелъ для нихъ лучшаго употребленiя, какъ украсить трапезную монастыря и сидѣнья въ церкви. Удивительно, что они даже не сняли съ нихъ серебряныя пуговицы и крючки! Мы пожалѣли о нихъ, ибо даже идолопоклонники освящаются крещенiемъ, и эти матерiи, если они будутъ окроплены святой водой, развѣ не освятятся и не станутъ годными для церковныхъ облаченiй? Не такихъ порядковъ держатся московиты, несомнѣнно потому, что у нихъ изобилiе богатствъ. Развѣ мы, въ своей странѣ, не взяли бы парчевыхъ одеждъ, даже если бы ихъ носили евреи, и не передѣлали въ священническiя облаченiя? разумѣется, взяли бы, по ихъ

чайныхъ милостынесобирателей былъ далеко не то, что голосъ цѣлаго константинопольскаго патріаршаго собора, который, какъ мы видѣли, къ вопросу о перстосложеніи отнесся очень осторожно, не только не призналъ двоеперстія какимъ-то неправымъ, или армянскимъ перстосложеніемъ, но предоставлялъ русскимъ полную свободу употреблять или свое старое двоеперстіе, или тогдашнее греческое троеперстіе, такъ какъ то и другое одинаково правы и безразличны для вѣры, если только съ ними соединяется правое ученіе. Но Никону хотѣлось вѣрить заѣзжимъ милостынесобирателямъ, а не голосу Константинопольскаго собора, такъ какъ ему нужно было своихъ враговъ—стойкихъ и горячихъ защитниковъ двоеперстія, заклеймить именемъ еретиковъ, доказать всѣмъ, что правъ онъ Никонъ, а не его враги и порицатели. Благодаря пришлецамъ — милостынесобирателямъ Никонъ вполнѣ достигъ своей цѣли и притомъ такъ, что первое торжественное проклятіе на двоеперстниковъ—его личныхъ враговъ, было произнесено не имъ, а лицами совершенно сторонними, на которыхъ дѣйствительно и падаетъ главная тяжесть отвѣтственности за дальнѣйшія смуты въ русской церкви.

Опираясь на авторитетъ и поддержку антіохійскаго патріарха Макарія и другихъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ, на торжественно провозглашенное ими проклятіе на двоеперстниковъ, Никонъ рѣшается нанести своимъ врагамъ послѣдній ударъ,—подвергнуть ихъ, какъ еретиковъ, окончательному отлученію отъ церкви и проклятію. 23 апрѣля 1656 года онъ созываетъ въ Москвѣ соборъ изъ русскихъ святителей и обращается къ собору съ обширною рѣчью, въ которой указываетъ на побужденія, заставившія его приняться за исправленіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, сообщаетъ, что и какъ онъ дѣлалъ это

рѣдкости и дороговизнѣ. Дай Богъ, чтобы они подарили ихъ нашему владыкѣ патріарху, дабы передѣлать ихъ въ облаченія и раздать архіереямъ и священникамъ въ нашей странѣ, кои въ нихъ столь нуждаются. Но если бы онъ заговорилъ съ ними объ этомъ и сталъ просить ихъ, то низко упалъ бы въ ихъ глазахъ, и они сказали бы: „смотрите, какъ мала ихъ вѣра“! Впрочемъ, добродушно замѣчаетъ Павелъ, если Богу угодно, *да попуститъ Онъ, что бы они разгнѣвались на насъ, лишь бы Онъ обогатилъ насъ чрезъ нихъ!*“ (Муркосъ, вып. 3, стр. 62).

доселѣ, и особенно просилъ соборъ заняться вопросомъ о двоеперстіи, такъ какъ, объяснялъ онъ собору, соединеніемъ, по Ѳеодоритову писанію, великаго перста съ двумя малыми неправо, будто бы, исповѣдуется таинство пресвятыя Троицы, а совокупленіемъ двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, неправо исповѣдуется таинство воплощенія; указалъ на соборное посланіе Константинопольскаго патріарха Паисія, какъ на осуждающее будто бы двоеперстіе, но главнымъ образомъ сослался, какъ и слѣдовало ожидать, на толкованіе антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ извѣстнаго сказанія о св. Мелетіи антіохійскомъ, сдѣланное имъ въ церкви Чудова монастыря; на проклятіе, которое изрекли въ Успенскомъ соборѣ восточные святители на крестящихся двоеперстно, и на письменное изложеніе ими самаго проклятія, и, въ заключеніе, просилъ и русскихъ святителей высказать и свое рѣшительное слово о томъ же предметѣ. Рѣчь Никона и весь предшествующій ходъ дѣла ясно показывалъ, чего хотѣлъ Никонъ отъ русскихъ святителей. Имъ оставалось только признать и оформить уже совершившійся фактъ, почему и составилось слѣдующее соборное опредѣленіе по вопросу, въ рѣшеніи котораго въ ту или другую сторону такъ сильно былъ заинтересованъ Никонъ: „аще кто отселѣ, вѣдый, не повинится творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ, якоже древле святая восточная церковь пріяла есть и якоже нынѣ четыре вселенстіи патріархи, со всѣми сущими подъ ними христіаны, повсюду вселенныя обращающимися, имѣютъ, и яко же здѣ прежде православніи содержаша, до напечатанія слова Ѳеодоритова въ псалтыряхъ со возслѣдованіемъ московскія печати, еже тремя первыми великими персты десныя руки изображати, во образъ святыя и единосущныя и нераздѣльныя и равнопоклоняемыя Троицы, но имать творити сіе непріятное церкви, еже соединяя два малыя персты съ великимъ пальцемъ, *въ нихъ же не равенство святые Троицы извѣщается, и два великосредняя простерта суща, въ нихъ же заключати два сына и два состава, по Несторіевѣ ереси*, или инако изображати крестъ: сего имамы, послѣдующе св. отецъ седми вселенскихъ соборъ и прочихъ помѣстныхъ правиломъ и св. восточныя церкве четыремъ вселенскимъ патріархомъ,—всячески отлученна отъ церкве вкупе и съ писаніемъ Ѳеодоритовымъ, яко

и на пятомъ (соборѣ) прокляша его ложная писанія на Кирилла архіепископа александрійскаго и на правую вѣру, сущая по Несторіевѣ ереси, проклинаемъ и мы“.

Приведенное соборное опредѣленіе было внесено въ „Скрижаль“, которую соборъ, по предложенію Никона, разсмотрѣлъ и одобрилъ къ печати, внесена была и напечатана и рѣчь Никона къ собору. Можно думать, что между членами этого собора были конечно лица, настолько-то знакомые съ своимъ церковнымъ не особенно уже далекимъ прошлымъ, которые навѣрное знали, что двоеперстіе существовало на Руси вовсе не со времени внесенія слова Θеодорита въ Псалтырь съ возслѣдованіемъ московской печати, а гораздо ранѣе; что двоеперстію училъ Максимъ Грекъ и его противникъ—митрополитъ Даніилъ, что Стоглавый соборъ узаконилъ двоеперстіе окончательно, конечно потому, что за такое именно перстосложеніе говорила собору, вся извѣстная ему русская древность, большимъ знатокомъ, любителемъ и собирателемъ которой былъ предсѣдатель Стоглаваго собора митрополитъ Макарій, человѣкъ для того времени очень свѣдущій во всей русской старинѣ. Конечно, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ членовъ собора, вѣроятно было очень трудно и тяжело признавать, что двоеперстіе заключаетъ въ себѣ неправославное ученіе о св. Троицѣ и ересь несторіанскую,—такъ какъ всѣ члены собора, не исключая и самого Никона до патріаршества, крестились доселѣ двумя перстами, вовсе не соединяя съ этимъ какого либо неправаго ученія о св. Троицѣ и ни мало не склоняясь, ради этого, въ несторіанскую ересь. Но подъ вліяніемъ подавляющаго примѣра бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ святителей и, главнымъ образомъ, подъ давленіемъ страшнаго и скораго на самую суровую расправу Никона, мнѣніе котораго къ тому же имъ ранѣе заявлено было настолько ясно и опредѣленно, что не допускало никакихъ сомнѣній и возраженій, имъ оставалось одно: или безусловно подчиниться желанію Никона, или же, по всѣмъ памятному примѣру Павла Коломенскаго, послѣ позора и истязаній, отправиться въ заточеніе. Естественно было, что святители избрали для себя первый путь—путь полнаго смиреннаго подчиненія желаніямъ Никона, хотя бы это и не согласно было съ ихъ личными убѣжденіями.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, враги Никона и его реформы могли смотрѣть и на соборъ 1656 года такъ же, какъ и на предшествующіе т. е. какъ на личное только дѣло Никона и его друзей—восточныхъ іерарховъ—милостынесобирателей, тѣмъ болѣе, что присутствовавшій на этомъ соборѣ и подписавшійся подъ его дѣяніями вятскій епископъ Александръ, впослѣдствіи открыто выражалъ свои сомнѣнія въ правильности произведенныхъ Никономъ церковныхъ реформъ.

Пользуясь присутствіемъ въ Москвѣ антіохійскаго патріарха Макарія, поощряемый имъ и опираясь на его авторитетъ, Никонъ спѣшилъ провести и другія перемѣны въ нашемъ церковномъ чинѣ и обрядѣ, чтобы достигнуть ихъ полнаго соотвѣтствія съ тогдашнею греческою церковною практикою. Онъ просилъ Макарія не опускать изъ вниманія и исправленія ни одной ошибки, ни одного отступленія, какія только онъ замѣтитъ въ нашей церковной практикѣ. Павелъ Алепскій свидѣтельствуетъ, какъ очевидецъ: „Никонъ постоянно просилъ нашего учителя (т. е. п. Макарія), говоря ему: „если что найдешъ достойное порицанія въ чинѣ нашихъ обрядовъ, скажи намъ объ этомъ, дабы мы поступали, какъ должно", и, обыкновенно, принималъ его совѣтъ съ величайшимъ вниманіемъ". Или, напримѣръ, Павелъ говоритъ: „Никонъ всегда предлагалъ нашему владыкѣ патріарху (т. е. Макарію), когда онъ служилъ съ нимъ, совершать рукоположеніе, ибо искалъ въ этомъ пользы, чтобы видѣть чьи обряды лучше, и постоянно спрашивалъ его о всякомъ предметѣ, дабы извлечь для себя пользу". Макарій дѣйствительно очень ревностно старался указывать Никону, „на недостатки и неблагоприличныя дѣйствія, существующія у русскихъ", какъ выражается Павелъ Алепскій, а Никонъ, съ своей стороны, немедленно приводилъ въ исполненіе указанія Макарія, смѣло передѣлывая русскую церковную старину на современный греческій ладъ. Какъ это иногда происходило, помимо выше указанныхъ случаевъ, видно и изъ слѣдующаго разсказа Алепскаго: „патріархъ Никонъ постоянно просилъ нашего учителя написать для него чинъ обновленія храма и весь порядокъ этаго чина, согласно обряду грековъ... дабы онъ могъ видѣть, согласуется-ли таковой съ ихъ обрядомъ. По этому поводу мы

очутились въ большомъ затрудненіи, потому что чинъ „обновленія храма“ не содержится въ печатныхъ греческихъ Евхологіяхъ, ни въ арабскихъ, ни въ иныхъ, но совершенно отсутствуетъ въ нихъ, ибо, послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, нашъ учитель не нашелъ его [1])... Поискавъ долгое время, мы нашли, по наитію свыше, въ одной изъ книгъ Св. Горы, древнее греческое сочиненіе по этому предмету, и нашъ владыка патріархъ съ большимъ трудомъ перевелъ его съ греческаго на арабскій. Какъ только онъ кончилъ это, патріархъ Никонъ, по собственному побужденію, пришелъ къ нему подъ вечеръ въ понедѣльникъ Пятидесятницы и просилъ его освятить церковь и совершить всю службу по-гречески... За службой присутствовалъ архидіаконъ московскаго патріарха съ нѣсколькими писцами, *чтобы записать весь чинъ*“. Иногда же дѣло происходило проще т. е. Макарій дѣлалъ указанія Никону единственно только на основаніи того, какъ самъ зналъ и представлялъ себѣ извѣстное церковное дѣйствіе и Никонъ, руководствуясь его указаніемъ, безъ всякаго изслѣдованія и провѣрки, немедленно производилъ ту или другую перемѣну въ какомъ либо русскомъ церковномъ чинѣ. Такъ въ Великій четвергъ (1655 г.) въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи обоихъ патріарховъ, все было приготовлено къ совершенію чина елеосвященія, причемъ въ большую чашу налито было одно масло, а рядомъ съ нею поставленъ былъ кувшинъ съ виномъ и еще чаша наполненная пшеницей“. Когда патріархъ Никонъ, разсказываетъ Алепскій, спросилъ у нашего владыки, все-ли въ этомъ обрядѣ сдѣлано какъ слѣдуетъ, тотъ отвѣтилъ: „да, но одного только не хватаетъ, при этихъ словахъ онъ взялъ кувшинъ съ виномъ и налилъ на масло, какъ велитъ Ветхій Завѣтъ и Святое Евангеліе, гдѣ говорится, что Господь—да будетъ благословенно имя Его!—

---

[1]) Это свидѣтельство Павла алепскаго очень важно въ томъ отношеніи, что оно прямо и рѣшительно свидѣтельствуетъ, что Макарій указывалъ Никону на неправильности русскихъ чиновъ и обрядовъ только на основаніи сличенія ихъ съ тогдашнимъ печатнымъ греческимъ Евхологіемъ, и Никонъ, исправляя наши чины и обряды по указаніямъ Макарія, на самомъ дѣлѣ исправлялъ ихъ по тогдашнимъ печатнымъ греческимъ книгамъ, какія тогда были на рукахъ у самого Макарія, или у другихъ бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ.

излилъ на раны человѣка, впавшаго въ руки разбойниковъ, вино вмѣстѣ съ масломъ. Никонъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и остался доволенъ“ [1]).

Однажды только Никонъ не согласился съ указаніями и настояніями патріарха Макарія и поступилъ самостоятельно. Это именно въ вопросѣ объ освященіи воды въ праздникъ Богоявленія. Убѣдившись изъ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, что въ древнее время освященіе воды въ праздникъ Крещенія Господня совершалось одинъ разъ и именно: въ навечеріи праздника, и не въ церкви, а на рѣкѣ, Никонъ издалъ по этому поводу слѣдующее соборное постановленіе: „мы убо, по даннѣй благодати намъ отъ пресвятаго и животворящаго Духа, должны есмы, послѣдующе святымъ и богоноснымъ отцемъ, погрѣшенное отъ нѣкоторыхъ невѣждъ, исправити, да твердъ и непоколебимъ чинъ святыя восточныя церкве соблюдается, якоже и о чинѣ въ навечеріи святыхъ Богоявленій, како исходити ко крестильницѣ, въ греческихъ древнихъ и въ русскихъ старыхъ харатейныхъ уставѣхъ писано. И аще кто, по семъ нашемъ завѣщаніи, дерзнетъ инако мудрствовати, и не въ навечеріи святаго Богоявленія водоосвященіе дѣйствовати,—еже есть въ 5 день іануарія,—якоже святіи отцы уставили и затвердили, но на самый праздникъ святаго Богоявленія дѣйствовати, яко же и прежде, не повинуясь отеческому преданію, да будетъ церковной казни повиненъ, еже есть: проклятію и отлученію“ [2]). Противъ такаго образа дѣйствій Никона по данному вопросу рѣшительно возсталъ патріархъ Макарій. Павелъ Алепскій разсказываетъ: „въ праздникъ крещенія, когда Никонъ намѣревался совершить службу водоосвященія только одинъ разъ и когда это его намѣреніе дошло до свѣдѣнія нашего владыки патріарха, послѣдній отправился къ нему и убѣждалъ его, что такое дѣйствіе неправильно... но въ этомъ случаѣ Никонъ не захотѣлъ послушать (Макарія), отвергнувъ его авторитетъ по сему предмету. Царь, между тѣмъ, думалъ, что Никонъ, именно по совѣту нашего владыки патріарха, совершилъ обрядъ такъ, какъ совершилъ

---

[1]) Муркосъ, вып. IV, стр. 169, 179—180; вып. III, стр. 50—51, 181.

[2]) Рукопись библ. моск. духовн. академіи: Подлинное дѣло о судѣ надъ Никономъ, л. 383.

его; но теперь, когда до его свѣдѣнія дошло, что дѣло было наоборотъ, онъ поспорилъ съ нимъ и выбранилъ его, назвавъ *мужикъ бл...нъ сынъ*, т. е. глупый крестьянинъ. Патріархъ сказалъ ему: „я твой духовный отецъ, зачѣмъ же ты оскорбляешь меня?" На что царь отвѣчалъ: „не ты мой отецъ, а святой патріархъ антіохійскій воистину мой отецъ".... Этотъ разсказъ Алепскаго о ссорѣ царя съ Никономъ, при чемъ царь будто бы обругалъ Никона, есть конечно просто сплетня, составленная недоброжелателями Никона и которую Павелъ, самъ не бывшій свидѣтелемъ этаго событія, подхватилъ у какого нибудь болтуна, желавшаго этимъ понравиться антіохійцамъ [1]). Никонъ, не смотря на всѣ убѣжденія Макарія сохранить прежній чинъ водоосвященія т. е. совершать его по прежнему дважды: въ навечеріи крещенія въ церкви и на рѣкѣ въ самый день крещенія, остался при своемъ мнѣніи, какъ обязательномъ для всей русской церкви. Впослѣдствіи соборъ 1667 года сдѣлалъ поэтому вопросу такое постановленіе: „повелѣніе же и клятву, еже неразсудно положи ю Никонъ, бывшій патріархъ, о дѣйствѣ освященныя воды на святыхъ Богоявленій, еже дѣйствовати единощи, точію въ навечеріи, разрѣшаемъ и разрушаемъ и въ ничтоже вмѣняемъ. Повелѣваемъ же и благословляемъ творити по древнему обычаю святыя восточныя церкви и по преданію святыхъ и богоносныхъ отцевъ: въ навечеріи дѣйствовати освященіе святыхъ водъ въ церквахъ, и по утрени—на рѣкѣ,

---

[1]) Муркосъ, вып. IV, стр. 169. Въ этомъ извѣстіи справедливо только то, что тишайшій и благочестивѣйшій государь Алексѣй Михаиловичъ, по обычаю тогдашняго времени, дозволялъ себѣ публично браниться даже въ церкви во время богослуженія. Очень характерный въ этомъ отношеніи разсказъ мы находимъ у очевидца событія—Павла Алепскаго. Царь и антіохійскій патріархъ Макарій слушали всенощную въ Саввинѣ монастырѣ, куда они пріѣхали на богомолье. Кончили службу, разсказываетъ Павелъ, и чтецъ началъ первое чтеніе изъ житія святаго, сказавъ по обычномъ началѣ: *„благослофи оче"*, какъ обычно говорятъ настоятелю. Въ это время царь сидѣлъ на креслѣ, а нашъ учитель на другомъ. Вдругъ царь вскакиваетъ на ноги и съ бранью говоритъ чтецу: *„што кафари, мужикъ бл...нъ сынъ* (въ этой странѣ у патріарха, царя и вельможъ главное ругательство, обыкновенно: „мужикъ, бл...нъ сынъ" т. е. крестьянинъ, безумный, а слова: *што кафари* значатъ, „что ты говоришь"): *благослофи, оче? и тутъ есть батріархъ, скажу: благослофи фладико"* т. е. „зачѣмъ ты говоришь: благослови, отче? тутъ патріархъ, скажи: благослови владыко". (Ibid. стр. 126).

яко же повелѣваютъ и вси церковныя уставы тѣже молитвы глаголати и дѣйствовати“ [1]). Справедливость требуетъ однако замѣтить, что правда была на сторонѣ Никона, когда онъ утверждалъ, что древняя христіанская церковь знала только одно водоосвященіе—въ навечеріи Богоявленія, такъ какъ этотъ чинъ, выродившійся изъ обычая крестить оглашенныхъ въ ночь Богоявленія, дѣйствительно въ древней христіанской церкви совершался только одинъ разъ и именно—въ навечеріи Богоявленія. Такъ продолжалось до XI—XII вѣка, когда сталъ вводиться обычай двойнаго освященія воды: въ навечеріи въ церкви, а въ день праздника на рѣкѣ. Никонъ Черногорецъ для двукратнаго освященія воды не находитъ оправданія и основаній ни въ письменныхъ источникахъ, ни въ практикѣ великой церкви, ни въ уставахъ—іерусалимскомъ и студійскомъ. Въ славянскихъ уставахъ іерусалимской редакціи говорится то о двукратномъ, то объ однократномъ водоосвященіи. Въ греческой церкви обычай двукратнаго водоосвященія окончательно возобладалъ, съ теченіемъ времени, надъ однократнымъ и сдѣлался всюду господствующимъ. Но, очевидно, сравнительно съ однократнымъ водоосвященіемъ, онъ былъ обычаемъ новымъ, не смотря на его всеобщую распространенность [2]).

Передѣлывая русскіе церковные чины и обряды по указаніямъ антіохійскаго патріарха Макарія, Никонъ рѣшился воспользоваться услугами послѣдняго, чтобы старый русскій клобукъ перемѣнить на новый греческій, и это потому, что старые русскіе клобуки были некрасивы, тогда какъ греческій клобукъ очень шелъ къ Никону т. е. дѣлалъ его на видъ красивѣе. Естественно, что Никонъ самъ стѣснялся произвести эту реформу, зналъ, что она вызоветъ противъ него всеобщее неудовольствіе, но искушеніе украсить свою голову болѣе красивымъ греческимъ клобукомъ было такъ велико, что онъ вошелъ поэтому случаю въ заговоръ съ патріархомъ Макаріемъ и научилъ его какъ дѣйствовать, чтобы прилично для своего патріаршаго достоинства достигнуть желанной цѣли. Объ этомъ казусѣ подробно разсказы-

---

[1]) Матер. для ист. раск. т. II, стр. 237—238.

[2]) И. Д. Мансветова: Церковный уставъ, его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви, стр. 156—159, 178, 278.

ваетъ соучастникъ въ дѣлѣ—Павелъ Алепскій. „Патріархъ Никонъ, говоритъ онъ, имѣя большую любовь къ греческимъ камилавкамъ и клобукамъ, сдѣлалъ себѣ нынѣ новый бѣлый клобукъ, по покрою клобуковъ греческихъ монаховъ, только надъ глазами вышитъ золотомъ и жемчугомъ херувимъ. Клобуки московскихъ монаховъ, ихъ архіереевъ и патріарха, весьма некрасивы: всѣ они вязаны изъ шерсти, не имѣютъ камилавокъ, но пришиты къ скуфьямъ безъ кружка, а съ мѣховой опушкой. Клобуки монаховъ очень велики, закрываютъ глаза и уши и ниспадаютъ на плечи: изъ подъ нихъ едва различишь ихъ лица... Зная любовь къ себѣ царя, и пользуясь присутствіемъ нашего учителя, одного изъ вселенскихъ патріарховъ, Никонъ переговорилъ сначала съ нимъ и втайнѣ передалъ ему въ алтарѣ упомянутый клобукъ, какъ обыкновенно, съ камилавкой, прося его ходатайствовать предъ царемъ, чтобы тотъ возложилъ ихъ на него, Никона, ибо онъ сильно опасался, какъ бы міряне не стали говорить ему: „ты уничтожилъ древній нашъ обычай и одѣяніе нашихъ первыхъ святыхъ архіереевъ“. Такъ это и случилось съ нимъ потомъ, именно: когда онъ надѣлъ новый клобукъ, на него сильно возроптали, хотя и скрытно, изъ боязни царя. Нашъ учитель, подойдя къ царю, сказалъ ему такъ: „насъ четыре патріарха въ мірѣ и одѣяніе у всѣхъ насъ одинаково; съ нашего разрѣшенія поставленъ этотъ братъ нашъ патріархомъ московскимъ, въ равномъ достоинствѣ съ римскимъ папой, признакъ коего тотъ, что онъ отличается отъ насъ бѣлымъ одѣяніемъ. Если угодно твоему царскому величеству, я желалъ бы надѣть на него эту камилавку и клобукъ, которые сдѣлалъ для него вновь, чтобы онъ носилъ ихъ подобно намъ“. Царь, по своей великой любви къ патріарху Никону, былъ очень радъ и отвѣчалъ нашему учителю: *„батюшка добро!* т. е. хорошо, принялъ отъ нашего учителя, поцѣловалъ, велѣлъ Никону снять старые клобукъ и камилавку и надѣлъ на него новые. Когда онъ возложилъ ихъ на патріарха, лицо послѣдняго засіяло: этотъ греческій уборъ очень шелъ къ нему, прежній же, какъ мы сказали, безобразилъ ихъ, будучи скуфьей, а не камилавкой, и съ клобукомъ малымъ, короткимъ и стянутымъ. Патріархъ былъ очень радъ, но присутствующіе архіереи, настоятели монастырей, священники и міряне, видя это, сильно возроп-

тали на Никона и говорили: „смотрите, какъ онъ перемѣняетъ одѣяніе архіереевъ, которое они приняли по внушенію Святаго Духа съ того времени, какъ мы сдѣлались христіанами чрезъ св. Петра. Какъ земля не поколеблется подъ нимъ! ибо, одѣваясь доселѣ по московски, онъ сдѣлался грекомъ“. Народъ впослѣдствіи сильно негодовалъ на него, но втайнѣ, изъ страха предъ царемъ. Подъ конецъ всѣ архіереи и монахи пожелали перемѣнить свое прежнее одѣяніе, которое дѣлало ихъ смѣшными“ [1]).

Это безцѣльное, и по существу конечно довольно безобидное, переодѣванье Никона, удовлетворяя его личному эстетическому вкусу, вызывало одноко, какъ слишкомъ бросавшееся въ глаза и видимое всѣми ненужное новаторство, сильное неудовольствіе на него въ народѣ, давало лишній поводъ его противникамъ нападать на него, какъ на презрителя и отметателя родной святой старины, такъ какъ народъ и на самыя одежды церковно - іерархическихъ лицъ смотритъ какъ на нѣчто священное, неизмѣняемое, немогущее подчиняться измѣнчивымъ требованіямъ времени и вкуса.

Сдѣланный нами краткій обзоръ исключительно церковно-обрядовой реформаторской дѣятельности Никона показываетъ, что Никонъ, подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ на него пріѣзжавшихъ въ Москву восточныхъ іерарховъ—милостыне собирателей, пришелъ къ убѣжденію, будто церковные чины и обряды, которыми русскіе порознились съ современными греками, были нововводные, несогласные съ истинно православными древними чинами и обрядами, которые въ ихъ первоначальномъ видѣ сохранились именно у современныхъ грековъ. Усвоивши себѣ такой взглядъ на особенности русскаго церковнаго чина и обряда, по сравненію его съ тогдашнимъ греческимъ, Никонъ логически неизбѣжно долженъ былъ придти къ мысли немедленно заняться исправленіемъ всего, что въ русской церкви было нововводнаго, испорченнаго, неправаго,—это былъ, очевидно, его прямой долгъ и обязанность, какъ архипастыря русской церкви. А такъ какъ Никонъ на обрядъ смотрѣлъ, какъ и большинство тогдашнихъ русскихъ т. е. приравнивалъ его къ вѣроученію,

---

[1]) Муркосъ, вып. IV, стр. 107—109.

то и считалъ себя прямо обязаннымъ показать свою архипастырскую ревность прежде всего на исправленіи неправаго, по его мнѣнію, русскаго обряда, изъ опасенія, какъ бы изъ за неправаго обряда не замутилось на Руси самое православіе и вся страшная отвѣтственность за это не пала на него—Никона патріарха. Конечно, если бы Никонъ подошелъ къ затронутому имъ вопросу о правотѣ или неправотѣ русскаго обряда инымъ путемъ, именно: путемъ предварительнаго болѣе или менѣе тщательнаго изслѣдованія и изученія своей и греческой старины, то, вѣроятно, онъ пришелъ бы и къ другому взгляду на особенности русскаго церковнаго обряда и иначе бы, конечно, сталъ проводить тогда и свою церковную реформу, не слѣдуя рабски за указаніями восточныхъ іерарховъ милостыне-собирателей. Такъ онъ дѣйствительно и поступилъ въ вопросѣ объ освященіи воды въ Богоявленіе, когда отказался послѣдовать настояніямъ антіохійскаго патріарха Макарія потому именно, что изъ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ убѣдился, что въ древнее время освященіе воды въ Богоявленіе совершалось только одинъ разъ, а не два, какъ увѣрялъ и настаивалъ патріархъ Макарій. Но, къ сожалѣнію, путь самостоятельнаго изученія греческой и русской церковной старины для Никона, вовсе не получившаго какого либо правильнаго, а тѣмъ болѣе научнаго образованія, былъ рѣшительно недоступенъ, и потому онъ по необходимости принималъ на вѣру неосновательныя и прямо иногда несправедливыя заявленія своихъ случайныхъ руководителей, будто особенности русскаго церковнаго чина и обряда представляютъ изъ себя нововведеніе, искаженіе древняго церковнаго чина и обряда, и, при этомъ, искаженіе чуть-ли не еретическое. Не вѣрить своимъ руководителямъ и учителямъ, людямъ болѣе его свѣдущимъ и образованнымъ, какими они представлялись ему—простому начетчику, онъ не имѣлъ сколько - нибудь серьезныхъ данныхъ. Конечно, соборный отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія могъ бы раскрыть Никону глаза на значеніе въ христіанской церкви обряда вообще и уяснить ему истинный смыслъ и полную ненужность нѣкоторыхъ его обрядовыхъ реформъ; но важность этихъ отвѣтовъ константинопольскаго патріарха парализовалась присутствіемъ въ Москвѣ антіохійскаго патріарха Макарія и другихъ восточ-

ныхъ іерарховъ—милостынесобирателей, которые усердно поддерживали Никона въ его стремленіи исправлять русскіе нововводные чины и обряды, служили ему авторитетными совѣтчиками и руководителями, всегда готовыми оправдать и подкрѣпить своимъ авторитетомъ всѣ его самыя рѣзкія и необдуманныя мѣры, направленныя на уничтоженіе въ русскомъ церковномъ обрядѣ и чинѣ всего, что въ немъ было несогласнаго съ тогдашнимъ греческимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ. Подчиняясь указаніямъ и руководству этихъ случайныхъ пришлецовъ, ихъ голосъ принимая за голосъ всей греческой церкви, не имѣя сомнѣній въ правильности и полной компетентности ихъ указаній, Никонъ, по крайней мѣрѣ въ то время, искренно вѣрилъ, что своими церковно-обрядовыми реформами онъ дѣйствительно спасаетъ русскую церковь отъ серьезной грозившей ей опасности исказить истинное православіе. Эта увѣренность, что онъ дѣлаетъ великое и святое дѣло—спасаетъ отъ искаженія русское православіе, побуждала Никона дѣйствовать въ своихъ реформахъ быстро, рѣшительно и энергично, не обращая вниманія на раздававшіеся повсюду вокругъ его протесты, обвиненія въ новаторствѣ и чуть не еретичествѣ, заставляла его пренебрегать и общественнымъ мнѣніемъ, очень ему враждебнымъ, и личною безопасностію, которой угрожало возникшее противъ него сильное раздраженіе,—всякія колебанія, нерѣшительность и медленность, казалось ему, вовсе неумѣстны въ такомъ важномъ и святомъ дѣлѣ.

Очевидно у Никона не хватало одного, но очень важнаго для него, какъ реформатора, качества: онъ не имѣлъ о своемъ дѣлѣ, покрайней мѣрѣ въ началѣ, надлежащаго правильнаго представленія, онъ дѣйствовалъ, правда, очень искренно и съ большимъ увлеченіемъ, но дѣйствовалъ по подсказамъ другихъ, подъ ихъ руководствомъ и по ихъ указаніямъ, благодаря чему и его собственное отношеніе къ своей реформѣ впослѣдствіи, когда онъ пріобрѣлъ болѣе вѣрный взглядъ на нее, значительно, какъ увидимъ ниже, измѣнилось. Въ виду этого, главная доля отвѣтственности какъ за самый церковно-обрядовой характеръ реформы Никона, такъ значительно и за характеръ ея выполненія, падаетъ на его совѣтчиковъ и руководителей восточныхъ іерарховъ—милостынесобирателей и изъ нихъ, по преимуществу и глав-

нымъ образомъ, на антіохійскаго патріарха Макарія. Послѣдній своими совѣтами и указаніями, своимъ публичнымъ словеснымъ и письменнымъ заявленіямъ, что двоеперстіе есть армянская ересь, своей торжественно провозглашенной анаѳемой на двоеперстіе, и другими подобнаго рода дѣйствіями, необходимо не только вводилъ Никона въ обманъ, но и принималъ въ обрядовыхъ реформахъ Никона настолько живое и дѣятельное участіе, что Никонъ, безъ поощренія и поддержки Макарія, едва ли бы самъ рѣшился на крутую ломку русской церковной старины. Даже болѣе. Никонъ, вѣроятно, пришелъ бы прямо въ ужасъ, если бы узналъ и убѣдился, что измѣняя русскіе обряды, какъ нововводные и неправые, онъ, въ дѣйствительности, измѣнялъ древніе православные греческіе обряды, принятые русскими отъ древнихъ грековъ и у русскихъ неизмѣнно сохранившіеся, тогда какъ позднѣйшіе греки замѣнили свои старые обряды новыми, почему между ними и русскими обрядами и явилось, съ теченіемъ времени, несогласіе. Слѣдовательно, Никонъ своими реформами не возстановлялъ старый греческій обрядъ, какъ онъ думалъ и воображалъ, но только замѣнялъ новогреческимъ обрядомъ старогреческій, сохранившійся у русскихъ.

Что слишкомъ поспѣшная и крутая ломка русскаго церковнаго обряда не вынуждалась какою либо дѣйствительною, насущною потребностію и необходимостію тогдашней нашей церковной жизни, это понятно само собою. Бѣда тогдашней религіозной жизни русскихъ заключалась вовсе не въ томъ, что русская церковь имѣла свой мѣстный чинъ и обрядъ, нѣсколько отличный, въ очень неважныхъ и безразличныхъ частностяхъ, отъ современнаго греческаго чина и обряда. Недаромъ, конечно, и соборная грамота константинопольскаго патріарха Паисія поучала Никона: „не слѣдуетъ намъ думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ или членовъ вѣры; лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каѳолическою церковію“. Или, въ другомъ мѣстѣ та же грамота говоритъ, что мѣстныя особенности церковнаго чина и обряда не должны „производить никакого раздѣленія (въ церкви вселенской), если только сохраняется

неизмѣнно одна и та же вѣра. Это потому, что церковь наша не съ самаго начала получила тотъ уставъ чинопослѣдованій, который содержитъ въ настоящее время, а мало-по-малу". Значитъ, съ точки зрѣнія константинопольской церкви, оффиціально выраженной въ соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха Паисія на вопросы Никона, русская церковь всегда имѣла и имѣетъ полное право на свой помѣстный обрядъ, и это нисколько не повредитъ ея единенію съ церковію греческою, поскольку обѣ онѣ остались вѣрными одному и тому же православному ученію. И такъ, повторимъ, бѣда заключалась вовсе не въ томъ, въ чемъ полагалъ ея Никонъ—что русская церковь имѣла нѣкоторые обряды не во всемъ тожественные съ современными греческими, а собственно въ томъ, что русскіе того времени, и самъ реформаторъ Никонъ, имѣли объ обрядѣ неправильное представленіе, что они свой, уже помѣстный тогда обрядъ, считали за единственно правильный и потому для всѣхъ обязательный, отъ него, какъ нормы, не только заключали о правильности или неправильности обряда во всѣхъ другихъ православныхъ церквахъ, но о православіи или неправославіи самаго содержимаго ими вѣроученія, такъ какъ иной обрядъ, по ихъ убѣжденію, указывалъ и на иное ученіе, почему они и къ православію самихъ грековъ, какъ имѣющихъ кое-какіе иные обряды, чѣмъ у русскихъ,—относились очень подозрительно. Отсюда понятнымъ становится, что отъ Никона реформатора требовалось не уничтоженія особенностей русскаго церковнаго обряда сравнительно съ тогдашнимъ греческимъ, а уничтоженія неправильныхъ представленій русскихъ объ обрядѣ, требовалось установить и уяснить имъ истинный взглядъ на обрядъ, его происхожденіе, отношеніе къ вѣроученію, значеніе въ церкви, на его историческую постепенную измѣняемость и потому неодинаковость въ извѣстное время въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ; требовалось возвысить, просвѣтить религіозно-христіанское сознаніе русскихъ, чтобы имъ вполнѣ доступно и понятно было представленіе о единствѣ церкви вселенской, при существованіи обрядовыхъ разностей въ отдѣльныхъ помѣстныхъ церквахъ. А между тѣмъ церковно-обрядовая реформа Никона и не удовлетворяла нисколько этой насущной потребности русскихъ: какъ имѣвшая дѣло исключительно съ

обрядомъ, она по прежнему приковывала все вниманіе русскихъ къ обряду, къ буквѣ, а не къ духу и смыслу христіанскаго ученія, она ничѣмъ не расширяла, не углубляла и не просвѣтляла русскаго религіознаго сознанія, а только поддерживала и утверждала русскихъ въ справедливости ихъ стараго ошибочнаго представленія, что въ дѣлѣ вѣры и благочестія обрядъ играетъ самую первостепенную роль, такъ что даже самое малѣйшее измѣненіе въ обрядѣ, хотя бы уже освященное вѣковымъ его употребленіемъ въ церкви и вовсе не соединенное съ какимъ либо неправильнымъ церковнымъ ученіемъ, какъ это именно и было у русскихъ, не можетъ быть однако терпимо въ православной церкви. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, со стороны Никона было большею ошибкою начинать свою реформаторскую дѣятельность съ измѣненія русскаго церковнаго чина и обряда, выдвигать эту сторону своей реформы на первый планъ, на ней по преимуществу сосредоточивать свою энергію, не обращая при этомъ вниманія на то очевидное обстоятельство, что такая реформа, веденная притомъ исключительно сверху, съ полнымъ пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію, народному пониманію и заявленіямъ представителей народнаго большинства, можетъ повести къ расколу въ единой дотолѣ русской церкви [1]).

---

[1]) Говоримъ все это вовсе не въ видахъ обвиненія лично Никона, котораго менѣе всего можно обвинять за церковно-обрядовой характеръ его реформы. Вина этого заключается прежде всего въ воззрѣніяхъ тогдашняго русскаго общества, придававшаго преувеличенно важное значеніе всякому обряду. Никонъ былъ во всемъ сынъ своего времени, и ни условія его воспитанія, ни постоянная среда, въ которой онъ вращался, не дали ему возможности разглядѣть ошибочности господствовавшаго тогда у насъ взгляда на обрядъ, возвыситься надъ уровнемъ прочно установившихся въ обществѣ понятій, отнестись къ нимъ критически и выработать себѣ иныя, болѣе вѣрныя воззрѣнія. А между тѣмъ въ Москву являются восточные іерархи—милостыне-собиратели, сближаются здѣсь съ Никономъ и начинаютъ „зазирать“ ему, что будто бы русская церковь содержитъ неправый, чуть не еретическій обрядъ, въ родѣ армянскаго двоеперстія, и что Никону, въ интересахъ православія, слѣдуетъ всячески позаботиться исправить неправые русскіе обряды Близко къ сердцу принялъ впечатлительный, ревностный къ православію Никонъ эти зазиранія восточныхъ іерарховъ, искренно сталъ думать, что содержимый русскою церковію неправый будто бы обрядъ, дѣйствительно грозитъ серьезною опасностію русскому православію. Въ своихъ зазира-

Въ доказательство неизбѣжности и необходимости для Никона произвести именно церковно-обрядовую реформу,

---

теляхъ Никонъ видѣлъ людей болѣе его свѣдущихъ, образованныхъ и опытныхъ въ веденіи церковныхъ дѣлъ, и потому вполнѣ и искренно повѣрилъ въ справедливость и истинность ихъ зазираній. Находившіеся въ Москвѣ ученые кіевляне, тоже подтверждали справедливость заявленій греческихъ іерарховъ, такъ какъ и въ южно-русской церкви существовали ранѣе подобные же обряды и тоже были исправлены по образцу греческихъ, ученымъ кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою. Подъ такими неотразимыми для Никона вліяніями и воздѣйствіями, при его московской вѣрѣ въ обрядъ, какъ равный вѣроученію, Никонъ неизбѣжно долженъ былъ придти къ мысли о дѣйствительной испорченности нѣкоторыхъ русскихъ обрядовъ и о необходимости немедленнаго ихъ исправленія. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ Никонъ объяснять и доказывать болѣе его образованнымъ восточнымъ іерархамъ и ученымъ кіевлянамъ, что они рѣшительно ошибаются въ пониманіи важности и значенія въ церкви особенностей въ обрядахъ, что они невѣрно и ошибочно принимаютъ русскій обрядъ за неправый, а русское перстосложеніе даже за армянское еретическое, тогда какъ въ дѣйстительности оно настоящее православное перстосложеніе, ранѣе употреблявшееся самою греческою церковію; невозможно было ожидать и требовать отъ Никона что бы онъ, только обыкновенный, хотя и очень даровитый московскій начётчикъ, незнавшій, что такое богословская и вообще наука, разъяснилъ своимъ образованнымъ зазирателямъ и совѣтчикамъ, что русская церковь, какъ и всякая другая, имѣетъ полное право на свой помѣстный обрядъ, если только не соединяетъ съ нимъ какого либо противнаго православію ученія, что и въ древнее время въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ обрядъ былъ очень не одинаковъ, однако это не мѣшало имъ держаться единаго православнаго ученія и составлять единую вселенскую православную церковь. Подобныхъ разъясненій нужно было ожидать вовсе не отъ Никона, а отъ его образованныхъ и ученыхъ зазирателей и руководителей. Это была даже ихъ прямая обязанность, какъ скоро они рѣшились дѣятельно вмѣшаться въ русскія церковныя дѣла. А между тѣмъ они то именно и толкнули Никона на путь исправленій русскаго обряда, и дѣятельно поощряли и поддерживали его на этомъ пути. Для чести и оправданія Никона достаточно и того, что онъ, благодаря своему свѣтлому уму, дѣйствительно пришелъ впослѣдствіи къ той вѣрной мысли, что старые и новоисправленные служебники одинаково добры, что можно служить по тѣмъ и другимъ, что можно одинаково держаться и стараго и новоисправленнаго обряда, и что эта вѣрная мысль Никона была потомъ усвоена и высказывалась и нѣкоторыми русскими іерархами. Такъ патріархъ Іоакимъ говорилъ впослѣдствіи двоеперстникамъ, уже открыто возставшимъ противъ церковныхъ властей:" кто какъ хочетъ, такъ и крестится—двѣма-ли персты, трема-ли, или всею дланію, *то все едино*, лишь бы знаменіе на себѣ вообразити, и мы о томъ не истязуемъ (Саввы Романова, въ Лѣтописяхъ русской

указываютъ обыкновенно на то, что будто бы дальнѣйшее оставленіе особенностей русскаго церковнаго чина и обряда, хотя и не заключающихъ въ самихъ себѣ чего либо дѣйствительно неправославнаго, грозило однако разрушить въ будущемъ единеніе русской церкви съ греческою". Необходимо было, говоритъ нашъ церковный историкъ—высокопреосвящ. Макарій, устранить всѣ этаго рода (т. е. обрядовыя) несогласія нашей церкви съ греческою, чтобы онѣ не повели къ серьезнымъ столкновеніямъ и даже къ разрыву между обоими церквами". Но уже чрезъ двѣ страницы далѣе достопочтенный историкъ самъ же уничтожаетъ основательность только что сдѣланнаго имъ предположенія: о возможности разрыва между русскою и греческою церквами изъ-за нѣкоторыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей. Именно: указывая на тотъ фактъ, что Никонъ, въ концѣ своего патріаршества, призналъ одинаково добрыми и старые и новые служебники, что онъ дозволилъ Неронову служить по старымъ книгамъ и держаться стараго обряда, историкъ говоритъ: „отсюда можемъ заключать, что если бы продолжалось служеніе патріарха Никона, и онъ скоро не оставилъ своей каѳедры, то онъ, можетъ быть, дозволилъ бы и всѣмъ единомысленникамъ Неронова, приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, тоже самое, что дозволилъ Неронову: лишь бы только они покорились церкви и церковной власти. И тогда, сохраняя единство православной вѣры и подчиняясь одной и той же церковной іерархіи, русскіе, одни совершали бы службы по новоисправленнымъ книгамъ, а другіе по книгамъ исправленнымъ и напечатаннымъ прежде, несмотря на всѣ разности между ними, подобно тому, какъ до Никона одни совершали у насъ службы по старымъ служебникамъ и требникамъ, напечатаннымъ и правленнымъ при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ и Филаретѣ, а другіе по вновь исправленнымъ служебникамъ и требникамъ, напечатаннымъ при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ, хотя между тѣми и другими служебниками и требниками есть значительныя разности. Такимъ образомъ расколъ, начавшійся при Никонѣ, мало-по-

---

литер. и древностей, т. V.). Къ сожалѣвію, эта вполнѣ правильная мысль не была принята нашимъ церковвымъ правительствомъ, какъ руководственное начало въ его отношеніяхъ къ старообрядству.

малу прекратился бы, и на мѣсто его водворилось бы такъ называемое нынѣ единовѣріе [1]). Но если въ предѣлахъ одной помѣстной церкви русской можно было безопасно держаться различнаго обряда, отправлять различныя службы по неодинаковымъ, заключающимъ въ себѣ „значительныя разности“ служебникамъ, и въ тоже время составлять единую помѣстную церковь, то тѣмъ болѣе, конечно, таже самая разность въ нѣкоторыхъ обрядахъ, содержимыхъ двумя самостоятельными помѣстными церквами, никакъ уже не могла, очевидно, повести „къ серьезнымъ столкновеніямъ и даже разрыву между ними“. Это вполнѣ подтверждается и тѣми отношеніями, какія существовали между русской и греческой церквами до Никона. Разность въ церковныхъ обрядахъ русскихъ и грековъ, обнаружилась у насъ еще съ конца XV вѣка, а между тѣмъ это нисколько не мѣшало фактическому единенію церквей и ихъ постояннымъ взаимоотношеніямъ, которыя съ теченіемъ времени не только не ведутъ къ разрыву, но становятся все шире и тѣснѣе. Съ начала XVI вѣка въ Москву начинаютъ приходить изъ самыхъ различныхъ мѣстъ православнаго востока митрополиты, архіепископы и епископы восточныхъ каѳедръ, настоятели и братія различныхъ восточныхъ монастырей, въ качествѣ просителей милостыни у своихъ единовѣрцевъ русскихъ. Они встрѣчаютъ радушный пріемъ въ Москвѣ, иногда подолгу живутъ въ ней и получаютъ отъ правительства нескудную милостыню. Къ концу XVI вѣка мы встрѣчаемъ въ Москвѣ, какъ просителей милостыни, уже двухъ патріарховъ восточныхъ каѳедръ: антіохійскаго Іоакима и константинопольскаго Іеремію, благодаря чему между патріаршими восточными каѳедрами, и изъ нихъ константинопольской по преимуществу, и русскимъ правительствомъ, устанавливаются, съ конца XVI вѣка и въ первой половинѣ XVII, непрерывныя живыя сношенія. Русское правительство стремится использовать эти сношенія въ своихъ видахъ и интересахъ: чтобы придать болѣе силы и блеска царскому вѣнчанію Ивана Васильевича Грознаго, оно обращается за утвержденіемъ его къ восточнымъ патріархамъ. Воспользовавшись пріѣздомъ

---

[1]) Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ, стр. 112, 115.

въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи оно, съ его согласія, учреждаетъ у насъ патріаршество и даже выражаетъ желаніе признать, при извѣстныхъ условіяхъ, къ церковности не имѣющихъ никакого отношенія, самого Іеремію главою русской церкви — московскимъ патріархомъ, и только послѣ его отказа, патріархомъ московскимъ поставляется Іереміею Іовъ. Освященіе и благословеніе восточными іерархами такихъ важнѣйшихъ актовъ нашей государственной и церковной жизни, сдѣланное притомъ по иниціативѣ и настояніямъ самаго русскаго правительства, ясно показываетъ, что оно придавало участію въ этихъ актахъ восточныхъ патріарховъ очень важное и существенное значеніе, какого бы оно никакъ не могло придавать имъ, если бы видѣло въ восточныхъ патріархахъ людей невполнѣ и строго православныхъ. Сближеніе русской церкви съ греческою идетъ затѣмъ и далѣе. Эласонскій архіепископъ Арсеній, пріѣхавшій въ Москву съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, остается навсегда въ Москвѣ, служитъ здѣсь и называется у насъ суздальскимъ. Ахридскій архіепископъ Нектарій, пріѣхавшій еще при Годуновѣ, дѣлается у насъ вологодскимъ епархіальнымъ архіереемъ, а другой греческій архіерей—Игнатій, рязанскимъ. Игнатій потомъ законно былъ избранъ и безъ всякаго протеста поставленъ русскими архіереями въ патріархи московскіе, такъ что онъ нѣкоторое время управлялъ всею русскою церковію, какъ ея законный глава. Очевидно, постоянныя непрерывныя сношенія съ православнымъ востокомъ привели постепенно высшее передовое московское общество, и прежде всего само правительство, къ мысли, что тогдашніе греки столь же православны, какъ и русскіе, почему московскій патріархъ спокойно можетъ принимать ставленіе отъ греческаго патріарха, греческій архіерей можетъ быть и русскимъ епархіальнымъ архіереемъ и даже патріархомъ московскимъ. Филаретъ Никитичъ, этотъ ненавистникъ латинства и уніи, строгій ревнитель православія, принимаетъ свое поставленіе въ патріархи отъ іерусалимскаго патріарха Өеофана, къ которому затѣмъ до самой своей смерти относится съ великимъ почтеніемъ и уваженіемъ. Филаретъ Никитичъ еще болѣе усиливаетъ постоянныя живыя сношенія съ восточными патріархами, а у себя дома—на Москвѣ со-

14*

держитъ нѣсколькихъ пріѣзжихъ въ Москву за милостынею греческихъ архіереевъ, которые не только принимаютъ участіе во всѣхъ русскихъ церковныхъ службахъ и церемоніяхъ, пользуются особымъ расположеніемъ патріарха, но даже присутствуютъ на торжественныхъ пріемахъ Филаретомъ Никитичемъ иностранныхъ пословъ. Вообще всѣ предубѣжденія противъ православія тогдашнихъ грековъ, уже съ конца XVI вѣка, начинаютъ окончательно вымирать при московскомъ дворѣ и замѣняться другимъ убѣжденіемъ, что современные греки, съ ихъ іерархіею, такъ же православны, какъ и русскіе, несмотря на то, что нѣкоторые ихъ церковные обычаи и несогласны кое въ чемъ съ русскими. Очевидно, столь распространенный ранѣе среди русскихъ взглядъ на тогдашнихъ грековъ, какъ на потерявшихъ истинное строгое православіе, благодаря постояннымъ живымъ сношеніямъ съ православнымъ востокомъ, особенно усилившимся съ конца XVI вѣка, какъ взглядъ ошибочный и несправедливый, былъ осужденъ на постепенное естественное вымираніе, долженъ былъ самъ собою уступить, съ теченіемъ времени, мѣсто другому—правильному взгляду, что современные греки такъ же православны, какъ и русскіе. Значитъ, нѣкоторая разность въ обрядахъ никакъ не могла служить въ будущемъ препятствіемъ къ единенію церквей—греческой и русской, какъ она не служила такимъ препятствіемъ ранѣе, не служитъ и теперь, хотя и послѣ церковной реформы Никона разности въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ у грековъ и у русскихъ существовали всегда, существуютъ и сейчасъ. Если же въ дѣйствительности старые взгляды на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, не только не умерли у насъ окончательно, но въ извѣстной части русскаго общества, заявили потомъ себя съ особою рѣзкостію и силою, то на это имѣлись особыя причины. Церковно-обрядовая реформа Никона, веденная имъ слишкомъ круто, спѣшно, съ публичнымъ признаніемъ особенностей тогдашняго русскаго церковнаго обряда чуть не еретичествомъ, и все это при дѣятельномъ участіи и одобреніи бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ,—естественно, особенно въ провинціальныхъ кругахъ, оживила и придавала новую силу уже вымиравшимъ было взглядамъ на современныхъ грековъ, какъ на потерявшихъ истинное

православіе. Эти старые взгляды, подъ вліяніемъ реформы Никона, вновь ожили теперь съ особою силою и яркостію, были систематически вновь разработаны, вновь аргументированы и популяризованы приверженцами старины въ широкихъ массахъ народа, въ цѣляхъ подорвать въ глазахъ народа всякое значеніе произведенныхъ Никономъ реформъ.

Вполнѣ возможно однако, что Никонъ могъ бы произвести свои церковно-обрядовыя реформы, въ видахъ соглашенія русскаго церковнаго чина и обряда съ тогдашнимъ греческимъ, и безъ тѣхъ тяжелыхъ церковныхъ потрясеній, какими онѣ сопровождались въ дѣйствительности, такъ какъ дѣло это у насъ не было нѣчто новое и небывалое, а наоборотъ: нѣчто старое, не разъ происходившее ранѣе въ русской церковной жизни. Русская церковь приняла отъ Константинопольской церкви весь церковный чинъ и обрядъ и всю вообще церковно-обрядовую практику, какъ она тогда существовала въ Константинополѣ. Но въ XI вѣкѣ и у самихъ грековъ церковная практика во всѣхъ своихъ частностяхъ и подробностяхъ далеко еще не установилась, она и тамъ продолжала еще развиваться и видоизмѣняться. Даже самый церковный уставъ (типикъ), которымъ регулировалось все церковное богослуженіе, перемѣнился въ Константинопольской церкви: тамъ, послѣ XI вѣка, вмѣсто Студійскаго устава, перешедшаго и къ намъ русскимъ и опредѣлявшаго всю нашу церковную практику, введенъ былъ такъ называемый Іерусалимскій уставъ, который окончательно вытѣснилъ собою студійскій, а это необходимо должно было произвести значительныя перемѣны и во всей греческой церковной практикѣ. И вотъ въ то время, когда константинопольская церковь уже окончательно перешла къ Іерусалимскому уставу, и на его почвѣ стала разрабатывать и рѣшать всѣ встрѣчавшіеся церковно-практическіе вопросы, русскіе остались при прежнемъ Студійскомъ уставѣ, вслѣдствіе чего ихъ церковная практика необходимо должна была значительно разойтись съ современною практикою константинопольской церкви. Благодаря постояннымъ живымъ сношеніямъ съ православнымъ востокомъ, и особенно благодаря митрополитамъ грекамъ, къ намъ, конечно постепенно, переходило многое изъ того новаго, что вырабатывалось и

устанавливалось позднѣйшею греческою церковною практикою, но переходило по частямъ, случайно и, сталкиваясь у насъ съ студійскими порядками, на востокѣ уже отмѣненными, вызывало недоумѣнія, споры, вопросы. Вслѣдствіе этого являлась потребность болѣе широкаго и основательнаго соглашенія старыхъ русскихъ церковныхъ порядковъ съ новыми, идущими съ востока, или, другими словами, явилась потребность, въ видахъ соглашенія русской церковной практики съ греческою, замѣнить и у насъ Студійскій уставъ практиковавшимся тогда всюду на востокѣ іерусалимскимъ. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ у насъ митрополитъ Кипріанъ, а потомъ митрополитъ Фотій. Знатокъ этаго дѣла, проф. И. Д. Мансветовъ, по поводу интересующаго насъ вопроса, говоритъ слѣдующее: „съ XIV вѣка число славянскихъ рукописныхъ требниковъ начинаетъ увеличиваться, а въ XV вѣкѣ являются такія полныя записи, какъ синодальныя № 374—376, заключающія до 180 статей литургическаго и каноническаго содержанія. Благодаря болѣе близкимъ сношеніямъ съ востокомъ, наши церковные власти заботятся о соглашеніи славянскихъ служебныхъ чиновъ съ греческими, усвоиваютъ себѣ результаты тамошняго литургическаго движенія и стремятся довести уровень обряда до той высоты, на которой онъ стоялъ при патріархахъ Каллистѣ, Исидорѣ и Филоѳеѣ. Московскіе митрополиты принимаютъ на себя эту заботу и, при посредствѣ восточныхъ властей, вводятъ новые чины и устанавливаютъ дополнительную, детальную сторону Евхологія. Вопросы по исправленію обряда занимаютъ митрополитовъ Кипріана и Фотія и вызываютъ съ ихъ стороны рядъ практическихъ мѣръ къ осуществленію этой мысли. Значительный вкладъ въ эту область дѣлаетъ Аѳонъ, и памятникомъ живыхъ книжныхъ сношеній съ нимъ, особенно же съ Хиландаремъ, является множество рукописей служебнаго содержанія сербскаго извода, дошедшихъ отъ XIV—XV вѣковъ, а между ними и нѣсколько требниковъ. Такимъ образомъ происходило увеличеніе состава требника, и въ него входили чины и молитвы, которыхъ дотолѣ не было. Въ отношеніи литургіи такою крупною прибавкою было введеніе устава Филоѳеева и чинъ литургіи преждеосвященныхъ, стоявшій съ первымъ въ необходимой связи и

служившій существеннымъ его продолженіемъ. Обряды крещенія дополняются молитвами надъ родильницею и новорожденнымъ, чинъ елеосвященія сопровождается канономъ Арсенія, и молитвы умовенія ногъ въ великій четвергъ начинають совершать послѣ заамвонной молитвы, а не передъ литургіей, какъ было принято въ уставѣ Алексѣевомъ, по обычаю великой церкви. Ѳеодоритъ Ростовскій переводитъ въ Константинополѣ чинъ малаго освященія воды и съ его именемъ это послѣдованіе заносится въ типографскій требникъ № 129. По рукописи нашей академіи (москов. духовной № 183, XVII вѣка) ему приписывается переводъ молитвы Филоѳея, глаголемой на покрестьи (литія, крестный ходъ), егда гладъ наведетъ. Кипріанъ посылаетъ псковичамъ синодикъ правый цареградскій, который чтутъ въ великой Софіи, прибавивъ къ нему уставъ, какъ великихъ князей поминати, переводитъ канонъ Филоѳея въ нашествіе враговъ и другія его молитвы. Въ требникахъ и другихъ служебныхъ книгахъ XV вѣка мы уже находимъ большое число молитвъ и каноновъ константинопольскихъ патріарховъ XIV вѣка, а нѣкоторыя изъ этихъ произведеній становятся извѣстными въ славянскомъ переводѣ и того раньше. Молитвы Каллиста и Филоѳея вытѣснили изъ употребленія нѣкоторыя изъ прежнихъ подобнаго же содержанія и вошли въ требникъ наряду съ оставшимися. То же случилось съ ними и у насъ на Руси. Особенно много ихъ встрѣчается въ сербскомъ требникѣ изъ синодальной библіотеки (XV в. № 374). Тутъ читается и молитва индикту (Филоѳея), и прибавочная на вечернѣ пятидесятницы, каноны и молитвы на безведріе, засухи и отвращеніе непріятельскихъ нашествій и нѣсколько другихъ, также мѣстно византійскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ вносились въ славянскіе требники безъ имени составителей и, получивъ мѣстную переработку, принимались за славянскія произведенія. Въ виду новаго наплыва молитвъ и послѣдованій, становилось все болѣе и болѣе необходимымъ разобраться въ массѣ накопившагося литургическаго матеріала, подвести ему итогъ, ввести въ кругъ служебныхъ книгъ и согласить съ прежними обрядами. Эту задачу, по отношенію къ требнику, приняли на себя митрополиты Кипріанъ и Фотій, но какъ ее выполнили, въ виду невозможности (говоримъ это за себя)

опереться на подлинные труды Кипріана, сказать не умѣемъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ труды можно было бы считать увѣнчавшимися успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы просмотръ и редакція чиновъ требника были проведены послѣдовательно и всесторонне, если бы дѣло ограничилось не рекомендаціей и сообщеніемъ просмотрѣнныхъ одиночныхъ чиновъ, а выразилось изданіемъ полнаго исправленнаго требника, и это исправленіе коснулось бы сколько содержанія и состава, столько же и текста требничныхъ службъ. Вмѣсто этого мы видимъ въ евхологіяхъ славянскихъ XV вѣка постепенное наростаніе служебнаго матеріала. Они разростаются въ обширные сборники чрезвычайно разнообразныхъ чиновъ, службъ, молитвъ и становятся проводниками практики великой церкви, Аѳона и земель южнославянскихъ“ [1]).

Такимъ образомъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ не разъ производились перемѣны сравнительно съ существовавшими у насъ ранѣе, производились по тѣмъ же основаніямъ, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ это могло быть и при Никонѣ, т. е. практиковавшійся въ русской церкви обрядъ и чинъ, какъ уже устарѣвшій, болѣе неудовлетворяющій требованіямъ времени и обстоятельствъ, замѣнялся новымъ греческимъ, выработаннымъ дальнѣйшимъ движеніемъ греческой церковной практики. Такой порядокъ дѣлъ въ то время казался настолько нормальнымъ и правильнымъ, что появлявшіяся къ намъ съ востока разныя церковные „новшества“, измѣнявшія русскую церковную старину, не возбуждали тогда никакихъ сомнѣній, не вызывали обвиненій въ нововведеніяхъ и еретичествѣ, и это даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами нововводители рѣшали у насъ тотъ или другой вопросъ неодинаково. Въ Кипріановской псалтири (рукопись москов. духовной академіи) на полунощницѣ въ чтеніи: блажени непорочніи, послѣ первой статіи предписано говорить: „слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды“ (трижды т. е. самое славословіе произнести трижды, а въ немъ—аллилуіа по дважды). То же на утрени въ половинѣ и по окончаніи

---

[1]) Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности, стр. 62—65.

шестопсалмія написано: „слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды". Значитъ митрополитъ Кипріанъ предписывалъ двоить, а не троить аллилуію. Иначе этотъ вопросъ рѣшаетъ преемникъ Кипріана митрополитъ Фотій. Въ своемъ посланіи къ псковичамъ относительно аллилуіи Фотій пишетъ: „а что ми пишете объ аллилуіи и на славахъ, сице глаголи: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже" [1]). Ясно отсюда, что практика самой греческой церкви въ то время еще неустановилась относительно двоенія или троенія аллилуіи, почему два русскіе митрополита, непосредственно слѣдовавшіе на каѳедрѣ одинъ за другимъ, и оба присланные къ намъ изъ Константинополя, рѣшаютъ однако одинъ и тотъ же вопросъ неодинаково, что впрочемъ не вызываетъ какихъ либо нареканій на этихъ митрополитовъ, не вызываетъ обличеній кого либо изъ нихъ въ неправдѣ, въ заблужденіи,—упорядоченіе русской церковной практики съ помощію и по указаніямъ современной греческой, было, очевидно, въ то время явленіемъ обычнымъ, невозбуждавшимъ ни у кого никакихъ недоумѣній.

Патріархъ Никонъ, исправляя современный ему русскій обрядъ и чинъ по образцу болѣе новаго тогдашняго греческаго, въ существѣ дѣла только возстановлялъ прерванныя было традиціонныя отношенія практики русской церкви къ греческой, и, по вопросу о дальнѣйшемъ движеніи и разработкѣ русскаго церковнаго чина и обряда, стоялъ собственно на той точкѣ зрѣнія, на какой русская церковь ранѣе стояла уже цѣлыя столѣтія, и въ силу которой всякое движеніе и развитіе русской церковной практики должно было находиться въ связи и соотвѣтствіи съ тѣми движеніями и перемѣнами, какія происходили въ греческой вселенской церкви. Но при указанномъ сходствѣ между древнимъ періодомъ нашей церковной жизни и временемъ и дѣятельностію Никона, было однако и очень важное и существенное различіе въ двухъ отношеніяхъ. Никонъ исправлялъ тогдашній русскій обрядъ по образцу современнаго греческаго, не какъ обрядъ устарѣвшій и отжившій, и потому замѣняемый

---

1) Рукопись Моск. Румян. Музея, по описанію Востокова, № 358, л. 382 об.

новымъ греческимъ, болѣе лучшимъ и совершеннѣйшимъ, а какъ обрядъ неправый, нововводный и даже еретическій; исправлялъ не замѣной стараго отжившаго обряда новымъ, а наоборотъ—русскій обрядъ, какъ новый, замѣнялъ старымъ, будто бы потеряннымъ русскими и сохранившимся у тогдашнихъ грековъ т. е. поступалъ какъ разъ обратно тому, какъ ему слѣдовало поступать, и какъ у насъ велось дѣло до флорентійской уніи въ тѣхъ случаяхъ, когда русская церковная практика отставала отъ движенія и развитія практики греческой церкви. Это одна сторона дѣла. Съ другой стороны: въ древній періодъ нашей церковной жизни русскіе не сомнѣвались въ православіи грековъ, считали ихъ своими естественными и необходимыми въ дѣлахъ вѣры и церкви учителями и руководителями. Не то было при Никонѣ. Между его временемъ и старорусскимъ лежала флорентійская унія и послѣдовавшее за ней паденіе Константинополя, когда русскіе стали уже подозрительно относиться къ самому православію современныхъ грековъ, чуждаться всякаго ихъ вмѣшательства въ наши церковные дѣла, рѣшили стоять въ этихъ дѣлахъ на своихъ только собственныхъ ногахъ и даже только себя, изъ всѣхъ православныхъ народовъ, признали единственными хранителями истиннаго православія и благочестія. Правда жизнь и въ этомъ случаѣ шла навстрѣчу Никону: она, какъ мы уже говорили, постепенно стала ломать тотъ барьеръ, который церковно отгородилъ было русскихъ отъ современныхъ грековъ, такъ что послѣдніе на Москвѣ высшимъ нашимъ церковнымъ и свѣтскимъ правительствомъ стали уже признаваться такими же православными, какъ и русскіе. Значитъ, Никону нужно было только воспользоваться этимъ новымъ, укрѣпившимся пока въ одной Москвѣ направленіемъ, постараться, прежде чѣмъ приступать къ своимъ грекофильскимъ реформамъ, распространить и укрѣпить это направленіе всюду, придать ему силу и убѣдительность въ глазахъ паствы и потомъ, уже достаточно подготовивъ почву, приступать къ постепенному, неторопливому проведенію самыхъ реформъ. При такихъ условіяхъ его реформы не производили бы на русскихъ того тяжелаго удручающаго впечатлѣнія, какое они производили, когда Никонъ сталъ проводить ихъ круто, поспѣшно, безъ всякой предварительной подготовки къ нимъ

общества, рѣшительно не понимавшаго что и зачѣмъ дѣлается. Въ этомъ случаѣ очень поучительнымъ и очень полезнымъ примѣромъ для Никона долженъ былъ бы быть кіевскій митрополитъ Петръ Могила, тѣмъ болѣе, что въ числѣ руководителей Никона—реформатора были и ученые кіевляне, личные очевидцы—свидѣтели жизни и церковной дѣятельности Петра Могилы.

За пять лѣтъ до вступленія Никона на московскій патріаршій престолъ умеръ Кіевскій митрополитъ Петръ Могила († 1 янв. 1647 г.). Онъ произвелъ у себя тѣ же реформы. что и Никонъ, такъ что сопоставленіе дѣятельности этихъ двухъ лицъ, работавшихъ на одномъ и томъ же полѣ, но съ совершенно различными для церкви результатами, несомнѣнно очень любопытно и характерно. Могила, какъ и Никонъ, обратилъ вниманіе на то, что въ богослужебныя книги юго-западной Руси вкрались многія ошибки, погрѣшности, разнорѣчія, что въ нихъ не было единообразія въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ и вообще въ совершеніи разныхъ церковныхъ службъ. Какъ Никона „зазирали“ разные пріѣзжіе въ Москву восточные іерархи, такъ православныхъ южно-руссовъ зазирали разные противники православія, указывая на то, что у православныхъ нѣтъ единообразія въ церковныхъ службахъ, одинъ служитъ такъ, другой—иначе, что де доказываетъ, что безъ единой главы русская церковь безсильна сохранить у себя даже правильныя единообразныя богослужебныя книги, и тѣмъ думали подвигнуть русскихъ къ признанію единаго главы церкви—папы. Какъ Никона, такъ и Могилу, эти зазиранія побудили обратить вниманіе на богослужебныя книги и постараться ввести повсюду одинъ церковный чинъ, почему оба издаютъ исправленные служебники и требники, исправленные и съ греческихъ и съ старыхъ славянскихъ. Какъ противъ Никона, такъ и противъ Могилы возбуждены были обвиненія въ латинствѣ, въ намѣреніи погубить православіе. Самъ низложенный предшественникъ Могилы, Кіевскій митрополитъ Исаія Копинскій, ставленникъ іерусалимскаго патріарха Θеофана, писалъ въ монастыри: „а кіевскій де митрополитъ Петръ Могила вѣры христіанской нынѣ отпалъ, и благословенъ-де митрополитъ Петръ Могила отъ папы римскаго нынѣ въ великій постъ въ патріархи, будто быть пат-

ріархомъ христіанскія вѣры. А присягалъ-де онъ, Петръ Могила, Королю и всѣмъ панамъ раднымъ и арцыбискупомъ ляцкимъ, что ему хрестьянскую вѣру ученьемъ своимъ попрать и уставить всю службу церковную по повелѣнью папы римскаго, римскую вѣру, и церкви христьянскія во всѣхъ польскихъ и литовскихъ городахъ превратить въ костелы ляцкіе, и книги русскія вывесть". Противъ благоустроеннаго Могилою кіевскаго училища, въ которомъ стали преподавать латинскій и польскій языки, тоже возбуждены были крайнія подозрѣнія. Въ то время, говоритъ одинъ изъ воспитанниковъ кіевскаго училища, отъ неученыхъ поповъ и казаковъ веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало, а спаслись? Было хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити; едва ихъ уговорили" [1]).

При извѣстномъ сходствѣ самой задачи и нѣкоторыхъ обстоятельствъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать Никону и Могилѣ, какое однако существенное различіе у нихъ въ пониманіи тѣхъ предметовъ, надъ которыми имъ пришлось оперировать, въ пониманіи способа веденія дѣла, тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ оно только и могло имѣть действительный успѣхъ и приносить пользу пасомымъ. Никонъ не приводитъ церковные чины и обряды къ единообразію, въ виду того что въ общемъ они были у насъ уже единообразны, а измѣняетъ ихъ по образцу современныхъ греческихъ, такъ какъ находитъ ихъ неправыми и нововводными, и такъ какъ онъ думаетъ, что церковные чины и обряды имѣютъ одинаковую силу съ вѣроученіемъ и что только извѣстный опредѣленный обрядъ спасителенъ, а всякій другой—нѣтъ. Совершенно иначе смотритъ на обрядъ и его значеніе Могила. Онъ различаетъ въ обрядѣ стороны главныя и существенныя, и стороны случайныя и измѣнчивыя. Первыя—существенныя неизмѣняемы, они заключаются, по толкованію Могилы, а) въ матеріи, б) въ формѣ или словѣ и в) въ интенціи (намѣреніи) совершающаго священнодѣйствіе. Поэтому существенную, напримѣръ, часть литургіи составляютъ, кромѣ внутренняго намѣренія священнослужителя: матерія, какою въ литургіи служитъ хлѣбъ

---

[1]) Макарія, Ист. рус. церкви. т. XI, стр. 489—490, 504—506.

и вино, и форма т. е. освящающія матерію слова Спасителя: пріимите, ядите и пр. Всѣ же остальныя части богослуженія, кромѣ существенныхъ, могутъ видоизмѣняться, могутъ быть различны въ различныхъ церквахъ, неодинаковы въ одной и той же церкви за разное время, и могутъ зависѣть отъ временныхъ обстоятельствъ, мѣстныхъ преданій, обычаевъ и пр.,—и это различіе несущественныхъ частей въ богослуженіи нисколько не препятствуетъ вселенскому единству православной церкви, потому что основаніемъ его служитъ не обрядъ, а единство вѣроученія и нравоученія. Съ этой точки зрѣнія не только всѣ различные чины и обряды въ различныхъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ, за различное время ихъ существованія, одинаково святы и спасительны, но и чинъ латинской церкви заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія, поскольку онъ не служитъ уклоненіемъ отъ ученія вселенской православной церкви. При такомъ воззрѣніи Могила, исправляя служебникъ и требникъ, сокращалъ и видоизмѣнялъ нѣкоторые чины, другіе опускалъ, вводилъ новые, не встрѣчающіеся въ прежнихъ, и въ этомъ случаѣ пользовался даже латинскими служебниками, такъ какъ видѣлъ сущность различія латинской церкви отъ православной не въ томъ или другомъ церковномъ обрядѣ, но въ самомъ ученіи. Исправляя богослужебныя книги, Могила имѣлъ въ виду удовлетворить тогдашнимъ потребностямъ и нуждамъ югозападной церкви, и потому не стѣснялся отбрасывать старые церковные уже отжившіе чины и вводить новые, даже заимствованные у латинянъ, сочинялъ и помѣщалъ въ требникъ новыя эктеніи и молитвы на разные случаи жизни. При этомъ онъ старался дать южнорусской церкви не только единообразный, вполнѣ соотвѣтствующій потребностямъ времени церковный чинъ, но и сдѣлать его понятнымъ и доступнымъ для всѣхъ, что бы богослуженіе совершалось не безсмысленно и механически, а съ полнымъ пониманіемъ того, что значило то или другое церковное богослужебное дѣйствіе. Поэтому, напримѣръ, къ служебнику, изданному въ 1629 году, онъ присоединилъ догматическое и обрядовое объясненіе литургіи, что бы священники вполнѣ понимали то, что они совершали въ церкви. Точно также и въ своемъ знаменитомъ „требникѣ" Могила помѣстилъ наставленія, какъ поступать свя-

щеннику при отправленіи тѣхъ или другихъ требъ, въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ. Но этого мало. Могила заботился создать, благодаря своей школѣ, классъ пастырей церкви изъ людей образованныхъ и ученыхъ, но такъ какъ это могло совершиться не вдругъ, то онъ требовалъ, чтобы всѣ ищущіе священства, до своего посвященія, нѣкоторое время оставались въ Кіевѣ и учились бы здѣсь у болѣе свѣдущихъ и образованныхъ лицъ, такъ что подготовка нѣкоторыхъ иногда продолжалась цѣлый годъ, при чемъ самъ Могила экзаменовалъ ихъ и все время содержалъ на свой счетъ, благодаря чему и не учившіеся въ школѣ пастыри, получали всетаки элементарный необходимый для ихъ служенія запасъ свѣдѣній, усвояли, подъ руководствомъ опытныхъ лицъ, новый чинъ и обрядъ, научались понимать его смыслъ и значеніе, и не смотрѣли на него какъ на что-то ужасное, потому что оно новое. Такъ разумно, осторожно и вѣрно дѣйствовалъ Могила, исправляя богослужебные недостатки югозападной церкви. Но заботами объ исправленіи церковнаго чина и его разумнымъ усвоеніемъ пастырями Могила не ограничился. Вѣрность церковнаго чина и обряда, его душеспасительность, основываются на знаніи и правильномъ усвоеніи самаго православнаго вѣроученія, одинъ обрядъ не можетъ питать и воспитывать православнаго человѣка, онъ только помогаетъ и уясняетъ въ видимыхъ наглядныхъ образахъ истины христіанскаго вѣроученія, безъ знанія и пониманія этихъ истинъ и самый упорядоченный обрядъ и чинъ многого не дадутъ. Въ виду этого Могила позаботился составить полную и цѣльную систему христіанскаго православнаго вѣроученія, которое извѣстно подъ именемъ „Катихизиса Петра Могилы“. Пока этотъ катихизисъ разсматривался на соборахъ въ Яссахъ (1643 г.) и подписывался восточными іерархами, Могила, для руководства православныхъ русскихъ, напечаталъ въ 1645 году краткій катихизисъ. О цѣли его изданія предисловіе говоритъ: „книга эта публикуется не только для того, что бы священники въ своихъ приходахъ каждый день, въ особенности въ воскресные и праздничные дни, читали и объясняли его своимъ прихожанамъ; но также, чтобы мірскіе люди, умѣющіе читать, преподавали одинаковымъ способомъ христіанское ученіе, преимущественно, чтобы родители учили по ней

своихъ дѣтей, а владѣльцы подвластныхъ себѣ людей, а также, что бы въ школахъ всѣ учители заставляли своихъ учениковъ учить наизусть по этой книжичкѣ". Такимъ образомъ на ряду съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, шла другая работа, имѣвшая въ виду пастырей и пасомыхъ привести къ правильному систематическому усвоенію и пониманію всего круга христіанскаго православнаго вѣроученія и нравоученія, чтобы ихъ мысль не останавливалась, не почила только на обрядѣ, но переходила отъ него къ усвоенію высшаго круга христіанскихъ понятій.—Подобно Никону и Могила производилъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, составлялъ и издавалъ свой катихизисъ только съ соборнаго одобренія. Такъ въ 1640 году онъ созываетъ въ Кіевѣ соборъ, на который приглашаетъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, особенно способныхъ и опытныхъ въ разсужденіи духовныхъ предметовъ, и предлагаетъ на обсужденіе собора составленный катихизисъ и разные другіе церковные вопросы. Происходитъ цѣлый рядъ соборныхъ засѣданій, на которыхъ, какъ самый катихизисъ, такъ и другіе вопросы, подвергаются тщательному и всестороннему обсужденію, причемъ присутствовавшіе на соборѣ не только свободно высказываютъ свои взгляды по тому или другому вопросу, но и вступаютъ въ пренія съ самимъ Могилою, оспаривая тѣ или другія его мнѣнія, предложенныя имъ въ Катихизисѣ [1]. Состоявшіяся на этомъ соборѣ рѣшенія были поэтому выраженіемъ свободнаго голоса всей церкви и потому принимались всѣми, какъ для всѣхъ обязательныя. — Но Могила очень хорошо понималъ, что всѣ самыя благія, хорошо обдуманныя и тактично проведенныя реформы, имѣющія въ виду привести въ порядокъ и возвысить всю церковно-общественную жизнь, не достигнутъ надлежащей цѣли, не привьются къ народу, если въ немъ не будетъ просвѣщенныхъ образованныхъ пастырей, если въ обществѣ будетъ царить прежнее невѣжество, если не будетъ поднятъ уровень просвѣщенія всего даннаго общества. Поэтому, на ряду съ церковными реформами, должны были идти заботы объ устроеніи и развитіи школъ и вообще образованія. На эту сторону—на школы и обученіе въ нихъ, Могила обратилъ свое

---

1) Макарія, т. XI, стр. 578—589.

вниманіе, не жалѣя своихъ силъ и трудовъ, не жалѣя и своего наслѣдственнаго не малаго достоянія. Въ успѣхѣ школьнаго дѣла онъ видѣлъ залогъ процвѣтанія и силы русской церковной и общественной жизни, главное средство борьбы противъ церковныхъ и общественныхъ недостатковъ, вѣрное обезпеченіе благодѣтельнаго дѣйствія на церковную жизнь всѣхъ произведенныхъ имъ реформъ и улучшеній. Его энергія, его труды и жертвы въ пользу школы и образованія вообще принесли блестящіе плоды еще при самой его жизни, продолжались получаться и послѣ его смерти и не только въ югозападной Россіи, но и въ самой Москвѣ. Какъ ясно и глубоко Могила понималъ великое значеніе въ церковной и общественной религіозной жизни народа науки и образованія, какъ горячо и энергично старался вызвать и всячески развить эту силу въ своей паствѣ, какъ онъ заботился, чтобы и послѣ его смерти эта сила не умалилась, не заглохла, но продолжала бы и послѣ него процвѣтать ко благу и славѣ русскаго народа и церкви, это особенно видно изъ его духовнаго завѣщанія. Въ немъ, между прочимъ, онъ говоритъ: „лишь только Господь Богъ сподобилъ меня сдѣлаться архипастыремъ Кіевской митрополіи, и еще прежде архимандритомъ Печерской лавры, я, видя, что упадокъ вѣры и благочестія въ русскомъ народѣ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка у него просвѣщенія и школъ, далъ обѣтъ Богу моему: все мое имущество, доставшееся отъ родителей, и все, что будетъ оставаться отъ доходовъ съ имѣній, принадлежащихъ ввѣреннымъ мнѣ, по моему служенію, святымъ мѣстамъ, обращать частію на возстановленіе разрушенныхъ храмовъ Божіихъ, отъ которыхъ остались жалкія развалины, частію на основаніе школъ въ Кіевѣ и утвержденіе правъ и вольностей народа русскаго.... И этотъ недостойный обѣтъ мой и намѣреніе Господь Богъ, по благости своей, благословилъ такъ, что при жизни моей я видѣлъ великую пользу для церкви Божіей отъ тѣхъ наукъ, и много появилось людей ученыхъ и благочестивыхъ на служеніе ей. Почему, желая оставить коллегію, какъ единственный залогъ мой, обезпеченною на будущее время, я подарилъ ей и настоящимъ завѣщаніемъ моимъ даю и дарю навѣки“ [1]) ...

---

[1]) Ibid. стр. 612—613.

Такъ дѣйствовалъ реформаторъ югозападной Россіи, кіевскій митрополитъ Петръ Могила. И намека на что либо подобное нѣтъ ни въ дѣятельности, ни въ стремленіяхъ патріарха Никона. Обладая громадною, почти неограниченною властію въ церкви и государствѣ, располагая громадными матеріальными средствами, имѣя полную возможность собрать въ Москву цѣлый полкъ ученыхъ Кіевлянъ и иностранцевъ, и съ ихъ помощію завести цѣлый рядъ правильно поставленныхъ школъ, видя всюду кругомъ себя самое подавляющее безпросвѣтное невѣжество и въ духовенствѣ и во всемъ народѣ, Никонъ даже и не подумалъ о созданіи въ Москвѣ школы, о насажденіи и развитіи на Москвѣ науки и образованія. Онъ ядовито смѣялся надъ невѣжествомъ и даже безграмотностію московскихъ архіереевъ, своихъ современниковъ, но и не думалъ уничтожить это позорное явленіе въ тогдашней нашей церковной жизни устройствомъ школы, заботами о наученіи и хотя бы кое-какомъ просвѣщеніи поставляемыхъ имъ самимъ пастырей и архипастырей. Мало того. Предъ патріаршествомъ Никона наше и свѣтское и духовное правительство заботятся о пріисканіи и въ южной Руси и на православномъ востокѣ хорошихъ учителей, чтобы съ ихъ помощію открыть въ Москвѣ настоящую школу. Со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона всѣ эти заботы объ открытіи школы прекращаются, о школѣ даже совсѣмъ забываютъ. Никонъ весь запасъ своихъ недюжинныхъ силъ, всю свою громадную энергію, растрачиваетъ на безполезную борьбу съ своими личными врагами и недоброжелателями, на проявленіе своей патріаршей мощи, какъ неограниченнаго, ничѣмъ нестѣсняемаго властелина, личная воля и усмотрѣніе котораго есть единственный регуляторъ въ отношеніи къ подчиненнымъ и пасомымъ, на чемъ единственно онъ и строитъ всю свою церковно-обрядовую реформаторскую дѣятельность. Свои грамадныя патріаршія матеріальныя средства онъ тратитъ на безполезную постройку новыхъ монастырей, дворца для своего жилья, на сооруженіе дорогихъ роскошныхъ митръ, цѣлой массы роскошныхъ облаченій, на снаряженіе цѣлыхъ полковъ для войны съ поляками, и ни одной копейки на школы и образованіе. Онъ, простой, необразованный московскій начетчикъ, вовсе и не думалъ прививать московской Руси недостающую ей силу—

силу науки и образованія, конечно потому, что самъ правильно не понималъ и не цѣнилъ ея, не понималъ, что безъ этой силы ничто въ общественной жизни прочно и хорошо не строится. Поэтому то и результаты реформаторской дѣятельности Могилы и Никона были столь различны: реформы Могилы, хотя онѣ были шире, всестороннѣе и, въ церковно-обрядовой сферѣ, гораздо радикальнѣе, чѣмъ реформы Никона, не только не вызвали въ кіевской Руси какаго либо раскола, но и водворили въ ней церковный порядокъ; тогда какъ реформы Никона на Москвѣ произвели въ нашей церкви расколъ, который продолжается и доселѣ.

ГЛАВА VI.

Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ.

Взглядъ русскихъ на печатныя греческія книги, какъ на испорченныя еретиками. Исправленіе книгъ при Никонѣ происходило по греческимъ венеціанскимъ печатнымъ изданіямъ, которыя однако провѣрялись и передѣлывались съ помощію старыхъ рукописныхъ славянскихъ и греческихъ книгъ. Арсеній грекъ, какъ книжный справщикъ при Никонѣ. Личное участіе Никона въ книжныхъ исправленіяхъ. Никонъ лично признавалъ исправленіе книгъ только по древнимъ славянскимъ и древнимъ греческимъ и вѣрилъ, что такъ именно при немъ книги и исправлялись. Въ исправленіи самаго текста книгъ Никонъ не принималъ участія по незнанію греческаго языка. Признаніе Никономъ старыхъ и новыхъ служебниковъ одинаково добрыми и что можно служить по тѣмъ и другимъ. Полное охлажденіе Никона, послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, къ своей предшествующей церковно реформаторской грекофильской дѣятельности.

На ряду съ церковно-обрядовою реформой Никонъ производилъ и другую реформу—пересмотръ и исправленіе нашихъ церковно-богослужебныхъ кнахъ съ греческихъ. Мы знаемъ, что благодаря государю и Стефану Вонифатьевичу у насъ уже стали, подъ конецъ патріаршества Іосифа, исправлять нѣкоторыя книги и съ греческихъ, какъ исправлялся, напримѣръ, въ 1650 году Шестодневъ. Но тогда это новое у насъ дѣло—исправленіе богослужебныхъ книгъ съ греческихъ, только еще начиналось, налаживалось, а теперь, при Никонѣ, оно должно было вестись широко и энергично, даже съ прямой замѣной во многомъ старыхъ богослужебныхъ книгъ новыми переводами съ греческихъ подлинниковъ. Но на этомъ пути, какъ и при исправленіи обряда, Никону пришлось встрѣтиться со многими затрудненіями и препятствіями. Прежде всего Никону пришлось бороться съ

сильно распространеннымъ у русскихъ предубѣжденіемъ и недовѣріемъ ко всѣмъ греческимъ книгамъ вообще. У русскихъ сложилось сказаніе, что будто бы всѣ греческія книги, при завоеваніи Константинополя, были отобраны у грековъ латинянами и сожжены ими. Послѣ этого греческія книги напечатаны были вновь въ латинскихъ странахъ, продолжаютъ тамъ печататься и доселѣ, причемъ латиняне переправляютъ ихъ на свой ладъ, и уже въ передѣланномъ видѣ продаютъ ихъ грекамъ, такъ какъ у грековъ въ Константинополѣ, и вообще въ турецкой имперіи, не было и нѣтъ своей собственной типографіи, въ которой бы они могли печатать свои книги въ неиспорченномъ видѣ 1). Сами греки подтверждали справедливость подозрѣній русскихъ къ греческимъ книгамъ, напечатаннымъ въ иновѣрныхъ земляхъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна челобитная палеопатрасскаго митрополита Ѳеофана, поданная имъ въ Москвѣ государю въ 1645 году, послѣ того какъ онъ исполнилъ порученіе константинопольскаго патріарха и собора, которые, собственно, и послали его въ Москву. Въ своей челобитной Ѳеофанъ пишетъ: „буди вѣдомо, державный царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ *и боренія отъ еретиковъ, потому что имѣютъ папежи и лютори греческую печать, и печатаютъ повседневно богословныя книги святыхъ отецъ, и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зеліе—поганую свою ересь.* И клеплютъ святыхъ и богоносныхъ отецъ, что будто пишутъ по ихъ обычаю, и тое есть нестаточно, потому что нынѣ есть древнія книги и библѣи харатейные рукописьмены и благословеніе святыхъ отецъ въ монастырехъ во святой горѣ Аѳонской и въ иныхъ древнихъ монастырехъ, и по тѣмъ библіямъ и книгамъ объявляетца ихъ лукавство. Посемъ нынѣ они, которые книги печатали и составили по своему обычаю и вымыслу, тѣми

[1]) Русскіе однако не знали того очень важнаго обстоятельства, что въ латинской Венеціи въ то время жило очень много православныхъ грековъ, которые имѣли свои церкви, свой православный клиръ и свои православныя типографіи, въ которыхъ они, т. е. православные венеціанскіе греки, и печатали свои церковныя книги. Значитъ, хотя греческія книги и печатались въ латинской Венеціи, но печатались православными греками и въ ихъ собственныхъ типографіяхъ. Конечно были и исключенія, почему въ то время и въ самой Греціи къ венеціанскимъ греческимъ изданіямъ относились съ осторожностію.

же книгами они борются въ странахъ, а гдѣ древнихъ библѣй нѣтъ, и опаясаются орудіемъ нашимъ, и являются они мужественны, и стрѣляютъ на насъ нашими стрѣлами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не поволятъ намъ печатать книги въ Царь-градѣ, понеже и нѣмцы, которые пребываютъ въ Царь-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей, и осиливаютъ они своею мздою... Сердцевидѣцъ есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе, *и вспомянулъ смуты, что имѣютъ христіане отъ еретиковъ и смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныхъ книгъ, и надѣютца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падаютъ въ прелесть ихъ и погибаютъ...* Да повелиши, пишетъ далѣе Ѳеофанъ царю, быть греческой печати (въ Москвѣ) и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философства и богословія греческаго языка и по русскому, тогда будутъ переводить многіе книги греческіе на русскій языкъ, которые не переведены, и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, да и гречане освободятца отъ лукавства еретиковъ, да исполнятца во всемъ мірѣ православные христіанскіе книги, и не будетъ нужды (пользоваться) тѣми составленными римскими и люторскими книгами; *здѣся исполнятца древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво*, и тогда будетъ великая радость во всемъ мірѣ и во всѣмъ народѣ христіанскомъ, и прославитца великое имя царствія вашего по всей вселенной, но и паки—Птоломея царя“ [1]).

Въ виду подобныхъ заявленій самихъ грековъ о порчѣ ихъ печатныхъ книгъ со стороны латинянъ и лютеранъ, о томъ, что настоящія неиспорченныя греческія книги могутъ теперь печататься только въ православной Москвѣ, гдѣ должна быть открыта греческая типографія, и для обученія русскихъ устроено греческое училище,—вполнѣ естественно было, что многіе русскіе не считали возможнымъ пользо-

[1]) Челобитная палеопатрасскаго митрополита Ѳеофана 1645 года была нами напечатана въ полномъ видѣ въ журналѣ общ-люб. духовн. просв. 1881 г., Іюль, въ статьѣ: Слѣдственное дѣло объ Арсеніи грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь.

ваться греческими печатными книгами, а тѣмъ болѣе исправлять по нимъ русскія книги. Это бы значило, думали русскіе, не исправлять наши церковныя книги, а завѣдомо портить ихъ, значило бы вводить въ нихъ тѣ ереси, какія латиняне внесли въ напечатанныя у нихъ греческія книги. Если же русскіе и принимали греческія печатныя книги, то только тѣ, съ которыхъ существовали старые славянскіе переводы, и признавали ихъ опять-таки настолько, насколько онѣ согласны были съ этими переводами, все же несогласное въ нихъ со старыми переводами отрицалось, какъ позднѣйшая латинская передѣлка. Вполнѣ точно и опредѣленно этотъ взглядъ русскихъ на греческія печатныя книги былъ выраженъ игуменомъ Ильею и Онисимовымъ во время ихъ собесѣдованія съ Лаврентіемъ Зизаніемъ. На замѣчаніе Зизанія: „да у васъ греческихъ правилъ нѣтъ", Илья и Онисимовъ говорили: „всѣхъ греческихъ старыхъ переводовъ добрыхъ, правила у насъ есть, *а новыхъ переводовъ греческаго языка и всякихъ книгъ не пріемлемъ*, потому что греки живутъ нынѣ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными, и по своихъ воляхъ печати имъ книгъ своихъ не имѣть, и для того вводятъ иныя вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ. И намъ такихъ новыхъ переводовъ греческихъ не надобно, хотя что и есть въ нихъ отъ новаго обычая напечатано, и мы тотъ новый вводъ не пріемлемъ". На замѣчаніе Зизанія: „да откуда у васъ взялись греческія правила?" собесѣдники отвѣтили ему: „Кипріанъ митрополитъ кіевскій и всея Русіи, егда пріиде изъ Константина града въ русскую митрополію, и тогда съ собою привезъ правильныя книги христіанскаго закона греческаго языка и перевелъ ихъ на славянскій языкъ, Божіею милостію пребываютъ и донынѣ безъ всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ, да и многія книги греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ, а нынѣ къ намъ которыя книги выходятъ печатныя греческаго языка и будетъ сойдутся съ старыми переводами, и мы ихъ пріемлемъ и любимъ; а будетъ въ нихъ приложено ново, и мы тѣхъ не пріемлемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что греки живутъ нынѣ въ великихъ тѣснотахъ въ невѣрныхъ странахъ, и печатати имъ по своему обычаю невозможно" [1]). Та-

[1]) Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февраля 1627 года по поводу испра-

кимъ образомъ русскіе, годность или негодность своихъ церковныхъ книгъ, опредѣляли вовсе не ихъ сходствомъ съ греческими печатными книгами, а какъ разъ наоборотъ: годность или негодность греческихъ печатныхъ книгъ опредѣляли сходствомъ или несходствомъ ихъ съ русскими книгами, не русское провѣрялось греческимъ, а греческое русскимъ.

Понятно изъ сказаннаго, съ какимъ предубѣжденіемъ должно было встрѣтить большинство русскихъ стремленіе Никона исправлять наши церковно-богослужебныя книги съ греческихъ, особенно печатныхъ, съ какими трудностями и препятствіями ему пришлось бороться. Правда лучшіе люди, еще во времена патріаршества Іосифа, уже признавали необходимость исправлять наши книги по греческимъ и даже, какъ мы видѣли, дѣлали нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ. Но, во-первыхъ, такія лица представляли изъ себя даже въ самой Москвѣ только очень маленькую группу, совершенно незамѣтную въ массѣ; во-вторыхъ, совершенныя ими исправленія съ греческихъ книгъ сдѣланы были, какъ говорится, безъ всякаго шума, незамѣтно для большой публики, по предметамъ не бросавшимся въ глаза, почему на эти исправленія никто и не обратилъ вниманія. Иначе дѣйствовалъ Никонъ. Онъ думалъ исправить всѣ русскія церковно - богослужебныя книги, причемъ придалъ этому дѣлу публичный, торжественный характеръ, смѣло и рѣшительно заявивъ на соборѣ вслухъ всѣхъ, что всѣ московскія церковныя книги сильно испорчены разными включенными въ нихъ новшествами, почему ихъ необходимо тщательно исправить на основаніи древнихъ харатейныхъ славянскихъ переводовъ и греческихъ. Никонъ, впрочемъ, хорошо понималъ тѣ затрудненія, какія ему придется встрѣтить при исправленіи русскихъ книгъ съ греческихъ, и потому онъ приступилъ къ дѣлу исправленія книгъ очень осторожно. Прежде всего Никонъ постарался собрать какъ старые славянскіе переводы, такъ и старыя рукописныя греческія книги, каковыя не могли подвергнуться порчѣ со стороны иновѣрцевъ, и потому не должны были внушать

вленія катехизиса Лаврентія Зизанія. Изд. общ. люд. древне-рус. письменности. Спб. 1878 г. XVII.

русскимъ никакихъ опасеній и подозрѣній. Исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ, производимое Никономъ, должно было, такимъ образомъ, совершиться не по новымъ греческимъ книгамъ, которыя печатаются у латинянъ, почему онѣ и очень подозрительны, а по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ, которыя никогда и не бывали въ рукахъ иновѣрцевъ. Произведенное такимъ способомъ исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ, никому не должно было, очевидно, внушать опасеній, подозрительность русскихъ должна была успокоиться. Но, къ сожалѣнію, этотъ, такъ прекрасно задуманный способъ исправленія книгъ, на практикѣ оказался совсѣмъ непримѣнимымъ, почему никоновскимъ книжнымъ справщикамъ пришлось его окончательно оставить и на дѣлѣ замѣнить другимъ.

Дѣло въ томъ, что богослуженіе въ христіанской церкви, церковные чины и обряды, появились и сложились не вдругъ, а мало по малу, въ теченіи многихъ вѣковъ, причемъ въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ они всегда были очень неодинаковы, и даже въ одной церкви, въ разное время ея существованія, были различны, а относительно частностей и подробностей, такъ продолжалось и послѣ того, какъ общіе типы церковныхъ службъ, чиновъ и обрядовъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, уже окончательно опредѣлились и получили на практикѣ полную устойчивость [1]). Отно-

[1]) Что и въ русской церкви древніе богослужебные списки были неодинаковы, несходны между собою и съ послѣдующими, это доказывается слѣдующимъ: изъ домонгольскаго періода до насъ дошло два служебника, усвояемые—одинъ Антонію Римлянину († 1147 г.), другой Варлааму Хутынскому (приблизительно около 1192 г.). Извѣстный историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій по этому поводу замѣчаетъ: „прежде всего служебники, не смотря на то, что они одной и той же мѣстности и по времени писанія отдѣляются одинъ отъ другого не слишкомъ большимъ промежуткомъ времени, если только не совсѣмъ современны, далеко несогласны сами между собою. Въ служебникѣ Варлаамовомъ нѣтъ нѣкоторыхъ молитвъ и возглашеній, читаемыхъ въ Антоніевомъ, и относительно нѣкоторыхъ дѣйствій даются предписанія, отличныя отъ послѣдняго. Вообще изъ взаимнаго сличенія служебниковъ ясно, что въ періодъ домонгольскій у насъ существовали литургіи въ нѣсколькихъ редакціяхъ и что онѣ представляли большее или меньшее разнообразіе“ (Ист. рус. церкви, томъ первый, втор. полов. стр. 307, 363). Относительно разнообразія въ богослужебныхъ книгахъ, существовавшаго у насъ послѣ монгольскаго періода, см. сочиненіе И. Д. Мансветова: Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности. Москва 1882 г.

сительное единообразіе, даже въ частностяхъ и подробностяхъ церковныхъ службъ и обрядовъ, заявило себя только уже со времени книгопечатанія, когда цѣлые выпуски церковныхъ книгъ стали печататься съ одного опредѣленнаго списка. Въ виду этого древніе рукописные списки церковно-богослужебныхъ книгъ очень разнообразны, во многомъ несходны между собою, каждый изъ нихъ говоритъ только за то, какъ совершалось богослуженіе въ то время, къ которому относится списокъ, и въ той именно церкви, которой онъ принадлежитъ. Но если взять богослуженіе другой помѣстной церкви за тоже время, то оно окажется во многомъ несходнымъ съ первымъ, даже богослужебные списки одной и той же церкви, но взятые за разное время, будутъ очень различны и несходны между собою, и чѣмъ древнѣе списки, тѣмъ больше между ними будетъ и различія. Понятно отсюда, что исправлять современныя богослужебныя книги по древнимъ спискамъ дѣло по самому существу своему крайне трудное, требующее продолжительныхъ спеціальныхъ предварительныхъ изысканій и работъ со стороны не одного, а многихъ лицъ, нарочно къ тому научно подготовленныхъ, такъ какъ каждый древній списокъ всегда будетъ представлять изъ себя нѣчто отличное отъ другого подобнаго древняго же списка, а тѣмъ болѣе отъ позднѣйшаго. Изъ разсмотрѣнія разныхъ древнихъ богослужебныхъ списковъ можно придти только къ тому заключенію, что богослуженіе въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ было всегда очень различно, никогда не было во всемъ одинаковымъ даже въ одной и той же церкви, за различное время ея существованія, что православная церковь всегда допускала и допускаетъ въ своихъ нѣдрахъ разнообразіе въ церковныхъ службахъ, чинахъ и обрядахъ, не считаетъ полное, детальное единообразіе въ нихъ обязательнымъ, необходимымъ условіемъ ихъ единенія, если только онѣ, при разности церковнаго чина и обряда, исповѣдуютъ одно и тоже ученіе. Естественно поэтому, что Никонъ, думавшій исправлять русскія богослужебныя книги по древнимъ греческимъ и славянскимъ спискамъ, встрѣтилъ, или вѣрнѣе, назначенные имъ книжные справщики встрѣтили на этомъ пути неодолимыя препятствія, заключающіяся въ безконечномъ разнообразіи древнихъ списковъ, въ ихъ несходствѣ между собою и съ

современною практикою, въ невозможности привести ихъ къ единству и единообразію, безъ участія въ этомъ дѣлѣ личнаго усмотрѣнія, а, въ извѣстныхъ случаяхъ, и прямо творчества со стороны книжныхъ справщиковъ и ихъ руководителя, какъ это и было въ дѣлѣ книжныхъ исправленій, совершенныхъ кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою. Чтобы выйти изъ затрудненія, справщикамъ приходилось остановиться или на какомъ либо одномъ древнемъ спискѣ, или на нѣсколькихъ, относительно однородныхъ. Но и тутъ затрудненіе все-таки не уничтожалось. Если держаться одного или нѣсколькихъ однородныхъ древнихъ богослужебныхъ списковъ, и на основаніи ихъ исправить русскія книги, то въ концѣ оказалось бы, что исправленныя такимъ образомъ книги будутъ, необходимо, значительно и во многомъ отличны какъ отъ современныхъ русскихъ, такъ и современныхъ греческихъ книгъ, и тогда церковно-богослужебная практика русской церкви значительно бы разошлась и съ русскою непосредственно ей предшествовавшею церковною практикою и съ тогдашнею греческою, вслѣдствіе чего цѣль никоновскихъ церковныхъ исправленій—приведеніе къ полному единству русской церковно-богослужебной практики съ современною греческою, рѣшительно бы не достигалась. Тогда Никону и его книжнымъ справщикамъ оставался послѣдній путь, чтобы выдти изъ затрудненія: признать греческую современную церковно-богослужебную практику и греческія печатныя книги за норму и образецъ для исправленія русскихъ книгъ. Такъ какъ практика греческой церкви XVII вѣка выработалась на основаніи болѣе древней, то она, конечно, и находила себѣ оправданіе въ извѣстной серіи древнихъ списковъ, что и служило для никоновскихъ справщиковъ достаточнымъ увѣреніемъ въ томъ, что они, исправляя русскія книги по печатнымъ греческимъ, дѣйствительно возстановляютъ на Руси древній церковно-богослужебный чинъ, такъ какъ онъ, въ этомъ случаѣ, опирается на свидѣтельство древнихъ списковъ, вполнѣ подтверждающихъ правильность и неиспорченность греческихъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ. Такимъ образомъ Никонъ, взявшись за исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ, естественно и необходимо долженъ былъ придти къ рѣшенію: или отказаться отъ выполненія этой задачи, или же

исправлять русскія книги съ тогдашнихъ греческихъ печатныхъ книгъ. Никонъ, или вѣрнѣе, его справщики рѣшили послѣднее. Но очевидно, что совершенное такимъ способомъ исправленіе русскихъ книгъ, должно было встрѣтить въ значительной части русскаго общества рядъ недоумѣній, сомнѣній и даже прямо противодѣйствіе, въ виду того предубѣжденія, какое существовало у русскихъ относительно греческихъ печатныхъ книгъ, и подъ вліяніемъ котораго даже самъ Никонъ считалъ возможнымъ исправлять наши книги только по древнимъ славянскимъ рукописямъ и по греческимъ.

Что при Никонѣ наши богослужебныя книги исправлялись съ печатныхъ греческихъ венеціанскихъ изданій, это хорошо было извѣстно первымъ противникамъ реформы Никона. Дьяконъ Ѳедоръ пишетъ въ челобитной государю: „а нынѣшныя книги, что посылалъ покупать Никонъ патріархъ въ Грецію, *съ коихъ нынѣ здѣ переводятъ*, словутъ греческія, а тамъ печатаютъ тѣ книги подъ властію богоотступнаго папы римскаго въ трехъ градѣхъ: въ Римѣ, въ Парижѣ и въ Венеціи, греческимъ языкомъ, но не по древнему благочестію. Того ради и здѣ нынѣшныя (переведенныя) съ старыми несогласны, государь, и велія смута“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „тѣ прокаженныя книги латиногреческія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо (на востокѣ), и купилъ ихъ на многія тысящи сребра. Самъ нынѣ сказа всѣмъ во время отреченія престола и патріаршества своего, и числомъ сказа, но азъ забыхъ то. *И съ тѣхъ новогреческихъ печатныхъ книгъ печаталъ онъ на Москвѣ новыя нынѣшнія книги: потому онѣ и несогласны со старыми нашими.* Арсеній грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги еретическія, *онъ переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій,* и тѣмъ они развратъ велій сотворили во всей земли русской по всѣмъ церквамъ“ [1]). Никита говоритъ, что въ новоисправленныхъ никоновскихъ книгахъ „всѣ таинственныя въ миропомазаніи приглашенія нарушены злымъ еретическимъ вымысломъ, послѣдуя отпадшія вѣры римскому не православному крещенію. *А печатано съ книгъ, иже греческія словутъ, а печатаютъ ихъ растлѣнно въ трехъ ла-*

---

[1]) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 41—42, 158.

тинскихъ градѣхъ: въ Римѣ, и въ Парижѣ и въ Венеціи" [1]. И православные люди, раздѣлявшіе предубѣжденіе противъ греческихъ печатныхъ книгъ, сильно соблазнялись тѣмъ, что книги при Никонѣ, исправлялись съ греческихъ венеціанскихъ изданій. Вятскій епископъ Александръ, въ вопросахъ, предложенныхъ имъ собору 1666 года, говоритъ: „новый требникъ ни съ кіевскимъ, ни съ прежними нашими московскими согласія не имать. Откуду убо явится истина, зане мы въ Венеціи печатныхъ книгъ греческихъ огребатися должны есмы, и въ неволи живущимъ грекамъ у латинниковъ и у эллинъ, обычаевъ и чиновъ пріимати нѣсмы должны". Русскимъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, болѣе держаться своихъ старыхъ славянскихъ книгъ, „и тѣмъ святымъ книгамъ послѣдовати, а не въ Венеціи печатнымъ отъ еретикъ" [2]. Но самое обстоятельное извѣстіе о томъ, что книги при Никонѣ и послѣ его правились у насъ дѣйствительно съ греческихъ венеціанскихъ изданій принадлежитъ извѣстному Сильвестру Медвѣдеву, который нѣкоторое время самъ былъ книжнымъ справщикомъ, и потому имѣлъ о книжной справѣ вѣрныя обстоятельныя свѣдѣнія, которыя онъ и сообщаетъ въ первой части своего сочиненія": Извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ" [3].

Отвѣчая на вопросъ, откуда произошелъ расколъ въ русской церкви, Медвѣдевъ рѣшительно говоритъ: „ни откуду инуду таковое въ Московскомъ царствіи въ вѣрѣ православніи сотворися разнствіе, точію отъ новыхъ греческихъ печатныхъ книгъ, которыя во градѣхъ латинскія вѣры и лютерскія и кальвинскія ереси печатаются, и съ греческими и древними рукописменными книгами не согласуются". Въ объясненіе того, какимъ образомъ могло случиться, что наши книги стали исправлять съ венеціанскихъ греческихъ изданій, Медвѣдевъ разсказываетъ слѣдующее: Никонъ, рѣшивъ исправить русскія книги, созвалъ соборъ въ 1654 году, который онъ и просилъ, указавъ предварительно на не-

---

[1]) IV, стр. 15—16.

[2]) Рукопись моск. синод. библ. по описанію Горскаго и Новоструева, т. II. 4., № 294, вопр. 20, л. 114.

[3]) Это сочиненіе Медвѣдева напечатано С. А. Бѣлокуровымъ въ чт. общ. ист. и древн. 1885 г. кн. IV.

исправности московскихъ книгъ, составить рѣшеніе: „новымъ-ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовати, въ нихъ же многая обрѣтошася нами, отъ преведшихъ и преписующихъ я неискуснѣ, съ древними же греческими и словенскими несходства и несогласія, явнѣ же рещи погрѣшенія,—или древнимъ греческимъ и славянскимъ, иже обои единъ купно чинъ и уставъ показуютъ, въ нихъ же святіи Божіи человѣцы и велицыи сихъ творцы восточніи богословцы и учители—Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый, Іоаннъ Дамаскинъ, Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ московстіи чудотворцы, и прочіи святіи поучающеся, Богови угодиша, и намъ въ пользу нашу незазорны я оставиша, и невреждении блюсти повелѣша?“ По поводу этой рѣчи Никона, Медвѣдевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „внимай, боголюбезный правовѣрный читателю, прилежно, како здѣ святѣйшій патріархъ Никонъ древніи греческія рукописменныя и словенскія харатейныя книги похваляетъ, и съ ними весьма тщится во всемъ согласное имѣти; а еже съ ними въ книгахъ несогласное, и то, яко новое, отринути поучаетъ, и чесо ради тако сотворити, и тому причину даетъ свѣтлую: яко дабы намъ всѣмъ спасеніе улучити—такожде, яко же наши россійстіи святіи Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ московскіи чудотворцы“.—На рѣчь Никона, разсказываетъ Медвѣдевъ, соборъ отвѣтилъ рѣшеніемъ: „достойно и праведно исправити словенскія печатныя книги противу старыхъ харатейныхъ россійскихъ и греческихъ книгъ“. Въ силу такого соборнаго постановленія изъ разныхъ русскихъ книгохранилищъ стали собирать въ Москву древнія славянскія книги, переведенныя съ греческаго на славянскій языкъ за 500 лѣтъ и больше, а на востокъ былъ посланъ старецъ Арсеній Сухановъ, чтобы и оттуда привести въ Москву старыя рукописныя греческія и славянскія книги“. Внимай, читателю, опять замѣчаетъ по этому поводу Медвѣдевъ, не о новыхъ греческихъ у нѣмецъ печатанныхъ книгахъ промышленіе бяше, съ которыхъ бы согласную истину древнихъ святыхъ отецъ познати, но о древнихъ рукописменныхъ“,—Когда Сухановымъ дѣйствительно привезены были въ Москву очень древнія греческія рукописныя книги, тогда въ Москвѣ снова былъ созванъ соборъ, на которомъ присутствовали: антіохійскій патріархъ Макарій

и сербскій Гавріилъ. На этомъ соборѣ тщательно сличены были древнія греческія рукописныя книги съ древними же рукописными славянскими, и найдены между собою во всемъ согласными". „Зри, православный читателю," замѣчаетъ Медвѣдевъ, „прилежно, какъ на ономъ соборѣ вси разсмотриша наши словенскія древнія книги со древними греческими рукописменными во всемъ согласны быти, а не съ новыми греческими у нѣмецъ печатными книгами". Въ виду этого соборъ рѣшилъ служебникъ „и прочія святыя книги, въ нихже нѣкими отъ преписующихъ невниманіемъ погрѣшенія обрѣтаются, во всемъ съ древними греческими и славянскими священными книгами, въ нихже не едино прегрѣшеніе обрѣтается, согласити и исправити узакониша". Но это соборное постановленіе: исправить русскія книги съ древнихъ рукописей греческихъ и славянскихъ, на практикѣ не было приведено въ исполненіе, книги въ дѣйствительности стали править „съ новопечатанныхъ греческихъ у нѣмецъ", древнія же книги греческія и славянскія были оставлены. Произошло это, по объясненію Медвѣдева, такимъ образомъ: когда соборъ рѣшилъ исправить служебникъ съ древнихъ греческихъ и славянскихъ, тогда „коварніи человѣцы, прежде лестными своими словесы прельстиша святѣйшаго Никона патріарха, начаша самую ему правду о исправленіи книгъ предлагати, а дѣломъ самымъ ино промышляти. И егда оныхъ человѣкъ та хитрость ихъ не познася, оставивше они греческія и славянскія древнія самыя книги, начаша правити съ новопечатныхъ у нѣмецъ греческихъ книгъ. А въ семъ предисловіи книги служебника пишутъ они, еже ону съ древними греческими и словенскими рукописменными достовѣрно исправиша и во всемъ согласиша, и народъ православный увѣщаютъ, во еже бы оный той книгѣ, яко достовѣрной, вѣрили и ни въ чесомъ не усомнѣвалися, зане справлена съ греческихъ рукописменныхъ и словенскихъ книгъ. А та книга служебникъ правлена не съ древнихъ греческихъ рукописменныхъ и словенскихъ, но снова у нѣмецъ печатной греческой безсвидѣтельствованной книги, у нея же и начала нѣсть и гдѣ напечатана невѣдомо. И егда по малыхъ лѣтѣхъ, по указу великаго государя, ради достовѣрнаго книжнаго свидѣтельства и справки, былъ на печатномъ дворѣ справщикъ изъ Аѳонскія горы архиманд-

ритъ Діонисій, иже обита въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ, и той, ону у нѣмецъ печатную книгу служебникъ разсмотря, на страницахъ подписалъ своею рукою на обличеніе тоя неправыя книги словеса бранныя, здѣ писати неприличныя. А та книга и нынѣ обрѣтается въ книгохранительницѣ на печатномъ дворѣ. И которой служебникъ печатанъ и послѣ сего въ лѣто 7166, а въ немъ напечатано о святѣй литургіи, яко напечатано по уставу константинопольскія великія церкви и святыя горы, — и онъ на той книгѣ подписалъ своею рукою: „не хощу лгать на великую церковь и на святую гору Аѳонскую". Въ другомъ мѣстѣ Медвѣдевъ говоритъ: „всѣ повѣдаютъ книги правлены съ древнихъ греческихъ и словенскихъ харатейныхъ рукописныхъ книгъ, а ни одна книга новоисправленная, яко служебникъ и иныя, съ древними греческими рукописменными и съ древними же словенскими харатейными книгами можетъ обрѣстися во всемъ согласна; но всякая имать, яко отъ древнихъ греческихъ рукописныхъ и славянскихъ харатейныхъ, тако и отъ славянскихъ печатныхъ и отъ Кіевскихъ и съ новопечатными у нѣмецъ греческими же книгами, разгласна. А еже далѣе правятъ, то вящше премѣненія по своимъ прихотямъ творятъ и тѣмъ православный народъ смущаютъ". Но кто же были тѣ „коварніи человѣцы", которые, обманувъ Никона, стали править наши книги не по древнимъ греческимъ и славянскимъ, какъ хотѣлъ Никонъ и какъ рѣшили соборы, а по греческимъ новопечатнымъ у нѣмцевъ? На это нѣтъ прямого отвѣта у Медвѣдева. Въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ глухо заявляетъ: „нѣціи духовніи оставяще (славянскія) оныя правыя харатейныя древнія книги, которыя съ древними харатейными книгами сходны, по нихже вси святіи россійстіи Богу угодиша и благодать Его божественную себѣ чудотворенія пріяша, оставивше, возлюбили новыя греческія у нѣмецъ печатныя книги и съ тѣхъ, вновь преводяще, и то неискусными переводчики, начаша, не справя и подлинно не осмостряся, печатати, и того ради едва не всядневно въ книгахъ премѣнностію православный народъ смущати. Отъ ихже таковаго смущенія, Богъ вѣсть, колико темъ сотъ душъ православныхъ погибе... Нынѣшніи духовніи, еще замѣчаетъ Медвѣдевъ, сами во извѣстіи свя-

щеннаго писанія и древнихъ святыхъ отецъ неискуствующе, яже вещи отъ россійскаго народа по обыклости древней хранятся, обаче тіи не суть противни Богу, ниже вѣрѣ святѣй, ниже древнимъ греческимъ рукописменнымъ и словенскимъ книгамъ, но тѣмъ согласны; они же, являющеся быти мудры и новымъ у нѣмецъ печатнымъ греческимъ книгамъ послѣдствующе, старыя правыя греческія и славянскія харатейныя и на бумагѣ писменныя книги, по которымъ древніи наши святіи отцы спасошася, презираютъ и многія хулятъ. А иже имъ о семъ правду глаголетъ, и они правды слышати не хощутъ. Ибо (а праведно рѣщи не есть сіе грѣхъ) во истину самыя правды и сами не знаютъ, точію честію своею величаются и не хощутъ невѣденія своего людемъ ради себѣ стыда объявити, но точію повелѣваютъ всѣмъ себе безъ всякаго разсужденія, оставя правду, ихъ, неправая мудрствующихъ, слушати; и всегда отъ всякія правды, противу которой противитися не могутъ, защищаются Христовымъ словесемъ, иже рече: *слушаяй васъ, мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, мене отметается.* А въ чемъ подобаетъ ихъ людемъ слушати, того они не изъявляютъ, и тѣми словесы Христовыми неискусныхъ человѣкъ въ разсужденіи неправедно устрашаютъ". По заявленію Медвѣдева тогда были безумные „нѣціи духовніи", которые признавали неправыми не только книги московской печати, но „и вси наши древніи книги славянскія харатейныя", такъ какъ онѣ будто бы неправильно и неискусно ранѣе были переведены, почему де и слѣдуетъ держаться греческихъ книгъ и новыхъ русскихъ переводовъ съ нихъ.

Такимъ образомъ Медвѣдевъ, который самъ былъ справщикомъ въ теченіи десяти лѣтъ (1679—1689), рѣшительно завѣряетъ, что наши церковныя книги при Никонѣ, и въ послѣдующее время, правились будто бы исключительно только съ новопечатныхъ греческихъ венеціанскихъ изданій, причемъ Медвѣдевъ указываетъ и самый греческій подлинникъ, съ котораго при Никонѣ правили служебникъ. Этотъ греческій евхологій, венеціанскаго изданія, дѣйствительно и сейчасъ находится въ московской синодальной библіотекѣ.

Но если при Никонѣ дѣйствительно, какъ увѣряетъ Мед-

вѣдевъ, служебникъ исправлялся только по одному печатному венеціанскому изданію, причемъ будто-бы вовсе не принимались во вниманіе древнія греческія и славянскія рукописи, то какимъ же образомъ могло случиться, что Никоновскій служебникъ, исправленный съ одной только опредѣленной печатной греческой книги, явился однако не одинаковымъ въ разныхъ изданіяхъ, которыя разнятся между собою? Паисій Лигаридъ и Одоевскій, посланные къ Никону въ Воскресенскій монастырь, отъ имени государя говорили ему: „для чего ввелъ въ міръ великій соблазнъ—выдалъ три служебника и во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того несогласіе большое?" Противники книжныхъ исправленій Никона постоянно и настойчиво указывали на то обстоятельство, что при Никонѣ и послѣ его „было шесть выходовъ служебниковъ и что всѣ они разнятся между собою". Это показываетъ, что при исправленіи служебника никоновскіе справщики производили справку не съ одной только какой нибудь опредѣленной печатной греческой книги, такъ какъ, при такомъ условіи, разные выпуски одного и того же служебника не могли бы разниться между собою, но были бы одинаковы. Книжные справщики служебника изданія 1655 года, въ предисловіи заявляютъ, что они „отъ греческихъ и славянскихъ книгъ *истинное избраше* (т. е. сдѣлавъ выборку) и сію святую книгу служебникъ" напечатали. Книжные справщики въ никоновскомъ служебникѣ 1658 года, втораго изданія, на листѣ 693-мъ, дѣлаютъ такое заявленіе: „вѣдомо убо будетъ вамъ всѣмъ, яже отъ Бога рукоположеніемъ архіерейскимъ освященнымъ, яко въ прежнихъ изданныхъ изъ печати служебникахъ, аще и не печатася стихъ: благословенъ грядый во имя Господне, иже глаголется въ литургіи, но внегда (воздвигнувъ честную чашу) рещи діакону или священнику: со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите,—и сіе убо не забвеніемъ или нерадѣніемъ не напечатася, *но зане въ греческихъ переводахъ, отъ нихже сія книга преведеся и исправися, не напечатано.* Сего ради и мы оставихомъ. Егда же разсмотрихомъ отъ книги толкованія литургіи, собраннаго Іоанномъ іереемъ Наѳанаиломъ, новопреведенныя съ греческаго языка на словенскій и напечатанныя въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7164, идѣже тамо во главѣ 115, на листѣ 732-мъ пишетъ, наипаче

же отъ книги самаго Златоустаго, идѣже сочиненіе его литургіи бяше, тамо обрѣтохомъ о семъ писано, яко подобаетъ глаголати. Сего ради и мы, въ настоящихъ сихъ служебникаҳъ положихомъ, *совершенно вѣдуще, яко никакоже подобаетъ оставляти*". Книга Увѣтъ говоритъ, что „святая книга служебникъ исправися соборнѣ со истиннымъ свидѣтельствомъ съ древнихъ святыхъ отецъ, восточныя церкви и русскихъ нашихъ чудотворцевъ съ харатейныхъ письменныхъ книгъ добрыхъ переводовъ, по нихже сами святіи чудотворцы служили... А съ которыхъ древнихъ книгъ нашихъ русскихъ чудотворцевъ исправися чинъ служебника, и тіи здѣ во свидѣтельство полагаются: во первыхъ, Антонія Римлянина, препод. Варлаама Хутынскаго, архіепископовъ—Іоанна, Евѳимія, Серапіона новгородскихъ чудотворцевъ служебники, по нихъ же сами служиша. Къ симъ же святаго Кипріана митрополита Московскаго и всея Россіи, писанный на хартіи его рукою служебникъ, великаго чудотворца Сергія Радонежскаго обители харатейный служебникъ, Іова перваго московскаго патріарха со златыми письмены, Іосифова монастыря ламскаго служебники, но здѣ, множества ради, оставляемъ". Кромѣ того Увѣтъ, по тѣмъ или другимъ частнымъ случаямъ, не разъ указываетъ, какія именно греческія и славянскія книги имѣлись въ виду при тѣхъ или другихъ частныхъ исправленіяхъ. Напримѣръ онъ говоритъ: „а тѣ тропари по херувимской пѣсни въ великую субботу напечатаны тако со многихъ греческихъ и славенскихъ харатейныхъ старыхъ книгъ, тріодей и служебниковъ. А въ коихъ писано то здѣ полагается: книги греческія: тріодь постная и цвѣтная въ полдесть, писана отселѣ за триста тридесять осмь лѣтъ, въ лѣто 6852, принесена и положена въ соборную церковь Фотіемъ митрополитомъ московскимъ и всея Россіи, въ ней въ великій пятокъ на вечерни тропарь—благообразный Іосифъ, конецъ его писанъ: закрывъ положи. Такожде пишетъ въ греческомъ письменномъ въ служебникѣ, по херувимской пѣсни, въ литургіи Златоустовѣ, окончаніе тогоже тропаря: закрывъ положи. И паки въ русскихъ служебникахъ обрѣтается: Евѳимія новгородскаго чудотворца, писаннаго въ его лѣта, отселѣ за 244 лѣта, по Херувимской пѣсни, конецъ того тропаря: закрывъ положи. И паки въ служебникѣ Іосифова монастыря волоцкаго того же тропаря

конецъ: закрывъ положи. И во всѣхъ старыхъ книгахъ греческихъ и славянскихъ стоятъ тропари такожде". Или, напримѣръ, Увѣтъ замѣчаетъ „и въ древнихъ греческихъ требникахъ письменныхъ и печатныхъ, и въ славянскихъ харатейныхъ и сербскихъ и Кіевскихъ требникахъ, писано согласно, противъ новоисправленныхъ требниковъ, а не отъ себе исправихомъ, но послѣдующе древнему обычаю святыя церкве и грамматическому разуму святыхъ отецъ". Въ другомъ мѣстѣ Увѣтъ говоритъ: „клеветницы и возмутители церкве святыя глаголятъ хульная на догматы и преданія святыхъ отецъ: еже въ день пятидесятый вечера глаголютъ ектенія великая и молитва Духа святаго оставлена, лгуще на святую церковь. Слышите, окаянніи слѣпцы и блазнителіе, о семъ свидѣтельства: древнія святыхъ отецъ уставы, и требники и тріоди: книга требникъ харатейный греческій, писана въ лѣта 6856 царя православнаго Іоанна Контакузина, и на его имя подписанъ. И второй требникъ греческій древній писменный, принесенный отъ святыя горы Аѳона, такожде и тріоди и уставы греческія, принесенныя отъ святыя горы Аѳона, и русскія уставы харатейныя и требники, въ нихже симъ переводомъ ектенія и молитвы во всѣхъ согласно обрѣтается, якоже въ новопечатныхъ, понеже со оныхъ древнихъ предиреченныхъ святыхъ книгъ исправишася сіи наши новопечатныя старыя книги, по истинѣ добрѣ и достовѣрнѣ, со многимъ свидѣтельствомъ". Исправляли книги, по увѣренію Увѣта, руководствуясь тѣмъ общимъ правиломъ, что изъ старыхъ разныхъ книгъ выбирали лучшее—„*что въ коей старой книзѣ лучшее разумѣніе отъ многихъ судится быти, то полагается въ печатную книгу*" [1]).

Очевидно, что дѣло книжныхъ исправленій, какъ при Никонѣ, такъ и послѣ него въ ближайшее время, велось такимъ образомъ: печатный венеціанскій греческій служебникъ (или другая церковная книга), и ради удобства и необходимости, и такъ какъ онъ печатался венеціанскими православными греками тоже съ какихъ либо древнихъ провѣренныхъ списковъ, и, главнымъ образомъ, потому, что онъ пользовался довѣріемъ всей православной греческой церкви и ею употреблялся въ обычной церковной практикѣ,

[1]) Стр. 102—103, 107, 204—205, 263 об.

принимался нашими справщиками за основной текстъ, и переводъ его составлялъ первую редакцію, которая клалась въ основу исправленія нашихъ печатныхъ книгъ. Затѣмъ эта первая редакція, т. е. переводъ съ греческаго изданія, подвергалась провѣркѣ древними греческими и славянскими списками, причемъ она претерпѣвала разныя болѣе или менѣе серьезныя измѣненія и передѣлки, привносимыя въ нея по указаніямъ древнихъ греческихъ и славянскихъ списковъ, и это дѣлалось въ большей или меньшей степени при каждомъ новомъ выходѣ книги, отъ чего и произошло то, что разные выходы служебниковъ, какъ при самомъ Никонѣ, такъ и послѣ него, оказывались между собою не совсѣмъ сходными, всегда одинъ выходъ служебника чѣмъ нибудь разнился отъ другаго, полнаго единства между ними не было. Значитъ, хотя при Никонѣ наши церковныя книги дѣйствительно исправлялись съ печатныхъ венеціанскихъ изданій, однако послѣднія подвергались у насъ провѣркѣ древними списками греческими и славянскими, на основаніи чего дѣлались отступленія отъ греческаго печатнаго текста, съ которымъ, поэтому, наши новоисправленныя книги не всегда и не во всемъ сходились. Слабая сторона подобнаго способа исправленія книгъ при Никонѣ, и вскорѣ послѣ него, заключалась въ томъ, что не выработано было никакихъ руководящихъ опредѣленныхъ началъ, никакого опредѣленнаго плана и метода для веденія книжныхъ исправленій, которыми бы могли руководствоваться въ своихъ работахъ книжные справщики. Все дѣло справы велось какъ-то случайно, на основаніи случайнаго находящагося въ данную минуту подъ руками справщиковъ матеріала, отчего необходимо являлась неустойчивость и рознь въ книжныхъ исправленіяхъ за разное время. Справщики провѣряли переводы венеціанскихъ изданій нынѣ по однимъ древнимъ спискамъ, завтра по другимъ, нынѣ находили нужнымъ внести въ исправляемую книгу изъ древнихъ списковъ одно, а завтра другое. Правда, они изъ старыхъ книгъ избирали, по ихъ мнѣнію и убѣжденію, только лучшее, и это находимое лучшее вносили въ наши новоисправленныя книги. Но что такое было дѣйствительно лучшее въ разныхъ старыхъ греческихъ и славянскихъ спискахъ, изъ которыхъ каждый служилъ только отображеніемъ даннаго времени и мѣста?

Такъ какъ ничего руководящаго опредѣленнаго въ этомъ отношеніи установлено и дано не было, то одному справщику казалось въ старомъ лучшимъ одно, а другому—другое, почему одни справщики, какъ лучшее, вносили въ новоисправляемыя книги одно, а другіе потомъ замѣняли это другимъ, по ихъ убѣжденію еще болѣе лучшимъ. Личному усмотрѣнію и разумѣнію книжныхъ справщиковъ, хотя и по неизбѣжной необходимости, такъ какъ въ справѣ не было настоящаго авторитетнаго главы и руководителя, давалось слишкомъ много мѣста, а это неизбѣжно вело къ соблазнительной неустойчивости самой книжной справы. При такихъ порядкахъ, очевидно, чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ большее количество появлялось изданій одной и той же книги, несогласныхъ между собою, и самое количество этихъ несогласій съ теченіемъ времени все болѣе увеличивалось. Это замѣчали всѣ, всѣ этимъ обстоятельствомъ очень смущались и соблазнялись, тѣмъ болѣе, что на него постоянно и неустанно указывали противники книжныхъ никоновскихъ исправленій, какъ на очевидное для всѣхъ доказательство, что русскія церковныя книги въ дѣйствительности не исправляются, а только портятся. Въ интересахъ церкви и самого дѣла, такъ или иначе, нужно было прекратить соблазнъ. Не нашли для этого иного выхода, какъ рѣшительное запрещеніе всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ исправлять книгу служебникъ, которая разъ навсегда должна была печататься впредь только въ одной опредѣленной редакціи, уже недопускающей въ себѣ никакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ и измѣненій. Именно, соборъ 1667 года постановилъ: „книга служебникъ, якоже прежде исправися и печатася, и нынѣ при насъ прилежно свидѣтельствовася отъ всего освященнаго собора и печатася въ лѣто 7176-е, тако же и впредь да печатаютъ, *и никто же да не дерзнетъ отнынѣ во священнодѣйствіе прибавити что или отъяти, или измѣнити. Аще и ангелъ (по насъ) будетъ глаголати что ино, да не имате ему вѣры*“ [1]).

Уже одно то обстоятельство, что исправленіе нашихъ церковныхъ книгъ производилось при Никонѣ по печатнымъ греческимъ венеціанскимъ изданіямъ и при томъ такъ, что

[1]) Матер. для ист. раск. т. II, стр. 238.

различные выходы служебника всѣ разнились между собою, было достаточно для того, чтобы вызвать въ извѣстной части русскаго общества противодѣйствіе новоисправленнымъ книгамъ. Но это противодѣйствіе должно было еще болѣе усилиться въ виду того, что Никонъ поручилъ книжную справу между другими и очень подозрительному въ глазахъ русскихъ старцу греку Арсенію. Ко всѣмъ вообще греческимъ выходцамъ, переселявшимся въ Москву, русскіе относились подозрительно, такъ какъ эти выходцы характеромъ жизни и дѣятельности въ Москвѣ нерѣдко производили на русскихъ очень неблагопріятное впечатлѣніе. Все большинству русскихъ казалось въ нихъ подозрительнымъ: ихъ ученость, полученная въ латинскихъ школахъ; самое ихъ православіе, видимо пошатнувшееся подъ вліяніемъ латинскаго воспитанія; ихъ частная и общественная жизнь, во многомъ не согласная съ представленіями русскихъ объ истинно благочестивой и строго православной жизни; вся ихъ дѣятельность, опредѣлявшаяся иногда очень нечистыми побужденіями и вожделѣніями [1]). Не даромъ конечно Нероновъ взывалъ къ царю: „и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истинѣ не развратниковъ, коихъ истинѣ ругателей, и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиши житіе ихъ. Зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имутъ, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многоядѣніе и піянство любятъ, вмѣсто же, еже Христа истаяти тѣло, мягкость и бувство любятъ“ и пр. Но если уже всѣ выходцы греки въ глазахъ многихъ русскихъ были очень подозрительны, то тѣмъ болѣе, конечно, былъ подозрителенъ книжный справщикъ Арсеній грекъ. Онъ былъ воспитанникъ греческой іезуитской коллегіи въ Римѣ, имѣвшей спеціальною цѣлію воспитывать грековъ уніатовъ, какимъ, вѣроятно, сдѣлался и Арсеній. Онъ, хотя бы временно и невольно, но всетаки принималъ мусульманство. Какъ уніатъ, онъ жилъ нѣкоторое время при дворѣ польскаго короля Владислава. Про него іерусалимскій

[1]) О различныхъ греческихъ выходцахъ въ Москву, о ихъ московской жизни, о впечатлѣніи, какое они производили на русскихъ, см. въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 145—202.

патріархъ Паисій писалъ государю, что Арсеній „прежде былъ инокъ и священникъ и, шедъ, бысть бусурманъ, и потомъ бѣжалъ къ ляхамъ и, бысть у нихъ, учинился уніатомъ, и имѣетъ на себѣ великое злое бездѣліе, и распросите его добрѣ и будете обрѣсти вся“. Этотъ доносъ патріарха на Арсенія грека вполнѣ подтвердился собственнымъ сознаніемъ самаго Арсенія, почему онъ и сосланъ былъ въ оковахъ въ Соловецкій монастырь, при чемъ царскимъ указомъ игумену и братіи Соловецкаго монастыря повелѣвается, сосланнаго въ ихъ монастырь на вѣчное житье за еретичество греченина чернеца Арсенія, держать въ Соловкахъ въ земляной тюрьмѣ, въ крѣпости [1]). Понятно послѣ этого, почему Нероновъ, уже при началѣ книжныхъ никоновскихъ исправленій заявлялъ, что исправленіе русскихъ книгъ никакъ не слѣдуетъ поручать такимъ сомнительнымъ лицамъ, „яковъ оный лукавый чернецъ Арсеній, о немъ же патріархъ іерусалимскій писалъ къ тебѣ, государю, изъ Путимля, что онъ, Арсеней, еретикъ, велѣлъ его остерегать. А нынѣ онъ, Арсеней, взятъ къ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ кельѣ, да ево и свидѣтеля, врага, поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и чудотворцевъ свидѣтельство отметаетъ и ложно нарицаетъ“. Этотъ упрекъ Никону, что онъ довѣреннымъ книжнымъ справщикомъ у себя сдѣлалъ во всѣхъ отношеніяхъ подозрительнаго Арсенія грека, былъ справедливъ, не потому конечно, что Арсеній былъ дѣйствительный убѣжденный еретикъ и могъ сознательно вносить какія либо ереси въ русскія церковныя книги, или какимъ нибудь образомъ портить ихъ, но потому, что противъ него лично существовали очень сильныя, на фактахъ основанныя подозрѣнія, Никономъ не уничтоженныя, вслѣдствіе чего Арсеній, дѣйствительно могъ служить соблазномъ для многихъ русскихъ. Въ интересахъ успѣха своего дѣла Никонъ обязанъ былъ принять во вниманіе совѣсть тѣхъ немощныхъ, которыхъ крайне смущало довѣріе патріарха къ уличенному въ неправославіи и сосланному за еретичество на вѣчное житье въ Соловки Арсенію. Но Никонъ, по обычаю, не обращалъ никакаго вниманія на существовавшія въ обществѣ подозрѣнія и обвиненія противъ Арсенія, не поста-

---

[1]) Подробности объ Арсеніѣ грекѣ см. тамъ же, стр. 208—217.

рался ихъ разъяснить и опровергнуть, и потому дѣятельное участіе Арсенія въ книжныхъ Никоновскихъ исправленіяхъ послужило потомъ однимъ изъ главныхъ основаній для противниковъ реформамъ Никона признать новоисправленныя книги еретическими, такъ какъ, говорили они, вѣдомый всѣмъ еретикъ Арсеній грекъ внесъ въ нихъ, подъ видомъ исправленія, свои ереси.

Такимъ образомъ уже одна, такъ сказать, внѣшняя постановка книжныхъ исправленій при Никонѣ, именно, что книги исправлялись по греческимъ печатнымъ венеціанскимъ изданіямъ, что разныя выпуски ихъ разнились между собою, что ихъ исправленіе совершалось при дѣятельномъ участіи такого подозрительнаго и ненадежнаго человѣка, какимъ, въ глазахъ многихъ, былъ Арсеній грекъ, помимо самаго характера исправленія, давала основаніе противникамъ реформы Никона предполагать въ его исправленіяхъ только порчу русскихъ книгъ, думать, что въ нихъ внесены разныя новшества и даже ереси. Но разъ увѣренность въ этомъ возникла, послѣ, предубѣжденному взгляду, уже нетрудно было найти подтвержденіе своихъ подозрѣній въ самыхъ новоисправленныхъ книгахъ. Всякое новое въ нихъ несогласное съ старымъ мѣсто, неточность, темное, мало понятное выраженіе, типографская ошибка, собственное недоразумѣніе и недомысліе, легко можно было объяснять въ смыслѣ ереси; во что бы то ни стало хотѣли найти въ новоисправленныхъ книгахъ ереси, и, конечно, находили ихъ и даже очень много, о чемъ подробно мы скажемъ ниже.

По поводу книжныхъ исправленій при Никонѣ невольно и самъ собою возникаетъ вопросъ: каково было личное участіе самого Никона въ книжныхъ исправленіяхъ? Если мы для отвѣта на этотъ вопросъ обратимся къ предисловію перваго новоисправленнаго служебника, изданнаго въ 1655 году, гдѣ подробно излагается исторія возникновенія у насъ книжныхъ исправленій при Никонѣ, то отсюда окажется, что главнымъ иниціаторомъ и дѣйствительнымъ исполнителемъ всѣхъ книжныхъ исправленій былъ самъ Никонъ патріархъ: ему первому пришла мысль о порчѣ нашихъ книгъ, о необходимости ихъ исправленія по древнимъ славянскимъ харатейнымъ спискамъ и древнимъ греческимъ, и что онъ— Никонъ первый началъ исправлять наши книги съ древнихъ

славянскихъ и греческихъ. Но это извѣстіе предисловія къ служебнику 1655 года исторически во всѣхъ отношеніяхъ невѣрно. Мы уже видѣли, что служебникъ при Никонѣ исправлялся съ печатнаго греческаго венеціанскаго изданія, а не съ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, такъ какъ послѣднее по самому существу было дѣло невозможное. Если же и прибѣгали тогда къ древнимъ славянскимъ и греческимъ спискамъ, то только въ частныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда возникали какія либо недоумѣнія по частнымъ вопросамъ, такъ что справа по древнимъ спискамъ вторгалась, такъ сказать, въ справу по венеціанскимъ изданіямъ, только частично. Несправедливо исторически и другое утвержденіе предисловія къ служебнику 1655 года, что мысль исправлять русскія церковныя книги прежде всего возникла у Никона, и что именно онъ былъ дѣйствительнымъ иниціаторомъ книжныхъ исправленій у насъ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, мысль исправлять наши церковныя книги по греческимъ возникла гораздо ранѣе патріаршества Никона у царя и его духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, что они, еще въ патріаршество Іосифа, уже подготовили средства для книжныхъ исправленій, вызвали, для этой цѣли въ Москву, ученыхъ кіевлянъ, оставили въ Москвѣ, съ этою же цѣлію, Арсенія грека, пріѣхавшаго къ намъ вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ (въ 1649 г.), и еще при Іосифѣ уже кое-что въ нашихъ книгахъ начали исправлять съ греческихъ, и даже переводить съ нихъ въ видахъ книжной справы. Такъ, по свидѣтельству Медвѣдева, въ его Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ, уже въ 1649 году Епифаній Славинецкій, по порученію правительства, перевелъ съ греческаго языка на славянскій литургію Іоанна Златоустаго. Значитъ, Никонъ вовсе не былъ иниціаторомъ нашихъ книжныхъ исправленій, онъ, сдѣлавшись патріархомъ, принялъ, такъ сказать, это уже подготовленное до него дѣло по наслѣдству, и только болѣе энергично, широко и рѣшительно продолжалъ то, чему начало было положено еще до него.

Лично самъ Никонъ о своемъ отношеніи къ книжнымъ исправленіямъ дѣлаетъ заявленія въ трехъ намъ извѣстныхъ случаяхъ. Въ письмѣ, къ пріѣхавшему въ 1662 году въ Москву Паисію Лигариду, Никонъ писалъ: „монахи три нѣкія

прокляти, еже хулятъ святое исповѣданіе православныя вѣры, присланнаго намъ отъ святѣйшаго Паисея константинопольскаго и вселенскаго патріарха, и о святѣй литоргіи и о иныхъ божественныхъ таинствахъ вражду творятъ, *что нами поправлено во святѣй церкви съ совѣтомъ и благословеніемъ братіи нашей вселенскихъ святѣйшихъ патріархъ; и ничто же собою мы что либо когда восхотѣхомъ приложити или отъяти отъ церкви когда,* чрезъ каноны святаго вселенскаго 3-го собора“ [1]). Въ 1663 году Паисій Лигаридъ и бояринъ Одоевскій были посланы государемъ въ Воскресенскій монастырь къ Никону, гдѣ, между прочимъ, говорили ему: „для чего онъ ввелъ въ міръ великій соблазнъ, выдалъ трои служебники, а во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того учинилось несогласіе большое?—И патріархъ сказалъ: нынѣ де поютъ такъ, кто какъ хочетъ, а то де все чинитца отъ непослушанія; а что де въ книгахъ онъ рѣчи перемѣнялъ, *и онъ де то переправливалъ по письму и свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ*“ [2]). Въ грамотѣ Константинопольскому патріарху Діонисію, въ 1666 году, Никонъ о книжной справѣ пишетъ: „ищемъ и держимъ вся и наипаче греческія законы и догматы. И о семъ писахъ прежнему всесвятѣйшему и вселенскому патріарху киръ Паисію о святѣмъ совѣтѣ и о прочихъ церковныхъ уставахъ, и пріяхомъ отъ него на вся отвѣтную книгу, *и по ней исправляемъ вся почину, яко же есть обычай во святѣй восточной церкви.* И сего ради посылахомъ со многою казною во святой градъ Іерусалимъ, и къ царствующему граду, и во святую гору Аѳонскую, ради святыхъ древнихъ книгъ, и принесоша намъ не меньше пятисотъ, яже суть писаны за 500 и за 700 и за тысячу лѣтъ, *и сице отъ сихъ божественныхъ книгъ благодатію Божію преведеся и исправися у насъ.* И они сія называютъ новыми уставы и мои Никоновы догматы“ [3]).

Изъ приведенныхъ заявленій Никона, сдѣланныхъ имъ въ разное время и очень различнымъ лицамъ, оказывается, что Никонъ, по его собственному сознанію, производилъ церков-

---

[1]) Гиббенетъ: Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, ч. I. стр. 227.

[2]) Гиббенетъ, ч. II, стр. 628.

[3]) Записки рус. археол. общ. т. II, стр. 519.

ныя исправленія съ совѣта и по указаніямъ восточныхъ іерарховъ, руководствовался въ этомъ дѣлѣ присланной ему константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ книгою „Скрижаль“, а также древними, собранными по его порученію на востокѣ, греческими книгами, съ которыхъ у насъ будто бы дѣлались переводы, по которымъ и правились наши книги. Дѣлая эти заявленія о произведенныхъ имъ книжныхъ исправленіяхъ Никонъ, съ своей точки зрѣнія, былъ вполнѣ правъ. Лично самъ онъ производилъ исключительно только церковно-обрядовыя реформы, касавшіяся церковныхъ чиновъ и обрядовъ, и производилъ ихъ дѣйствительно по совѣту и указаніямъ восточныхъ іерарховъ. Мы знаемъ, изъ записокъ Павла Алепскаго, что Никонъ просилъ антіохійскаго патріарха Макарія дѣлать ему указанія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Макарій что либо найдетъ въ русскомъ чинѣ и обрядѣ неправильное т. е. несогласное съ греческою церковною практикою. Никонъ нарочно заставлялъ Макарія совершать по гречески нѣкоторыя церковныя дѣйствія и службы, и крайне внимательно къ нимъ присматривался, иногда держа въ рукахъ русскій служебникъ и непосредственно сличая его съ дѣйствіями служащихъ антіохійцевъ, такъ что Никонъ на различныхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ Макарія, который прожилъ у насъ почти полныхъ два года и постоянно участвовалъ въ совершеніи разныхъ церковныхъ службъ, практически-наглядно изучалъ греческіе церковные чины и обряды, которыхъ онъ не могъ изучать по книгамъ, такъ какъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка. Полученныя такимъ наглядно-практическимъ путемъ свѣдѣнія о греческомъ церковномъ чинѣ и обрядѣ, Никонъ немедленно прилагалъ къ дѣлу, т. е. сейчасъ же производилъ перемѣны въ русскихъ чинахъ и обрядахъ, поскольку они были несогласны съ греческою практикою, и эти перемѣны вносились потомъ справщиками, конечно по указаніямъ Никона, въ новоисправленные служебники. Значитъ, Никонъ имѣлъ полное право говорить о себѣ, что онъ производилъ у насъ церковныя исправленія дѣйствительно по совѣту и указаніямъ восточныхъ іерарховъ, которые, и помимо Макарія и гораздо ранѣе его, тоже уже не разъ „зазирали“ Никона за отступленіе русскихъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ отъ тогдашней греческой церковной практики.

Но Никонъ въ своихъ заявленіяхъ завѣряетъ не только въ томъ, что онъ производилъ свои церковныя исправленія по совѣту и указаніямъ восточныхъ іерарховъ, но что онъ пользовался еще въ этомъ случаѣ и древними греческими рукописными книгами, съ которыми онъ справлялся при своихъ исправленіяхъ. И это заявленіе Никона въ извѣстномъ отношеніи тоже справедливо. Мы уже ранѣе говорили, что Никонъ, нашедши въ одной греческой древней книгѣ, принесенной съ Аѳона, что водоосвященіе въ день Богоявленія совершалось въ древности только однажды, немедленно отмѣнилъ ранѣе практиковавшееся у насъ двукратное водоосвященіе. Противъ этого распоряженія Никона очень горячо и энергично возсталъ было патріархъ Макарій, доказывая Никону, что двукратное освященіе воды принято на всемъ православномъ востокѣ и что русскимъ никакъ не слѣдуетъ измѣнять этого всеобщаго православнаго обычая, котораго до самаго послѣдняго времени и они сами держались. Но Никонъ остался при своемъ, онъ болѣе вѣрилъ свидѣтельству древней греческой книги, чѣмъ указаніямъ Макарія и тогдашней греческой церковной практики, когда она расходилась съ практикою древней греческой церкви. Вѣроятно были и другіе подобнаго рода случаи, когда Никонъ наводилъ справки въ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгахъ и слѣдовалъ въ своихъ исправленіяхъ ихъ указаніямъ, а не греческому печатному евхологію, на основаніи котораго Макарій дѣлалъ свои указанія Никону. Въ этомъ отношеніи очень любопытное извѣстіе находится у Шушерина, который былъ подъякомъ Никона, близкимъ и преданнымъ ему человѣкомъ, и могъ поэтому въ своемъ сообщеніи служить отголоскомъ воззрѣній на дѣло самого Никона. Шушеринъ, въ своемъ „Извѣстіи о рожденіи и о воспитаніи и житіи святѣйшаго Никона патріарха“, заявляетъ, что Никонъ думалъ исправлять и дѣйствительно исправлялъ все съ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, такъ какъ онъ, а согласно съ нимъ царь и собираемые соборы, „вся старописанныя греческія и славянскія книги разсмотривши, обрѣтоша древнія греческія письменныя съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася. *А въ новыхъ греческихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и сла-*

вянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія" [1]). Если вѣрить этому заявленію Шушерина, то оказывается, что Ни-

---

[1]) Шушеринъ о книжныхъ исправленіяхъ Никона сообщаетъ слѣдующее: „Святѣйшій патріархъ Никонъ, слыша отъ многихъ на славянскія книги укоризьенная словеса, яко съ греческими не согласуются, хотя ону укоризну отъяти, совѣтова съ великимъ государемъ и со священнымъ соборомъ, еже бы вси книги церковныя исправити съ старыхъ греческихъ и россійскихъ харатейныхъ книгъ, и во всѣхъ словесѣхъ и чинѣхъ и уставѣхъ съ греками согласити; а о нужныхъ и недовѣдомыхъ вещахъ послати ко святѣйшему вселенскому патріарху, и къ прочимъ, и во святыя горы—Аѳонскую и Синайскую. И благочестивый царь, похваливъ патріаршее благорачительство, повелѣлъ о томъ соборъ собрати, и всѣхъ россійскихъ архіереевъ, архимандритовъ, и игуменовъ и протопоповъ въ царствующій градъ призвавъ, общимъ согласіемъ утвердити. Сошедшимся же всѣмъ, и то дѣло благоключимо быти разсмотрѣвше, постановиша книжная погрѣшенія съ древнихъ греческихъ харатейныхъ и съ русскихъ исправити, и въ чинѣхъ благопотребныхъ по древнему уставу согласити, и о нужныхъ и недовѣдомыхъ вещахъ къ святѣйшимъ патріархомъ и во Аѳонскую и въ Синайскую горы нослати. И то свое согласное о исправленіи книгъ постановленіе—благочестивый царь и святѣйшій патріархъ, и прочіе архіереи, и весь освященный соборъ—руками своими, въ лучшее утвержденіе того дѣла, преписаша. И по совершеніи онаго собора, немедленно святѣйшій патріархъ, ради того исправленія, повелѣлъ отвсюду изъ древнихъ книгохранилищъ древнія греческія и славянскія харатейныя книги собрати, и искуснымъ и благоговѣйнымъ мужамъ, имущимъ отъ Бога даръ чистое отъ недостойнаго изводити, тѣ книги разсматривати, и погрѣшенія отъ неискусныхъ переводчиковъ и отъ преписующихъ исправляти, и о нужныхъ и недовѣдомыхъ вещехъ, благочестивый царь и святѣйшій патріархъ, послаша ко вселенскому патріарху и къ прочимъ православнымъ патріархамъ письмена съ грекомъ Мануиломъ. На яже письмена вселенскій патріархъ Паисій, сотворь же соборъ, и главизнами на немъ содѣянными о всѣхъ писанныхъ къ нимъ, благочестивому царю и благочестивому патріарху отвѣтъ давше, соборное прислаша въ лѣто 7163 е. во всѣмъ повелѣвающе послѣдовати древнихъ великихъ православныхъ восточныя церкве учителей писаніемъ сущихъ въ ветхихъ книгахъ греческихъ и словенскихъ. А къ святѣйшему патріарху въ грамотѣ своей восписа сице: преблаженнѣйшій и святѣйшій патріарше высочайшія Москвы, и всея земли россійскія, киріе, киріе, еже есть господи, господи, Никонъ во святомъ Дусѣ возлюбленный брате и сослужебниче нашего смиренія, о немъ же писаста намъ, даемъ отвѣтъ, преблаженнѣйшій брате: да исправится якоже лѣпо, понеже Богъ просвѣти тя во времена ваша, да очистятся вся неудобная и да исправятся, о немъ же радуюся: живъ Господь Богъ, и имамъ тя писана въ души моей за достоинство и разумъ, его же дарова тебѣ Господь. И воистину зѣло похвалихомъ преблаженство твое, еже не престаетъ испытывати и искати о душеполезныхъ и спасительныхъ вещехъ церковныхъ, яко

конъ скептически относился къ тогдашнимъ греческимъ печатнымъ книгамъ, производилъ ихъ провѣрку съ древними

истиненъ пастырь и вѣрный строитель Божій, пекійся устроити и духовнѣ словесное свое стадо чистою и нетлѣнною и твердою пищею. И во всемъ совершати послѣдованіе и всякое священнодѣяніе по чину великія церкве, да не едино разньство имамы, яко чада истинная единыя и тояжде матере, восточныя апостольскія соборныя великія церкве Христовы: и да не едину вину обрѣтаютъ, скверная еретическая уста оглаголати насъ о нѣкоемъ разнствѣ, но да стоимъ въ истинномъ согласіи тверди и непоступни и прочая. И тако благочестивый царь и христолюбивый патріархъ отъ вселенскаго Паисія патріарха о всѣхъ написанныхъ отвѣтъ пріемше, и соборное оное дѣяніе прочетше, и симъ къ большему благихъ желанію воздвигшеся, и сущія въ Россіи греческія и славенскія ветхія книги на исправленія недовольно мняще, изволиша, со многою своею милостынею, старца Арсенія Суханова послати во Аѳонскую гору и во иныя святыя старожительная мѣста, да оттуду своея ради богатыя милостыни старописанныя книги притяжутъ. И сему сбывшуся, и принесоша изъ святыя Аѳонскія горы книгъ зѣло древнихъ, на греческомъ языкѣ писанныхъ, числомъ пять сотъ. Еще же александрійскій, антіохійскій, іерусалимскій— святѣйшіе патріархи, и архіепископъ пекскій и патріархъ сербскій, и халкидонскій и архидонскій митрополиты, и иныя мнози отъ православныхъ странъ, писаніемъ изъ царствующаго града Москвы прошени, не менѣе двоя сотъ книгъ различныхъ древнихъ святыхъ прислаша. И тако благочестивая и богомудрая двоица, великій государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, и великій государь святѣйшій Никонъ патріархъ московскій и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, оныя священныя книги совокупивше вся во едино, и довольно лежащая въ нихъ разсмотривше, и Божіимъ вседержительнымъ маніемъ, соединившемъ ихъ въ любовь, движими цѣлости ради непорочныхъ догматъ. И еще къ вящшему утвержденію о томъ же паки въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ патріархіи соборъ сотвориша, и бѣша на томъ соборѣ: Никонъ, Божіею милостію государь святѣйшій патріархъ московскій, Макарій патріархъ антіохійскій, Гавріилъ патріархъ сербскій, съ митрополиты, и со архіепископы, со архимандриты и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ. И тамо отъ святѣйшаго вселенскаго Паисія патріарха присланное соборное дѣяніе, предъ ся принесше, съ усердіемъ почтоша и судиша е право, и отъ Духа святаго составлено быти, и вся старописанныя греческія (писменныя) и славенскія книги разсмотривше, обретоша древнія греческія письменныя съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующаяся. А въ новыхъ греческихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія. Судиша книги согласити, и исправити во всемъ съ древними греческими рукописными книгами, да всякъ православный, невѣдѣнія и сопротивныхъ благочестію погрѣшеній и еже оттуду находящія козни избѣгнувъ, во истинномъ разумѣніи и незазорномъ съ греческими письменными книгами, и въ нихъ лежащими

греческими и славянскими рукописными книгами, и эта провѣрка привела его къ тому заключенiю, что новыя печатныя греческiя книги во многомъ несогласны ни съ древними греческими книгами, ни съ древними славянскими, и что въ новыхъ греческихъ печатныхъ книгахъ находятся многiя погрѣшенiя. И этотъ выводъ былъ правиленъ въ томъ, конечно, смыслѣ, что греческiя печатныя книги дѣйствительно во многомъ не сходились съ древними греческими же рукописными, а также и славянскими харатейными книгами. А что по порученiю Никона у насъ могли, хотя частично и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, провѣрять греческiя печатныя книги древними, дѣло вполнѣ естественное, возможное и допустимое. Никонъ нарочно посылалъ на востокъ Суханова прiобрѣтать тамъ древнiя греческiя и славянскiя книги, на что затрачены были имъ большiя деньги. Конечно эти книги прiобрѣтали на востокѣ вовсе не для того, чтобы свалить ихъ, какъ ненужныя вещи, гдѣ либо въ кучу и вовсе въ нихъ не заглядывать, а ими несомнѣнно очень интересовались, ихъ разсматривали и изъ нѣкоторыхъ, уже ради удовлетворенiя простаго и столь естественнаго любопытства, несомнѣнно дѣлали хотя бы частичные переводы, которые и сопоставлялись съ переводами съ греческихъ печатныхъ книгъ. Когда, при такомъ сличенiи,

законы, согласномъ мудрствованiи поживетъ здѣ въ многолѣтномъ благополучiи, въ будущемъ же вѣцѣ въ безконечной радости и наслажденiи, аминь" (Рук. моск. духовн. акад. № 218, л. 15 и 16).

Приведенное сообщенiе Шушерина о книжныхъ исправленiяхъ при Никонѣ важно не по своей фактической сторонѣ, которая во многомъ невѣрна, но по той грандiозной идеѣ, какую Шушеринъ вкладываетъ въ Никоновскiя книжныя исправленiя. По его представленiю оказывается, что у насъ будто бы задумано было грандiозное и крайне важное для всего православнаго мiра предпрiятiе: собрать въ Москву рѣшительно со всего древняго православнаго востока всѣ тѣ древнiя церковно-богослужебныя по преимуществу книги, какiя только тогда возможно было собрать, и на основанiи этого подлиннаго православнаго матерiала, взятаго изъ христiанской старины, исправить или вѣрнѣе: составить новыя русскiя церковныя книги, болѣе совершенныя, чѣмъ тогдашнiя печатныя греческiя книги, создать книги, годныя для всѣхъ православныхъ, ревнующихъ и о своемъ земномъ благополучiи и о своемъ будущемъ вѣчномъ спасенiи. Но если бы у насъ тогда дѣйствительно и были такiе грандiозные замыслы, то, въ то же время, несомнѣнно, что у насъ тогда не было ни силъ, ни умѣнья, ни средствъ привести ихъ въ исполненiе.

находили несогласія между ними, то преимущество и предпочтеніе давалось древнимъ книгамъ предъ новыми, причемъ эти несогласія естественно отнесены были у насъ къ погрѣшеніямъ новыхъ печатныхъ греческихъ книгъ, а не къ тому обстоятельству, что онѣ печатались съ другихъ списковъ, принадлежавшихъ къ другому времени, нежели къ какому принадлежали древніе списки, бывшіе тогда подъ руками у русскихъ.

Что Никонъ былъ увѣренъ, будто при немъ наши книги дѣйствительно исправлялись съ старыхъ греческихъ книгъ, и что онъ признавалъ только такимъ образомъ исправленныя книги для себя обязательными, это какъ нельзя болѣе ясно видно изъ слѣдующаго обстоятельства: въ январѣ 1665 года къ Никону, въ Воскресенскій монастырь, были посланы царемъ чудовскій архимандритъ Іоакимъ и дьякъ Дементій Башмаковъ, которымъ Никонъ заявилъ, что онъ готовъ совсѣмъ оставить патріаршество, и признать новаго патріарха, кого выберутъ, но только на извѣстныхъ условіяхъ, которыя и были имъ написаны. Въ нихъ, между прочимъ, Никонъ обязуется: „держати ми, живучи въ тѣхъ монастыряхъ (т. е. въ построенныхъ имъ: Воскресенскомъ, Иверскомъ и Крестовомъ), во всякое же исправленіе заповѣди Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, святое Его евангеліе, заповѣди и правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ, такожде и помѣстныхъ святыхъ отецъ соборовъ, и особь коегождо святаго святые книги и уставы, такожде и святой символъ исправленный съ грецка благодатію святаго Духа и совѣтомъ и единеніемъ и со святыми вселенскими патріархи; такожде и церковныя уставы, преданные святой церкви святыми отцами, то есть—святую литоргію или общимъ словомъ нарещи *служебникъ и требникъ и прочія святыя книги справлены съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ*, чинъ и уставъ снабдѣвати святыя восточныя церкви новаго Сіона, иже есть церкви воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже во Іерусалимѣ, и имѣти ми любовь и единеніе со святыми вселенскими патріархи во всемъ неотложно“. Эти условія, на которыхъ Никонъ готовъ былъ оставить патріаршество, царь передалъ на разсмотрѣніе собора, черновыя записи котораго дошли до насъ. Соборъ, по вышеприведенному пункту обязательствъ

Никона, согласился съ нимъ, но какъ бы сомнѣваясь, что Никонъ станетъ употреблять и книги, исправленныя съ греческихъ печатныхъ, сдѣлалъ отъ себя, къ обязательству Никона, слѣдующее очень важное и существенное дополненіе: живучи въ тѣхъ монастыряхъ, святѣйшему Никону патріарху держати вся преданія православная и книги исправленныя съ старыхъ греческихъ книгъ и символъ, како исправился при немъ и имѣти любовь и единеніе со вселенскими патріархи во всемъ неотложно. Священный же соборъ рече: *аще что и впредь*, за повелѣніемъ великаго государя, и за благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго и всего священнаго собора, *съ греческихъ книгъ исправится, и ему, святѣйшему патріарху Никону, и тѣ книги пріимати и по нимъ славословіе и чины церковныя исправляти*" [1]). Итакъ Никонъ, съ своей стороны, заявляетъ, что онъ обязуется признавать и употреблять „служебникъ и требникъ и прочія святыя книги справленныя *съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ*", а слѣдовательно, отказывается признавать книги справленныя просто съ греческихъ печатныхъ книгъ. Такъ это и понялъ соборъ 1665 года, почему и счелъ необходимымъ отъ себя добавить, что бы Никонъ взялъ на себя еще обязательство признавать и употреблять книги исправленныя, и въ будущемъ имѣющія быть исправленными, просто съ греческихъ книгъ т. е. съ печатныхъ греческихъ венеціанскихъ изданій. Впослѣдствіи патріархъ Іоакимъ писалъ архимандриту Кириллова монастыря, въ которомъ заключенъ былъ Никонъ: „а книги держать ему, Никону, почему церковная и келейная управлять, *только правильные печатные*", предполагая, очевидно, что Никонъ могъ не принимать и не употреблять тогдашнія наши исправленныя книги [2]). Значитъ, Никонъ дѣйствительно былъ убѣжденъ, что книги при немъ исправлялись „съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ", почему онъ и хотѣлъ признавать и употреблять только такимъ образомъ исправленныя книги.

Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что служебникъ, напримѣръ, былъ переведенъ при Никонѣ съ греческаго пе-

---

[1]) Дѣло о патріархѣ Никонѣ, стр. 212, 223.

[2]) Рукопись библ. моск. дух. академіи: подлинное дѣло о судѣ надъ п. Никономъ, л. 353.

чатнаго венеціанскаго изданія, и этотъ переводъ легъ въ основу Никоновскаго исправленія служебника, такъ что и при Никонѣ исправленіе книгъ совершалось не только „съ старыхъ греческихъ святыхъ книгъ“, но и съ печатныхъ греческихъ. Медвѣдевъ заявляетъ, какъ мы видѣли, что Никонъ вовсе не зналъ послѣдняго обстоятельства, такъ какъ онъ былъ будто бы обманутъ лукавыми людьми, которые увѣрили его, что они исправляютъ все по старымъ греческимъ и славянскимъ книгамъ, тогда какъ въ дѣйствительности исправляли съ греческихъ венеціанскихъ печатныхъ изданій. Намъ это дѣло, какъ мы уже говорили, представляется нѣсколько иначе. Хотя самъ Никонъ дѣйствительно думалъ, что исправленныя при немъ книги обязательно провѣрены древними греческими и славянскими книгами, но онъ, конечно, хорошо зналъ, что въ общемъ это дѣло при немъ велось такъ, что книжные справщики сначала дѣлали переводъ съ греческихъ печатныхъ книгъ, и брали этотъ переводъ какъ первую основную редакцію, и уже потомъ справлялись съ древними греческими и славянскими книгами, и на основаніи ихъ вносили въ первую редакцію разныя перемѣны и поправки. Никакого обмана, о чемъ говоритъ Медвѣдевъ, тутъ, очевидно, не было, а дѣло велось какъ находили удобнѣе и успѣшнѣе вести его справщики, которые въ этомъ случаѣ пользовались значительною свободою и самостоятельностію. Лично самъ Никонъ производилъ только обрядовую реформу и этой церковно-обрядовой стороной реформы по преимуществу, и почти исключительно, интересовался. Но къ самой книжной справѣ въ тѣсномъ смыслѣ, къ самому тексту книжныхъ исправленій, Никонъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть, прямаго непосредственнаго отношенія. Никонъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка, не могъ читать греческихъ книгъ, а слѣдовательно не могъ самъ слѣдить за справою съ греческихъ книгъ и поневолѣ все это дѣло долженъ былъ довѣрить своимъ справщикамъ, предоставляя имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, почему справщики и вели самостоятельно дѣло переводовъ, какъ они находили это для себя лучше, удобнѣе и, по ихъ соображеніямъ, продуктивнѣе. Шушеринъ поэтому поводу говоритъ, что Никонъ, собравши старыя греческія и славянскія книги, поручаетъ „искуснымъ и благоговѣйнымъ мужамъ, имущимъ отъ

Бога даръ чистое отъ недостойнаго изводити, и могущимъ съ еллиногреческаго языка на славянскій переводити, тѣ книги разсматривати и погрѣшенія отъ неискусныхъ переводчиковъ и отъ преписующихъ исправляти и вся выписовати" т. е. говоритъ, что Никонъ, въ книжной собственно справѣ долженъ былъ всецѣло, по незнанію имъ греческаго языка, положиться на избранныхъ имъ справщиковъ, которые собственно и вели все дѣло справы, помимо личнаго, непосредственнаго участія самаго Никона. Этимъ конечно объясняется, почему справщики вину тѣхъ или другихъ возможныхъ погрѣшностей при исправленіи какой либо книги прямо берутъ на себя. Въ послѣсловіи, напримѣръ, къ ирмологіону 1657 года справщики говорятъ: „изслѣдивши съ греческихъ текстовъ преложихомъ на славянскій діалектъ ново", но что переводомъ они очень спѣшили, такъ какъ имъ мѣшали другія дѣла, почему въ изданіи возможны и погрѣшности, невольно ими допущенныя. Значитъ Никонъ къ книжной справѣ въ собственномъ смыслѣ не имѣлъ прямаго непосредственнаго отношенія, а стоялъ отъ нея нѣсколько въ сторонѣ, и не смотрѣлъ на нее какъ на свое только личное дѣло, за которое бы отвѣчалъ онъ лично, тѣмъ болѣе что производимыя при немъ книжныя исправленія, обыкновенно одобрялись цѣлыми соборами русскихъ іерарховъ, а также и присутствовавшими на этихъ соборахъ восточными іерархами.

Въ первые годы своего патріаршества Никонъ заявилъ себя самымъ убѣжденнымъ и завзятымъ реформаторомъ—грекофиломъ. Онъ не только исправлялъ русскіе церковные обряды, чины и книги по греческимъ, не только публично и торжественно завѣрялъ, „что хотя онъ русскій и сынъ русскаго, но его вѣра и убѣжденія греческія", но онъ въ тоже время переноситъ къ намъ греческіе амвоны, греческій архіерейскій посохъ, греческіе клобуки и мантіи, греческіе церковные напѣвы, приглашаетъ въ Москву греческихъ живописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла [1]), строитъ монастыри по образцу

1) Въ видахъ конечно улучшить и приблизить къ древне-византійскому русское иконописаніе, и въ то же время не довѣряя франкскимъ живописцамъ, Никонъ старался выписать въ Москву греческихъ живописцевъ. Въ 1656 году пріѣхалъ въ Путивль грекъ Мануйла Ѳоминъ „съ грамотою іерусалимскаго патріарха Паисѣя, писано о вашихъ царскихъ дѣ-

греческихъ, приближаетъ къ себѣ разныхъ грековъ, слушаетъ ихъ, дѣйствуетъ по ихъ совѣтамъ и указаніямъ, всюду выдвигаетъ на первый планъ греческій авторитетъ, отдавая ему рѣшительное преимущество предъ вѣковою стариною, предъ русскими всѣми признаваемыми доселѣ авторитетами. При взглядѣ на эту страстную, ни предъ чѣмъ не останавливающуюся грекофильскую дѣятельность Никона реформатора, такъ и кажется, что Никонъ задался грандіозной идеей сдѣлать изъ Москвы, въ церковномъ отношеніи, вторую Византію, перенеся изъ послѣдней все цѣнное церковное въ Москву. Онъ какъ будто мечталъ воскресить въ Москвѣ былыя времена процвѣтанія греческаго православія, когда благочестивые греческіе цари, вмѣстѣ съ святыми патріархами, собирали соборы, обсуждали и рѣшали на нихъ всевозможные выдвигаемые жизнію церковные вопросы, дѣлами на нихъ обязательныя для всѣхъ постановленія, издавали законы, которые и теперь такъ чтутся всѣми православными. Благодаря именно ему—Никону, казалось, Москва станетъ дѣйствительнымъ третьимъ Римомъ, ни въ чемъ, при этомъ, не разрывая съ остальнымъ православнымъ востокомъ, а только, чрезъ церковно-богослужебное объединеніе, тѣснѣе соединившись съ нимъ, и ставъ его дѣйствительною всестороннею опорою, а вмѣстѣ главою и руководителемъ. Но въ дѣйствительности ничего этого не было, а было совсѣмъ другое, указывающее на крайнюю неустойчивость и измѣнчивость самой грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, который, къ концу своего патріаршества, какъ-то охладѣлъ къ своей реформѣ, и даже какъ будто измѣнилъ свои прежнія грекофильскія воззрѣнія и увлеченія.

лахъ, да письмо изъ Царьгорода отъ иконописца". На Москвѣ въ посольскомъ приказѣ Мануйло сказалъ: „съ нимъ де послалъ къ государю еросалимскій патріархъ грамоты объ немъ же Мануйлѣ, а съ товарищемъ ево съ Миколаемъ Ивановымъ послалъ грамоту къ государю святѣйшему Никону патріарху онъ же еросалимскій патріархъ Паисей о иконописцѣхъ". Въ 1657 году бѣлый попъ Иванъ, города Трикалы, по указу Никона, отправился на родину „призвать къ Москвѣ живописцевъ и мудрыхъ серебрениковъ, и о томъ дана его патріаршая грамота за висячею печатью". Уже по удаленіи Никона съ патріаршаго престола, именно въ 1660 году, въ Москву пріѣхалъ грекъ иконописецъ Апостолъ Юрьевъ. (Греческія дѣла—въ большомъ моск. архивѣ мин. иностран. дѣлъ—7164 г. № 10; 7165 г. № 26; 7168 г. № 8).

Разъ Нероновъ, явившись къ Никону, съ которымъ онъ было помирился, говорилъ ему: „иностранные (греческія) власти нашихъ служебниковъ (т. е. старопечатныхъ до исправленія ихъ Никономъ) не хулятъ, но и похваляютъ“. И патріархъ рече: „обои де добры (т. е. старопечатные и новоисправленные)—все де равно, по какимъ хочешъ, по тѣмъ и служишъ“. И Григорій рекъ: „я старыхъ де добрыхъ и держуся“. И вземъ благословеніе отъиде“. Но этого мало. 21 января 1658 года, во время всеноощной, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, Никонъ приказалъ троить аллилуію и прибавлять „слава тебѣ Боже“. Нероновъ, бывшій тутъ же въ соборѣ, сталъ сильно укорять за это Никона и указывалъ ему на извѣстное житіе св. Евфросина псковскаго. „До чего тебѣ, патріархъ, домутить Росіею? говорилъ Нероновъ Никону. Съ кѣмъ ты совѣтовалъ, и какое свидѣтельство произносишъ четверишъ аллилуія? У насъ, въ Велицѣй Росій, преподобный Ефросинъ псковскій много трудився, сниская о сихъ, и у вселенскихъ патріархъ былъ, вопрошая о вещи сей, и яко же предаша ему тіи, сице и той здѣ въ Велицѣй Росіи намъ предложи. Богъ же забвенію труды его не преда, но знаменьми и чудесы прослави его, якоже и прочихъ великихъ святыхъ“. И патріархъ рече: „Воръ-де, б....с.. Евфросинъ!“ И Григорій рече: „Какъ таковая дерзость, и какъ хулу на святыхъ вѣщаешъ?—услышитъ Богъ и смиритъ тя!“ „И доколѣ старецъ Григорій былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа з братіею, въ соборной церкви, на клиросахъ чтобы не четверить аллилуія. Тіи же послушаша старца, говорили аллилуія на клиросахъ по дважды, въ третье: слава тебѣ Боже. Патріархъ же ничтоже имъ глагола, точію подъякъ, псалтырь говоря, заповѣданіе патріархово говорилъ— четверилъ аллилуія. По вся же дни старецъ, и до поѣздки, приходилъ въ соборную церковь, и аллилуіа на крылосахъ протопопъ и з братіею говорили подважды, и до поѣздки старцовы“ [1]).

Очевидно въ концѣ концовъ грекофильствующій реформаторъ Никонъ пришелъ къ тому вѣрному убѣжденію, что старыя и новоисправленныя имъ книги, чины и обряды, одинаково добры, что для вѣры и благочестія безразлично, бу-

---

[1]) Мат. для ист. раск. т. 1, стр. 162—163.

дутъ-ли служить по старымъ служебникамъ или по новоисправленнымъ, будутъ-ли троить или двоить аллилуію. Но если старыя и новоисправленныя книги, чины и обряды одинаково добры, одинаково безразличны для вѣры и благочестія, то какой же собственно смыслъ имѣла реформаторская дѣятельность Никона, направленная на передѣлку этихъ „добрыхъ" чиновъ и обрядовъ нашей церкви и сопровождавшаяся ссылками, заточеніями, обличеніями въ ереси и анаѳематствованіями всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ отказаться отъ этихъ добрыхъ старыхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, не хотѣлъ признать ихъ неправыми, непозволительнымъ новшествомъ? Разладъ между Никономъ, торжественно заявляющимъ о настоятельной необходимости исправленія русскихъ книгъ, такъ какъ онѣ содержатъ въ себѣ неправые, нововводные чины, и Никономъ, признающимъ, что старые служебники такъ же добры какъ и новоисправленные, что будетъ безразлично служить по тѣмъ или другимъ служебникамъ,—разладъ слишкомъ очевиденъ и устранить его нѣтъ никакой возможности, если мы не признаемъ, что Никонъ, подъ конецъ своей патріаршей дѣятельности, замѣтно измѣнилъ свой взглядъ на смыслъ и значеніе своихъ собственныхъ реформъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно, что Никонъ, послѣ самой напряженной и кипучей реформаторской дѣятельности, въ которой онъ проявилъ столько энергіи, увлеченія и пыла, сталъ относиться къ своимъ собственнымъ реформамъ какъ то безучастно и равнодушно. На это могла имѣть вліяніе его продолжительная, упорная, но, въ концѣ концовъ, не совсѣмъ удачная борьба съ кружкомъ ревнителей благочестія, все болѣе замѣтная перемѣна въ его личныхъ отношеніяхъ къ царю, а главнымъ образомъ вѣроятная перемѣна въ его личныхъ взглядахъ на значеніе въ дѣлахъ вѣры и благочестія того или другаго обряда, перемѣна, очень естественная въ человѣкѣ умномъ и воспріимчивомъ, посвятившемъ этому дѣлу нѣсколько лѣтъ дѣятельности, и, отчасти путемъ собственныхъ размышленій и невольнаго изученія, отчасти благодаря своему частому обращенію съ лицами научно образованными, пришедшему къ вѣрному убѣжденію, что старые и новые служебники одинаково добры, что можно служить по тѣмъ и другимъ, такъ какъ это дѣло совершенно безразличное для вѣры и благо-

честія. Какъ бы то ни было, но только подъ конецъ дѣло церковныхъ исправленій не стояло уже у Никона на первомъ планѣ, не было для него тѣмъ живымъ, насущнымъ дѣломъ, въ которое бы онъ вкладывалъ всю свою душу, въ которомъ бы онъ видѣлъ главную задачу своей патріаршей дѣятельности. Никонъ хорошо видѣлъ, что противники его реформъ нетерпѣливо ждутъ того времени, когда новый патріархъ будетъ передѣлывать все, имъ сдѣланное, и однако изъ личнаго только самолюбія онъ самъ оставляетъ патріаршую каѳедру, не смотря на очевидность, что этимъ поступкомъ онъ окончательно развязываетъ руки всѣмъ врагамъ своихъ реформъ, открываетъ свободный путь для ихъ враждебной его дѣлу дѣятельности. Проживая, послѣ своего удаленія съ патріаршества, въ Воскресенскомъ монастырѣ, Никонъ дѣятельно занимался монастырскими постройками, дѣятельно велъ тяжбы изъ-за монастырскихъ имѣній, велъ живую и энергичную полемику съ своими личными врагами, зорко высматривалъ всѣ покушенія на его патріаршее достоинство, на оставленную имъ добровольно патріаршую власть, словомъ былъ крайне внимателенъ и чутокъ къ личнымъ своимъ интересамъ, къ своему до болѣзненности раздраженному самолюбію, а что бы онъ хотя сколько нибудь интересовался оставленнымъ имъ на произволъ, безъ всякой защиты, дѣломъ церковныхъ исправленій, его дальнѣйшею судьбою и теченіемъ, это ни откуда не видно. Отъ Никона, по удаленіи его съ патріаршей каѳедры, осталась довольно значительная переписка съ царемъ, письма къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, очень обширное сочиненіе противъ Паисія Лигарида, въ которомъ онъ подробно говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ царю, о тогдашнемъ общемъ положеніи церковныхъ дѣлъ, о русскихъ архіереяхъ, о церковномъ судѣ, о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ и пр., но нигдѣ даже ни разу онъ не упоминаетъ и не вспоминаетъ о своихъ церковныхъ реформахъ, какъ будто это дѣло его вовсе и не касается, даже какъ будто такого дѣла вовсе и не было. Проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ Никонъ прекрасно зналъ, что изъ за произведенныхъ имъ реформъ теперь всюду идетъ на Руси страстная, ожесточенная борьба, происходятъ всюду распри, раздѣленія, въ русской церкви видимо быстро нарождался расколъ, и что главному и луч-

шему дѣлу его патріаршества повидимому суждено окончательно рухнуть подъ дружнымъ и ожесточеннымъ напоромъ его враговъ. Все это не могъ не видѣть Никонъ, и однако онъ ни однимъ словомъ не откликнулся на разроставшуюся борьбу изъ за его церковныхъ исправленій, не сдѣлалъ ни одного шага, не предпринялъ ни одной мѣры, что бы оберечь, защитить главное дѣло своего патріаршества. Все время, по оставленіи имъ патріаршей каѳедры, Никонъ оставался холоднымъ, совершенно безучастнымъ зрителемъ все болѣе широко разгоравшагося пожара изъ за его церковныхъ исправленій; онъ, очевидно, теперь уже не считалъ этаго дѣла близко касающимся его лично, и потому не находилъ для себя возможнымъ не только бороться, но и просто безпокоиться изъ за него [1]). Но только индеферентнымъ отношеніемъ къ дѣлу своей церковной реформы Никонъ не ограничился.

Извѣстный противникъ церковной реформы Никона, дьяконъ Ѳедоръ, дѣлаетъ такое любопытное заявленіе: „по семъ Никонъ, по многомъ обличеніи отъ многихъ отецъ, позна свое блуженіе въ вѣрѣ, и отрекся патріаршества своего въ соборной церкви предъ народомъ, и отъиде въ монастырь свой, и посемъ въ Валдаѣ въ Иверскомъ монастырѣ завелъ свою друкарню, тутъ же населившася иноцы Кіевопечерскаго монастыря: *и повелѣлъ имъ тутъ печатать Часовники по старому уставу и обычаю, и тѣ Часовники его видѣхъ азъ,* по его благословенію печатныя тамо мелкими словами въ четверть листа, въ нихже уже: и въ Духа Святаго Господа *истиннаго* и животворящаго, *и прочая вся въ нихъ постарому слово въ слово*“ [2]). Говорятъ, что Часовникъ, напечатанный патріар-

---

[1]) На это равнодушіе Никона къ его собственнымъ церковнымъ исправленіямъ жалуется и царь Алексѣй Михайловичъ. Въ своемъ повелѣніи въ 1662 г. о созваніи собора онъ заявляетъ, „что церковь вдоствуетъ безъ пастыря уже пятолѣтствующи, а пастырю убо патріарху Никону отшедшу и пребывающу въ новоустроенныхъ отъ него обителехъ, а о вдовствѣ ея нерадящу, также и о несогласіи церковнаго пѣнія и о службѣ божественные литоргіи и о иныхъ церковныхъ винахъ, которые учинились при бытіи патріаршества его, и потому дѣйствуются и до нынѣ, и отъ того нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы“. (Гиббен, ч. 1, стр. 242).

[2]) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 150.

хомъ Никономъ въ Иверскомъ монастырѣ по старому, а въ символѣ съ внесеніемъ слова *истиннаго*, сохранился до настоящаго времени и его можно найти въ книжныхъ собраніяхъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, любителей и собирателей старопечатныхъ книгъ. Мы, съ своей стороны, не могли найти и видѣть этого Часовника, но это не можетъ и для насъ служить основаніемъ заподозрить справедливость приведеннаго свидѣтельства дьякона Ѳедора. Дѣло въ томъ, что и самъ Никонъ въ одномъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что въ его Иверскомъ монастырѣ дѣйствительно печатались книги неисправно т. е. постарому, а не противъ новоисправленныхъ книгъ. Въ своей грамотѣ къ архимандриту Иверскаго монастыря Діонисію, въ іюнѣ 1658 года т. е. только за одинъ мѣсяцъ до оставленія имъ патріаршей каѳедры, Никонъ пишетъ, чтобы они прекратили допечатаніе кутеинскихъ Псалтырей потому что тѣ Псалтири неисправны. „И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ, по нашему великаго государя указу, тѣхъ кутеинскихъ Псалтирей допечатывать и выдавать не велѣли, *тѣмъ казны не собрать*, а велѣти бъ вамъ вновь завести печатать иная какая книга, Аввы Дороѳея, или иная какая.“ [1]. Значитъ, въ Иверскомъ монастырѣ уже рѣшили было печатать Псалтири постарому, но Никонъ запретилъ это дѣлать, но не потому однако, чтобы онъ былъ противъ вообще печатанія псалтырей по-старому, а единственно потому, „что тѣмъ казны не собрать“ т. е. что старопечатными книгами теперь нельзя выручить затраченныя на ихъ печатаніе деньги, такъ какъ онѣ не найдутъ себѣ на книжномъ рынкѣ покупателей, отъ которыхъ правительство требуетъ, чтобы они обзаводились новоисправленными книгами, а старыя, какъ ненужныя, оставляли. Никонъ смотритъ здѣсь на печатаніе старыхъ книгъ чисто съ хозяйственно-коммерческой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія матеріальной выгоды или потери отъ этаго предпріятія. Но съ удаленіемъ Никона съ патріаршаго престола обстоятельства въ этомъ отношеніи сильно измѣнились. Большинство теперь стало думать, что съ уходомъ Никона и всѣ его реформы и книжныя исправленія будутъ уничтожены, все останется по-старому, а значитъ въ ходъ пойдутъ по-прежнему и старыя книги, которыя, ко-

---

[1]) А. Э. т. IV, № 126.

нечно, теперь находили хорошій сбытъ на рынкѣ, тогда какъ торговля новоисправленными книгами естественно должна была остановиться. Въ виду этихъ обстоятельствъ въ Иверскомъ монастырѣ, попрежнему находившемся въ вѣдѣніи Никона, начинаютъ печатать церковныя книги по старому и, конечно, дѣлаютъ это съ согласія Никона. Такъ въ 1661 году въ Иверскомъ монастырѣ была напечатана книга: „*Брашно духовное*, сирѣчь: псалмы, молитвы, пѣнія, благодареніе и каноны и прочая, отъ многихъ книгъ собранныя, зѣло нужныя и душеполезныя. Въ монастырѣ общежительномъ Иверскомъ, иже на святѣ Езере, въ строеніи святѣйшаго Никона патріарха новотипомъ издася. Лѣто отъ созданія міра 7170, отъ рожества же Господа нашего Іисуса Христа 1661, индикта 15, мѣсяца октоврія въ 19 день". Эта книга была напечатана согласно съ старыми книгами, а не съ новоисправленными. Напримѣръ: „чинъ како подобаетъ пѣти псалтырь".—„Аще іерей начни: благословенъ Богъ нашъ... Аще же ни, рци: *за молитвъ* святыхъ отецъ нашихъ, Господи *Ісусе* Христе *Сынѣ Божій*, помилуй насъ, аминь". Въ канонѣ „за едино умершаго" на отпускѣ говорится: „Господи *Ісусе* Христе *Сынѣ Божій*, молитвъ ради пречистыя ти Мати"... Повсюду „во вѣки вѣкомъ". „Отче нашъ... и остави намъ долги наша яко *и мы* оставляемъ... и *невоведи* насъ во искушеніе"—„Свѣте тихій... *Ісусе* Христе *пришедшу солнцу* на западъ... Сыне Божій животъ даяй *всему міру, его же ради весь міръ* славитъ тя."— „Богородице дѣво радуйся *обрадованная* Маріе... яко родила еси *Христа Спаса*".—„Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую *воистину* серафимъ." — „Что тя наречемъ, *о обрадованная*, небо..."—„Покаяніе отверзи ми двери жизнодавче: утренюетъ бо духъ мой *къ церкви святѣй своей, церковъ* нося тѣлесную, всю оскверненную, но яко щедръ очисти, *благоутробными си милосердіемъ*". Символъ вѣры: „Вѣрую во единаго Бога... И во единаго Господа *Ісуса* Христа... рожденна, *а* несотворенна... и нашего ради спасенія *сошедшаго со* небесъ и воплотившагося отъ Духа свята и Мар*ія* дѣвы... *Распята же* за ны... и воскрес*ша во* третій день по писані*ихъ*... Его же царствію *нѣсть* конца". Впрочемъ и новоисправленныя книги при самомъ Никонѣ и въ правительственной типографіи издавались иногда съ нѣкоторыми отступленіями въ пользу стараго. Такъ, напримѣръ, *въ Тріоди Постной,* изданія 1656 года,

въ чинѣ: „въ пятокъ вечера память совершаемъ всѣхъ отъ вѣка усопшихъ православныхъ христіанъ и братій нашихъ“ на стр. 23 значится: „аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды“, послѣ пѣсни: „радуйся чистая, Бога плотію родшая во спасеніе всѣхъ... аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды“, т. е. въ обоихъ случаяхъ предписывается по старому двоить, а не троить аллилуія; на стр. 122. „священникъ: *за молитвъ* святыхъ отецъ нашихъ“. Въ *Ирмологіонѣ*, 1657 г., послѣ богородична: „жизнодавца рождьши... аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды“ (на стр. 574). Значитъ, не только въ Иверскомъ монастырѣ нѣкоторыя книги издавались, съ согласія Никона, по старому, но и въ новоисправленныхъ книгахъ, выходившихъ при Никонѣ изъ правительственной типографіи, принципъ исправленія стараго проведенъ былъ не со всею строгостью [1]).

Никонъ, въ послѣднее время своего патріаршества, а потомъ по оставленіи имъ патріаршей каѳедры, не только признавалъ старые и новые служебники одинаково добрыми, допускалъ совершать службы по тѣмъ и другимъ, дозволялъ печатать въ Иверскомъ монастырѣ по старому, но въ концѣ концовъ онъ даже принципіально заподозрилъ свои собственныя реформы. Всѣ церковныя исправленія Никона имѣли смыслъ и значеніе подъ условіемъ признанія авторитета восточныхъ патріарховъ и признанія неповрежденности тогдашнихъ греческихъ печатныхъ книгъ. Но Никонъ, во время соборнаго суда надъ нимъ, отвергъ то и другое, вслѣдствіе чего необходимо сталъ въ отрицательное отношеніе къ своимъ же собственнымъ реформамъ. Во время соборнаго суда надъ нимъ, Никонъ заявилъ, что патріархи александрійскій и антіохійскій, присутствовавшіе тогда на соборѣ, не могутъ

---

1) Паисій Лигаридъ, въ своемъ сочиненіи „О судѣ надъ патріархомъ Никономъ“ (объ этомъ сочиненіи Лигарида скажемъ ниже), заявляетъ, что Никонъ, во время соборнаго суда надъ нимъ, самъ призналъ неисправность своихъ книжныхъ исправленій. Когда Никонъ, разсказываетъ Лигаридъ, отвергъ на соборѣ греческій номоканонъ, какъ еретическій, „принесено было, для большаго удостовѣренія, законоположеніе русскихъ, но и это Никонъ отвергъ какъ невѣрно изданное при патріархѣ Іосифѣ московскомъ. Никонъ нехотя прибавилъ, что нѣкоторыя книги неправильно были изданы и во время его патріаршества, почему и поручилъ архіереямъ въ удобное время исправить ихъ“.

быть названы настоящими, законными патріархами, такъ какъ александрійскій не живетъ въ Александріи, а антіохійскій живетъ въ Дамаскѣ. А между тѣмъ, какъ мы знаемъ, большую часть своихъ церковно-обрядовыхъ реформъ Никонъ произвелъ именно по совѣту и указаніямъ антіохійскаго патріарха Макарія, на авторитетъ котораго онъ тогда постоянно указывалъ и опирался. Что же въ такомъ случаѣ значили эти реформы, если онѣ произведены были Никономъ по совѣтамъ и указаніямъ Макарія, незаконнаго, ненастоящаго патріарха?—При Никонѣ, какъ мы видѣли, наши книги прежде всего исправлялись съ греческихъ печатныхъ книгъ. Но когда, во время соборнаго суда, противъ Никона приведено было одно правило изъ греческой книги, его осуждающее, то Никонъ рѣзко заявилъ на соборѣ: „греческія правила не прямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики“, и затѣмъ опять настойчиво повторилъ: „греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики“. Конечно это заявленіе Никона можно объяснять его крайней тогдашней раздраженностію противъ его судей—патріарховъ, можно видѣть въ немъ только необдуманныя слова пылкаго, несдержаннаго человѣка. Но можно объяснять дѣло и иначе. Все греческое въ глазахъ Никона было хорошо только до тѣхъ поръ, пока греки льстили ему, всячески угодничали и пресмыкались передъ нимъ, пока они оправдывали и одобряли всѣ его реформаторскія дѣйствія, а онъ, опираясь на нихъ, игралъ видную и эффектную роль реформатора русскихъ церковныхъ порядковъ. Какъ же скоро тѣ же самые греки враждебно коснулись самого Никона, изъ льстецовъ и угодниковъ превратились въ грозныхъ и не податливыхъ его судей, а реформаторская его дѣятельность подверглась всякимъ пересудамъ, толкованіямъ и провѣркамъ; грекофильства Никона какъ не бывало, онъ уже судитъ и рядитъ какъ истый старообрядецъ: восточныхъ патріарховъ называетъ не настоящими патріархами, греческія печатныя книги—неправыми, такъ какъ ихъ печатаютъ еретики. Никонъ, видимо, не смотря на свое громкое заявленіе: „хотя я русскій и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія греческія“, на самомъ дѣлѣ, по своимъ истиннымъ убѣжденіямъ, всему ду- [illegible] складу своей личности и симпатіямъ, продолжалъ всегда [illegible]ставаться завзятымъ тогдашнимъ русскимъ; все его

грекофильство было у него явленіемъ очень непрочнымъ, какъ бы искусственнымъ, привитымъ къ нему со стороны. Какъ же скоро обстоятельства измѣнились, его прежніе друзья и поощрители въ грекофильствѣ превратились въ его рѣшительныхъ враговъ и Никонъ былъ, такъ сказать, предоставленъ только самому себѣ: въ немъ и сказался тотъ дѣйствительный, настоящій Никонъ, отъ котораго не разъ слыхали ранѣе, какъ онъ говорилъ: „гречане де и малые Россіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой да и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія ни мало“.

ГЛАВА VII.

Борьба протопопа Іоанна Неронова съ патріархомъ Никономъ.

Іоаннъ Нероновъ, какъ глава всѣхъ недовольныхъ патріархомъ Никономъ. Громадная популярность Неронова. Его увѣренность, что онъ находится подъ особымъ божественнымъ водительствомъ и что самъ Богъ призвалъ его къ общественной дѣятельности и къ борьбѣ съ недостойнымъ патріархомъ Никономъ. Нероновъ всегда признавалъ греческихъ патріарховъ православными и ихъ высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ боролся лично только съ Никономъ, а не съ церковію и ея іерархіею. Примиреніе Неронова съ Никономъ было примиреніемъ съ церковію, а не съ личностію Никона, хотя онъ и принялъ потомъ всѣ произведенныя Никономъ церковныя реформы.

Никонъ спѣшно и энергично, безъ всякой серьезной помѣхи съ чьей либо стороны, проводилъ свои церковныя реформы. А между тѣмъ противъ этихъ реформъ въ обществѣ существовало очень сильное, хотя и скрытое, неудовольствіе, которое само по себѣ можетъ быть и не имѣло бы особенно важнаго значенія, если бы этимъ обстоятельствомъ, какъ нельзя лучше, не воспользовались члены кружка ревнителей благочестія, которые открыто стали на сторону всѣхъ недовольныхъ Никономъ. Главнымъ дѣятельнымъ борцомъ противъ Никона теперь сдѣлался Іоаннъ Нероновъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ, вліятельныхъ и популярныхъ людей въ Москвѣ. Мы уже знаемъ, что Нероновъ былъ ближайшимъ другомъ вліятельнаго царскаго духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, который самъ во многомъ подчинялся пылкому, энергичному и учительному настоятелю московскаго Казанскаго собора. Благодаря отчасти Стефану, а также и предшествующей своей дѣятельности, Нероновъ лично хорошо былъ знакомъ царю, царицѣ и всей царской семьѣ,

среди которой онъ пользовался и расположеніемъ и уваженіемъ; бояре, и вообще люди знатные, тоже хорошо знали Неронова, какъ пастыря во всѣхъ отношеніяхъ выдающагося, и со многими изъ нихъ у него существовали личныя, непосредственныя, близкія отношенія; онъ пользовался и среди всѣхъ вообще москвичей большою популярностію, благодаря заведеннымъ имъ въ Казанскомъ соборѣ новымъ богослужебнымъ порядкамъ: единогласному пѣнію и чтенію, правильному неопустительному чтенію отеческихъ поученій, соблюденію во всемъ богослуженіи строгой чинности и истовости, требованію отъ всѣхъ молящихся стоять въ церкви смирно и чинно; наконецъ Неронова знали всѣ бѣдные, больные, увѣчные, сирые и несчастные, такъ какъ Нероновъ помощь всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ считалъ одною изъ первыхъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Естественно было поэтому, что къ заявленіямъ такого всѣмъ извѣстнаго и уважаемаго человѣка не могли остаться равнодушными ни царь, ни патріархъ, ни все общество—всѣ невольно прислушивались, что говоритъ про новаго патріарха, и говоритъ такъ смѣло и рѣшительно, всѣмъ извѣстный и всѣми высокопочитаемый протопопъ Казанскаго собора. Но Нероновъ былъ не одинъ, вокругъ него, вполнѣ раздѣляя его воззрѣнія на Никона, и безусловно сочувствуя его смѣлому и энергичному протесту, стояли другіе ревнители: протопопы—Аввакумъ, Лазарь, Даніилъ, Логгинъ, а также епископъ Павелъ коломенскій, и другія духовныя и свѣтскія лица, которыя находились въ сношеніяхъ и даже перепискѣ съ Нероновымъ. Всѣ они видѣли въ Нероновѣ выразителя своихъ воззрѣній, своего главу и руководителя, смотрѣли на него, за его смѣлыя обличенія грознаго патріарха, съ величайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ, граничащимъ съ благоговѣніемъ. Вотъ какъ выражается, напримѣръ, протопопъ Аввакумъ въ своемъ письмѣ къ Неронову, отъ 14 сентября 1653 года, когда Нероновъ находился въ ссылкѣ въ Спасокаменномъ монастырѣ: „ты (Нероновъ) подобенъ, пишетъ Аввакумъ, еси Павлу (апостолу), благодать устны твоими дѣйствуетъ, яко же Павловыми. Азъ грѣшникъ, помня слезы твоя, и радости исполняюся, днемъ и нощію воспоминаніе пріемля о сущей въ тебѣ нелицемѣрней вѣрѣ. Благодарю укрѣпляющаго мя Христа и Спаса Господа нашего, яко вѣрна мя помысливъ

и положивъ мя въ службу, бывша иногда хульника и гонителя и досадителя, но помилованъ быхъ за молитвъ твоихъ". Свое особое высокое уваженіе къ Неронову, обыкновенно отличавшійся крайнею нетерпимостію Аввакумъ, выражалъ даже и тогда, когда Нероновъ уже принялъ троеперстіе и соединился съ церковію. Въ письмѣ изъ Мезени къ игумену Ѳеоктисту Аввакумъ пишетъ: „про все пиши: про старцово (т. е. Неронова) житье мнѣ не пиши, не досаждай мнѣ имъ: *не могутъ мои уши слышати о немъ хульныхъ глаголъ ни отъ ангела.* Ужъ то грѣхъ ради моихъ въ сложеніи перстовъ малодушествуетъ" [1]). Игуменъ Ѳеоктистъ, въ письмѣ къ Стефану Вонифатьевичу, отъ 13 іюля 1654 года, выражаетъ желаніе, чтобы на мѣсто Никона Стефанъ сдѣлался патріархомъ и, вліяя на государя, умиротворилъ церковь „внимая прилѣжно отца Іоанна глаголомъ" [2]) т. е. если бы Стефанъ сдѣлался патріархомъ, то его руководителемъ въ управленіи церковію долженъ бы стать, по убѣжденію ревнителей, Нероновъ, какъ признанный всѣми глава и авторитетъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. О самомъ Нероновѣ тотъ же игуменъ Ѳеоктистъ, въ томъ же письмѣ къ Стефану, говоритъ, что Нероновъ показываетъ „и во узахъ рвеніе по благочестіи и къ Богу присную любовь. Зрѣти бо его, яко ангела ликующа въ небесныхъ: сице во истину и того въ скорбѣхъ, и свѣтло зѣло умомъ зряща Владыку всѣхъ Бога, и никако о земныхъ радяща, и скорби презирающа и любезнѣ бѣда терпяща". Никонъ гонитъ и преслѣдуетъ Неронова, но у него всюду находятся друзья, сторонники, послѣдователи, его, сосланнаго подъ начало и въ заточеніе, вездѣ встрѣчаютъ съ особою честію и уваженіемъ, какъ мужественнаго и невиннаго страдальца за правду. Когда Нероновъ былъ сосланъ Никономъ подъ начало въ Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, то „архимандритъ тоя обители Александръ пріятъ его радуяся и глаголя, яко страдальца видѣти сподоби мя Богъ древняго,—даруя тому честь, и выше келаря поставляя его въ церкви, новый войлокъ овчій подложивъ тому подъ ноги; и въ келіи жити повелѣвая со отцемъ его духовнымъ священникомъ Григоріемъ, и слугу ему далъ для чести; и изъ

---

[1]) Матер. для ист. разск. т. I. стр. 25—26. V, стр. 160—161.
[2]) Матер. для ист. разск. т. I, стр. 112.

поварни прибавочныя ѣствы приносить къ нему повелѣвая въ келью первому слугѣ, Смирнову-Аѳанасьеву, а имя ему Титъ. А прочимъ слугамъ квасу добраго ко отцу Іоанну носить повелѣвая въ оловяникахъ,—братины мѣдныя съ покрывалами!“ Точно также почетно встрѣченъ былъ Нероновъ и въ Соловецкомъ монастырѣ, куда онъ прибылъ при своемъ бѣгствѣ изъ Кандалагжскаго монастыря. Отпуская бѣглеца въ Москву, соловецкій архимандритъ Илія напутствовалъ его такими словами: „страдалче, біемъ одолѣвай! храбрый воине, подвизайся!“ [1]) Даже простой народъ всюду оказывалъ Неронову свое особое расположеніе и горячую приверженность къ нему, видѣлъ въ немъ борца за правду, народнаго милостивца и невиннаго страдальца. Біографъ (современникъ) Неронова замѣчаетъ: „простіи людіе зѣло любляху Іоанна, яко проповѣдника истиннѣ, и предъ цари не стыдящася, по пророку, и много истиннѣ страждуща,—страдальца и мученика того нарицаху“. Когда Никонъ послалъ арестовать скрывавшагося Неронова, и посланные напали было на его слѣдъ, „то христіане тоя волости скрыша Григорія (монашеское имя Неронова), а посланныхъ отъ патріарха оскорбиша. Григорію же молящу тѣхъ, да не паче мѣры съ посланными крамолятъ; тіи же рекоша: до смерти за тя, страдалче Христовъ, готовы пострадати. Іоанна убо сохраниша, сами же многу бѣду подъяша. Паки патріархъ повелѣ многихъ прислать въ ту волость, и іереевъ и мірскихъ оковавъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ во темницу посадити повелѣ, и мнози отъ нихъ въ темницѣ и умроша отъ великія нужды, а иніи мнози скорби и напасти подьяху, любви ради, ея же имѣяху ко Іоанну. Христолюбцы же, аще и многи бѣды, ихъ же зряху, братія ихъ страждутъ, но яко зеницу ока, или яко отца, Іоанна храняху, и въ домахъ своихъ, яко Божія Ангела, держаху и любезно въ сладость послушаху“ [2]). Понятно почему народъ такъ сильно былъ привязанъ къ Неронову, что многіе, ради защиты его отъ преслѣдованій Никона, шли въ тюрьму и тамъ умирали. Въ запискѣ о жизни Неронова разсказывается между прочимъ и слѣдующее: „нѣкоего лѣта бысть гладъ въ предѣлѣхъ града Вологды, и мнози, хлѣб-

---

[1]) Ibid. стр. 112—113, 140—141.
[2]) Матер. т. I, стр. 143—144.

ныя ради скудости, ядяху траву, и коренія, и вахту, и млеко въ дніи постныя, и приходяще къ отцу Григорію (который тогда жилъ въ Игнатьевой пустыни около Вологды) прошаху милости, да утолитъ ихъ отъ глада того. Григорій же, яже имѣяше, даяше требующимъ, и много множество собирая по градамъ хлѣба, кормяше приходящія къ нему; даяше же и сѣмена отъ обители своея земледѣльцемъ на сѣяніе нивъ ихъ. И тако во время глада прокорми народъ безчисленный". Но и этимъ Нероновъ не ограничивался. „Хождаше милостыни ради, говоритъ записка о его житіи, въ царствующій градъ Москву, а наипаче заступленія ради бѣдныхъ, понеже многихъ ради бѣдъ и напастей многіи, приходящи къ нему отъ различныхъ градовъ, моляху того о заступленіи, яко знаемый бѣ царемъ и боляры свидѣтельствованнаго ради въ добродѣтелехъ житія его и страданія, и, многое множество заступая, избавляше отъ узъ, и темницы, и отъ смертныя градскія казни. И возвращашеся отъ царствующаго града въ свою пустыню съ довольною милостынею, отъ царя и отъ прочихъ боголюбцовъ подаваемою, и вся собранная влагаше въ утробы нищихъ, пекійся яко отецъ всѣмъ душевнѣ и тѣлеснѣ". Къ нему въ пустыню, изъ Вологды и окрестныхъ селъ, приходило множество народу всякаго чина, возраста и пола, и всѣхъ ихъ онъ радушно и любезно принималъ, „и не токмо въ церквѣ, но и внѣ церкви, и келіи всѣхъ поучаше и наслаждаше божественнымъ писаніемъ— духовною пищею". По окончаніи службы и церковныхъ поученій повелѣваше посаждати всѣхъ гражданов и поселянъ въ трапезѣ, а невмѣщающихся, множества ради, внѣ трапезы, и всѣмъ пищу единаку и равну предлагати. Самъ же, обходя сѣдящія, призираше всѣхъ. Во время же трапезованія повелѣваше читати божественныя книги, а самъ толковаше всѣмъ чтомое. По совершеніи же трапезы отпущаше въ домы ихъ, насыщенныхъ пищею сугубою, тѣлесною и душевною". Понятно, что такое отношеніе къ приходящимъ въ обитель производило на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе и притомъ крайне благопріятное для Неронова. „Людіе же, говоритъ записка о его жизни, пришедши въ городъ и веси своя, повѣдаху другъ другу, удивляющеся дивному его ученію, и добродѣтельному житію, и милостынѣ, и страннолюбію, *яко*

въ прежнихъ лѣтѣхъ николи же явися таковъ человѣкъ въ странѣ той" [1]).

Дѣйствительно Нероновъ, по всей своей дѣятельности, не только былъ для того времени выдающимся пастыремъ церкви, истовымъ, строгимъ исполнителемъ церковныхъ уставовъ, всегда учительнымъ и назидательнымъ, смѣлымъ неустрашимымъ обличителемъ всякаго нечестія, неправды, порока—и предъ архіереями и патріархомъ и самимъ царемъ; въ то же время онъ былъ замѣчательнымъ, выдающимся общественно-народнымъ дѣятелемъ: онъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ народолюбцемъ, который во время неурожая заботился о прокормленіи голодающихъ крестьянъ, для чего онъ ѣздилъ за сборами по разнымъ городамъ, чѣмъ спасъ множество семей отъ голодной смерти; кромѣ того онъ раздавалъ потерпѣвшимъ неурожай крестьянамъ сѣмена для посѣва на будущій годъ, чтобы предупредить голодъ и въ будущемъ; онъ энергично и настойчиво заступался предъ властями за всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, попавшихъ въ бѣду, и даже нарочно ѣздилъ въ Москву хлопотать за нихъ и, благодаря его ходатайствамъ и заступленію, многіе спаслись отъ узъ, темницы, а иные и отъ казни; на духовное просвѣщеніе народа онъ обращалъ всегда самое серьезное вниманіе и затрачивалъ на него массу труда, времени и энергіи: всѣ его постоянныя и неопустительныя церковныя и внѣ-церковныя поученія направлены были на просвѣщеніе народа, на сообщеніе ему болѣе правильныхъ религіозно-нравственныхъ понятій--въ своемъ монастырѣ онъ устроилъ нѣчто въ родѣ школы [2]). Естественно, что народъ благоговѣлъ предъ такимъ необыкновеннымъ всестороннимъ и всею душею преданнымъ ему дѣятелемъ, глубоко чтилъ его и, при случаѣ, готовъ былъ за него идти въ тюрьму и даже на смерть. Гоненія и преслѣдованія Никона только воз-

---

[1]) Ibid. cap. 287—289.

[2]) Записка о житіи Неронова говоритъ: „мнози отъ гражданъ привождяху къ нему чада своя и вдаваху въ наученіе книжное: Іоаннъ же, яко истинный и чадолюбивый отецъ, всѣхъ любезнѣ пріемля, безъ мзды учаша съ прилежаніемъ многимъ; а старцы, въ сладость пріемлюще ученіе его, вскорѣ книжнаго разумѣнія навыкаху, молитвами и прилежаніемъ учителя своего". (Ibid. стр. 260). Очевидно Нероновъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ распространенія въ народѣ грамотности путемъ дарового обученія.

вышали въ глазахъ народа престижъ Неронова, создавали ему репутацію невиннаго страдальца за правду, окружали его ореоломъ мученичества и даже прямо дѣлали его, въ глазахъ его почитателей, святымъ мужемъ, на которомъ почіетъ особая благодать Божія. Впрочемъ и самъ Нероновъ искренно вѣрилъ, что онъ имѣетъ къ общественной дѣятельности особое чрезвычайное призваніе отъ Бога, и что онъ дѣйствительно находится всегда подъ особеннымъ водительствомъ Божіимъ.

Въ одной челобитной царю Нероновъ указываетъ ему на возможное появленіе антихриста, который только „малыми (немногими), ихъ же утвердитъ Духа Святаго благодать, познаваемъ будетъ“. Вотъ къ числу этихъ-то немногихъ, утвержденныхъ благодатію Св. Духа, и причисляли себя Нероновъ, Аввакумъ и другіе члены кружка ревнителей. Въ силу особой дарованной имъ благодати Св. Духа, они лучше другихъ видѣли, понимали и оцѣнивали окружающія ихъ явленія и всѣ текущія событія жизни, особенно церковныя, и потому лучше другихъ, лучше самыхъ церковныхъ властей, въ большинствѣ погруженныхъ въ мірскія дѣла, заботы и интересы, могли руководить и направлять по истинному настоящему пути все теченіе церковной жизни, предохранить и оберечь ее отъ уклоненій на пути ложныя и гибельныя для православія. Но кромѣ этой общей, такъ сказать, благодатной и сверхъестественной почвы, на которой коренилась, выростала и развивалась ихъ общественная дѣятельность, они еще, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, получали обыкновенно на каждый разъ особыя спеціальныя свыше указанія, видѣнія, знаменія, благодаря чему ихъ дѣйствія и были, въ ихъ глазахъ, безошибочны, непогрѣшимы, вполнѣ согласны съ волею Божіею, хотя бы онѣ и шли въ разрѣзъ съ волею человѣческою, выражаемою властями, свѣтскими и духовными. Вотъ почему они и не боялись рѣшительно и открыто противорѣчить всѣмъ властямъ, рѣзко обличать ихъ и даже вступать съ ними въ прямую борьбу,— такъ поступать было ихъ долгомъ и обязанностію, какъ людей находящихся подъ высшимъ божественнымъ водительствомъ. Та божественная сила, которая ихъ, какъ своихъ избранниковъ, просвѣщала, направляла и давала имъ возможность уразумѣвать истинный смыслъ текущихъ событій,

скрытый отъ другихъ,—эта же божественная сила вмѣстѣ съ тѣмъ оберегала и охраняла ихъ въ трудныя и скорбныя минуты ихъ жизни, воодушевляла и подкрѣпляла ихъ на продолженіе борьбы, почему они твердо были увѣрены, что во всѣхъ случаяхъ Богъ не оставитъ ихъ своею помощію, спасетъ ихъ отъ бѣды, гоненій, преслѣдованій, что проповѣдуемая ими истина и правда всегда въ концѣ восторжествуютъ надъ ложью и неправдою ихъ противниковъ. И они дѣйствительно сами на себѣ испытали и постоянно имѣли предъ глазами, казалось имъ, реальные, неопровержимые факты, что рука Божія непосредственно руководитъ ими и охраняетъ ихъ во всѣхъ путяхъ ихъ. Сомнѣній, казалось, тутъ не могло быть. Неронова заковываютъ въ цѣпи и сажаютъ въ тюрьму. Но, по его молитвѣ, цѣпи сами спадаютъ съ него, дверь тюрьмы сама отворяется, и онъ спокойно выходитъ на свободу. Въ другой разъ жестокій приставъ, отвозившій Неронова на мѣсто ссылки, старательно заковывалъ его въ цѣпи. Но всякій разъ, какъ приставъ ни старался, цѣпи сами собою спадали съ святаго узника. Разъ братія того монастыря, куда сосланъ былъ Неровъ, выведенная изъ терпѣнія его постоянными назойливыми обличеніями, рѣшила такъ или иначе избавиться отъ безпокойнаго, несноснаго обличителя. Иноки нарочно, натопивъ жарко келью Неронова, напустили въ нее чаду и заперли въ ней узника, чтобы онъ умеръ отъ угару. Нероновъ, „воздѣвъ руцѣ къ Богу", сталъ молить Его о спасеніи „пользы ради инѣхъ". Молитва его была услышана. „Невидимою рукою въ полунощи" Нероновъ неожиданно взятъ былъ изъ угарной кельи „и поставленъ за девять-десять поприщъ на Холмогорахъ въ храминѣ воина нѣкоего". Такъ самъ Господь заботился о своемъ избранникѣ, охраняя его отъ разныхъ бѣдъ и злоумышленій недобрыхъ людей.—Если Нероновъ вступилъ въ борьбу съ патріархомъ Никономъ, то не потому только, что онъ сразу увидѣлъ въ Никонѣ человѣка совсѣмъ непригоднаго для занятія патріаршей каѳедры, но главнымъ образомъ потому, что получилъ на этотъ счетъ особое указаніе свыше, когда, во время молитвы, услышалъ отъ образа Спаса обращенный къ нему гласъ: „Іоанне, дерзай и не бойся до смерти: подобаетъ ти укрѣпити царя о имени моемъ, да не постраждетъ днесь Русія, яко же и

юниты“. Нероновъ, постригшись въ монахи, сдѣлался простымъ старцемъ Григоріемъ и, по тогдашнему русскому обычаю, строго соблюдаемому нѣкоторыми, не могъ священнодѣйствовать, о чемъ онъ сильно сокрушался особенно потому, что въ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ, не было тогда священника и служба не совершалась даже въ Пасху. Тогда скорбѣвшему объ этомъ Неронову явился самъ Христосъ съ ангелами и разрѣшилъ ему священнодѣйствовать и притомъ по старымъ служебникамъ [1]). И когда Нероновъ, въ силу бывшаго ему видѣнія, началъ священнодѣйствовать, но не повѣдалъ о бывшемъ ему видѣніи Христа властямъ, то Христосъ снова явился ему съ ангелами и велѣлъ побить его „двумя дубцами“, послѣ чего Нероновъ поспѣшилъ явиться къ мѣстоблюстителю патріаршаго престола Пити-

---

[1]) Извѣстно постановленіе собора, бывшаго въ храмѣ св. Софіи при патріархѣ Фотіѣ: „аще который епископъ, или кто иный архіерейскаго сана, восхощетъ снити въ монашеское житіе и стати на мѣсто покаянія: таковый впредь уже да не взыскуеть употребленіе архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства или начальствованія: они обѣщаются не иныхъ пасти, но пасомыми быти. Того ради, какъ выше речено, постановляемъ: да никто изъ находящихся въ сословіи архіереевъ *и пастырей* не изводить самъ ссбе на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Аще же кто дерзнетъ сотворити сіе, послѣ провозглашенія и приведенія въ извѣстность произносимаго нынѣ опредѣленія: таковый, самъ себя устранивъ отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложилъ“. И сейчасъ на православномъ востокѣ нѣтъ ни одного архіерея монаха. Тамъ архіереи избираются изъ неженатыхъ духовныхъ лицъ—не монаховъ, и если архіерей вздумаетъ постричься въ монахи, онъ, согласно приведенному соборному правилу, лишается архіерейства. Нашихъ архіереевъ-монаховъ теперь православный востокъ совсѣмъ не знаетъ и сочетаніе монашества и архіерейства въ одномъ лицѣ признаетъ явленіемъ совершенно ненормальнымъ и антиканоническимъ. Въ силу приведеннаго правила въ древней Руси съ бѣлыми священниками, постригавшимися въ монашество, дѣло стояло такъ, что съ принятіемъ монашества они поступали въ разрядъ простыхъ старцевъ и теряли право священнодѣйствовать. Когда протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ принялъ монашество, онъ сталъ простымъ старцемъ Савватіемъ, а протопопъ Нероновъ — старцемъ Григоріемъ, при чемъ, когда въ его пустынѣ не было священника, она оставалась безъ церковной службы даже въ Пасху, такъ какъ самъ старецъ Григорій уже не имѣлъ права священнодѣйствовать. Только самъ Христосъ, явившійся Григорію съ ангелами, снова далъ ему право совершать священнодѣйствія.

риму, который вполнѣ увѣровалъ въ разсказъ Неронова о бывшемъ ему видѣніи. Нероновъ обладалъ и особымъ даромъ провидѣть грядущія событія политическаго и общественнаго характера. Такъ онъ энергично совѣтывалъ еще царю Михаилу Ѳеодоровичу и Филарету Никитичу не начинать войны съ Польшею (вѣроятно 1632—1633 г.), потому что „прозрѣлъ духомъ, яко не имутъ одолѣти сопротивныхъ, но токмо кровь христіанская имать проліятися всуе, того ради много моли царя и патріарха о умиреніи тамъ брани, дабы не проліялася кровь христіанская". За такое предсказаніе Нероновъ угодилъ въ ссылку въ Корельскій монастырь, изъ котораго впрочемъ скоро былъ возвращенъ. Въ 1653 г. Алексѣй Михайловичъ готовился къ войнѣ съ Польшею, и Нероновъ настаиваетъ предъ нимъ не начинать похода, а прежде всего установить церковный миръ, потому что, пророчествуетъ онъ, безъ соблюденія этого условія „крѣпости не будетъ имѣти быти хотящая брань, но за премногое прогнѣваніе владыки нашего Бога велія погибель и тщета будетъ". За это предсказаніе Нероновъ ничего не потерпѣлъ, конечно потому, что оно оказалось совсѣмъ невѣрнымъ— война съ Польшею на этотъ разъ была очень удачна. Въ 1654 году Нероновъ предсказывалъ Никону: „да время будетъ и самъ съ Москвы поскочишъ, ни кимъ же гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ! Да и нынѣ вамъ всѣмъ глаголю, что онъ насъ (т. е. Неронона, Аввакума и другихъ) далѣ посылаетъ, то вскорѣ и самому ему бѣгать"! Это предсказаніе Неронова Никону потомъ дѣйствительно во всемъ сбылось. Нероновъ предсказалъ имѣющій появиться на Руси моръ. „Іоаннъ, говоритъ его біографъ, пророчествова о приближшемся наказаніи Божіи, и писаше къ нѣкіимъ боголюбцемъ, яко грядетъ гнѣвъ Божій съ смертоносною язвою. Писа-же и супругѣ своей, да пріиметъ чинъ иноческій, яко грядетъ моръ; и собыстся то его пророчество вскорѣ".—Мы уже не говоримъ о томъ, что Нероновъ, подобно всѣмъ ревнителямъ, съ помощію усердной молитвы и окропленія святою водою, исцѣлялъ „бѣсныя и кличущія", которыхъ къ нему приводили во множествѣ.

Не слѣдуетъ думать, чтобы Нероновъ, разсказывая о бывшихъ съ нимъ разныхъ чудесныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, указывающихъ, что онъ находится подъ особымъ

божественнымъ водительствомъ, сознательно говорилъ неправду, въ видахъ обманывать другихъ и прослыть въ ихъ мнѣніи святымъ человѣкомъ. Напротивъ, онъ былъ искрененъ въ своихъ разсказахъ, и самъ первый вѣрилъ въ ихъ непреложную истинность и дѣйствительность, а въ этой-то увѣренности и заключается вся страшная сила подобныхъ людей, которая всѣмъ ихъ дѣйствіямъ сообщаетъ необыкновенную смѣлость, рѣшительность, несокрушимую энергію, готовность идти на муки и смерть за свои убѣжденія, за то, что они считаютъ истиной и правдой. Борьба съ такими людьми внѣшними средствами, хотя бы самыми суровыми и жестокими, обыкновенно ведетъ къ противоположнымъ результатамъ. Борьба такими средствами не убиваетъ и даже не ослабляетъ этой силы, а только укрѣпляетъ ее, приводитъ въ высшее напряженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ къ ней вниманіе и невольное сочувствіе общества. Никонъ сдѣлалъ крупную ошибку борясь съ этой силой только средствами своей громадной внѣшней силы: разстриженіями, ссылками, заточеніями. Преслѣдуемая имъ сила не только не умалялась отъ этихъ преслѣдованій, но все болѣе росла, крѣпла и расширялась, пока не вызвала наконецъ формальный расколъ въ русской церкви.

Нероновъ, какъ мы ранѣе видѣли, въ своихъ посланіяхъ къ царю и въ письмахъ къ другимъ лицамъ, употреблялъ всѣ усилія дискретировать Никона въ мнѣніи царя, царицы и Стефана Вонифатьевича, при чемъ онъ изображалъ Никона человѣкомъ очень жестокимъ, несправедливымъ, самовластнымъ, очень опаснымъ и для церкви и государства. Въ патріаршихъ дѣйствіяхъ Никона, особенно по отношенію къ кружку ревнителей, Нероновъ находилъ только лицемѣріе, неправду, мстительность, нарушеніе всѣхъ законныхъ нормъ и правилъ церковнаго суда; въ церковныхъ его распоряженіяхъ—легкомысліе и самочиніе, а въ общемъ находилъ, что Никонъ, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по своимъ патріаршимъ дѣйствіямъ, совсѣмъ неподходящее лицо для патріаршей каѳедры.

Но всѣ усилія Неронова очернить Никона въ глазахъ царя не имѣли никакого успѣха. Алексѣй Михайловичъ думалъ тогда, что онъ лучше Неронова знаетъ Никона, и потому совсѣмъ не вѣрилъ никакимъ навѣтамъ на послѣдняго, тѣмъ

болѣе что Нероновъ выражалъ свои жалобы и обвиненія на Никона слишкомъ неспокойно и страстно, такъ что онѣ невольно производили впечатлѣніе не сдержанныхъ, пристрастныхъ, а иногда и прямо грубыхъ выходокъ лично обиженнаго и лично заинтересованнаго въ дѣлѣ человѣка, всячески усиливающагося наговорить своему противнику какъ можно больше обиднаго и оскорбительнаго. Алексѣй Михайловичъ не только не повѣрилъ Неронову, но, чрезъ своего духовника, даже совсѣмъ запретилъ ему писать къ себѣ. Всѣ другія попытки Неронова повлiять на царя чрезъ царицу и Стефана Вонифатьевича, также не имѣли успѣха [1]). Но Нероновъ, потерпѣвъ неудачу при дворѣ, не оставилъ однако борьбы съ Никономъ, теперь онъ рѣшилъ перенести ее въ народъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ сталъ пропагандировать свои взгляды на Никона въ народѣ, къ которому обращался съ зажигательными рѣчами. Отправляясь въ ссылку, Нероновъ проѣздомъ остановился въ Вологдѣ, гдѣ, по окончаніи службы въ соборѣ, обратился къ народу, по его собственному сообщенію, съ такою рѣчью: „Священницы и вси церковная чада! Завелися новые еретики, мучатъ православныхъ христіанъ, которые поклоняются по отеческихъ преданіи, такожде и слогъ перстовъ по своему умыслу развращеннѣ сказуютъ, да за то рабъ Божіихъ мучатъ, и казнятъ, и въ дальныя заточенія посылаютъ. Азъ, грѣшный, въ крестовой, предъ соборомъ всѣхъ властей, говорилъ тѣ слова: подалъ, равноапостольный благочестивый государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всея Русіи

[1]) Очень характерно, какъ Нероновъ, въ своемъ посланіи къ царицѣ, учитъ ее воздѣйствовать на царя въ интересахъ Неронова. „Внуши вопль мой, о христолюбице, пишетъ онъ царицѣ, и услыши глаголы моя, благовѣрная царица, и скорбь снѣдающую душу мою утолити потщися. Буди приносяща слезы наша благочестивому царю—государю, *пріемше на руцѣ надежду нашу, благій плодъ чрева твоего,—благовѣрнаго царевича Алексѣя Алексѣевича, и съ нимъ соумоляющи государя нашего* благочестиваго царя, да первѣе со враги церкви брань сотворитъ, потомъ на иноплеменникъ да идетъ, никако ослабу дая въ сихъ: еда бо како тые брани не управивъ, скорбь и тщету тамо пріяти будетъ... Часто вспоминая буди государю, *сице рекій:* не преслушай, молю, благочестивый царю, нищаго протопопа Іоанна моленія, еда како Богу хотящу, множае себѣ повредиши, неже тѣмъ“ (Матер. 1, 80—83). Но всѣ эти старанія Неронова, что бы царица воздѣйствовала на царя указываемымъ имъ способомъ и словами, не имѣли успѣха.

тебѣ (т. е. Никону) волю, и ты, не узнався, тако всякія ругарнія творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де дѣлаю по евангелію и по отеческимъ преданіемъ! Ано ты такъ говоришь, какъ въ евангеліи сказуетъ: поругалися жидове истинному Христу! И во отеческомъ такожде ихъ мученіи отъ развратниковъ, аще бы не мірскія власти заступали ихъ. Да время будетъ и самъ съ Москвы поскочишь, никимже гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ! Да и нынѣ вамъ всѣмъ глаголю, что онъ насъ далѣ посылаетъ, то вскорѣ и самому ему бѣгать! Да и вы, аще о томъ станете молчать, всѣмъ вамъ пострадать! Не единымъ вамъ глаголю, но и всѣмъ, на Москвѣ и на всѣхъ мѣстѣхъ, за молчаніе всѣмъ злѣ страдати! А во ономъ вѣцѣ что отвѣтъ дадимъ Владыцѣ нашему истинному Христу и святымъ его страдальцемъ?“ [1]).

Понятно, что Никонъ не могъ остаться равнодушнымъ къ нападкамъ на него со стороны Неронова, къ настойчивымъ попыткамъ послѣдняго подкопаться подъ его положеніе, какъ патріарха. Никонъ, съ своей стороны, тоже предпринялъ свои мѣры и для оправданія своего поведенія относительно Неронова и для окончательнаго его пораженія.

Никонъ снялъ съ Неронова скуфью и отправилъ его въ ссылку послѣ соборнаго суда. Но Нероновъ никогда не признавалъ правильности этого осужденія, и самый осудившій его соборъ не признавалъ настоящимъ соборомъ. И царю, и царицѣ и Стефану Вонифатьевичу, и всѣмъ вообще онъ всюду постоянно, настойчиво и убѣжденно доказывалъ и разъяснялъ, что онъ осужденъ неправильно, вопреки правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, осужденъ Никономъ по страсти, потому что Никонъ принялъ на себя „мучительскій санъ“, чтобы безвинно „мучительски мучить“ Неронова и его благочестивыхъ друзей. Эти постоянныя, настойчивыя и страстныя заявленія Неронова, что Никонъ осудилъ его неправильно и незаконно, только тѣша свою страсть, побудили Никона позаботиться доказать несправедливость обвиненій противъ него Неронова или что тоже: доказать, что Нероновъ былъ осужденъ законно и правильно. Это можно было сдѣлать, передавъ дѣло о Нероновѣ на разсмотрѣніе другаго—большаго, чѣмъ первый, собора, а тѣмъ болѣе та-

1) Матер. 1, 106—107.

кого, на которомъ бы присутствовали лица не только авторитетныя, но и совершенно стороннія, чуждыя всякихъ мѣстныхъ личныхъ отношеній и интересовъ и потому могущія порѣшить все это дѣло вполнѣ безпристрастно. Такія лица тогда нашлись въ Москвѣ. Это были: антіохійскій патріархъ Макарій, молдавскій митрополитъ Гедеонъ и никейскій митрополитъ Григорій. 18 мая 1656 года Никонъ созвалъ соборъ, на которомъ присутствовали указанные восточные іерархи, русскіе архіереи, архимандриты, протопопы и другое духовенство, только самъ Нероновъ не былъ приглашенъ на соборъ и судъ надъ нимъ совершался заочно. Соборъ сначала разсмотрѣлъ прежнее соборное осужденіе Неронова Никономъ и нашелъ, что тогда Нероновъ осужденъ былъ на смиреніе въ монастырь вполнѣ законно и справедливо, такъ какъ онъ, „надувся гордостію бѣсовскою, не восхотѣ о своихъ злыхъ вину принести, но еще и вящше иную злобу яви, и святый соборъ укори, и досадительными неправильными словесы великаго государя святѣйшаго Никона патріарха и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи укори окаянный онъ Иванъ и непреподобный“. И когда соборъ правильно за это осудилъ его на смиреніе въ монастырь, „онъ же, Иванъ, прощенія отъ святаго собора не взыска, но тай изъ монастыря убѣже и обходя тайно, яко второй Іуда, возмущаетъ неутвержены въ словѣ души. Еще же написа, непреподобный, многая ложная и несвѣдома о великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцѣ, и о великомъ государѣ святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ московскомъ и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи, и о святыхъ вселенскихъ четырехъ патріарсѣхъ, отметаяся греческаго православія, отнюдуже по благодати Святаго Духа вѣра наша возрасте, и утвердися, и утвержается; еще же и старыя книги, писанныя на хартіяхъ лѣтъ за двѣсте, и за триста, и за четыреста, и за пятьсотъ, и за шестьсотъ и множае—укори, и не суть виновны нашему спасенію нарече. Ещеже, не спросивъ благословенія и не примирився святѣй церкви и пострижеся отъ своего единомысленника изъ Переславля отъ даниловскаго архимандрита Тихона, имя себѣ нарекъ Григорій. И того ради его, Ивана Неронова протопопа, иже нынѣ Григорей, и съ его единомысленники осуди святый соборъ: Иванъ Не-

роновъ, иже нынѣ въ черицахъ Григорей, и съ своими единомысленники, иже не покоряющеся святому собору, отъ святыя единосущныя Троицы и отъ святыя восточныя церкве да будутъ прокляты“ [1]).

Это соборное постановленіе объ отлученіи отъ церкви и проклятіе Неронова и его единомышленниковъ, торжественно и всенародно было провозглашено въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служили Никонъ и антіохійскій Макарій съ другими іерархами. У Павла Алепскаго находится объ этомъ слѣдующій разсказъ: „въ воскресенье, послѣ Вознесенія, нашъ владыка патріархъ служилъ въ соборѣ вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, и они отлучили протопопа, который прежде состоялъ при царѣ. Это тотъ самый протопопъ. котораго Никонъ заточилъ, какъ только сдѣлался патріархомъ, за то, что онъ уподобился Арію и сталъ еретикомъ, произнося хулу на четырехъ патріарховъ, и говоря о нихъ, что они, по причинѣ порабощенія ихъ турками, лишились своей власти, и произносилъ также хулу на Духа Святаго. Этотъ несчастный, убѣжавъ изъ заточенія, возвратился въ столицу, гдѣ и скрывался. Патріархъ тщетно розыскивалъ его, чтобы схватить, но не нашелъ, потому что онъ постоянно мѣнялъ свою одежду и перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Нашъ владыка патріархъ чрезъ драгомана говорилъ предъ всѣмъ народомъ такъ: назвалъ его вторымъ Аріемъ, ибо какъ тотъ былъ протопопомъ въ Александріи, такъ этотъ былъ протопопомъ въ Москвѣ, анаѳематствовалъ его, проклялъ и отлучилъ, а также всякаго, кто послушаетъ его слова. Пѣвчіе и священники пропѣли трижды—анаѳема“ [2]).

Соборное осужденіе и торжественное проклятіе Неронова въ высшей степени характерно для патріарха Никона въ томъ отношеніи, что очень рельефно характеризуетъ тѣ пріемы, какіе, иногда, Никонъ пускалъ въ оборотъ, чтобы только добиться конечнаго осужденія своихъ личныхъ противниковъ.

Изъ предъявленныхъ къ Неронову обвиненій вѣрно только то, что онъ крайне рѣзко и очень пристрастно отзывался о патріархѣ Никонѣ и всей его патріаршей дѣятельности, вся-

---

[1]) Матер. 1, стр. 124—133.

[2]) Муркоса, вып. IV, стр. 178.

чески старался вредить ему въ мнѣніи царя, царицы и царскаго духовника, что онъ и въ народѣ велъ усиленную пропаганду противъ Никона, изображая его во всѣхъ отношеніяхъ недостойнымъ патріархомъ. Что же касается другихъ обвиненій противъ Неронова, то признать и доказать ихъ справедливость мы не имѣемъ возможности.

Нероновъ обвиняется въ томъ, что онъ, „непреподобный, написа многая ложная и несвѣдома о великомъ государѣ царѣ“ Алексѣѣ Михаиловичѣ. Ничего этого въ дѣйствительности нѣтъ. Челобитныя Неронова къ царю изъ Спасокаменскаго монастыря находятся передъ нами, и въ нихъ рѣшительно нѣтъ ничего, что можно было бы подвести подъ категорію „сложнаго и несвѣдомаго писанія“ о царѣ. Даже совершенно наоборотъ: въ своихъ челобитныхъ, письмахъ къ царицѣ и Стефану Вонифатьевичу, Нероновъ вездѣ выражаетъ самое глубокое и почтительное отношеніе къ царю, прямо называетъ царей „воистину по Бозѣ *бози*“, величаетъ Алексѣя Михайловича равноапостольнымъ, благочестивѣйшимъ, выражаетъ готовность пострадать и умереть за божественную царскую власть, этому учитъ и всѣхъ другихъ; царскую власть считаетъ выше духовной, она, по его мнѣнію, должна исправлять и вершить и всѣ церковныя дѣла. Нероновъ постоянно именно тѣмъ и гордился, что онъ всегда и вездѣ безбоязненно стоялъ за царскую честь, которую стремился унизить Никонъ, и потому указанное обвиненіе противъ него рѣшительно несправедливо и что подало къ нему поводъ, мы не знаемъ.

Обвиненіе Неронова, что онъ многое ложное писалъ „о святыхъ вселенскихъ четырехъ патріарсѣхъ, отметаяся греческаго православія, отнюдуже по благодати Святаго Духа вѣра наша возрасте, и утвердися, и утверждается“,—тоже совершенно несправедливо, о чемъ мы скажемъ нѣсколько ниже.

Соборъ обвинялъ Неронова въ томъ, что будто бы онъ „святыя старыя книги, писанныя на хартіяхъ лѣтъ за двѣсти, и за триста, и за четыреста, и за пятьсотъ, и за шестьсотъ и множае укори, и не суть виновны нашему спасенію нарече“. Но само собою понятно, что со стороны Неронова ничего такого не было и не могло быть, а было какъ разъ обратное: Нероновъ стоялъ именно за старыя книги, ихъ

только чтилъ и признавалъ, а укорялъ и отрицалъ книги новыя т. е. новоисправленныя Никономъ.

Наконецъ соборъ обвинялъ Неронова въ томъ, что онъ „не испросивъ благословенія и не примирився святѣй церкви и постряжеся отъ своего единомысленника изъ Переславля отъ даниловскаго архимандрита Тихона, имя себѣ нарекъ Григорій,“ т. е. соборъ обвиняетъ его въ своевольномъ постриженіи въ иночество. Но въ дѣйствительности дѣло происходило такъ: Нероновъ постригся въ монахи по настоянію и предписанію (запискѣ) царскаго духовника Стефана Вонифатьевича, у котораго онъ тайно и прожилъ нѣсколько недѣль. Все это дѣлалось съ одобренія и разрѣшенія самого государя Алексѣя Михайловича, который ни слова объ этомъ не сказалъ Никону и не выдалъ ему Неронова, котораго Никонъ въ это время всюду розыскивалъ, не подозрѣвая, что онъ проживаетъ рядомъ съ нимъ, у царскаго духовника, и что объ этомъ знаетъ царь. Ясно, что Нероновъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ несамочинно, а съ одобренія царя, власть котораго онъ всегда признавалъ выше духовной и имѣющей право вершить и церковныя дѣла, даже помимо патріарха.

На основаніи такихъ то обвиненій, кромѣ двухъ указанныхъ, явно несостоятельныхъ, Никонъ добился торжественнаго осужденія и проклятія Неронова и его друзей, причемъ это проклятіе произнесъ не Никонъ, а сторонній іерархъ—самъ вселенскій антіохійскій патріархъ Макарій.

Нельзя не сознаться, что антіохійскій патріархъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ очень жалкую роль: онъ въ Успенскомъ соборѣ, торжественно и всенародно, по желанію Никона, назвалъ Неронова вторымъ Аріемъ потому, „что какъ тотъ (Арій) былъ протопопомъ въ Александріи, такъ этотъ (Нероновъ) былъ протопопомъ въ Москвѣ“. При этомъ свидѣтель и разскасчикъ о событіи Павелъ Алепскій замѣчаетъ, что Нероновъ уподобился Арію потому, что онъ порицалъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ и что будто бы онъ „произносилъ хулу на Духа Святаго“. Очевидно патріархъ Макарій, произнося анаѳему на Неронова и уподобляя его Арію, плохо понималъ, что онъ дѣлалъ, и совсѣмъ не зналъ человѣка, котораго онъ такъ торжественно и всенародно анаѳематствовалъ. Макарій выслуживался въ данномъ случаѣ предъ все-

могущимъ тогда Никономъ и съ спокойною совѣстію продѣлывалъ все, чтобы тотъ ни потребовалъ отъ него, такъ какъ ему нужно было получить отъ русскаго правительства возможно щедрую и богатую милостыню, ради которой онъ пріѣхалъ въ Москву.

Между тѣмъ Нероновъ, послѣ своего тайнаго постриженія въ монахи, скрывавшійся въ разныхъ мѣстахъ отъ разыскивавшаго его Никона, рѣшилъ отправиться въ Москву, чтобы проститься съ своимъ умершимъ другомъ и братомъ—протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ и поплакать на его гробѣ. Когда Нероновъ прибылъ въ Москву, то близкіе его стали умолять его, чтобы онъ показался патріарху, но другіе были противъ этого и настаивали—„яко да хранитъ себе“. Тогда Нероновъ заявилъ спорившимъ между собою друзьямъ своимъ: „иду, смотрите,—и благодать Божія со мною: вашея ради пользы не прекоснется зло“. Нероновъ отправился къ патріарху, съ цѣлію примириться съ нимъ. Къ этому его располагали разныя обстоятельства. Со смертію Стефана Вонифатьевича онъ лишился своей главной опоры, защиты и ходатая за него предъ царемъ. Онъ зналъ, что Стефанъ умеръ въ мирѣ съ Никономъ и всегда усиленно хлопоталъ, съ согласія царя, его, Неронова, примирить съ патріархомъ. Нероновъ рѣшилъ теперь исполнить всегдашнее желаніе своего умершаго друга и брата, хорошо, конечно, зная, что таково же всегда было и желаніе самого государя. Прибывъ въ Москву, Нероновъ отъ своихъ друзей узналъ, что его дѣло вновь пересматривалось на соборѣ, на которомъ присутствовалъ самъ антіохійскій патріархъ, и что этотъ соборъ сталъ на сторону Никона, а его окончательно отлучилъ отъ церкви и всенародно предалъ анаѳемѣ. Это извѣстіе должно было произвести на Неронова самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе, должно было сильно поколебать его прежнюю увѣренность въ своей правотѣ и не въ правотѣ и беззаконіи Никона. Доселѣ Нероновъ былъ искренно и твердо убѣжденъ, что Никонъ осудилъ его незаконно и несправедливо, почему онъ упорно и боролся съ нимъ. Но теперь оказалось, что совсѣмъ сторонній человѣкъ,—самъ вселенскій антіохійскій патріархъ нашелъ его осужденіе Никономъ правильнымъ и не только подтвердилъ это осужденіе, но еще усилилъ его. А Нероновъ, какъ сейчасъ увидимъ, съ уваженіемъ отно-

сился къ восточнымъ патріархамъ и признавалъ ихъ авторитетъ и въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Но этого мало. Нероновъ возставалъ на Никона не только какъ на человѣка несправедливаго, жестокаго, дѣйствующаго по страсти, но и какъ на человѣка, окружившаго себя очень сомнительными во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно въ вѣроисповѣдномъ, иностранными иноками, подъ вліяніемъ и по совѣту которыхъ онъ самочинно и сталъ ломать русскую завѣтную святую церковную старину и замѣнять ее сомнительнымъ новымъ, что грозитъ русской церкви всякими бѣдами и опасностями. Именно поэтому Нероновъ и считалъ себя обязаннымъ неустанно бороться съ Никономъ, какъ самочиннымъ нововводителемъ и презрителемъ родной святой старины. Но прибывъ въ Москву, Нероновъ познакомился здѣсь съ новой, недавно напечатанной, книгой *Скрижаль*, въ которой предписывалось креститься тремя, а не двумя перстами, какъ этого ранѣе требовалъ Никонъ. Самая книга Скрижаль, дѣлающая такія предписанія о перстосложеніи, оказалась свидѣтельствованною и одобренною четырьмя восточными патріархами. Значитъ, и въ вопросѣ о перстосложеніи для крестнаго знаменія Никонъ оказался не самочинникомъ и новаторомъ, а только проводникомъ и исполнителемъ воли четырехъ вселенскихъ патріарховъ, предающихъ клятвѣ всѣхъ непокоряющихся ихъ распоряженіямъ. Это окончательно убило въ Нероновѣ его прежнюю столь непоколебимую увѣренность, что Никонъ, измѣняя русскую церковную старину, дѣйствуетъ самочинно, по совѣту и указаніямъ очень сомнительныхъ иностранныхъ иноковъ, и Нероновъ теперь пошелъ на примиреніе, на которое такъ настойчиво звалъ его ранѣе другъ его и покровитель Стефанъ Вонифатьевичъ. „Кто есмь окаянный азъ? сталъ размышлять смущенный Нероновъ; со вселенскими патріархи раздоръ творити не хощу, ниже противенъ буду: что же ради и подъ клятвою у нихъ буду? Есть аще угодно будетъ кое дѣло Богу, всяко явится, лесть же потребится“ [1]).

Наши изслѣдователи, какъ нѣчто не подлежащее сомнѣнію, считаютъ обыкновенно Неронова принципіальнымъ противникомъ грековъ, признающимъ, что тогдашніе греки уже

---

[1]) Матер. 1, 146.

потеряли православіе; и есть изслѣдователи, которые утверждаютъ, что именно „участіе греческой церкви (въ новшествахъ, вводимыхъ Никономъ) вполнѣ убѣдило Неронова въ еретичности этихъ новшествъ“. Приведенныя выше слова Неронова, что онъ не хочетъ противиться вселенскимъ патріархамъ и быть подъ ихъ клятвою, будто бы „сказаны были неискренно“, что онъ „и теперь продолжалъ считать вселенскихъ патріарховъ впавшими въ ересь, вслѣдствіе порабощенія ихъ невѣрными, а видимымъ наружнымъ примиреніемъ съ церковію хотѣлъ только снять съ себя соборное проклятіе, оставаясь въ душѣ такимъ же противникомъ преобразованій и греческой церкви, какъ и прежде“ [1]).

Указанный взглядъ на отношеніе Неронова къ греческой церкви и къ вселенскимъ восточнымъ патріархамъ, увѣреніе, что онъ будто бы былъ неискрененъ, лицемѣрилъ, когда заявлялъ, что не хочетъ противиться вселенскимъ патріархамъ и быть подъ ихъ клятвою, совершенно невѣренъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ Нероновъ всегда признавалъ греческую церковь и вселенскихъ патріарховъ православными, и вовсе не думалъ, и даже не допускалъ мысли, чтобы онъ, возставая противъ первоначальныхъ исправленій Никона, въ существѣ дѣла возставалъ противъ самихъ восточныхъ патріарховъ. Это потому, что Нероновъ изъ всѣхъ провинціальныхъ членовъ кружка ревнителей представлялъ изъ себя въ этомъ отношеніи прямое исключеніе. Благодаря особымъ обстоятельствамъ своей жизни онъ, такъ сказать, воспитался на томъ представленіи, тогда у насъ сравнительно рѣдкомъ, что греческая церковь и восточные патріархи православны, и что имъ принадлежитъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, высшее право верховнаго руководства и въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ.

Нероновъ происходилъ изъ крестьянской семьи, жившей недалеко отъ Вологды. Еще будучи юношей, Нероновъ оставилъ родное село и пришелъ въ Вологду, гдѣ сразу заявилъ себя горячимъ и смѣлымъ ревнителемъ благочестія. Онъ пришелъ въ городъ на святкахъ, „когда неразумніи люди обыкоша собиратися на бѣсовскія игралища паче прочихъ

---

[1]) Графа А. Гейдена: Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ, стр. 47—53. Спб. 1886 г.

дней, налагающе на лица свои личины разныя страшныя, по подобію демонскихъ зраковъ". Увидѣвъ ряженыхъ, выходящихъ притомъ изъ архіерейскаго дома, молодой Іоаннъ „разжегся духомъ, нача обличати ихъ съ дерзновеніемъ", за что очень жестоко и былъ избитъ ряжеными. Этотъ первый, неособенно удачный опытъ публичной обличительной дѣятельности, не охладилъ однако ревности Іоанна. Оставивъ негостепріимную Вологду, онъ удалился въ предѣлы града Устюга, гдѣ „въ нѣкоей веси" рѣшился обучиться у одного благочестиваго мастера грамотѣ, безъ которой для него невозможно было проходить съ успѣхомъ служеніе общественнаго обличителя и наставника благочестію. Медленно давалась Іоанну грамота, „единъ букварь учаше лѣто и мѣсяцевъ шесть", учитель даже опасался за цѣлость его зрѣнія, такъ какъ Іоаннъ „прилежно очима зря въ букварь, непрестанно слезы испущаше". Но энергія и усидчивость преодолѣли все, разумъ Іоанна наконецъ отверзся и онъ сталъ разумѣть (читать) писанія лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Оставивъ предѣлы Устюга, Іоаннъ перешелъ въ предѣлы града Юрьевца Повольскаго, въ село Никольское, гдѣ и женился на дочери тамошняго священника. Живя у тестя священника, Нероновъ ревностно занимался чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви, и въ то же время „видѣвъ іереевъ веси тоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ піанства ради и многаго безчинства". И на этотъ разъ обличенія не прошли для него даромъ. Священники написали на него доносъ патріарху Филарету Никитичу, при чемъ на доносѣ подписались не только нѣкоторые мірскіе люди, но и самъ тесть Іоанна. Тогда Нероновъ тихонько ночью оставилъ село и отправился въ Троице Сергіевъ монастырь, отъ котораго зависѣло Никольское. У Троицы одинъ инокъ, которому Нероновъ все разсказалъ о себѣ, принялъ въ немъ участіе и свелъ его въ келью тогдашняго знаменитаго троицкаго архимандрита преп. Діонисія, который приказалъ ему жить въ своей кельи. „И живяше Іоаннъ въ келіи не мало время съ преподобнымъ архимандритомъ, непрестанно читая книги божественнаго писанія, и въ правилѣ келейномъ и во всенощныхъ бдѣніяхъ съ нимъ трудяся. И повѣда тому о себѣ вся подробну". Близко познакомившись съ Нероновымъ, преп. Діонисій написалъ объ немъ особое рекомендa-

тельное письмо къ патріарху Филарету Никитичу, въ которомъ не только вскрылъ всю ложь доноса на Іоанна со стороны никольскихъ священниковъ, но и просилъ патріарха посвятить Іоанна, какъ вполнѣ достойнаго, во діаконы. Съ этимъ рекомендательнымъ письмомъ преп. Діонисія Нероновъ лично явился къ Филарету Никитичу, который немедленно посвятилъ его въ діаконы и отправилъ въ Никольское съ особою грамотою и приказаніемъ мѣстному начальству сдѣлать розыскъ и наказать лживыхъ доносчиковъ на Неронова. Чрезъ годъ послѣдній отправился въ Москву и Филаретъ Никитичъ посвятилъ его въ іерея. Съ теченіемъ времени Нероновъ сталъ извѣстенъ въ Москвѣ не только Филарету Никитичу, но и самому царю, многимъ знатнымъ боярамъ, которыхъ онъ, будучи въ Москвѣ, ретиво обличалъ за нѣкоторый иноземный и варварскій обычай. Съ своей стороны патріархъ Филаретъ Никитичъ сталъ такъ высоко цѣнить ревностнаго по благочестіи Іоанна, что нарочно приглашалъ его къ себѣ въ патріархію и даже къ своему столу. Такъ началась и создалась вся начальная карьера и широкая извѣстность Неронова, создалась исключительно благодаря архимандриту Троице-Сергіева монастыря преп. Діонисію и патріарху Филарету Никитичу. Обѣ эти личности неизбѣжно должны были оставить глубокій слѣдъ въ воззрѣніяхъ Неронова съ интересующей насъ сторины, т. е. со стороны его воззрѣній на православіе восточныхъ патріарховъ и всей греческой церкви вообще.

Архимандритъ Троице-Сергіева монастыря преп. Діонисій былъ убѣжденнымъ грекофиломъ и, въ извѣстной степени, проводникомъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ грекофильскихъ идей. Какъ мы уже ранѣе замѣчали, преп. Діонисій былъ горячимъ почитателемъ преп. Максима Грека, заботился о распространеніи исправленныхъ имъ съ греческихъ русскихъ церковныхъ книгъ, и самъ преп. Діонисій, при исправленіи имъ Потребника, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прибѣгалъ къ греческому тексту. Когда онъ за свои книжныя исправленія, и особенно за уничтоженіе въ молитвѣ при освященіи воды въ Богоявленіе слова *и огнемъ*, подвергся заключенію въ темницѣ и истязаніямъ, то его защитникомъ и ходатаемъ предъ царемъ, а потомъ и Филаретомъ Никитичемъ, былъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, прибывшій

тогда въ Москву и принявшій въ дѣлѣ Діонисія, какъ рѣдкаго тогда въ Москвѣ грекофила, самое живое и близкое участіе. Послѣ, посѣтивъ Троице-Сергіевъ монастырь, Ѳеофанъ оказалъ преп. Діонисію особую чрезвычайную честь: возложилъ на его главу свой патріаршій т. е. греческій клобукъ. Вотъ къ какому человѣку пришелъ молодой причетникъ Нероновъ, вотъ съ кѣмъ онъ жилъ не малое время въ одной кельѣ, съ кѣмъ вмѣстѣ молился, читалъ книги и бесѣдовалъ. Естественно, что преподобный Діонисій внушилъ и передалъ Неронову свое высокое уваженіе и почтеніе къ своему благодѣтелю, іерусалимскому патріарху, а также и къ другимъ восточнымъ патріархамъ; у него Нероновъ научился смотрѣть на нихъ какъ на православныхъ, какъ призванныхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, содѣйствовать приведенію въ порядокъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, въ чемъ либо отступившихъ отъ нормъ, признанныхъ вселенскою греческою церковію; отъ преподобнаго же Діонисія Нероновъ научился высоко ставить и чтить сочиненія преп. Максима Грека, съ которыми онъ конечно хорошо познакомился, проживая у преп. Діонисія.

Если знакомство съ преп. Діонисіемъ, первымъ покровителемъ и благодѣтелемъ Неронова, спасшимъ его отъ рукъ способныхъ на все клеветниковъ, и открывшимъ ему широкій путь къ дальнѣйшей почетной и вліятельной дѣятельности, необходимо приводило его къ почтительному отношенію къ восточнымъ патріархамъ и къ признанію ихъ вполнѣ православными: то это убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось въ немъ благодаря его личному и довольно близкому знакомству съ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, который явился, послѣ преп. Діонисія, вторымъ его благодѣтелемъ. Филаретъ Никитичъ, какъ мы знаемъ, былъ тоже убѣжденнымъ грекофиломъ. Онъ поддерживалъ очень широкія и разнообразныя сношенія съ православнымъ востокомъ, какъ ставленникъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, глубоко чтилъ не только его лично, но и другихъ вселенскихъ патріарховъ, кое-что исправлялъ въ русской церковной практикѣ по указаніямъ восточныхъ патріарховъ, окружалъ себя пріѣзжавшими въ Москву за милостынею греческими іерархами, которые иногда подолгу жили въ Москвѣ и пользовались особымъ расположеніемъ и довѣріемъ патріарха. Все это конечно хорошо ви-

дѣлъ и зналъ Нероновъ и у него естественно сложилось убѣжденіе, что восточные патріархи, а также и всѣ тогдашніе греки, такъ же православны, какъ и русскіе.

Правда, у Неронова мы встрѣчаемъ такіе отзывы объ иностранныхъ т. е. греческихъ собственно инокахъ. Въ челобитной государю онъ пишетъ: „и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ, истинѣ не развратниковъ, коихъ истинѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиши житіе ихъ. Зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имутъ, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многояденіе и піянство любятъ, вмѣсто, еже Христе ради истаяти тѣло, мягкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лицы истинны вообразити не хотятъ, и сложенію перстъ блядословнѣ противятся, яко врази истинѣ и ругатели, на колѣни же поклонитися Господеви отъ покоя ради не хотятъ, и лжу сшивающи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрывающи, своеволнѣ блядутъ на прелесть безумнымъ человѣкомъ“. Въ приведенныхъ словахъ Неронова однако вовсе не заключается той мысли, чтобы онъ сомнѣвался въ православіи восточныхъ патріарховъ и грековъ вообще, онъ только говоритъ, что царю, не испытавъ предварительно, не слѣдуетъ слушать иностранныхъ (т. е. греческихъ) неизвѣстныхъ иноковъ, такъ какъ между ними нерѣдко встрѣчаются такія лица, которыя ведутъ очень предосудительную жизнь и очень подозрительны и ненадежны въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, и потому опасны для чистоты православія русскихъ. И въ этомъ случаѣ Нероновъ ничего не выдумывалъ, такъ какъ къ намъ тогда съ православнаго востока, подъ видомъ угнетаемыхъ турками грековъ милостынесобирателей, являлось не мало лицъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ очень сомнительныхъ и подозрительныхъ. Нероновъ прямо и указываетъ царю на одного такого крайне подозрительнаго иностранца, совѣтовъ котораго однако у насъ слушаютъ—на извѣстнаго инока Арсенія грека. И самому Никону Нероновъ прямо въ глаза говорилъ, что Арсеній человѣкъ крайне сомнительный, не разъ мѣнявшій свою вѣру и что за это онъ сосланъ былъ въ заточеніе на Соловки. „А ты, говорилъ Нероновъ Никону,

ево взялъ изъ Соловецкаго монастыря на смуту, и устроилъ того, яко учителя, паче же къ тисненію печатному правителя. Свидѣтели Арсенію много, что онъ порочный человѣкъ“. На эти обличенія Неронова Никонъ нашелся только отвѣтить: „лгутъ-де на него (Арсенія) старецъ Григорій, то-де на него солгалъ, по ненависти, троицкій старецъ Арсеній Сухановъ, что въ Сергіевѣ монастырѣ келарь, когда посланъ былъ по государеву указу и по благословенію Іосифа патріарха въ Іерусалимъ и въ прочія государства“. Трудно понять этотъ отвѣтъ Никона объ Арсеніѣ, какъ будто Никонъ дѣйствительно ничего не зналъ объ Арсеніѣ, хотя подлинное слѣдственное дѣло о немъ, во время котораго самъ Арсеній чистосердечно признался, что онъ дѣйствительно не разъ мѣнялъ вѣру, дошло даже до насъ, и Никону должно бы быть хорошо извѣстно. Во всякомъ случаѣ указанныя нападки Неронова на иностранныхъ сомнительныхъ иноковъ и, въ частности, на Арсенія грека, никакъ нельзя понимать въ смыслѣ выраженія Нероновымъ недовѣрія къ православію всѣхъ грековъ вообще, а тѣмъ болѣе самихъ восточныхъ патріарховъ.

Нероновъ говорилъ Никону патріарху: „святитель! иноземцевъ (т. е. грековъ) ты законоположеніе хвалишъ и обычаи тѣхъ пріемлешъ, благовѣрны и благочестніи тѣхъ родители нарицаешъ; а мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говаривалъ намъ: гречане-де и малые россіи (малороссы) потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой-де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ-де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія не мало. А нынѣ у тебя то и святые люди и закона учители“. И въ данномъ случаѣ Нероновъ ни слова не говоритъ о томъ, что бы онъ раздѣлялъ или считалъ справедливымъ не разъ до патріаршества высказываемое Никономъ его убѣжденіе, что греки и малороссы „потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ“. Нероновъ приводитъ, или вѣрнѣе, напоминаетъ Никону о его раннѣйшихъ отзывахъ о грекахъ и малороссахъ съ тою единственною цѣлію, чтобы въ глаза уличить Никона въ непостоянствѣ, въ измѣнчивости, въ томъ, что онъ нынѣ хвалитъ и превозноситъ то, что вчера самъ же бранилъ. Въ данномъ случаѣ рѣчи Неронова къ Никону имѣли ту же цѣль и зна-

ченіе, какое имѣли и другія его рѣчи подобнаго же характера. Нероновъ, напримѣръ, еще до своей ссылки, говорилъ Никону: „доселѣ ты протодіакона Григорія и прочихъ, которые нынѣ у тебя въ крестовой совѣтники его, врагами Божіими и разорительми закона Господня сказывалъ; а нынѣ у тебя на соборѣ то и добрые люди. Прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ... а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойніи стали". Или, напримѣръ, Нероновъ говорилъ Никону: „а се ты укоряешъ новоуложенную книгу (Уложеніе царя Алексѣя Михайловича) и посохомъ ея попираешъ и называешъ ея недоброю; а ты и руку приложилъ, когда ея строили: се ты въ тѣ поры называлъ ея доброю". Въ этихъ случаяхъ Нероновъ, очевидно, нарочно подчеркиваетъ только непостоянство и измѣнчивость воззрѣній и отношеній Никона, то обстоятельство, что онъ былъ одно до патріаршества и совсѣмъ иное, когда сдѣлался патріархомъ.

Такимъ образомъ Нероновъ, благодаря своему близкому знакомству и хотя временному, но тѣсному общенію съ преп. Діонисіемъ, и благодаря своей относительной близости къ патріарху Филарету Никитичу, никакъ не могъ быть, да дѣйствительно и не былъ принципіальнымъ противникомъ греческихъ патріарховъ. Въ дошедшихъ и до насъ его челобитныхъ, письмахъ и посланіяхъ, онъ нигдѣ и ни разу не заявлялъ, чтобы восточные патріархи и тогдашніе греки вообще были неправославны. Слѣдовательно, когда онъ говорилъ: „кто есмь окаянный азъ? Со вселенскими патріархи раздоръ творити не хощу, ниже противенъ буду: что же ради и подъ клятвою у нихъ буду?", то говорилъ это не по лицемѣрію, а искренно и по убѣжденію.

Но если Нероновъ не былъ противникомъ восточныхъ патріарховъ, вполнѣ признавалъ ихъ авторитетъ въ дѣлахъ церковныхъ, то, само собою понятно, онъ не могъ быть и принципіальнымъ противникомъ церковныхъ исправленій Никона, поскольку онѣ совершались послѣднимъ не по его личному усмотрѣнію, или по совѣту и указаніямъ его сомнительныхъ справщиковъ, а по совѣту, указаніямъ и по одобренію восточныхъ патріарховъ. Противъ такихъ исправленій Нероновъ не думалъ возставать, и это онъ съ особенною ясностію и опредѣленностію выразилъ во время своего примиренія съ Никономъ, или точнѣе: во время своего примиренія съ

церковію. 4-го января 1657 года Нероновъ, доселѣ скрывавшійся, неожиданно явился предъ Никономъ, когда тотъ шелъ къ обѣдни, и первымъ дѣломъ поспѣшилъ заявить Никону свою основную, руководящую всею его борьбою, мысль: что ты (Никонъ) единъ не затѣваешъ, то дѣло некрѣпко; по тебѣ иной патріархъ будетъ, все твое дѣло передѣлывать будетъ: иная тогда тебѣ честь будетъ, святый владыко", т. е. Нероновъ думаетъ, что многое Никономъ въ его церковныхъ исправленіяхъ сдѣлано самочинно, только по его собственному умышленію, и что все это непрочно и будетъ передѣлано его преемникомъ. Въ послѣдующихъ затѣмъ препирательствахъ съ Никономъ, Нероновъ опять настойчиво заявляетъ: „со вселенскими же патріархи нѣсмь противенъ, яко же глаголеши ты, но тебѣ единому не покорялся". И потомъ опять заявляетъ: „аще ты съ ними (вселенскими патріархами) соглашался, азъ сему непротивенъ: то чаю смотри, чтобъ истинна была,—азъ убо подъ клятвою вселенскихъ патріархъ быти не хощу". И дѣйствительно, какъ мы видѣли, когда Нероновъ увѣрился, что восточные патріархи одобряютъ не двоеперстіе, а троеперстіе, онъ сталъ, по выраженію протопопа Аввакума, „въ сложеніи перстовъ малодушествовать" т. е. сталъ креститься тремя перстами. Правда Нероновъ, до самаго собора 1667 года, служилъ по старымъ служебникамъ и не хотѣлъ признавать вновь исправленныхъ Никономъ, но на это, съ своей точки зрѣнія, онъ имѣлъ полное право, тѣмъ болѣе, что онъ публично и открыто не хулилъ новыхъ служебниковъ. Въ челобитной царю объ избраніи преемника Никону, Нероновъ пишетъ, что вятскій епископъ Александръ „въ тисненіи печатномъ книги ево, Никонова, мудрованія ересей полны показа и блуженія, рекше превратовъ". Этимъ заявленіемъ Нероновъ хочетъ сказать царю, что самъ онъ—Нероновъ ничего не говоритъ противъ новоисправленныхъ Никономъ служебниковъ и самъ ихъ не порицаетъ, но что другіе, даже члены высшей церковной іерархіи, каковъ вятскій епископъ Александръ, находятъ въ нихъ ереси и превраты, почему онъ, Нероновъ, дѣломъ благоразумія и осторожности считаетъ держаться старыхъ служебниковъ, не похуляя однако и новыхъ. И дѣйствительно Нероновъ, до поры до времени, держался старыхъ служебниковъ, причемъ онъ это дѣлалъ съ разрѣшенія самихъ цер-

ковныхъ властей, а не своевольно. Такъ самъ патріархъ Никонъ, примирившись съ Нероновымъ, дозволялъ ему служить, даже въ московскомъ Успенскомъ соборѣ по старымъ служебникамъ, находя, что старые и новые служебники одинаково добры. Въ 1664 году Симонъ, архіепископъ вологодскій, показывалъ, что билъ ему челомъ Нероновъ, „чтобъ онъ, архіепископъ, благословилъ ево, Григорья, служить по старымъ служебникамъ, которые печатаны при святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ, а по нынѣшнимъ де служебникомъ ему, Григорью, не служивать; а вины ему, архіепископу, онъ, Григорей, на нынѣшніе служебники не сказалъ“. Нероновъ, съ своей стороны, на допросѣ заявилъ, что онъ дѣйствительно просилъ архіепископа Симона разрѣшить ему служить по старымъ служебникамъ, „и преосвященный де архіепископъ благословилъ меня потому старому служебнику служить, *когда де ты новыхъ служебниковъ не хулишъ и въ люди такихъ рѣчей не износишъ*“. И хотя Симонъ заявлялъ, что онъ будто бы не давалъ Неронову подобнаго разрѣшенія, но, въ этомъ случаѣ, вѣроятнѣе показаніе Неронова, такъ какъ архіепископъ Симонъ, ставленикъ и строгій послѣдователь Никона, по его примѣру могъ разрѣшить Неронову служить по старымъ служебникамъ, не видя въ этомъ ничего зловреднаго, если только Нероновъ не хулилъ, и притомъ публично, новыхъ служебниковъ. „Преосвященные митрополиты (Іона ростовскій и Павелъ сарскій) старца Григорья допрашивали: впредь ему, Григорью, по новымъ служебникамъ служить-ли? И старецъ Григорей преосвященнымъ митрополитомъ сказалъ, что ему по новому служебнику не служить, а служить ему по старому служебнику.“ Не видать, чтобы митрополиты запретили Неронову служить по старому служебнику. И это понятно. Нероновъ не хотѣлъ служить по новымъ служебникамъ единственно потому, что не довѣрялъ книжнымъ исправленіямъ Никона, поручившаго вести книжныя исправленія такому крайне ненадежному человѣку, какимъ былъ Арсеній грекъ. Онъ не хулилъ новыхъ книгъ, а только не принималъ ихъ и считалъ болѣе благоразумнымъ и вѣрнымъ держаться старыхъ. Когда же онъ узналъ, что вселенскіе патріархи, пріѣхавшіе въ 1666 году въ Москву для суда надъ Никономъ, одобряютъ однако новоисправленный, а не старый служебникъ, то, каясь чистосер-

дечно въ своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, Нероновъ заявлялъ вселенскимъ патріархамъ, что впредь онъ уже ничего не будетъ имѣть противъ новоисправленныхъ книгъ, причемъ къ этому заявленію онъ дѣлаетъ такое пояснительное дополненіе: „доселѣ держахъ прежнія печатныя книги, служебники и потребники, а новопечатныхъ не хулихъ до сего собора, токмо не принимахъ.... И на соборѣ ихъ о книгахъ никогда истязанъ не быхъ, и азъ о томъ не прикословихъ“.

Итакъ, Нероновъ не только признавалъ восточныхъ патріарховъ вполнѣ православными и ихъ высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, но и не возставалъ принципіально противъ церковныхъ исправленій Никона, если онѣ одобрялись, какъ правыя и законныя, восточными патріархами, и въ концѣ призналъ всѣ новоисправленныя книги, какъ одобренныя восточными патріархами, вполнѣ правыми и сталъ ими пользоваться, совсѣмъ оставивъ старыя. Но, въ такомъ случаѣ, что же значитъ многолѣтняя борьба Неронова съ Никономъ, противъ чего же онъ собственно боролся?

Во всѣхъ своихъ челобитныхъ, письмахъ и посланіяхъ, какъ мы не разъ замѣчали, Нероновъ изображаетъ намъ Никона человѣкомъ непостояннымъ и измѣнчивымъ во всемъ: и въ дружбѣ, и въ убѣжденіяхъ, и въ обычныхъ, и въ служебныхъ отношеніяхъ,—что у Никона нынѣ хорошо, то завтра, при измѣнившихся обстоятельствахъ, можетъ неожиданно оказаться худо, и наоборотъ. При этомъ Никонъ, живописуетъ Нероновъ, былъ очень обидчивъ, нетерпимъ, пристрастенъ, склоненъ слушать всякихъ недобросовѣстныхъ доносчиковъ, былъ слишкомъ скоръ и суровъ на расправу, дѣйствуя въ этомъ случаѣ не архипастырски и духовно, какъ бы слѣдовало, а свѣтски и мучительски. Кромѣ того Никонъ, по изображенію Неронова, приближая къ себѣ людей нехорошихъ и особенно — крайне сомнительныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ неблагонадежныхъ иностранныхъ иноковъ, подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, сталъ слишкомъ увлекаться иноземнымъ, сталъ пренебрежительно-легкомысленно относиться къ родной святой старинѣ, давая предъ нею рѣшительное преимущество иноземному; безъ всякой серьезной нужды и достаточныхъ основаній, сталъ своевольно ломать старыя русскія установившіяся церковныя обычаи и

замѣнять их новыми, что смущаетъ всѣхъ благочестивыхъ и нарушаетъ миръ церкви. Наконецъ Нероновъ изображаетъ намъ Никона человѣкомъ зараженнымъ крайнимъ самомнѣніемъ и чрезвычайною гордостію. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, возмнилъ о себѣ черезчуръ много: сталъ думать, что его патріаршая власть стоитъ выше царской, почему онъ и старался совсѣмъ заслонить собою царя, котораго дѣйствительно изъ за патріарха, увѣряетъ Нероновъ, стало уже совсѣмъ не слышно. Но въ общемъ, въ представленіи Неронова, Никонъ вовсе не какой нибудь сознательный еретикъ, вовсе не врагъ православія и церкви сознательно, не сосудъ дьявола, не предтеча антихриста, какимъ онъ потомъ явился въ представленіи Аввакума и его единомышленниковъ, а просто только во всѣхъ отношеніяхъ неустойчивый, увлекающійся, довольно легкомысленный и въ общемъ нравственно несостоятельный человѣкъ, способный, благодаря своимъ отрицательнымъ качествамъ, а въ то же время громадной власти и довѣрію царя, принести своею дѣятельностію большой вредъ церкви и государству. Того легендарнаго Никона, какаго мы находимъ потомъ у Аввакума и его послѣдователей, у Неронова совсѣмъ нѣтъ,—Никонъ у него дѣйствительное и притомъ очень обыкновенное лицо, во многомъ довольно вѣрное исторически. Нероновъ ведетъ, поэтому, энергичную борьбу съ Никономъ вовсе не какъ съ еретикомъ, или сознательнымъ врагомъ церкви и орудіемъ дьявола, а только какъ съ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ непригоднымъ для патріаршей каѳедры, и даже очень опаснымъ по своимъ качествамъ и увлеченіямъ для мира церкви. Поэтому онъ возстаетъ и ведетъ борьбу только лично противъ Никона, котораго поскорѣе нужно лишить патріаршей каѳедры и передать ее другому лицу, которое и передѣлаетъ все, что неподобающаго сдѣлалъ Никонъ. Такой характеръ борьбы Неронова только противъ личности Никона, ясно выраженъ во всѣхъ его челобитныхъ, письмахъ и посланіяхъ, этотъ же характеръ борьбы сказался и въ моментъ его примиренія съ Никономъ.

4 января 1657 года, какъ мы видѣли, Нероновъ явился къ Никону, когда тотъ шелъ въ Успенскій соборъ къ литургіи, съ цѣлію примиренія съ нимъ. Но дѣло примиренія велъ очень своеобразно, такъ, какъ будто онъ—Нероновъ былъ и

обвинителемъ и судьею Никона, который долженъ былъ и оправдаться предъ нимъ и отвѣтить на предъявленныя къ нему обвиненія. Когда послѣ литургіи Нероновъ пришелъ въ патріаршую крестовую, онъ говорилъ Никону: „что ты, святитель, приказалъ меня искать по всему россійскому государству, и многихъ мене ради муками обложилъ и съ дѣтьми разлучилъ, и рыдати и плакати устроилъ, иніи же въ темницахъ и помроша,—іереи же и людины,—и что вина, ея же ради таково взысканіе твороши о мнѣ?—дары убо многи обѣщеваеши обрѣтшимъ мене, и чести и достоинства! И се азъ есмь предъ тобою: что хощеши творити о мнѣ! Со вселенскими же патріархами нѣсмь противенъ, якоже глаголиши ты, но тебѣ единому не покорялся“. Никонъ промолчалъ. Тогда Нероновъ поднялъ тонъ: „Кая тебѣ честь, владыко святый, говорилъ онъ Никону, что всякому еси страшенъ и другъ другу грозя глаголютъ: знаете ли кто ты? звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ? И како отца дѣтемъ непознавати! Дивлюся, — государевы царевы власти уже не слышать; отъ тебя всѣмъ страхъ и твои посланники паче царевыхъ всѣмъ страшны, и кто же съ ними смѣетъ глаголати что, аще силою тѣ озлобляеми тѣми. Затвержено у нихъ: знаете ли патріарха! Не знаю, который образъ или званіе пріялъ еси. Ваше убо святительское дѣло—Христово смиреніе подражати и Его, пречестнаго Владыки нашего, святую кротость“. На эти рѣзкія до крайности обличенія Неронова патріархъ отвѣтилъ: „не могу, батюшко, терпѣть“. Тогда Нероновъ, съ разрѣшенія патріарха, продолжилъ свою обличительную рѣчь: „Христосъ первѣе пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ святымъ его стопамъ. И кто за тебя будетъ терпѣть? Сего ради вы святители, что всѣхъ немощи носити, а не бити, ни мучити; что ради и глава наречешися, яко да добрѣ снабдиши уды своя, и присно тѣми печешися, и о благихъ да промышляеши. Аще убо утроба ти болитъ, всяко не дерзнеши сихъ ради тоя разрѣзати и вонъ испустити, но о здравіи тоя множае прилежиши: сице подобаетъ и о врученномъ ти стадѣ отъ Бога предразсуждати, аще бо зриши тѣхъ и во мнози неисправленіи пребывающихъ, не мучити тѣхъ подобаетъ, но учити и наказовати, и кротцѣ о здравіи душъ тѣхъ промышляти: вси бо суть ти, утроба ти есть,

рѣзати и отметати тебѣ тѣхъ не достоитъ, но исцѣлити сокрушенныя и исправити. А уже не можешь терпѣть, почто и великій сей святительскій санъ прія!"... „Добро было, святитель, подражати тебѣ кроткаго нашего учителя Спаса Христа, а не гордостію и мученіемъ санъ держати. Смиренъ убо сердцемъ Христосъ, учитель нашъ; а ты добрѣ сердитъ". И патріархъ рече: „прости, старецъ Григорій, не могу терпѣть". И Григорій рече: „Кто убо имать терпѣти, аще не видитъ образа отъ тебѣ? Множае ученикъ отъ дѣлъ учителя увѣритися имать; всегда бо дѣти обычай и нравы отца боголюбива притяжутъ, и, еже видятъ того творяща, послѣдуютъ ему. Золъ нравъ отчій, дѣтемъ развратитися творитъ; не толико словомъ врачевати имать лутши послушающихъ, якоже дѣломъ... Тебѣ, кто каково слово ни молвитъ и о правдѣ, и ты хочешь искоренить". И въ послѣдующее время, уже послѣ примиренія и снятія съ Неронова соборнаго проклятія, между нимъ и Никономъ происходили такія сцены: „Доколѣ тебѣ, святитель, говорилъ Нероновъ Никону, который арестовалъ было нѣкоторыхъ людей Неронова, мучить невинныя? азъ здѣ,—еже хощеши, твори: людей Божіихъ страждущихъ разрѣши". Патріархъ велѣлъ отпустить арестованныхъ. Тогда Нероновъ говорилъ Никону: „Святитель, будетъ ли у тебя мученикомъ тѣмъ воздаяніе, ихъ же мучилъ еси туне?" И патріархъ рекъ: „Изволи-де, старецъ, звати ихъ съ нами хлѣба ясть". И старецъ ему рекъ: „Да гдѣ ихъ, бѣдныхъ, собрать? онѣ ради, отъ тебя ушодчи!" Или, напримѣръ, въ самомъ Успенскомъ соборѣ между Никономъ и Нероновымъ происходили такія сцены: Никонъ за всенощной приказываетъ четверить аллилуію. Этимъ возмущается Нероновъ, который начинаетъ говорить патріарху: „До чего тебѣ, патріархъ, домутить Росіею? Съ кѣмъ ты совѣтывалъ, и какое свидѣтельство произносишъ четверишъ аллилуія? У насъ, въ Велицѣй Росіи, преподобный Евфросинъ псковскій много трудився, снискал о сихъ, и у вселенскихъ патріархъ былъ, вопрошая о вещи сей, и яко же предаша ему тіи, сице и той здѣ въ Велицѣй Росіи намъ предложи. Богъ же забвенію труды его не преда, но знаменьми и чудесы прослави его, якоже и прочихъ великихъ святыхъ". И патріархъ рече: „Воръ-де, б... с... Евфросинъ!" И Григорій рече: „Какъ тако-

вая дерзость, и какъ хулу на святыхъ вѣщаешь?—услышитъ Богъ и смиритъ тя“ [1]).

Изъ приведенныхъ рѣчей Неронова, съ какими онъ обращался къ Никону во время и послѣ примиренія, съ очевидностію слѣдуетъ, что Нероновъ въ дѣйствительности примирялся вовсе не лично съ Никономъ, а съ церковію. И ранѣе, возставая и борясь съ Никономъ, Нероновъ въ то же время никогда не возставалъ противъ церкви, никогда не думалъ отдѣляться отъ нея ради Никона, никогда не допускалъ, чтобы ради непріемлемыхъ церковныхъ дѣйствій Никона русская церковь что либо потеряла въ своемъ православіи. Поэтому онъ, не смотря на всѣ проклятія Никона, всегда считалъ себя истиннымъ и дѣйствительнымъ членомъ церкви. Примиряясь съ Никономъ, онъ только хотѣлъ, чтобы съ него снята была та соборная клятва, какую на него положилъ вселенскій антіохійскій патріархъ Макарій, которому Никонъ невѣрно представилъ Неронова, какъ врага и порицателя вселенскихъ восточныхъ патріарховъ. Когда Никонъ, возсоединяя съ церковію Неронова и снимая съ него соборную клятву, спросилъ его; „Старецъ Григорій, пріобщаешилися святѣй, соборнѣй и апостольской церкви?“ то Нероновъ съ негодованіемъ отвѣтилъ: „Не вѣмъ, яже глаголеши; азъ убо никогда отлученъ былъ отъ святыя соборныя и апостольскія церкви, и собору на меня никакова не бывало, и пренія моего, и раздору церковнаго, ни съ кѣмъ нѣтъ. Прекословія же о святѣй Троицѣ, или пресѣченія, или умаленія есмь чуждъ; апостольскихъ преданій нѣсмь разоритель, но Отца и Сына и Святаго Духа, въ Троицѣ единаго Бога, исповѣдую и славлю, единосущна и нераздѣльна и несмѣсна. А что ты на меня клятву положилъ своею дерзостію, по страсти своей, гнѣваяся, что я тебѣ о той же святой, соборной и апостольской церкви правду говорилъ: такъ ты и черниговскаго протопопа Михайла проклялъ дерзостно, и скуфью съ него снялъ... И патріархъ старцу Григорію ничтоже отвѣщавъ, точію, плача зѣло, начатъ разрѣшительныя молитвы говорить. Такоже и Григорій плака довольно, донелѣже скончаны быша молитвы. И по разрѣшеніи причастися старецъ святѣй дорѣ отъ патріарховы руки“. Что примиреніе

[1]) Матер. т. 1, стр. 146—156.

Неронова было примиреніемъ только съ церковію, а не лично съ Никономъ, что и непосредственно по примиреніи, и всегда послѣ, Нероновъ попрежнему относился лично къ Никону враждебно, попрежнему желалъ и добивался его удаленія съ патріаршей каѳедры, на это имѣются неоспоримыя данныя. 12 января, значитъ непосредственно послѣ примиренія, государь и патріархъ были у всенощной у Спаса вверху, здѣсь же былъ и Григорій. Государь увидѣвъ его подошелъ къ нему и сказалъ: „не удаляйся отъ насъ, старецъ Григорій". И старецъ ко царю рече: „доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такову Божію врагу (т. е. Никона)? Смутилъ всею рускою землею и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать,—отъ него врага всѣмъ страхъ!" И государь, яко устыдѣвся, скоро отъ старца отъиде, ничто же ему рече". Спустя два года послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, когда онъ уже не управлялъ русскою церковію и лично для Неронова былъ совершенно безопаснымъ человѣкомъ, Нероновъ все-таки хлопочетъ предъ царемъ, чтобы онъ поспѣшилъ избрать на мѣсто Никона новаго патріарха: человѣка кроткаго, смиреннаго, разсудительнаго, добродѣтельнаго по жизни, „со всѣми христолюбцы (съ Нероновымъ, конечно, и его друзьями) единомудреннаго". И когда царь медлилъ исполнить совѣтъ Неронова и даже рѣшилъ передать дѣло о Никонѣ на новый соборъ, на которомъ присутствовали бы и восточные патріархи, Нероновъ подаетъ вторую челобитную царю (1664—1665 г.), въ которой опять настаиваетъ, чтобы государь, только соборомъ однихъ русскихъ іерарховъ, немедленно избралъ на мѣсто Никона новаго патріарха, при чемъ о самомъ Никонѣ онъ попрежнему говоритъ враждебно и рѣзко. „Сице ли обругавшаго (т. е. Никона) святительскій престолъ, человѣка внѣ ума суща, еще щадиши, и о семъ ли еще сомнишися?"— пишетъ онъ государю. „Въ толикое неистовство пришедъ (Никонъ), что по отреченіи паки архіерейская дѣйствуетъ и рукополагаетъ и истинныхъ архіереевъ и мниховъ проклинаетъ!" „Престану, христолюбивый царю, ревнителя благочестія истинныя свидѣтельства воспоминати, ихже изряднѣйше самъ вѣси, о суеумномъ ономъ (т. е. Никонѣ), не реку человѣкѣ, но звѣрѣ". „И почто ты, христолюбивый царю, сомнишися, или мниши, яко утаилося во всѣхъ странахъ блуже-

ніе Никоново, всей державѣ царствія твоего крайнее безчестіе приносящее, и отъ Бога праведный гнѣвъ приводящее, и многихъ бѣдъ и скорбей все благочестивое ти царство исполняющее! Нужно, христолюбивый царю, собору быти о прелестномъ его мудрованіи и о исправленіи церковномъ, а не о немъ самомъ: онъ убо самоосужденъ и правильнѣ и праведнѣ всея области соборомъ отставленъ, яко ругатель царствующаго града престолу“ [1]).

Очевидно Нероновъ, примиряясь съ Никономъ, въ дѣйствительности примирялся не съ нимъ, а только съ церковію, къ самому же Никону онъ до самой своей смерти относился попрежнему враждебно, а ко всей его патріаршей дѣятельности—отрицательно; и хотя потомъ, на соборѣ 1667 года, онъ и принялъ новоисправленныя книги, но принялъ потому, что онѣ были одобрены вселенскими восточными патріархами, авторитетъ которыхъ ручался ему, что ими можно пользоваться безъ вреда для благочестія и спасенія.

Въ дѣлѣ примиренія Неронова съ Никономъ особаго вниманія заслуживаетъ поведеніе Никона, который проявилъ здѣсь такую необычную для него сдержанность, снисходительность, терпимость и даже мягкость къ своему задорному и неуступчивому противнику, котораго онъ ранѣе безпощадно преслѣдовалъ. Очевидно были какія-то очень серьезныя причины, которыя побуждали Никона дѣйствовать такимъ совершенно необычнымъ для него образомъ. Намъ представляется дѣло въ такомъ видѣ. Уже нѣсколько лѣтъ прошло какъ Никонъ велъ неустанную борьбу съ враждебными ему членами прежняго кружка ревнителей благочестія, думая въ концѣ уничтожить ихъ и тѣмъ сломить всякую оппозицію своимъ церковнымъ реформамъ. Всѣ средства, какія только были въ рукахъ всемогущаго патріарха, онъ употребилъ на борьбу съ своими противниками: отдаленныя ссылки, заточенія, лишеніе сана, соборныя осужденія и проклятія,—все это было пущено въ ходъ, все это было испытано и все это, оказалось, ни къ чему не повело, не достигало своей цѣли. Разгромленный, казалось, кружекъ ревнителей попрежнему стоялъ противъ него полный силъ и энергіи, попрежнему не онъ, Никонъ, а ревнители поль-

---

[1]) Матер. I, стр. 154—158, 171—178, 184—188.

зовались повсюду расположеніемъ и симпатіями. Никонъ гонитъ и всячески преслѣдуетъ ихъ, но они повсюду находятъ себѣ сочувствіе, друзей, послѣдователей, ихъ вездѣ охотно и съ почетомъ принимаютъ, даютъ имъ, несмотря на грозныя предписанія патріарха, полную свободу видѣться, сноситься съ друзьями въ самыхъ мѣстахъ заточенія; въ случаѣ бѣгства, имъ помогаютъ, даютъ надежный пріютъ, укрываютъ отъ поисковъ патріаршихъ сыщиковъ и даже сами идутъ въ тюрьму, лишь бы только скрыть гонимыхъ отъ патріарха и, что особено замѣчательно, даже самъ царь принимаетъ въ этомъ участіе противъ своего „собиннаго“ друга. Очевидно кружекъ ревнителей обладалъ такою силою, для борьбы съ которой ссылокъ, заточеній и анаѳемъ было недостаточно, такъ какъ всѣ эти усиленныя репрессивныя мѣры не только не умаляли и не ослабляли значенія кружка, а наоборотъ: еще болѣе усиливали его, повсюду завоевывали ему народныя симпатіи, окружали его членовъ ореоломъ мученичества, страдальцевъ за правду, за старое всѣми чтимое русское благочестіе, а Никону во всѣхъ слояхъ народонаселенія создавали враговъ. Какъ человѣкъ очень умный, Никонъ въ концѣ долженъ былъ признать, что бороться съ ревнителями однѣми внѣшними репрессивными мѣрами невозможно, и онъ тактично пошелъ было на уступки. На этотъ же путь толкали его и другія обстоятельства. Въ концѣ патріаршества у Никона замѣтно спадаетъ его прежній реформаторскій пылъ и увлеченіе своею реформаторскою дѣятельностію; у него вырабатывается болѣе трезвый и правильный взглядъ на свои собственныя реформы, и онъ постепенно приходитъ къ убѣжденію, что и старые русскіе церковные обычаи и особенности сами по себѣ совершенно безвредны и безразличны въ дѣлахъ вѣры и благочестія, и, какъ такія, допустимы въ церковной практикѣ, и потому изъ за нихъ, какъ его уже учили изъ Константинополя, рабу господню не подобаетъ сваритися, а слѣдуетъ относиться къ нимъ терпимо и снисходительно. Это Никонъ открыто и призналъ, заявивъ Неронову, что старые и новые служебники одинаково добры, что можно служить по тѣмъ и другимъ. Самое положеніе Никона во время примиренія его съ Нероновымъ во многомъ уже было не то, что ранѣе. Онъ не имѣлъ болѣе поддержки въ лицѣ царскаго духов-

ника, протопопа Стефана Вонифатьевича, который умеръ, и недаромъ, конечно, Никонъ ѣздилъ на могилу Стефана и тамъ много плакалъ. Въ это время въ Москвѣ уже не было и антіохійскаго патріарха Макарія, который подкрѣплялъ Никона своими совѣтами, выдвигалъ, гдѣ нужно и въ интересахъ Никона, свой авторитетъ вселенскаго патріарха, такъ что Никонъ теперь почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ предъ своими многочисленными и неуступчивыми врагами, силы которыхъ все болѣе возрастали и крѣпли, тогда какъ къ нему всѣ относились только враждебно. Своимъ гордымъ, надменнымъ обращеніемъ съ сановитыми боярами, Никонъ вооружилъ противъ себя бояръ; своимъ патріаршимъ деспотизмомъ—всѣхъ архіереевъ; своими строгостями и суровыми, доходившими до жестокости, расправами—все духовенство; своими грекофильскими реформами—всѣхъ сторонниковъ родной старины; борьбою противъ иконъ фракскаго письма и противъ предметовъ западной культуры, начинавшихъ тогда появляться въ обстановкѣ жизни нѣкоторыхъ знатныхъ и богатыхъ лицъ,—всѣхъ тогдашнихъ западниковъ;—словомъ онъ вооружилъ противъ себя рѣшительно всѣхъ и нигдѣ не имѣлъ для себя прочной опоры. Даже греки, по совѣтамъ и указаніямъ которыхъ онъ производилъ свои церковныя реформы, скоро измѣнили ему и перешли на сторону его враговъ. Оставался одинъ царь, который создалъ Никона патріарха, церковнаго реформатора и великаго государя, и безъ котораго самъ по себѣ Никонъ ничего бы не значилъ и не могъ бы сдѣлать ни одного реформаторскаго шага,—расположеніе царя значило для Никона все и онъ могъ бороться со всѣми и противъ всѣхъ, лишь бы только царь неизмѣнно оказывалъ ему, какъ и прежде, свое полное благоволеніе и довѣріе. Но и отношеніе царя къ Никону за послѣднее время значительно измѣнилось. Это какъ нельзя болѣе ясно сказалось въ дѣлѣ Неронова. Послѣдній, съ согласія и одобренія царя, но тайно отъ Никона, былъ постриженъ въ монахи, и въ то время какъ Никонъ всюду разыскивалъ Неронова, тотъ спокойно цѣлыя сорокъ дней проживалъ у царскаго духовника протопопа Стефана Вонифатьевича, о чемъ хорошо зналъ царь, но ничего объ этомъ не сказалъ Никону и не выдалъ ему Неронова. Но этого мало. Царь послалъ въ Холмогоры указъ освободить изъ тюрьмы

двухъ работниковъ Неронова, которые были пойманы агентами Никона и посажены въ тюрьму. Изъ этого случая Никонъ увидалъ, что царь относится къ нему, его „собинному другу“, уже далеко не такъ, какъ прежде, что онъ, хотя и не явно, покровительствуетъ его врагу Неронову, и не одобряетъ дальнѣйшихъ его преслѣдованій Никономъ. При такихъ-то обстоятельствахъ Никонъ и пошелъ на примиреніе съ Нероновымъ, несмотря на всю заносчивость и даже грубость послѣдняго: онъ хотѣлъ этимъ доставить удовольствіе царю, который всегда былъ за такое примиреніе. Но улучшить этимъ свои отношенія къ царю Никону не удалось.

ГЛАВА VIII.

Протопопъ Аввакумъ какъ противникъ церковной реформы патріарха Никона.

Первоначальная дѣятельность Аввакума, какъ священника въ Лопатицахъ и протопопа въ Юрьевцѣ Повольскомъ Положеніе Аввакума въ Москвѣ, послѣ его бѣгства изъ Юрьевца. Ссылка его въ Сибирь, его сибирская жизнь и возвращеніе въ Москву. Протопопъ Аввакумъ какъ великій угодникъ Божій, какъ прославленный святой и чудотворецъ. Попытки государя, вызвавшаго Аввакума изъ Сибири въ Москву, примирить его съ новымъ порядкомъ церковныхъ дѣлъ. Неуспѣхъ этихъ попытокъ. Окончательный отказъ государя, въ виду упрямства Аввакума, отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ нимъ. Встрѣчное стремленіе со стороны Аввакума отвлечь царя отъ церковной реформы Никона и его старанія возвратить государя къ старымъ до никоновскимъ церковнымъ порядкамъ. Неуспѣхъ этихъ стараній Аввакума и перемѣна въ характерѣ его отношеній къ царю. Отношеніе Аввакума къ тогдашней русской церкви, къ Никону, къ русскимъ іерархамъ и къ никоніанамъ вообще, какъ выраженіе его крайней ненависти къ своимъ церковнымъ противникамъ. Религіозная нетерпимость Аввакума. Его отрицательное отношеніе къ наукѣ и образованію. Несоотвѣтствіе у Аввакума между его внѣшнимъ подвигомъ и внутреннимъ содержаніемъ этого подвига

Аввакумъ принадлежалъ къ кружку ревнителей благочестія и сначала не былъ особенно виднымъ и замѣтнымъ его членомъ. Онъ находился подъ водительствомъ и руководствомъ главныхъ вождей кружка—Стефана Вонифатьевича и Іоанна Неронова, къ которымъ, не смотря на измѣнившіяся потомъ обстоятельства, до самой своей смерти, сохранилъ самую искреннюю любовь и уваженіе. Сдѣлавшись священникомъ села Лопатицы (макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи) еще очень молодымъ человѣкомъ—всего двадцати одного года, Аввакумъ сразу заявилъ себя ревнителемъ благочестія: строго—истово, съ соблюденіемъ всѣхъ требова-

ній устава, совершалъ церковныя службы, читалъ народу положенныя поученія, возставалъ противъ безнравственности, пороковъ, непристойныхъ развлеченій своихъ пасомыхъ, обличалъ неправды и злоупотребленія начальствующихъ лицъ, и въ то же время, въ своей частной личной жизни, проявлялъ строгость и суровость къ самому себѣ, свойственную аскету. Какъ и большинство другихъ ревнителей, Аввакумъ занимался лѣченіемъ и особенно удачно исцѣлялъ бѣсноватыхъ. Нужно замѣтить, что въ то время не было докторовъ, и народъ, съ своими болѣзнями, былъ предоставленъ самому себѣ. Онъ готовъ былъ искать помощи рѣшительно у всякаго, кто только брался оказать ему—совершенно безпомощному, какую либо помощь. Отсюда, конечно, какъ отвѣтъ на народную, настоятельную нужду, у насъ сильно развилось, такъ называемое знахарство, которое стремилось, какъ могло и умѣло удовлетворить насущной народной потребности въ лѣченіи. Естественно было, что тѣ духовныя лица, которыя отличались нѣкоторою начитанностію и большими относительно свѣдѣніями, которыя искренно заботились о своей паствѣ, становились не только цѣлителями ея душъ, но и тѣлесъ т. е. въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлались народными докторами, къ которымъ народъ обращался съ своими болѣзнями, особенно проявлявшимися на почвѣ нервнаго разстройства. Этого рода болѣзни, какъ кликушество, разныя формы бѣснованія, считались тогда проявленіемъ дѣйствія бѣсовской силы, поселившейся въ больномъ. Заботливые духовные изгоняли эту нечистую силу изъ больныхъ съ помощію молитвы, окропленія святой водой, помазанія освященнымъ масломъ, кажденія ладономъ и постомъ. Такимъ лѣченіемъ занимались: Нероновъ, Никонъ, Иларіонъ, впослѣдствіи архіепископъ рязанскій, и другіе тогдашніе видные общественные дѣятели изъ духовныхъ. Аввакумъ то же принадлежалъ къ числу ихъ и самъ себя считалъ особенно сильнымъ въ этой спеціальности: бѣсы легко подчинялись его воздѣйствію и не могли ему противиться. Слава его, какъ цѣлителя, шла за нимъ повсюду, вездѣ собирая около него больныхъ [1]).

---

[1]) Какъ именно исцѣлялъ Аввакумъ бѣсноватыхъ, съ помощію какихъ пріемовъ, это видно изъ его разсказовъ. „Во искусѣ, повѣствуетъ онъ,

За свои рѣзкія обличенія, за свое настойчивое, ни предъ чѣмъ неостанавливающееся стремленіе заставить весь приходъ жить такъ, какъ хотѣлъ этого ревностный по благочестіи молодой, а въ то же время крайне суровый, неуступчивый и слишкомъ рьяный священникъ, Аввакумъ былъ изгнанъ изъ Лопатицы и направился въ Москву, гдѣ познакомился съ Стефаномъ Вонифатьевичемъ и Нероновымъ, которые по достоинству оцѣнили великую ревность по благочестіи молодого священника и оказали ему поддержку. Стефанъ Вонифатьевичъ „благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользовать прочитая и люди". Но Аввакумъ никакъ не могъ ужиться съ своими прихожанами, которые такъ озлобились на его обличенія, на его деспотическое стремленіе во что бы то ни стало перестроить весь прежній порядокъ жизни по своему, что онъ, наконецъ, принужденъ былъ совсѣмъ выѣхать изъ села и снова направился въ Москву. Тогда

на Руси бывало,—человѣка три-четыре бѣшаныхъ приведенныхъ бывало въ дому моемъ, и, за молитвы отецъ, отхождаху отъ нихъ бѣси, дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго, и Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія—свѣта. Слезами и водою покроплю, и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя Христово: и сила Божія отгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху, не по достоинству моему,—но по вѣрѣ приходящихъ.... Привели ко мнѣ бабъ бѣшаныхъ (двухъ), и я, по обычаю, самъ постился и имъ не давалъ ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазалъ, и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы о Христѣ цѣлоумны и здравы стали. Я ихъ исповѣдалъ и причастилъ. Живутъ у меня и молятся Богу; любятъ меня, и домой нейдутъ. Свѣдалъ Пашковъ (который прислалъ къ Аввакуму этихъ бабъ), что мнѣ учинилися дочери духовныя, осердился на меня опять пуще стараго,—хотѣлъ меня въ огнѣ жжечь: ты де вывѣдываешъ моей тайны! А какъ ведь-су причастить, не исповѣдывавъ? А не причастивъ бѣшенаго: ино бѣса совершенно не отгонишъ. Бѣс-отъ веть не мужикъ: батога не боится; боится онъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ тѣла Христова. Я, кромѣ сихъ таинъ, врачевать не умѣю. „Такими же точно пріемами Аввакумъ исцѣлялъ и больныхъ курочекъ". У боярыни (жены Пашкова) куры всѣ переслѣпли и мереть стали: такъ она, собравше въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ-де батко пожаловалъ,—помолилъ о курахъ. И я су подумалъ: кормилица то есть наша; дѣтки у ней: надобно ей курки! Молебенъ пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ,—корыто имъ сдѣлалъ, исъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все и отослалъ. Куры, Божіимъ мановеніемъ, исцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея" (Мат. V, 37—42.).

Стефанъ Вонифатьевичъ, поощряя его въ ревностномъ служеніи благочестію, сдѣлалъ его протопопомъ въ Юрьевцѣ-Повольскомъ. Но и здѣсь онъ прожилъ не болѣе восьми недѣль. Возмущенные его обличеніями, его суровою расправою съ мѣстнымъ духовенствомъ, которое было подчинено ему, какъ протопопу, его нетактичнымъ, назойливымъ вмѣшательствомъ въ ихъ частную жизнь, жители города, собравшись болѣе чѣмъ тысячною толпою, сильно избили ревнителя и даже совсѣмъ хотѣли убить его. Самъ Аввакумъ объ этомъ прискорбномъ случаѣ разсказываетъ слѣдующее: „діаволъ научилъ поповъ и мужиковъ и бабъ,—пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и, вытаща меня, изъ приказа собраніемъ,—человѣкъ съ тысящу или съ полторы ихъ было,—среди улицы били батажьемъ и топтали; а бабы были съ рычагами. Грѣхъ ради моихъ, замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжалъ, и, ухватя меня, на лошади умчали меня въ мой дворишко; и пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни, вопятъ: убить вора, бл.....а сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ! Азъ же, отдохня, въ третій день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ—третей ушелъ къ Москвѣ". Здѣсь онъ явился къ Стефану Вонифатьевичу, но тотъ, разсказываетъ Аввакумъ, „на меня учинился печаленъ: на что-де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ горе! Царь пришелъ къ духовнику благословитца ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина: на что де городъ покинулъ?" Но Аввакумъ однако уже не возвращался болѣе въ Юрьевецъ, а остался жить въ Москѣ. Онъ, какъ безмѣстный протопопъ, пристроился здѣсь, благодаря Неронову, къ Казанскому собору, гдѣ и замѣнялъ Неронова, когда тотъ отсутствовалъ, въ служеніи, а также читалъ народу поученія. Члены причта Казанскаго собора не признавали Аввакума равноправнымъ имъ членомъ собора, а только временнымъ замѣстителемъ Неронова, такъ что, и живя въ Москвѣ, Аввакумъ титуловался юрьевскимъ протопопомъ. Когда Нероновъ былъ сосланъ, причтъ Казанскаго собора не допускалъ Аввакума служить въ своемъ соборѣ, когда онъ захочетъ, чѣмъ Аввакумъ былъ очень обиженъ и перенесъ свое служеніе изъ

собора сначала въ одну приходскую церковь, а потомъ въ сушило, бывшее при домѣ Неронова. Очевидно, тогдашнее положеніе Аввакума въ Москвѣ было очень неопредѣленно и не изъ видныхъ,—онъ былъ только провинціальный, безмѣстный протопопъ, сравнительно еще молодой и большинству совсѣмъ неизвѣстный. Послѣднее обстоятельство Аввакумъ рѣшился поправить, завязавъ знакомства съ знатными и богатыми домами. Чрезъ Стефана онъ дѣлается извѣстенъ самому царю и всей царской семьѣ, чрезъ него же и, вѣроятно, чрезъ Неронова, онъ хорошо познакомился съ Ртищевымъ и съ другими знатными, богатыми и вліятельными вельможами и ихъ семьями, и сдѣлался вхожъ въ ихъ дома. По этому поводу онъ самъ откровенно говоритъ о себѣ: „любилъ протопопъ со славными знаться“. Аввакумъ переселился въ Москву только въ 1651 году, т. е. незадолго до смерти патріарха Іосифа и, понятно, уже по самой краткости времени своего пребыванія въ Москвѣ, до вступленія на патріаршій престолъ Никона, не могъ быть особенно замѣтною и вліятельною фигурою въ средѣ московскаго кружка ревнителей благочестія, тѣмъ болѣе, что тогда такія видныя лица, какъ Стефанъ и Нероновъ, совсѣмъ заслоняли его собою. Къ тому же, изъ разсказа самаго Аввакума, мы знаемъ, что оставленіе имъ Юрьевца и неожиданное его появленіе въ Москвѣ, было непріятно и царю и Стефану Вонифатьевичу. Очевидно, при указанныхъ условіяхъ, Аввакумъ могъ выступать въ московскомъ кружкѣ ревнителей только во второстепенныхъ роляхъ, какъ вѣрный, преданный подручникъ и ученикъ Стефана и Неронова, дѣйствующій во всемъ по ихъ указаніямъ. Такъ смотрѣлъ на свое тогдашнее положеніе въ Москвѣ и самъ Аввакумъ и такъ онъ тогда дѣйствовалъ. Послѣ смерти Іосифа, онъ, наравнѣ съ другими, участвуетъ въ выборѣ новаго патріарха, но въ этомъ случаѣ, онъ только идетъ за другими. Захотѣли эти другіе бить челомъ государю, чтобы въ патріархи былъ избранъ Стефанъ Вонифатьевичъ,—съ ними соглашается и Аввакумъ. Когда Стефанъ отклонилъ свою кандидатуру въ патріархи и указалъ ревнителямъ на Никона, тѣ подали челобитную царю о Никонѣ, и Аввакумъ безпрекословно подписался и подъ этой челобитной, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ человѣкъ новый въ Москвѣ, вѣроятно тогда совсѣмъ не

зналъ Никона, какъ хорошо не зналъ его и тогда, когда тотъ сдѣлался патріархомъ, ибо при Никонѣ патріархѣ Аввакумъ жилъ въ Москвѣ вдали отъ патріарха и только годъ съ небольшимъ, а потомъ былъ отправленъ въ ссылку—въ Сибирь и никогда Никона уже болѣе не видалъ. Правда, Аввакумъ впослѣдствіи увѣрялъ своихъ послѣдователей, что онъ будто бы хорошо зналъ Никона еще на своей родинѣ, которая была только въ пятнадцати верстахъ отъ родины Никона, и что онъ хорошо высмотрѣлъ и изучилъ его, когда жилъ въ Москвѣ. „Я, говоритъ онъ, вѣдь тутъ (т. е. Москвѣ) тогда былъ, все вѣдаю... Я ево (Никона) высмотрѣлъ сукинова сына до мору-тово еще, — великій обманщикъ, бл...ъ сынъ!“ Но на самомъ дѣлѣ Аввакумовскій Никонъ, совершенно не тотъ, тѣмъ былъ Никонъ въ исторической дѣйствительности, о чемъ скажемъ ниже.

Настоящая репутація и громкая слава Аввакума, какъ стойкаго и горячаго поборника за старое русское благочестіе, за старыя до никоновскія русскія церковныя книги, за всю русскую святую старину, впервые создалась и твердо упрочилась только въ Сибири, куда онъ былъ сосланъ Никономъ. Десять лѣтъ Аввакумъ пробылъ въ Сибири съ своею женою и малолѣтними дѣтьми, и терпѣлъ здѣсь самыя жестокія, почти невѣроятныя лишенія: холодъ, голодъ, всѣ невзгоды суроваго климата, переходы въ сотни верстъ по пустыннымъ, совершенно бездорожнымъ и почти непроходимымъ мѣстамъ, причемъ ему и женѣ, голоднымъ и холоднымъ, нерѣдко приходилось брести пѣшкомъ до полнаго истощенія, до потери всѣхъ силъ. Въ то же время ему приходилось терпѣть всевозможныя притѣсненія, издѣвательства, побои и истязанія со стороны начальника отряда,—жестокаго, часто совсѣмъ безчеловѣчнаго, несправедливаго и своекорыстнаго Пашкова, который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ постоянно мучилъ протопопа, не хотѣвшаго, впрочемъ, никогда и ни въ чемъ уступить своему мучителю, но всегда рѣзко и неукоснительно обличавшаго его за его неправды и жестокость. Не разъ Аввакуму прямо въ глаза смотрѣла сама смерть, но онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и выносливостію все переносилъ, и остался не только живъ, но и здоровъ.

Самъ Аввакумъ описываетъ свои сибирскіе подвиги и

злострадания въ живыхъ, яркихъ картинахъ, и эти его описанія и сейчасъ читаются съ захватывающимъ интересомъ. „Егда пріѣхали на Шаманьской порогъ, разсказываетъ напримѣръ Аввакумъ, на встрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы,—одна лѣтъ въ 60-тъ, а другая и больши: пловутъ пострищись въ монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хочетъ замужъ отдать. И я ему сталъ говорить: по правиламъ неподобаетъ такихъ замужъ давать! И чѣмъ бы ему послушавъ меня, и вдовъ отпустить: а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ, Долгомъ, порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: для-де тебя дошеникъ худо идетъ! еретикъ-де ты! поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи! О, горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть—заломя голову! Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великія, въ нихъ же витаютъ гуси и птицы,—періе красное, вороны черные и галки сѣрые; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречаты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иные дикіе,—многое множество,—птицы разные. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе дикіе: козы и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе,—воочію нашею; а взять нельзя! На тѣ горы выбивать меня Пашковъ сталъ, со звѣрьми, и со зміями и со птицами витать. И азъ ему малое писанейце написалъ. Сице начало: человѣче! убойся Бога, сидящаго на херувимѣхъ и призирающа въ бездны, Его же трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь,—и прочая тамъ многонько писано. И послалъ къ нему. А се бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему,—версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ, да кормлю ихъ; и они, бѣдные, и ѣдятъ и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него: онъ со шпагою стоитъ и дрожитъ. Началъ мнѣ говорить: попъ ли, или распопъ? И азъ отвѣщалъ: азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори, что тебѣ дѣло до меня? Онъ же рыкнулъ, яко дивій звѣрь, и дарилъ меня по щекѣ, таже по другой, и паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ (далъ) семдесятъ два удара кнутомъ. А я

говорю: Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ! Да тоже безпрестанно говорю. Такъ горько ему, что не говорю: пощади! Ко всякому удару молитву говорилъ. Да посреди побой вскричалъ я къ нему: полно бить—того! Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: за что ты меня бьешь? вѣдаешь-ли? И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ, и отпустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенной дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги, и на беть (поперечная скрѣпа барокъ) кинули. Осень была: дождь на меня шелъ всю ночь, подъ капелію лежалъ". И далѣе Аввакумъ разсказываетъ: „привезли въ Брацкой острогъ, и въ тюрму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста въ студеной башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья! Что собачка въ соломкѣ лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было: я ихъ скуфьей билъ,—и батошка недадутъ дурачки! Все на брюхѣ лежалъ: спина гнила. Блохъ да вшей было много". Или, напримѣръ, Аввакумъ разсказываетъ: „доѣхали до Иргеня озера: волокъ тутъ,—стали зимою волочитца. Моихъ работниковъ отнялъ (Пашковъ); а инымъ у меня нанятца не велитъ. А дѣти маленьки были; ѣдаковъ много, а работать некому: одинъ бѣдной горемыка — протопопъ. Нарту сдѣлалъ и зиму всю волочился за волокъ. Весною на плотахъ по Ингодѣ рѣкѣ поплыли на низъ. Четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городовой. Стало нечего ѣсть: люди начали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большіе, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокіе,—огонь да встряска,—люди голодные лишо станутъ мучить—ано и умретъ! Охъ времени тому!.. По степямъ скитающеся и по полямъ, траву и кореніе копали,—а мы съ ними же; а зимою сосну; а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей,—и что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ. А иные и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисицъ, и что получитъ,—всякую скверну... Охъ времени тому! И у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ. А съ прочими, скитающеся по горамъ и по острому каменію, наги и босы, травою и кореніемъ перебивающеся, кое какъ мучилися. И самъ я, грѣшной, волею и неволею причастенъ кобыльимъ

и мертвечьимъ звѣринымъ и птичьимъ мясомъ. Увы грѣшной душѣ! Кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, да же оплачу бѣдную душу свою, юже злѣ погубилъ житейскими сластьми (?)"... „Съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратилися къ Русѣ. Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлишко далъ двѣ клячки: а самъ и протопица брели пѣши, убивающеся о ледъ. Страна варварская; иноземцы немирные: отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ голодные и томные люди. Протопопица бѣдная бредетъ—бредетъ, да и повалится—скольско гораздо! Въ иную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: матушка—государыня прости! А протопопица кричитъ: что ты, батька, меня задавилъ! Я пришолъ,—на меня, бѣдная, пѣняетъ, говоря: долго-ли муки сея, протопопъ, будетъ? И я говорю: Марковна, до самыя смерти!—Она же, вздохня, отвѣщала: добро, Петровичъ, ино еще побредемъ" [1]).

При такихъ исключительныхъ и, повидимому, самыхъ невозможныхъ условіяхъ своей сибирской жизни, Аввакумъ однако, гдѣ бы онъ ни былъ, въ какомъ бы положеніи не находился, всегда и всюду оставался вѣренъ себѣ,—строго соблюдалъ разъ имъ усвоенныя правила благочестія, и всячески старался ежедневно выполнять ихъ. Онъ разсказываетъ: „идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или въ лѣсѣ дрова сѣку, или ино что творю: а самъ и правило въ тѣ поры говорю, и вечерню, и заутреню, или часы, — что прилучится. А буде въ людяхъ бываетъ неизворотно, и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи,—правила моего не любятъ, а, идучи, мнѣ нельзя было исполнить: и я, отступя людей подъ гору, или въ лѣсъ, коротенько сдѣлаю,—побьюся головой о землю, а иное и заплачется,—да такъ и обѣдаю. А буде же по мнѣ люди: и я на сошкѣ складенки поставя, правилца поговорю,—иные со мной молятся, а иные кашку варятъ. А въ саняхъ ѣдучи,—въ воскресные дни на подворьяхъ всю церковную службу пою, а въ рядовые дни въ саняхъ ѣдучи пою; а бывало и въ воскресные дни ѣдучи

---

1) Матер. V, стр. 27—29, 31, 34—35, 40—41.

пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя и немношко, а таки поворчу“ [1]). Въ тоже самое время Аввакумъ всегда и всѣмъ неустанно проповѣдывалъ о гибели православія на Руси вслѣдствіи церковной реформы Никона, о необходимости всѣмъ истинно-вѣрующимъ стать за родную святую старину, ни подъ какимъ видомъ не принимать никоніанскихъ новшествъ, а во всемъ твердо и неуклонно держаться стараго благочестія, если потребуется, то и пострадать за него, такъ какъ только оно одно можетъ вести человѣка ко спасенію, тогда какъ новое—никоніанское ведетъ къ неминуемой вѣчной гибели. Эта проповѣдь святаго страдальца и мученика за правую вѣру и истинное благочестіе, вездѣ имѣла успѣхъ, вездѣ Аввакумъ находилъ себѣ многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей, которые всюду разносили молву о великомъ страдальцѣ и крѣпкомъ поборникѣ истиннаго благочестія. Такъ было даже съ семьей его мучителя Пашкова. Если самъ Пашковъ не терпѣлъ Аввакума, всячески гналъ и преслѣдовалъ его, за то жена Пашкова, его взрослый сынъ и жена послѣдняго были всецѣло на сторонѣ Аввакума, считали его за человѣка святой жизни, за невиннаго страдальца, за угодника предъ Богомъ и, въ трудныхъ обстоятельствахъ, прибѣгали къ его молитвенной и чудодѣйственной помощи, и старались, тайно отъ самого Пашкова, матеріально помогать ему и его семьѣ, особенно въ голодное время. По сознанію самаго Аввакума, эта ихъ помощь для него и его семьи имѣла очень большое значеніе.

Когда чрезъ одинадцать лѣтъ ссылки, Аввакумъ былъ возвращенъ въ Москву, то онъ явился сюда уже окруженный ореоломъ страдальца и мученика, съ прочно установившейся репутаціей мощнаго, непоколебимаго борца за поруганную и извращенную Никономъ правую вѣру, за старое истинное русское благочестіе. Стефана Вонифатьевича давно не было въ живыхъ, Нероновъ, теперь старецъ Григорій, ранѣе признанный глава всѣхъ недовольныхъ реформою Никона, примирился съ церковію и даже его борьба лично съ Никономъ потеряла всякое значеніе, такъ какъ Никонъ оставилъ патріаршую каѳедру и болѣе не имѣлъ отношенія къ церковному управленію. Значитъ, у противниковъ церковной ре-

---

[1]) Мат. V, стр. 62.

формы Никона тогда не было главы и всѣми признаннаго общаго руководителя, а слѣдовательно въ ихъ дѣйствіяхъ не могло быть строгаго единства, опредѣленнаго плана, а вмѣстѣ и той энергіи, какую развиваетъ масса, когда ею управляетъ опредѣленное, авторитетное въ ея глазахъ лицо, руководящее всѣми ея дѣйствіями, и направляющее ихъ къ одной опредѣленной цѣли. Въ лицѣ прибывшаго въ Москву Аввакума, противники церковной реформы Никона, получили теперь новаго главу и руководителя, который своею десятилѣтнею ссылкою въ Сибирь, всею тамошнею жизнію и дѣятельностію блестяще доказалъ свою безусловную, непоколебимую преданность родной святой старинѣ, всегдашнюю стойкость въ разъ усвоенныхъ воззрѣніяхъ, свою рѣдкую, прямо исключительную способность постоять за нихъ при всякихъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, и свою рѣшительную неспособность идти съ противниками на какіе бы то ни было компромиссы. Ставъ во главѣ противниковъ церковной реформы Никона, Аввакумъ повелъ борьбу смѣло, энергично и рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и малѣйшихъ уступокъ, и собственно имъ—Аввакумомъ и созданъ церковный расколъ. Въ чемъ же заключалась сила этого человѣка, которая дала ему возможность бодро и стойко перенести столько страданій и всевозможныхъ лишеній, а потомъ закончить свою долгую страдальческую жизнь мужественною смертію на кострѣ?

Говоря о Нероновѣ, мы замѣтили, что всѣ вообще члены кружка ревнителей благочестія, ставшіе противниками церковной реформы Никона, отличаются, между прочимъ, одною очень характерною чертою: они обладали, по ихъ искреннему, глубокому убѣжденію, разнообразными сверхъестественными силами и дарами, почему — чудо, разныя небесныя знаменія и видѣнія, были въ ихъ жизни очень нерѣдки. И это понятно. Воспитанные на житіяхъ святыхъ, на постоянномъ чтеніи разсказовъ разныхъ сборниковъ о чудесномъ, сверхъестественномъ, о всевозможныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ свыше, они, уже по одному этому, получали постоянную прочную настроенность весь міръ съ его явленіями представлять въ особомъ свѣтѣ, разсматривать въ немъ все подъ особымъ угломъ зрѣнія, и въ самыхъ, повидимому обычныхъ явленіяхъ, видѣть то, что для другихъ совсѣмъ

было невидно, что отъ другихъ было сокрыто, а имъ, глубже и духовнѣе проникавшимъ въ явленія, было открыто и очевидно. У такихъ людей естественно и почти необходимо создавалась чуткая готовность всюду—и видѣть и воспринимать все чудесное, сверхъестественное, или, что тоже: во всемъ видѣть чудо, знаменіе, указаніе свыше. Къ этому присоединялись особыя, исключительныя обстоятельства ихъ жизни, особенно послѣ того, какъ они рѣшились отважно бороться съ всемогущимъ и очень суровымъ Никономъ: они находились въ постоянномъ крайне возбужденномъ нервномъ состояніи, ихъ всегдашніе помыслы, думы, вся ихъ духовно-нравственная жизнь, доведенная до высшаго напряженія, сосредоточены были на одной неотступной идеѣ: всячески и всѣми средствами, не щадя живота своего, жертвуя собою и всѣмъ своимъ личнымъ, бороться за настоящее, истинное благочестіе, за правую вѣру, разрушаемыя реформами Никона. Они терпѣли всякія гоненія, униженія, лишенія, истязанія, ссылки и заточенія за свои излюбленныя убѣжденія: они постоянно прибѣгали къ усиленному посту, молитвѣ, продолжительнымъ бдѣніямъ, что бы сильнѣе укрѣпить себя на подвигъ, измождить свое тѣло и, вмѣстѣ, закалить свой духъ для рѣшительной борьбы. Понятно, что на такой почвѣ легко было появиться у нихъ тѣмъ чудесамъ, знаменіямъ и видѣніямъ, о которыхъ они такъ часто и охотно разсказываютъ. Да чудо, знаменія, видѣнія были для нихъ и рѣшительно необходимы, при выполненіи поставленной ими себѣ задачи, безъ нихъ они совсѣмъ не могли обойтись, безъ нихъ они никакъ бы не могли вести той энергичной, непрерывной, упорной борьбы, какую они вели съ реформою Никона. Мѣрки, критерія,—что право и что неправо,—они не могли находить въ изученіи, въ научномъ строго обоснованномъ знаніи, такъ какъ они не были люди науки, а только простые самоучки—начетчики, у которыхъ научное, критически провѣренное знаніе замѣнялось вѣковой традиціей, полнымъ довѣріемъ къ вычитанному изъ имѣвшихся у нихъ извѣстнаго только рода книгъ, крѣпкою вѣрою въ святую родную старину, которая оправдала себя исторически, а потому не нуждается ни въ какой другой провѣркѣ, а тѣмъ болѣе въ передѣлкахъ и исправленіяхъ. Но когда эта увѣренность въ святость и непогрѣшимость родной старины,

подъ вліяніемъ реформы Никона, въ умахъ очень многихъ была поколеблена, тогда, при не имѣніи другихъ средствъ порѣшить вопросъ: кто же въ самомъ дѣлѣ правъ—Никонъ или своя родная старина? Имъ естественно оставалось прибѣгнуть къ единственно понятному имъ, и въ ихъ глазахъ самому вѣрному и самому убѣдительному и для всѣхъ другихъ, средству: къ откровенію свыше, знаменію, чуду. И вотъ необходимо у нихъ являются разсказы о бывшихъ въ ихъ средѣ чудесахъ, знаменіяхъ и видѣніяхъ, какъ болѣе вѣрныхъ и надежныхъ показателяхъ божественной истины, чѣмъ сомнительная, школьная, человѣческая мудрость ихъ противниковъ, такъ какъ чудеса, знаменія и видѣнія Господь посылаетъ только тѣмъ, кто истинно и право во всемъ вѣруетъ, кто добродѣтельно и свято проводитъ свою жизнь, а не тѣмъ, кто кичится своимъ школьнымъ знаніемъ и своею человѣческою и потому заблуждающеюся наукою. Именно чудеса и знаменія, а не какіе нибудь человѣческія домыслы и мудрованія давали имъ непоколебимую увѣренность, что истина на ихъ сторонѣ, что они ратуютъ и страждутъ за правое святое и великое дѣло, что они идутъ настоящимъ вѣрнымъ путемъ, который, если здѣсь и ведетъ къ страданію и мученичеству, за то тамъ—къ безконечной славѣ и блаженству. Въ силу этого они шли на борьбу, на лишенія, страданія и самую смерть смѣло, рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, съ полною глубокою увѣренностію, что на великое святое дѣло борьбы съ реформою Никона они призваны самимъ Господомъ, что самъ Господь подкрѣпляетъ и всегда подкрѣпитъ ихъ въ неравной и тяжкой борьбѣ, и если не здѣсь, то тамъ вознаградитъ ихъ за всѣ ихъ земныя страданія и лишенія. Если на нихъ въ немногія, особенно тяжелыя минуты, и нападали иногда какія либо сомнѣнія и колебанія, то знаменія и видѣнія, ниспосылаемыя свыше, снова подкрѣпляли и вразумляли ихъ, и они съ новою энергіею и силою продолжали борьбу. Борьба съ такими необычными лицами, обычными мѣрами правительственной власти: ссылками, заточеніями, разными лишеніями, истязаніями и казнями, естественно совсѣмъ не достигала цѣли, а только дѣлала ихъ сопротивленіе еще упорнѣе и настойчивѣе, самихъ ихъ еще болѣе сильными и вліятельными въ глазахъ

ихъ учениковъ и послѣдователей, которые видѣли въ нихъ святыхъ страдальцевъ и мучениковъ.

Особенно обычны, и даже заурядны чудеса, знаменія, видѣнія и другія сверхъестественныя явленія, были въ жизни протопопа Аввакума, которому, въ этомъ отношеніи, среди другихъ борцовъ съ реформою Никона, неоспоримо принадлежитъ первое мѣсто.

Такого великаго чудотворца и угодника Божія, какимъ былъ протопопъ Аввакумъ, если судить объ этомъ по его собственнымъ разсказамъ и увѣреніямъ, еще никогда не бывало, да, конечно, никогда и не будетъ на святой Руси. Самъ протопопъ искренно и глубоко былъ убѣжденъ въ своей несомнѣнной святости и угодности предъ Богомъ, что онъ призванъ самимъ Господомъ съ тѣмъ, чтобы своимъ ученіемъ, своими чудесами, посылаемыми ему свыше знаменіями и видѣніями, твердо и неустанно отстаивать ту божественную правду, то истинное благочестіе, которыя были нарушены на Руси реформою Никона. Въ сознаніи своей несомнѣнной великой угодности предъ Богомъ, протопопъ самъ, очень рѣшительно и опредѣленно, заранѣе намѣчаетъ, къ лику какихъ именно святыхъ долженъ причислить его Господь, если онъ—Аввакумъ умретъ такою или иною смертію. „Аще меня задушатъ, обращается Аввакумъ съ прошеніемъ къ Господу, причти мя съ митрополитомъ Филиппомъ московскимъ; аще ли зарѣжутъ, и Ты, Господи, причти мя съ Захаріею пророкомъ; аще ли посадятъ въ воду, и Ты, Владыко, яко и Стефана пермскаго, паки свободиши мя“ [1]). Протопопъ Аввакумъ даже прекрасно зналъ, что тамъ—въ царствіи небесномъ, ему уже давно приготовлена Господомъ одна изъ лучшихъ палатъ, которая постоянно ждетъ его. Исцѣленная имъ одна бѣсноватая, разсказываетъ самъ Аввакумъ,—въ назиданіе и поученіе своимъ послѣдователямъ,—повѣдала ему, что будто бы два ангела, когда бѣсноватая безъ памяти лежала на лавкѣ, взяли ее „и повели зѣло тѣснымъ путемъ. На лѣвой сторонѣ слышала плачь съ рыданіемъ и гласы умильны. Таже привели меня въ свѣтлое мѣсто; жилища и палаты стоятъ, и едина палата всѣхъ больши и паче всѣхъ сіяетъ красно. Ввели де меня въ нея, а въ

1) Мат. V, стр. 151.

ней де стоятъ столы, а на нихъ послано бѣло. И блюда съ брашными стоятъ; поконецъ де стола древо многовѣтвенно повѣваетъ и гораздо красно, а въ немъ гласы птичьи и умильны зѣло,—не могу нынѣ про нихъ сказать. Потомъ де меня вывели изъ нея. Идучи, спрашиваютъ: знаешъ-ли, чья палата сія? А я де отвѣщала: не знаю; пустите меня въ нея. И они мнѣ отвѣщали сопротивъ: отца твоего Аввакума палата сія. Слушай ево,—такъ де и ты будешъ съ нимъ. Крестися, слагая персты такъ, и кланяйся Богу, какъ онъ тебѣ наказываетъ. А не станешъ слушать, такъ будешъ въ давешнемъ мѣстѣ, гдѣ слышала плаканіе то. Скажи же отцу твоему. Мы не бѣси, мы ангели; смотри у насъ папарты. И я-де, батюшко, смотрѣла: бѣло у ушей тѣхъ ихъ" [1]). При такой рѣдкой убѣжденности и увѣренности, протопопъ Аввакумъ, конечно, совсѣмъ не боялся никакой казни, никакой смерти, такъ какъ она прямо и несомнѣнно вела его въ ту большую палату, „которая паче всѣхъ сіяетъ красно". „На что лучше сего?—говоритъ онъ,—съ мученики въ чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ, побѣдный вѣнецъ, сообщникъ Христу, святѣй Троицы престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всѣми безплотными, съ предивными роды вчиненъ! А во огнѣ-то здѣсь небольшое время потерпѣть,—аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступитъ!" [2]). Дѣйствительно, прямой и самый простой практическій расчетъ побуждалъ Аввакума не бояться казни, а смѣло и безбоязненно идти на костеръ,—этимъ минутнымъ страданіемъ онъ, при его представленіи о безусловной, высокой цѣнности своего подвига, не терялъ ничего, а выигрывалъ все.

Насколько былъ святъ Аввакумъ и насколько, еще при жизни, онъ былъ уже великимъ угодникомъ Божіимъ, это видно изъ тѣхъ многочисленныхъ знаменій, чудесъ и откровеній, какія въ своей жизни получалъ и совершалъ Аввакумъ. Въ самомъ дѣлѣ: какихъ только чудесъ не творилъ Аввакумъ, какихъ только знаменій и очевидныхъ оказательствъ великой его святости не удостоивался онъ получить отъ Господа Бога. Сотворить во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ чудо, лишь бы только подъ ру-

---

1) Ibid. стр. 105.

2) Ibid. стр. 207.

ками были: епитрахиль, масло, вода, кадило и старопечатный требникъ, для Аввакума буквально ничего не стоило. Онъ своею молитвою, святою водою, освященнымъ масломъ и кажденіемъ исцѣляетъ всевозможныхъ больныхъ, но особенно легко и часто изгоняетъ бѣсовъ, и самъ всегда успѣшно справляется съ ними, когда они отваживаются нападать и на него самого, въ рѣдкія впрочемъ въ его жизни минуты малодушія, или какого нибудь неожиданнаго преткновенія [1]).

---

1) Вотъ, напримѣръ, какой случай невольнаго преткновенія былъ съ Аввакумомъ, о которомъ, онъ разсказываетъ въ своемъ посланіи къ нѣкоей Маремьянѣ Ѳеодоровнѣ. „Грѣшному мнѣ человѣкъ добрый изъ церкви принесъ просфиру, и со крестомъ Христовымъ, а поп-отъ, является, по старому поетъ: до тово пѣлъ по новому; я чаелъ покаялся и престалъ: оно внутрь ево поганъ. Я взялъ просфиру, поцѣловалъ, положилъ въ уголку, покадилъ, хотѣлъ по причастіи потребить. Въ нощи той, егда умолкоша уста мои отъ молитвы, прискочиша бѣси ко мнѣ лежащу, и единъ завернулъ мнѣ голову, рекъ мнѣ: сѣмъ-ко ты сюды! Только и дыханія стало. Едва-едва умомъ моимъ молитву Іисусову сотворилъ: и отскочилъ бѣсъ отъ меня. Азъ же охаю и стону; кости разломалъ, встать не могу. И кое какъ всталъ: молитвуя довольно, опять возвалился и мало замгнулъ. Вижю у церкви нѣкія образъ и крестъ Христовъ: на немъ распятъ полатынѣ, неподобно, и латынники молятся тутъ, приклякиваютъ попольски. И мнѣ нѣкто велѣлъ той крестъ поцѣловать. Егда азъ поцѣловалъ: паки нападоша на мя бѣси и утрудиша мя зѣло, и покинуша. Азъ же безъ сна ночь ту проводихъ, плачучи. Уразумѣхъ, яко просвиры ради стражю, выложилъ ея за окошко. Не знаю, что надъ нею дѣлать: крестъ на ней! И лежала день. Въ другую ночь не смѣю спать, лежа молитвы говорю, прискочиша множество бѣсовъ, и единъ сѣлъ съ домрою въ углу, на мѣстѣ, гдѣ до тово просвира лежала, и прочіи начаша играти въ домры и въ гутки. А я слушаю у нихъ. Зѣло мнѣ грусно, да уже не замали меня и исчезли. Азъ же возстонавъ, плакався предъ Владыкою, обѣщался сожечь просвиру. И бысть той часъ здравъ, и кости престали болѣть, и воочію моею яко *искры огненны отъ Святаго Духа являхуся* И въ день жжегъ просвиру, и пепелъ за окошко кинулъ, рекше: вотъ, бѣсъ, жертва твоя! мнѣ ненадобѣ! И въ другую ночь, лежа, по четкамъ молитвую. Вошелъ бѣсъ въ келію мою и ходилъ около меня,— ничево мнѣ не сдѣлалъ, лишь изъ рукъ четки вышибъ. И я, поднявъ, опять сталъ молитвы говорить. И паки въ день съ печалію стихъ лежа пою: *молитву пролію ко Господу и печаль мою предъ нимъ возвѣщу, услыши ны, Господи!* И бѣсъ вскричалъ на меня зѣло жестоко. Азъ же вздрогнулъ и ужасся отъ него. И паки въ иную ночь, не вѣмъ какъ, внѣ ума, о просвирѣ опечалился и уснулъ: и бѣсъ зѣло мя утрудилъ. Съ доски свалясь на полъ, предъ образомъ, немощенъ плачучи Никона проклялъ и ересь ево. И паки въ той часъ здравъ бысть. Видишь-ли, Маремьяна,

И не только людей, но и больныхъ куръ исцѣляетъ протопопъ, за что одна черная курочка и несетъ ему потомъ каждый день по два яичка. Какъ великій угодникъ Божій, онъ, еще находясь на землѣ, однако уже являлся многимъ въ сонномъ видѣніи и спасалъ ихъ отъ бѣды. Такъ онъ явился во снѣ заблудившемуся сыну Пашкова, благословилъ его и указалъ ему дорогу, благодаря чему тотъ спасся отъ неминуемой смерти. Когда онъ находился въ боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ и тамошній келарь Никодимъ его обидѣлъ, то Господь Богъ поразилъ обидчика тяжкою болѣзнію, но ему въ видѣніи предсталъ Аввакумъ „въ ризахъ свѣтло блестящихъ и зѣло красныхъ“ и исцѣлилъ его отъ болѣзни, послѣ чего келарь повѣдалъ объ этомъ Аввакуму, который потребовалъ отъ него, что бы онъ, „хотя бы и въ тайнѣ, старое благочестіе держалъ“. — Одинъ бѣсноватый, исцѣленіемъ котораго ранѣе занимался Аввакумъ, разъ явился къ нему и повѣдалъ: „спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что пожаловалъ,—помиловалъ меня. Бѣжалъ де я по пустынѣ третьяго дня, а ты де мнѣ явился и благословилъ крестомъ: бѣси де и бѣжали отъ меня“. Приводя этотъ разсказъ о себѣ, Аввакумъ скромно замѣчаетъ: „азъ же, окаянный, поплакалъ, глядя на него, и возрадовался о величіи Бога моего, понеже о всѣхъ печется и промышляетъ Господь,—его исцѣлилъ, а меня возвеселилъ. Простите меня, старецъ, съ рабомъ тѣмъ Христовымъ: вы меня понудисте сіе говоритъ“. И по поводу вышеприведеннаго разсказа объ исцѣленіи пафнутьевскаго келаря Аввакумъ расчитанно—наивно замѣчаетъ: „добрыхъ дѣлъ (у меня) нѣтъ: а прославилъ Богъ. То вѣдаетъ онъ—воля Его“ [1]).

Насколько необыкновеннымъ человѣкомъ былъ Аввакумъ, это видно, между прочимъ, и изъ того, что онъ былъ самовидцемъ и разныхъ спиритическихъ явленій, когда, какъ извѣстно, неодушевленные предметы самопроизвольно двигаются, перемѣняютъ мѣсто, летаютъ по воздуху, какъ это

заключаетъ Аввакумъ свой назидательный разсказъ, кабы съѣлъ просвиру-ту, такъ бы что Исакія Печерскаго затомили. Такова-то ихъ жертва хороша! И отъ малой святыни бѣда; а отъ большіе-то и давно нечево спрашивать“. (Мат. V, стр. 197—199).

1) Матер. V, стр. 50, 73, 74.

бываетъ теперь, на современнныхъ намъ спиритическихъ сеансахъ. Аввакумъ разсказываетъ, что еще въ Лопатицахъ, когда онъ только что „къ подвигу касатися сталъ“, и уже „бѣсъ меня пуживалъ“. Однажды у него серьезно захворала жена и къ нему пріѣхалъ сосѣдній священникъ, чтобы ее исповѣдывать. Дѣло было ночью и Аввакумъ пошелъ въ церковь за требникомъ. „Егда на паперть пришелъ, разсказываетъ онъ, столикъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствіемъ скачетъ столикъ на мѣстѣ своемъ. И я, не устрашась, помолясь предъ образомъ, осѣнилъ рукою столикъ, и, пришедъ, поставилъ его, и престалъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ во гробѣ стоялъ, и бѣсовскимъ дѣйствіемъ верхняя раскрылася доска, и саванъ шевелитца сталъ, устрашая меня. Азъ же Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвеца и бысть по прежнему все. Егда же въ олтарь вошелъ—ано ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, устрашая меня. Азъ же, помоляся и поцѣловавъ престолъ, рукою ризы благословилъ, и пощупалъ приступая, а онѣ по старому висятъ. Потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково то ухищреніе бѣсовское къ намъ“! Про другой случай, котораго онъ былъ тоже очевидцемъ, Аввакумъ разсказывалъ въ челобитной государю, поданной имъ по возвращеніи изъ Дауръ: „нынѣ лѣтомъ, въ Преображеньевъ день, чудо преславно и ужасу достойно въ Тоболскѣ показалъ Богъ: въ соборной болшой церкви служилъ литургію ключарь церкви Иванъ Михайловъ сынъ съ протодьякономъ Меѳодіемъ, и когда возгласиша: двери двери премудростію вонмемъ, тогда у священника со главы взяся воздухъ и повергло на землю; и егда исповѣданіе вѣры начали говорить, и въ то время звѣзда на дискосѣ надъ агньцемъ на всѣ четыре поставленія поступала, и до возглашенія побѣдныя пѣсни; и егда приспѣ время протодьякону къ дискосу прітыкати, приподнялася мало и стала на своемъ мѣстѣ на дискосѣ просто. А служба у нихъ въ церкви, поясняетъ Аввакумъ, по новымъ служебникамъ по приказу архіепископскому“. [1]).

---

1) Ibid. стр. 108—111, 110—121. Къ сожалѣнію прот. Аввакумъ не объясняетъ: какимъ образомъ бѣсы мѣстомъ для своего „игранія“ могли

Вполнѣ естественно было, что Господь имѣлъ особое попеченіе о своемъ великомъ угодникѣ, котораго Онъ такъ необычно прославлялъ еще во время его земной жизни. Находясь въ тюрьмѣ Андроньева монастыря Аввакумъ три дня не ѣлъ и умиралъ отъ голода. И вотъ, послѣ трехъ сутокъ, когда голодъ особенно мучилъ его, „ста предъ мною, разсказываетъ протопопъ, невѣмъ—человѣкъ, невѣмъ—ангелъ, и по се время не знаю. Токмо въ потемкахъ сотворя молитву и взявъ меня за плечо, съ чепью, къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и лошку въ руки далъ и хлѣбца немношко и штецъ далъ похлѣбать—зело прикусны,—хороши! и рекъ мнѣ: полно, довлѣетъ ти ко укрѣплѣнію! И не стало его. Двери не отворялись, а его не стало! Дивно, только человѣкъ; а что же ангелъ, ино нечему дивитца! вездѣ ему не затворено". Или, напримѣръ, въ Даурахъ былъ съ нимъ такой случай: брелъ протопопъ по замерзшему озеру и стала его мучить нестерпимая жажда, а воды взять негдѣ,—до селенія и береговъ далеко. И вотъ, повѣствуетъ протопопъ, „бреду потихоньку, а самъ, взирая на небо, говорю: Господи, источивый израилю, въ пустынѣ жаждущему воду, тогда и днесь Ты напой меня ими же вѣси судьбами. Простите Бога ради! затрещалъ ледъ, яко громъ, предо мною. На высоту стало кидать, и яко рѣка разступилася сюду и сюду, и паки снидеся мѣсто, и бысть гора льду велика. А мнѣ оставилъ Богъ пролубку. И дондеже строеніе Божіе бысть, азъ на востокъ кланялся Богу, и со слезами присталъ къ пролубкѣ и напился воды досыта". [1]),

Господь, по молитвѣ своего угодника, посрамлялъ враговъ и гонителей Аввакума. Пашковъ, завидуя удачѣ протопопа въ рыбной ловлѣ насмѣхъ отвелъ ему мѣсто для лова на броду, „гдѣ коровы и козы бродятъ, гдѣ человѣку, повѣствуетъ Авва-

---

избрать церковь и въ ней даже алтарь—это святая святыхъ? Если въ Тобольскѣ бѣсовская игра произошла въ церкви, гдѣ тогда уже служили по новому, и въ нея, значитъ, по представленію Аввакума, бѣсамъ былъ открытъ всегда свободный входъ; то вѣдь въ Лопатицахъ бѣсы забрались въ алтарь и играли тамъ въ собственной церкви Аввакума, въ которой постоянно, и по старому, служилъ онъ самъ? Очевидно, увлекшійся интересными разсказами протопопъ, не сообразилъ какъ слѣдуетъ всѣхъ обстоятельствъ своего разсказа.

1) Ibid. стр. 20, 109—110.

кумъ, воды по ладышку,—какая рыба! и лягушекъ нѣтъ!" Но твердо уповая на чудодѣйственную помощь свыше, протопопъ рѣшилъ посрамить Пашкова. Онъ обратился съ горячею молитвою къ Богу": Владыко человѣколюбче, молился разобиженный протопопъ, не вода даетъ рыбу. Ты вся промысломъ своимъ, Спасе нашъ, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки той на безводномъ томъ мѣстѣ, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекутъ невѣрніи, гдѣ есть Богъ ихъ?" И Господь по молитвѣ Аввакума, дѣйствительно посрамилъ „дурака тово" т. е. Пашкова: „полны сѣти, торжествующе заявляетъ протопопъ, напехалъ Богъ рыбы", только нечестивый Пашковъ, въ возмездіе за это чудо, изорвалъ всѣ рыболовныя сѣти Аввакума [1]).

Даже необычайныя явленія внѣшней природы, какъ напримѣръ солнечное затмѣніе, находились, оказывается, въ прямой связи съ личною судьбою Аввакума. Разсказавъ объ одномъ солнечномъ затмѣніи, „когда Никонъ отступникъ вѣру казнилъ и законы церковныя", Аввакумъ заявляетъ, что лѣтъ чрезъ четырнадцать „въ другой разъ затмѣніе солнцу было въ Петровъ постъ, въ пятокъ, въ часъ шестый тьма бысть: солнце померче, луна подтекала отъ запада же, гнѣвъ Божій являя. И протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими остригли въ соборной церкви власти, и на Угрѣшѣ въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣетъ, что дѣлается въ земли нашей за нестроеніе церковное". [2]).

Какъ и между самыми святыми необычно святъ и великъ былъ протопопъ Аввакумъ, это съ особенною ясностію видно изъ его разсказа о слѣдующемъ бывшемъ ему видѣніи: протопопъ, постясь, ничего не ѣлъ въ теченіи четырехъ дней и сильно ослабѣлъ. Однако онъ пропостился еще нѣсколько дней, и, въ этомъ состояніи, сподобился такого видѣнія: „Божіимъ благоволеніемъ въ нощи вторыя недѣли, противъ пятка, распространился языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики; а се и руки и ноги быша велики, потомъ весь широкъ и пространенъ подъ небесемъ и по всей земли распространился; а потомъ Богъ вмѣстилъ

---

[1]) А. К. Бороздина. Протопопъ Аввакумъ, прил., стр. 114 Изд. 1900 г.
[2]) Матер. V, стр. 4—5.

въ меня небо, землю и всю тварь. Мнѣ же молитвы непрестанно творящу и лѣствицу перебирающу въ то время". И затѣмъ, обращаясь къ царю, въ посланіи къ которому изъ Пустозерска онъ разсказываетъ про это видѣніе, говоритъ: „ты владѣеши, на свободѣ живучи, одною русскою землею; а мнѣ Сынъ Божій покорилъ за темничное седѣніе небо и землю... Небо мое и земля моя, свѣтъ мой и вся тварь.— Богъ мнѣ далъ, якоже выше сего рекохъ". [1]).

Аввакумъ не только себя и свои подвиги ставилъ очень высоко, но и свои писанія къ разнымъ лицамъ приравнивалъ, видимо, къ посланіямъ ап. Павла, которому онъ старается подражать. Его посланіе къ нѣкоему брату начинается такъ: „Рабъ и посланникъ Іисусъ Христовъ, волею Божіею, и узникъ о Господѣ, старой грѣшникъ, протопопъ Аввакумъ Петровъ, брату имереку, еже о Христѣ съ братіею, радоватися вамъ, другомъ моимъ, и здравствовати о Спасѣ, Бозѣ и Господѣ нашемъ Іисусъ Христѣ. Молю вы, чада церковная, и колѣнамъ вашимъ касаюся". Въ посланіи ко всѣмъ своимъ ученикамъ пишетъ: „молю убо вы азъ, юзникъ о Христѣ Іисусѣ, не мудрствовате паче, еже подобаетъ мудрствовати". Въ „книгѣ всѣмъ горемыкамъ миленькимъ" онъ пишетъ такъ: „Рабъ и посланникъ Іисусъ Христовъ, волею Божіею земляной юзникъ, протопопъ Аввакумъ, чадомъ святыя соборныя и апостольскія церкви: Акинфею съ сестрою Мавроею, Родіону, Андрею". Свои очень невысокаго достоинства разсужденія Аввакумъ закрѣпляетъ иногда такимъ очень смѣлымъ завершеніемъ: „не я, но тако глаголетъ Духъ Святый", разумѣется устами протопопа. Въ одномъ мѣстѣ онъ скромно про себя замѣчаетъ: „отчасти разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ". [2])

Не только самъ протопопъ Аввакумъ но и его друзья—единомышленники, по его увѣреніямъ, имѣли въ глазахъ Господа, хотя бы и не большое, но все-таки несомнѣнное преимущество предъ древними знаменитыми святыми. „Егда Лазарю языкъ вырѣзали, повѣствуетъ Аввакумъ, явился ему пророкъ Божій Илія и повелѣ ему о истинѣ свидѣтельствовати. Онъ же, выплюнувъ кровь изо рта, и

---

[1]) Ibid. стр. 151—152.
[2]) Ibid. стр. 231, т. VIII, стр. 75, 84. 109.

начатъ глаголати ясно и чисто". Вырѣзали языкъ и у старца Епифанія, но онъ обратился съ молитвою къ Богородицѣ, чтобы она возвратила ему даръ слова: „та отверзла его уста и языкъ даде, и учалъ говорить ясно". По этому поводу Аввакумъ замѣчаетъ: „не вѣмъ, что рещи, но токмо: Господи, помилуй! И Дамаскину Іоанну *по трехъ днехъ* рука приросла, а новымъ симъ исповѣдникамъ Христовымъ Лазарю *въ той же день* языкъ Богъ даровалъ, а старцу (Епифанію) *во второй день*"... [1])

Аввакумъ любилъ допускать нѣкоторую фамильярность въ обращеніи съ лицами стоявшими неизмѣримо выше его, каковы, напримѣръ, были царь и царица. Такъ царя, какъ бы самаго обычнаго близкаго своего знакомаго онъ, въ своихъ писаніяхъ, нерѣдко величаетъ попросту: „Михайловичъ", „свѣтикъ", „миленькій", царицу—„миленькая", обоихъ: „Алексѣюшко съ Марьюшкою". Эту фамильярность въ обращеніи Аввакумъ переноситъ иногда и на самихъ небожителей.

Когда Аввакума, по приказанію Пашкова, сильно били кнутомъ, онъ въ это время говорилъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ", и не чувствовалъ особенныхъ страданій. Но совсѣмъ иначе чувствовалъ себя послѣ жестокой экзекуціи. „Какъ били, разсказываетъ онъ, такъ не болно было съ молитвою тою; а лежа на умъ взбрело: за что ты, Сыне Божій, попустилъ меня ему таково болно убить тому? Я вѣдь за вдовы твоя сталъ! *Кто дастъ судію между мною и Тобою?* Когда воровалъ, и Ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ"!.. Но въ другомъ случаѣ Аввакумъ уже замѣчаетъ: „не пеняю уже на Бога вдругорядъ!" На рѣкѣ Хилкѣ, разсказываетъ Аввакумъ, „барку отъ берега оторвало водою,—людскіе стоятъ, а мою ухватило да и понесло! Жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ помчало. Вода быстрая, переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ; а я на ней ползаю, а самъ кричу: Владычице, помози! Упованіе, не утопи! иное ноги въ водѣ, а иное выползу на верхъ. Несло съ версту и больши; да люди переняли. Все размыло до крохи! Да что веть дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я вышелъ изъ воды смѣюсь; а

———

[1]) Т. V, стр. 115—117.

люде те охаютъ, платье мое по кустамъ развѣшивая... Пашковъ меня же хощетъ опять бить: ты-де надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ! А я паки свѣту—Богородицѣ докучать: Владычице, уйми дурака тово! Такъ она надежа уняла: сталъ по мнѣ тужить“ [1]).

Однако и на такого крѣпкаго и несокрушимаго поборника за истинное благочестіе, какимъ былъ Аввакумъ, находили иногда минуты слабости, нѣкоторой неувѣренности въ правотѣ защищаемаго дѣла. Возвращаясь изъ Дауръ, разсказываетъ Аввакумъ, „въ русскіе грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ. Опечалился, сидя разсуждаю: что сотворю? Проповѣдаю-ли слово Божіе, или скрыюся гдѣ? Понеже жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятьствомъ, и рече ми: что господине, опечалился еси? Азъ же ей подробну извѣстихъ: жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ: говорить-ли мнѣ или молчать?—связали вы меня! Она же мнѣ говоритъ: Господи помилуй! что ты, Петровичъ, говоришь! Слыхала я,—ты же читалъ,—апостольскую рѣчь: *привязался еси женѣ, не ищи разрѣшенія, егда отрѣшишися, тогда не ищи жены* (Кор. гл. 7, ст. 27). Азъ тя и съ дѣтми благословляю: дерзай проповѣдати слово Божіе по прежнему! А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволитъ, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучатъ, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Поди поди въ церковь, Петровичъ,—обличай блудню еретическую!—Я су ей за то челомъ, и отрясши отъ себе печальную слѣпоту, начатъ по прежнему слово Божіе проповѣдати и учити и по градомъ и вездѣ, еще же и ересь никоніанскую со дерзновеніемъ обличалъ“. На этотъ разъ Аввакума на подвигъ воодушевила жена, дѣлившая съ нимъ всѣ бѣды и лишенія, вполнѣ вѣровавшая въ его великое и святое призваніе, и отличавшаяся какъ и ея мужъ, выносливостію, мужествомъ и готовностію все перенести, всѣмъ пожертвовать ради торжества истиннаго благочестія. Но въ другихъ случаяхъ дѣло не обходилось такъ просто,—по домашнему. Когда Аввакумъ, возвращаясь изъ Дауръ, прибылъ въ Тобольскъ, то началъ было ходить въ

---

[1]) Ibid. стр. 29, 31, 33.

соборную церковь, гдѣ службы совершались по новоисправленному служебнику. Онъ уже сталъ было привыкать къ службамъ, какъ особое, чрезвычайное видѣніе удержало его отъ этого скользкаго пути. „А се мнѣ въ Тобольскѣ, разсказываетъ Аввакумъ объ этомъ случаѣ, въ тонцѣ снѣ страшно возвѣщено: блюдися отъ мене, да не полма растесанъ будеши! Я вскочилъ, и палъ предъ иконою во ужасѣ велицѣ, а самъ говорю: Господи, не стану ходить, гдѣ по новому поютъ! Боже мой! Былъ я у заутрени въ соборной церкви на царевнины имянины, — шаловалъ съ ними въ церкви при воеводахъ; да съ пріѣзду смотрилъ у нихъ просвиромисанія дважды или трижды, въ алтарѣ у жертвенника стоя, и самъ имъ ругался; а какъ привыкъ ходить, такъ и ругатца не сталъ,—что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалило было. Такъ меня Христосъ—свѣтъ попужалъ, и рече ми: по толикомъ страданіи погибнуть хочешь! блюдися, да не полма разсѣку тя! Я и къ обѣдни не пошелъ. И обѣдать ко князю пришелъ, и вся подробну имъ возвѣстилъ: бояринъ миленькой, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ, плакать сталъ! А мнѣ окаянному много столько Божія благодѣянія забыть“. Но самымъ критическимъ моментомъ въ жизни Аввакума, по его собственному сознанію, было его разстриженіе. Аввакумъ придавалъ очень большое значеніе тому обстоятельству, что онъ былъ ни какой-нибудя рядовой священникъ, а протопопъ; онъ очень гордился этимъ титуломъ, всегда старался прилагать его къ своему имени, жену свою величаетъ протопопицей, крѣпко держится за этотъ титулъ даже и тогда, когда, по соборному опредѣленію, его совсѣмъ лишили духовнаго сана и онъ юридически сдѣлался уже простымъ міряниномъ. Послѣ растриженія Аввакумъ совсѣмъ было впалъ въ отчаяніе, отъ котораго его спасло чрезвычайное явленіе. Въ посланіи къ царю изъ Пустозерска Аввакумъ пишетъ: „егда мнѣ темныя твоя власти волосы и бороду остригли и проклявше за твоимъ карауломъ на Угрѣшѣ въ темницѣ держали,—о горе мнѣ, не хочется говорить, да нужда влечетъ!—тогда нападе на мя печаль, и зѣло отяготихся отъ кручины и размышляхъ въ себѣ, что се бысть, яко древле и еретиковъ такъ не ругали, яко же меня нынѣ,—волосы и бороду остригли, и прокляли, и въ темницѣ затворили: никоніаны пуще отца своего Ни-

кона надо мною бѣднымъ сотворили. И о томъ стужахъ Божеству, да явитъ ми, не туне ли мое бѣдное страданіе? И въ полунощи, всенощное чтущу ми наизусть святое евангеліе утреннее, надъ ледникомъ на соломѣ стоя, въ одной рубашкѣ, и безъ пояса, въ день Вознесенія Господня: и бысть въ дусѣ весь, и ста близъ мене по правую руку ангелъ мой хранитель, улыскаяся и приклоняяся ко мнѣ и милъ ся дѣя. Мнѣ же чтущу святое евангеліе нескоро, ко ангелу радость имущу: а се потомъ изъ облака Госпожа Богородица яви ми ся, потомъ и Христосъ съ силами многими, и рече мнѣ: не бойся, Азъ есмь съ тобою! Мнѣ къ тому прочетшу къ концу святое евангеліе и рекшу: Слава Тебѣ, Господи! и падшу на землю и лежащу на многъ часъ. И егда отъиде слава Господня, востахъ и начахъ утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченная, ея же невозможно исповѣдати нынѣ“. Въ заключеніе этого разсказа о видѣніи, Аввакумъ пишетъ государю: „за любовь тебѣ Господню, Михайловичъ, сказано сіе, понеже хощу умереть. Да и молю тя о Христѣ, не повѣдай врагомъ моимъ никоніяномъ тайны сея, да не поругаютъ Христа Іисуса, Сына Божія и Бога. Глупы вѣть онѣ дураки, плюютъ и на самаго Бога нечестивые глаголы. Горе имъ бѣднымъ будетъ!“ [1]) Послѣ такого чуднаго, поразительнаго видѣнія, всѣ сомнѣнія и колебанія конечно отлетѣли отъ Авакума, онъ уже окончательно и навсегда увѣрился въ правотѣ избраннаго пути, въ своей несомнѣнной святости, и въ своемъ собственномъ представленіи, и въ мнѣніи своихъ послѣдователей, навсегда остался дѣйствительнымъ протопопомъ, а не разстригой.

Увѣренно, много и охотно во всѣхъ своихъ писаніяхъ, разсказывая о своихъ чудесахъ и видѣніяхъ, о своей очевидной большой угодности предъ Господомъ Богомъ, Аввакумъ всетаки иногда приходитъ въ такое настроеніе, при которомъ какъ будто начинаетъ сознавать, что подобными разсказами онъ переходитъ всякія границы самой невзыскательной скромности и что, пожалуй, и самимъ вѣрующимъ его ученикамъ, самовосхваляющіе разсказы его о бывшихъ съ нимъ чудесахъ могутъ показаться маловѣроятными, соз-

---

1) Мат. V, стр. 57, 60—61, 153—154.

данными его одностороннею, болѣзненно настроенною фантазіею, вездѣ видящій то, чего въ дѣйствительности не было, да и не могло быть. Въ рѣдкія минуты такой болѣе спокойной и трезвой настроенности Аввакумъ, разсказавъ о какомъ нибудь бывшемъ съ нимъ чудѣ, сейчасъ же стремится всячески унизить себя въ глазахъ своихъ почитателей—послѣдователей, но дѣлаетъ это довольно своеобразно. Разсказавъ, какъ онъ было за обѣдомъ подавился, какъ окружающіе его старшіе домочадцы „колотили его много въ спину, да и покинули, не вижу ужъ людей и памяти не стало", онъ затѣмъ сообщаетъ, что его небольшая младшая дочь, неожиданно для всѣхъ, „росбежався лохтишками своими ударилась въ мою спину и крови печенье изъ горла рыгнуло и дашыть сталъ". Умиленный такимъ чудомъ протопопъ вдается, поэтому поводу, въ такія назидательныя размышленія: „чудно гораздо сіе, старецъ, — промыслъ Божій ребенка наставилъ, *пророка* отъ смерти избавилъ. Дни съ три у меня зелень горькая изъ горла текла, не могъ ни ѣсть, ни говорить: сіе мнѣ наказаніе за то, чтобъ я не величался предъ Богомъ совѣстію своею... Не величайся, дуракъ, тѣмъ, что Богъ сотворилъ во славу свою чрезъ тебя какое дѣло, прославляя свое пресвятое имя... А ты су какой святой?.. И величаесся грязь худая: я су бѣсовъ изгонялъ, то, се дѣлалъ, а себѣ не могъ помощи, только бы не ребенокъ. Ну помни же себя, что нѣтъ тебя ни сошто, аще не Господь что сотворитъ" [1]). Въ этомъ, кажущемся смиренномъ сознаніи своей личной немощности и недостоинства, однако такъ и сквозитъ, такъ, изъ за смиренныхъ словъ, и пробивается наружу самомнѣніе ослѣпленнаго своею святостію человѣка. Или, напримѣръ, Аввакумъ говоритъ о себѣ: „не знаю дни коротать какъ! Слабоуміемъ объятъ, и лицемѣріемъ и лжею покрытъ есмь, братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ, во осужденіи всѣхъ человѣкъ погибаю. И мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмь, окаянный,—прямое г...о! Отвсюду воняю,—душею и тѣломъ. Хорошо мнѣ жить съ собаками да со свиніями въ конурахъ: такъ де и онѣ воняютъ, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиніи и псы по естеству; а я отъ грѣховъ воняю, яко песъ

---

1) А. К. Бороздинъ: Прот. Аввакумъ, прил. стр. 115.

мертвой, повърженъ на улицѣ градѣ. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землею меня закрыли! Себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблазняю. Ей, добро такъ!“ [1]). Но эти смиренныя изліянія, о своей грѣховности и ничтожности предъ Богомъ, дѣлаются Аввакумомъ только изъ приличія, съ плохо замаскированною цѣлію внушить читателю ту мысль, что де протопопъ чудотворецъ самъ-то о себѣ думаетъ невысоко, а наоборотъ,—очень смиренно и даже уничижительно, только дѣла его, помимо его воли, невольно являютъ его великимъ и славнымъ угодникомъ Божіимъ. Но если бы кто и послѣ этого усумнился въ умѣстности разсказовъ Аввакума о своей святости, своихъ чудесахъ и видѣніяхъ, то это сомнѣніе окончательно уничтожалось тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь онъ—протопопъ Аввакумъ въ этомъ случаѣ только слѣдуетъ примѣру самихъ апостоловъ и особенно апостола Павла,—дѣяніе, поэтому, съ его стороны вовсе непредосудительнее. Вотъ какую рѣчь по этому поводу ведетъ о себѣ Аввакумъ: „Иное было, кажется, про житіе-то мнѣ и ненадобно говорить; да прочтохъ Дѣянія Апостольская и посланія Павловы,—Апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлаетъ въ нихъ. Не намъ, Богу нашему слава. А я ничто же есмь. Рекохъ и паки реку: азъ есмь человѣкъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникомъ и всякому человѣку, лицемѣръ окаянный. Простите же и молитеся о мнѣ; а я о васъ долженъ, чтущихъ и послушающихъ. Болши того жить не умѣю; а что здѣлаю я, то людямъ и сказываю: пускай Богу молятся о мнѣ! Въ день вѣка вси же тамъ познаютъ содѣланная мною, или благая, или злая“. И сейчасъ же къ этому разсужденію о себѣ Аввакумъ присоединяетъ такое много-значительное замѣчаніе: „но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, яко же и Апостолъ глаголетъ: *аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. гл. 11, ст. 6)“ [2]), т. е. что хотя онъ, протопопъ Аввакумъ, человѣкъ и неученый, но настоящую цѣну себѣ хорошо знаетъ. Понятно также, что приписывая себѣ небывалыя съ

---

[1]) Матер. V, стр. 95.
[2]) Матер. V, стр. 90.

нимъ преступленія: убійство, воровство и пр. Аввакумъ прекрасно зналъ, что его почитатели ни чему этому не повѣрятъ, а только еще болѣе будутъ прославлять его за истинно-христіанское его смиреніе и самоуничиженіе.

Повидимому простые, безыскуственные, и часто очень наивные, разсказы Аввакума о своихъ похожденіяхъ и страданіяхъ, о своихъ подвигахъ на защиту правой вѣры и истиннаго благочестія, всѣ имѣли однако одну очень ясную, опредѣленную практическую цѣль: показать и доказать читателямъ, что онъ—протопопъ Аввакумъ есть несомнѣнный избранникъ Божій, постоянно находящійся подъ высшимъ божественнымъ водительствомъ, что онъ человѣкъ высокой святой жизни, сподобившійся получить отъ Бога рѣдкій великій дарь чудотвореній, и что его—протопопа Аввакума, живущаго на землѣ, Господь Богъ прославляетъ однако такъ, какъ онъ прославляетъ другихъ угодниковъ Божіихъ только послѣ ихъ смерти. Протопопъ въ своихъ разсказахъ о себѣ, если такъ можно выразиться, самъ любуется на свою собственную необычайную святость, на свои необыкновенныя сверхъестественныя благодатныя дарованія, на свои подвиги и злостраданія за правую вѣру. Трудно найти въ исторіи другой примѣръ такого откровеннаго, беззастѣнчиваго, публично заявляемаго самомнѣнія и самообожанія на почвѣ своей святости и угодности предъ Богомъ, трудно встрѣтить другого человѣка, находящагося въ здравомъ умѣ, который бы, подобно протопопу Аввакуму, еще при жизни, публично, въ слухъ всѣхъ самъ себя, въ своихъ собственныхъ писаніяхъ, смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, прославлялъ какъ великаго чудотворца и несомнѣннаго великаго угодника Божія, а въ то же время считалъ бы себя истиннымъ, настоящимъ христіаниномъ, для котораго глубокое, постоянное и искреннее сознаніе своей немощности, своей полной грѣховности и недостоинства предъ Богомъ, всегда и во всѣхъ положеніяхъ обязательно.

Съ другой стороны несомнѣнно и то, что самовосхваленіе и самопрославленіе въ разсказахъ Аввакума является у него не слѣдствіемъ его простоты и какой либо чисто дѣтской наивности, какъ это можно было бы подумать, а сознательнымъ хорошо обдуманнымъ и расчитаннымъ пріемомъ про-

паганды. Всѣми разсказами о своихъ чудесахъ, бывшихъ ему необыкновенныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ, Аввакумъ преслѣдуетъ одну опредѣленную, ясно намѣченную имъ цѣль: убѣдить всѣхъ своихъ читателей, что истина, правда на сторонѣ его—протопопа Аввакума, такъ какъ за нимъ и всѣми его дѣйствіями стоятъ: самъ Господь Богъ, пресвятая Богородица, ангелы и всѣ святые; между тѣмъ какъ изъ за его противниковъ-никоніанъ обязательно, болѣе или менѣе замѣтно, всегда и во всемъ виднѣются: латиняне и другіе всевозможные древніе и новые еретики, антихристъ и даже самъ сатана. Понятно послѣ этого, что вѣрующимъ не зачѣмъ было задумываться или колебаться при рѣшеніи вопроса: гдѣ имъ и у кого слѣдуетъ искать святую спасающую человѣка истину, и гдѣ и у кого находятся только ложь, обманъ, погибель для души. Для нихъ, изъ разсказовъ Аввакума, ясно становилось, за кѣмъ имъ слѣдуетъ идти: за святымъ-ли угодникомъ Божіимъ, такъ явственно и опредѣленно запечатлѣннымъ Божіимъ благоволеніемъ во всѣхъ его дѣлахъ и поступкахъ, или за его заклятыми врагами,—нечестивыми и прескверными никоніанами? Выборъ для всякаго настолько казался, и по мнѣнію самого Аввакума, очевиднымъ, что онъ самъ всѣхъ несогласныхъ съ нимъ въ чемъ либо представляетъ: или дураками, ничего незнающими и не понимающими въ божественномъ, или крайними нечестивцами, которымъ ихъ нечестіе закрываетъ очевидную истину; или гнусными еретиками, непосредственными орудіями самаго дьявола, который чрезъ нихъ борется съ вѣрными. Такимъ образомъ, всѣ разсказы Аввакума о своей святости и чудесахъ, были въ высшей степени тенденціозны, явно преслѣдовали опредѣленную напередъ намѣченную цѣль: заставить своихъ читателей отвергнуть реформу Никона, какъ проявленіе высшаго и гибельнаго нечестія, и слѣдовать за нимъ—Аввакумомъ, такъ какъ только онъ именно ведетъ всѣхъ по истинному пути къ спасенію, и почему всякое несогласіе въ чемъ бы то ни было съ Аввакумомъ, непризнаніе его высшаго авторитета и руководительства въ дѣлахъ вѣры и благочестія, есть прямое, очевидное отступленіе отъ самой Божественной истины, есть величайшее нечестіе.

Конечно на насъ, столь далекихъ отъ времени разскасчика,

столь далекихъ отъ уровня пониманія, взглядовъ и воспріимчивости къ чудесному — сверхъестественному тогдашнихъ читателей и почитателей Аввакума, его разсказы о своихъ чудесахъ и видѣніяхъ производятъ такое же впечатлѣніе, какъ и всякіе дѣтскіе наивные разсказы, которые только дѣтскимъ живымъ воображеніемъ могутъ приниматься за реальную живую дѣйствительность. А если они и сейчасъ читаются и нами съ большимъ интересомъ, то только какъ очень яркое, очень колоритное отраженіе пониманія, воззрѣній и настроенности извѣстной эпохи. Не такими они были въ глазахъ тогдашнихъ читателей Аввакума, проникнутыхъ тѣмъ же житійнымъ міросозерцаніемъ, тою же предрасположенностію и воспріимчивостію ко всему чудесному и сверхъестественному въ сферѣ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій, тою же вѣрою, что весь міръ, такъ сказать, кишитъ всякими бѣсами, которые постоянно вмѣшиваются въ жизнь каждаго человѣка, внося въ нее все дурное и нечистое, и что для борьбы съ ихъ тлетворнымъ вліяніемъ нужна особая благодатная чудодѣйственная сила,— на такихъ читателей разсказы Аввакума производили очень сильное впечатлѣніе, и сильно вооружали ихъ противъ церковной реформы Никона. Когда, напримѣръ, Аввакумъ, находясь въ заключеніи въ боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ, исцѣлилъ тамъ бывшаго своего оскорбителя келаря Никодима, явившись ему во снѣ, то слава объ немъ, какъ великомъ чудотворцѣ и страдальцѣ, быстро распространилась всюду. „Людіе же, повѣствуетъ Аввакумъ, безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы отъ меня: азъ ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ Божіимъ. Въ тѣ времена и врази кои были и тѣ примирилися тутъ". А если бы кто усумнился въ разсказахъ Аввакума о бывшихъ съ нимъ чудесахъ и знаменіяхъ, то его великія страданія, которыя были уже вполнѣ реальны и у всѣхъ на глазахъ,—эти страданія заглушали сомнѣнія скептиковъ и привлекали къ нему очень и очень многихъ.

Такимъ образомъ Аввакумъ самъ считалъ себя человѣкомъ, призваннымъ Богомъ на борьбу за правую вѣру, которая гибнетъ отъ никоніанскихъ реформъ, и что Господь посылаетъ ему особыя знаменія и видѣнія, творитъ ради его очевидныя чудеса. Понятно само собою, что такой чело-

вѣкъ не можетъ, во первыхъ, погрѣшать и заблуждаться въ дѣлахъ вѣры и благочестія,—Господь не допуститъ его до этого; во вторыхъ, такой человѣкъ не можетъ и ослабѣвать въ борьбѣ, оставлять ее подъ какимъ либо предлогомъ, не можетъ изъ своихъ правыхъ убѣжденій поступиться хотя бы самымъ повидимому малымъ и незначительнымъ, не можетъ идти ни на какіе компромиссы со своими противниками, такъ какъ это бы означало измѣнить своему призванію, обмануть и оскорбить призвавшаго его Господа, и навѣки погубить великое святое дѣло и самого себя. Въ виду этого Аввакумъ долженъ былъ идти всегда, безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, только однимъ путемъ, пройти его, не останавливаясь, до конца, несмотря ни на какія скорби, лишенія, страданія и казни; онъ постоянно долженъ былъ быть готовъ отдать за свое дѣло самую свою жизнь, лишь бы только остаться во всемъ вѣрнымъ до конца своему великому и святому призванію. Понятно также и то, что разубѣдить этого человѣка въ томъ, что онъ считалъ своимъ призваніемъ, что онъ принималъ за истину, заставить его въ чемъ либо измѣнить разъ усвоенныя имъ воззрѣнія и убѣжденія, было дѣломъ совсѣмъ безнадежнымъ: это бы значило для Аввакума родиться вновь, а такое новое рожденіе было для него невозможно, такъ какъ ни въ его прошломъ, ни въ его настоящемъ, ни въ строѣ и характерѣ всей его духовной натуры, не было къ тому рѣшительно никакихъ данныхъ. Основные принципы всей своей жизни и дѣятельности, которымъ онъ никогда не измѣнялъ, формулированы имъ ясно, твердо и опредѣленно: „мучься за сложеніе перстъ, не разсуждай много!.. Держу до смерти якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ. До насъ положено: лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ!... Не передвигаемъ вещей церковныхъ съ мѣста на мѣсто. Идѣже святіи положиша что, то тутъ и лежи. Иже что, хотя малое перемѣнитъ, да будетъ проклятъ!... Держи, христіанинъ, церковная неизмѣнно, и благословенъ будеши Богомъ и нами грѣшными... Отдайте матери нашей (т. е. церкви) имѣніе все, и *азъ*—отъ, которой передвинули на иное мѣсто, положите на старомъ мѣстѣ, гдѣ отъ святыхъ отецъ положенъ былъ“ [1]). Очевидно

---

[1]) Матер. V, 89, 220, 275, 368, 84. Подъ *азомъ*, передвинутымъ никоніа-

ни на какія новшества, ни на какое усвоеніе новаго круга понятій, болѣе широкихъ воззрѣній и пониманія церковности, Аввакумъ не былъ способенъ,—Аввакумъ и новшества, это—два понятія совершенно несовмѣстимыя, какъ исключающія себя взаимно.

А между тѣмъ царь нарочно вызвалъ Аввакума изъ Сибири въ Москву. Зачѣмъ его, противника церковной реформы, сюда вызвали?

Думать, что Аввакума вызвала въ Москву боярская, враждебная Никону, придворная партія, чтобы усилить себя этимъ заклятымъ врагомъ Никона, нѣтъ ни какихъ серьезныхъ основаній. Аввакумъ воротился въ Москву только въ 1664 году, когда о возвращеніи Никона на патріаршую каѳедру нельзя было уже и думать, когда въ Москвѣ уже велись дѣятельные переговоры о приглашеніи самихъ восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никономъ и когда, слѣдовательно, судьба Никона, какъ патріарха, предрѣшена была окончательно и безповоротно и онъ ничѣмъ не могъ быть опасенъ для бояръ. Присутствіе Аввакума въ Москвѣ, въ связи съ положеніемъ дѣла Никона, ничего новаго и цѣннаго не могло дать, и потому его вызовъ въ Москву, по поводу дѣла Никона, являлся совершенно безцѣльнымъ. Нельзя думать и того, что Аввакума вызвали въ Москву въ цѣляхъ вознаградить его за суровую расправу съ нимъ Никона. Для этого не зачѣмъ было вызывать Аввакума именно въ Москву, а можно было оставить его соборнымъ протопопомъ въ Тобольскѣ, чѣмъ онъ, повидимому, былъ до своей ссылки въ Дауры, тѣмъ болѣе что Аввакумъ никогда не былъ московскимъ протопопомъ, а проживалъ ранѣе въ Москвѣ случайно, какъ безмѣстный протопопъ. Между тѣмъ, спустя уже несколько лѣтъ послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, Аввакумъ, самимъ государемъ, былъ вызванъ въ Москву и вызванъ, конечно, съ особою цѣлію.

Мы знаемъ, что царскій духовникъ, протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, во все время своей жизни старался примирить съ Никономъ его главнаго и вліятельнѣйшаго тогда

нами на другое мѣсто, конечно разумѣется *азъ*, находившійся въ символѣ, до его исправленія при Никонѣ, въ словахъ: „рожденна, *а* не сотворенна“.

врага—Іоанна Неронова, но умеръ не достигнувъ этой цѣли. Мы знаемъ, что миротворческая роль Стефана находила себѣ полную поддержку и одобреніе со стороны царя, который, въ интересахъ мира, даже прикрывалъ Неронова отъ розысковъ разгнѣваннаго Никона и, послѣ смерти Стефана, стремился осуществить его всегдашнее желаніе: примирить Неронова съ Никономъ. Къ великому удовольствію царя и, конечно, при такомъ или иномъ его содѣйствіи, Нероновъ примирился если не лично съ Никономъ, то съ церковію, тѣмъ болѣе что до поры до времени ему разрѣшено было служить по старымъ служебникамъ. Это примиреніе Неронова имѣло въ глазахъ царя очень важное значеніе. Нероновъ былъ, какъ мы знаемъ, очень видный и вліятельный человѣкъ, имѣвшій за собою многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей. Естественно было, что его примиреніе повело за собою и примиреніе съ церковію многихъ его послѣдователей, которые пошли въ этомъ дѣлѣ по слѣдамъ своего главы и учителя. Острое противодѣйствіе церковной реформѣ начало въ Москвѣ по немногу затихать, сглаживаться, и впереди многимъ, и конечно царю, уже виднѣлся полный миръ церкви и, въ концѣ, постепенное всеобщее признаніе совершенныхъ церковныхъ реформъ. И вотъ въ это время въ Москвѣ получаются вѣсти, что въ Сибири огнепальный ссыльный протопопъ Аввакумъ всюду громитъ никоніанскія новшества, призываетъ всѣхъ стать на защиту родной поруганной святой старины, что онъ находитъ себѣ всюду многочисленныхъ послѣдователей и что его призывъ къ борьбѣ съ новаторами и развратителями церкви встрѣчаетъ полное сочувствіе у очень многихъ. Значитъ, съ Нероновымъ дѣло уладили, а на его мѣсто явился другой, можетъ быть еще болѣе сильный и опасный борецъ. Царь ранѣе лично нѣсколько зналъ Аввакума, зналъ его какъ человѣка строгой благочестивой жизни, всецѣло преданнаго церкви, готоваго всячески постоять, какъ тогда говорили, за церковные догматы, или, что тоже, за церковные обряды, и потому увидѣлъ въ немъ человѣка очень опаснаго для мира всей церкви. Алексѣй Михаиловичъ рѣшилъ и Аввакума примирить съ церковною реформою такъ же, какъ онъ ранѣе примирилъ съ нею Неронова, даже подъ условіемъ сдѣлать Аввакуму ту же уступку, какая была сдѣлана Неронову, т. е. дозволить

ему служить по старымъ служебникамъ. Въ этихъ именно видахъ царь и рѣшилъ вызвать Аввакума въ Москву. Это какъ нельзя болѣе ясно видно изъ того пріема, какой Аввакуму сдѣланъ былъ въ Москвѣ, и изъ многочисленныхъ посылокъ царемъ разныхъ лицъ уговаривать Аввакума соединиться съ церковію.

Аввакумъ, недогадывавшійся зачѣмъ царь изъ Сибири вызвалъ его въ Москву, разсказываетъ, какъ его приняли въ Москвѣ и какъ къ нему здѣсь относились, слѣдующее: „къ Москвѣ пріѣхалъ, и яко ангела Божія пріяша мя государь и бояра—всѣ мене рады! Къ Ѳедору Ртищеву зашелъ: онъ самъ изъ полатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ мене, и учали говорить съ нимъ много,—три дни и три нощи домой меня не отпустилъ, и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ велѣлъ поставить, и слова милостивые говорилъ: здорово ли де, протопопъ, живешь? еще-де видатца Богъ велѣлъ! И я сопротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: живъ Господь, жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволитъ Богъ! Онъ же, миленькій, вздохнулъ, да и пошолъ куды надобѣ ему. И иное кое-что было, да что много говорить! Прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремли, и въ походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а самъ говорилъ: благослови-де меня и помолися о мнѣ! И шапку въ иную пору мурманку, снимаючи съ головы, уронилъ ѣдучи верхомъ! И изъ кореты высунется бывало ко мнѣ. Таже и вси бояра, послѣ его, челомъ: протопопъ, благослови и молися о насъ! Какъ мнѣ су царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть! Жаль о су! видишь, каковы были добры! Да и нынѣ онѣ не лихи до мене; діаволъ лихъ до мене, а человѣки вси до мене добры. Давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и въ духовники звали, *что бъ я съ ними соединился въ вѣрѣ;* азъ же сія вся яко уметы вмѣнилъ, да Христа пріобрящу, и смерть поминая, яко вся сія мимо идетъ“ [1]). Итакъ самъ Аввакумъ признаетъ, что въ Москвѣ, послѣ его возвращенія, къ нему отнеслись—и царь и бояре—особенно внимательно и ласково, и что ему предлагали какое угодно мѣсто, даже мѣсто царскаго духовника, но только подъ од-

[1]) Матер. V, 59—60.

нимъ непремѣннымъ условіемъ: „что бъ я съ ними соединился въ вѣрѣ". Аввакумъ отказался. Но простымъ отказомъ онъ не ограничился, а вскорѣ подалъ государю особую челобитную, въ которой выразилъ свой взглядъ на тогдашнее положеніе церковныхъ дѣлъ и свое отношеніе къ нимъ.

Въ своей челобитной Аввакумъ обращается къ царю: „Государь нашъ свѣтъ! что ти возглаголю, яко отъ гроба возставъ изъ далняго заключенія, отъ радости великія обливаяся многими слезами,—свое ли смертоносное житіе возвѣщу тебѣ свѣту, или о церковномъ раздорѣ реку тебѣ—свѣту? Я чаялъ, живучи на востокѣ въ смертѣхъ многихъ, тишину здѣсь въ Москвѣ быти; а нынѣ увидѣлъ церковь паче и прежняго смущенну... Воистинно, государь, смущенна церковь". И чтобы вѣрнѣе повлiять на царя и заставить слѣдовать за собою, Аввакумъ прибѣгаетъ къ обычному своему средству: разсказываетъ царю про одно видѣніе, которое „показалъ ему Богъ" еще въ Тобольскѣ и изъ котораго царь ясно долженъ былъ увидѣть, что церковныя реформы Никона противны Богу, такъ какъ безчестятъ Духа Святаго и Христа: „неистинна глаголютъ Духа Святаго быти и Христа Сына Божія на небеси не царя быти во исповѣданіи своея вѣры." Желая затѣмъ подѣйствовать на царя, какъ на правителя государства, заботящагося о благѣ, покоѣ и мирной жизни своихъ подданныхъ, Аввакумъ увѣряетъ его, что именно ради реформъ Никона государство подверглось въ послѣднее время различнымъ бѣдствіямъ. „Моровое повѣтріе, говоритъ онъ, немало намъ знаменіе было отъ никоновыхъ затѣекъ, и агарянской мечъ стоитъ десять лѣтъ безпрестано, отнелѣже раздралъ онъ церковь". И вспоминая старину, когда на царя имѣлъ особенно сильное вліяніе покровитель и благодѣтель Аввакума—царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевичъ, онъ говоритъ: „добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко все быша тихо и немятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ на убіеніе. Тебѣ—свѣту самому житіе ево вѣстно". Снова обращаясь къ современному положенію церковныхъ дѣлъ Аввакумъ рѣшительно заявляетъ: „увы души моей бѣдной! Лучши бы мнѣ въ пустыни Даурской, со звѣрми живучи,

конецъ пріяти, нежели нынѣ слышу во церквахъ Христа моего глаголющеи невоскресша. Вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государю, отъ докуки нашей. Государь—свѣтъ, православный царь! Не сладко и намъ, егда ребра наша ломаютъ и, развязавъ насъ, кнутьемъ мучатъ, и томятъ на морозѣ гладомъ. А все церкви ради Божія стражемъ. Изволи, государь, съ долготерпѣніемъ послушать, и я тебѣ—свѣту о своихъ бѣдахъ и напастехъ возвѣщу немного." Затѣмъ онъ коротко описываетъ тѣ страданія, лишенія и истязанія, какія онъ потерпѣлъ отъ другихъ за разное время своей жизни, до своего послѣдняго прибытія въ Москву, и потомъ говоритъ царю: „а душа моя пріяти ево (Никона) новыхъ законовъ беззаконныхъ не хощетъ. И во откровеніи ми отъ Бога бысть се, яко мерзокъ онъ предъ Богомъ Никонъ. Аще и льститъ тебѣ, государю—свѣту, яко Арій древнему Констянтину; но погубилъ въ Руси всѣ твои государевы люди душею и тѣломъ, и хотящіи ево новые законы пріяти на страшнемъ судѣ будутъ слыть *никоніяне*, яко древніе *аріане*. Христа онъ, Никонъ, не исповѣдуетъ въ плоть пришедша; Христа не исповѣдуетъ нынѣ царя быти и воскресеніе ево, яко іюдѣи, скрываетъ; онъ же глаголетъ неистинна Духа Святаго; и сложеніе креста въ перстѣхъ разрушаетъ; и истинное метаніе въ поклонахъ отсѣкаетъ, и многихъ ересей люди Божія и твоя наполнилъ; индѣ напечатано духу лукавому молимся." Высказавши главныя обвиненія противъ реформъ Никона, показавъ ихъ нечестіе и еретичество, Аввакумъ подходитъ къ конечной главной цѣли своей челобитной. „Охъ души моей и горе! восклицаетъ онъ. Говорить много не смѣю, тебя бы свѣта не опечалить; а время отложить служебники новые и всѣ его никоновы затѣйки дурные! Воистинно, государь, заблудилъ во всемъ, яко Ѳармосъ древней. Потщися, государь, изторгнути злое ево и пагубное ученіе, дондеже конечная пагуба на насъ не пріиде, и огнь съ небесе, или моръ древній, и прочая злая насъ не постигло. А когда сіе злое кореніе исторгнемъ, тогда намъ будетъ вся благая, и кротко и тихо все царство твое будетъ, яко и прежде никонова патріаршества было, и агарянскій мечъ Богъ уставитъ и сподобитъ насъ получити вѣчная благая". Въ заключеніе своей челобитной Аввакумъ выражаетъ царю свое желаніе: „но желаю наединѣ, пишетъ онъ,

свѣтлоносное лице твое зрѣти и священнолѣпныхъ устъ твоихъ глаголѣ нѣкій слышати мнѣ на пользу, какъ мнѣ жити“ [1]).

Эта челобитная показала государю, что Аввакумъ крѣпкій, убѣжденный сторонникъ русской церковной старины, и что онъ добивается собственно полной отмѣны произведенной церковной реформы и всецѣлаго возвращенія къ старымъ церковнымъ порядкамъ, при которыхъ „никоновы затѣйки“ не имѣли бы мѣста. Само собою понятно, что если Аввакумъ въ такомъ духѣ писалъ самому царю, то тѣмъ болѣе рѣшительно и настойчиво онъ проводилъ свои излюбленныя идеи среди своихъ почитателей и всѣхъ вообще, кто только желалъ слушать его рѣчи, а такихъ людей находилось въ Москвѣ очень много, даже въ высшемъ московскомъ боярскомъ кругу, съ которымъ Аввакумъ имѣлъ близкія и широкія связи. И вотъ въ начинавшее было нѣсколько успокоиваться московское общество, пропагандой Аввакума снова внесена была смута, снова стали возникать горячіе споры по разнымъ церковнымъ вопросамъ, снова разыгрывались страсти, снова начались усиленныя отпаденія отъ церкви,— миръ церкви, и въ самой Москвѣ, опять былъ нарушенъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ царь послалъ отъ себя къ Аввакуму Радіона Стрѣшнева уговаривать протопопа, чтобы онъ не говорилъ и не возставалъ противъ произведенной церковной реформы, или, какъ выражается самъ Аввакумъ, „что бъ я молчалъ“. На этотъ разъ Аввакумъ какъ будто нѣсколько поддался увѣщаніямъ. „И я, говоритъ онъ, потѣшилъ его: царь то есть отъ Бога учиненъ, а се добренекъ до мене,—чаялъ либо помаленку исправится. А се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на Печатномъ Дворѣ книги править: и я радъ силно—мнѣ то надобно лутче и духовничества [2]). Пожаловалъ (царь), ко мнѣ прислалъ 10

---

[1]) Матер. V, стр. 119—132.

[2]) Заявленіе Аввакума, что будто бы ему посулили посадить его на Печатномъ Дворѣ, т. е. хотѣли передать въ его руки книжную справу, рѣшительно невѣроятно, такъ какъ Аввакумъ, не умѣвшій отличить простую типографскую опечатку отъ настоящаго текста, менѣе всего, конечно, годился въ справщики, не говоря уже о томъ, что пригласить его въ справщики, значило бы отказаться отъ церковной реформы, что было тогда невозможно. Очевидно въ Москвѣ, при видѣ ласково-внимательнаго

рублевъ денегъ, царица 10 же рублевъ денегъ, Лукіанъ духовникъ 10 рублевъ денегъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же; а дружище наше старое Өеодоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть; а про иныхъ нечего и сказывать: всякъ тащитъ, да несетъ всячиною! У свѣта у Өеодосьи Прокопьевны Морозовой не выходя жилъ во дворѣ: понеже дочь моя духовная, и сестра ея княгиня Евдокія Прокопьевна дочь же моя. Свѣты мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославскіе покойницы всегда же въ дому былъ. А къ Өедору Ртищеву бранитца со отступниками ходилъ. Да такъ то съ полгода жилъ“ [1]).

Но долго выдержать своего молчанія Аввакумъ не могъ. Кругомъ его шли горячіе споры, происходили волненія, а онъ, главный виновникъ этихъ споровъ и волненій, молчитъ и спокойно смотритъ, какъ охуждаемые имъ новые церковные порядки все болѣе широко и прочно водворяются въ московскомъ обществѣ, а порядки старые все болѣе исчезаютъ изъ церковной жизни. При такихъ условіяхъ, казалось ему, молчать невозможно, и Аввакумъ снова выступилъ въ привычной ему роли неутомимаго борца за старину противъ „никоновскихъ затѣекъ“. „Вижу, говоритъ онъ, яко церковное ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ: паки заворчалъ,—написалъ царю многонко-таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ, и мати нашу общую святую церковь отъ ересей оборонилъ, и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика. И егда письмо изготовилъ, занемоглось мнѣ гораздо, и я выслалъ царю на переѣздѣ съ сыномъ своимъ духовнымъ Өеодоромъ юродивымъ, что послѣ отступники удавили его Өеодора на Мезени, повѣся на висѣлицу“. Очень можетъ быть, что къ этой челобитной, которая не дошла до насъ, Аввакумъ присоединилъ еще списокъ тѣхъ лицъ, которые, по его мнѣнію, пригодны были быть

наго отношенія царя къ Аввакуму, составлялись разныя предположенія относительно того, какое мѣсто и положеніе займетъ теперь въ Москвѣ Аввакумъ, а онъ подхватывалъ эти толки и предположенія, и принималъ ихъ за намѣренія самаго правительства, которое ихъ вовсе не имѣло.

[1]) Матер. V, 65—66.

архіереями на той или другой каѳедрѣ. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи у игумена Ѳеоктиста взята была „протопопова (Аввакума) къ великому государю роспись—кто въ которые владыки годятца“, писанная Аввакумомъ за это время. Изъ челобитной и „росписи“ царь ясно увидалъ, что Аввакумъ не только не мирится съ новыми церковными порядками, не только стремится возстановить старое, но что онъ дерзко вмѣшивается въ самое церковное управленіе, по своимъ цѣлямъ и вкусамъ намѣчаетъ въ архіереи своихъ, преданныхъ старинѣ, лицъ, что онъ думаетъ и стремится верховодить всѣми церковными дѣлами, направлять ихъ по своимъ вкусамъ и идеаламъ. Это было уже слишкомъ, и царь снова охладѣваетъ къ протопопу. Разсказавъ о подачѣ имъ царю второй челобитной, чрезъ юродиваго Ѳеодора, Аввакумъ говоритъ далѣе: „и съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиноватъ сталъ. Не любо стало, какъ опять я сталъ говорить. Любо имъ, какъ молчу; да мнѣ такъ не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня, и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже раби Христови многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной ихъ службѣ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: власти-де на тебя жалуются; церкви-де ты запустошилъ; поѣдь-де въ ссылку опять. Сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень... А я по городамъ паки людей Божіихъ училъ, а ихъ пестробразныхъ звѣрей обличалъ“ [1]).

Попытка царя Алексѣя Михаиловича примирить Аввакума съ церковію, заставить его хотя бы въ извѣстной части признать совершенныя Никономъ церковныя реформы, дѣйствуя въ этомъ случаѣ на Аввакума ласкою, особымъ вниманіемъ къ нему, своею царскою милостію и уговорами, не имѣла успѣха. Аввакумъ остался твердъ и непреклоненъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не хотѣлъ и въ чемъ либо маломъ поступиться ими.

Но и послѣ этой неудачи, Алексѣй Михаиловичъ всетаки еще не терялъ надежды повліять на Аввакума въ смыслѣ примиренія его съ церковію. И по личнымъ побужденіямъ, и уступая просьбамъ и ходатайствамъ московскихъ друзей

[1]) Матер. V, стр. 67—67.

и почитателей Аввакума, онъ согласился на его пребываніе въ Мезени, вмѣсто Пустозерска, куда собственно Аввакумъ былъ сослалъ. Здѣсь Аввакумъ прожилъ полтора года и, 1-го марта 1666 года, былъ привезенъ въ Москву для соборнаго суда надъ нимъ и его единомышленниками, причемъ его скованнымъ предварительно помѣстили въ боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ, гдѣ онъ прожилъ десять недѣль. Здѣсь, по его словамъ, по порученію царя, снова стали его уговаривать: „соединись съ нами Аввакумушко! А я, говоритъ Аввакумъ, отрицаюся, что отъ бѣсовъ; а онѣ лезутъ въ глаза!“ Увѣщевавшій его ярославскій дьяконъ Козьма, послѣ явнаго увѣщанія, втайнѣ однако поддерживалъ Аввакума. „Козма той, говоритъ Аввакумъ, не знаю коего духа человѣкъ: въявѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря; протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія! великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца притерпишь! не гляди на насъ, что погибаемъ мы! И я ему говорилъ сопротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу. И онъ говоритъ: нельзя; Никонъ опуталъ меня! Просто молвить: отрекся предъ Никономъ Христа, такъ же уже, бѣдный не можетъ встать. Я, заплакавъ, благословилъ его горюна: больши того нечего мнѣ дѣлать съ нимъ, вѣдаетъ то Богъ, что будетъ съ нимъ“. Наконецъ рѣшено было Аввакума разстричь, для чего его снова привезли въ Москву, при чемъ, замѣчаетъ онъ, „въ крестовой стязався власти со мною“ т. е. тоже пытались его уговаривать, и только послѣ неуспѣха этихъ уговоровъ, его, вмѣстѣ съ дьякономъ Ѳеодоромъ, разстригли и прокляли. „А я, говоритъ Аввакумъ, ихъ проклиналъ сопротивъ. Зѣло было мятежно въ обѣдню ту тутъ“. Когда Аввакума, послѣ разстриженія, посадили на Угрѣшу, „царь, разсказываетъ онъ, приходилъ въ монастырь: около темницы ходилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря. Кажется потому и жаль ему меня; да что,—воля Божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время велико нестроеніе у нихъ бысть съ царицею покойницею; она за насъ стояла тогда, миленькая, напослѣдокъ и отъ казни отпросила меня“. Послѣ осужденія Аввакума и восточными патріархами, когда его держали то на Угрѣшѣ, то привозили въ Москву, царь посылалъ къ нему всевозможныхъ лицъ снова его уговаривать, чтобы онъ подчинился восточнымъ

патріархамъ и примирился съ церковію: въ числѣ посланныхъ отъ царя для увѣщаній Аввакума были и архіереи—крутицкій митрополитъ Павелъ и рязанскій архіепископъ Иларіонъ, и свѣтскія лица—дьякъ Дементій Башмаковъ и бояринъ Артамонъ Матвѣевъ. Всѣ они уговаривали Аввакума „соединиться со вселенскими тѣми хотя небольшимъ чѣмъ". Но Аввакумъ отвѣчалъ на это посланнымъ царя: „аще и умрети ми Богъ изволитъ, со отступниками не соединяюся! Ты, реку, мой царь; а имъ до меня какое дѣло? Своего, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюда приволоклися". Разъ бояринъ Матвѣевъ явился къ Аввакуму съ знаменитымъ тогда у насъ ученымъ старцемъ—Симеономъ Полоцкимъ, и между нимъ и Аввакумомъ, по словамъ послѣдняго, „зѣло было стязаніе много: разошлися яко пьяни, не могъ и поѣсть послѣ крику. Старецъ (Полоцкій) мнѣ говорилъ: острота, острота тѣлеснаго ума! да лихо упрямство; а се не умѣетъ науки!" Въ послѣдній разъ Матвѣевъ, будучи у Аввакума, то уговорами, то угрозами, старался склонить его къ примиренію. Но всѣ старанія Матвѣева были напрасны: Аввакумъ остался непреклоненъ и на уговоры Матвѣева рѣзко заявилъ: „мнѣ кое общеніе, яко свѣту со тмою, или Христу съ Веліаромъ?" Матвѣевъ окончательно убѣдился, что никакое примиреніе съ Аввакумомъ невозможно. Оставляя его, онъ „сквозь зубовъ молвилъ: намъ-де съ тобою не сообшно". Послѣ этого царь прекратилъ всѣ дальнѣйшія попытки примирить съ церковію Аввакума и уже никогда болѣе не возобновлялъ ихъ,—онъ теперь предоставилъ Аввакума его собственной судьбѣ [1]).

Если Алексѣй Михаиловичъ употреблялъ съ своей стороны всевозможныя усилія примирить Аввакума съ церковію и тѣмъ заставить его бросить протестъ противъ новыхъ церковныхъ порядковъ, то онъ, такъ сказать, ухаживалъ въ этомъ случаѣ за Аввакумомъ, такъ дорожилъ его примиреніемъ съ церковію, конечно не изъ личныхъ только симпатій и расположенія къ Аввакуму, но и по мотивамъ болѣе глубокимъ и широкимъ, при которыхъ личныя его симпатіи и антипатіи совсѣмъ отодвигались на задній планъ. Послѣ удаленія Никона съ патріаршей каѳедры царь Алексѣй

---

[1]) Ibid. стр. 68—71, 81, 118.

Михаиловичъ сдѣлался фактическимъ, дѣйствительнымъ патріархомъ т. е. фактическимъ дѣйствительнымъ главою и управителемъ русской церкви, судьбы которой теперь всѣцѣло находились только въ его рукахъ. Онъ охотно и со всею энергіею, на какую былъ только способенъ, принялся за устройство расшатавшихся послѣ Никона церковныхъ дѣлъ. Человѣкъ очень умный, осторожный и тактичный, не любившій дѣйствовать, подобно Никону, круто и напроломъ, пуская въ ходъ только свою власть и внѣшнія принужденія, Алексѣй Михаиловичъ старался дѣйствовать на взволнованное никоновскими реформами общество умиряющимъ и успокоивающимъ образомъ, постепенно пріучая его и примиряя съ новыми порядками. Поклонники старины не подвергались прежнимъ безпощаднымъ преслѣдованіямъ и насиліямъ за ихъ убѣжденія, они даже пользовались значительною свободою; но отъ нихъ только обязательно требовалось, чтобы они открыто не возставали противъ новыхъ церковныхъ порядковъ и не хулили ихъ. Въ московскомъ обществѣ дѣйствительно началось было нѣкоторое успокоеніе, особенно послѣ примиренія съ церковію Неронова. Алексѣй Михаиловичъ прекрасно понялъ, какую громадную, важную и вліятельную силу для общества представляетъ изъ себя горячій, энергичный, опытный и закаленный въ борьбѣ протопопъ Аввакумъ, и какъ важно было бы утилизировать эту крупную силу въ интересахъ мира и спокойствія церкви. Онъ вѣрно разсчитывалъ, что если бы ему удалось привлечь на свою сторону Аввакума, то протестъ противъ церковныхъ реформъ потерялъ бы въ немъ своего авторитетнаго главу, свою важнѣйшую силу и опору, а вмѣстѣ и остроту;—тогда, при тактичномъ и мягкомъ образѣ дальнѣйшихъ дѣйствій, относительно приверженцевъ старины, можно было бы разсчитывать на ихъ постепенное примиреніе съ церковію, можетъ быть и въ недалекомъ будущемъ. Въ этихъ именно видахъ Алексѣй Михаиловичъ вызвалъ Аввакума изъ Сибири и всячески старался въ Москвѣ сдѣлать его безвреднымъ для дѣла церковныхъ реформъ, конечно вовсе не разсчитывая встрѣтить въ Аввакумѣ непреодолимое упорство, неспособное ни на какія уступки. Думать такъ Алексѣй Михаиловичъ имѣлъ всѣ данныя, такъ какъ въ Москвѣ, даже сами приверженцы и поклонники Аввакума, были очень не-

довольны его рѣзкимъ, вызывающимъ поведеніемъ, и выражали ему за это свое порицаніе. Въ письмѣ съ Мезени къ игумену Ѳеоктисту Аввакумъ пишетъ: „отче Ѳеоктисте и вся братія! Я, протопопъ Аввакумъ, предъ Богомъ и предъ вами согрѣшилъ и истину повредилъ: простите мя безумнаго и неразсуднаго, имущаго ревность Божію не по разуму. Глаголете ми, яко много вредится истина и лучше бы мнѣ умереть въ Даурахъ, а нежели бы мнѣ быть у васъ на Москвѣ. И то, отче, не моею волею, но Божіею до сего времени живу. Я что я на Москвѣ гной расшевелилъ и еретиковъ раздразнилъ своимъ пріѣздомъ изъ Дауръ: и я въ Москву пріѣхалъ прошлаго году не самозванъ, но призванъ благочестивымъ царемъ и привезенъ по грамотамъ. Ушъ то мнѣ такъ Богъ изволилъ быть у васъ на Москвѣ. Не кручинтеся на меня Господа ради, что моего ради пріѣзда стражете. Аще Богъ по насъ, кто на ны? Кто поемлетъ на избранныя Божія?“ [1]). Значитъ, Аввакуму приходилось усиленно оправдываться въ своемъ московскомъ поведеніи даже предъ своими собственными послѣдователями и единомышленниками и, значитъ, Алексѣй Михаиловичъ имѣлъ основанія разсчитывать на успѣхъ, дѣйствуя относительно Аввакума мягкимъ, примиряющимъ образомъ. И только послѣ усиленныхъ и настойчивыхъ дѣйствій въ этомъ направленіи, убѣдившись въ невозможности обратить Аввакума, царь прервалъ съ нимъ всякія сношенія и, на этотъ разъ, уже навсегда.

Въ Москвѣ отъ Аввакума требовали, чтобы онъ примирился съ церковною реформою Никона. Но для Аввакума это бы значило отказаться отъ признанія себя нарочитымъ избранникомъ и посланникомъ Божіимъ, человѣкомъ, находящимся подъ особымъ водительствомъ неба; значило признать, что онъ обманывался въ бывшихъ ему божественныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ, что онъ постоянно обманывалъ, какъ человѣкъ самообольщенный, и всѣхъ своихъ учениковъ и послѣдователей, когда, въ подтвержденіе истины своей проповѣди, ссылался на бывшія съ нимъ знаменія и чудеса; это бы значило признать себя неправымъ, заблудившимся при выборѣ пути для своего спасенія, а своихъ противни-

---

[1]) Матер. V, стр. 158—159.

ковъ, которыхъ онъ столько лѣтъ всюду и всегда такъ горячо и настойчиво громилъ и бичевалъ, правыми, болѣе его разумными и свѣдущими въ дѣлахъ благочестія, лучше его понимающими тѣ пути и средства, которыя приводятъ человѣка ко спасенію; это бы значило для Аввакума цѣлые годы всевозможныхъ лишеній и страданій, не своихъ только, но и своей семьи,—свою многолѣтнюю, неустанную борьбу съ никоніанствомъ, свои горячія проповѣди къ народу съ призывомъ до смерти постоять за святую родную старину, признать роковою ошибкою, и тѣмъ собственными руками окончательно поставить крестъ на своей многолѣтней подвижнической и, казалось ему, столь славной и полезной для всѣхъ жизни и дѣятельности. Но это было выше силъ Аввакума, — онъ не могъ отказаться отъ самого себя. Болѣе чѣмъ десятилѣтняя ссыльная жизнь въ Сибири сдѣлала для него такой поворотъ невозможнымъ, и онъ смѣло и рѣшительно пошелъ по своему прежнему пути, только сдѣлавшись еще болѣе неуступчивымъ, непримиримымъ и фанатичнымъ.

Если царь Алексѣй Михаиловичъ, вызывая Аввакума изъ Сибири въ Москву, имѣлъ въ виду примирить Аввакума съ церковною реформою Никона и тѣмъ сдѣлать его, въ извѣстной степени, орудіемъ для примиренія всего общества съ новыми церковными порядками и водворенія всеобщаго церковнаго мира; то и Аввакумъ, возвращаясь изъ Сибири въ Москву, имѣлъ, съ своей стороны, тоже особые виды на царя: онъ хотѣлъ убѣдить Алексѣя Михаиловича отложить всѣ „никоновы затѣйки“ и заставить его всецѣло воротиться къ старымъ до никоновскимъ церковнымъ порядкамъ.

На пути въ Москву изъ Сибири Аввакумъ, по его собственнымъ словамъ, „по весямъ и по селамъ, во церквахъ и на торгахъ кричалъ, проповѣдуя слово Божіе, и уча и обличая безбожную лесть“, и думалъ, что новымъ никоновскимъ порядкамъ теперь уже пришелъ конецъ. Но въ Москвѣ онъ нашелъ совсѣмъ другое: „увидѣлъ церковь паче и прежняго смущену“. Очевидно въ Москвѣ не только не думали о возстановленіи старины, но, какъ мы видѣли, и его Аввакума задумали было привлечь къ никоновскимъ новшествамъ и, во всякомъ случаѣ, настаивали, чтобы онъ не

порицалъ и не хулилъ ихъ—этого требовалъ самъ царь, возвратившій его изъ ссылки. Аввакумъ на время дипломатично было замолчалъ, имѣя на то свои разсчеты": „чаялъ либо помаленку (царь) исправится", замѣчаетъ онъ. Въ видахъ исправленія царя и возвращенія его къ старому благочестію, Аввакумъ подаетъ государю челобитныя, съ цѣлью разъяснить ему истинное положеніе церковныхъ дѣлъ и сообщить ему на нихъ свой правильный взглядъ, затемненный въ царѣ вліяніемъ Никона. Но царь не только остается глухъ къ его заявленіямъ, а все чаще и чаще присылаетъ къ нему разныхъ лицъ съ настойчивымъ предложеніемъ подчиниться церкви. Аввакумъ рѣшительно отказывается, но одному изъ посланныхъ поручаетъ передать царю: „я (т. е. Аввакумъ) не сведу рукъ съ высоты небесныя дондеже Богъ тебя (т. е. царя) отдастъ мнѣ", т. е. Аввакумъ выражаетъ твердую надежду, что онъ, съ теченіемъ времени, всетаки обратитъ царя на истинный путь, съ котораго тотъ сошелъ благодаря Никону. Этой надежды Аввакумъ не покинулъ совсѣмъ и послѣ своего заточенія въ Пустозерскѣ, какъ это видно изъ его особаго, и уже послѣдняго, впрочемъ, посланія къ царю изъ Пустозерска. Оно начинается такъ: „Царь государь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ! Многажды писалъ тебѣ прежде и молихомъ тя, да примиришися Богу и умилишися въ раздѣленіи твоемъ отъ церковнаго тѣла, и нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу изъ темницы, яко изъ гроба, тебѣ глаголю азъ грѣшный протопопъ Аввакумъ: помилуй единородную душу свою и вниди паки въ первое свое благочестіе, въ немъ же ты порожденъ еси, съ преже бывшими благочестивыми цари, родители своими и съ прародители, и съ нами богомольцы своими во единой святой купели ты освященъ еси"... Призывая царя „внити паки въ первое свое благочестіе", Аввакумъ затѣмъ спрашиваетъ его, за что онъ ихъ гонитъ и оскорбляетъ? „Что есть ересь наша, пишетъ онъ, или кій расколъ внесохомъ мы въ церковь, яко же блядословятъ о насъ никоніаны, нарицаютъ раскольниками и еретиками въ лукавомъ и богомерзкомъ Жезлѣ, а индѣ и предотечами антихристовыми?... Не вѣмы ни слѣду въ себѣ ересей коихъ, — пощади насъ Сынъ Божій отъ такова нечестія и впредь!—ниже раскольства: Богъ свидѣтель

и Пречистая Богородица и вси святіи! Аще мы раскольники и еретики: то и вси святіи отцы наши и прежніе цари благочестивіи и святѣйшія патріарси таковы суть... Кто бы смѣлъ рещи таковыя хульныя глаголы на святыхъ, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, съ коею правдою хощеши стати на страшномъ судѣ Христовѣ предъ тьмы ангельскими и предъ всѣми племены языкъ вѣрныхъ и зловѣрныхъ. Аще во православіи нашемъ, отеческихъ святыхъ книгахъ и въ догматахъ ихъ, хотя едина ересь и хула на Христа Бога обращется и церковь его: то рады мы за нихъ прощатися предъ всѣми православными, паче же за то, аще мы отъ себѣ что внесохомъ соблазновъ въ церковь, или расколы. Но нѣсть, нѣсть! Вся бо церковная права суть разумѣвающимъ истину и здрава обрѣтающимъ разумъ по Христѣ Іисусѣ, а не по стихіямъ сего міра, за нюже мы страждемъ и умираемъ и крови своея проливаемъ". И считая царя какъ бы окончательно погибающимъ, Аввакумъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „пался еси велико, а не возсталъ, искривленіемъ Никона богоотмѣтника и еретика, а не исправленіемъ; умеръ еси по души его ученіемъ, а не воскресъ. И не прогнѣвайся, что богоотмѣтникомъ его называемъ. Аще правдою спросишь, и мы скажемъ ти о томъ ясно, и усты къ устомъ, съ очей на очи возвѣстимъ ти велегласно. Аще ли же ни, то пустимъ до Христова суда. Тамъ будетъ и тебѣ тошно; да тогда не пособишь себѣ нимало. Здѣсь ты намъ праведнаго суда со отступниками не далъ: и ты тамо отвѣщати будеши самъ всѣмъ намъ... Все въ тебѣ, царю, дѣло затворися и о тебѣ единомъ стоитъ. Жаль намъ твоея царскія души и всего дому твоего, зѣло болѣзнуемъ о тебѣ; да пособить не можемъ: понеже самъ ты пользы ко спасенію своему не хощеши". Но такія рѣчи къ царю вовсе однако не значатъ, что онъ—Аввакумъ и другіе гонимые, не любятъ царя. Наоборотъ. „Елико, пишетъ Аввакумъ, ты насъ оскорбляеши болши, и мучишь и томишь: толико мы тебя болши любимъ, царя, и Бога молимъ до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣхъ клянущихъ насъ: спаси, Господи, и обрати къ истинѣ своей! Аще же не обратитеся, строго замѣчаетъ Аввакумъ, то вси погибните вѣчно, а не временно". И желая показать царю, какъ онъ усердно молится за него, и въ то же время

желая произвести на царя особое впечатлѣніе въ пользу защищаемаго имъ дѣла, онъ разсказываетъ ему о своемъ видѣніи, какое ему разъ было, когда онъ молился о царѣ. „Нѣкогда мнѣ молящуся о тебѣ съ горькими слезами, разсказываетъ Аввакумъ царю, отъ вечера и до полунощи зѣло стужающу Божеству, да же бы тебѣ исцѣлитеся душею своею и живу быти предъ нимъ, и отъ труда своего азъ многогрѣшный падохъ на лицы своемъ, плакахся и рыдахъ горко, и отъ туги великія забыхся, лежахъ на земли, и видѣхъ тя предъ собою стояща, или ангела твоего, умиленна, подпершися подъ лице правою рукою. Азъ же возрадовахся, и начахъ тя лобызати и обмывати со умиленными глаголы. И видѣлъ на брюхѣ твоемъ язву зѣло велику, исполнену гноя многа, и убоявся вострепетахъ душею своею, и положихъ взнакъ на войлокъ свой, на немъ же молитвы и поклоны творю, и начахъ язву на брюхѣ твоемъ слезами моими покропляти, а руками сводити: и бысть цѣло брюхо и здраво, яко николиже болѣ. Душа же моя возрадовася о Господѣ и о здравіи твоемъ зѣло. И паки поворотихъ тя вверхъ спиною твоею, и видѣхъ спину твою сгнившу паче брюха и язва больши первыя явися. Мнѣ же тако плакавшуся, рукама своима (сводящу) язву твою спинную, и мало мало посошлася, и не вся исцѣлѣ. И очутихся отъ видѣнія того, не исцѣлихъ тя всего здрава до конца. Нѣтъ, государь, болши покинуть плакать о тебѣ: вижу, не исцѣлить тебя“. Но несмотря на это послѣднее заявленіе, Аввакумъ однако опять обращается къ царю съ разсказами, которые ясно говорятъ, какой великій угодникъ предъ Богомъ Аввакумъ, и что царю слѣдуетъ его во всемъ слушаться. Именно здѣсь онъ разсказываетъ, какъ Богъ вмѣстилъ въ него, протопопа Аввакума, небо, землю и всю тварь и что власть его несравненно шире власти царя, который владѣетъ только одною русскою землею, тогда какъ, говоритъ про себя Аввакумъ, „небо мое и земля моя, свѣтъ мой и вся тварь—Богъ мнѣ далъ“. Затѣмъ разсказываетъ царю и еще объ одномъ необыкновенномъ видѣніи, которое случилось послѣ его разстриженія, и когда ему изъ облака явилась госпожа Богородица и потомъ, съ силами многими, самъ Христосъ, рекшій ему: „не бойся Азъ есмь съ тобою“! Понятно, что всѣ три видѣнія разсказаны были Аввакумомъ царю съ един-

ственною очевидною цѣлію: заставить царя сдѣлать тотъ шагъ, благодаря которому молящійся за него, несомнѣнный великій угодникъ Божій, Аввакумъ, исцѣлитъ его окончательно отъ того тяжкаго недуга, въ который онъ впалъ благодаря Никону. Но Алексѣй Михаиловичъ не только не хотѣлъ сдѣлать этого шага, на который такъ усиленно толкалъ его Аввакумъ, но и до конца своей жизни остался во всемъ вѣренъ никоніанству, не обративъ никакого вниманія на посланіе Аввакума, и даже не заботился, хотя бы сколько нибудь, облегчить тяжелое положеніе заключеннаго, который, повидимому, на это сильно разсчитывалъ [1]).

Въ виду полной неудачи посланія къ царю изъ Пустозерска, Аввакумъ окончательно разочаровался въ Алексѣѣ Михаиловичѣ, и съ этого времени круто измѣнилъ къ нему свои отношенія, которыя, впрочемъ, теперь приходилось ему проявлять только въ своихъ письменныхъ произведеніяхъ, обращавшихся между его почитателями, такъ какъ всякія непосредственныя сношенія съ царемъ прекратились навсегда. Эта перемѣна въ отношеніяхъ Аввакума къ царю Алексѣю Михаиловичу очень характерна и любопытна.

Ранѣе Аввакумъ питалъ особое, теплое расположеніе къ Алексѣю Михаиловичу, считалъ его человѣкомъ добрымъ и особенно расположеннымъ къ нему—Аввакуму. Вездѣ онъ называетъ его: „свѣтикъ-государь“ или просто—„свѣтъ-государь“, „благочестивѣйшій и православнѣйшій“, а иногда—фамильярно: „миленькій“, „Михайловичъ“ и даже—„Алексѣюшко“. Вся бѣда его миленькаго царя заключалась, по тогдашнему мнѣнію Аввакума, въ томъ, что онъ поддался вліянію нечестиваго Никона, который вкрался въ его довѣріе и обольстилъ его царскую благочестивую душу. „Завелъ его, говоритъ Аввакумъ, собака Никонъ-то за мысъ, а то онъ доброй человѣкъ былъ. Знаю я ево“. „Умъ отнялъ у милово (т. е. царя), у нынѣшняго, какъ близь его былъ. Я вѣдь тутъ тогда былъ, все вѣдаю“, увѣряетъ онъ. „Житіе (царя) было и нарочито испервва, да расказилъ собака Никонъ еретикъ“. „И царя—тово врагъ Божій (т. е. Никонъ) омрачилъ, да къ тому величаетъ, льстя, на переносѣ: благочестивѣй-

[1]) Матер. V, 142—154.

шаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго государя нашего, такаго-сякаго, великаго,—больше всѣхъ святыхъ отъ вѣка!—да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, всегда и нынѣ и присно во вѣки вѣковъ... А царе-тъ, веть, иронически замѣчаетъ Аввакумъ, въ тѣ поры чаетъ и мнится быт-то и впрямь таковъ, святѣе его нѣтъ! А гдѣ пущи гордости той?“ Даже въ запискѣ, которая была подана собору 1667 года, Аввакумъ обвиняетъ только Никона, а царя оправдываетъ. Онъ заявлялъ: „государь нашъ царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, православенъ, но токмо простою своею душею принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая ихъ православны, не разсмотря плевелъ еретическихъ въ книгахъ, внѣшнихъ ради браней, понялъ тому вѣры, и впредъ чаю по писанному: праведникъ аще падетъ не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его“ [1]).

Свои доброжелательныя отношенія къ царю Аввакумъ измѣнилъ на рѣзко-враждебныя и оскорбительно-пренебрежительныя, когда окончательно убѣдился, что царь ему, Аввакуму, совсѣмъ не подчиняется, не желаетъ входить съ нимъ ни въ какія сношенія, что онъ всецѣло и сознательно—убѣжденно преданъ реформѣ Никона, которую онъ будетъ всячески поддерживать и укрѣплять. Тогда-то у Аввакума о царѣ, его отношеніи къ Никону и реформѣ, послышались другія рѣчи, нежели какія онъ говорилъ поэтому поводу ранѣе. Теперь Аввакумъ сталъ заявлять, что царь не былъ соблазненъ и обманутъ Никономъ, а дѣйствовалъ за одно съ нимъ вполнѣ сознательно и добровольно, только сначала изъ подтишка, а потомъ уже явно и открыто, такъ что за церковныя новшества отвѣчаетъ уже не одинъ Никонъ, но вмѣстѣ съ нимъ и въ той же степени и царь. „Во 160 году, теперь повѣствуетъ Аввакумъ, поставленъ бысть Никонъ патріархомъ при царѣ Алексіѣ: и начаша оба, патріархъ и царь, казити въ Русіи христіанскую вѣру!.. И сперва царь, до соборища того, будто и не ево дѣло, а волю Никону всю далъ, вору. Онъ же, со діяволомъ на складу, что захотѣлъ, то и дѣлалъ: въ седми лѣтѣхъ своея власти вся превратилъ въ церкви, и бысть вся горняя долу. Потомъ и соборище собра

[1]) ibid. стр. 388. VIII, 29, 35, 37. II, 22—23.

царь Алексѣй на подкрѣпленіе тоя бл.. въ лѣта та, яже Богословъ назнаменуетъ: число бо человѣческое, и число его 666... Два рога у звѣря—двѣ власти знаменуетъ: единъ побѣдитель, Никита по алфавиту, или Никонъ, а другій пособитель, Алексѣй, пишется въ книгахъ рожка круглинки въ космахъ, яко у барашка, добродѣтель знаменуетъ, льстя житіемъ, являясь добрымъ, бодый церковь рогами и уставы ея стирая... Егда любленье сотвориша, яко Пилатъ и Иродъ, тогда и Христа распяша: Никонъ побѣждать началъ, а Алексѣй пособлять исподттиха. Тако бысть иcперва. Азъ самовидѣцъ сему". Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ: „пьянъ ты, упился еси отъ жены любодѣицы, сѣдящія на водахъ многихъ и ѣздящія на звѣри червленѣ. Зѣло пряно вино и пьяно питіе у бл... Нарядна воръ-бл..ь; въ царской багряницѣ ѣздитъ и изъ золотой чаши подчиваетъ. Упоила римское царство и польское и многіе окрестные, да и въ Русь нашу пріѣхала во 160 году, да царя съ царицею и напоила: такъ онъ (т. е. царь) и пьянъ сталъ; съ тѣхъ мѣстъ не проспится; безпрестанно пьетъ кровь святыхъ свидѣтелей Ісусовыхъ". Или, напримѣръ, Аввакумъ разсуждаетъ: „нынѣ у нихъ (никоніанъ) все накось, да поперегъ; жива человѣка въ лицо святымъ называй, коли и пропадетъ. Въ помянникѣ напечатано сице: помолимся о державномъ *святомъ* государѣ царѣ. Вотъ, какъ не бѣда человѣку! А во отечникахъ писано: егда-де въ лице человѣка похвалишъ, тогда сатанѣ его словомъ предаешъ. Отъ вѣка нѣсть слыхано, кто бы себя велѣлъ въ лице святымъ звать, развѣ Навходоносоръ вавилоньскій! Да досталось ему безумному! Семь лѣтъ быкомъ походилъ по дубравѣ, траву ядяше плачучи... А то приступу не было: Богъ есмь азъ! Кто мнѣ равенъ? Развѣ Небесный! Онъ владѣетъ на небеси, а я на земли равенъ Ему! *Такъ то и нынѣ блиско тово*". Еще въ одномъ мѣстѣ Аввакумъ замѣчаетъ о царѣ: „накудесилъ много, горюнъ, въ жизни сей, яко козелъ скача по холмамъ, вѣтры гоня, облетая по аеру, яко пернатъ, ища станъ святыхъ, како бы ихъ поглотити *и во адъ съ собою свести*" [1]).

Какъ скоро Аввакумъ призналъ царя наравнѣ съ Никономъ однимъ изъ сознательныхъ виновниковъ произведен-

---

[1]) ibid. V, 229—230. VIII, 6, 36, 41.

ной церковной реформы, то ему вполнѣ естественно было признать Алексѣя Михайловича, какъ и Никона, человѣкомъ нечестивымъ, заслуживающимъ всякихъ порицаній и каръ. Прежній „благочестивѣйшій, православнѣйшій“ государь Алексѣй Михайловичъ, теперь, увѣряетъ своихъ послѣдователей Аввакумъ, находится, вмѣстѣ со всѣми властями, уже въ свитѣ самого антихриста. Вотъ какую характерную картину изображаетъ предъ нами Аввакумъ. „А я, братія моя, говоритъ онъ, видалъ антихриста—тово, собаку бѣшеную,—право видалъ, да и сказать не знаю какъ. Нѣкогда мнѣ печалну бывшу и помышляющу, какъ пріидетъ антихристъ врагъ послѣдній и коимъ образомъ, да сидя, молитвы говоря, и забыхся: понеже не могу стояти на ногахъ,—сидя молюся окаянный. А се на полѣ нечистомъ много множество людей вижу. И подлѣ меня нѣкто стоитъ. Я ему говорю: чего ради людей много въ собраніи? Онъ же отвѣща: антихристъ грядетъ, стой не ужасайся. Я подперся посохомъ своимъ двоерогимъ протопопскимъ, сталъ бодро: ано ведутъ ко мнѣ два въ бѣлыхъ ризахъ нагово человѣка,—плоть-та у него вся смрадна, зѣло дурна, огнемъ дышитъ изо рта и изъ ноздрей, изъ ушей пламя смрадное выходитъ. *За нимъ царь нашъ и власти* со множествомъ народа. Егда ко мнѣ привели его: я на него закричалъ и посохомъ хощу его бить. Онъ же мнѣ отвѣщалъ: что ты, протопопъ, на меня кричишь? Я нехотящихъ не могу обладати, но волею послѣдующихъ ми, сихъ во области держу. Да изговоря, палъ предо мною, поклонился на землю. Я плюнулъ на него, да очнулся; а самъ воздрогнулся и поклонился Господеви. И дурно мнѣ силно стало и ужасно; да нечего на то глядѣть“ [1]).

Но особенно свое грубо-циничное отношеніе „къ свѣтику“ и „миленькому“ государю Алексѣю Михайловичу Аввакумъ высказываетъ въ двухъ случаяхъ: въ посланіи къ нѣкоему Симеону и въ толкованіи притчи Господа о Лазарѣ и богатомъ. Въ посланіи къ Симеону Аввакумъ, прямо не называя себя и Алексѣя Михайловича, сопоставляетъ себя съ Николаемъ чудотворцемъ, а Алексѣя Михайловича изображаетъ подъ видомъ царя-мучителя Максимина. „Никола чудотво-

1) Матер. № 362—363.

рецъ, говорилъ Аввакумъ, и лутчи меня, со христіаны сидѣлъ пять лѣтъ въ темницѣ отъ Максиміяна мучителя; да то горкое время пережили, миленкіе, а нынѣ радуются радостію неизглаголанною и прославленною со Христомъ. А мучитель реветъ въ жупелѣ огня. На-вотъ тебѣ столовые долгіе и бесконечные пироги, и меды сладкіе, водка процѣженная съ зеленымъ виномъ! А есть-ли подъ тобою, Максиміянъ, перина пуховая и возглавіе? И евнухи опахиваютъ твое здоровье, чтобъ мухи не кусали великаго государя? А какъ тамъ с..ть-то ходишь, спальники ребята подтираютъ ли г..но-то у тебя въ жюпелѣ томъ огненномъ? *Сказалъ мнѣ Духъ Святый:* нѣтъ-де тамъ ужъ у васъ робятъ тѣхъ,—всѣ здѣсь остались, да уже-де ты и не с...шъ кушанья тово, намалѣ самаго кушаютъ черви великаго государя [1]). Бѣдной, бѣдной, безумной царишко! Что ты надъ собою сдѣлалъ? Ну гдѣ нынѣ свѣтлоблещающіяся ризы и уряженіе коней? Гдѣ златоверхіе палаты? Гдѣ строеніе селъ любимыхъ? Гдѣ сады и преграды? Гдѣ багряноносная порфира и вѣнецъ царской, бисеромъ и каменіемъ драгимъ устроенъ? Гдѣ жезлъ и мечъ, имже содержалъ царствія державу? Гдѣ свѣтлообразныя рынды, яко ангелы предъ тобою оруженосцы попархивали въ блещающихся ризахъ? Гдѣ вся затѣи и заводы пустошнаго сего вѣка, о нихже упражнялся невостягновенно. оставя Бога, яко идоломъ бездушнымъ служаше? Сего ради и самъ отриновенъ еси отъ лица Господня во адъ кромѣшный". Всю эту грубо-циничную выходку противъ „добренькаго" и „миленькаго" государя Алексѣя Михайловича, Аввакумъ заканчиваетъ такимъ достойнымъ его обращеніемъ къ царю: „Ну, сквозь землю пропадай, бл....ъ сынъ! Полно христіянъ-то мучить! Давно тебя ждетъ матица огня!" По поводу притчи Спасителя о богатомъ и Лазарѣ Аввакумъ разсуждаетъ, имѣя въ виду царя Алексѣя Михайловича: „видите ли, братіе, како смири его (богатаго) мука? Прежде даже предъ очима не видѣлъ Лазаря гнойнаго: а нынѣ зритъ издалече, и милъ ся дѣетъ ко Аврааму, а Лазарю говоритъ соромъ, понеже не сотворилъ добра ничтоже. Возми,—

1) Это мѣсто у Аввакума характерно въ томъ отношеніи, что свои грубыя и прямо циничныя картины, созданныя его больною и очень неопрятною фантазіею, онъ признаетъ за внушенныя ему Духомъ Святымъ это „сказалъ мнѣ Духъ Святый", заявляетъ онъ.

пойдетъ Лазарь въ огонь къ тебѣ съ водою! Каковъ самъ былъ милостивъ: вотъ твоему празднеству отданіе! Любилъ вино и медъ пить, и жареные лебеди и гуси, и рафленые куры: вотъ тебѣ въ то мѣсто жару въ горло, губитель души своей окаянной! Я, замѣчаетъ о себѣ Аввакумъ, не Авраамъ,—не стану чадомъ звать: *собака ты*! За что Христа не слушалъ, нищихъ (т. е. Аввакума и его друзей) не миловалъ. Полно милостивая душа Авраамъ—отъ милинкой,—чадомъ зоветъ, да разговариваетъ быть-то съ добрымъ человѣкомъ. Плюнулъ бы ему въ рожю-то и въ брюхо-то толстое пхнулъ-бы ногою! Да что говорить?—по себѣ я знаю: хотя много досадитъ никоніянинъ (разумѣется царь), да какъ пришлетъ съ лестію бывало: вѣдаю твое чистое непорочное и благоподражательное житіе, помолись обо мнѣ, и о дѣтяхъ, и благослови насъ!—такъ мнѣ жаль станетъ, плачю предъ Богомъ о немъ".—Наконецъ Аввакумъ, ссылаясь на бывшее ему отъ Бога видѣніе, уже окончательно и на всегда сажаетъ умершаго Алексѣя Михайловича прямо въ адъ. Въ посланіи къ царю Ѳеодору Алексѣевичу Аввакумъ пишетъ: „Богъ судитъ между мною и царемъ Алексѣемъ. Въ мукахъ онъ сидитъ,—*слышалъ я отъ Спаса*: то ему за свою правду. Иноземцы (т. е. греческіе іерархи на соборѣ 1667 года), что знаютъ, что велѣно, то и творили. Своего царя Константина, потерявъ безвѣріемъ, предали турку, да и моего Алексѣя въ безуміи поддержали,—костельники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!" Или, напримѣръ, толкуя псаломъ и обращаясь какъ бы къ стоящему передъ нимъ царю, говоритъ: „за что ты здѣсь отщепился отъ Христа, и пречистую икону Богородичну со престола согналъ и прочія ереси любезнѣ держалъ, а правовѣрныхъ пекъ и огнемъ палилъ? Будетъ ти и самому жарко въ день лютъ отъ Господа; а печеные те отъ вѣры живы будутъ тамъ" [1]).

Аввакумъ, до самаго послѣдняго времени, видѣлъ главную опору и защиту для себя и всего своего дѣла только въ царѣ, котораго онъ ранѣе всегда разсчитывалъ привлечь на свою сторону, почему онъ всячески и побуждаетъ царя взять въ свое исключительное вѣдѣніе всѣ церковныя дѣла и вести ихъ по своему царскому усмотрѣнію, не обращая

---

1) Матер. №, 157, 211—212, 337. VIII, 14.

вниманія на архіереевъ. Такъ въ своей челобитной государю, поданной имъ въ Москвѣ по возвращеніи изъ Сибири, онъ взываетъ: „потщися, государь, исторгнути злое ево (Никона) и пагубное ученіе, дондеже конечная пагуба на насъ не пріиде, и огнь съ небесе, или моръ древній, и прочая злая насъ не постигло. А егда сіе злое кореніе изсторгнемъ, тогда намъ будетъ вся благая, и кротко и тихо все царство твое будетъ, яко же и прежде никонова патріаршества было, и агарянскій мечъ Богъ уставитъ исподобитъ насъ получити вѣчная благая". Въ другой челобитной, поданной государю тогда же въ Москвѣ, говоритъ: „аще архіереи исправить не радятъ, поне ты, христолюбивый государь, ту церковь отъ таковыя скверны потщися очистить, да въ державѣ царствія твоего въ вѣрныхъ людехъ соблазнъ потребится, да и отъ Бога милости сподобишся". Въ посланіи изъ Пустозерска Аввакумъ рѣшительно заявляетъ царю: „все въ тебѣ, царю, дѣло затворися и о тебѣ единомъ стоитъ". Но когда наконецъ Аввакумъ увидалъ и убѣдился, что царь не только не думаетъ уничтожать „никоновы затѣйки" и возвращаться къ старому, а совершенно наоборотъ: всячески заботится объ укрѣпленіи церковной реформы и объ окончательномъ признаніи ее всею церковію, и что надежды его—Аввакума на царя никакъ не могутъ оправдаться, онъ сейчасъ же мѣняетъ свой взглядъ на отношеніе царя къ церковнымъ дѣламъ и уже заявляетъ теперь, что царь не имѣетъ никакого права и никакъ не долженъ заправлять и руководить церковными дѣлами, что это дѣло не царя, а архіереевъ. Теперь онъ сурово обращается къ царю: „въ коихъ правилахъ писано царю церковію владѣть и догматы измѣнять, святая кадить? Толко ему подобаетъ смотрить и оберегать отъ волкъ, губящихъ ея, а не учить, какъ вѣра держать и какъ персты слагать. Се бо не царево дѣло, но православныхъ пастырей и истинныхъ архіереевъ, иже души свои полагаютъ за стадо Христово" [1]).

Аввакумъ окончательно разочаровался въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ясно увидѣлъ, что тотъ твердо и неуклонно стоитъ и останется навсегда убѣжденнымъ сторонникомъ реформы Никона и никогда не воротится къ старымъ цер-

---

1) Матер. V, стр. 131, 139, 146. VIII, стр. 37—38.

ковнымъ до никоновскимъ порядкамъ. Однако это не убило вѣры Аввакума, что та церковная старина, за которую онъ борется и страдаетъ, все-таки въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ никоніанствомъ, и если не при Алексѣѣ Михайловичѣ, то при его сынѣ. При объясненіи одного псалма Аввакумъ обращается къ Алексѣю Михайловичу съ рѣчью: „перестань-ко ты насъ мучить—тово!.. Ты, пожалуй, распусти иныхъ—тѣхъ при себѣ... Сынъ твой, послѣ тебя, распуститъ же о Христѣ всѣхъ страждущихъ и вѣрныхъ (вѣрующихъ?) по старымъ книгамъ въ Господа нашего Іисуса Христа. На шестомъ соборѣ бысть же сіе,—Константинъ Брадатый проклялъ же мучителя, отца своего, еретика, и всѣмъ вѣрнымъ и страждущимъ по Христѣ животъ дарова. *Тако глаголетъ Духъ Святый мною грѣшнымъ рабомъ своимъ: и здѣсь тоже будетъ послѣ тебя!*“ Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ: „не оскудѣетъ, по словеси Божію, старое наше православіе молитвами св. отецъ, а ваше собачье никоніанское умышленіе скоро изводъ возметъ: не будетъ яко мирсина и кипарисъ, но яко невѣрія паки въ прутъ иссохнетъ и въ прахъ разыдется и провоняетъ, яко мертвый песъ. Всякъ любяй вѣру никоніанскою, не будетъ яко мирсина; никако, но яко Формосъ папа, законоположникъ римскаго стола, по смерти провонялъ и смрадомъ своимъ весь градъ огнусилъ и ко издохновенію приведъ, дандеже Стефанъ попа въ Тиверь рѣку смрадное тѣло ввергъ. Тако и нынѣшнихъ московскихъ законоположниковъ новыхъ, съ Никономъ врагомъ, ввержетъ послѣдній родъ въ Москву рѣку, и прахъ ихъ лопатами загребутъ—бл.....ъ дѣтей, провонялыхъ душъ. Адомъ воняютъ всѣ, не лгу никакъ, я ихъ знаю, водился съ ними“ [1]). Эта вѣра Аввакума, что его дѣло въ концѣ несомнѣнно восторжествуетъ, была безусловна необходима въ его положеніи, такъ какъ страдать и бороться совсѣмъ даромъ, за дѣло уже совершенно проигранное, было бы невозможно, какъ ему невозможно было бы, безъ такой увѣренности, смѣло и спокойно взойти на костеръ.

Въ лицѣ протопопа Аввакума, во главѣ защитниковъ старины, сталъ теперь самый крайній, неуступчивый, самый

---

[1]) Ibid. VIII, 45. А. К. Бороздина: Протопопъ Аввакумъ, прилож. стр. 56—57, изд. 1900 г.

фанатичный и, въ то же время, менѣе другихъ культурно развитый человѣкъ, съ крайне узкимъ и одностороннимъ кругомъ воззрѣній и пониманія, совершенно неспособный отнестись къ несоглашающимся съ нимъ сколько нибудь спокойно, объективно, а тѣмъ болѣе справедливо, или даже просто безпристрастно. Если царь Алексѣй Михаиловичъ употреблялъ съ своей стороны всѣ усилія ту пропасть, какая тогда уже стала образовываться между православною церковію и сторонниками стараго обряда, всячески сузить, заполнить, а въ концѣ и совсѣмъ уничтожить; то протопопъ Аввакумъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ усилія, пускалъ въ ходъ всѣ средства всячески расширить и углубить эту пропасть, чтобы и въ будущемъ, а если возможно, то и навсегда, сдѣлать ее непроходимою ни для той, ни для другой стороны.

Ко всей православной, или какъ выражается Аввакумъ, никоніанской церкви, онъ относится всецѣло отрицательно, съ нескрываемымъ презрѣніемъ и ненавистію. Онъ въ ней видитъ не церковь, а какой-то, по его выраженію, „разбойничій вертепъ“, собраніе или совокупность всего, что отъ начала создавала въ христіанской церкви гнилая, все развращающая и растлѣвающая еретичествующая мысль человѣка; православная церковь, по Аввакуму, это какой-то зловредный, гнойный нарывъ, въ которомъ скопились всѣ болѣзненныя тлетворныя соки, отбрасываемыя здоровымъ организмомъ. „Какъ не бѣда содѣяся въ земли нашей? говоритъ Аввакумъ. Всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси собраны въ новыя книги: духу лукавому напечатали молиться, въ томъ же крещеніи сатаны не отрицаются, и около купели противъ солнца кружаютъ, и церкви святятъ такоже противъ солнца, со образы и крыжами ходятъ“ и т. д. „Чему быть? спрашиваетъ Аввакумъ и отвѣчаетъ: что велитъ діаволъ, то (никаніане) и дѣлаютъ!.... Апостоли и 7 соборовъ святыхъ отецъ, и пастыри и учители о Святѣмъ Дусѣ исполнили святую церковь догматовъ, украсивъ ю яко невѣсту, кровію своею со Христомъ запечатавъ, намъ предали, а антихристова чадь (т. е. никоніане) и разграбили, зѣло люто разорили, и крестъ съ маковицъ Христовъ стащили трисоставный, и поставили крестъ латынской четвероугольный, а съ церкви—той все выбросали, и жертву премѣнили, молитвы

и пѣніе, все на антихристово лицо устроили. Чему быть? Дѣти его; отцу своему угладили путь. Аще и не пришелъ еще онъ,—послѣдней чортъ, но скоро уже будетъ. Все изготовили предотечи его, и печатаютъ людей — тѣхъ бѣдныхъ слѣпыхъ тремя персты и развращенною малаксою". „Зѣло бо огорчиша церковь Божію и общую матерь нашу догматы незаконными: вся бо отъ вѣка ереси внесоша въ ню, о нихже ми не достанетъ лѣто повѣствующу. Закалаютъ бо агнецъ неправедный, еже дѣйство льсти литоргейное; отнюдь бо православному христіанину ихъ служенія не подобаетъ причащатися: суетно бо кадило и мерзко приношеніе, понеже бѣсомъ жрутъ никоніяня, а не Богови". „А треперстная бл..ь, проповѣдуетъ протопопъ Аввакумъ, еже сице слагаютъ (персты), явна бѣ въ Апокалипсисѣ: изъ нея бо исходятъ три духи нечисты и вселяются въ поганую душу, — преводне рещи—три жабы, или три лягушки, и оскверняютъ человѣка. Всякъ бо, крестяся тремя персты, кланяется первому звѣрю—папежу, и второму—русскому, творя ихъ волю, а не Божію; или рещи: кланяется и жертвуетъ душею тайно антихристу и самому діяволу. Въ нейже бѣ, щепоти, тайна тайнамъ сокровенная: змій, звѣрь и лжепророкъ, сирѣчь: змій—діяволъ, а звѣрь царь лукавый (т. е. Алексѣй Михаиловичъ), а лжепророкъ—папежъ римскій и прочіи подобни имъ. Да полно о томъ бесѣдовать: возми ихъ чортъ!... Никонъ, съ выблядками своими, не святѣй Троицѣ (покланяется), но скверной троицѣ: змію и звѣрю и лживу пророку. Нѣсть ваша чиста и свята жертва, нѣсть, но скверна и прескверна и противна. Вѣси ли, чему подобенъ агнецъ вашея жертвы? спрашиваетъ изступленный фанатикъ, и отвѣчаетъ: разумѣй, яже глаголю: *подобенъ есть псу мертву* и повержену на стогнахъ града, *а и храмъ* вашего священія *подобенъ разбойничу вертепу.* Не подобаетъ тамо правовѣрному христіанину ни на прагъ храма вашего возступити, идѣже Отецъ ругаемъ, и Сынъ хулимъ бываетъ, и Духъ Святой, Господь истинный и животворящій, отметаемъ есть; не подобаетъ никакоже самоволнѣ себе *въ пропасть сію* ринути и стремнину пометатися. А въ крещенскихъ молитвахъ написали: молимся тебѣ, Господи, душе лукавый, яко помраченіе помысломъ новодяй. Во-то,—тута чорта господомъ называютъ, и молятся ему за то, что омрачаетъ помыслы!... Ихъ причастіе-то емко, — что

мышьякъ, или сулема, во вся кости и мозги пробѣжитъ скоро, до членовъ же и мозговъ и до самыя души лукавой промчитъ: отдыхай—пѣть послѣ въ геннѣ огненнѣй и въ пламени горящемъ стони, яко Каинъ, необратной грѣшникъ!" У извѣстной сторонницы старообрядства и великой почитательницы протопопа Аввакума, боярыни Морозовой, когда она находилась въ заключеніи, умеръ ея маленькій сынъ Иванъ. Аввакумъ, въ своемъ посланіи къ Морозовой, утѣшаетъ скорбѣвшую о сынѣ мать: „а что петь о Иванѣ - то болно сокрушаешься? Главы не сохранилъ! Полно-су плюскать-то, Христа для!.. Какъ то надежа — свѣтъ — Христосъ изволилъ! То бы по твоему добро, кабы на лошадяхъ-те безъ тебя ѣздить сталъ, да бабъ-де воровать?... А то дорогое дѣло—поновому робенка причастили! Велика бѣда, куды! Онъ и не знаетъ, ни вѣдаетъ въ печалѣхъ въ то время, что надъ нимъ кудесили бл....ы они дѣти... Собаки опоганили при смерти, такъ у матушки и брюхо заболѣло: охти мнѣ,—сына опоганили! во адъ угодилъ! Не угодилъ,—не суетися!" [1]). Такимъ образомъ, протопопъ Аввакумъ относится къ православной, или по его терминологіи, никоніанской церкви, не только презрительно и съ ненавистію, но сознательно кощунственно и намѣренно цинично, стараясь, въ глазахъ своихъ послѣдователей, всячески осмѣять и опошлить самое святое и дорогое для всякаго христіанина: таинства и всѣ священнодѣйствія церкви. „Ну и церковь—ту подъ гору со всѣми!"—вотъ тотъ выводъ, къ какому онъ приходитъ изъ разсмотрѣнія своихъ возможныхъ для него отношеній къ православной церкви.

Точно также въ высшей степени презрительно и безусловно отрицательно протопопъ Аввакумъ относится и ко всѣмъ вообще тогдашнимъ іерархамъ русской церкви, какъ попустителямъ и стороникамъ никоновской реформы. Въ посланіи къ царю Ѳеодору Алексѣевичу изъ Пустозерска Аввакумъ въ такихъ словахъ выражаетъ свой общій взглядъ на тогдашнее положеніе русской іерархіи: „столпи поколебашеся навѣтомъ сатаны, патріарси изнемогоша, святителіе падоша и все священство еле живо, Богъ вѣсть, али и умроша". Въ другомъ случаѣ Аввакумъ поучаетъ царя, что ему въ дѣлахъ вѣры слѣдуетъ слушать православныхъ и

---

[1]) Матер. V, 186, 361. VIII, 67, 73—75. V, 177—178.

истинныхъ архіереевъ, „а не тѣхъ, глаголю, пастырей слушать, иже и такъ и сякъ готовы на одномъ часу перевернуться. Сіи бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинныхъ кровь проліяти и исповѣдниковъ православныя вѣры во огнь всаждати. Хороши законоучители! Да што на нихъ! Таковыя нарокомъ наставлены, яко земскія ярыжки,—что имъ велятъ, то и творятъ. Только у нихъ и вытвержено: а - се, государь, во - се, государь, добро, государь". Или, напримѣръ, Аввакумъ обращается къ государю: „я, бѣдной, тебѣ ворчу,—архіереи же не помогаютъ мнѣ, злодѣи, но токмо потакаютъ лише тебѣ: жги, государь христіанъ—тѣхъ; а намъ какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны, хотя медвѣдя дай намъ въ олтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лише намъ погребы давай, да кормы съ дворца. Да, право, такъ. Не лгу". Въ посланіи къ неизвѣстному Аввакумъ говоритъ: „али ты чаешь, потому святы нынѣшнія законоположники власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ; да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ по скотски и ко всякому беззаконію ползки. Или на то глядишь, что они воздыхаютъ? Не гляди на вздохи-те ихъ. Воздыхаетъ чернецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докупится великія степени, вотъ ужо и воздыхать перестанетъ; а буди и вздохнетъ, и онъ ласкосердствуетъ, лститъ мира, показуя себе свята, а внутрь діяволъ. Павелъ крутицкій и Иларіонъ резанскій горазды были сему рукодѣлію, да и всѣ однаки власти-те кромѣ избранныхъ, да лихо су избраннымъ тѣмъ и тѣсно бѣднымъ бываетъ отъ нихъ. Повертится, что перплица, да и онъ туды же склонится бѣдной: воля-де Божія, не одинъ-де я по сей колесницѣ ѣду; гдѣ же де дѣтца? А чортъ-ли билъ въ зашей? Ино было и не искать величества, да жить пониже, такъ бы душѣ здоровіе было". При такомъ представленіи о тогдашнихъ архіереяхъ, вполнѣ понятны такія завѣренія со стороны Аввакума, что „на нихъ на ослахъ еретики-те ѣдутъ на владыкахъ—тѣхъ", что они „словомъ духовніи, а дѣломъ бѣсы: все ложъ, все обманъ. Какой тутъ Христосъ? Ни близко. Но бѣсовъ полки" [1]).

---

[1]) Матер. V, 156, 246. VIII, 38, 48, 60. А. К. Бороздина: Прот. Аввакумъ, прил. стр. 33—34. Изд. 1900 г.

Эти свои общія сужденія о современныхъ ему архіереяхъ Аввакумъ иллюстрируетъ разсказами о нѣкоторыхъ изъ нихъ, разсказами, не столько иногда характерными для тогдашнихъ архіереевъ, сколько для самого разскасчика Аввакума. Конечно прежде всѣхъ и больше всѣхъ достается отъ Аввакума Никону, о которомъ онъ совсѣмъ не можетъ говорить хотя бы сколько нибудь спокойно, безъ брани, безъ самыхъ рѣзкихъ и очень грубыхъ выходокъ.

Аввакумъ очень мало и даже почти совсѣмъ не зналъ дѣйствительнаго Никона, такъ какъ лично мало встрѣчался съ нимъ. Когда Аввакумъ изъ Юрьевца переселился въ Москву, тамъ уже Никона не было, такъ какъ онъ, въ качествѣ новгородскаго митрополита, жилъ тогда въ Новгородѣ и Аввакуму встрѣчатся съ нимъ было негдѣ. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, сразу пересталъ пускать своихъ бывшихъ друзей и въ крестовую, и Аввакумъ не могъ лично и непосредственно наблюдать и изучать его, такъ какъ былъ далекъ отъ него. При Никонѣ патріархѣ Аввакумъ прожилъ въ Москвѣ только годъ съ небольшимъ, и затѣмъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ одинадцать лѣтъ. Очевидно Аввакумъ не только лично мало зналъ Никона, но и совсѣмъ не видалъ и не былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ его реформаторской дѣятельности, которая началась только съ собора 1654 года, когда Аввакумъ уже находился въ ссылкѣ. Значитъ, Аввакумъ составлялъ свое представленіе о Никонѣ реформаторѣ только по слухамъ, какіе тогда доходили къ нему въ Сибирь, почему онъ нигдѣ, въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, и не говоритъ о постепенномъ, послѣдовательномъ ходѣ церковной реформаторской дѣятельности Никона, о бывшихъ при немъ, по разнымъ случаямъ, многочисленныхъ соборахъ и ихъ постановленіяхъ, объ участіи въ его реформахъ самихъ восточныхъ патріарховъ и другихъ восточныхъ іерарховъ—вообще нигдѣ ни разу онъ не пытается прослѣдить реформаторскую дѣятельность Никона исторически, разобрать и оцѣнить тѣ условія и обстоятельства, при которыхъ она возникла и совершалась. Правда Аввакумъ увѣряетъ, что онъ зналъ хорошо Никона еще на его родинѣ, бывшей отъ родины Аввакума только въ пятнадцати верстахъ, когда онъ назывался еще Никитою и „дѣтинка—бродяга былъ“. Но и здѣсь Никонъ извѣстенъ

ему, по его собственнымъ словамъ, только какъ какая-то очень сомнительная помѣсь не то черемиса съ русскою, не то черемиса съ татаркою; достовѣрно же онъ знаетъ только, что Никита еще съ дѣтства научился будто бы кудесничеству и чародѣйству, такъ какъ на его родинѣ чародѣевъ и кудесниковъ было очень много. И вотъ, возвѣщаетъ Аввакумъ, „Никитка (т. е. Никонъ) колдунъ учинился, да бабъ блудить научился, да въ Желтоводіе (Желтоводскій монастырь) съ книгою повадился (онъ дѣтинка бродяга былъ), да выше, да выше, да и къ чертямъ попалъ въ атаманы, а нынѣ яко кинопсъ волхвуя, уже пропадетъ скоро и память его съ шумомъ погибнетъ". Понятно, что такъ подготовленный Никонъ, этотъ, по выраженію Аввакума, „носатый и брюхатый, борзой кобель, отступникъ и еретикъ", „Никонъ пресквернѣйшій", „любимый антихристовъ предтеча", „шишъ антихристовъ, бабо...бъ, плутишка" и прямо „сынъ дьявола", сдѣлался потомъ, ставъ „выше, да выше", соблазнителемъ и губителемъ всѣхъ вѣрныхъ, начиная съ самого царя. Никонъ, завѣряетъ хорошо будто бы знающій его Аввакумъ, „сынъ онъ дьяволь, отцу своему сатанѣ работаетъ, и обѣдни ему по воли его строитъ, надъ просвирою — тою молитву батьку—тому своему (т. е. сатанѣ) говоритъ передъ переносомъ—тѣмъ. Знаешь, любимый даръ среди обѣдни-то счинитъ, да кого жалуетъ—любитъ, тѣхъ и причащаетъ тѣмъ, соверша обѣдню. Да и масломъ мажетъ причасниковъ своей скверне, прибѣгшихъ къ его милости. Самъ государь трудится святитель: какъ лишиться такой святыни! Да такъ-то мѵромъ мажетъ и сквернитъ; да такая бѣда,—кого помажетъ, тотъ и измѣнится умомъ тѣмъ. Явно омрачаетъ. Али антидоромъ тѣмъ накормитъ, такъ и пошелъ по немъ".—„Оступникъ Никонъ съ товарищи, увѣряетъ Аввакумъ, всѣхъ тщится перемазать сквернами любодѣянія своего, да отведетъ отъ Бога великія и малыя, богатыя и убогія, смиренныя и нищія, старыя и младыя, юноши и дѣвы и ссущія сосца матерня младенца,—всѣхъ сихъ еретикъ ищетъ погубить и ко дьяволу подклонить" [1].—Вообще Аввакумъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ только констатируетъ тотъ фактъ, что Никонъ кудесникъ, мерзкій еретикъ, бого-

---

[1]) Матер. V, 368. VIII, 6, 29, 34 и др.

отступникъ, сынъ дьявола, предтеча антихриста, слуга самого сатаны; онъ только всячески и очень неприлично его ругаетъ; но нигдѣ однако при этомъ не объясняетъ: по какимъ побужденіямъ и какимъ образомъ Никонъ, котораго всетаки сколько нибудь зналъ Аввакумъ и даже за кандидатуру котораго въ патріархи онъ добровольно подписался подъ челобитной царю,—могъ сдѣлаться еретикомъ, слугою сатаны, предтечею антихриста, сознательнымъ губителемъ вѣковаго русскаго православія? Что Никонъ еще отъ юности былъ кудесникъ и чародѣй,—эта сказка Аввакума только еще болѣе служитъ доказательствомъ, что Аввакумъ не зналъ дѣйствительнаго, историческаго Никона, что онъ былъ безсиленъ и неспособенъ хотя сколько нибудь понять и объяснить естественнымъ путемъ возможность появленія у насъ Никона—реформатора. Несомнѣнно одно: Никонъ изъ живаго историческаго лица, какимъ онъ, напримѣръ, являлся у Неронова, у Аввакума совсѣмъ превращается въ какое-то чисто мистическое и легендарное существо. Больное воображеніе Аввакума создало ему своего собственнаго Никона, такъ мало похожего на Никона дѣйствительнаго, и съ этимъ своимъ — аввакумовскимъ Никономъ, онъ носится всюду, вездѣ выставляетъ его какъ дѣйствительнаго Никона, даже совсѣмъ не замѣчая совершаемой имъ подмѣны, такъ какъ самъ вѣруетъ въ реальную истинность и дѣйствительность созданія своей фантазіи. Отсюда сомо собою получается, что когда Аввакумъ борется съ Никономъ, то въ существѣ дѣла онъ борется не съ дѣйствительнымъ историческимъ Никономъ, а только съ созданіемъ своей собственной фантазіи. Въ представленіи Аввакума эта борьба была ни болѣе ни менѣе какъ борьбою съ самимъ дьволомъ, только порожденіемъ и орудіемъ котораго былъ Никонъ. Борясь съ Никономъ, кудесникомъ, еретикомъ и сыномъ дьявола, Авакумъ на самомъ дѣлѣ боролся, по его глубокому убѣжденію, съ самимъ сатаною, и своею борьбою спасалъ родную Русь и всѣхъ своихъ „миленькихъ“ отъ хитро разставленныхъ сѣтей дьявола. Понятенъ отсюда весь задоръ и вся крайняя несдержанность Аввакума относительно Никона: въ борьбѣ съ самимъ дьяволомъ нечего церемониться въ выборѣ средствъ,—тутъ всѣ средства хороши, лишь бы только онѣ достигали цѣли: спасали истинно вѣрующихъ отъ уготован-

ной имъ діаволомъ вѣчной гибели. Понятно отсюда также и то, что вся борьба Аввакума съ Никономъ,—созданіемъ его собственной фантазіи, была борьбою очень странною, борьбою не съ реальною дѣйствительною опасностію православію, а съ опастностію только воображаемою, борьбою съ грезами и галюцинаціями своего собственнаго до болѣзненности напряженнаго воображенія. А между тѣмъ на эту борьбу Аввакумъ затратилъ всю свою некороткую жизнь, всѣ свои силы и недюженныя природныя способности, терпѣлъ изъ за нея всевозможныя лишенія и страданія и закончилъ ее мученически—на кострѣ.

Кромѣ Никона Аввакумъ нападаетъ и на нѣкоторыхъ другихъ архіереевъ. Такъ про Іону, митрополита ростовскаго, разсказываетъ, что будто бы „медвѣдя Никонъ, смѣяся, прислать Іонѣ ростовскому на дворъ, и онъ челомъ медвѣдю,—митрополитишко, законоположникъ! А тутъ же въ сонмищѣ съ палестинскими сидитъ, бытто знаетъ!“ Къ своему земляку и бывшему пріятелю Иларіону, архіепископу рязанскому, Аввакумъ обращается съ такою рѣчью: „Мелхиседекъ прямой былъ священникъ, не искалъ ренскихъ и романей, и водокъ и винъ процѣженныхъ, и пива съ кардамономъ, и медовъ лимоновыхъ и вишневыхъ, и бѣлыхъ разныхъ крѣпкихъ. Иларіонъ мой другъ, архіепископъ резанскій! Видишь ли, какъ Мелхиседекъ жилъ? На вороныхъ въ каретѣ не тѣшился, ѣздя! Да еще былъ царскіе породы. А ты кто? Воспомяни-тко, Яковлевичъ попенокъ! Въ карету сядетъ, растопыршится, что пузырь на водѣ, сѣдя на подушкѣ (расчесавъ) волосы, что дѣвка, да ѣдетъ, выставя рожу, на площадѣ, чтобы черницы—волухи—унеятки любили. Охъ, охъ, бѣдной! Не кому по тебѣ плакать! Недостоинъ вѣкъ твой весь Макарьевскаго монастыря единыя нощи. Помнишь-ли, какъ на комарахъ—тѣхъ стаивано на молитвѣ? Явно ослѣпилъ тебя діаволъ! Гдѣ ты умъ дѣлъ? Столько добра и труда погубилъ!.. Ты, мила голова, нарочитъ бывалъ и бѣсовъ молитвою прогонялъ! Помнишь, каменіемъ—тѣмъ тебя бросали на Лысковѣ у мужика-тово, какъ я къ тебѣ пріѣзжалъ? А нынѣ ты уже содружился съ бѣсами—тѣми, мирно живешь, въ коретѣ съ тобою жъ ѣздятъ, и въ соборную церковь и вверхъ къ царю подъ руки тебя водятъ, любимъ бо еси имъ. Какъ тебя не любить? Столько христіянъ при-

жегъ и пригубилъ злымъ царю наговоромъ своимъ, еще же и ученіемъ своимъ льстивымъ и пагубнымъ многихъ неискусныхъ во адъ сведе! Никто же инъ отъ властей, якоже ты, ухищреніемъ басней своихъ и пронырствомъ царя льстишъ и люди Божія губишь. Да воздастъ ти Господь по дѣломъ твоимъ въ день страшнаго суда! Полно говорить". Аввакумъ передаетъ разсказъ своего ученика, юродиваго Өедора, который ему сообщалъ: „былъ-де я на Резани подъ началомъ, у архіепископа на дворѣ, и зѣло-де онъ, Иларіонъ, мучилъ меня,—рѣткой день плетьми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждалъ къ новому антихристову таинству".—Про крутицкаго митрополита Павла Аввакумъ заявляетъ, что „тотъ не живалъ духо́вно,—блинами все торговалъ, да оладьями, да какъ ученился попенкомъ, такъ по боярскимъ дворамъ блюда лизать научился: не видалъ и не знаетъ духовнаго житія". Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ замѣчаетъ: „а о Павлѣ Крутицкомъ мерзко и говорить: тотъ явной любодѣй, церковной кровоядецъ и навадникъ, убійца и душегубецъ: Анны Михайловны (Ртищевой) любимой владыка, подпазушной песъ борзой, готовъ заяцовъ Христовыхъ ловить и въ огонь сажать". Иларіонъ и Павелъ, по порученію государя, не разъ уговаривали Аввакума соединиться съ церковію и вступали, по этому поводу, въ состязанія съ нимъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „азъ съ кабелями тѣми грызся, яко гончая собака съ борзыми, съ Павломъ и Иларіономъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, обращаясь къ этимъ іерархамъ: „помните-ли?—На сонмищѣ той лукавой, предъ патріархами вселенскими, говорите мнѣ Иларіонъ и Павелъ: Аввакумъ милой, не упрямся, что ты на русскихъ святыхъ указываешь, глупы наши святые были и грамотѣ не умѣли, чему имъ вѣрить! Помните, чего, не забыли, какъ я бранить сталъ, а вы меня бить стали, разумныя свиньи? Мудрены вы со дьяволомъ! Нечего много говорить и разсуждать. Да нечего у васъ и послушать доброму человѣку: все говорите, какъ продавать, какъ покупать, какъ ѣсть, какъ пить. А иное и молвить срамно, что вы дѣлаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бл....и, митрополиты и архіепископы—никоніяня, воры, прелагатаи, другія нѣмцы русскія". Павелъ и Иларіонъ возбуждали къ себѣ особую ненависть Аввакума тѣмъ обстоятельствомъ, что они были са-

мыми убѣжденными, энергичными и дѣятельными сторонниками и проводниками въ обществѣ реформы Никона, а вмѣстѣ съ тѣмъ они были болѣе передовыми, сочувствовавшими насажденію у насъ науки и образованности, іерархами. О послѣднемъ, очень важномъ для тогдашняго московскаго передоваго общества обстоятельствѣ, свидѣтельствуетъ невольно самъ Аввакумъ. Про Иларіона онъ разсказываетъ: „нѣкто гречинъ архимандритъ Діонисій учитъ Иларіона архіепископа рязанскаго греческимъ буквамъ, реку и нравомъ, внѣшняя мудрствующимъ. Болѣзнуя жъ, рекохъ владыкѣ сему, древнія ради любви съ нимъ: владыко святый, у зазорна человѣка учишся! понеже слышахъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что софѣйской попъ Ирадіонъ извѣщалъ на него вамъ святителямъ, что онъ, архимадритъ, нѣкоего подяка... У нихъ то, грековъ, недиковина... Не добра похвала—-такой воръ и ругатель великія Россіи святителя учитъ! И архіепископъ Иларіонъ въ то время зѣло кручиненъ былъ“. Про Павла крутицкаго Аввакумъ говоритъ, толкуя одно мѣсто изъ книги Премудрости Соломона: „кую премудрость, глаголетъ, взыщите? Ту ли, еяже любитъ Павелъ митрополитъ и прочіи его товарищи, зодійщики? Со мною онъ, Павелъ безумный, стязаяся, глаголющи: велѣно-де, протопопъ, научитися премудрости алъманашной и звѣздочетію, писано-де: взыщите премудрость, да поживете. Не знаетъ писанія, дуракъ, ни малехонько! Какъ быть,—на нихъ на ослахъ еретики-те ѣдутъ на владыкахъ тѣхъ!“ [1]).

Изображая въ такихъ крайне непривлекательныхъ и позорныхъ чертахъ тогдашнихъ лучшихъ нашихъ церковныхъ іерарховъ, Аввакумъ взываетъ наставительно къ своимъ послѣдователямъ: „горе, горе, братія, времени сему и намъ живущимъ! Яко духовни учители немилосердіи, злы, піяницы и гордіи, творятъ развращенная, и церковь Христову возмутили, и насъ, правовѣрныхъ, оскорбляютъ и мучатъ злѣ: юзами темничными, и всякими ранами, и біеніемъ, и морятъ голодомъ, заключенны, аки злодѣи, въ темницахъ,—за самую истину и за вѣру Іесусъ Христову. Предаютъ намъ инако вѣровати, новыя законы, новыя книги со многими ихъ умышленными ересьми, на пагубу роду христіанскому;

---

[1]) Матер. V, 74, 137—138, 157, 300—301, 342—344. VIII, 38, 50—60.

прелстилъ бо ихъ и обманулъ сатана, оставили бо свѣтъ, возлюбили тьму, и вся святыя догматы развратили по своему умышленію, и церковь святую разрушили и насъ—правовѣрныхъ возмутили, и самоволно приступили ко антихристу. Явѣ есть, яко уготоваютъ путь къ пришествію его: и се духовное пришествіе его, по писанію утаено неразумѣвающимъ, оказалося и есть... О горе, горе и увы братіе! яко время зло наступило на ны, и горе пріемлющимъ отъ нынѣшнихъ піяныхъ учителей и споспѣшниковъ антихристовыхъ новые законы, новыя книги. Отъ сего сохрани насъ Христосъ, Сынъ Божій! Якоже видимъ нынѣшнія мнимыя духовницы пастыри, яко аспиды глухія, заткнуша уши свои, не хотятъ слышати о истинѣ, ухищряютъ и прельщаютъ своими ересьми сердца несмысленныхъ, и влекутъ съ собою во адъ преисподній и во огнь геенскій. Блюдитеся, молю вы, отъ таковыхъ, и не сообщайтеся неподобнымъ и темнымъ дѣломъ ихъ“ [1]).

Вслѣдъ за архіереями Аввакумъ осыпаетъ грубой, площадной бранью и всѣхъ никоніанъ т. е. всѣхъ членовъ православной церкви, къ которымъ онъ осносится съ величайшею ненавистію и презрѣніемъ. Для него всѣ никоніане—это что-то такое не выразимо скверное, нечистое и крайне зловредное, что возбуждаетъ въ немъ только негодованіе, отвращеніе и гнѣвъ. Вотъ какъ въ своихъ сочиненіяхъ онъ отзывается о никоніанахъ и какіе эпитеты всегда прилагаетъ къ нимъ: „Отпиши ко мнѣ, какъ живутъ отщепенцы, бл...ы дѣти, новые уніаты, кои въ рогахъ ходятъ, понеже отецъ ихъ діаволъ, бл...и и лжи начальникъ, ихъ тому научилъ—лгать и прельщать народы“.—„Охъ, собаки! что вамъ старина-та помѣшала? развѣ то тяжко, что блудить не велятъ старыя святыя книги. Блуди, собака, блуди, отступникъ, бабъ уніятокъ, а не замай старыхъ святыхъ непорочныхъ книгъ пречистыхъ“.—Скажи-тко, никоніанинъ, скажи: какъ не сугубъ? Богоборцы, воры, бл...ы дѣти!.. Не подобаетъ съ вами, поганцами, намъ вѣрнымъ и говорить много!“ „Посмотри-тко на рожу-ту и на брюхо-то (на иконахъ франкскаго письма), никоніянинъ окаянной, — толстъ вѣдь ты! Какъ въ дверь небесную вмѣститися хощешь! Узка бо есть,

---

[1]) А. К. Бороздина: прот. Аввакумъ, прил. стр. 68, изд. 1900 г.

и тѣсенъ и прискорбенъ путь вводяй въ животъ. Нужно бо есть царство небесное и нужницы восхищаютъ е, а не толстобрюхіе. Воззри на святыя иконы и виждь угодившія Богу, како добрыя изуграфы подобіе ихъ описуютъ: лице, и руцѣ, и нозѣ и вся чувства тончава и измождала отъ поста, и труда, и всякія находящія имъ скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ перемѣнили, пишите таковыхъ же, яко вы сами: толстобрюхихъ, толсторожихъ, и ноги и руки яко стулцы у кажнова святаго."—„Никоніане сыны діяволу: понеже не любятъ Христа и божественнаго его креста".—„Видиши-ли, отступниче—поползуха? Что ракъ ползаешъ въ вѣрѣ—той, и такъ, и сякъ, и инакъ!"—„Видиши-ли, никоніянинъ, что вы дѣлаете, надъ одною просфирою кудѣсите,—дыръ 300 навертишь! Охъ, собаки! Перемѣнили преданіе святыхъ отецъ, и пять просфиръ вмѣсто семи возлюбили".—„Богородицу со престола согнали никоніяне—еретики, воры, бл...ы дѣти. Да еще бы не горько христіанину!"—„Воры, воры, бл...ы дѣти! Какъ вамъ себя не соромъ! Іудейская вся возлюбили... Да помните себѣ, что я говорю: пропасть и вамъ за собакъ мѣсто! Ждетъ васъ Богъ на обращеніе; не узнаетеся враги креста Христова, сластолюбцы, блудодѣи, осквернившіе ризу крещенія, убійцы и прелюбодѣи, пьяницы и непрестаемаго грѣха желатели".—Своихъ послѣдователей Аввакумъ поучаетъ: „а что много говорить?—не водись съ никоніяны, не водись съ еретиками: враги онѣ Богу и мучители христіяномъ, кривоносы, душегубцы!" Впрочемъ разъ Аввакумъ выразилъ даже заботу объ обращеніи никоніанъ, но сдѣлалъ это, по обычаю, очень своеобразно—по аввакумовски. Въ одномъ мѣстѣ онъ взываетъ: „никоніяня—дураки! Съ Павломъ вамъ говорю: образумтеся!"—И только [1]).

Приведенныя нами потоки отборной ругани, всѣ злобныя, незнающія мѣры, выходки противъ никоніанъ, проклятія ихъ, признаніе ихъ сынами и слугами самаго сатаны, вызваны у Аввакума единственно тѣмъ, что со времени Никона православные стали креститься не двумя, какъ ранѣе, перстами, а тремя, стали называть Христа Іисусъ, вмѣсто стараго—Ісусъ, стали употреблять четвероконечный крестъ, не отрицая въ тоже время и восьмиконечнаго, стали трегубить, а

[1]) Матер. V, 161, 186, 190, 300, 309, 341, 365, 371. VIII, 28, 87 и др.

не сугубить аллилуiю, служить на пяти, а не на семи просфорахъ, перемѣнили форму монашескаго клобука и т. под. И только единственно за эти незначительныя обрядовыя перемѣны, совершенно безразличныя для вѣры и благочестія, Аввакумъ и признаетъ православныхъ самыми злыми еретиками, даже не христіанами, а слугами антихриста и самаго сатаны. Какое однако сказывается во всемъ этомъ убожество мысли, знанія, пониманія... Считавшій себя великимъ знатокомъ всего божественнаго, самыхъ сокровенныхъ божественныхъ тайнъ, непонятныхъ для другихъ, но ему открытыхъ, Аввакумъ въ дѣйствительности не зналъ и не понималъ, въ чемъ состоитъ и какъ устрояется на землѣ истинная церковь Христова, откуда и какъ произошли въ ней тѣ или другіе обряды, какое они имѣютъ въ ней значеніе, какъ относяться къ ея вѣроученію и т. под. Всѣ эти вопросы лежали внѣ сферы знаній и пониманія Аввакума, и даже совсѣмъ не возникали у него, хотя обрядъ и составлялъ сущность, все содержаніе его вѣрованій, всю душу его религіозной жизни. Нельзя не признать, что Аввакумъ, въ этомъ отношеніи, былъ самымъ типичнымъ и яркимъ выразителемъ тогдашняго общерусскаго пониманія православія и правовѣрія: твердо и непоколебимо, не смотря на преслѣдованія и гоненія, стоялъ онъ, защищая малѣйшую черточку самаго незначительнаго и безразличнаго самаго по себѣ обряда и даже просто помѣстнаго церковнаго обычая; готовъ былъ всячески пострадать и дѣйствительно страдалъ за эти безразличныя обрядовыя мелочи и черточки, не шелъ относительно измѣненія ихъ ни на какія уступки и компромиссы. Но, кичась тѣмъ, что онъ будто бы отлично знаетъ, почему намъ нужно обязательно употреблять восьмиконечный, а не четвероконечный крестъ, почему настоящую обѣдню нужно служить только на пяти, а никакъ не на семи просфорахъ и т. д., онъ, въ тоже время, грубо-еретически училъ объ основномъ и главнѣйшемъ догматѣ христіанства—о Святой Троицѣ, заблуждался относительно православнаго ученія о сошествіи Іисуса Христа во адъ, встрѣчая случайную опечатку въ старопечатныхъ книгахъ, вѣрилъ и въ опечатку, не смотря на очевидную получавшуюся отсюда безсмыслицу,—такъ написано въ святой книгѣ, значитъ, такъ нужно и вѣрить, неразсуждая. Конечно, еретическое

ученіе Аввакума о Св. Троицѣ, неправославное его ученіе о сошествіи Іисуса Христа во адъ, его защита самыхъ опечатокъ въ старопечатныхъ книгахъ, не были слѣдствіемъ его сознательной, еретичествующей мысли, желанія имѣть, по какому либо пункту церковнаго ученія, свое собственное, несогласное съ церковію мнѣніе; все это было только выраженіемъ немощности и убожества его общаго христіанскаго развитія и пониманія, полнаго отсутствія у него высшаго круга христіанскихъ знаній и идей, его неспособности и не умѣнья мыслить отвлеченно, о предметахъ выходящихъ изъ сферы его непосредственнаго наблюденія, стоящихъ внѣ обыденныхъ, вседневныхъ окружающихъ его житейскихъ явленій. Относительно послѣднихъ онъ всегда проявляетъ тонкую наблюдательность, почему постоянно и мыслитъ самыми реальными образами и картинами, выхваченными имъ изъ обиходной жизни. Къ этому нужно прибавить и то, что Аввакумъ былъ человѣкъ очень горячій, живой, увлекающійся, плохо знавшій во всемъ мѣру, и потому особенно способный впадать во всемъ въ излишества и крайности: съ никоніанами онъ вовсе не можетъ говорить спокойно, а только, по его собственному характерному выраженію: „кричать“, „лаять“, „грысться“.

Чтобы сильнѣе опорочить въ глазахъ своихъ приверженцевъ и послѣдователей никоніанскую церковь и ея высшихъ представителей, Аввакумъ старается въ своихъ сочиненіяхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, подчеркнуть то обстоятельство, что господствующая церковь проявляетъ крайнюю нетерпимость къ сторонникамъ старины, относится къ нимъ мучительски, всегда жестоко гонитъ ихъ, преслѣдуетъ, всячески насильничаетъ надъ ними, чѣмъ совершенно ниспровергается христіанское ученіе, недопускающее и къ разномыслящимъ въ вѣрѣ никакихъ внѣшнихъ принужденій и насилій а тѣмъ болѣе гоненій и преслѣдованій. Такъ поступали только язычники, гнавшіе и преслѣдовавшіе христіанъ, но такъ по язычески невозможно поступать истиннымъ служителямъ Христа, истиннымъ представителямъ Христовой церкви. А между тѣмъ русскія власти — и духовныя и свѣтскія, всячески гнали защитниковъ русской церковной старины. Разсказывая о разстриженіи Логгина, о вырѣзываніи языковъ у нѣкоторыхъ защитниковъ

старообрядства, о томъ, какъ ихъ „на Москвѣ жарили, да пекли“, Аввакумъ, по этому поводу говоритъ: „чудо, какъ въ познаніе не хотятъ пріитти! Огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ?—не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господомъ реченное ко апостоломъ сице: *шедше въ міръ весь проповѣдите евангеліе всей твари. Иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Ев. от. Мар. зач. 71). Смотри, слышателю,—волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоломъ непокоряющихся огнемъ жжечь и на висѣлицахъ вѣшать. Татарскій богъ Магометъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити. А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ. И тѣ учители явны яко шиши антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предаютъ; по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же“. Въ своемъ разсужденіи о иноческомъ чинѣ Аввакумъ говоритъ: „а никоніяне пущи устремишася на зло, чаютъ добро творятъ, еже пожигаютъ Христовыхъ людей“. У никоніанъ одно: „токмо жги, да пали, сѣки, да руби, да вѣшай единородныхъ своихъ! Слыши небо и внуши земле! Вы будите свидѣтели нашей крови изливающейся“. Или, напримѣръ, Аввакумъ пишетъ: „ты, никоніянинъ, чѣмъ похвалишся? — скажи - тко! Антихристомъ своимъ нагимъ развѣ, огнемъ, да топоромъ, да висѣлицею? Богаты вы тѣмъ!—знаю я. У васъ нынѣ: сѣки, да руби, жги, да пали, да вѣшай“! [1]).

Изъ приведенныхъ заявленій Аввакума съ очевидностію, повидимому, слѣдуетъ, что онъ былъ горячимъ поклонникомъ и проповѣдникомъ полной широкой вѣротерпимости, врагомъ всякихъ внѣшнихъ принужденій и насилій въ дѣлахъ вѣры,—поклонникомъ и проповѣдникомъ того тезиса,— что всякое принужденіе и насиліе въ дѣлахъ вѣры противно ученію Христа и его апостоловъ, и что оно должно быть совершенно чуждо и несвойственно истинной Христовой церкви, и потому никогда и никакимъ истиннымъ христіани-

---

[1]) Матер. V, 88, 287, 367.

номъ не должно быть употребляемо. Но думать такъ объ Аввакумѣ было бы очень ошибочно.

Въ своей частной жизни, въ своей протопопской практикѣ, Аввакумъ любилъ прибѣгать къ внѣшнимъ принужденіямъ, насиліямъ, побоямъ и даже истязаніямъ, и относительно себя за свой грѣхъ или проступокъ, и относительно всѣхъ такъ или иначе зависившихъ отъ него лицъ, которыми онъ почему либо былъ недоволенъ. Однажды, разсказываетъ Аввакумъ, когда онъ былъ еще священникомъ въ Лопатицахъ, „пріиде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхми обременена, блудному дѣлу и малакіи всякой повинна: нача мнѣ, плакавшеся, подробну возвѣщати въ церкви, предъ евангеліемъ стоя. Азъ же, треокаянный врачь, самъ разболѣлся, внутрь жегомъ огнемъ блуднымъ. И горько мнѣ бысть. Въ той часъ зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку правую на пламя и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе“ — Жена Аввакума, протопопица Настасья Марковна, такая же ревнительница по старомъ благочестіи, такая же мужественная и непоколебимая при перенесеніи всѣхъ бѣдъ и лишеній, какъ и ея мужъ, „со вдовою домочадицею Фотиніею межъ собою побранились,— діаволъ ссорилъ ни за что. И я, разсказываетъ Аввакумъ объ этомъ прискорбномъ для него событіи, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ, и оскорбилъ гораздо“. Но потомъ скорый на руку протопопъ одумался: „жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощатце со слезами, а самъ ей, въ землю кланяясь говорю: согрѣшилъ Настасья Марковна, — прости мя грѣшнаго! Она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фотиніею тѣмъ же образомъ простился. Таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ: человѣкъ было 20,—и жена и дѣти всѣ, плачучи, стегали. А я говорю: аще кто бить меня не станетъ, да не имать со мною части во царствіи небеснѣмъ! И они, нехотя, бьютъ и плачутъ; а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили, и я, воставше, сотворилъ предъ ними прощеніе“.—О своемъ отношеніи къ провинившимся подчиненнымъ Аввакумъ разсказываетъ: „егда время приспѣетъ заутрени, не спрашиваю пономоря, самъ пошелъ благовѣстить. Пономарь прибѣжитъ. Отдавъ колоколъ, пошедъ въ церковь, и начну полунощницу: докамѣстъ сходятся

крылошаня, а я проговорю въ тѣ поры. Прощаются — ино Богъ проститъ; а которой дуруетъ, тотъ на чепь добро—пожаловать: не раздувай уса—тово у меня.“ Сажанье на цѣпь, стеганье ремнемъ и четками виновныхъ въ чемъ либо, было самымъ обычнымъ пріемомъ исправленія у Аввакума. Во время пребыванія Аввакума въ Тобольскѣ дьякъ тамошняго архіепископа, Иванъ Струна, „церкви моея, разсказываетъ Аввакумъ, дьяка Антонія мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же, Антонъ, утеча у него, и прибѣжалъ въ церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався съ людьми, во инъ день пріиде ко мнѣ въ церковь,—а я вечерню пою,—и вскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на крылосѣ за бороду. А я въ то время двери церковныя затворилъ и замкнулъ, и никого не пустилъ,—одинъ онъ, Струна, въ церкви вертится, что бѣсъ. И я, покиня вечерню, съ Антономъ посадилъ его среди церкви на полу и за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ нарочито—таки; а прочіи, человѣкъ съ двадцать, вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ“.—У Аввакума както жилъ бѣсноватый, котораго онъ всегда заставлялъ молиться вмѣстѣ съ собою. Но тотъ „у правила стоять не захочетъ, діяволъ сонъ ему наводитъ: и я постегаю четками, такъ и молитву творить станетъ и кланяется, за мною стоя.“— Другой исцѣленный имъ бѣсноватый, разсказываетъ Аввакумъ, „сталъ со мною на крылосѣ пѣть литургію: во время переноса и досадилъ мнѣ. Азъ въ то время побилъ его на крылосѣ, и въ притворѣ велѣлъ пономарю приковать ко стѣнѣ“ [1]).

Какъ иногда энергично и какими мѣрами воздѣйствія исправлялъ Аввакумъ грѣшниковъ и грѣшницъ, это видно изъ слѣдующихъ двухъ картинныхъ его разсказовъ. „Въ Тобольскѣ градѣ, повѣствуетъ Аввакумъ, пріиде ко мнѣ въ домъ искуситель, чернецъ пьяной и кричитъ: учителю, учителю! дай мнѣ скоро царство небесное! Часу въ пятомъ или шестомъ нощи, азъ съ домочадцы кононы говорю: кричитъ чернецъ неотступно. Подумаю,—бѣда моя, что сотворю? Покинулъ правило говорить, взялъ его вызбу и рекохъ ему: чесо просиши? Онъ же отвѣщавъ: хощу царства небеснаго скоро, скоро! Азъ же глаголю ему: можеши-ли пить чашу,

---

[1]) Ibid. V, 10—11, 23, 97, 101. VIII, 91.

ея же ти поднесу? Онъ же рече: могу!—давай въ сій часъ, не закосня! Азъ же приказалъ пономарю стулъ посредѣ избы поставить и топоръ мясной на стулъ положить, вершить чернца хочу. Еще же канатной толстой шелепъ приказалъ сдѣлать. Взявше книгу, отходную сталъ ему говорить и со всѣми прощаться. Онъ же задумался. Таже на стулъ велѣлъ ему главу возложить: и шелопомъ пономарь по шеѣ. Онъ же закричалъ: государь, виноватъ, пощади, помилуй! И піянство скочило. Ослабили ему. Палъ предъ мною. Азъ же далъ ему четки въ руки, полтораста поклоновъ предъ Богомъ за епитимію велѣлъ класть. Поставилъ его пономарь въ одной свиткѣ,—манатью и клобукъ снялъ и на гвозь повѣсилъ. Я, ставъ предъ образъ Господень, вслухъ Ісусову молитву говоря, на колѣни поклонюся; а онъ послѣдуя, стоя за мною, также на колѣни; а пономарь шелепомъ по спинѣ. Да уже насилу дышать сталъ: такъ ево употчивалъ пономар-етъ! Вижу я, яко довлѣетъ благодати Господни: въ сѣни его отпустили отдохнуть, и дверь не затворили. Бросился онъ изъ сѣней, да и чрезъ заборъ, да и бѣгомъ. Пономарь кричитъ вослѣдъ: отче, отче! манатью и клобукъ возми! Онъ же отвѣща: горите вы и совсѣмъ! Не до монатьи стало", замѣчаетъ Аввакумъ. Другой случай. Аввакумъ какъ-то въ Сибири неожиданно наткнулся на случай прелюбодѣянія и, конечно, пустился на обличенія. „И я говорю, разсказываетъ онъ: что се творите? Не по правиломъ грѣхъ содѣваете! И онѣ сопротивно мнѣ: не осуждай! И азъ паки имъ: не осуждаю, а не потакаю". И такъ какъ виновная не только не заявляла раскаянія, но еще стала и посмѣиваться, то Аввакумъ „свелъ ихъ въ приказъ (участокъ) воеводы. Тѣ (въ приказѣ) къ тому дѣлу милостивы,—смѣхомъ дѣлаютъ: мужика, постегавъ маленко, и отпустилъ, а ея мнѣ жъ подначалъ и отдалъ, смѣючись. Прислалъ. Я подъ полъ ея спряталъ. Дни съ три во тмѣ сидѣла на холоду,—заревѣла: государь батюшко Петровичъ! Согрѣшила предъ Богомъ и предъ тобою! Виновата,—небуду такъ впредь дѣлать! Прости меня грѣшную! Кричитъ ночью въ правило,—мѣшаетъ говорить. Я су пересталъ правило говорить, велѣлъ ея вынять, и говорю ей: хочешь ли вина и пива? И она дрожитъ и говоритъ: нѣтъ, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочекъ хлѣбца. И я ей говорю: разумѣй, чадо, — похотѣніе

то блудное пища и питіе рождаетъ въ человѣкѣ, и ума недостатокъ, и къ Богу презорство и безстрашіе: наѣдшися и напився пьяна, скачешъ, яко юница быковъ желаешъ, и яко кошка котовъ ищешъ, смерть забывше. Потомъ далъ ей четки въ руки, велѣлъ класть предъ Богомъ поклоны. Кланялася, кланялася,—да и упала. Я пономарю шелепомъ приказалъ. Гдѣ—петь дѣтца? Чортъ плотной на шею навязался! И плачю предъ Богомъ, а мучу. Помню, въ правилѣхъ пишетъ: прелюбодѣй и на Пасху безъ милости мучится. Начáла много далъ, да и отпустилъ. Она, съ досадой замѣчаетъ Аввакумъ, и паки за тотъ же промыслъ, сосудъ сатанинъ!" [1]).

Такимъ образомъ Аввакумъ въ своей частной жизни и дѣятельности приверженъ былъ къ кулачной расправѣ, къ физическимъ насильственнымъ дѣйствіямъ относительно въ чемъ либо погрѣшившихъ лицъ. Недаромъ, конечно, и самъ онъ о себѣ заявляетъ: „всегда такой я, окаянной, сердитъ, дратца лихой" [2]). Вполнѣ естественно было поэтому, что такой лихой на драку человѣкъ, считавшій, для искупленія всякаго простаго согрѣшенія, обязательнымъ физическое страданіе, не могъ быть вѣротерпимымъ, не могъ, хотя бы сколько нибудь снисходительно, относиться къ иновѣрующимъ,—еретикамъ по его представленію. Если нашихъ единовѣрныхъ согрѣшающихъ слѣдовало подвергать за грѣхъ физическимъ страданіямъ, то конечно еретиковъ, за ихъ ересь, слѣдовало всячески казнить и прямо истреблять безъ всякаго сожалѣнія и снисхожденія. Такъ дѣйствительно и думалъ Аввакумъ, такія именно жестокія, безпощадныя отношенія онъ и желалъ установить ко всѣмъ столь ненавистнымъ ему еретикамъ—никоніанамъ. Онъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „знаете-ли, вѣрніи? Никонъ пресквернѣйшій,—отъ него бѣда-та на церковь-ту пришла. Какъ бы доброй царь, повѣсилъ бы ево на высокое дерево, яко древле Артаксерксъ Амана, хотяща погубити Мардохея и родъ израилевъ искоренити. Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакѣ. А то чему быть! Умъ отнялъ у милово, у нынѣшняго, какъ близь его

---

[1]) Матер. V, 200—201, 254—255.
[2]) А. К. Бороздина: прот. Аввакумъ, прилож. стр. 108.

былъ". Къ царю Алексѣю Михаиловичу Аввакумъ обращается съ такимъ совѣтомъ: „перестань-ко ты насъ мучитьтово! Возми еретиковъ-тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти природныхъ своихъ. Право будетъ хорошо". Въ посланіи къ царю Ѳедору Алексѣевичу Аввакумъ пишетъ: „а что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ, чаю. Да воевода бы мнѣ крѣпкоумный—князь Юрья Алексѣевичъ Долгорукій! Перво бы Никона собаку и разсѣкли начетверо, а потомъ бы никоніанъ. Князь Юрья Алексѣевичъ! не согрѣшимъ, небось, но и вѣнцы побѣдныя пріимемъ!" Но, къ счастію, Аввакумъ не имѣлъ ни силы, ни власти привести въ исполненіе свои кровавыя, безпощадныя мѣры относительно никоніанъ. Тогда Аввакумъ возложилъ свои кровавыя мстительныя надежды на турокъ и татаръ, которые, по его представленію, должны напасть на Русь и кровью и опустошеніями отмстить всѣмъ никоніанамъ за ихъ преслѣдованія защитниковъ старины. „Надѣюся, пишетъ онъ, Тита втораго Іусписіяновича на весь новый Іерусалимъ, идѣже течетъ Истра рѣка, и съ пригородкомъ, въ немже Неглинна течетъ (т. е. Москва). Чаю, подвигнетъ Богъ того же турка на отмщеніе кровей мученическихъ. Пускай любодѣицу--ту потрясутъ, хмѣл-ятъ выгонятъ изъ бл...и! Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: никоніанамъ „быть прогнаннымъ отъ Духа въ степь ко Измаилу, еже есть предастъ Богъ, яко грековъ, туркамъ и крымскимъ татаровямъ, а въ будущій вѣкъ въ преисподній тартаръ всѣхъ съ жидами заодно". Но и эти надежды Аввакума на турокъ и татаръ не исполнялись. Тогда онъ, утѣшенія и обѣщанія своимъ послѣдователямъ въ ихъ полномъ удовлетвореніи за земныя страданія, переноситъ изъ здѣшней жизни въ будущую, когда они уже несомнѣнно и всецѣло восторжествуютъ надъ безбожными никоніанами, когда Христосъ отдастъ послѣднихъ въ ихъ руки, на ихъ судъ и усмотрѣніе, и когда они, сами неизрѣченно блаженствуя, въ тоже время будутъ наслаждаться зрѣлищемъ вѣчныхъ адскихъ мученій никоніанъ. Вотъ, напримѣръ, какія въ этомъ отношеніи соблазнительныя для своихъ послѣдователей и пріятныя картины рисуетъ Авва-

кумъ. Никоніанинъ, говоритъ онъ, „не уйдетъ (отъ тебя) у праведнаго Христова суда, и тогда натѣшишся надъ нимъ, по писанному: святіи мирови судити хотятъ. Вотъ, внимай: егда Христосъ тебѣ ево отдастъ, кто можетъ тогда отнять? Какъ захочешъ, такъ осудишъ ево о Христѣ". Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ, что Христосъ „никоніянамъ не царь: у нихъ антихристъ царь. Дайте-ко срокъ. Во Апокалипсисѣ писано: выѣдетъ на конѣ бѣломъ и царя ихъ со лжепророкомъ въ огнь всадитъ живыхъ. Потомъ и діявола за ними же. Измѣнитъ же ихъ, собакъ, во мгновеніе ока, сирѣчь убіетъ, да и паки оживитъ, да ужъ въ огон-етъ кинетъ. А прочихъ войско-то ихъ побито будетъ на мѣстѣ нѣкоемъ Армагеддонъ. Тѣ до общаго воскресенія не оживутъ; тѣлеса ихъ птицы небесныя и звѣри земныя ѣсть станутъ: тушны гораздо, брюхаты,—есть надъ чѣмъ птицамъ и звѣрямъ прохлажаться. Пускай онѣ нынѣча бранятъ Христа, а насъ мучатъ и губятъ: отольются медвѣдю коровьи слезы,—потерпимъ, братія, не поскучимъ, Господа ради". Или, напримѣръ, Аввакумъ говоритъ: „ты (никоніанинъ), собака поешь: *идеши*,—антихриста ждетъ! А насъ мучите, силою велите антихристу своему вѣровати. Возми—здорово,—будетъ по вашему! Нѣтъ, друшки, не надѣйтеся! Жить намъ со своимъ надежею—Христомъ, Сыномъ Божіимъ, и умремъ съ нимъ, и паки оживемъ съ нимъ; а васъ собакъ всѣхъ намъ подъ началъ отдастъ. Дайте-ко срокъ,—я вамъ и лутчему тому ступлю на горло о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ". Или, напримѣръ, Аввакумъ злобно говоритъ: „дайте только срокъ, собаки, не уйдете у меня: надѣюся на Христа, яко будете у меня въ рукахъ! выдавлю я изъ васъ сокъ-отъ" [1]).

Правда, въ своемъ посланіи ко всѣмъ вѣрнымъ Аввакумъ какъ будто учитъ своихъ послѣдователей быть терпимыми и даже молиться за своихъ враговъ. Онъ пишетъ: „молися за противнаго, яко и самъ Господь о Іерусалимѣ плакаша, и Стефанъ первомученикъ о убивающихъ моляшеся, и Моисей: Господи, аще люди сія погубляеши, истреби и меня отъ книги животныя. Тако и ты говори: Господи, накажи (т. е. просвѣти) сопротивляющихся и привлецы ко истиннѣ твоей, имиже вѣси судьбами своими праведными". Но къ

[1]) Матер. V, 156, 205, 248—249, 306, 309—310. VIII, 29. 45, 56.

этому онъ сейчасъ же прибавляетъ и слѣдующее: „аще ли не лежитъ въ нихъ покаяніе и нѣсть мѣста ко обращенію, *пресѣки жизнь нечестиваго*, да не протязается во грѣсѣхъ своихъ“, т. е. и здѣсь Аввакумъ учитъ своихъ послѣдователей молить Господа, чтобы Онъ „пресѣкъ“ жизнь нечестивыхъ, подъ которыми Аввакумъ разумѣетъ всѣхъ въ чемъ либо несогласныхъ съ нимъ, и особенно никоніанъ. Такое свое пониманіе этаго дѣла болѣе опредѣленно онъ выясняетъ въ другомъ мѣстѣ. Приводя слова Господа: *любите враги ваша*, онъ разсуждаетъ: „своего врага люби, а не Божія, сирѣчь еретика и навѣтника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его душею и тѣломъ; а еще кто не богоборецъ и не еретикъ досаждаетъ ти, таковаго любити подобаетъ по заповѣди Господни. Тому же подобно и мирное поставленіе. Съ еретикомъ какой миръ? Бранися съ нимъ и до смерти, и не повинуйся его уму развращенному... Бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣріи; токмо плюй на него“ [1]). Очевидно у Аввакума двѣ мѣрки въ отношеніяхъ: одна для своихъ, другая для иновѣрующихъ; однихъ—своихъ, нужно любить и прощать; другихъ—иновѣрныхъ, нужно ненавидѣть, браниться съ ними до смерти, не говорить съ ними о правовѣріи, плевать на нихъ.

Нравственная истинно-христіанская высота человѣка, нравственное христіанское величіе и святость, проявляются главнымъ образомъ не просто только въ спокойствіи, въ сдержанности, въ доброжелательномъ постоянно отношеніи ко всѣмъ, особенно къ людямъ съ нами несогласнымъ, къ намъ нерасположеннымъ, но и въ любви къ самымъ врагамъ нашимъ, въ полномъ ихъ всепрощеніи, въ желаніи имъ блага и добра, въ заботѣ объ ихъ спасеніи. У святаго страдальца, угодника Божія и мученика, протопопа Аввакума, ничего этого нѣтъ. Онъ любитъ только своихъ учениковъ и послѣдователей, только всѣхъ вѣрящихъ въ него, преклоняющихся предъ нимъ, безусловно признающихъ его высшій авторитетъ и во всемъ съ нимъ соглашающихся. Въ тоже время онъ искренно, отъ всей души ненавидитъ своихъ враговъ и всѣхъ, въ чемъ либо несогласныхъ съ нимъ и—особенно никоніанъ; онъ всячески ругаетъ и позоритъ ихъ самихъ,

---

[1]) Матер. V, 241. VIII, 60—61.

ихъ вѣрованія, всякую ихъ святыню, онъ страстно желаетъ имъ всякаго зла и всякихъ бѣдъ, злорадно и съ услажденіемъ рисуетъ картины ихъ будущихъ вѣчныхъ адскихъ мученій; онъ готовъ бы былъ и сейчасъ, если бы только у него была сила и власть, всѣхъ ихъ перевѣшать и перепластать, какъ бѣшеныхъ собакъ. Но этого мало. Онъ всячески старается, въ умахъ и сердцахъ своихъ послѣдователей, сѣять ту же неукротимую вражду и злобу ко всѣмъ никоніанамъ, какую чувствуетъ самъ, желаетъ навсегда прервать между ними всѣ средства къ взаимному общенію, и тѣмъ закрыть имъ и въ будущемъ возможные пути къ примиренію. Эта его проповѣдь необходимо дѣйствовала на его учениковъ и послѣдователей развращающимъ образомъ, питая въ нихъ самыя дурныя и низкія чувства. И если послѣдующая старообрядческая община не проявила тѣхъ отрицательныхъ и позорныхъ качествъ, какія къ ней старался привить Аввакумъ, то вина этого лежитъ не въ Аввакумѣ.

Вмѣстѣ съ проповѣдію крайней нетерпимости и вражды къ никоніанамъ, Аввакумъ проявилъ еще и крайне отрицательное отношеніе къ наукѣ, научному знанію, къ ученымъ и вообще образованнымъ лицамъ, что опять было великимъ зломъ для всей послѣдующей жизни старообрядчества.

Въ борьбѣ съ старыми церковными порядками въ первый разъ у насъ оффиціальная правительственная Русь стала выдвигать, хотя нерѣшительно и несмѣло, на первый планъ въ церковныхъ вопросахъ науку, научное знаніе, авторитетъ научно образованныхъ лицъ; у насъ теперь стали требовать признанія церковной реформы между прочимъ и потому, что она производилась лицами научно образованными, обладающими высшими, только наукой даваемыми, свѣдѣніями; стали заявлять, что людямъ неученымъ, и совсѣмъ необразованнымъ, слѣдуетъ подчиняться авторитету людей ученыхъ, что безъ научнаго образованія, безъ научныхъ знаній, нельзя браться за рѣшеніе разныхъ богословскихъ и церковныхъ вопросовъ, какъ это дѣлаютъ необразованные, мало свѣдующіе и плохо понимающіе дѣло защитники старины. Въ Москвѣ теперь, по поводу борьбы съ старообрядствомъ, въ первый разъ многими понята и ясно сознана была несостоятельность старой русской образованности, основанной на простомъ, случайномъ и одностороннемъ начет-

чествѣ, сознано было, что старый русскій начетчикъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ въ существѣ дѣла очень темный малосвѣдущій человѣкъ, всегда узкій, ограниченный и нетерпимый, мало способный къ усвоенію высшаго круга идей и знаній, и вообще всего, что выходитъ изъ рамокъ его узкаго, односторонняго міросозерцанія и пониманія. Съ своей стороны и защитники церковной старины увидѣли, что противъ нихъ, и всей русской старины, выдвинута новая сила, сила могучая и очень привлекательная для многихъ, и потому очень опасная и лично для нихъ и для всего защищаемаго ими стариннаго уклада русской жизни, что эта сила грозитъ все передѣлать и перестроить на новый ладъ, грозитъ всю дальнѣйшую русскую жизнь двинуть на иной путь, нежели по какому она шла ранѣе. Тогда со всей силой и энергіей они ополчились противъ науки; стараясь всячески ея дискредитировать въ глазахъ всѣхъ благочестивыхъ русскихъ, выставить ея крайне вредною и опасною для вѣры и благочестія, изобразить ея какъ порожденіе самого дьявола, какъ причину невѣрія, ересей и всякихъ заблужденій въ церкви Христовой. Съ пѣной у рта они набрасывались на представителей и носителей науки, осыпая ихъ потокомъ грубой брани, насмѣшокъ и издѣвательствъ, изображали ихъ—„пьяныхъ философовъ"—людьми безбожными, совершенно испорченными нравственно, годными только на лесть и пресмыкательство предъ сильными міра сего. Во главѣ заклятыхъ враговъ науки, всякихъ научныхъ знаній и научнаго образованія вообще, стоялъ протопопъ Аввакумъ, самъ однако никогда незнавшій и, потому, совсѣмъ непонимавшій науки.

Аввакумъ поставилъ своею задачею крѣпко-накрѣпко закрыть для своихъ послѣдователей двери ко всякому научному знанію и образованію, онъ старался внушить имъ отвращеніе къ наукѣ, стремленіе бѣжать отъ нея какъ можно дальше, такъ какъ соприкосновеніе съ ней, по его мнѣнію, можетъ только осквернить и развратить всякаго истинно вѣрующаго и благочестиваго человѣка.

Въ своемъ „житіи" Аввакумъ пишетъ, что Діонисій Ареопагитъ, „прежде даже не пріити въ вѣру Христову, хитрость имый исчитати бѣги небесные; егда же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти, яко уметы. Къ Тимоѳею пишетъ въ

книгѣ своей, сице глаголя: дитя, али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя бл..ь ничтоже суть, но токмо и прелесть и тля и пагуба... Исчитати бѣги небесные любятъ погибающіи, понеже любви истинныя не пріяша, воеже спастися имъ: и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ не вѣровавшіи истинѣ, но благоволиша о неправдѣ". Въ своемъ небольшомъ трактатѣ: „о внѣшней мудрости" Аввакумъ разсуждаетъ: „алманашники и звѣздочетцы и вси зодѣйщики познали Бога внѣшнею хитростію, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своему мудростію начинающе, якоже первый бл...ый Невродъ, и по немъ Зевесъ прелагатай, блудодѣй, и Ермисъ піяница, и Артемида любодѣица, о нихже Гранографъ и вси Кронники свидѣтельствуютъ, таже по нихъ бывше Платонъ и Пиѳагоръ, Аристотель и Діогенъ, Иппократъ и Галинъ: вси сіи мудри быша и во адъ угодиша. Достигоша съ сатаною разумомъ своимъ небесныхъ твердей и звѣздное теченіе поразумѣвше, и оттолѣ пошествіе и движеніе смотряху небеснаго круга, гадающе къ людской жизни вѣка сего настоящаго,—или тщету, или гобзованіе, и тою мудростію своею уподобляхуся Богу, мнящеся вся знати... И взимахуся, бл....ы дѣти, выше облакъ,—слово въ слово яко и сатана древле. Сего ради отверже ихъ Богъ: благоизволилъ буйствомъ апостоловъ спасти хотящихъ наслѣдовати спасеніе. Вси христіане отъ апостолъ и отъ отецъ святыхъ научени быша смиренію, и кротости, и любви нелицемѣрной; съ вѣрою непорочною и постомъ, и со смиренною мудростію, живуще въ трезвости, достизаютъ не мудрости внѣшнія поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ, ко престолу царя славы, и со ангелы сподобляются славити Бога; души ихъ во благихъ водворятся, а тѣлеса ихъ на земли нетлѣнни быша и есть. Виждь, гордоусецъ и алманашникъ, гдѣ твой Платонъ и Пиѳагоръ! Тако ихъ, яко свиней, вши съѣли и память ихъ съ шумомъ погибе, гордости ихъ и уподобленія ради къ Богу... Виждь, безумной зодійщикъ, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносите Богу и Творцу всѣхъ: токмо насыщатися и упиватися и бабъ блудить ваше дѣло". Въ толкованіи на книгу бытія Аввакумъ говоритъ: „не всѣ судьбы его (Божіи)

человѣку надобно вѣдать: полно и тово, что и на земли надѣлалъ и далъ знать. И отъ тово человѣкъ что пузырь раздувается; а кабы небесная-то вѣдалъ, и онъ бы равенъ былъ діаволу. Аще волхвы и звѣздочетцы, и всѣ алманашники, по звѣздамъ гадая, время назираютъ, дня и часа смотряютъ: а все блудятъ. Обманываетъ ихъ діаволъ. Не сбывается на ихъ коварствѣ. Токмо Господу досаждаютъ, и отъ него, Бога, тѣмъ отступаютъ. Увы о нихъ бѣдныхъ! Сію проклятую хитрость по потопѣ въ пятьсотное лѣто, при столпотвореніи, Неврodъ исполинъ обрѣте, послѣ людей потопныхъ... И нынѣшнія алманашники, слыхалъ я, мало покоя имѣютъ себѣ: и ветхая испражнять пойдетъ, а въ книжку поглядитъ, здорово ли испразднится. Бѣдные, бѣдные! Какъ вамъ не соромъ себя! Оставя промыслъ Творца своего, да діаволу работаете, невродяне безчинники!... Свиньи и коровы болши васъ знаютъ—предъ погодою вижжатъ, да ревутъ, да подъ повѣти бѣгутъ: и послѣ того дождь бываетъ. А вы, разумные свиньи, лице небу и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умереть! Горе, да только съ вами, съ толстыми быками!“ Поучая своихъ послѣдователей отъ лица ап. Павла и Златоуста Аввакумъ пишетъ: „внимайте реченію и послѣдуйте словесемъ ихъ, не ищите риторики и философіи, ни краснорѣчія, но здравымъ истиннымъ глаголомъ послѣдующе, поживите. Понеже риторъ и философъ не можетъ быти христіанинъ,—Григорій Нискій пишетъ. И Златоустъ тому же согласуетъ, сице глаголя: яко ни на прагъ церковный риторъ и философъ достоинъ внити. И Павелъ апостолъ глаголетъ: пріидохъ бо не по превосходному словеси разума человѣча, но въ показаніи духа и силы. И въ другой главизнѣ пишетъ: погублю премудрость премудрыхъ, и разума разумныхъ отвергуся. Да и вси святіи насъ научаютъ, яко риторство и философство внѣшняя бл..ь, свойственна огню негасимому: отъ того бо рождается гордость, мати пагубѣ, и нѣсть ми о семъ радѣнія. Азъ есмь ни риторъ, ни философъ, дидаскальства и логофетства неискусенъ, простецъ человѣкъ и зѣло исполненъ невѣденія“ [1]).

---

[1]) Матер. V, 3. 298—299, 333—335. А. К. Бороздина: Прот. Аввакумъ, прил., стр. 133.

Но, признавая себя человѣкомъ неученнымъ и несмысленнымъ, въ то же время Аввакумъ признаетъ, что онъ, „аще и неученъ словомъ, но не разумомъ; неученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, якоже апостолъ глаголетъ: аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ". И этого для него—Аввакума вполнѣ достоточно. Наука, затмѣвая и крайне надмѣвая умъ человѣка, и тѣмъ отвращая его отъ Бога и низводя прямо въ адъ, не даетъ даже никакихъ внѣшнихъ преимуществъ изучающему ея предъ человѣкомъ истинно вѣрующимъ, такъ какъ „и кромѣ философіи и кромѣ риторики и кромѣ грамматики моцно есть вѣрну сущу препрѣти всѣхъ противящихся истинѣ" Это потому, что „Христосъ не училъ насъ ни діалектикѣ, ни краснорѣчію", потому-то, конечно, „риторъ и философъ не могутъ быть христіанами". Изъ науки никоніанъ и всѣхъ вообще еретиковъ получается всегда нѣчто очень жалкое, поверхностное и очень зловредное для самихъ еретиковъ. „У еретиковъ—тѣхъ, говоритъ Аввакумъ, у всѣхъ вымыслъ: верхи у писанія того хватаютъ, что мыши углы у книгъ тѣхъ угрызаютъ, а внутрь лежащаго праведнѣ нимало разсудятъ; и иное знаютъ, да ухищреніемъ заминаютъ, и всѣмъ хотящимъ спастися запинаютъ" Никоніане, увѣряетъ Аввакумъ, даже будто бы сознаютъ, что защищаютъ неправду, и только по своей гордости и надмѣнности не хотятъ признаться въ своемъ заблужденіи предъ защитниками старины, которыхъ они признаютъ невѣжественными и ничего непонимающими. „Никоніане, говоритъ Аввакумъ, забрели во глубину золъ за стыдъ свой; а совѣстьми-тѣми бодоми, яко жидовя, вѣдаютъ, что своровали надъ церковію. Бываетъ то, яко и неради тому; за совѣсть стало,—невозможно стало покинуть дондеже изводъ возметъ". Гордость, питаемая наукой, совсѣмъ губитъ никоніанъ. Аввакумъ пишетъ; „бѣда отъ гордыхъ церкви Божіей,—тотъ сякъ, а инъ инако. Я помышляю: недостатокъ ума большой въ человѣкѣ томъ, иже гордость содержитъ и, чается, ему мнится хорошо, а все развалилося. Якоже и дьяволъ самъ за недугъ сей измерженъ среди огня и отриновенъ отъ лица Божія, во тму осужденъ, а таки величается,—я-де великъ, я обладаю всѣмъ! И надъ свиніями не имать власти. Тако и гордый мнится

имѣя вся, а ничтоже сый,—во всемъ отвсюду гнило и развалилося, и душевная и тѣлесная“ [1]).

Единственнымъ источникомъ всякаго истиннаго и спасительнаго для человѣка знанія, Аввакумъ признаетъ только старопечатныя до никоновскія книги, причемъ онъ мало довѣряетъ книгамъ рукописнымъ, такъ какъ въ послѣднихъ можно найти всячину. „Мы такъ вѣруемъ, говоритъ онъ, какъ церковныя (печатныя) книги учатъ. А въ писмяныхъ—тѣхъ всячину найдешь“. Заповѣдуя своимъ послѣдователямъ бѣгать отъ еретиковъ и не говорить съ ними о правовѣріи, онъ совѣтуетъ имъ: „взыщи христіанина, который святыхъ книгъ не уничижаетъ, и съ нимъ бесѣдуй, разсуждая премудрость, писанную во святыхъ старопечатныхъ книгахъ: и приложитъ пріимати. Такъ обоимъ добро будетъ отъ Христа Бога“. „А я грѣшный, про себя говоритъ Аввакумъ, кромѣ писанова, не хощу собою затѣвать: какъ написано, такъ и вѣрую; идѣже что святые написали, мнѣ такъ и добро“ [2]). Значитъ, единственный источникъ всякихъ знаній, какой признаетъ Аввакумъ, и какого обязаны держаться всѣ его послѣдователи—это старопечатныя церковныя книги: только на ихъ основѣ и въ предѣлахъ заключающихся въ нихъ матерій, дозволительны благочестивыя бесѣды и разсужденія; всякій другой источникъ знанія, каковы разныя науки, совершенно недопустимы для истинно вѣрующаго и благочестиваго человѣка въ виду того, что онѣ не даютъ вѣрующему никакихъ спасительныхъ знаній, а только надмѣваютъ и развращаютъ его умъ, отдаляютъ его отъ Бога и, въ концѣ, ведутъ къ вѣчной гибели. Даже такіе великіе и добродѣтельные мужи древности, какъ Пиѳагоръ и Платонъ, и особенно послѣдній, на изученіи сочиненій котораго воспитывались величайшіе святые отцы и учители церкви, всетаки, по увѣренію Аввакума, и сейчасъ мучается въ аду за свою науку и за свой наукою надменный умъ. Понятно, что вмѣстѣ съ внѣшнею мудростію, выражающеюся въ разныхъ наукахъ, въ обществѣ единственно истинно вѣрующихъ недопустима никакая критика, никакое самостоятельное мышленіе и изысканіе, такъ какъ нужно не изыскивать, а только

---

[1]) Матер. I, 486—488. V, 373. VIII, 17, 49.
[2]) ibid. VIII, стр. 62, 84 и 108.

крѣпко вѣровать въ то, „что святые написали“, вѣровать именно такъ, какъ написано, а не такъ, какъ говоритъ человѣческое изысканіе, надменный человѣческій умъ. На всякую самостоятельную, свободную мысль человѣка, на всякое его стремленіе къ самостоятельному и независимому изученію и знанію, на всякую его попытку выбиться изъ тѣснаго односторонняго круга разъ установившихся понятій, наложена была Аввакумомъ прочная узда, которая должна была если не навсегда, то надолго затруднить возможность появленія въ средѣ старообрядческаго общества людей высоко культурныхъ, научно развитыхъ и образованныхъ, людей способныхъ смѣло и самостоятельно вращаться въ высшемъ кругѣ идей и знаній, способныхъ будить и двигать своихъ собратій по пути дальнѣйшаго развитія и расширенія истинно христіанской жизни, а не стоять вѣчно на одной и той же точкѣ, какъ училъ Аввакумъ. Въ этомъ и заключается крайне печальное послѣдствіе, для послѣдующей старообрядческой общины, отрицательнаго, презрительно-враждебнаго отношенія Аввакума къ наукѣ, которую онъ самъ никогда не зналъ, не изучалъ и, какъ говорится, не видалъ и въ глаза, а потому имѣлъ о ней самое неправильное и извращенное представленіе, идущее буквально въ разрѣзъ со взглядами на науку такихъ великихъ святыхъ отцевъ церкви, какъ Василій Великій и Григорій Богословъ, которые нарочно отправлялись въ Аѳины, чтобы слушать тамъ языческихъ профессоровъ и изучать тамъ системы языческихъ философовъ. Эти великіе отцы церкви, ревностно изучавшіе внѣшнюю языческую мудрость, какъ очень полезную для христіанъ, сдѣлались потомъ великими учителями всей вселенской церкви, разъяснили и утвердили своимъ высокимъ ученіемъ важнѣйшія и величайшія истины христіанскаго ученія, сдѣлались законоположниками истинно-христіанской жизни. Между тѣмъ протопопъ Аввакумъ, такъ позорившій науку, такъ цинично издѣвавшійся надъ ея древними и новыми представителями, такъ задорно кичившійся своими глубокими познаніями божественныхъ истинъ и тайнъ, при своемъ научномъ полномъ невѣжествѣ,— грубо-ребячески впадаетъ въ еретичество въ ученіи о Св. Троицѣ, воплощеніи и пр. Очевидно наука жестоко посмѣялась надъ своимъ ненавистникомъ и гонителемъ, и именно на самомъ Аввакумѣ

ясно и для всѣхъ убѣдительно показала, что безъ науки и научнаго знанія даже самому протопопу Аввакуму не слѣдуетъ браться за роль учителя церкви.

Изъ всего сказаннаго нами о личности и обстоятельствахъ жизни протопопа Аввакума слѣдуетъ, что оцѣнка Аввакума, какъ историческаго общественнаго дѣятеля, можетъ быть очень неодинакова, такъ какъ будетъ зависѣть отъ того, съ какой стороны мы станемъ смотрѣть на него. Аввакумъ, съ одной стороны, выдающійся, стойкій борецъ за свое дѣло— вся его жизнь есть несомнѣнный, сплошной, тяжелый подвигъ, возбуждающій наше удивленіе и почтеніе. Но, съ другой стороны, у протопопа Аввакума нѣтъ никакого соотвѣтствія между внѣшнимъ его подвигомъ и между цѣнностію и значимостію руководящей этимъ подвигомъ идеи. Внѣшній его подвигъ великъ, продолжителенъ, постояненъ и крайне труденъ, да, къ тому же, и закончился онъ мученическою смертію на кострѣ; но внутреннее содержаніе этого подвига,—тѣ идеи и идеалы, во имя которыхъ подвигъ совершался, были удивительно мизерны, ничтожны, нецѣнны, даже фальшивы и вредны. Аввакумъ съ своимъ подвигомъ,— это колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Въ самомъ дѣлѣ: у Аввакума мы встрѣчаемъ рѣдкую постоянную готовность идти на страданія, всевозможныя лишенія и самую смерть; у него удивительно много силы воли, энергіи, характера. Но, при этомъ, подвигъ Аввакума какой-то внѣшній, какой-то матеріальный, почти чисто физическій, совершающійся по большей части только въ предѣлахъ неядѣнія, побоевъ, физическихъ страданій, лишеній и истязаній, и опредѣлявшійся только крайнею узкостью и бѣдностію его внутренней духовной жизни, его религіознаго пониманія и всего міросозерцанія. Подъ его подвигомъ не лежитъ той почвы, которая создается высшимъ кругомъ идей и пониманія, широкимъ и глубокимъ знаніемъ и развитіемъ, утонченнымъ нравственнымъ чувствомъ, высшей нравственной все покоряющей красотою. Его пониманіе самаго христіанства и православія низводится у него на упрямое, совершенно неосмысленное сохраненіе даннаго, ему извѣстнаго обряда, на механическое, чисто внѣшнее соблюденіе церковнаго устава, на дѣянія чисто внѣшняго благочестія, а не на выработку внутренней высшей истинно-христіанской настроенности, безъ которой

невозможна сколько-нибудь плодотворная истинно-христіанская жизнь и дѣятельность. У протопопа Аввакума слишкомъ много узко-ограниченнаго самомнѣнія, самообожанія, преклоненія предъ своими подвигами и святостію, внушенными ему тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ безъ пропусковъ отбиваетъ ежедневно по тысячи земныхъ и поясныхъ поклоновъ, выпѣваетъ и вычитываетъ положенныя уставомъ службы, простаиваетъ ночи на молитвѣ, по нѣсколько дней совсѣмъ не принимаетъ пищи, и такимъ усиленнымъ постомъ и поклонами доводитъ себя до полнаго изнеможенія, до появленія разныхъ необычайныхъ видѣній, возникающихъ и развивающихся у него на почвѣ глубокой увѣренности, что въ такомъ состояніи онъ находится въ особой близости къ Богу и ко всѣмъ небожителямъ, которые, являясь ему, наставляютъ и просвѣщаютъ его. Но при такой его увѣренности въ своей святости и постоянной близости къ Богу, нравственныя воззрѣнія Аввакума однако грубы, эгоистичны, проникнуты крайней нетерпимостію, злобой и ненавистничествомъ ко всѣмъ, кто не съ нимъ, кто не подчиняется ему во всемъ и безусловно, онъ не хочетъ признать у своихъ противниковъ даже и одной хорошей черты, всегда и во всемъ подкладываетъ подъ всѣ ихъ дѣйствія и поступки самые низкіе, дурные и позорные мотивы, онъ только внушаетъ къ нимъ въ своихъ послѣдователяхъ одну ненависть, презрѣніе и отвращеніе. Но это, очевидно, не христіанская нравственность, а нравственность узко сектантская, нравственность кружковщины, вносящая въ общество не миръ, а вражду, не творчество, а разрушеніе.

ГЛАВА IX.

Оставленіе Никономъ патріаршей каѳедры.

Обстоятельства при которыхъ произошло оставленіе Никономъ патріаршей каѳедры. Самъ Никонъ за разное время указывалъ и на разныя причины, почему онъ оставилъ патріаршество. Истинныя причины оставленія Никономъ патріаршества. Какъ смотрѣть на оставленіе Никономъ патріаршей каѳедры: было-ли оно искреннимъ, или только притворнымъ?

6-го іюля 1658 года государь Алексѣй Михаиловичъ давалъ торжественный обѣдъ прибывшему въ Москву грузинскому царевичу Теймуразу. Ранѣе, на подобные обѣды царя, обыкновенно приглашался и патріархъ Никонъ; но на этотъ разъ его не пригласили. Когда грузинскій царевичъ церемоніально шелъ на царскій обѣдъ, окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, по порученію государя, очищалъ предъ нимъ путь среди толпы, собравшейся поглазѣть на шествіе. Въ это время въ толпѣ случился патріаршій стряпчій, князь Димитрій Мещерскій, котораго за чѣмъ-то посылалъ патріархъ. Хитрово, разгонявшій толпившійся народъ палкою, задѣлъ по головѣ князя Мещерскаго. Послѣдній, обращаясь къ Хитрово, сказалъ, какъ это передавалъ потомъ самъ Никонъ: „напрасно де бьешь меня, Богданъ Матвѣевичъ, — мы не пріидохомъ здѣ просто, но съ дѣломъ". Окольничій спросилъ Мещерскаго: „кто ты еси?"—Мещерскій отвѣтилъ: „патріаршъ человѣкъ и съ дѣломъ посланъ".—На это Хитрово заявилъ: „не дорожися-де (патріархомъ) и ударилъ его по лбу и уязви его горко зѣло". Мещерскій отправился къ Никону, плакалъ предъ нимъ и жаловался на побои Хитрово [1]).

Случай съ княземъ Мещерскимъ Никонъ принялъ какъ кровную обиду себѣ лично. Его самолюбіе уже сильно стра-

1) Зап. рус. арх. общ. т. II, стр. 514.

дало отъ того, что государь не пригласилъ его, какъ обычно, на торжественный обѣдъ, а тутъ еще публичное оскорбленіе его стряпчему, съ обиднымъ публичнымъ заявленіемъ: „не дорожися патріархомъ“. Вспыльчивый, невыдержанный Никонъ сейчасъ же написалъ царю письмо, въ которомъ требовалъ немедленнаго удовлетворенія за обиду его стряпчему. Царь во время обѣда собственноручно написалъ Никону, что онъ—царь разслѣдуетъ это дѣло и лично увидится съ патріархомъ. Это царское письмо немедленно было отослано къ Никону съ стольникомъ Матюшинымъ. Но Никонъ не успокоился и заявилъ Матюшину, что желаетъ удовлетворенія именно сейчасъ, о чемъ посланный и доложилъ государю, который еще продолжалъ сидѣть за обѣдомъ съ царевичемъ. Тогда терпѣливый Алексѣй Михаиловичъ, чтобы успокоить гнѣвливаго Никона, еще изъ за обѣда послалъ къ нему другое письмо съ тѣмъ же Матюшинымъ. Но Никонъ, прочитавъ это второе письмо царя, не только не успокоился, но капризно и съ угрозою заявилъ посланному: „воленъ-де Богъ и государь, коли-де мнѣ оборони не далъ, а я-де стану управливаться съ нимъ церковію“ [1]).

8-го іюля въ Москвѣ съ особою торжественностію совершался праздникъ Казанской Божіей Матери, причемъ на всѣхъ службахъ этого праздника всегда бывалъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, а самыя службы совершалъ патріархъ. Послѣдній, по обычаю, посылалъ приглашать царя къ службамъ. Но царь на этотъ разъ ни на одной службѣ не присутствовалъ. Никонъ увидѣлъ въ этомъ прямое пренебреженіе къ себѣ, публичное оскорбленіе царемъ его патріаршаго достоинства.

10-го іюля въ Успенскомъ соборѣ былъ праздникъ въ честь Ризы Господней, присланной царю Михаилу Өеодоровичу персидскимъ шахомъ. И на этомъ праздникѣ всегда бывалъ царь съ своимъ синклитомъ, но теперь онъ не только отказался присутствовать на вечернѣ и за всенощной, а прислалъ, послѣ заутрени, къ Никону князя Юрія Ромодановскаго, который заявилъ Никону: „царское величество гнѣвенъ на тебя и сего ради къ заутрени не пріиде и ко святой литоргіи ожидати не повелѣ“. Къ этому Ромодановскій

---

1) Гиб. I, 179.

отъ имени царя прибавилъ: „ты-де царское величество пренебреглъ еси и пишешься великимъ государемъ, а у насъ единъ есть великій государь—царь“. На это Никонъ отвѣтилъ: „называюся азъ великимъ государемъ не собою: сице восхотѣ и повелѣ называтися и писатися его царское величество. И на сіе свидѣтельство имѣемъ мы: грамоты писаны царскаго величества рукою“. На это Ромодановскій возразилъ: „царское величество почте тебя, яко отца и пастыря, *но ты не уразумѣлъ*, и нынѣ царское величество повелѣ мнѣ сказати тебѣ: отнынѣ впредь не пишешься и не называешься великимъ государемъ, а почитать тебя впредь не будетъ“ [1]).

Если бы Никонъ былъ человѣкъ сколько нибудь сдержанный и уравновешенный, если бы онъ сколько нибудь правильно понималъ свои отношенія къ государю и свое дѣйствительное положеніе въ государствѣ, то онъ, конечно, скрылъ бы свое личное неудовольствіе и обиду, постарался бы по времени видѣться съ царемъ, объясниться съ нимъ и уладить возникшія между ними недоразумѣнія, какъ это хотѣлъ и предлагалъ ему сдѣлать государь. Но Никонъ былъ слишкомъ невыдержанъ, гордъ и самолюбивъ, слишкомъ избалованъ постояннымъ необычнымъ вниманіемъ къ нему царя, чтобы хотя временно показать предъ нимъ свое архипастырское смиреніе и уступчивость. Никонъ вовсе и не думалъ смиренно идти на какіе либо компромиссы съ царемъ, а рѣшилъ дѣйствовать, какъ подсказывали ему его чрезмѣрное честолюбіе, его обиженная гордость: онъ рѣшилъ публично и торжественно отказаться отъ патріаршества, конечно въ тѣхъ видахъ, что царь снова всенародно и уничиженно будетъ молить его остаться на патріаршемъ престолѣ подобно тому, какъ царь ранѣе всенародно, плача и кланяясь до земли, молилъ его принять патріаршую каѳедру.

10-го іюля, въ праздникъ Ризы Господней, Никонъ ранѣе велѣлъ принести въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ служилъ, простую монашескую ряску, клобукъ и священническую палку. Въ концѣ литургіи, по заамвонной молитвѣ, онъ прочиталъ положенное поученіе и, обратившись къ народу, сталъ говорить о своемъ патріаршемъ недостоинствѣ, и въ заключеніе заявилъ, что болѣе онъ патріархомъ не будетъ, и

---

1) Зап. рус. арх. общ. т. II, стр. 515.

чтобы пасомые впредь патріархомъ его больше уже не называли. Послѣ этого Никонъ самъ снялъ съ себя патріаршее облаченіе и хотѣлъ было надѣть простую монашескую рясу, ранѣе припасенную, но власти не допустили его до этого, и онъ надѣлъ на себя черную архіерейскую мантію, черный клобукъ, взялъ въ руки клюку, и направился къ выходу изъ собора. Но народъ не пустилъ его, а послалъ къ царю доложить о случившемся въ соборѣ крутицкаго митрополита Питирима. Государь, выслушавъ докладъ Питирима, послалъ въ соборъ къ Никону своего знатнѣйшаго и уважаемаго боярина—князя Алексѣя Никитича Трубецкаго. Пришедши въ соборъ Трубецкой говорилъ Никону: „для чево онъ патріаршество оставляетъ, не посовѣтовавъ съ великимъ государемъ, и отъ чьево гоненья, и хто ево гонитъ? и что бъ онъ патріаршества не оставлялъ и былъ по прежнему. И патріархъ говорилъ: оставилъ-де я патріаршество собою, а ни отъ чьево и ни отъ какаго гоненія, государева-де гнѣва на меня никакаго не бывало; а о томъ-де я и прежъ сего великому государю билъ челомъ и извѣщалъ, что мнѣ болши трехъ лѣтъ на патріаршествѣ не быть. И далъ мнѣ письмо (это письменное показаніе Трубецкаго), а велѣлъ поднесть государю. Да со мною жъ приказывалъ, велѣлъ бить челомъ, что бъ государь пожаловалъ, велѣлъ дать ему келью. И просилъ я у него себѣ благословенія, и онъ меня не благословилъ, а говорилъ: какое-де тебѣ отъ меня благословеніе? Я-де недостоинъ патріархомъ быть; а будетъ же тебѣ надобно, и я-де тебѣ стану исповѣдать грѣхи свои. И я ему говорилъ: мнѣ до того какое дѣло, что твою исповѣдь мнѣ слушать, то дѣло не мое. И про то про все великому государю я извѣстилъ; и великій государь послалъ меня къ патріарху вдругорядъ, и то письмо велѣлъ ему, патріарху, отдать, и велѣлъ ему говорить, чтобъ онъ патріаршества не оставлялъ и былъ по прежнему; а келей на патріаршемъ дворѣ много, въ которой онъ похочетъ, въ той живи; и письмо ему я отдалъ. И патріархъ Никонъ сказалъ: уже-де я слова своего не перемѣню, да и давно-де у меня о томъ обѣщанье, что патріархомъ мнѣ не быть. И пошолъ изъ соборной церкви вонъ“ [1]).

---

1) Дѣло о патріархѣ Никонѣ. Изд. археогр. ком. 1897 г., стр. 15.

Послѣ этихъ переговоровъ съ царемъ чрезъ князя Трубецкаго, Никону не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ выйти изъ собора, что онъ и сдѣлалъ, направившись уже не въ патріаршія хоромы, а на подворье своего Воскресенскаго монастыря, откуда онъ чрезъ сутки и переѣхалъ на жительство въ самый Воскресенскій монастырь, отстоящій отъ Москвы въ пятидесяти съ небольшимъ верстахъ.

Изъ приведенныхъ нами свѣдѣній объ обстоятельствахъ оставленія Никономъ патріаршаго престола совершенно не видно тѣхъ побужденій, которыя заставили Никона оставить патріаршество. Никонъ заявилъ Трубецкому, что онъ оставляетъ патріаршество собою, что ему ни отъ кого никакого гоненія и никакихъ обидъ не было, что онъ и ранѣе не думалъ быть патріархомъ болѣе трехъ лѣтъ, почему, не смотря на приглашеніе государя остаться патріархомъ попрежнему, онъ твердо настаиваетъ на своемъ рѣшеніи отказаться отъ патріаршей каѳедры. 10-го іюля Никонъ оставилъ патріаршество, а 12 іюля царь посылалъ къ нему въ Воскресенскій монастырь того же князя Трубецкого, которому Никонъ говорилъ: „а что поѣхалъ онъ съ Москвы вскорѣ, не извѣстя великаго государя, и въ томъ предъ великимъ государемъ виноватъ; а убоялся тово, что ево постигла болѣзнь, и ему въ патріархахъ не умереть; а впредь де онъ въ патріархахъ быть не хочетъ; а только-де похочу быть патріархомъ, проклятъ буду и анаѳема“ [1]).

Впослѣдствіи Никонъ о причинахъ оставленія имъ патріаршества говорилъ не разъ и говорилъ не то, что передавалъ князь Трубецкой, а нѣчто другое и притомъ неодинаковое за различное время. Такъ въ письмѣ къ царю 1661 г. въ декабрѣ Никонъ заявляетъ, что такъ какъ государь не далъ ему удовлетворенія на его жалобу объ избіеніи патріаршаго стряпчаго князя Мещерскаго окольничимъ Богданомъ Хитрово, и такъ какъ онъ, Никонъ, вмѣсто удовлетворенія испыталъ только „тщеты, укоризны и уничиженіе неправедное“, то онъ и оставилъ патріаршій престолъ. На соборѣ 1666 года царь просилъ допросить Никона: „какой гнѣвъ и обида, и, чтобъ съ спрестола сшолъ, отъ него, великаго государь, къ нему, Никону, присылка была ли? И

---

[1]) Ibid. стр. 17.

бывшій Никонъ патріархъ сказалъ: „немилость-де великаго государя къ нему-то, что на околничего Богдана Матвѣевича недалъ оборони и къ церкви ходить не почалъ; а присылки-де, чтобъ онъ съ престола сошелъ и патріаршество оставилъ, отъ великаго государя къ нему не бывало, а сошелъ-де онъ собою“ [1]).

Итакъ, здѣсь Никонъ причиною оставленія имъ патріаршей каѳедры выставляетъ то единственное чисто случайное обстоятельство, что царь не далъ ему управы на Богдана Матвѣевича Хитрово, публично ударившаго патріаршаго стряпчаго князя Мещерскаго. Но, очевидно, эта причина была слишкомъ ничтожна сама по себѣ и ради нея, конечно, не стоило оставлять патріаршую каѳедру. Это хорошо понялъ Никонъ и потому въ другихъ случаяхъ, чтобы не показаться мелочнымъ и вздорнымъ человѣкомъ, постарался указать другія болѣе серьезныя причины оставленія имъ патріаршаго престола. Такъ, въ письмѣ къ Паисію Лигариду, въ іюнѣ 1662 года, Никонъ заявляетъ: онъ потому оставилъ патріаршую каѳедру, что царь сталъ гнѣваться на него, удаляться его, пересталъ ходить къ церковнымъ службамъ туда, гдѣ служилъ онъ, Никонъ, что „прислалъ къ намъ въ келію единаго отъ своихъ со многими неправедными словами поносными, и мы-то слыша его прещеніе и гнѣвъ безъ правды, помыслили дати мѣсто гнѣву, понеже стало быти не у чего,—судъ и всякая церковная управленія царская держава восприятъ *и намъ быти стало не у чего.* И по совершеніи святой литоргіи, елико достойно яже о себѣ, во святой церкви предъ Богомъ и всѣми людьми о всемъ засвидѣтельствовахомъ, и до царскаго величества посылалъ ключаря, да вѣсть о нашемъ отхожденіи, яко ничтоже Божіей церкви лукаво сотворихомъ, и се гнѣва ради твоего неправеднаго, повинуясь евангельскому словеси: аще гонятъ васъ изъ града, бѣжите во инъ градъ“ [2])... Значитъ Никонъ, по этому его заявленію, оставилъ патріаршій престолъ не потому, что царь не далъ ему удовлетворенія за оскорбленіе его стряпчаго, и даже не потому только, что царь на него гнѣвается безъ правды, напрасно, но, главнымъ

[1]) Гиб. II, 1013.
[2]) Ibid. I, 224.

образомъ, потому, что царь отнялъ у Никона и захватилъ въ свои руки весь церковный судъ и все церковное управленіе, такъ что патріарху не у чего стало оставаться и онъ, поэтому, оставилъ свой престолъ.

Въ своей грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію Никонъ заявляетъ, что когда царь не далъ ему удовлетворенія по дѣлу князя Мещерскаго, въ чемъ Никонъ увидѣлъ публичное поруганіе его патріаршаго сана, когда царь, вопреки обычаю, пересталъ ходить къ тѣмъ церковнымъ службамъ, которыя совершалъ Никонъ, когда прислалъ къ нему сказать, чтобъ онъ впредь не смѣлъ называться великимъ государемъ и царь почитать его болѣе не будетъ; тогда, говоритъ Никонъ, исповѣдавъ гнѣвъ царя предъ всѣмъ народомъ, „яко гнѣвается царь безъ правды, сего ради и въ церковное собраніе нейдетъ“, рѣшилъ удалиться въ пустынное мѣсто. На вопросъ же посланныхъ отъ царя: по какой причинѣ онъ оставляетъ патріаршій престолъ? отвѣчалъ: „даю мѣсто гнѣву царскаго величества, зане, кромѣ правды, его царскаго величества синклитъ, бояре и весь народъ, церковный чинъ небрегутъ и безчинія многая творятъ, а царское величество управы не даетъ, и въ чемъ мы печалимся, и онъ гнѣвается на насъ“ [1]). Здѣсь Никонъ, кромѣ ранѣе отмѣченной причины—неправеднаго царскаго гнѣва на него, указываетъ новую причину оставленія имъ патріаршей каѳедры: что будто бы царскій синклитъ, бояре и весь народъ „небрегутъ церковный чинъ и творятъ многія беззаконія“, и когда онъ, какъ архипастырь, указывалъ царю на это прискорбное обстоятельство, „царское величество управы не даетъ“, и даже болѣе: сталъ гнѣваться за это на Никона, которому, въ виду, указанныхъ обстоятельствъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить каѳедру. Слѣдовательно, причины оставленія Никономъ патріаршей каѳедры были глубже и серьезнѣе, чѣмъ случайное оскорбленіе патріаршаго слуги окольничимъ Хитрово.

Еще болѣе обстоятельный и болѣе откровенный отвѣтъ объ истинныхъ, интимныхъ причинахъ оставленія патріаршей каѳедры Никонъ даетъ въ своихъ возраженіяхъ на вопросы Стрѣшнева и отвѣты на нихъ Паисія Лигарида. Въ

---

[1]) Зап. рус. арх. общ. II, 516.

своемъ возраженіи на 5-й вопросъ Никонъ говоритъ, что царь, на поставленіи его, Никона, въ патріархи, торжественно предъ всѣмъ народомъ, синклитомъ и освященнымъ соборомъ обѣщался неизмѣнно хранить заповѣди Божіи, всѣ церковные законы и правила, „и елико онъ, великій государь царь, поясняетъ Никонъ, поелику возможно пребываетъ въ своемъ обѣщаніи, повинуяся святѣй церкви,—и мы терпѣли. Егда же онъ, великій государь царь, измѣнился отъ своего обѣщанія, и на насъ гнѣвъ положилъ неправильно, якоже вѣсть, и мы, помня свое обѣщаніе о храненіи заповѣдей Божіихъ“, засвидѣтельствовавъ публично „о напрасномъ царевѣ гнѣвѣ“, оставили патріаршій престолъ и водворились въ пустынѣ. Тутъ же далѣе Никонъ заявляетъ, что еще во время литургіи онъ тогда изъ собора, съ своимъ діакономъ Іовомъ, послалъ письмо къ царю такого содержанія: „се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, и того ради соборовъ святыхъ во святыхъ церквахъ лишаешись; азъ же пришелецъ есмь на земли; и се нынѣ, поминая заповѣдь Божію, дая мѣсто гнѣву,—отхожу отъ мѣста и града сего, и ты имаши отвѣтъ предъ Господомъ во всемъ дати“. [1]).

Въ приведенныхъ словахъ Никонъ, какъ на единственнаго виновника своего невольнаго оставленія патріаршаго престола, указываетъ на царя: Никонъ потому именно оставилъ престолъ, что царь, обѣщавшійся, при поставленіи Никона въ патріархи, хранить всѣ заповѣди Божія, всѣ церковные законы и правила, измѣнилъ въ этомъ отношеніи своему торжественному и публичному обѣщанію, и, къ тому же, сталъ неправедно гнѣваться на Никона, почему и вся вина оставленія послѣднимъ патріаршей каѳедры исключительно падаетъ на царя.

Въ отвѣтѣ на 17 вопросъ Никонъ увѣряетъ, что будто бы онъ, на вопросъ посланныхъ отъ царя—Рамодановскаго и Матюшина: зачѣмъ онъ уходилъ отъ патріаршества, отвѣчалъ такъ: „отъ не милосердія ево—царева иду съ Москвы вонъ, и пусть ему, государю, *просторнѣе безъ меня,* а то, на

---

1) Рукопись Моск. дух. академіи, № 218, содержащая въ себѣ возраженія Никона на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія Лигарида. Списокъ очень неисправный. Л. 86 об.

меня гнѣваяся, и къ церкви не ходитъ, и про тотъ гнѣвъ всему государству вѣдомо, что онъ, гнѣваяся на меня, не приходилъ. А вселенстѣй велицѣй церкви обидъ много стало, и божественныхъ заповѣдей Христовыхъ, и св. апостолъ и св. отецъ правилъ, какъ обѣщалъ на нашемъ поставленіи, не почалъ соблюдати. А мы, на избраніи своего патріаршества, и сами обѣщались, съ клятвою и подписаніемъ руки своея, Божія заповѣди и св. апостолъ и св. отецъ хранити. А онъ, великій государь, чрезъ божественныя правила судъ церковный отнялъ, насъ самѣхъ, и епископовъ, и аримандритовъ, и игуменовъ, и весь священническій чинъ велѣлъ своимъ приказнымъ людямъ судить". И, нѣсколько ниже, Никонъ замѣчаетъ, что онъ ушелъ изъ Москвы потому, „что отъ гнѣва царева невозможно стало жить". [1]).

Здѣсь Никонъ, кромѣ царскаго гнѣва на него, отъ котораго ему „невозможно стало жить", указываетъ и новыя причины своего удаленія съ патріаршей каѳедры: обидъ много стало отъ царя всей вселенской церкви, царь, вопреки божественнымъ правиламъ, захватилъ церковный судъ и подчинилъ всѣхъ духовныхъ, начиная съ патріарха, суду своихъ мірскихъ приказныхъ людей. И еще: Никонъ и потому ушелъ съ патріаршества, „что-бъ ему, государю, просторнѣе было безъ него, Никона". Смыслъ послѣдняго заявленія будетъ болѣе ясенъ и понятенъ изъ словъ Никона, заключающихся въ отвѣтѣ на 26-й вопросъ. Здѣсь Никонъ пишетъ: „егда изволилъ Богъ Никону митрополиту быть на патріаршествѣ, и Никонъ митрополитъ усмотрѣ во царѣ, и великомъ князѣ порокъ, который противенъ евангельскимъ святымъ заповѣдямъ, или противно что святымъ апостольскимъ и отеческимъ правиломъ, и ему, Никону, по писанному во псалмѣхъ, не стыдящеся говорити о заповѣдяхъ Господнихъ и св. апостолъ и св. отецъ правилѣхъ предъ цари и предъ бояры, а ему, государю царю, и государевымъ бояромъ, слушати во всемъ. И онъ, государь, и его бояра всѣ обѣщались во святѣй велицѣй церкви предъ Господомъ Богомъ и пресвятою Богородицею и всѣми святыми и всѣмъ освященнымъ соборомъ, заповѣдей Христовыхъ и св. апостолъ и св. отецъ правилъ слушати, и

[1]) Ibid. л. 131 об. 134 об.

ничтоже инако коею-либо тщетною хитростію, по преданію человѣческому и стихіямъ міра сего, мудрствовать. И отъ исперва убо былъ царь благъ и кротокъ *и послушливъ былъ*, и Никонъ на патріаршествѣ былъ. А какъ царь и великій князь развратился со святою соборною и апостольскою церковію, и святыя заповѣди Божія, и св. апостолъ и св. отецъ правила въ презрѣніе положилъ, *и Никона—патріарха не началъ слушать,* но и укоряти неподобно", тогда Никонъ оставилъ патріаршество, „дая мѣсто гнѣву царскому". [1]).

Здѣсь Никонъ выставляетъ и еще новую причину оставленія имъ патріаршества. По его объясненію дѣло стояло такъ: онъ подъ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ согласился сдѣлаться патріархомъ, если царь и бояре будутъ слушать его во всемъ, когда онъ будетъ говорить и настаивать предъ ними на точномъ храненіи и соблюденіи заповѣдей Божіихъ, правилъ св. апостолъ св. отецъ. Они дали ему такое обѣщаніе, и въ началѣ царь дѣйствительно „послушливъ былъ", т. е. во всемъ слушалъ Никона и во всемъ подчинялся ему, почему „Никонъ на патріаршествѣ былъ". Но потомъ царь „Никона—патріарха не началъ слушать", и даже болѣе: сталъ его „укорять неподобно", и тогда Никонъ оставилъ патріаршество. Значитъ, пребываніе или непребываніе Никона на патріаршей каѳедрѣ зависѣло единственно отъ послушанія или непослушанія царя Никону: слушаетъ царь Никона, — онъ остается патріархомъ, перестаетъ царь слушать Никона, начинаетъ дѣйствовать по своему, Никонъ оставляетъ патріаршество.

Находясь, послѣ соборнаго лишенія сана, въ ссылкѣ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, Никонъ, 21 декабря 1671 года, писалъ государю, что когда онъ, Никонъ, вопреки его желанію былъ избранъ и поставленъ патріархомъ, „я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ билъ челомъ, что меня въ такое великое дѣло не станетъ, но твой глаголъ превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года. По прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ въ монастырь, и ты милостиваго своего указа не учинилъ. Я, видя, что мнѣ челобитьемъ

1) л. 476.

отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя, и съ патріаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь". [1]) Въ приведенномъ позднѣйшемъ письмѣ къ царю Никонъ представляетъ дѣло своего ухода съ патріаршей каѳедры въ высшей степени оригинально, совершенно отлично отъ того, что онъ говорилъ по этому поводу ранѣе. именно: онъ теперь увѣряетъ, что будто бы всегда считалъ себя, по своей худости и недостатку ума, непригоднымъ для занятія патріаршей каѳедры, и если на это согласился, то единственно по настоянію царя и освященнаго собора, причемъ онъ, ставши патріархомъ, все-таки постоянно думалъ объ оставленіи патріаршей каѳедры и не разъ просилъ царя о своемъ увольненіи отъ патріаршества. Но царь рѣшительно отказывалъ ему въ этихъ ходатайствахъ. Тогда онъ желая во чтобы-то ни стало оставить патріаршую каѳедру и уйти въ монастырь, сталъ нарочно поступать такимъ образомъ, чтобы своимъ поведеніемъ въ концѣ раздражить царя, вывести его изъ терпѣнія и тѣмъ заставить забыть Никона.

Современники дѣло ухода Никона съ патріаршей каѳедры объясняли однако гораздо проще. Вятскій епископъ Александръ, напримѣръ, пишетъ государю: „многимъ мнится, благочестивый царю, яко сего ради кручиненъ былъ Никонъ, что на пиръ не званъ. Не сего-ли ради и дерзостно послалъ стряпчего своего безобразно въ царскую твою палату, чрезъ волю твою государеву, гдѣ ему и быть не годится?". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же епископъ замѣчаетъ: „Никонъ умъ погубя, оставилъ престолъ и ни кимъ гонимъ, гордости ради и гнѣва, остави власть, многа богатства земъ, отъиде" [2]).

Такимъ образомъ самъ Никонъ, по разнымъ случаямъ и въ разное время не одинаково отвѣчалъ на вопросъ, почему онъ оставилъ патріаршество. Сначала—князю Трубецкому въ Успенскомъ соборѣ—онъ говорилъ, „что оставилъ патріаршество собою, а ни отъ чьево и ни отъ какова гоненія, и государева гнѣва на него никакаго не бывало;" то заявлялъ—тому же Трубецкому въ Воскресенскомъ монастырѣ 12 іюля — что онъ оставилъ патріаршество, такъ какъ

---

[1]) Соловьева, т. XI, 385.
[2]) Матер. VII, 119, 127.

„убоялся тово, что ево постигла болѣзнь и ему-бъ въ патріархахъ не умереть;“ то заявлялъ, что царь „не далъ ему оборони“ на Богдана Хитрово; или: что царь на него разгнѣвался и пересталъ ходить въ церковь туда, гдѣ служилъ Никонъ: то указывалъ причину оставленія имъ патріаршей каѳедры въ томъ обстоятельствѣ, что царь, бояре и народъ стали пренебрегать церковнымъ чиномъ и творить многія безчинія, а царь за это управы не даетъ; то увѣрялъ, что царь пересталъ соблюдать заповѣди Божіи, правила св. апостолъ и св. отецъ, захватилъ себѣ весь церковный судъ, сталъ обижать святую вселенскую церковь, пересталъ слушаться Никона и даже началъ укорять его „неподобно;“ то наконецъ увѣрялъ, что онъ будто бы никогда нехотѣлъ быть патріархомъ и, сдѣлавшись имъ поневолѣ, подъ давленіемъ желанія царя, синклита и освященнаго собора, постоянно стремился оставить патріаршество, пока своевольнымъ удаленіемъ съ патріаршей каѳедры, не достигъ этой всегда желанной для него цѣли.

Очевидно не въ намѣреніяхъ и интересахъ Никона было указывать и точно формулировать истинныя причины неожиданнаго оставленія имъ патріаршества, почему въ разное время онъ и указывалъ на разныя причины. Понятно, что Никонъ, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ серьезныя основанія поступать такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что Никонъ считалъ себя и дѣйствительно былъ великимъ государемъ, онъ дѣйствительно царилъ и въ церкви и государствѣ, и даже заслонялъ собою настоящаго царя. Онъ требовалъ отъ послѣдняго безусловнаго подчиненія себѣ во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, соблюденія всѣхъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, постановленій благочестивыхъ византійскихъ императоровъ, всего церковнаго чина и всѣхъ церковныхъ постановленій. Но въ то время церковность была неразрывно связана со всею государственною, общественною и частною жизнію, проникая рѣшительно все и всюду, такъ какъ всѣ, начиная съ царя, хотѣли тогда строить свою жизнь согласно съ заповѣдями Божіими, правилами св. апостоловъ, св. отецъ и всѣми церковными узаконеніями. Въ виду этого Никонъ, требуя себѣ права контроля и опеки надъ церковностію и ея строгаго соблюденія всѣми въ жизни, въ существѣ дѣла присвоивалъ себѣ контроль надъ всею тогдашнею государ-

ственною, общественною и частною жизнію, такъ что всѣ и во всемъ обязаны были подчиняться властнымъ требованіямъ и указаніямъ патріарха, человѣка къ тому же нетерпимаго, гордаго, самолюбиваго и очень суроваго и скораго на расправу съ тѣми, которые не подчинялись ему безусловно. Естественно, что постоянная, властно-настойчивая и очень стѣснительная архипастырская опека Никона, многимъ казалась тяжелымъ, невыносимымъ игомъ, переносить которое у многихъ не хватало силъ и терпѣнія. Царь сначала безприкословно подчинялся своему „собинному", очень настойчивому и притязательному другу, который все болѣе входилъ въ роль опекуна и пѣстуна царя, всей государственной и общественной жизни, но потомъ, съ теченіемъ времени, благодушный и уступчивый обыкновенно Алексѣй Михайловичъ началъ тяготиться тяжелой патріаршей опекой, сталъ постепенно освобождаться изъ подъ властной тяжелой руки Никона, сталъ стремиться дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ того, нравится или нѣтъ какой либо его поступокъ патріарху Никону. Никонъ подмѣтилъ измѣнившіеся къ нему отношенія царя и увидѣлъ въ этомъ измѣну царя, его отступленіе отъ праваго истинно-христіанскаго пути, такъ какъ прежнія—подчиненныя отношенія къ нему царя, признавалъ единственно нормальными и настоящими отношеніями благочестиваго православнаго царя къ духовному главѣ народа—патріарху. До крайности самолюбивый, неправильно представлявшій, какими должны быть его отношенія къ царю, Никонъ вовсе не думалъ мириться съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ, и держалъ себя по прежнему гордо и притязательно, какъ бы онъ и на самомъ дѣлѣ былъ великимъ государемъ, дѣйствительнымъ законнымъ контролеромъ всей государственной и общественной жизни и всей дѣятельности самого царя. Тогда, выведенный изъ терпѣнія притязательностію Никона, государь приказалъ сказать ему, чтобы онъ впредь не называлъ себя великимъ государемъ и что такимъ царь болѣе почитать его не будетъ. Никонъ, оказалось, не могъ ни отпарировать, ни съ достоинствомъ выдержать нанесенный ему ударъ, для этого у него не хватало ни нравственнаго мужества и благородства, ни характера и выдержки, ни должнаго христіанскаго смиренія, присущаго архипастырю церкви. Никонъ, по сво-

ему обычаю, сталъ бросаться изъ стороны въ сторону и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе терялъ равновѣсіе и всякое благоразуміе. Онъ смотрѣлъ тогда на все совершавшееся только съ точки зрѣнія своего личнаго положенія, личнаго самолюбія, оскорбленный личной гордости. Онъ, предъ которымъ доселѣ все преклонялось: царь, бояре, архіереи и всѣ, который царилъ и въ церкви и государствѣ, давая тонъ и направленіе ихъ жизни, долженъ былъ теперь низойти на уровень обыкновеннаго зауряднаго подданнаго царя, долженъ былъ признать власть царя высшимъ для себя руководящимъ началомъ, наравнѣ съ другими подданными подчиняться всякимъ идущимъ отъ царя приказаніямъ, внушеннымъ можетъ быть даже личными врагами Никона, которыхъ у него было такъ много. При такомъ положеніи дѣлъ патріаршество, казалось Никону, только унижало его, дѣлало его жалкимъ въ глазахъ всѣхъ, привыкшихъ доселѣ видѣть его на недосягаемой высотѣ, рядомъ съ царемъ и даже затѣнявшимъ, своею исключительною властію и мощію, послѣдняго. При такой настроенности Никона ему оставалось одно: или возстановить и закрѣпить свои прежнія отношенія къ царю, или же, если это невозможно, совсѣмъ отказаться отъ потерявшаго для него цѣну патріаршества. Не раздумывая долго, подъ вліяніемъ болѣзненно уязвленнаго самолюбія, Никонъ поспѣшилъ продѣлать извѣстную намъ сцену всенароднаго отрѣченія отъ патріаршества въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Конечно онъ при этомъ надѣялся, что царь придетъ въ соборъ и вмѣстѣ съ боярами и народомъ будетъ молить его остаться на патріаршествѣ. Но этого не случилось и Никонъ уѣхалъ на житье въ свой Воскресенскій монастырь.

Что причина удаленія Никона съ патріаршества заключалась дѣйствительно въ стремленіи царя ввести власть Никона въ должныя и потому болѣе узкія границы, что бы она нисколько не тѣснила и не затемняла царской власти, а была бы только вѣрнымъ слугою и работницею послѣдней и притомъ въ томъ только кругѣ дѣятельности, предѣлы и сферу которой укажетъ ей царская власть,—это видно изъ нѣкоторыхъ оброненыхъ Никономъ выраженій, когда онъ указывалъ на причины оставленія имъ патріаршей каѳедры. Такъ онъ заявилъ, что потому ушелъ изъ Москвы, что бы

государю было „просторнѣе безъ меня“, чѣмъ Никонъ ясно призналъ, что будучи патріархомъ, онъ дѣйствительно стѣснялъ государя. Въ другомъ случаѣ онъ говоритъ, что пока царь, „послушливъ былъ и Никонъ на патріаршествѣ былъ“, а какъ скоро царь „Никона патріарха не почалъ слушать“, онъ оставилъ патріаршество, т. е. и здѣсь Никонъ признаетъ, что оставленіе имъ патріаршей каѳедры зависѣло единственно отъ того обстоятельства, что царь, ранѣе во всемъ послушный Никону, теперь пересталъ его слушать.

По поводу оставленія Никономъ патріаршества невольно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно-ли Никонъ совсѣмъ хотѣлъ оставить патріаршество, или это было однимъ притворствомъ съ его стороны, расчитаннымъ только на то, чтобы побудить этимъ царя приклониться предъ патріархомъ и признать его своимъ опекуномъ?

Если взять во вниманіе заявленія Никона въ Успенскомъ соборѣ 10-го іюля, и его заявленія вскорѣ послѣ оставленія имъ патріаршества, то, на основаніи ихъ, можно предположить, что онъ окончательно оставилъ патріаршество и о возвращеніи не думалъ. Такъ, по свидѣтельству, вполнѣ согласному, всѣхъ лицъ, бывшихъ въ соборѣ 10-го іюля, и послѣ дававшихъ оффиціальныя показанія о событіи, Никонъ торжественно и окончательно отказался отъ патріаршества и всенародно заявилъ, что болѣе патріархомъ онъ уже не будетъ и чтобы впредь его не считали такимъ. Это вполнѣ подтверждается и показаніемъ князя Трубецкаго, который 12 іюля былъ у Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ и отъ имени государя говорилъ ему, чтобы онъ, „кому изволитъ Богъ и Пресвятая Богородица быти на ево мѣсто патріархомъ, подалъ благословеніе, и церковь и домъ Пресвятыя Богородицы, покамѣста патріархъ будетъ, благословилъ бы вѣдать Крутицкому митрополиту“. На это предложеніе Никонъ отвѣтилъ: „а кого Богъ изволитъ и пресвята Богородица и великій государь укажетъ быти на ево мѣсто патріархомъ, и онъ, патріархъ, благословляетъ, и великому государю бьетъ челомъ, чтобъ церковь Божія не вдовствовала и безпастырна не была, а церковь и домъ пречистыя Богородицы благословляетъ, покамѣста патріархъ будетъ, крутицкому митрополиту... А впредь-де онъ въ патріархахъ быть не хочетъ; а только-де я похочу быть патріархомъ,

проклятъ буду и анаѳема“. Въ письмѣ къ царю, въ іюлѣ того же 1658 года, въ которомъ онъ проситъ царя простить его въ томъ, что онъ отправился изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь не дождавшись царскаго разрѣшенія и указа, Никонъ уже выражается о себѣ: „смиренный Никонъ, *бывшій* патріархъ“, при чемъ свой скорый отъѣздъ изъ Москвы объясняетъ своею болѣзнію: „многихъ ради своихъ болѣзней, пишетъ онъ, велѣлъ отвестися въ ваше государево богомолье въ Воскресенскій монастырь“. То же самое Никонъ подтвердилъ, 15 февраля 1660 года, посланнымъ къ нему отъ царя: Прокофію Елизарову и дьяку Алмазу Иванову. Онъ говорилъ имъ: „а что-де ему нарицатися патріархомъ, и онъ-де того имени не отрицался, только не хощетъ именоватись московскимъ, потому что престолъ великія Росіи оставилъ своею волею, и къ великому государю съ бояриномъ со княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ и съ околничимъ Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ онъ, патріархъ, приказывалъ, и тѣ слова и нынѣ держитъ непреткновенно, и то, что къ возвращенію на прежней святительскій престолъ и въ мысли у него нѣтъ: какъ-де онъ тогда, оставляя престолъ, благословилъ его, великаго государя, и весь освященный соборъ обирати патріарха, кого Богъ благословитъ, такъ и нынѣ-то благословеніе подтверждаетъ же, и связаннымъ всѣмъ, которымъ во отшествіе подалъ разрѣшеніе, такъ и нынѣ тѣхъ прощаетъ и благословляетъ“ [1]).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ оказывается, что Никонъ окончательно отказался отъ патріаршества и, въ первое время, вовсе не думалъ возвращаться на патріаршую каѳедру, почему и благословлялъ государя и освященный соборъ избрать немедленно на его мѣсто новаго патріарха.

Къ сожалѣнію царь не воспользовался во время указаннымъ настроеніемъ Никона и опустилъ подходящій моментъ сразу и окончательно разрѣшить патріаршій кризисъ немедленнымъ избраніемъ новаго патріарха, а Никонъ, съ своей стороны, сталъ потомъ колебаться въ своемъ рѣшеніи окончательно оставить патріаршество, сталъ уже увѣрять въ томъ, что онъ отъ патріаршества не отрекался и даже сталъ заявлять притязанія вновь занять патріаршую каѳедру.

---

1) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 1—2, 14, 17.

Въ первый разъ, послѣ своего удаленія съ патріаршей каѳедры, Никонъ выступилъ на общественную дѣятельность, какъ ревнитель церковныхъ порядковъ, которые безъ него грубо, будто бы, стали нарушаться. Въ мартѣ 1659 года онъ обратился съ особымъ посланіемъ къ государю, въ которомъ заявляетъ, что „нѣкто дерзну сѣдалище великаго архіерея всея Росіи олюбодѣйствовати незаконно и непреподобно и святыя недѣли Ваій дѣяніе дѣйствовати“, т. е. Никонъ здѣсь указывалъ царю на то обстоятельство, что будто бы старинное у насъ дѣйство хожденія на осляти въ недѣлю Ваій, совершенное тогда крутицкимъ митрополитомъ Питиримомъ, было незаконно, такъ какъ это дѣйство, знаменующее торжественный входъ Христа на осляти въ Іерусалимъ, можетъ совершать будто бы только одинъ патріархъ, а не простой архіерей, и потому государь поступилъ неправо, дозволивъ совершить это дѣйство крутицкому митрополиту. Заявляя все это государю, Никонъ замѣчаетъ, что онъ дѣлаетъ это „ни собою, ниже къ возвращенію зря, яко песъ къ своей блевотинѣ—къ любоначалію и власти, но жалѣя погибаемо добро и въ книги (къ книгамъ) обратившеся, помянули есмы нѣгдѣ писанное, яко не впадаетъ добрая мысль въ сердце человѣку, кромѣ Божія смотрѣнія“. Когда 17 мая того же 1659 года былъ у Никона, по порученію государя, дьякъ Дементій Башмаковъ, Никонъ между прочимъ говорилъ ему: „что власти его поставленники многіе и имъ-де его, патріарха, почитать доведется,... что онъ, Никонъ, хотя и оставилъ патріаршество своею волею и московскимъ не зовется и николи зваться не будетъ, но патріаршества не оставилъ и благодать остается при немъ“, при чемъ указывалъ на сдѣланныя имъ исцѣленія больныхъ [1]).

Очевидно Никонъ не хотѣлъ уже оставаться спокойнымъ зрителемъ тогдашнихъ событій, а рѣшилъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, мотивируя свое вмѣшательство ревностію къ сохраненію правыхъ церковныхъ порядковъ, которые-де, съ его удаленіемъ, грубо нарушаются крутицкимъ митрополитомъ. Въ то же время Никонъ заявляетъ уже требованіе, чтобы архіереи, какъ его ставленники, почитали его и слушали, такъ какъ при своемъ ставленіи они дали ему ру-

---

[1]) Ibid. стр. 3—5. Гиб. I, 171—172.

кописное обѣщаніе слушаться его и почитать какъ своего отца.

Вмѣшательство Никона въ церковныя дѣла показывало, что онъ уже сталъ тяготиться своимъ уединеніемъ, своею полною отрѣшенностію отъ общественныхъ дѣлъ, что его снова потянуло къ публичной общественной дѣятельности и онъ уже не могъ болѣе оставаться спокойнымъ. Его особенно сильно угнетало теперь то обстоятельство, что онъ совсѣмъ удаленъ отъ царскаго двора, гдѣ такъ недавно онъ былъ первымъ лицомъ, пользующимся особымъ исключительнымъ положеніемъ и почетомъ. Въ его воображеніи невольно воскресали былые роскошные царскіе пріемы и обѣды, которыхъ онъ теперь былъ лишенъ. Съ присущею ему несдержанностію Никонъ поспѣшилъ въ посланіи сообщить царю свое угнетенное настроеніе, свою крайнюю печаль и свое томленіе по поводу невольнаго отсутствія его на одномъ имянинномъ обѣдѣ у царя. Въ іюлѣ 1659 года Никонъ пишетъ про себя государю: „бѣ иногда во всякомъ богатствѣ и единотрапезенъ бѣ съ тобою (царемъ), не стыжуся о сихъ похвалитися, питанъ яко телецъ на заколеніе толстыми многими пищами, по обычаю вашему государеву, его же азъ много насладивъ, *вскорѣ не могу забыти*: еже нынѣ іюля въ 25 день торжествовася рожденіе благовѣрные царевны и великіе княжны Анны Михаиловны вси возвесилившеся о добромъ томъ рождествѣ насладившись. Единъ азъ, яко песъ, *лишенъ богатыя вашея трапезы*; но и пси, по реченному, напитываются отъ крупицъ, падающей отъ трапезы господей своихъ. Аще не бы яко врагъ вмѣненъ, не бы лишенъ малого уломка хлѣба богатыя вашея трапезы“. Картинно изобразивъ свои томленія при воспоминаніи о роскошныхъ царскихъ трапезахъ, на которыхъ онъ уже болѣе не присутствуетъ, жалуясь на то, что онъ забытъ, тогда какъ другіе пирують съ царемъ, Никонъ то уничиженно, то властно и учительно молитъ царя не гнѣваться на него—Никона. „Азъ пишу не яко хлѣба лишаяся, говоритъ онъ, но милости и любве истязая отъ тебе, великаго государя, и да не посрамишися и о сихъ отъ Господа Бога... А азъ егда не зѣло богатился нищетою, тогда паче и паче пріумножена ваша милость... Самаго тебе молю, престани, Господа ради, туне гнѣватися; солнце, речеся, во гнѣвѣ вашемъ да не зайдетъ...

Азъ же нынѣ паче всѣхъ человѣкъ оболганъ тебѣ, великому государю, поношенъ и укоренъ неправедно; сего ради молю: претворися Господа ради и не дѣй мнѣ грѣшному немилосердія... Како не имати постыдѣтися глаголющаго: блажени милостивы, яко тіи помилованы будутъ? Како имаши помилованъ быти, самъ не бывъ милостивъ?... Господа ради молю, престани отъ таковыхъ! Аще и царь еси велій, отъ Бога поставленный, но правды ради. Чтожь ли моя неправда предъ тобою, что церкви ради суда на обидящаго просилъ? И не точію судъ праведенъ получилъ, но и отвѣты полны немилосердія"... Такъ молилъ Никонъ царя перемѣнить гнѣвъ его на милость къ нему, но и въ письмѣ такого характера не могъ удержаться отъ гнѣвныхъ и укорительныхъ выраженій по адресу государя. „И дивлюся о семъ, пишетъ онъ царю, како вскорѣ въ такое дерзновеніе пришелъ еси, иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ наносити, яко же и святые законы не повелѣваютъ: нынѣ же всего міра иногда бывша аки пастыря восхотѣхъ грѣхи и таинства видѣти, и не самъ точію, но и мірскимъ, имъ же дерзающемъ безстрашно не поставь Господи во грѣхъ, аще не покаются? Вскую наша нынѣ судится отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ" [1])? Въ приведенномъ письмѣ Никона къ царю очень характерно то обстоятельство, что для него, послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, особенно дорого было воспоминаніе не о покинутой имъ и осиротѣвшей съ его уходомъ церкви и паствѣ, а о царскомъ дворцѣ, о роскошныхъ царскихъ трапезахъ, на которыхъ онъ ранѣе упитывался „яко телецъ на заколеніе". Не во имя блага церкви и пасомыхъ Никонъ уничиженно молитъ царя о прощеніи, а ради того, чтобы опять наслаждаться, вмѣстѣ съ другими, царскою обильною трапезою и близостью къ царю. Очевидно, такъ могъ писать Никонъ не какъ архипастырь и патріархъ русской церкви, а какъ царедворецъ, которому близки и дороги только интересы, тѣсно связанные съ близостью къ царскому двору.

Если вскорѣ послѣ оставленія патріаршей каѳедры Никонъ безъ всякихъ условій соглашался на немедленное избраніе

---

1) Ibid. стр. 6—12.

вмѣсто себя новаго патріарха, что бы церковь не вдовствовала, то потомъ онъ уже стремится выборъ новаго патріарха возможно отдалить и затруднить, заявляя, что достоинство или санъ патріаршества онъ не оставлялъ, что благодать Св. Духа осталась при немъ по прежнему, такъ что безъ него правильное, законное поставленіе новаго патріарха не можетъ состояться. Въ мартѣ 1660 года царь послалъ къ Никону стольника Матвѣя Пушкина, который говорилъ ему, что онъ, Никонъ, ранѣе, чрезъ князя Трубецкаго, потомъ чрезъ Прокофья Елизарова и дьяка Алмаза Иванова, подалъ государю благословеніе избрать новаго патріарха, „кого онъ, великій государь, изволитъ", и что бы теперь онъ объ этомъ отписалъ великому государю. Но теперь Никонъ уже не соглашался лично устраниться отъ поставленія новаго патріарха, напротивъ настаивалъ на своемъ обязательномъ личномъ участіи въ этомъ актѣ. Онъ говорилъ Пушкину: „на такое дѣло, что патріарха поставить безъ нево, онъ не благословляетъ; кому де ево, безъ него (т. е. Никона) патріарха, ставить и митру на нево положить? потому что митру дали ему патріархи вселенскіе, а митрополиту де митру на новаго патріарха положить невозможно; да и посохъ де съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? потому что де онъ, патріархъ, самъ живъ и благодать Святаго Духа съ нимъ; оставилъ де онъ престолъ, а архіерейства не оставливалъ, про то де вѣдомо великому государю, что онъ и патріаршеской сакъ и амоѳоръ взялъ съ собою.. Будетъ великій государь изволить ему, патріарху, быть къ Москвѣ, и по ево де, великаго государя, указу, онъ, патріархъ, новоизбранново патріарха поставитъ, и отъ великаго государя принявъ милостивое прощеніе и со архіереи простяся и подавъ всѣмъ благословеніе, пойдетъ въ монастырь" [1]).

Затѣмъ Никонъ пошелъ и далѣе. Онъ сталъ завѣрять, что будто бы онъ оставилъ патріаршество только на время, а не навсегда и что онъ готовъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, снова возвратиться на патріаршій престолъ. Въ частной бесѣдѣ съ своимъ доброжелателемъ, бояриномъ Никитою Зюзинымъ, Никонъ, на его вопросъ: „для чего съ престола своего онъ сшёлъ и впредь ему быть ли? отвѣчалъ:

———

1) Ibid. стр. 19.

„сшелъ съ сердца, а впредь-де ему отчего не быть?“ Значитъ, своимъ близкимъ людямъ въ частныхъ бесѣдахъ Никонъ уже рѣшительно заявлялъ, что онъ оставилъ патріаршій престолъ не окончательно и что онъ непрочь возвратиться на него. Мысль о возвращеніи на патріаршество настолько сильно овладѣла Никономъ, что онъ, вопреки всѣмъ прежнимъ заявленіямъ о своемъ не желаніи быть патріархомъ, рѣшился на крайній поступокъ. Упомянутый доброжелатель Никона, бояринъ Зюзинъ, не разъ устно и письменно заявлялъ ему, что онъ напрасно оставилъ патріаршій престолъ и что ему слѣдуетъ возвратиться на него. На эти настоянія Зюзина Никонъ говорилъ ему: „по времени возвращусь, а ты пиши ко мнѣ и впредь о томъ пришествіи моемъ (на патріаршій престолъ)“. Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей Никона, Зюзинъ составилъ цѣлый планъ возвращенія Никона на патріаршій престолъ. Онъ написалъ Никону особое письмо, въ которомъ сообщалъ ему, когда и какъ тому нужно пріѣхать въ Москву, какъ тамъ дѣйствовать, причемъ увѣрялъ, что будто бы царь искренно желаетъ его возвращенія на патріаршество, только не хочетъ выступать въ этомъ дѣлѣ открыто. Никонъ, уже мечтавшій теперь о своемъ возвращеніи на патріаршество, охотно повѣрилъ письму Зюзина и 18 декабря 1664 года неожиданно пріѣхалъ ночью въ Москву, во время утрени явился въ Успенскій соборъ и сталъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ, какъ это было въ прежнее время. Изъ собора Никонъ послалъ доложить о своемъ прибытіи государю, который немедленно пригласилъ къ себѣ бывшихъ тогда въ Москвѣ архіереевъ, а также комнатныхъ бояръ и, посовѣтывавшись съ ними, послалъ сказать Никону, что бы онъ возвратился въ тотъ монастырь, изъ котораго пріѣхалъ. Никонъ отвѣтилъ посланнымъ царя: „онъ сошёлъ съ престола ни кѣмъ гонимъ, а нынѣ онъ пришелъ на свой престолъ ни кѣмъ зовомъ для того, что-бъ де великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ; а отъ суда де вселенскихъ патріарховъ онъ не бѣгаетъ, а пришолъ-де онъ на свой престолъ по явленію. И давалъ мнѣ къ великому государю писмо“. Въ то же время Никонъ заявилъ посланнымъ государя, что пока онъ не получитъ отвѣта на свое письмо, „до тѣхъ мѣстъ изъ соборные церкви не пойдетъ“. Очевидно, Никонъ придавалъ своему письму къ государю большое

значеніе. И дѣйствительно, оно очень характерно для его отношеній къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ немъ Никонъ прежде всего заявляетъ, „что слыша смятеніе, и молву велику о патріаршескомъ столѣ: овіи тако, иніи инако глаголюще развращенная, и нѣсть ничто же истина, но каждо что хощетъ, то тотъ и глаголетъ“, рѣшилъ обратиться къ Господу, что бы Онъ извѣстилъ его, „чему подобаетъ быти“. Въ теченіи пяти дней онъ подвергъ себя самому суровому посту: ни чего не ѣлъ, ни пилъ, „ни сну причащаяся, лежа на ребрехъ, развѣе утомився—сѣдѣвъ съ часъ въ сутки“; но все время неустанно молился со слезами, „вопіюще и плачуще, дондеже извѣститъ ми Господь Богъ, что суть подобаетъ сотворити, и что суть годно Его святой воли“. И вотъ уже на пятый день, когда онъ отъ крайняго утомленія впалъ какъ бы въ легкій сонъ, Господь послалъ ему просимое видѣніе. Никонъ разсказываетъ: „видѣхъ се: обрѣтохся во святѣй соборной церкви, и видѣхъ свѣтъ великъ зѣло, обаче отъ живущихъ никого ту видѣхъ, но прежде бывшими лѣты усопшихъ святителей, и священниковъ, стоящихъ по стронамъ, идѣже гроби прежде усопшихъ святыхъ отецъ—митрополитовъ и патріарховъ. Единъ же нѣкто святолѣпенъ мужъ, сѣдиною честною доволенъ, или велми красенъ, браду имѣя густу велми, мало продолговату, во священныхъ святительскихъ одеждахъ вси стояху. Той же, вышепомянутый святолѣпный мужъ, обходя по инымъ святымъ отцемъ, хартію и киноварницу съ киноваремъ обноситъ по всѣмъ святителемъ, они же вси подписуютъ. Азъ же со страхомъ приступивъ къ носящему хартію и киноварницу, вопросихъ его, что сіе творите, подписующе руки на хартіи? Онъ же рече ми: о твоемъ пришествіи на престолъ святый. Азъ рече: покажи ми, аще есть истина. Онъ же показа ми. И смотряхъ, и бысть тако. Азъ же паки рекохъ ему: ты подпишешилися? Онъ рече: подписахомся уже. И показа ми о себѣ написанное. Азъ смотривъ со вниманіемъ, и обрѣтшеся истина, написано полтретьи строки сице: смиренный Іона, Божіею милостію митрополитъ, тако страхомъ Божіимъ подписую подобно есть. Азъ же пріимъ дерзновеніе, идохъ къ мѣсту. И хотящу ми взыти, обрѣтохъ святителя стояща на мѣстѣ, въ честныхъ одѣянъ архіерейскихъ одеждахъ, и ужасохся. Онъ же рече ми, не ужасайся, брате, яко

тако воля Божія есть. Взыди на столъ свой и паси словесныя Христовы овцы, яже ти Господь поручилъ. И абіе невидимъ бысть. Азъ же утвердився, взыдохъ. Мню же святителя стояща—Петра чудотворца. Ей ей, тако ми Господь свидѣтель на се. Аминь“ [1]).

Приведенный разсказъ Никона о бывшемъ ему 17 ноября 1664 года, чудесномъ видѣніи отъ Господа, показываетъ, что Никонъ, свое неожиданное возвращеніе на патріаршую каѳедру хотѣлъ было обосновать на особомъ бывшемъ ему божественномъ видѣніи: онъ потому теперь неожиданно для всѣхъ возвратился на свой патріаршій престолъ, что такова была, открытая ему въ видѣніи, особая воля Божія, которой онъ понятно, не могъ ослушаться. Очень можетъ быть, что ранѣе Никону удавалось разсказами о подобныхъ видѣніяхъ вліять на царя, подчинять его своей волѣ и дѣлать его послушнымъ орудіемъ своихъ желаній. Но, на этотъ разъ, царь не выразилъ ни малѣйшей охоты повѣрить видѣнію Никона и сообразовать съ нимъ свое дальнѣйшее отношеніе къ нему. Царь, и по прочтеніи разсказа о видѣніи, снова рѣшительно отказался видѣть Никона и велѣлъ ему немедленно возвратиться въ свой Воскресенскій монастырь. И самъ Никонъ не устоялъ на сверхъестественныхъ мотивахъ своей попытки снова занять оставленный было имъ патріаршій престолъ, а сталъ объяснять все это дѣло уже просто и естественно. Князю Долгорукову, провожавшему его изъ Успенскаго собора за земляной городъ, онъ неожиданно сказалъ: „пріѣхалъ-де онъ къ Москвѣ по вѣсти, а не собою“. Посланнымъ за нимъ, чтобы отобрать у него посохъ Петра митрополита, который онъ было увезъ изъ Успенскаго собора, Никонъ тоже заявилъ, что онъ поѣхалъ къ Москвѣ по особому письму къ нему Никиты Зюзина и передалъ имъ самое письмо. Въ то же время онъ говорилъ имъ, „что онъ къ Москвѣ пріѣхалъ и въ соборную церковь вошолъ на свой святительской поставленной престолъ“, такъ какъ онъ „оставилъ патріаршій престолъ *на время* за многое внѣшнее нападеніе и досадительства“. И въ другихъ случаяхъ, съ этого времени, онъ уже постоянно и рѣшительно сталъ заявлять и увѣрять всѣхъ, что никогда не отказывался окончательно

---

1) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 122. 123, 197, 199.

отъ московскаго патріаршаго престола, а всегда имѣлъ въ виду, съ теченіемъ времени, снова занять его. Такъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію 1666 года Никонъ уже пишетъ: когда онъ, оставивъ патріаршество, уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, посланные государемъ въ слѣдъ за нимъ бояре говорили ему: „чего ради ты, безъ царскаго повелѣнія, отшелъ съ Москвы?—И азъ рекъ имъ, пишетъ Никонъ Діонисію: яко не въ дальнія мѣста отшелъ: аще царское величество на милость положитъ и гнѣвъ свой утолитъ, *паки пріидемъ*, и, по семъ, о возвращеніи нашемъ на престолъ нашъ отъ царскаго величества ничево не было". На соборѣ 1666 г., во время суда надъ нимъ, Никонъ заявлялъ: „*я не отрекался престола*, то-де на его затѣяли". То же самое Никонъ говоритъ и въ своихъ возраженіяхъ на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія Лигарида. Приводя здѣсь письмо, какое онъ послалъ царю при своемъ отреченія изъ Успенскаго собора съ діакономъ Іовомъ, Никонъ спрашиваетъ: „да которое се отреченіе?" т. е. говоритъ, что въ его письмѣ къ царю вовсе не было отреченія отъ патріаршества, а онъ только заявлялъ въ немъ, что въ виду неправеднаго гнѣва на него царя, онъ оставляетъ мѣсто и городъ,—объ отреченіи же не говоритъ ни слова. Въ другомъ мѣстѣ своихъ отвѣтовъ онъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, а только ушелъ изъ Москвы, всенародно засвидѣтельствовавъ неправедный гнѣвъ на него царя, между тѣмъ какъ „государь царь, заявляетъ Никонъ, принуди сказати *то мое свидѣтельство отреканіемъ*, и многими пытками стращалъ—велѣли сказывать, какъ ему, государю, годно". Выходитъ, по позднѣйшему показанію Никона, что все дѣло объ его отреченіи отъ патріаршества придумано государемъ, который даже употребилъ насиліе и застращиванія, чтобы только заставить свидѣтелей говорить, что Никонъ, оставляя Москву, отрекся отъ патріаршества, чего въ дѣйствительности однако будто бы не было [1]).

Изъ сказаннаго нами оказывается, что Никонъ, всенародно отрекшись отъ патріаршаго престола, въ пылу гнѣва и неудовольствія на государя, если сначала и думалъ серьезно

---

1) ibid. стр. 127, 143. Зап. рус. археол. общ. т. II, стр. 517. Гиб. II, 1074. Рукоп. нашей Академіи № 218, л. л. 86 об., 131 об.

и навсегда отказаться отъ престола, то думалъ такъ недолго и скоро сталъ мечтать о своемъ возвращеніи на патріаршество, сталъ увѣрять, что его удаленіе было не отреченіемъ, а только временнымъ отъѣздомъ изъ Москвы вслѣдствіе гнѣва государя. Онъ даже хотѣлъ снова овладѣть престоломъ съ помощію неожиданнаго захвата, ошибочно думая, что царь желаетъ его возвращенія на патріаршество и что его захватный поступокъ будетъ принятъ царемъ съ сочувствіемъ и одобреніемъ. Но когда царь приказалъ ему сказать, чтобы онъ немедленно возвратился туда, откуда пріѣхалъ, и чтобы онъ ждалъ прибытія вселенскихъ патріарховъ въ Москву, куда позовутъ тогда и его, а что ранѣе видѣться ему съ царемъ нельзя, Никонъ убѣдился, что дѣло его съ возвращеніемъ на патріаршество окончательно проиграно и что московскимъ патріархомъ ему никогда болѣе не быть. Теперь вполнѣ отрезвившійся отъ своихъ несбыточныхъ мечтаній и надеждъ Никонъ рѣшился окончательно и формально отказаться отъ всякихъ притязаній на занятіе патріаршаго престола, но при томъ такъ, что бы себѣ лично создать возможно почетное, матеріально-богато-обезпеченное, и во всѣхъ отношеніяхъ ни отъ кого независимое, положеніе.

Въ январѣ 1665 года Никонъ письменно выразилъ рѣшительное согласіе навсегда отказаться отъ патріашаго престола и соглашался на поставленіе новаго патріарха, если государь съ боярами и освященный соборъ примутъ слѣдующія предложенныя имъ условія; а) Оставить за Никономъ три построенные имъ монастыря: Воскресенскій, Иверскій и Крестный со всѣми приписными къ нимъ монастырями и при томъ такъ, чтобы онъ свободно и сколько захочетъ могъ жить въ любомъ изъ этихъ монастырей. б) Грамоты государевы и всѣ крѣпостные акты, утверждающіе всякія владѣнія за его монастырями, какіе сейчасъ находятся у государя, или еще на утвержденіи, передать ему— Никону. в) Царь долженъ отдать въ личное владѣніе Никона тѣ имѣнія, какія онъ ранѣе купилъ на свои деньги, пожалованныя ему за заслуги государству, когда онъ былъ новгородскимъ митрополитомъ и самоотверженно боролся тогда съ бунтовщиками. г) Изъ патріаршихъ доходовъ, которые онъ, Никонъ, „своимъ промысломъ“ увеличилъ тысячъ

на двадцать, „давать мнѣ, вмѣсто милостыни, на пропитаніе хлѣба и рыбы и денегъ на потребу“, сколько укажетъ государь, синклитъ и освященный соборъ. д) Проситъ отдать ему нѣкоторыя патріаршія облаченія и именно тѣ, какія онъ, будучи патріархомъ, сдѣлалъ изъ бывшихъ ему подношеній отъ царя и царицы, а также проситъ дать ему митру, панагію и под. е) Ни въ судъ, ни въ хозяйство, ни въ управленіе Никономъ монастырями новый патріархъ никакъ не долженъ вступаться ни самъ, ни чрезъ своихъ посланныхъ,—единственнымъ полнымъ хозяиномъ, судьею и управителемъ въ своихъ монастыряхъ долженъ быть только онъ—Никонъ. Точно также только по своему усмотрѣнію онъ можетъ избирать и посвящать во всѣ свои монастыри и принадлежащія имъ церкви архимандритовъ, священниковъ и діаконовъ. ж) Проситъ надѣлить настоятелей трехъ имъ основанныхъ монастырей нѣкоторыми церковными преимуществами, напримѣръ: правомъ являться на церковные соборы, быть свободными отъ всякаго свѣтскаго суда. и) По смерти Никона его монастыри должны быть приписаны „къ царствующему граду Москвѣ во область, а не въ домъ патріаршъ“, т. е. желалъ, чтобы его монастыри были самостоятельными, а не патріаршими. і) Просить дать полную свободу всѣмъ желающимъ приходить къ Никону „и милостыню подати не возбранити“ к) Царь долженъ дозволить ему, когда это нужно, пріѣзжать въ Москву, и если ему случится быть на соборѣ „ради пользы“, то ему сидѣть подъ настоящимъ патріархомъ, выше всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. л) Его имя обязательно должно писаться „въ степени святѣйшихъ московскихъ патріарховъ“ т. е. московскимъ ему не именоваться, а писаться: „смиренный Никонъ, Божіею милостію патріархъ“. м) Всѣмъ такъ или иначе пострадавшимъ за него дать полную свободу.—Въ замѣнъ выговариваемыхъ себѣ правъ и преимуществъ Никонъ беретъ на себя такія обязательства: а) Держать заповѣди Христа, Его святое евангеліе, заповѣди и правила св. апостолъ и св. отецъ седьми вселенскихъ соборовъ и помѣстныхъ, признаваемыя церковію святыя книги и уставы, символъ, исправленный съ греческаго, служебникъ, требникъ и прочія книги „справлены съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ“, и имѣть единеніе съ вселенскими патріархами „во всемъ не-

27*

отложно“. б) Во всякія духовныя дѣла московскаго государства ему не вступаться. в) Когда онъ будетъ, по какому нибудь случаю, пріѣзжать въ Москву, онъ обязуется согласовать свое поведеніе съ указомъ государя и съ совѣтомъ новаго патріарха. г) Онъ беретъ на себя обязательство: такъ какъ онъ ранѣе на царя, синклитъ и освященный соборъ „судъ Божій износилъ“, то теперь онъ станетъ молить Господа, „чтобы царствующему граду Москвѣ не быть осуждену паче Содома и Гомора“. д) Архіереямъ, подвергшимъ его—Никона своему суду „беззаконно, чрезъ вся божественныя правила, мнѣ тожъ прощеніе дати и разрѣшити святымъ молитвословіемъ, кто о томъ станетъ каятися и прощенія просити; аще ли кто не покается, и онъ будетъ подъ заповѣдію Божіею“. е) „Честный синклитъ—бояре, кои злословили насъ безъ правды и клеветали на насъ великому государю смертными винами, якожъ: Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ вопросы своими газскому митрополиту, и Романъ Баборыкинъ и Иванъ Сытинъ и прочіи вси, каждо самъ свою совѣсть вѣдая, и поищутъ прощенія и намъ тѣхъ разрѣшити и благословити“; а которые обидѣли его—Никона въ житейскихъ вещахъ движимыхъ и недвижимыхъ, съ тѣми устроить полюбовное соглашеніе, а которые и послѣ сего будутъ обижать и дѣлать зло, на тѣхъ „да будетъ божественная юза не разрѣшима“. ж) Ивана Щепоткина, обидившаго Никона при расчетѣ за купленную у Щепоткина мѣдь, и за это Никономъ проклятаго и подъ проклятіемъ умершаго, простить и разрѣшить, если его прикасчики устранятъ прежній неправый расчетъ. з) Никонъ проситъ: „а противу сего нашего изображенія всего, да дастся и намъ писаніе отъ царскаго величества, и отъ честнаго царскаго синклиту, и отъ священнаго собора—во свидѣтельство всякія правды“. и) Въ заключеніе Никонъ говоритъ, что если новый патріархъ будетъ поставленъ вопреки божественнымъ канонамъ и заповѣдямъ и предлагаемымъ имъ условіямъ, только „по власти міра сего“, то такъ поставленный патріахъ будетъ не настоящій, но прелюбодѣй и хищникъ, „и вмѣсто мира да будетъ мѣчь Божій и раздѣленіе, по словеси Господню: не пріидохъ вложити миръ, но мечь“ [2]).

---

[1]) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 210—221.

Такъ Никонъ, рѣшивъ окончательно оставить всякія притязанія на занятіе имъ патріаршаго престола и соглашаясь на избраніе себѣ преемника, хотѣлъ создать себѣ положеніе почетное, независимое и матеріально богато обезпеченное. Онъ хотѣлъ имѣть свой собственный, ни отъ кого независимый и довольно значительный удѣлъ, въ которомъ бы онъ былъ единственнымъ, полновластнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ, судіею и управителемъ, сохранивъ въ то же время за собою почетный титулъ патріарха. Въ то же время въ своихъ условіяхъ Никонъ прямо даетъ знать, что предъ нимъ были виноваты всѣ: царь, который безъ правды на него гнѣвается; бояре, которые на него злословятъ и клевещутъ государю; архіереи, которые, вопреки канонамъ и божественнымъ заповѣдямъ, составили для суда надъ нимъ беззаконный соборъ; разныя отдѣльныя лица, которыя приходили съ нимъ по разнымъ случаямъ, въ столкновеніе и которыхъ онъ за это подвергъ проклятію,—всѣхъ этихъ виновныхъ предъ нимъ лицъ онъ однако теперь прощаетъ и разрѣшаетъ, но только въ томъ случаѣ, если они сами будутъ искать у него прощенія и разрѣшенія, иначе пусть остаются подъ проклятіемъ.

Предлагая свои условія, на которыхъ онъ готовъ былъ окончательно отказаться отъ патріаршаго престола и признать вновь выбраннаго патріарха, Никонъ думалъ этимъ предупредить, между прочимъ, пріѣздъ въ Москву восточныхъ патріарховъ для суда надъ нимъ. Онъ говорилъ: „будетъ ему, великому государю, годно, для чево посылать ко вселенскимъ патріархамъ, мочно то дѣло сдѣлать и безъ вселенскихъ патріарховъ“, и послалъ царю свои вышеприведенныя условія. Но расчетъ Никона оказался ошибочнымъ: онъ слишкомъ запоздалъ съ заявленіемъ о своей окончательной рѣшимости не стремиться болѣе къ занятію патріаршаго престола,—его дѣло рѣшено было передать на судъ восточныхъ патріарховъ. Впрочемъ присланныя Никономъ условія Алексѣй Михаиловичъ все-таки передалъ на предварительное разсмотрѣніе однихъ русскихъ іерарховъ, которые и высказали по этому поводу свои соборныя сужденія и соображенія. Онѣ дошли до насъ только въ черновомъ спискѣ и важны въ томъ отношеніи, что ярко рисуютъ намъ воззрѣнія, какія имѣли тогда русскіе архіереи на свои от-

ношенія къ Никону, его дѣлу и разнымъ его притязаніямъ.

Соборъ, разсматривая и обсуждая условія Никона, на которыхъ онъ окончательно отказывался отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній на патріаршій престолъ и соглашался на избраніе новаго патріарха, призналъ пріемлемою только нѣкоторую часть изъ нихъ, и притомъ пріемлемою съ очень важными и существенными ограниченіями, сильно сокращавшія права и преимущества, выговариваемыя для себя Никономъ. Такъ соборъ призналъ, чтобы Никонъ владѣлъ тремя построенными имъ монастырями: Воскресенскимъ, Иверскимъ и Крестовымъ, но всѣ приписанные къ нимъ Никономъ монастыри—числомъ 16, взятые у разныхъ архіереевъ, должны быть опять возвращены въ тѣ епархіи, изъ которыхъ они взяты, и по прежнему подчинены мѣстнымъ архіереямъ. „Приписнымъ же монастырямъ, говорили на соборѣ, быти по прежнему во всемъ, какъ который монастырь былъ до приписки къ святѣйшему патріарху. А отъ нынѣ святѣйшему Никону патріарху ими не владѣти... А довлѣетъ святѣйшему Никону патріарху на пропитаніе его и на всякую тѣлесную потребу строенія его монастырей вотчинами, въ нихъ же жити ему опредѣлися, и владѣти внѣшними имѣньми тѣхъ монастырей“. На требованіе Никона, что бы ему изъ доходовъ патріарха выдавалась извѣстная часть денегъ, хлѣба и рыбы, соборъ заявляетъ, что безъ новаго настоящаго патріарха онъ ничего не можетъ присудить Никону изъ патріаршихъ доходовъ, да едва ли, замѣчаетъ соборъ, это и нужно, такъ какъ доходовъ съ трехъ богатыхъ, построенныхъ Никономъ, монастырей, вполнѣ достаточно для его пропитанія, ибо, по апостолу: „имуще пищу и одежду, сими довлимся. Хотящіи бо богатитися, поучаетъ соборъ Никона, впадаютъ въ искушенія и сѣти и пожеланія многа непотребная и враждающая“. На заявленіе Никона, чтобы царю по прежнему жаловать Никона своею царскою милостію, соборъ говоритъ, что это зависитъ исключительно отъ воли государя и въ томъ конечно только случаѣ, если Никонъ „къ великому государю и къ святѣйшему патріарху настоящему будетъ покоренъ во всѣмъ по Господѣ Бозѣ, и не начнетъ каковыхъ мятежей и смущеній творити каковымъ либо образомъ“. Соборъ твердо и очень опредѣ-

ленно выразилъ ту мысль, что Никонъ, какъ отрекшійся отъ патріаршаго престола, уже не можетъ быть болѣе самостоятельнымъ или независимымъ архіереемъ: ни въ духовныхъ дѣлахъ, ни въ судѣ надъ своими монастырями, ни тѣмъ болѣе въ поставленіи и посвященіи въ своихъ монастыряхъ и вотчинахъ архимандритовъ, священниковъ и діаконовъ, а обязанъ все дѣлать съ разрѣшенія и благословенія новаго настоящаго патріарха, которому онъ, наравнѣ съ другими архіереями, обязанъ во всемъ безусловнымъ повиновеніемъ. „Святѣйшему Никону, патріарху бывшему Московскому, говоритъ соборъ, святѣйшаго патріарха настоящаго Московскаго и всея Русіи сослужителемъ не именовати, но имѣти его и именовати его архипастыря и начальника и старѣйшину, и подчинятися ему во всемъ, и безъ воли его и безъ благословенія въ царствующемъ градѣ, или гдѣ индѣ, не точію что чрезъ божественныя законы, но аще что и по божественнымъ законамъ безъ совѣта и велѣнія ничтоже творити, но вся ему дѣяти по указу великаго государя и по благословенію святѣйшаго патріарха московскаго и всеа Россіи, яко же и прочія архіереи вся дѣлаютъ по благословенію его“. Въ виду этого соборъ разрѣшаетъ, напримѣръ, пріѣзжать Никону въ Москву, но только всякій разъ онъ долженъ заручиться на пріѣздъ согласіемъ царя и патріарха, „а безъ указу великаго государя и безъ благословенія святѣйшаго патріарха къ Москвѣ ему не приходити“. Никонъ требовалъ, чтобы новый патріархъ въ его монастыри, вотчины и села, во всякія суды, церковныя дѣла, хотя бы и касавшіяся духовныхъ лицъ, совсѣмъ не вмѣшивался. На это соборъ отвѣчаетъ: „кійждо есть долженъ свою мѣру вѣдати и въ своихъ предѣлахъ и повелѣнныхъ ему священными кононы пребывати“. Патріархъ долженъ вѣдать всю свою паству безъ всякихъ исключеній, а слѣдовательно и Никонъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ долженъ ему подчиняться, ибо двухъ равноправныхъ архіереевъ въ одной епархіи быть не можетъ. Въ виду этого соборъ постановляетъ: „а которое дѣло духовное въ которомъ его монастырѣ и прилучится, и ему къ тѣмъ архіереемъ, которой монастырь или вотчина котораго архіерея области подлежитъ, и описыватися по ихъ совѣту и велѣнію: аще повелятъ то творити, да творитъ; аще же не восхощетъ описатися, или

опишется, но архіерей аще будетъ ему не повелитъ что своея области творити, и святѣйшему Никону патріарху отнюдь безъ ихъ велѣнія ничтоже творити смѣти, яко же выше священная правила законополагаютъ, и яко самъ обѣщася". Никонъ можетъ и посвящать въ своихъ монастыряхъ и вотчинахъ архимандритовъ, священниковъ и дьяконовъ, но неиначе, какъ предварительно снесшись или съ патріархомъ, или съ тѣмъ епархіальнымъ архіереемъ, въ епархіи котораго находится тотъ или другой его монастырь или вотчина, и только съ ихъ разрѣшенія и благословенія онъ можетъ совершать посвященіе, а никакъ не своею волею и усмотрѣніемъ. Никонъ обѣщался держать всѣ церковныя преданія и книги, исправленныя съ старыхъ греческихъ книгъ и исправленный при немъ символъ. Соборъ вмѣстѣ съ этимъ вмѣняетъ еще Никону въ обязанность принимать и всѣ тѣ книги, какія исправлялись и будутъ исправляться послѣ него съ греческихъ книгъ, а также: самому и въ своихъ монастыряхъ всегда поминать первымъ новаго московскаго патріарха. На требованіе Никона, чтобъ его духовнаго чина лицъ не привлекали въ мірскія судилища, соборъ отвѣтилъ довольно неопредѣленно и уклончиво, именно: „о семъ соборно како священныя правила уставиша и царстіи законы повелѣша, обычай россійскаго государства держится о прочихъ архіереехъ и монастырехъ, тако и о святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ и монастырѣ его и монастырей его всякихъ начальниковъ да держится твердо во всемъ". Никонъ просилъ, чтобы къ нему былъ свободный доступъ всѣмъ лицамъ, которыя только пожелаютъ приходить къ нему или ради благословенія, или чтобы подать ему милостыню. Соборъ на это заявляетъ, что онъ „не возбраняетъ христіяномъ къ нему приходити, дондеже не будетъ каковой мятежъ и соблазнъ", т. е. соборъ не вѣрилъ, очевидно, въ дальнѣйшее спокойное пореденіе Никона и допускалъ въ дальнѣйшемъ возможность появленія отъ поведенія Никона „мятежа и соблазна".

Но особое вниманіе собора обратили на себя тѣ пункты въ условіяхъ Никона, въ которыхъ онъ говоритъ объ устройствѣ своихъ отношеній къ царю, боярамъ, освященному собору и къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ упоминаемымъ имъ лицамъ. Эти пункты въ условіяхъ Никона даютъ поводъ со-

бору русскихъ іерархов высказать свой истинный взглядъ на Никона, какъ архипастыря русской церкви и иногда больно задѣваютъ его самолюбіе, столь чувствительное всегда и къ малѣйшимъ уколамъ.

Никонъ въ своихъ условіяхъ говорилъ, что такъ какъ онъ ранѣе „судъ Божій износилъ“ на царя, синклитъ и освященный соборъ, то теперь онъ будетъ молить Господа, „что бы царствующему граду Москвѣ не быть осуждену паче Содома и Гомора“. По этому поводу соборъ разсуждаетъ: когда Никонъ былъ Московскимъ патріархомъ, то въ своихъ писаніяхъ нерѣдко уподоблялъ себя Моисею, „только кротости его неподража“. Моисей молилъ Бога за согрѣшившій предъ Нимъ народъ израильскій и лучше желалъ быть изглаженнымъ изъ книги живота, нежели видѣть свой народъ за его грѣхъ наказаннымъ Господомъ. Между тѣмъ Никона не только никто не обижалъ, „но вси почитаху его и покоряхуся ему во всемъ, яко самому Христу, и честь ему отдаваху паче прежде его сущихъ патріарховъ россійскихъ“. А между тѣмъ онъ самъ произвольно бросилъ свою паству безъ сколько нибудь достаточныхъ причинъ и упорно не хотѣлъ возвратиться на патріаршій престолъ, хотя всѣ его молили не покидать своей паствы. Въ виду этого, говоритъ соборъ, „ни на кого же ему подобаше, точію на свое упорство, Господу Богу жаловатися, и судъ Божій износити; невинныхъ же въ отшествіи его не кляти: на зло бо молящагося и праведнаго Богъ не слушаетъ. Аще бы ему въ чесомъ пасомыхъ имъ кто и погрѣшилъ, и ему, яко пастырю, подобаше не кляти, но, по Моисею, Господа Бога молити и душу свою за паству положити“. Никонъ, бывшій патріархъ, говоритъ соборъ, „по своей страсти кляше, и долженъ есть Господа Бога молити, да не вмѣнится сіе ему въ грѣхъ“. Далѣе соборъ говоритъ: „сотвори патріархъ Никонъ дерзость, еже прахъ отрясе моляшеся,—оному праху, отрясенному отъ ногъ его, быти въ осужденіе царствующему граду Москвѣ паче Содома и Гомора. И таковыя дерзости никто же сущихъ прежде святѣйшаго Никона патріарха сотвори гдѣ, аще и истинно изгнаніе подъя кто, или не пріятъ кого кій градъ или весь“. Никонъ самовольно, безъ всякой уважительной причины, оставилъ свой престолъ и паству, но потомъ, „многоже лѣта минувъ по отреченіи своемъ, восхотѣ паки

власти и славы міра сего, ниже извѣстивъ о себѣ, ниже совѣтовавъ, или моливъ царя и соборъ, пріиде внезапу нощію, и въ мірѣ молву и смущеніе веліе сотвори... Подобаетъ ему о своемъ дерзновеніи каятися и молитися Господу Богу... А еже метлу нѣкую нареченную имъ (явившаяся тогда комета) молится въ отмщеніе обидящимъ его,—и о семъ прирече священный соборъ: подобаше святѣйшему патріарху Никону, яко ученику Владыки Христа, молитися за творящихъ ему обиду, о оставленіи грѣховъ, яко же самъ Владыка нашъ Христосъ научи, рекъ: заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга... любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущая вы, молитеся за творящихъ вамъ обиду. Святѣйшій Никонъ патріархъ, возшедъ на совершенный степень архіерейскій, не вспомянулъ заповѣди Божія, глаголющія: мое мщеніе Азъ воздамъ. Моляше законопреступно бывшей въ то время звѣздѣ, юже наречетъ метлою, быти обидящимъ его во отмщеніе. Его же обида—кто чимъ его пообидѣ?—невѣдома, а точію аще не самъ себе обидитъ“...

По поводу клятвы Никона на Ивана Щепоткина, у котораго Никонъ взялъ 500 пудовъ мѣди, а Щепоткинъ разсчитался за взятое у него не такъ, какъ хотѣлъ и желалъ Никонъ, соборъ учительно заявляетъ: „священный соборъ судилъ ту клятву патріархову на Ивана быти суетну и зѣло безмилостиву и грѣшну ему, патріарху: зане, яко же свидѣтельствуетъ и самъ святѣйшій патріархъ, взялъ Иванъ за свою мѣдь, а мѣдь взялъ у него патріархъ... Хотя бы и впрямъ Иванъ чемъ патріарховымъ завладѣлъ, и ему (Никону) было подобаше писати о томъ къ прикащикомъ Ивановымъ, дабы ему долгъ его возвратили, а кляти отнюдь не подобаше, и душу, кровію Христовою отъ клятвы искупленною, за малую тлѣнную ничтоже сущую вещь, клятвѣ предавати и вѣчно губити. И то неправедно, за ево бо, Иваново, имѣніе, ево, Ивана, прокля. Аще бы и весь міръ пріобрѣлъ, душу же погубилъ, или отщетилъ ничто же дастъ въ замѣну за душу ону“.

Въ заключеніе соборъ, приводя заявленіе Никона: „аще-ли чрезъ вся божественныя каноны и заповѣди и любовный союзъ сбудется, еже о патріаршествѣ, по власти міра сего, то да не наречется по правдѣ патріархъ, но яко прелюбодѣй и

хищникъ, и вмѣсто мира да будетъ мечъ Божій и раздѣленіе",—дѣлаетъ такое постановленіе: царь всегда, при избраніи патріарха, дѣйствуетъ совмѣстно съ освященнымъ соборомъ, а не единолично. Равно и освященный соборъ требуетъ, съ своей стороны, помощи у царя при избраніи патріарха. И теперь царь и освященный соборъ думаютъ избрать патріарха „не кромѣ божественныхъ каноновъ, но яко же священная правила повелѣваютъ, и обычай россійскаго государства есть рукополагати своимъ архіереемъ патріарха согласіемъ и благословеніемъ святѣйшаго вселенскаго патріарха Константинопольскаго; а власти мірскія (кромѣ священныхъ) никогда же избираху, ниже избираютъ". Что же касается „любовнаго союза", о которомъ говоритъ Никонъ, то соборъ по этому поводу наставительно поучаетъ его: „любовный же союзъ сице имать быти: аще святѣйшій Никонъ патріархъ будетъ святѣйшему престольному патріарху московскому во всемъ покоренъ, и имя его будетъ вездѣ самъ и сущихъ подъ нимъ монастырехъ и церквахъ всѣхъ въ первыхъ поминать, и имѣти его будетъ архипастыря и старѣйшину, и не будетъ каковыхъ мятежей и молвъ и смущеній каковымъ либо образомъ творити,—святѣйшій настоящій патріархъ будетъ его, патріарха Никона, любити и жаловати и почитати, яко прежде бывшаго брата своего. Аще же святѣйшій Никонъ патріархъ святѣйшаго настоящаго патріарха имя въ первыхъ не будетъ поминати, или почитати и имѣти его архипастыря и старѣйшину, и начнетъ въ чемъ либо не покорятися ему, или каковыя молвы и смущенія и мятежи каковымъ либо образомъ, собою или людьми, творити,— и святѣйшій патріархъ настоящій святѣйшаго Никона патріарха долженъ и судити по священнымъ правиламъ, да не будутъ два патріарха равныя себѣ; и тѣмъ не наречется прелюбодѣй и хищникъ, но пастырь, пасый жезломъ силъ: данною ему властію не покаряющихся ему и отвращающихся отъ него; послѣдующихъ же ему пасый духомъ кротости" [1]).

Приведенными постановленіями собора русскихъ іерарховъ, всѣ мечты и надежды Никона создать себѣ, послѣ окончательнаго оставленія имъ всякихъ притязаній на патріаршую каѳедру, почетное, матеріально богато обезпеченное и во

Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 222—246.

всѣхъ отношеніяхъ ни отъ кого независимое положеніе, какъ бы какаго владѣтельнаго князя, были въ конецъ разрушены. Соборъ сильно съузилъ и урѣзалъ матеріальныя притензіи Никона, отнявъ отъ него всѣ ранѣе приписанные имъ къ своимъ владѣніямъ разные монастыри, совсѣми ихъ землями и угодьями, и отказалъ ему въ выдачѣ изъ патріаршихъ доходовъ денегъ, хлѣба и рыбы. Отцы собора признали монастыри и всѣ другія владѣнія Никона въ духовныхъ дѣлахъ подчиненными не ему, а общему обычному надзору настоящаго патріарха, и даже не дали ему права самостоятельно и единолично ставить въ своихъ владѣніяхъ архимандритовъ, священниковъ и дьяконовъ, требуя, чтобы онъ и въ этихъ случаяхъ каждый разъ обращался съ особою просьбою о разрѣшеніи поставить священное лицо или къ патріарху, или къ мѣстнымъ архіереямъ, смотря потому въ чьей области находится тотъ или другой его монастырь, или приходская церковь. Наконецъ, и что самое главное: относительно самого Никона соборомъ твердо и рѣшительно было заявлено, что хотя за Никономъ и остается титулъ патріарха, но этотъ титулъ однако не даетъ ему никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ, ни тѣмъ болѣе какой либо церковной самостоятельности и независимости по отношенію къ дѣйствительному патріарху: Никонъ не есть его сослужитель, а лицо строго во всемъ ему подчиненное; — для него настоящій патріархъ, какъ и для всѣхъ другихъ архіереевъ, есть архипастырь, начальникъ и старѣйшина, безъ совѣта и повелѣнія котораго онъ не можетъ сдѣлать ни въ какихъ церковно-духовныхъ дѣлахъ ни одного самостоятельнаго шага;—за всякое своевольное уклоненіе отъ воли и повелѣній настоящаго патріарха, Никонъ всегда можетъ быть отданъ послѣднимъ подъ судъ. Въ тоже время соборъ, въ своихъ сужденіяхъ по поводу различныхъ предложеній Никона, въ общемъ и въ частностяхъ, очень невыгодно освѣщаетъ личность Никона, какъ архипастыря русской церкви. Никонъ изображается въ соборныхъ дѣяніяхъ человѣкомъ очень несправедливымъ, крайне запальчивымъ и дерзкимъ, проникнутымъ величайшимъ самомнѣніемъ и самочиніемъ, способнымъ въ самой архипастырской своей дѣятельности руководствоваться слишкомъ не архипастырскими мотивами и побужденіями, способнымъ даже производить въ народѣ своими,

страстями внушенными, дѣйствіями и поступками мятежи, смущенія и соблазны. Въ виду этаго соборъ по отношенію къ Никону принялъ учительно-наставительный и обличительный тонъ, и въ своихъ сужденіяхъ поучаетъ Никона заповѣдямъ и ученію Христа, которыхъ онъ мало держался въ своей архипастырской дѣятельности, поучаетъ его, каковъ долженъ быть по своимъ нравственнымъ качествамъ, характеру и отношеніямъ къ своимъ пасомымъ истинный архипастырь церкви, какимъ во многомъ не былъ Никонъ.

Понятно само собою, что соборныя обсужденія тѣхъ условій, на которыхъ Никонъ окончательно отказывался отъ всякихъ дальнѣйшихъ своихъ притязаній на патріаршій престолъ и соглашался на поставленіе новаго патріарха, должны были произвести на Никона самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе. Онъ ясно увидѣлъ теперь, какъ враждебно относятся къ нему уже не бояре и противники его церковной реформы, но и самые архіереи, изъ которыхъ многіе были его ставленники, ранѣе послушные малѣйшему его мановенію, постоянно трепетавшіе предъ нимъ и не смѣвшіе сказать даже слова, если видѣли, что оно неугодно и непріятно всемогущему, несдержанному на расправу патріарху. Теперь, бывшіе его нижайшіе и безгласные богомольцы и послушники, смѣло и громко заговорили, обличая публично его, Никона, въ несоблюденіи заповѣдей и ученія Господа, въ его не архипастырскомъ дерзкомъ поведеніи, и больно давали ему чувствовать его теперешнее опальное положеніе и свою настоящую силу предъ нимъ, которая давала имъ возможность, гордаго и самовластнаго Никона, низвести на уровень обыкновеннаго подчиненнаго другому, его мѣсто занявшему патріарху, безъ воли и разрѣшенія котораго онъ не можетъ сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, попасть подъ судъ, какъ и всякій обычный нарушитель воли высшаго начальства. Естественно было поэтому ожидать, что Никонъ никакъ бы не согласился съ соборными о немъ сужденіями и постановленіями и постарался бы всячески имъ противодѣйствовать. Но согласія на соборныя постановленія никто отъ него и не потребовалъ, постановленія собора не вошли въ законную силу и не получили никакаго практическаго значенія, такъ какъ дѣло о Никонѣ рѣшено было передать на судъ самихъ

восточныхъ патріарховъ, которые уже ѣхали для этаго въ Москву. Но справедливость требуетъ однако замѣтить, что какъ ни сурово отнеслись русскіе іерархи къ своему бывшему для нихъ очень тяжелому патріарху, все-таки они оставили за Никономъ титулъ патріарха, право жить въ построенныхъ имъ монастыряхъ, управлять ими, пользоваться и распоряжаться всѣми получаемыми ими значительными доходами, право засѣдать на соборахъ, если и ниже настоящаго патріарха, то выше всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Иначе чѣмъ русскіе архіереи-собратья, отнеслись потомъ къ Никону, прибывшіе для суда надъ нимъ въ Москву, греческіе вселенскіе патріархи.

Такимъ образомъ отреченіе Никона отъ патріаршества въ дѣйствительности имѣло только демонстративный характеръ, а не было настоящимъ, серьезнымъ отреченіемъ. Этимъ демонстративнымъ актомъ Никонъ хотѣлъ только съ блескомъ возстановить свои прежнія пошатнувшіяся отношенія къ царю, хотѣлъ заставить послѣдняго по прежнему во всемъ подчиняться ему—Никону, имѣть его главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ во всей его царской дѣятельности. Никонъ былъ убѣжденъ, что онъ такъ нуженъ и необходимъ для царя, что тотъ никогда не рѣшится съ нимъ разстаться и отказаться отъ его услугъ и совѣтовъ. И, повидимому, Никонъ имѣлъ свои основанія такъ думать. Какъ мы знаемъ, Никонъ, еще ранѣе 1658 года, уже два раза просилъ Алексѣя Михайловича разрѣшить ему оставить патріаршество и отпустить его въ монастырь, но каждый разъ царь рѣшительно отказывалъ ему въ этомъ ходатайствѣ. Естественно было думать Никону, что и теперь, т. е. въ 1658 году, царь не отпуститъ его съ патріаршаго престола и, можетъ быть, даже придетъ въ Успенскій соборъ, вмѣстѣ съ своимъ синклитомъ, молить его, чтобы онъ попрежнему оставался патріархомъ. Когда же Никонъ увидалъ, что онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ на исключительную, неизмѣнную привязанность къ нему царя, и что царь вовсе не думаетъ возвращать его на патріаршую каѳедру, тогда онъ сталъ употреблять свои мѣры, чтобы такъ или иначе опять возвратить себѣ оставленный было имъ патріаршій престолъ и даже не остановился, какъ мы видѣли, предъ захватнымъ способомъ. Но потерпѣвъ и на этомъ пути рѣшительную

неудачу и окончательно убѣдившись, что ему уже болѣе никогда не быть московскимъ патріархомъ, Никонъ рѣшилъ было остаться хотя бы только титулярнымъ патріархомъ, но блестяще матеріально обставленнымъ и занимающимъ въ церковной іерархіи очень почетное и независимое положеніе. Но достигнуть этого ему не удалось, и онъ долженъ былъ потомъ, изъ блестящаго и могучаго, царившаго въ церкви и государствѣ всероссійскаго патріарха, превратиться въ простаго, и при томъ ссыльнаго, монаха Никона.

ГЛАВА X.

Критика церковной реформы Никона въ литературныхъ произведеніяхъ ея первыхъ противниковъ.

Русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, а русскія церковныя книги вполнѣ правы и не нуждаются въ исправленіи. Благочестіе современныхъ грековъ очень сомнительно, ихъ церковныя книги испорчены еретиками, почему теперь истинному благочестію нужно учиться не русскимъ у грековъ, а грекамъ у русскихъ. Никонъ, какъ реформаторъ, былъ еретикъ и слуга антихриста, въ своей реформаторской дѣятельности онъ руководился личнымъ произволомъ, пренебреженіемъ къ родной святой старинѣ, гордостію и высокоуміемъ. Онъ не исправлялъ, а прямо заново передѣлывалъ русскія старыя книги. Его завѣренія, что онъ исправлялъ книги съ древнихъ греческихъ и славянскихъ харатейныхъ, рѣшительно несправедливы, такъ какъ въ дѣйствительности онъ исправлялъ свои книги или съ новогреческихъ напечатанныхъ еретиками книгъ, или съ польскихъ, или, если и съ русскихъ, то „съ покидныхъ“ и „хромыхъ“ книгъ. Слабыя стороны и тендеціозность критики церковной реформы Никона защитниками старины.

Никонъ оставилъ патріаршую каѳедру вслѣдствіе неудовольствія на него государя. Съ паденіемъ Никона, казалось, какъ логически-неизбѣжное послѣдствіе этого факта, должна была пасть и самая преизведенная имъ церковная реформа. Ея противники торжествовали и, повидимому, должны были остаться побѣдителями. Царь теперь совсѣмъ охладѣлъ къ своему бывшему „собинному“ другу, не желалъ болѣе имѣть его патріархомъ и, значитъ, царь изъ друга и пособника Никона, если не перешелъ, то легко могъ перейти на сторону его противниковъ, конечно если они употребятъ къ тому достаточныя усилія. Бояре уже ранѣе не терпѣли Никона и теперь употребятъ всѣ усилія окончательно уничтожить его, а вмѣстѣ съ нимъ и его дѣло. Крайне не любили самовластнаго, гордаго и суроваго Никона и всѣ архіереи,

которые мало раздѣляли его грекофильскія реформаторскія увлеченія. Не любило Никона и все духовенство, видѣвшее въ немъ скораго и жестокаго на расправу нововводителя. Не любилъ Никона и народъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ новатора, нарушителя старыхъ вѣрованій и обычаевъ. Очевидно, теперь наступило для враговъ церковной реформы Никона самое благопріятное время уничтожить не только самаго Никона, но и все его дѣло т. е. произведенную имъ церковную реформу. Они энергично взялись за это дѣло, рѣшились разъяснить всѣмъ: царю, властямъ и всему обществу ту, по ихъ мнѣнію, несомнѣнную истину, что произведенная Никономъ реформа была незаконна, несправедлива, зловредна и прямо гибельна и для церкви и для государства, почему ее слѣдуетъ уничтожить и немедленно возвратиться къ прежнимъ до-никоновскимъ церковнымъ порядкамъ. Замѣчательно быстро появилась цѣлая обширная противониконовская литература, показавшая какими значительными и далеко недюжинными силами и средствами располагали противники церковной реформы Никона. Все сдѣланное Никономъ въ церковной сферѣ подверглось съ ихъ стороны самой строгой, очень придирчивой и безпощадной критикѣ, которая выдвинула на защиту родной старины цѣлый арсеналъ старо-московской учености, съ прямою цѣлію доказать и убѣдить всѣхъ въ томъ, что реформа Никона, подъ видомъ исправленія, въ дѣйствительности только искажаетъ и даже совсѣмъ губитъ православіе на Руси. Многочисленныя произведенія этого рода быстро распространялись по всей Руси и всюду производили сильное впечатлѣніе на умы, тѣмъ болѣе сильное, что въ защиту и оправданіе реформы Никона пока еще не было сдѣлано ничего такаго, что бы хотя отчасти могло парализовать дѣйствіе противониконовской литературы, идеи и взгляды которой, поэтому, безъ всякой помѣхи быстро распространялись повсюду и, въ связи съ живою устною проповѣдію выдающихся борцовъ и защитниковъ старины, полагали твердую и прочную основу для возникновенія и упроченія въ народѣ старообрядства.

Въ виду той особой важности, какую имѣла первоначальная противониконовская литература въ дѣлѣ появленія и развитія старообрядства, необходимо, хотя бы въ самыхъ

общихъ чертахъ показать, что именно и какъ говорили первые представители старообрядства противъ церковной реформы Никона, въ чемъ и почему они находили эту реформу неправою и зловредною.

Основною исходною точкою для противниковъ церковной реформы Никона послужило старорусское исторически сложившееся убѣжденіе о русскомъ благочестіи, какъ высшемъ и совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мірѣ, и о грекахъ, какъ объ утерявшихъ истинное благочестіе и допустившихъ у себя важныя латинскія новшества.

По мнѣнію противниковъ церковной реформы Никона русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, вполнѣ доказанное и оправданное исторически. Нероновъ пишетъ царю: „о, благочестивый царю, яко законы ихъ (русскихъ святыхъ), ими же они Богови угодиша, и въ чудесѣхъ велицы явльшеся, тако, яко истиніи, прогоняютъ бѣсовъ: мы же сія нетрудно разорити покушаемся. На сихъ ли возносимся, ихъ же, видимъ, ты, благочестивый царю, и всѣ правовѣрніи князи, и боляра, и архіереи, и ереи, православніи христіяня со страхомъ многимъ любезно святыя ихъ мощи цѣлуете, и ракамъ ихъ касаетися ради освященія единородныхъ нашихъ душъ, и яко да молятъ о насъ человѣколюбца Бога, да милостивъ будетъ намъ въ день судный,—на сихъ вознестися имамы?“ Протопопъ Аввакумъ говорилъ на соборѣ греческимъ патріархамъ: „до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь немятежна“. Дьяконъ Өедоръ пишетъ царю: „мощно, крестоносный царю—государь, прочести исторію, что о бѣломъ клобукѣ: что глаголи цареградскому патріарху первый христіанскій царь, и святый Селивестръ папа римскій и ангелъ Господень, не сбыся-ли то? Вся царства, государь, въ конецъ стекошася, сирѣчь во твое богохранимое господарство; здѣ истинная православная христіанская вѣра: не пошто намъ искать!—заблудити будетъ. Въ Козмографіи написано: нѣсть подъ солнцемъ такаго благочестія и вѣры правыя, яко въ московскомъ государствѣ, а по инымъ всѣмъ съ ересми смѣсишася и навыкоша дѣлъ ихъ“. И въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „законъ Господень непороченъ держаша отцы наша во всей русской землѣ, и намъ той оставиша

непремѣненъ, и неизвращенъ предаша чадомъ своимъ, и въ томъ они Богу угодили и спаслися. Безъ правыя же вѣры невозможно угодити Богу, глаголетъ апостолъ Павелъ... Аще бы вѣра наша прежняя единая въ чемъ неправа была, или въ ней ереси были, то бы святымъ русскимъ чудотворцемъ откровено было прежде, съ ними же самъ Богъ бесѣдовалъ и посѣщалъ ихъ явно и пречистая Богородица, и Апостоли Христови, и велѣли бы исправить“. Священникъ Никита Добрынинъ пишетъ: „вѣдомо тебѣ, великому государю, яко ветхій Римъ падеся аполинаріевою ересью, второй же Римъ, еже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ: твое жъ государство, великое россійское царство, третій Римъ, и отсюду все христіанское благочестіе въ него едино собрася, и отъ тебе, благочестиваго царя, превеликій Господь господствующихъ и Царь царствующихъ Христосъ Богъ нашъ свой талантъ съ прикупомъ вземлетъ... О семъ воспомяну твоему христіянолюбному милосердію, что колико въ Троицы пѣваемый Богъ своею милостію въ твоей государевой отчинѣ, въ велицѣй Россіи, угодниковъ своихъ прославилъ, и многоцѣлебными ихъ мощми и чудотворными раками всю землю твою, аки небеса многими пресвѣтлыми звѣздами, украсилъ, и почтилъ ю паче всея вселенныя, иже неизреченнымъ своимъ промысломъ изъ Рима бѣлый клобукъ и угодника своего Антонія на камени по водамъ, аки на колесницѣ легцѣ прислалъ, наипаче и Богоматери своея, премилостивыя нашея заступницы и помощницы Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи иконѣ, и боготѣлеснѣй своей ризѣ благоизволилъ въ царствующемъ твоемъ и преименитомъ градѣ Москвѣ быти, и источаетъ намъ неоскудную свою милость. И посему, великій государь, Божію призрѣнію и неизрѣченной его милости разумно есть всѣмъ, благочестно живущимъ, что въ россійскомъ государствѣ твоемъ царствѣ, истари самая истинная христіянская православная вѣра, апостолы проповѣданная и святыми отцы седмію вселенскими и девяти помѣстными соборы утвержденная, и въ Троицы покланяемому Богу до него Никона, бывшаго патріарха, благоугодна была. И будетъ бы, великій государь, отчина твоя, великая Россія, неистинную вѣру содержала: и то бъ всеблагій Богъ можаше толикую свою благодать и инудѣ послать“. Инокъ

Сергій, съ своей стороны, говоритъ, что когда былъ въ Москвѣ константинопольскій патріархъ Іеремія, „и той патріархъ въ россійскомъ государствѣ вѣру христіанскую и благочестіе свидѣтельствовалъ во своей грамотѣ сице: понеже убо ветхій Римъ падеся аполинаріевою ересію, второй Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ, великое же россійское царство, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде, и все благочестіе въ него во едино собрася, и единъ россійскій подъ небесемъ христіанскій царь именуется во всей вселеннѣй“. Затѣмъ Сергій говоритъ, что когда въ Москвѣ былъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, то и онъ „паки вѣру христіанскую и чинъ церковный россійскаго государства похвалялъ“. Какъ и Никита Сергій указываетъ на прибытіе въ Русь Антонія римлянина, на Христову ризу, и заключаетъ: „и аще бы въ Россіи неправая вѣра была и не почину служили: и то бы не изволилъ Богъ толикой превеликой своей благодати въ царствующемъ градѣ быти“. Въ пятой соловецкой челобитной говорится: „сами они, вселенскіе патріархи, прежде бывшіи у насъ въ русской земли, Іереміи цареградскій и Ѳеофанъ іерусалимскій и иные многіе палестинскіе власти о нашей православной вѣрѣ свидѣтельствуютъ списаніемъ, якоже въ книгѣ Кормчей московской печати, листъ 15 и 26, пишетъ сице, что-де у нихъ въ Царѣградѣ и Іерусалимѣ конечное православной вѣрѣ греческаго закона отъ агарянъ насиліе и погубленіе, церквамъ Божіимъ запустѣніе и разореніе, но точію единъ во всей вселеннѣй владыка и блюститель непорочныя вѣры христіанскія, самодержавный великій государь царь благочестіемъ всѣхъ превзыдетъ; и все благочество въ твое государство едино царство собрашеся, и третій Римъ, благочестія ради, твое государство, московское царство, именоваша. И аще бы, государь, наша православная христіянская вѣра не права, то бы и милости и чудесъ отъ тѣхъ чудотворныхъ иконъ не было, и прародителей твоихъ государей благовѣрныхъ царей и великихъ князей, и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Господь Богъ во святыхъ чудесы не бы прославилъ, и вселенскіе православные патріархи, наипаче же начальнѣйшій и глава всѣмъ Іеремія цареградскій и Ѳеофанъ іерусалимскій, и иные мно-

тіе палестинскіе власти и не бы православныя нашіе христіанскіе вѣры похвалили“ [1]).

Какъ русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее теперь въ цѣломъ мірѣ, такъ и русскія церковныя книги вполнѣ правы, чужды всякой, а тѣмъ болѣе еретической порчи, онѣ святы и непререкаемы. Нероновъ говоритъ, что равноапостольный князь Владиміръ вмѣстѣ съ вѣрою „пріятъ отъ грекъ искусныхъ иконописцевъ, духовныхъ мужей и философовъ мудрыхъ, вѣдущихъ до конца божественное писаніе и могущихъ превести со многимъ тщаніемъ святыхъ книгъ божественное писаніе отъ греческаго языка на словеньскій и вся добрѣ и богоугодно управити, на пользу единородныхъ нашихъ душъ. Сія же благовѣрному и равноапостольному князю Владиміру съ Богомъ совершившу, и радующуся зѣло со всѣми людьми о украшеніи церкви, потомъ же вси благовѣрніи цари и великіе князи, вашего благочестиваго корене, великими сими въ Росіи просіявшими святительми и преподобными отцы до конца божественное писаніе уясниша и тисненію печатному предаша, ко утвержденію православной христіанской вѣры, преводяще сихъ духовными и святыми мужи отъ греческаго языка на словенскій: якоже реку досточуднымъ онѣмъ мужемъ и въ добродѣтельномъ житіи просіявшимъ, преподобнымъ Максимомъ грекомъ“. Дьяконъ Ѳедоръ пишетъ: „тѣ бо старые служебники не съ мордовскихъ, не съ черемискихъ, и не съ латинскихъ преложены, и печатаны древле съ греческихъ древнихъ письменныхъ, переведены въ добрая времена, до взятія Царяграда и истребленія греческихъ книгъ отъ римлянъ за много лѣтъ; по нихъ же служаху и жертву непорочну приношаху преосвященніи митрополити и прочіи архіереи Божіи рустіи до патріарховъ, потомъ пять патріарховъ московскихъ: Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ, и прочіи съ ними архіереи Христовы и ереи всея русскія земли нашея по тѣмъ же служиша и Господу Богу угодиша, и ни въ чемъ ихъ не опорочиша“. Да и некому было, по мнѣнію Ѳедора, искажать и портить на Руси церковныя книги. „А во твоемъ государствѣ, пишетъ онъ царю, не бывало еретиковъ прежде,

---

[1]) Матер. I, 60. III, 246—248. IV, 158—161, 309—312. V, 78. VI, 35—36 204, 290 и др.

кои бы святыя книги превращали и противныя въ нихъ догматы вносили. И аще быша кую ересь въ старыя книги вложиша, или противный кой догматъ, то бы намъ сказали, что ересь и кое слово противно божественному писанію... А Никонъ, отступникъ, солгалъ на старыя святыя книги, будто въ нихъ новоприложено *истиннаго* въ символѣ... Аще бо на Москвѣ приложили *истиннаго*: кто приложилъ имянемъ,— царь-ли, или святитель кой? и въ кое лѣто? и какъ тому прелагатаю церковь премолча о прилогѣ? И аще всѣ люди мертвы быша въ то время: тогда буди тако, яко спящимъ всѣмъ людямъ въ Москвѣ и приложи нѣкто *истиннаго* и утече нѣгдѣ. Кто же еще приложи *истиннаго* въ воскресенскихъ книгахъ, и кто приложи въ сербскихъ печатныхъ многихъ книгахъ? Како и тамо никто не увѣдѣ? Оле, оболганія вражія!.. О превращеніи вѣры нынѣ всѣмъ вѣдомо есть во всей земли, всякому чину, и деревенскимъ мужамъ и женамъ, и дѣтемъ ихъ разумно бысть, и вси знаютъ уже отъ кого учинилося то на Москвѣ, и въ кое время и лѣто, и въ книгахъ написано есть и будетъ“. Съ своей стороны и соловецкіе челобитчики говорятъ, что со временъ равноапостольнаго князя Владиміра до Никона православная вѣра на Руси „стояла нерушима и непоколебима и твоему, великаго государя, россійскому царствію отъ иноплеменныхъ раззоренія и церквамъ Божіимъ запустѣнія и еретическаго раздранія и книгамъ истребленія прародителей твоихъ государевыхъ и твоими, великаго государя, молитвами, не бывало, измѣнитца у насъ въ православной христіанской вѣрѣ было не отъ чего“ [1]).

Если русское благочестіе есть теперь высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, и какъ такое вполнѣ доказано и оправдано исторически, если русскія церковныя книги вполнѣ правы и истинны, во всемъ строго православны и святы; то, по мнѣнію противниковъ церковной реформы Никона, совсѣмъ нельзя того же сказать о греческомъ теперешнемъ благочестіи и о теперешнихъ греческихъ церковныхъ книгахъ. Аввакумъ на соборѣ 1667 года говорилъ греческимъ патріархамъ: „у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета, — да и дивить на васъ

1) Матер. III, 256. VI, 41, 154, 156. 279—280.

нельзя: немощни есте стали“. И далѣе Аввакумъ замѣчаетъ: „мудры бл...ы дѣти греки, да съ варваромъ турецкимъ съ одново блюда патріархи кушаютъ раѳленые курки. Русачки же миленькіе не такъ, въ огонь лезетъ, а благовѣрія не предастъ“. Лазарь говоритъ: „греки приняли три папжскія законы: первое—обливатися во святомъ крещеніи, второе—знаменатися тремя персты, третіе—крестовъ на себѣ не носити; послѣдиже и царскую Божію погубиша власть“. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „а въ грекахъ государь-царь, благочестія зѣло много повредилося отъ утѣсненія поганыхъ и отъ еретическаго насилованія: такъ стѣснены, яко овцы посредѣ волковъ,—едва уже дышутъ. Также у нихъ говорили по дважды и аллилуію, и сложеніе перстъ имѣли яко же мы; но недавно измѣнили, смущаемые отъ римскихъ наукъ... Крещенія православнаго греки нынѣ не имѣютъ, обливаются вси, а не въ три погруженія крещаются, еже начало спасенію нашему... А въ Греціи изсякнути вѣрѣ насиліемъ агарянскимъ: сице писано есть о нихъ, тако и совершается уже у нихъ давно то... И никто же да дивится о семъ, яко изсяче у грековъ благочестіе отъ насилія невѣрныхъ, по пророчеству царя Константина и святаго Селивестра папы римскаго: о семъ пишетъ во Исторіи. А нынѣ, по нуждѣ заблудившеся, живуще посреди тмочисленныхъ волковъ, да и насъ ко своей погибели невольно призываютъ“. Священникъ Никита пишетъ государю: „а что, великій государь, палестинскіе власти и вси греки неточію крестное знаменіе исказили, но и самое свое главное спасеніе потеряли, еже въ крещеніи по римски обливаются и покропляются, а въ три погруженія не погружаются, и въ томъ, государь, шлюся не на инѣхъ на кого, но на самѣхъ тѣхъ всѣхъ грековъ“. Соловецкіе челобитчики говорятъ: „а имъ, государь, грекамъ православная христіанская вѣра по се время изронить недивно: понеже живутъ толико множество лѣтъ посредѣ безбожныхъ и поганыхъ турковъ, во всякомъ озлобленіи и неволѣ, и православную вѣру держатъ дни свои окупаючи, и многіе монастыри и церкви Божіи у нихъ стали въ конечномъ раззореніи“. Инокъ Авраамій пишетъ: „тыя грецы (отъ которыхъ русскіе приняли крещеніе) не быша въ соединеніи съ римскимъ костеломъ; сіи же нынѣшніе грекове прелестницы, причастницы и сообщницы

костелу римскому, и ересеначальникъ пріемнецы, проповѣдники и разширители антихристова царства". У грековъ „нетокмо святительства не обрящеши, не судя глаголю, но ниже христіянства, въ несвященныхъ бо церквахъ обѣдни служатъ... Кая во греченяхъ правда, отъ иссяклой вѣры римскія книги и ученія доржащихъ, безъ антиминсовъ въ несвященныхъ церквахъ литургисающихъ? И набольшій ихъ цареградскій патріархъ отъ папы римскаго проклятаго,—уже здѣ въ Россіи многимъ про то достаточно вѣдомо,—сокраменты принимаетъ и общникъ и единомудренъ еретикъ, попратель и разоритель священныхъ правилъ. Греки аще и мнятся держати святую вѣру православную, но воистину прельщаютъ и обманываютъ: обливаютъ бо ся въ крещеніи, и не по святыхъ отецъ житіе ихъ, и крестовъ на себѣ не носятъ, и ни слѣда христіанскаго нѣсть въ нихъ во всѣхъ, чернцѣхъ и бѣлцѣхъ, и горше суть татаровей. Понеже оставльше путь правыя вѣры, вдаша себе въ еретичество" [1]).

Не только у грековъ повредилось и изсякло истинное благочестіе, но и всѣ ихъ священныя книги испорчены латинами. Дьяконъ Ѳедоръ пишетъ: „греческія книги давно двои стали у нихъ: рукописныя старыя малыя, кои остались не сожжены отъ римлянъ, и тѣ правы книги; и другія новыя, печатныя новыя книги греческія есть, иже печатаны по взятіи Царяграда, и тѣ растлѣнны суть и римскихъ ересей наполнены. Отъ сея вины учинилося тако въ печатныхъ тѣхъ книгахъ: егда греки прибѣгоша въ Римъ со старыми своими книгами, кроюще ихъ отъ турскаго султана, съ нихъ же и наши русскія книги переведены, и тѣ книги у грековъ отняли римляне и на свой языкъ преложили, а тѣ старыя всѣ греческія сожгли, враги проклятые, и съ своего языка латинскаго почали уже печатать греческимъ языкомъ, смѣшавше ихъ съ своими ересьми, и продаютъ ихъ грекамъ, по градомъ возяще, еже бы во свое мудрованіе привести ихъ тѣмъ своимъ вымысломъ, яко же и насъ никоніане нынѣ. И греки по нуждѣ покупаютъ ихъ, зане печати у нихъ нѣсть и при вѣрныхъ царехъ не было. А кои греки благочестіе хранятъ чисто, тіи отнюдь тѣхъ книгъ не

---

1) Матер. III, 257. IV, 86, 250. V, 78, 203. VI, 34, 35, 157, 277. VII, 5, 88, 97, 98.

пріемлютъ, но препишутъ старыя съ нужею и по тѣмъ славятъ Бога. А во Аѳонской горѣ 20 монастырей греческихъ и 4 русскихъ, а вси тѣхъ книгъ, сквозь еретическія руки прешедшихъ, не пріемлютъ же". Священникъ Никита пишетъ: „а печатано съ книгъ, иже греческія словутъ, а печатаютъ ихъ растлѣнно въ трехъ латинскихъ городахъ: въ Римѣ, и въ Парижѣ и въ Венеціи". Соловецкіе челобитчики говорятъ: „а книги, государь, у нихъ грековъ, кои прежняго благочестиваго исправленія были, послѣ цареградскаго взятія отняли римляне, и перепечатали у себя, по своему латинскому обычаю, и тѣ имъ свои латинскіе книги роздали, а ихъ греческіе книги всѣ огнемъ сожгли. И о семъ свидѣтельствуетъ въ книгѣ своей блаженный Максимъ грекъ. А у насъ, благодатію Христовою, по се время того не бывало. А которые, государь, старые книги у нихъ, грековъ, нынѣ еще есть, и тѣ книги отъ еретиковъ многіе испорчены, насѣянно въ нихъ много худыхъ плевелъ: понеже во время тѣхъ старыхъ книгъ въ грекахъ еретиковъ и богохульниковъ и иконоборцевъ было много" [1]).

Въ виду указаннаго положенія дѣлъ на вопросъ: чему надлежитъ слѣдовать—русскому или греческому въ дѣлахъ вѣры и благочестія—самъ собою являлся отвѣтъ, что надлежитъ слѣдовать русскому благочестію, а не греческому. „Гдѣ правда? Чему вѣрить? Старымъ ли святымъ богословцемъ и богомудрымъ мужемъ, или нынѣшнимъ пьянымъ философомъ, иже чреву своему служатъ день и нощь, и сію мудрость отъ римскихъ богомерзкихъ еретическихъ пріяша? спрашиваетъ дьяконъ Ѳедоръ и отвѣчаетъ: „и не будетъ новому баснословію внимати, и оставя истину и лжи послѣдовати". Никита обращается къ царю: „и о семъ ты, великій государь, наша христіанская глава, вели соборнѣйшимъ разсужденіемъ разсудить: чему намъ послѣдовать— древнихъ ли святыхъ отецъ и великихъ государей, царей и великихъ князей, многимъ книгамъ и соборнѣйшимъ писаніямъ, или нынѣшней нововводной и многоложной никоніанской книгѣ (скрижаль), иже снискана отъ вѣдомаго вора и врага Христова, отъ жидовскаго обрѣзанца Арсенія чернца? О, великій государь, попекися добрѣ нашими ду-

---

[1]) Матер. III, 259. IV, 15. VI, 41—42, 157—158.

шами! Вели о семъ разсудить, чтобъ намъ отъ тѣхъ проклятій душъ своихъ не погубить!" Въ другомъ мѣстѣ Никита обращается къ царю: „о, великій государь, вели о семъ разсужденіе учинить, кому намъ послѣдовать: угодникомъ ли Божіимъ, или тому вѣдомому врагу, мотылному столпу, поправшему священство троеженствомъ". И соловецкіе челобитчики, съ своей стороны, заявляютъ государю: „аще, великій государь, толикія и безчисленныя свидѣтельства на нашу православную христіанскую вѣру, яко непоколебимо въ православныхъ догматахъ и въ церковныхъ исправленіяхъ пребываетъ; то кая, государь, нужда намъ тое истинную православную вѣру, самимъ Господомъ Богомъ преданную, и святыми отцы утвержденную, и вселенскими верховнѣйшими патріархи похваленную, нынѣ покинути и держати новое преданіе и иную вѣру" [1]).

Теперь, по мнѣнію противниковъ церковной реформы Никона, слѣдуетъ учиться истинному благочестію и правой вѣрѣ не русскимъ у грековъ, а совершенно наоборотъ: грекамъ у русскихъ. Аввакумъ говоритъ на соборѣ греческимъ патріархамъ, что у нихъ благочестіе стало „пестро". „И впредь пріѣзжайте къ намъ учитца: у насъ, Божіею благодатію, самодержство. До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь немятежна". Никита, указывая на потерю греками истиннаго благочестія, говоритъ: „и твоему, государь, Богомъ утвержденному государству отъ тѣхъ грековъ коея истины искать"? Онъ заявляетъ: „а вселенскіе патріархи отъ великаго гоненія бесерменска не то едино, но и прочее обычное христіанское благочестіе истеряли, и нынѣ намъ отъ нихъ уже нечево искать: былъ они источникъ и пресохъ и сами вельми страждутъ". По поводу введенія Никономъ амвоновъ въ русскихъ церквахъ онъ замѣчаетъ: „а что онъ, Никонъ, указывалъ на іерусалимскую церковь и цареградскую, что-де нынѣ въ нихъ такихъ амвоновъ нѣтъ, во Іерусалимѣ и Константинѣ-градѣ и въ прочихъ церквахъ не то едино, что тѣхъ сущихъ амвоновъ не стало, но и на верху ихъ крестовъ нѣсть,—и тому ли намъ ревновать?" Инокъ Сергій пишетъ: „а по отпаденіи въ Риму и

---

[1]) Матер. III, 248—249. IV, 77, 117. VI, 287.

по взятіи Царя-града отъ турокъ есть-ли хотя одинъ во святыхъ, кто прославленъ въ коемъ градѣ или монастырѣ? Но и старыхъ знаменоносцевъ мощи всѣ истребили и безвѣстно истеряли, и святыя мѣста разорили и осквернили, и книги всѣ истребили и исказили! И чего отъ нихъ нынѣ намъ пріимать? И для чего въ россійскомъ государствѣ староутвержденную святыми знаменоносцы вѣру и чинъ перемѣнять, и послѣ ихъ передѣлывать вновь"? Соловецкіе челобитчики заявляютъ: „тебѣ, великому государю, вѣдомо и извѣстно: самые лучшіе греческіе учители, егда пріѣзжаютъ въ русскую землю, и не единъ лица своего перекрестить не умѣетъ и ходятъ безъ крестовъ. А у насъ, государь, невѣжи и поселяне имъ дивятца и говорятъ, что-де они, палестинскіе власти, пастыри и учители нарицаются и въ иную землю учити пріѣзжаютъ, а сами и лику своего перекрестить не умѣютъ; то-де чему насъ поселянъ научити, иakова-де отъ нихъ научитеся намъ въ православной вѣрѣ исправленія... Въ лѣпоту убо, государь, призвать (греческимъ властямъ) въ твое государство, благочестивое россійское царствіе, самимъ учитись православной христіанской вѣрѣ и благочестію навыкати, яко да довольни будутъ въ своей землѣ и иныхъ научити... Отъ начала во святѣй обители нашей самихъ тѣхъ греческихъ и русскихъ кіевскихъ властей: митрополитовъ, и архіепископовъ, и архимаритовъ, и игуменовъ присылныхъ бывало много и нынѣ есть; а присылаются всѣ греческія власти того ради, чтобы имъ навыкнуть у насъ въ обители православные христіанскіе вѣры, истиннаго благочестія и иноческаго чина. И аще бы, государь, до сего времени у насъ была неправославная вѣра, то бы ихъ, греческихъ властей, для исправленія къ намъ подъ началъ въ Соловецкій монастырь не присылали". Указывая затѣмъ на предосудительныя дѣйствія грековъ еще въ древнѣйшія времена относительно болгаръ, челобитики говорятъ: „посему же и нынѣшнее ихъ въ нашей русской землѣ греческое ученіе всякому, здравъ умъ имущему, разумѣти мочно, яко ученіе ихъ неправедно и ложно; понеже бо еще въ добрую пору, до турскаго взятія, еще тогда во благоденствіи имъ сущимъ, толикія въ нихъ лукавства, и сребролюбія неправды бяху, и церкви Божіи не апостольски снабдѣваху и православную вѣру на миздѣ въ нечестіе пре-

даваху: то котораго намъ отъ нихъ нынѣ въ православной вѣрѣ хотѣти добраго исправленія, кромѣ точію еже развращенія, а православныя вѣры истребленія“ [1]). Инокъ Авраамій пишетъ: „греки (аѳониты) нашу русскую Псалтирь со слѣдованіемъ сожгли, и книгу Кирилла іерусалимскаго сожгли, и ныхъ немало. И какое ихъ нынѣ православіе? Какія ереси нашли во святыхъ тѣхъ книгахъ? А наши владыки нынѣ у нихъ переимаютъ новые чины и уставы на соблазнъ всему христіанству. Научатъ ихъ греки и курятъ ѣсти, и табаку пити по еретически“ [2]).

---

[1]) Матер. III, 251—253, 274—275. IV, 86, 143, 312. V, 78. VII, 70, 306.

[2]) Сожженіе на Аѳонѣ русскихъ книгъ греками, о чемъ упоминаетъ Авраамій, есть историческій фактъ. Въ 1660 году, извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, сопровождая изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія, прибылъ съ нимъ въ Молдавію, и остановился въ метохѣ сербскаго аѳонскаго Зографскаго монастыря. Игуменъ и братія этого метоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки-аѳониты сожгли на Аѳонѣ московскія печатныя книги по слѣдующему случаю: „нѣкто у нихъ былъ старецъ честенъ-сербинъ, житіемъ былъ святъ и во всемъ искусенъ и лѣты старъ, жилъ въ скитѣ и держалъ книги московскія у себя, и крестился крестнымъ знаменіемъ по московскому, какъ писано въ книгѣ Кирилла Ерусалимскаго, что напечатана въ Москвѣ, да и прочихъ-де тому же училъ“. Узнавъ объ этомъ, греки-аѳониты призвали старца на соборъ къ отвѣту и называли московскія книги еретическими. „И онъ-де имъ говорилъ, что есть у нихъ книги старинныя сербскія письменныя, а въ нихъ-де писано о крестномъ знаменіи такъ же, какъ и въ московскихъ. И тое-де книгу письменную, сыскавъ, принесли на соборъ и спущали съ московскою печатною книгою, и все-де сошлось слово въ слово противъ московской печати, а та-де книга, какъ писана, 130 лѣтъ тому“. Московскія печатныя книги и сербскую старую рукописную книгу, въ которой тоже заключалось ученіе о двоеперстіи, греки-аѳониты сожгли, причемъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ былъ ахридскій архіепископъ Даніилъ, который въ то время случился на Аѳонѣ. Сухановъ собралъ отъ очевидцевъ точныя свѣдѣнія о сожженіи русскихъ книгъ на Аѳонѣ, и такъ какъ Даніилъ ахридскій въ это время находился уже въ Молдавіи, то онъ и былъ привлеченъ къ отвѣту іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, которому жаловался на него Сухановъ. Даніилъ, уличаемый очевидцами, въ присутствіи патріарха, Суханова и другихъ, далъ такое показаніе: „было-де во Аѳонской горѣ такъ, собралися старцы на сербскаго старца, Дамаскина именемъ, что онъ крестится не по-гречески и иныхъ тому учитъ, и того-де старца, поставя на соборѣ, допрашивали,—откуду онъ тому научился? Й онъ-де указалъ на сербскую на письменную книгу, что въ ней такъ писано креститься. И тое-де книгу, веземъ у него, сожгли, а та-де книга (старинная сербская, тому 130 лѣтъ какъ написана, и тому-де есть письмо, здѣ прислано изъ Аѳон-

Но если русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее теперь въ цѣломъ мірѣ, тогда какъ благочестіе современныхъ грековъ болѣе чѣмъ сомнительно; если русскія книги вполнѣ правы и ихъ никогда не касалась рука еретиковъ, тогда какъ греческія книги испорчены и искажены еретиками, которые ихъ печатаютъ; то понятно само собою, что Никонъ, исправлявшій русскій обрядъ и книги по современнымъ греческимъ, т. е. исправлявшій несомнѣнно и строго православное русское по очень сомнительному греческому, естественно и необходимо являлся, въ представленіи противниковъ его реформы, сознательнымъ раззорителемъ русскаго чистаго православія, злымъ еретикомъ, слугою антихриста. Такимъ дѣйствительно и представляютъ Никона всѣ противники его реформы. Дьяконъ Ѳедоръ, напримѣръ, говоритъ: „но и отъ всепагубнаго сына геены, пагубнаго сосуда сатанина, явльшагося въ свое время настоящее, о немъ же вамъ реку, Никона еретика, адова пса, злѣйши и лютѣйши паче всѣхъ древнихъ еретикъ, еже быша подъ небесемъ: они бо, аще и зли суть, но на благочестіе не возмогаша, но сами спяти быша и падоша, сей же положи всю вселенную пусту и грады огнемъ невѣрія зажже, паче же богоборство воздвиже и гоненіе веліе и благочестію кончаніе сотворилъ... Явился еси (Никонъ) міру тщеславіемъ своимъ мудрѣйши всѣхъ святыхъ отецъ греческихъ и словянскихъ, и за ту гордыню свою безумную, яко сатана, проклятъ еси отъ Бога и всѣхъ святыхъ его, и съ послѣдующими плотскому твоему мудрованію... Лучше бы тебѣ, паршивому па-

---

ской горы къ митрополиту Стефаву Торговицкому“. Съ своей стороны и старецъ Чудова монастыря Пахомій, также, какъ и Сухановъ, сопровождавшій изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія, доносилъ государю: „а за крестное воображеніе и за книги, которые пожгли (па Аѳонѣ), говорилъ вопреки, и противъ правилъ святыхъ отецъ стоялъ святые Аѳонскія горы старецъ Ѳеодоръ, житіемъ духовенъ, и греческіе, государь, старцы хотѣли іво убить до смерти“. Григоровичъ, при посѣщеніи имъ Аѳона, въ одной книгѣ Хиландарскаго монастыря прочелъ замѣтку, что въ 1650 году, когда на Святой горѣ происходили пренія о крестномъ знаменіи, „сожогоша книги московскіе на карчі-ахъ грьци и духовника Дамаскина, и попа Романа, и ученика ихъ Захарію въ темницы затвориша и глобиша ихъ 60 гроши. Оле бѣда отъ лукаваго рода грьчскаго, Мца маіа ки веліе безчестіе сотвориша восемъ серблемъ и болгарамъ“. (Наша книга: Патріархъ Никонъ, стр. 69—70).

стуху, почивати на отеческихъ уставѣхъ и не прелегати бы предѣлъ вѣчныхъ“. Аввакумъ, какъ мы видѣли, называетъ Никона то „злодѣемъ“, то „еретикомъ“, то „богоотмѣстникомъ“ и т. под. Авраамій называетъ Никона еретикомъ, лютѣйшимъ всѣхъ древнихъ еретиковъ, волхвомъ и чародѣемъ, иконоборцемъ, предтечею антихриста и т. под. [1]).

Будучи злымъ еретикомъ, Никонъ успѣлъ прельстить и склонить на свою сторону царя и всѣхъ властей. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ; „Никонъ врагъ ту смуту (троеперстіе) ввелъ, и царя государя и властей всѣхъ страхомъ и клятвою прельстилъ... А Никонъ, отступникъ, солгалъ на старыя святыя книги,... и тою лжею царя окралъ и обманулъ, яко дьяволъ, и властей всѣхъ малоумныхъ прельстилъ, яко лисица младыхъ и неученыхъ псовъ, зане не умѣли огласить его словомъ истины, но онѣмоша, понеже мечь духовный не готовъ имѣша... Царь Никону молчаше, понеже запись ему даде своею рукою въ началѣ поставленія его, еже во всемъ его послушати, и отъ бояръ оборонять и его волю исполнять, яко же прельщенный оный отрокъ рукописаніе даде сатанѣ, его же Василій Великій избавилъ молитвою отъ погибели тоя,—тако омрачи его Никонъ лесчимъ нѣкако духомъ. Царь же Алексѣй до того окраденія Никонова благочестивъ бысть зѣло, и правдолюбивъ и милостивъ, того же великохищника Никона, пришедша во овчей кожи, не позна, и не опасеся отъ лести его, и не возможе отъ сѣти его исторгнитися... Самодержецъ Никону не возбрани; видя матерь свою святую церковь отъ разбойника разоряему, и не зазираетъ, но паче заступаетъ. Дивлюся помраченія разума царева, како отъ змія украденъ бысть! Или рещи оно: яко забвеніе и неразуміе на всѣхъ хвалится! Человѣкъ бо есть!“ Инокъ Авраамій обращается къ царю: „како тя прельстилъ лукавый врагъ и льстецъ Никонъ, мучитель, а не учитель твой? Яко змія Евву прельсти лукавствомъ своимъ и изъ рая изгна, тако и онъ тя прельсти и отъ лика благочестивыхъ царей отлучи, и яко хоботъ сатанинъ отторже тя, пресвѣтлую звѣзду, отъ тверди церковныя и поверже тя на земное мудрованіе, О горе и увы—увы! Утренюю звѣзду тьма покры! О, царю,

---

[1]) Матер. VI, 64—65, 171—172, 267—268. V, 66, 146, 186, 368 и др. VII, 34, 61, 62, 89 и др.

какъ тя прельстилъ змій плотный Никонъ? Воистину прельстилъ тя, и всѣмъ благочестивымъ царемъ, родителемъ твоимъ, и великимъ княземъ, прародителемъ твоимъ, насмѣялся... А нынѣ, государь, крестное знаменіе, православное сложеніе перстовъ измѣнилъ еретикъ, новый отступникъ, Никонъ, и глупыхъ епископовъ прельстилъ, а святыхъ оболгалъ лестію". Въ другомъ мѣстѣ тоже объ архіереяхъ онъ пишетъ: „охъ, увы, прелести еретическія! Да наши бѣдніи епископи и къ сему руки своя приложиша Никонову окаянному мудрованію, мню, яко не хотяще лишитися чести маловременныя и за церковь Христову пострадати, любо, плотстіи, или яко пси нѣміи, не могуще лаяти на еретика Никона и отступника. Аможе онъ, яко слѣпыхъ, водяше, туды въ путь и идяху, и ни въ чемъ не сопротивляхуся, яко скоти безсловесніи". Въ одномъ мѣстѣ Авраамій даже увѣряетъ, что будто бы Никонъ, въ видахъ склонить епископовъ на свою сторону, подкупалъ ихъ. „На цѣнѣ продалъ Никонъ вѣру христіанскую, говоритъ онъ, рукъ ради по сту рублевъ коемуждо епископу дарствовалъ за молчаніе, кромѣ Павла епископа, иже отъ него и убіенъ бысть" [1]).

Если Никонъ есть новаторъ и еретикъ, если его реформа грозитъ гибелью православія на Руси и даже въ цѣломъ мірѣ,—такъ какъ четвертому Риму не быть; то понятно, что задача всякаго истинно благочестиваго русскаго состоитъ въ томъ, чтобы не только твердо хранить и держать свое древнее благочестіе, не допускать въ наслѣдованномъ отъ предковъ никакихъ перемѣнъ и измѣненій, но и упорно бороться противъ всѣхъ нововведеній Никона и его послѣдователей, всячески защищать и отстаивать родную старину, съ гибелью которой погибнетъ православіе въ цѣломъ мірѣ и въ немъ настанетъ тогда царство антихриста. За такихъ именно ревнителей и поборниковъ исторически доказаннаго и оправданнаго совершеннѣйшаго русскаго благочестія обыкновенно и выдавали себя противники церковной реформы Никона, всячески стараясь доказать, что осужденіе ихъ, какъ ревнителей и поборниковъ святой старины, есть необходимо и осужденіе этой святой старины, что проклятіе, которому подвергаютъ ихъ, неизбѣжно падаетъ вмѣстѣ съ

---

[1]) Матер. VI, 52, 154, 196—197, 293—294. VII, 62, 212, 310, 369.

ними и на всѣхъ предковъ русскихъ и на самыхъ ихъ святыхъ, послѣдователями и подражателями только которыхъ являются они, — противники реформы Никона. Протопопъ Аввакумъ говоритъ: „что есть ересь наша или кій расколъ внесохомъ мы въ церковь, якоже (ложно говорятъ) о насъ никоніаны, нарицаютъ раскольниками и еретиками... Аще мы раскольники и еретики: то и вси святіи отцы наши и прежніи цари благочестивіи и святѣйшіе патріарси таковы суть... Коли насъ за старину святую проклинать: ино и отецъ вамъ и матерь подобаетъ своихъ проклинати, въ нашей вѣрѣ умершихъ... Толи наша великая вина, еже держимъ отецъ своихъ преданіе неизмѣнно во всемъ? Аще мнится имъ дурно сіе: подобаетъ имъ извергнути отъ памяти прежде бывшихъ царей и патріарховъ и всѣхъ русскихъ святыхъ. За что они намъ послѣ себя оставили книги сія, за нихъ же мы полагаемъ душа своя! Аще ли имъ памяти честнѣ творятъ и святыхъ русскихъ почитаютъ всѣхъ, ихъ же мы уставы и преданія держимъ: за что же насъ мучишь и губишь?“ Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „мы вси, правовѣрніи христіане, никакого раскола, ни ереси не вложили въ книги и въ церковь не внашивали; но за старыя книги церковныя, за преданія отеческая правая стоимъ и умираемъ... Никоніане, иже насъ за старыя книги и законы святыхъ отецъ проклинаютъ, учителей нашихъ и наставниковъ, имъ же повелѣ намъ апостолъ повиноватися и покорятися, и на скончаніе жительства ихъ взирати, подражати вѣрѣ ихъ. И аще ихъ проклинаютъ съ нами, то убо святыхъ апостолъ и самаго Христа проклинаютъ“. Лазарь говоритъ, обращаясь къ государю: „мы, богомольцы твои, во святую церковь ничто же вносимъ, или износимъ, вся преданная намъ закономъ и пророки и евангелисты пріемлемъ, и чувствуемъ и лобызаемъ, и ничтоже сихъ далѣ ищемъ, и предѣлъ вѣчныхъ не прелагаемъ, яже положиша отцы наша: не бѣша бо тіи глаголющи, но и Духъ, иже отъ Бога Отца... Мы держимъ святыя книги и законъ прародителей твоихъ, и ничего во святую церковь не вносимъ, ни износимъ, что приняли, то и держимъ неизмѣнно“. Соловецкіе челобитчики пишутъ государю: „мы, богомольцы твои, преданія апостольскаго и святыхъ отецъ измѣнить отнюдь не смѣемъ, бояся Царя царствующихъ и страшнаго отъ него прещенія и хощемъ вси скончатися въ старой вѣрѣ,

въ которой отецъ твой, государевъ, благовѣрный государь, царь и великій князь Михаило Θедоровичъ всея Русіи, и прочіи благовѣрные цари и великіе князи благоугоднѣ препроводиша дни своя: понеже, государь, та прежняя наша христіанская вѣра извѣстна всѣмъ намъ, что богоугодна, и святыхъ Господу Богу угодило въ ней многое множество, и вселенскіе патріархи, Іеремія и Θеофанъ, и прочія палестинскія власти, книгъ нашихъ русскихъ и вѣры православные ни въ чемъ до сего времени не хулили, наипаче же и до конца тое нашу православную вѣру похвалили, и тѣмъ ихъ свидѣтельствомъ извѣстно надѣемся въ день страшнаго суда предъ самимъ Господомъ Богомъ не осуждены быти, наипаче же и милость получити“. Инокъ Авраамій пишетъ: „и како убо, государь, толикъ облакъ свидѣтельствъ призрѣти, а единому Никону со Арсеніемъ еретикомъ повѣрити? Како убо нынѣ москвитяне и вси великороссіяне, по принятіи правыя вѣры сіонскія седмое сто лѣтъ, и къ концу пріиде, а нынѣ они насъ учатъ новой вѣрѣ? И въ коемъ благочестіи родилися, и чему училися, и учили коей вѣрѣ, и въ ней воспитани быша сами, и отцы отецъ ихъ, а нынѣ за ту вѣру клянутъ непокоряющихся ихъ прелести и царскому другому суду отдаютъ и кровь христіанскую вкупѣ проливаютъ“ [1]).

Такимъ образомъ противники церковной реформы Никона усиленно старались выяснить и доказать прежде всего то общее положеніе, что реформы Никона, имѣвшія въ виду особенности русскаго обряда согласить съ тогдашнимъ греческимъ, русскія церковныя книги исправить по греческимъ, были неправы принципіально, по самому существу дѣла; что ихъ противленіе Никону мотивируется единственно преданностію и ревностію къ исторически доказанному и исторіей оправданному русскому благочестію, которое новаторъ Никонъ, увлекаясь очень сомнительнымъ греческимъ, стремится исказить и даже совсѣмъ уничтожить; что преслѣдовать и проклинать ихъ за борьбу и защиту ими старыхъ церковныхъ вѣрованій и установленій, значитъ отказываться отъ своей собственной святой старины, значитъ, въ существѣ дѣла, проклинать самихъ русскихъ угодниковъ Божіихъ.

[1]) Матер. III, 209—210. IV, 241, 262—263, 282. V, 143—145, 188, 287—288. VI, 204—210. VII, 14, 15, 281.

Но указаніями только на принципіальную несостоятельность церковной реформы Никона ея противники не довольствовались, а переходили отъ общихъ положеній къ критической оцѣнкѣ всѣхъ частностей и подробностей реформы и, изъ разсмотрѣнія ихъ, опять приходили къ заключенію, что церковная реформа Никона неправа, а права та святая русская старина, за которую они борятся съ новаторомъ Никономъ.

На вопросъ: чѣмъ руководился Никонъ при исправленіи церковныхъ книгъ?—его противники отвѣчаютъ: полнымъ пренебреженіемъ къ родной святой старинѣ, личнымъ произволомъ, внушаемымъ ему его высокоуміемъ и самомнѣніемъ. Аввакумъ говоритъ: „какъ говорилъ Никонъ, адовъ песъ, такъ и сдѣлалъ: печатай, Арсенъ, книги какъ нибудь, лишь бы не постарому!—такъ су и сдѣлалъ“. Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: „всю пестроту собралъ окаянный своеуміемъ, а людямъ сказуя ложно, будто въ греческихъ книгахъ справилъ все слово въ слово... явился еси міру тщеславіемъ своимъ мудрейши всѣхъ отецъ греческихъ и словенскихъ... Той стихъ *(Видѣхомъ свѣтъ)* поется на Троицынъ день на литіи, и той онъ стихъ приложилъ пѣть на литургіи съ хульнымъ непщеваніемъ на святыхъ русскихъ святильниковъ, бутто они, живучи въ Руси, потеряли вѣру, и безъ правыя вѣры такъ спаслись, а онъ, будучи въ патріархахъ, обрѣлъ вѣру истинную“. Священникъ Никита говоритъ: „еще же и тщится славы ища, что будто бы старые служебники были неправы, и будто онъ, Никонъ, истину снискалъ, и будто въ твоемъ государствѣ россійскомъ царствѣ вѣру исправилъ и изъяснилъ, и будто онъ новый богословъ и литоргій творецъ, и въ россійскомъ государствѣ бутто лучше и мудряе ево нихто не бывалъ, и будто всѣ русскіе чудотворцы и писанія съ ево, Никоново, не знали“. Никонъ сталъ, говоритъ Никита въ другомъ мѣстѣ, „всю землю переучивать, будто въ велицѣй Росіи прежде бывшіе святители и всѣ россійскіе чудотворцы писанія съ ево, Никона, не знали, и бутто онъ всее превеликой твоей государевы орды мудрѣе“. Соловецкіе челобитники въ одномъ мѣстѣ замѣчаютъ: „то напечатали они (въ новоисправленныхъ книгахъ) отъ своего растлѣннаго ума на смѣхъ и поруганіе Божію имени“ [1]).

---

[1]) Матер. III, 264. IV, 109, 161. V, 90. VI, 24, 37, 160, 171 и др.

Доказательства того, что Никонъ исправлялъ книги очень небрежно и даже произвольно, его противники видѣли прежде всего въ несходствѣ между собою исправленныхъ при Никонѣ книгъ разныхъ выпусковъ. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „шесть выходовъ служебниковъ новыхъ, а межъ собою несогласны. Тако же и прочія книги новыя". „Сами же— опять говоритъ онъ, положили въ новыхъ книгахъ во всѣхъ, во псалтыряхъ же съ возслѣдованіемъ, и во ермолояхъ, и въ тріодяхъ, и въ часословахъ: аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; а во второмъ выходѣ новыхъ же тріодей написали, осмѣляся, по трижды уже. И то, государь, не пестротали и не на песцѣ-ли основаніе свое полагаютъ, вертяся такъ и сякъ?" Когда Никонъ оставилъ патріаршество, онъ по словамъ Ѳедора, въ Иверскомъ своемъ валдайскомъ монастырѣ „повелѣлъ печатать часовникъ по старому уставу и обычаю, и тѣ часовники его видѣвъ азъ, по его благословенію печатанныя тамо словами въ четверть листа, въ нихъ же уже: и въ Духа святаго Господа *истиннаго* и животворящаго, и прочая вся въ нихъ по старому слово въ слово". Въ другомъ мѣстѣ Ѳедоръ замѣчаетъ: „стихъ: благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явися намъ, отвергъ въ первыхъ новыхъ служебникахъ; а въ старыхъ вездѣ той стихъ есть, и въ новыхъ иныхъ опять положили его со оговоромъ, и нынѣ поютъ его вси". Священникъ Никита пишетъ: „и то, государь, въ тѣхъ Никоновыхъ служебникахъ кая истинная правда, что во единомъ служебникѣ указъ со указомъ не согласуется, и тѣ служебники сами ся ратуютъ... А во время спусканія частей съ дискоса въ потирь напечатано вновь тропарь пасцѣ: Воскресеніе Христово видѣвше, да отъ канона девятой пѣсни два стиха. А въ ево же Никоновыхъ служебникахъ иного выходу того тропаря и стиховъ нѣтъ. И въ толковой ево Никоновѣ книгѣ нѣтъ же. И по сему, государь, изящно ево никоніанскіе самоизвольныя затѣйки познаваются. А буде бы онъ, Никонъ, истину снискалъ, и тобъ во всѣхъ своихъ служебникахъ единочинно и постоянно велѣлъ печатать. Да въ тѣхъ же служебникахъ вновь напечатанъ стихъ: Видѣхомъ свѣтъ истинный. И то, государь, напечатано съ польскихъ служебниковъ, а не отъ преданія богоносныхъ отцовъ. И въ томъ онъ, Никонъ, обличается своими же служебники и своею

Скрыжалью, что тово стиха инова выходу въ служебникахъ нѣтъ, и въ толковой ево книгѣ Скрыжалѣ нѣтъ же. И будетъ бы онъ, Никонъ, истинствовалъ, и онъ бы тѣ служебники велѣлъ постоянно печатать и съ толковою бы своею книгою не разгласовался. Шесть бо выходовъ ево Никоновыхъ служебниковъ въ русійское государство насильствомъ разослано: а всѣ тѣ служебники межъ собою разгласуются и не единъ со другимъ не согласуются". Священникъ Лазарь пишетъ спеціальный трактатать „о несогласіи самихъ съ собою новыхъ книгъ и о неправыхъ въ нихъ догматахъ и хульныхъ словахъ". Инокъ Амвросій пишетъ государю: „послушай, Михайловичъ, о новыхъ служебникахъ, иже при Никонѣ богоотступникѣ и послѣ его отреченія и изникновенія: по се время выходовъ до осми было, а всѣ межъ собою несогласны" [1]).

Никонъ несправедливо заявлялъ, что будто бы онъ только исправлялъ погрѣшности въ старыхъ книгахъ, въ дѣйствительности онъ не исправлялъ ихъ, а прямо передѣлывалъ. Никита говоритъ: „вѣдомо и самому тебѣ, великому государю, что въ тѣхъ Никонова повелѣнія новопечатныхъ книгахъ нѣтъ ни единаго псалма, ни молитвы, ни тропаря, ни кондака, ни сѣдална, ни свѣтилна, ни богородична, ниже въ канонахъ всякаго стиха, что бы въ нихъ нарѣчіе не измѣнено было; но всячески хитрословлено, и искажено, и перемѣшано, и многіе службы и каноны и молитвы послѣ святыхъ богословцевъ претворены вновь, и въ тѣхъ же случаяхъ чиновные дѣйства и эктеніи напечатаны непостоянно: въ той книгѣ напечатано тако, а въ иной инако, и предніе стихи ставлены на послѣдни, а послѣдніе напреди, или въ срединѣ; и кои потребы и молитвы къ христіанскому строенію были потребны, и отъ тѣхъ много нарушено и въ то мѣсто вновь, кои непотребны, напечатаны". Лазарь говоритъ: „нынѣшніе мудрецы немало что, но много—не оставиша бо во всѣхъ книгахъ ни одного слова, еже бы не перемѣнити, или не преложити. И, гордо хвалящеся, глаголютъ, яко нынѣ обрѣтохомъ вѣру, нынѣ исправихомъ вся". Ѳедоръ говоритъ: „и всякій псаломъ и всякая молитва, и всякій стихъ испревра-

---

[1]) Матер. IV, 90. 108—109, 207—220. VI, 17, 22, 38, 150, 170—171, 278 VII, 265, 418.

щено и искажено". Онъ признаетъ, что и въ старыхъ книгахъ есть ошибки и что ихъ слѣдуетъ исправлять, но иное дѣло исправлять, иное—заново передѣлывать. „А письменныя книги прочтохъ, идѣже видѣхъ ихъ, говоритъ онъ, и много искажены,—въ тоя такъ, а въ иной инаково о святомъ Духѣ... Не диво то, еже въ старыхъ книгахъ какія описки бываютъ и есть, и тому бываетъ правое разсужденіе. Ово бо опись, ово же превращеніе и премѣненіе книгамъ и догматамъ церковнымъ. За опись бо кую въ книгѣ какой ни есть и погрѣшное слово не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти, а за превращеніе книгъ старыхъ и догматъ правыхъ измѣненіе, подобаетъ всякому христіанину и страдати и умирати, обаче съ разумомъ, испытавъ вещь всякую опасно писаніемъ святыхъ отецъ". Соловецскіе челобитчики заявляютъ государю: „да они же, государь, въ покаяніи и исповѣди и псалмы и молитвы исповѣдникомъ и надъ умершими прощальныя и разрѣшительныя молитвы, и величанія на всѣ господскія праздники и святымъ оставили, и все дѣйство въ божественныхъ службахъ творенія Василія Великаго и Ивана Златоустаго и Григорія папы римскаго преложили на свой чинъ по своему плотскому мудрованію. Также и прочее церковное пѣніе, заутреню и вечерню, и павечерню, и полунощницу, и молебны, и панахиды, и вкратцѣ рещи — весь церковный чинъ и уставъ, что держитъ церковь Божія, то все перемѣнили, и книги перепечатали не по преданію святыхъ отецъ, и всю православную христіанскую вѣру испревратили на свой разумъ" [1]).

Измѣненія и передѣлки, произведенныя Никономъ въ старыхъ книгахъ, не улучшали ихъ, а только искажали и портили. Никита говоритъ: „а что онъ, Никонъ, въ прочихъ своихъ новопечатныхъ книгахъ словенское нарѣчіе превращалъ и будто лучше избиралъ, печаталъ вмѣсто креста—древо, вмѣсто церкви—храмъ, вмѣсто тѣльца—тѣльцы, вмѣсто обрадованная—благодатная, и прочіе рѣчи измѣнилъ: и то ево измѣненіе само ся обличаетъ,—посему, что крестъ ли лучше и честнѣе глаголати, или древо? и церковь ли честно писати, или храмъ? Ей, всяко речется, что крестъ честнѣе древа глаголати, а церковь — храма. И въ писаніи крестъ

[1]) Матер. III, 244, 263-265. IV, 155, 216. VI, 10, 127, 146, 289.

и церковь подъ титломъ пишется, а древо и храмъ безъ титла. А что онъ вмѣсто обрадованная—благодатная напечаталъ: и о той, государь, архангельской рѣчи истое во евангельскихъ толкованіяхъ свидѣтельствуетъ сице: то бо есть обрадоватися, еже обрѣте благодать предъ Богомъ и еже обрѣсти радость отъ Бога". Никита указываетъ далѣе, что Никонъ во всѣхъ „новопечатныхъ книгахъ словенское нарѣчіе исказилъ,—хотя ту же рѣчь напечаталъ, по инымъ нарѣчіямъ. Яко же се мѣсто: *о Бозѣ—въ Бозѣ*, вмѣсто *о Христѣ—во Христѣ*; вмѣсто: *о Господѣ—въ Господѣ*" и т. д. выписываетъ подобныхъ замѣнъ цѣлыя страницы. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „а еже мнятся исправляти, государь, искривляютъ паче, а не исправляютъ и подкопываютъ и крадутъ церковное богатство... Нынѣ, государь, не оставили во всѣхъ книгахъ ни единаго словечка, еже бы не премѣнити или и преложити. А все напрасно, ни единыя вины обрѣтше, ругающеся непорочнымъ книгамъ и народъ разсѣвающе. Гдѣ *церковь* была, тутъ *храмъ*, а гдѣ *храмъ*, тутъ *церковь*; гдѣ *отроцы*, тутъ *дѣти*, а гдѣ *дѣти*, тутъ *отроцы*; гдѣ *перворожденна изъ матери*, тутъ *первородящася матерію;* и гдѣ было: *отъ него же всякъ животъ вдыхается, якоже о Отцѣ, купно же и о Словѣ*, вмѣсто того: *отъ него же всяко животно одушевляется, яко же во Отцѣ, купно же и Словѣ.* И чѣмъ сіе онаго лучше? Что во Отцѣ оживляется и Словѣ? Мнѣ мнится сіе лукавство". Соловецкіе челобитчики идутъ въ своихъ обвиненіяхъ далѣе. Они говорятъ: „а иные положены въ тѣхъ новыхъ служебникахъ смѣхотворныя и неподобныя бездѣльныя рѣчи, на поруганіе тая божественныя службы, ихъ же срамно и глаголати, и напечатали въ служебникѣ крупной печати, на листу 262, сице: священникъ входилъ во храмъ и, совокупився съ діакономъ, глаголютъ входъ: и то ихъ смѣхотворство положено вново, зѣло неподобно и безмѣстно, понеже совокупленіе именуется мужеско и женско. И то напечатали они отъ своего растлѣннаго ума на смѣхъ и поруганіе Божію имени; а въ старыхъ, государь, служебникахъ отнюдь такихъ неподобныхъ рѣчей не обрѣтается" [1]).

Указанія Никона на то, что онъ исправлялъ старыя книги

---

[1]) Матер. III, 264. IV, 135-136, 152-155. VI, 22, 37.

съ древнихъ греческихъ и харатейныхъ славянскихъ, по мнѣнію противниковъ его реформы совершенно невѣрны, такъ какъ ближайшее сличеніе новоисправленныхъ книгъ съ древними греческими харатейными славянскими рѣшительно говоритъ противъ Никона. Этими сличеніями, съ славянскими харатейными списками, особенно усердно занимался дьяконъ Өедоръ, который по этому поводу заявляетъ слѣдующее: „указывалъ и ссылался онъ льстецъ (Никонъ) на харатейныя русскія книги и греческія, будто съ тѣхъ справилъ и перевелъ символъ новый и прочія вся своя нововводныя догматы. Азъ грѣшный діаконъ, зѣло трудихся о семъ, искалъ и прочиталъ многія древнія харатейныя книги, и гонихъ Никона по слѣду, какъ песъ волка и лиса лукаваго, и вездѣ обрѣтохъ его лукавнующа въ завѣтѣ Господни и святыхъ предѣлы преступивша и солгаша: во всѣхъ бо книгахъ древнихъ символъ вѣры по старому стоитъ, и есть въ старопечатныхъ книгахъ московскихъ, и во иныхъ земляхъ тако и донынѣ суть. Вездѣ бо символъ исповѣданія стоитъ право, сице: и во единаго Господа Ісуса Христа, а не Іисуса; рожденна, а несотворенна; его же царствію нѣсть конца. И тако суть во всѣхъ книгахъ рукописанныхъ, ихъ же видѣвъ, за 400 лѣтъ и за 500 лѣтъ кои писаны. И въ печатныхъ всѣхъ тоже суть слово въ слово,—и въ кіевскихъ, и въ сербскихъ, и въ болгарскихъ, и въ острожскихъ, идѣже библіи старыя печатаны. Вся самъ видѣхъ и прочтохъ, и Богъ свидѣтель, яко не лгу. Того ради и страдати началъ и кровь свою проливати: дахъ бо два языка на отрѣзаніе царю Алексѣю Михаиловичу и руку свою на отсѣченіе за крестное Христово знаменіе въ сложеніи перстовъ и за прочія законы святыхъ отецъ нашихъ, о нихъ же извѣстно испытахъ и изыскахъ прилежно". Въ частности Өедоръ указываетъ, что Никонъ исправилъ книги несогласно съ древними сербскими и греческими, на которыя онъ ссылался ложно. Өедоръ, напримѣръ, говоритъ: „аще бы въ однихъ нашихъ московскихъ книгахъ символъ былъ со *истиннымъ*, а въ иныхъ бы земляхъ въ книгахъ не было нигдѣ: и въ Духа Святаго Господа *истиннаго* и животворящаго; то бы азъ, яко человѣкъ, соблазнихъ бы ся не глаголати *истиннаго*. Но самъ видѣлъ прежде насъ вѣровавшихъ христіанъ книги сербскія у священника чернаго Мар-

дарія сербскія земли,—145 лѣтъ какъ печатана, и иные де есть и по пяти сотъ лѣтъ—и въ Духа святаго Господа *истиннаго*. И митрополитъ сербскій же Өеодосей сказывалъ игумену Сергію пресвятыя Богородицы Толгскаго монастыря, что есть де у насъ за пять сотъ лѣтъ такія книги: и въ Духа святаго Господа *истиннаго*. И острожскія самъ видѣхъ: такожде". Въ другомъ мѣстѣ Өедоръ свидѣтельствуетъ: „бысть на Москвѣ митрополитъ сербскій Өеодосій, во 173 году, и у него азъ, діаконъ Өедоръ, видѣлъ ихъ псалтырь со возслѣдованіемъ печатную, полудестовую, 140 лѣтъ ей бысть по то время, какъ печатана, и въ ней вся та видѣхъ о символѣ, и о прочихъ нужныхъ спорныхъ статьяхъ, и вельми возрадовахся о Господѣ истинномъ Дусѣ, и пострадахъ за него, небеснаго царя". О несогласіи новоисправленныхъ греческихъ книгъ съ древними правыми греческими книгами Өедоръ говоритъ: „здѣ же въ краткости словесъ возвѣщу тебѣ, государю, несогласіе пестроты ихъ и противленіе непорочнымъ книгамъ сторопреведенныхъ *съ греческихъ непорочныхъ еще*, а не съ нынѣшнихъ, кои межъ собою разликуютъ, иже мощно сіе всякому знать. Въ первыхъ выходахъ не положено стиха сего, еже есть *Благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явися намъ*, егда речетъ іерей: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите*. Да и написали сами: нѣтъ-де того стиха въ греческомъ, съ коего перевели. А въ древле переведенныхъ, государь, тотъ стихъ есть во всѣхъ служебникахъ, и въ греческомъ томъ былъ тогда, съ котораго старыя переведены, и въ Кипріановскамъ переводѣ есть. Да въ новыхъ же выходахъ *опять положили* тотъ стихъ: благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь; а сослалися въ томъ на толкованіе литургіи, собраніе іерея Іоанна Наөанаила, что въ Скрыжалѣ новопереводной же,—тамъ де указано пѣть: благословенъ грядый во имя Господне и прочая, и въ словахъ Златоустовыхъ есть де той стихъ, и конечно де оставить нельзя и надобно тому быть. И посему, государь, знатно, яко служебникъ той порочен, съ коего нынѣшныя перевели, съ толкованіемъ греческимъ же несогласенъ... Въ новыхъ часословцахъ запѣвъ Богородицѣ: *Пресвятая Богородице спаси насъ*; а послѣ того въ новыхъ шестодневахъ, съ греческихъ же перевели, и тамъ: *Пресвятая госпоже Богородице спаси насъ*". Изъ по-

добныхъ сличеній Θедоръ выводитъ заключеніе, что Никонъ „и на греческія книги ссылался ложно“. По мнѣнію Θедора новоисправленныя книги несогласны съ харатейными русскими. Доказывая, что (достойно и праведно) *есть поклонятися* составляетъ въ новоисправленныхъ книгахъ прилогъ, Θедоръ замѣчаетъ: „азъ же убогій богомолецъ твой, шлюся, государь, яко не есть того прилога въ старыхъ служебникахъ печатныхъ или письмяныхъ, въ Злотоустовѣ службѣ, на кои и Никонъ ссылался будто, нѣтъ ни въ Алексіевскомъ служебникѣ, святаго митрополита и чудотворца, ни въ Сергіевскомъ святаго чудотворца, ни въ Кипріановскомъ, и въ иныхъ отнюдь нѣтъ. Мнится ми, государь, Никонъ патріархъ для прилики на сихъ святыхъ ссылался, хотя свой разумъ составити и церковь тѣмъ разодрати, а приликою старыя непорочныя служебники похуливъ, откинути. Вси, государь, сіи святыхъ служебники отнюдь съ новыми не согласуютъ много, ни въ чинѣхъ священнодѣйства, ни въ рѣчахъ словесъ много со старыми согласнѣе печатными“. Съ своей стороны и соловецкіе челобитчики находили новоисправленныя книги несогласными съ имѣющимися въ ихъ монастырѣ древними списками богослужебныхъ книгъ. „Молитвы архіерейскія, заявляютъ они, выкинули всѣ: а у насъ, государь, въ твоемъ царскомъ богомольѣ, въ Соловецкой обители, въ харатейныхъ служебникахъ, кои писаны лѣтъ по пяти и по шести сотъ и болши, а молитвы архіерейскія во всѣхъ есть, и съ Никоновыми служебниками ни въ чемъ не сходятся, а съ нашими печатными во всемъ согласны; якоже, государь, и бумажные старинные служебники, кои написаны лѣтъ по триста и болши, по которымъ служили при Зосимѣ чудотворцѣ и при Филиппѣ митрополитѣ, и тѣ всѣ съ Никоновыми несходны же ниблизко... Да въ тѣхъ же, государь, новыхъ никоновыхъ служебникахъ, въ предисловіи, листъ 20, напечатано про чудотворца и начальника нашего Филиппа, митрополита московскаго и всея Россіи, аки истинная правда будто онъ служилъ по такимъ служебникамъ, каковы нынѣ, при Никонѣ патріархѣ, вышли: и то намъ всѣмъ явно, что на него написано напрасно, понеже онъ, отецъ нашъ, пришелъ въ Соловецкую обитель великихъ чудотворцевъ Засимы и Савватія отъ младыхъ ноготъ, и жилъ до игуменства и во игуменахъ многа лѣта,

даже до возведенія на архіерейскій престолъ московскаго царства, и книги его нынѣ всѣ и служебники у насъ, въ Соловецкомъ монастырѣ, въ книгохранительной казнѣ, кои были до него, и при немъ, и послѣ его есть, ни единъ съ тѣми Никоновыми служебниками не согласуетъ". Инокъ Авраамій, въ челобитной къ государю, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „да они же, Никоновы ученицы, напечатали въ ермолае къ трисвятому съ прибавкомъ, сице: сила, святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ. И то, государь, приложили они отнюдь не дѣломъ же, на великій развратъ соборнѣй и апостольстѣй церкви и на погибель душамъ христіянскимъ, не противо греческихъ и русскихъ харатейныхъ книгъ. Понеже, государь, и въ греческихъ книгахъ то трисвятое съ нашими русскими книгами ни въ чемъ ни разнится же, и написано по ихъ греческому языку безъ прибавки сице: агіосъ о Ѳеосъ, агіосъ исхиросъ, агіосъ афанатосъ елей сономасъ (?), а нашимъ языкомъ: святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ. А *силы* въ томъ греческомъ трисвятомъ не написано. Затѣваютъ все собою, и указываютъ на греческія книги ложно" [1]).

Несогласіе исправленныхъ Никономъ книгъ съ древними правыми греческими книгами объясняется по мнѣнію противниковъ церковной реформы тѣмъ, что Никонъ исправлялъ книги если и съ греческихъ, то съ новыхъ, испорченныхъ еретиками. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „прокаженныя книги латиногреческія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо, и купилъ ихъ на многія тысячи сребра. И съ тѣхъ новогреческихъ печатныхъ книгъ печаталъ онъ на Москвѣ новыя нынѣшнія книги: потому они и несогласны со старыми нашими. Арсеній грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги греческія, онъ переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ велій сотворили во всей русской землѣ по всѣмъ церквамъ, и тѣмъ Христа Бога нашего прогнѣвали, и на весь міръ много пагубы навели противными книгами и догматы нововводными". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Никонъ „книги

---

[1]) Матер. VI, 18, 23—25, 32—33, 144—147 и др. III, 263, 272 и др. VII, 351.

старопечатныя вcѣ охулилъ, врагъ, напрасно, и въ тѣхъ вмѣсто римскія развращенныя перепечаталъ по русски, и въ церковь внесе ихъ со многими ересьми". Соловецкіе челобитчики заявляютъ: „тѣми греческими книгами они православную нашу вѣру истребили до толика, будто и слѣдъ православія въ твоемъ государствѣ, россійскомъ царствіи, до сего времени не именовался, и учатъ насъ нынѣ новой вѣрѣ... Тѣ ихъ греческія книги нынѣ стали всѣмъ явны, что они исправлены и отъ еретиковъ испорчены: понеже, государь, въ нашихъ русскихъ печатныхъ книгахъ до сего времени, покамѣста съ греческихъ книгъ не печатали, никоторые посылки и зазоры не было, а какъ почали печатать изъ греческихъ переводовъ, и въ тѣхъ новыхъ русскихъ печатныхъ книгахъ объявилося много худыхъ и богохульныхъ и непотребныхъ рѣчей, ихъ же вкратцѣ вмалѣ тебѣ, великому государю, въ сей челобитной выше сего изъявихомъ". Инокъ Авраамій пишетъ: „наша россійская земля воистину свѣтло во благочестіи сіяла до Никона патріарха, и съ истинныхъ греческихъ книгъ древнихъ переведены наши православныя книги, а не съ нынѣшнихъ латинскихъ, иже нынѣ греки держатъ, имъ же справливаетъ папа римскій, и въ Римѣ печатаютъ и въ прочихъ римскихъ градѣхъ, и къ нимъ, грекамъ, идутъ, а онѣ ихъ держатъ по нуждѣ, что правыхъ книгъ взять негдѣ имъ". И въ другомъ мѣстѣ Авраамій говоритъ: „а что нынѣ греческія книги словутъ и къ намъ приходятъ печатныя, и здѣ съ нихъ переводятъ книги, и тѣмъ вѣровать отнюдь не подобаетъ. Понеже печатаютъ ихъ еретики въ трехъ градѣхъ —въ Римѣ, Парыжѣ, и въ Виницеи, греческимъ языкомъ печатаютъ, но не по древнему благочестію. А у грековъ печати своей нѣтъ. всѣ у нихъ книги себѣ покупаютъ печатныя". [1]).

По мнѣнію противниковъ церковной реформы если Никонъ и исправлялъ книги съ славянскихъ, то, или съ польскихъ, или же и съ русскихъ, но „съ покидныхъ" и „хромыхъ" книгъ. Священникъ Никита въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: „то, государь, напечатано съ польскихъ служебниковъ и русскихъ покидныхъ, а не отъ преданія богоносныхъ отецъ". Въ другой разъ, указывая на неправоту ново-

---

[1]) Матер. III, 245, 259. VI, 158, 199. VII, 26, 396.

исправленныхъ книгъ, Никита говоритъ: „и то все онъ, Никонъ, учинилъ своимъ развратнымъ вымысломъ, собираючи съ разныхъ хромыхъ и съ покидныхъ служебниковъ и съ иноземскихъ, а не съ преданныхъ догматъ и не съ правыхъ служебниковъ, на расколъ христоименитой вѣрѣ напечатано, по наученію вѣдомаго христіанскаго врага, жидовскаго обрѣзанца, Арсенія чернца, чтобъ ему Никону въ литоргіи Божіи спона и порокъ учинить". Говоря про чинъ освященія церкви, Никита замѣчаетъ: „и то онъ освященіе церкви претворилъ съ ляцкихъ требниковъ Петра пана Могилы и съ прочихъ латынскихъ переводовъ". Дѣлалъ это Никонъ, по мнѣнію Никиты, въ такихъ цѣляхъ: „то явно есть по всему, говоритъ онъ, что онъ Никонъ, бывый патріархъ, нарочно съ хромыхъ книгъ плевелные слова снискивалъ и въ христоименитую вѣру всѣвалъ, чтобъ ему како ю смутить и всяко съ латиною соединить". Инокъ Сергій говоритъ: „да что Никонъ патріархъ уставилъ въ херувимскую пѣснь, въ переносъ великаго входа, діакономъ и священникомъ и святителемъ говорить титло великому государю: и то онъ взялъ съ польскихъ служебниковъ и хромыхъ, тамо бо и пановей своихъ поимянно величаютъ". Откуда Никонъ могъ взять покидныхъ и хромыхъ книгъ, это въ одномъ мѣстѣ, объясняетъ дьяконъ Ѳедоръ. Онъ говоритъ, что кромѣ подлиннаго часовника митрополита Кипріана существовалъ еще подметный, „и тотъ подметный часовникъ, со иными растлѣнными книгами отъ преписующихъ неискусныхъ, положенъ бысть въ пустой палатѣ подъ крыльцомъ у Благовѣщенья въ сѣняхъ, истлѣнія ради, по правиломъ, повелѣніемъ святѣйшаго патріарха Филарета. И егда Никонъ, сокровенный волкъ, вскочилъ на патріаршество, тогда онъ тѣ сокровенныя книги вынялъ, и въ церковь внесе, и аллилуія началъ четверити, оттого времени и прочая расколы творити въ церкви. Есть убо святаго Кипріана митрополита остался служебникъ его руки, писанный, и всѣмъ вѣдомо, яко потому онъ самъ служилъ, и тотъ его кипріяновъ служебникъ непороченъ, и со старыми службами сходенъ съ московскими, а новымъ всѣмъ противенъ. И тому святому Кипріану не послѣдова Никонъ отступникъ, и прельщенныя отъ него власти не восхотѣли того держатися: и то явное блужденіе ихъ и противленіе богоугоднымъ пастыремъ, древ-

нимъ отцемъ нашимъ". Инокъ Авраамій пишетъ царю: „онъ (Никонъ), государь, символъ писалъ съ коихъ несвидѣтельствованныхъ книгъ и пометныхъ письменныхъ,—тутъ такъ, написано, а индѣ инако". [1]).

Исправленныя Никономъ, указаннымъ образомъ, церковныя книги естественно, по мнѣнію противниковъ исправленія, должны были заключать въ себѣ различныя неправыя мнѣнія. И дѣйствительно, по ихъ изысканіямъ, оказалось, что всѣ тѣ ереси, какія только существовали въ христіанской церкви съ самаго ея начала, всѣ онѣ будто бы нашли себѣ самый радушный пріютъ въ новоисправленныхъ никоновскихъ книгахъ. Цѣлыя сочиненія написаны были съ прямою цѣлію показать: въ какихъ никоновскихъ книгахъ, гдѣ именно и какія ереси заключались, причемъ доказывалось, что „все новое никоніанское мудрованіе и уложеніе ложно есть и лукаво, и отеческому писанію противно и богоборно и богомерзко есть по всему"; что какъ самъ „Никонъ мерзокъ Богу и святымъ его, таковы мерзки книги и догматы его".

Съ принятіемъ новоисправленныхъ никоновскихъ книгъ погибло на Руси православіе и нѣтъ на Руси болѣе истинной церкви Христовой. „О прелесте! восклицаетъ дьяконъ Ѳедоръ, понеже еси пестра: зримъ церкви стояща, церковныя же развращенія всюду стояща. О прелесте! понеже еси пестра: церковныя стѣны созидаются, законы же ея раззоряются и злохульно укоряются. О прелесте! понеже еси пестра: иконное поклоненіе почитается, образы же святые яко непотребны отметаются. О прелесте! понеже еси пестра: причастіе, тѣло и кровь Христову, исповѣдуютъ, тайнодѣйства же ея еретичествомъ оглаголуютъ. О прелесте! понежи еси пестра: правовѣріемъ нарицается, благоверные же побиваются. О прелесте! понеже еси пестра: еретики проклинаются, благовѣрные же яко враги осуждаются. О прелесте! понеже еси пестра: праздники святые празднуютъ, начальниковъ же праздниковъ раскольниками называютъ. О прелесте! понеже еси пестра: мученикамъ Христовымъ память творятъ, вѣру же ихъ прелестію нарицаютъ. О прелесте! понеже еси пестра: евангеліе почитается, благовѣстіе же тьмою нарицается. О

---

[1]) Матер. IV, 107, 109—110, 135, 147, 302, 305. VI, 149—150. VII, 316.

прелесте! понеже еси пестра: идольскаго поклоненія гнушаются, развращенные же образы яко святые почитаются" и т. далѣе. Тотъ же дьяконъ Ѳедоръ пишетъ: „мы же ихъ (принявшихъ новоисправленныя книги) называли прежде сего не раскольниками точію, но совершенными еретиками, и предтечами антихристовыми, зря по дѣломъ ихъ; и нынѣ паче нарицаемъ ихъ въ правду тако... Да не сообщаются со отступниками, и да не ходятъ къ заутренямъ ихъ и ко всякимъ службамъ, развращенно поемымъ, и да не молятся съ ними, запрещенія ради святыхъ правилъ". Аввакумъ писалъ: „а што много говорить! плюнуть на дѣйство-то и службу-ту ихъ, да и на книги-тѣ ихъ новоизданныя,—такъ и ладно будетъ. ...Не подобаетъ съ вами поганцами (т. е. православными), намъ вѣрнымъ и говорить много. Кое общеніе свѣту ко тьмѣ, и кая часть вѣрному съ невѣрнымъ, кое общеніе Христу съ веліаромъ и церкви Божіи со идолы" [1]).

Вслѣдствіе гибели на Руси правой вѣры и истиннаго благочестія, благодаря книжнымъ никоновскимъ исправленіямъ, должно погибнуть и само московское царство, существованіе котораго тѣсно связано съ процвѣтаніемъ въ немъ истиннаго, ни чѣмъ неповрежденнаго православія. „Единъ бысть, говоритъ Аввакумъ, православный царь на земли остался, да и того, невнимающаго себѣ, западніи еретицы, яко облацы темніи, угасили, христіанское солнце, и свели въ тьму многія прелести и погрузили, да не возникнетъ на истинный свой первый свѣтъ правды". Во всей вселенной, поэтому, начинаетъ теперь наступать царство антихриста, такъ какъ Москва есть третій Римъ, а четвертому не быть: погибнетъ православіе на Москвѣ, значитъ погибнетъ оно уже въ цѣломъ мірѣ. Аввакумъ говоритъ: „мерзость запустѣнія, непреподобно священство, и прелесть антихристова на святомъ мѣстѣ поставится, сирѣчь на алтари неправославная служба, еже видимъ нынѣ сбывшееся. Иного же отступленія нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; послѣдняя Русь здѣ .. И се, возлюбленніи, не явно-ли антихристова прелесть показуетъ свою личину?" Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „видимъ самое уже последнее время и конецъ вѣка скоро, скоро приближается. Слышите паки, паки, правовѣрніи братіи, яко второе Хри-

---

[1]) Матер. VI, 86—89, 165, 203, 239, 278. V, 54, 129, 187.

стово пришествіе близъ есть. Уже вся отступленія совершишася, по писанію, во всѣхъ царствахъ“ [1]).

Вотъ къ какимъ безнадежнымъ выводамъ и заключеніямъ пришли въ концѣ противники Никона, послѣ подробной критической оцѣнки его церковной реформы: православіе окончательно погибаетъ на Руси, въ ней начинаетъ водворяться царство антихриста, наступаетъ конецъ міра. Но эти выводы и заключенія построены ими на очень непрочныхъ и сомнительныхъ данныхъ, и потому сами по себѣ оказываются очень некрѣпкими и колеблющимися, даже въ ихъ собственныхъ произведеніяхъ.

На кардинальный вопросъ: когда именно и благодаря какимъ обстоятельствамъ греки потеряли истинное благочестіе и правую вѣру?—противники церковной реформы Никона отвѣчаютъ очень неодинаково, несогласно одинъ съ другимъ и даже одно и то же лицо отвѣчало на этотъ вопросъ въ одномъ мѣстѣ—такъ, а въ другомъ иначе.

Протопопъ Аввакумъ, на соборѣ 1667 года, говорилъ греческимъ патріархамъ: „у васъ православіе пестро стало *отъ насилія турскаго Махмета*“, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что „Константина царя *предалъ Богъ за отступленіе Махмету турскому царю*, и все царство греческое съ нимъ“, и что это отступленіе грековъ отъ православія совершилось еще до взятія Царьграда турками на Флорентійскомъ соборѣ, когда „приписаша царь и власти гречестіи къ сему лукавому собору руки своя. Сія уставы и въ Царьградъ пришли: *оттолѣ и греки развратилися*, и клобуки такіе же вздѣли на себя, и иные догматы Флоренскаго собора учиниша въ церквахъ своихъ“, такъ что уже до насилія турокъ перестали быть православными. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ, что у грековъ благочестіе изсякло отъ агарянскаго насилія: „и никто же да дивится о семъ, яко изсяче у грекъ благочестіе отъ насилія невѣрныхъ“. Впрочемъ еще во время Максима Грека, по мнѣнію Ѳедора, у грековъ существовало и правое перстосложеніе и сугубая аллилуія и что они все это измѣнили очень недавно, „смущаеми отъ римскихъ наукъ“. Священникъ Никита говоритъ: „а вселенскіе патріархи отъ великаго гоненія бесерменска не то едино, но и прочее обыч-

---

[1]) Матер. V, 227—228, 264. VI, 39, 181.

ное христіанское благочестіе все истеряли и нынѣ намъ отъ нихъ уже нечево искать“, и такимъ образомъ признаетъ, что благочестіе потеряно греками уже послѣ паденія Константинополя, вслѣдствіе притѣсненія турокъ. По мнѣнію же Лазаря греки потеряли благочестіе и правую вѣру еще до господства надъ ними турокъ, которое явилось какъ наказаніе за ихъ отпаденіе. Лазарь точно указываетъ, что отпаденіе грековъ отъ православія совершилось именно „въ лѣто 6847-го“, и что „отъ того времяни приняли греки три папежскія законы: первое—обливатися во святомъ крещеніи, второе—знаменатися тремя персты, третіе—крестовъ на себѣ не носити. Послѣди же и царскую Божію погубиша власть. *Того ради и погаными турками обладаны*“. Инокъ Авраамій говоритъ, что когда былъ въ Цареградѣ, незадолго до его паденія, преп. Евфросинъ, „*у грековъ тогда все еще православно было*, и по ихъ, враговъ, свидѣтельству и аллилуіи четвероличныя у нихъ не было“. Благочестивая вѣра у грековъ, по словамъ Авраамія, сіяла еще и въ позднѣйшее время. „Егда въ Греціи благочестивая вѣра сіяше, говоритъ онъ, тогда и огнь отъ Бога на животворящій гробъ низпосылашеся, и свидѣтели тому не единъ Максимъ Грекъ премудрый и преподобный, но и російстіи послове, посылаеміи отъ самодержавныхъ великихъ князей и царей, прежде бывшихъ, и знаменитіи людіе, и Трифонъ Коробейниковъ и Ѳедоръ; а оттолѣ и донынѣ таковая благодать отъ грековъ отъята бысть за нечестіе грековъ“. Значитъ, еще во время посѣщенія святыхъ мѣстъ Коробейниковыхъ т. е. во второй половинѣ XVI вѣка, когда турки обладали греками уже цѣлые сто лѣтъ, „въ Греціи благочестивая вѣра сіяше“. Православны были и позднѣйшіе восточные патріархи: Іеремія константинопольскій и Ѳеофанъ іерусалимскій. Авраамій говоритъ: Іеремій патріархъ былъ при царѣ Ѳеодорѣ, въ лѣто 7097 году, а о крестѣ не зазиралъ. При царѣ Михаилѣ былъ патріархъ Ѳеофанъ, въ лѣто 7127-го году, а о крестѣ такожде не зазиралъ. И сами они також е употребляли (т. е. крестились двоеперстно)“. Но рядомъ съ этими заявленіями, что православіе у грековъ еще долго сохранялось и послѣ завоеванія ихъ турками, у того же самаго Авраамія встрѣчаются и другія мнѣнія, опровергающія первыя. Такъ онъ говоритъ: „отъ константинопольской церкви святыня отъята бысть еще предъ

взятіемъ Царяграда отъ турокъ за нечестіе грековъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „отъ римлянъ приняли греки рясы и рогатыя клобуки, въ лѣто 6946 году, на осмомъ проклятомъ Флоренскомъ соборѣ отъ римскаго папы Евгенія; а изначала не бысть тако. Тогда же и аллилуію учали возчетверяти". „А греки уже много блудятъ въ вѣрѣ, еще говоритъ онъ; понеже убо нѣкогда, стѣсняеми отъ турскаго царя о вѣрѣ, хотящи бо къ своей ихъ вѣрѣ привести, греки же, нужду видѣвше, прибѣгоша къ римскому папѣ Аѳесу, еретику сущу; папа же далъ имъ три заповѣди: первое—въ крещеніи обливатися, второе—тремя персты креститися, третіе—крестовъ на себѣ не носити. Они же сицева пріемше нужды ради отъ турскаго царя". Это отпаденіе грековъ отъ православія случилось еще до прибытія Максима Грека на Русь, значитъ, произошло въ концѣ XV или въ самомъ началѣ XVI вѣка. Авраамій говоритъ: „преподобный (Максимъ Грекъ) съ клятвою писалъ митрополиту нашему и всему собору, чтобы сюды, къ Москвѣ, отъ греческаго патріарха ни попа, ни дьякона не пріимали въ пріобщеніе. И сіе писалъ преподобный Максимъ, русскую землю оберегая, вѣдая подлинно, что у нихъ, въ грекахъ, по извѣщенію святаго Селивестра папы римскаго, *вѣра христіанская погибла безъ остатку*". Но въ такомъ случаѣ, константинопольскій патріархъ Іеремія, учредившій у насъ патріаршество и поставившій нашего перваго патріарха Іова, и іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, поставившій у насъ въ патріархи Филарета Никитича, никакъ не могли быть признаны православными лицами, такъ какъ въ то время у всѣхъ грековъ самая „вѣра христіанская погибла безъ остатку" [1]).

Такимъ образомъ на очень важный принципіальный вопросъ о времени и обстоятельствахъ отпаденія грековъ отъ православія, у противниковъ церковной реформы получался совсѣмъ путанный и даже противорѣчивый отвѣтъ: греки отступили отъ православія то—еще до завоеванія Константинополя турками, то—послѣ завоеванія, вслѣдствіе насилія турецкаго, то—до пріѣзда къ намъ Максима Грека, то—уже послѣ его пріѣзда въ Москву. По мнѣнію же нѣкоторыхъ

---

1) Матер. V, 78. 285, 287. VI, 34—35, 157, 158, 277. IV, 173, 250. VII, 28, 87, 97, 99, 306, 307, 397, 415.

отступленіе грековъ отъ православія совершилось въ самое послѣднее время предъ вступленіемъ у насъ на патріаршій престолъ Никона, такъ что ранѣе бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи: Іеремія константинопольскій и Ѳеофанъ іерусалимскій, были еще строго православны: крестились двоеперстно, двоили, а не троили аллилуую [1]).

---

[1]) Понятно, почему противники церковной реформы Никона такъ сильно путались, говорили несогласно другъ съ другомъ по вопросу: когда именно греки отпали отъ православія. Конечно самый простой и естественный для нихъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ тотъ, что греки отпали отъ православія со времени флорентійскаго собора, что они, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно и говорятъ. Но остановиться на этомъ самомъ для нихъ естественномъ рѣшеніи вопроса они однако не могли, въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ уже русской церковной жизни XVI и начала XVII вѣка. Именно: въ первой половинѣ XVI вѣка на Руси былъ и дѣйствовалъ преподобный Максимъ Грекъ, который не только признавался православнымъ, но и богоугоднымъ мужемъ: на него противники церковной реформы Никона обыкновенно любили указывать и ссылаться какъ на непререкаемый авторитетъ въ вопросахъ вѣры и церкви. А между тѣмъ Максима Грека пришлось бы признать неправославнымъ, если бы греки отступили отъ православія еще со времени флорентійскаго собора, если бы у нихъ, еще до паденія Константинополя, „вѣра христіанская погибла безъ остатку". Но еще важнѣе, въ этомъ отношеніи, были другія обстоятельства: Константинопольскій патріархъ Іеремія, будучи въ Москвѣ, учредилъ у насъ патріаршество и поставилъ перваго московскаго патріарха Іова. Второй московскій патріархъ, правильно поставленный, былъ грекъ Игнатій, изъ греческихъ пріѣзжихъ архіереевъ. Какъ патріархъ, хотя и недолго, онъ управлялъ всею русскою церковію и его патріаршая власть признавалась всѣми, онъ даже собиралъ соборы, на которыхъ, подъ его предсѣдательствомъ, рѣшались нѣкоторые церковные вопросы, каковъ напримѣръ, вопросъ: чрезъ перекрещиваніе, или только чрезъ миропомазаніе слѣдуетъ принимать въ православіе латинянъ. Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ поставилъ на Москвѣ въ патріархи Филарета Никитича. Изъ этихъ фактовъ относительно самой русской церкви устанавливалось такое положеніе: если греки дѣйствительно потеряли православіе еще до паденія Константинополя, то отсюда неизбѣжно получался тотъ выводъ, что наши московскіе патріархи были поставлены греческими уже отступившими отъ православія патріархами и значитъ, вся наша позднѣйшая церковная іерархія, какъ ведущая свое начало отъ неправославной греческой іерархіи, какъ вытекающая изъ мутнаго и загрязненнаго источника, тоже не можетъ быть признана вполнѣ чистою. Нежеланіе сдѣлать подобный неизбѣжный выводъ и побуждало нѣкоторыхъ, болѣе разсудительныхъ и осторожныхъ противниковъ церковной реформы Никона, признать греческую іерархію конца XVI и начала XVII вѣка православною, а самое время отпаденія грековъ отъ православія отодвинуть чуть не къ самой половинѣ XVII вѣка,

Такіе же сбивчивые и несогласные между собою отвѣты даютъ противники церковной реформы Никона и на болѣе частные вопросы о времени и обстоятельствахъ появленія у грековъ того или другаго отдѣльнаго неправославнаго новшества. Такъ, отвѣчая на вопросъ откуда и когда именно появилось у грековъ троеперстіе, Лазарь говоритъ, что оно принято греками отъ латинянъ еще до паденія Царьграда въ лѣто 6847-е, когда греческій царь „Иванъ Мануйловичъ", чтобы найти у папы помощь противъ турокъ, подчинился латинству и принялъ три папежскіе законы: обливаться въ крещеніи, знаменоваться тремя перстами и не носить на себѣ крестовъ. Инокъ Авраамій говоритъ, что троеперстіе появилось у грековъ только во время владычества надъ ними турокъ, когда притѣсненія въ вѣрѣ со стороны турецкаго царя заставили грековъ обратиться за помощію къ папѣ, который и научилъ ихъ креститься троеперстно. Въ другомъ мѣстѣ онъ точно опредѣляетъ самое время появленія у грековъ троеперстія. Именно онъ говоритъ: „тамо сія у нихъ недавно вселилася прелесть, всего осмьдесять лѣтъ. А прежде того отнюдь не было сія, и ни который богословецъ и учитель церковный не написалъ нигдѣ; ни предалъ тремя перстами креститися". Греческіе патріархи—Іеремія и Ѳеофанъ, бывшіе въ Москвѣ, и поставившіе у насъ нашихъ патріарховъ, еще крестились, по увѣренію Авраамія, двоеперстно. Дьяконъ Ѳедоръ увѣряетъ, что троеперстіе у грековъ появилось благодаря иподьякону Дамаскину, который жилъ всего девяносто лѣтъ тому назадъ, и что именно отъ него греки „ту прелесть приняли троеперстную... отъ его книги прельстилися". При этомъ Ѳедоръ рѣшительно заявляетъ, что троеперстіе есть армянская ересь, а, значитъ, вовсе не латинская и къ грекамъ перешла не отъ латинянъ, а отъ армянъ". „Сложеніе тріехъ перстъ, говоритъ онъ, армянскаго мудрованія... Злое то мудрованіе (троеперстіе) и неправославно, но арменско есть, богострастное, и Евтиху и Діоскору согласуетъ, отметающимъ вочеловѣченіе Христово, и единоволникомъ мудрованіе сходно". И инокъ Авраамій, утверждавшій

причемъ они однако не объясняли, вслѣдствіе какихъ особыхъ причинъ и обстоятельствъ именно къ половинѣ XVII вѣка, а не ранѣе, грекамъ пришлось отступить отъ православія.

ранѣе, что греки научены были троеперстію римскимъ папою Аѳесомъ, конечно увлеченный дьякономъ Ѳедоромъ, забываетъ это свое объясненіе происхожденія троеперстія отъ латинянъ и начинаетъ, согласно съ Ѳедоромъ, завѣрять, что греки стали употреблять троеперстіе прельстившись книгою иподьякона Дамаскина, что „тремя персты армены еретики крестятся“ и что „знать тотъ иподіяконъ (Дамаскинъ) еретикъ былъ армянскія вѣры“ [1]).

Относительно греческихъ книгъ дьяконъ Ѳедоръ завѣряетъ, что у грековъ теперь есть двоякія книги: одни — немногія старыя, правыя, неиспорченныя еретиками; другія — печатныя, испорченныя еретиками, такъ какъ прошли чрезъ еретическія руки. „Греческія бо книги, говоритъ онъ, двои стали давно у нихъ (грековъ): рукописныя старыя малыя, кои остались не сожжены отъ римлянъ, и тѣ правы книги; и другія новыя—печатныя новыя греческія книги есть, ихъ печатали по взятіи Царяграда, и тѣ всѣ растлѣнны суть и римскихъ ересей наполнены... Греки по нуждѣ покупаютъ ихъ, зане печати у нихъ нѣсть и при вѣрныхъ царехъ не было. А кои греки благочестіе хранятъ чисто, тіи отнюдь тѣхъ книгъ не пріемлютъ, но препишутъ съ нужею старыя и по тѣмъ славятъ Бога. И во Аѳонской горѣ 20 монастырей греческихъ и 4 русскихъ, а вси тѣхъ книгъ, сквозѣ еретическія руки прешедшихъ, не пріемлютъ же“. Такимъ образомъ дьяконъ Ѳедоръ признаетъ, въ приведенномъ свидѣтельствѣ, что не всѣ греки отпали отъ православія, но между ними есть и такіе, которые „благочестіе хранятъ чисто“. Къ такимъ грекамъ, между прочимъ, принадлежатъ иноки аѳонскихъ монастырей, такъ какъ всѣ они не принимаютъ греческихъ печатныхъ книгъ, „сквозѣ еретическія руки прешедшихъ“. Но когда ему пришлось коснуться факта сожженія русскихъ книгъ на Аѳонѣ, онъ уже говоритъ объ аѳонскихъ инокахъ другое, что они, „завистливымъ тьмими духомъ“, не хотѣли допустить, чтобы кто либо читалъ на Аѳонѣ по правымъ московскимъ книгамъ, слагалъ персты по московски—двоеперстно и другихъ училъ тому же правому перстосложенію. Полное православіе грековъ аѳонитовъ является здѣсь у него уже сомнительнымъ. Инокъ Авраамій

---

[1]) Матер. VI, 250. VI, 49, 52, 56, 69, 305, 306. VII, 30, 31, 246, 295, 299.

аѳонитовъ прямо признаетъ неправославными. „Да и сіе, государь, пишетъ онъ, какая правда: во Аѳонской горѣ греки сожгли своихъ святѣйшихъ патріарховъ многосложный свитокъ—книгу, что писанъ къ Ѳеофилу царю иконоборцу, и рукъ къ нему приложили 1465, собравшися вси церковницы. Тогда тѣ же греки и нашу русскую псалтырь съ послѣдованіемъ сожгли, и книгу Кирилла іерусалимскаго сожгли и иныхъ немало. И какое ихъ нынѣ православіе? И какіе ереси нашли во святыхъ тѣхъ книгахъ?“ Соловецкіе челобитчики относительно греческихъ книгъ идутъ далѣе. Они увѣряютъ, что и старыя греческія книги въ большинствѣ уже давно были испорчены различными еретиками, которыхъ въ старое время такъ много было между самими греками. „А которыя, государь, пишутъ они, старыя книги у нихъ, грековъ, нынѣ еще есть, и тѣ книги отъ еретиковъ многія испорчены, насѣяно въ нихъ много худыхъ плевелъ: понеже во время тѣхъ старыхъ книгъ въ грекахъ и еретиковъ и богохульниковъ и иконоборцовъ было много“. Инокъ Авраамій, съ своей стороны, заявляетъ, что теперь у грековъ вообще никакихъ старыхъ книгъ уже нѣтъ совсѣмъ. „Сказано отъ блаженнаго Максима, пишетъ онъ, что въ грекахъ, по взятіи Царяграда, великая скудость книжная, и самъ онъ, блаженный Максимъ, учитися ходилъ въ западныя страны скудости ради книжной. Да и по описанію Арсенія Суханова, древнія великія обители у нихъ всѣ разорены и живутъ въ нихъ бусорманы: и откуду у нихъ древнимъ книгамъ быть?“ [1]).

Очевидно, что противники церковной реформы Никона въ сужденіяхъ объ отпаденіи грековъ отъ православія, о порчѣ греческихъ книгъ еретиками, объ усвоеніи греками еретическихъ новшествъ отъ латинянъ или отъ армянъ, не имѣли въ своемъ распоряженіи какихъ либо дѣйствительныхъ, твердо установленныхъ историческихъ фактовъ; очевидно у нихъ не хватало ни знаній, ни умѣнья сколько нибудь основательно разобраться въ этихъ вопросахъ и какъ слѣдуетъ выяснить ихъ своимъ читателямъ. Пораженные несходствомъ тогдашней греческой церковной практики съ русскою, новоисправленныхъ по греческимъ никоновскихъ

[1]) Матер. VI, 30, 157, 158. IV, 258—259. VII, 306, 403.

книгъ съ старыми русскими, не умѣя понять и объяснить какъ слѣдуетъ этаго явленія,—они рѣшили, что только одно русское единственно православно, а все тогдашнее греческое—неправославно, испорчено еретиками. Для обоснованія и оправданія этаго положенія, они искали данныхъ всюду, и находили ихъ въ разныхъ сомнительныхъ ходячихъ сказаніяхъ и слухахъ (сказаніе о бѣломъ клобукѣ, разсказы о сожженіи всѣхъ греческихъ книгъ латинами), въ подложныхъ грамотахъ (грамота царя Константина папѣ Сильвестру), въ случайныхъ заявленіяхъ отдѣльныхъ лицъ (греческихъ патріарховъ Іереміи и Ѳеофана), неимѣвшихъ въ дѣйствительности того смысла, какой имъ они навязывали, въ показаніи такихъ лицъ, которыя давали завѣдомо ложныя свѣдѣнія [1]). При этомъ они вовсе не задавались вопросомъ: насколько правильно и возможно пользоваться такими сомнительными данными, не относились къ этимъ даннымъ критически, не старались опредѣлить ихъ дѣйствительную историческую цѣнность, а все принимали на вѣру и притомъ такъ, какъ желали они. Они искренно вѣрили въ несомнѣнность самаго факта отступленія грековъ отъ православія, а о томъ, какъ литературно прочно обосновать и удовлетворительно выяснить этотъ фактъ, они не особенно заботились, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, дѣло по существу было ясно, само говорило за себя, а потому и не нуждалось ни въ какихъ особенныхъ изысканіяхъ, провѣркахъ и доказательствахъ.

Какъ пользовались противники церковной реформы Никона тѣмъ матеріаломъ, какой былъ у нихъ подъ руками, для доказательства отпаденія грековъ отъ православія, это хорошо видно изъ слѣдующаго. Всѣ они обыкновенно ссы-

---

[1]) Дьяконъ Ѳедоръ признаетъ, что и сейчасъ въ Іерусалимѣ у Гроба Господня еще православно двоятъ аллилуію и крестятся двоеперстно. Въ доказательство этого онъ разсказываетъ слѣдующее: „азъ бо извѣстно о семъ вѣдаю и самаго конархиста Гроба Господня, именемъ Павла, видѣхъ на Москвѣ, бывша въ 174 году, и съ нимъ много бесѣдовахъ о всемъ, онъ же сказа ми: патріархъ де іерусалимскій по старому слагаетъ персты, за кое знаменіе крестное вы почаша нынѣ страдати, и Никона де онъ предтечею антихристовою зоветъ“. (Матер. VI, 161). Очевидно іерусалимскій канонархъ говорилъ такъ, желая оказать Ѳедору любезность, а тотъ эту любезность принялъ за чистую монету.

лаются на двухъ греческихъ патріарховъ—Константинопольскаго Іеремію и Іерусалимскаго Θеофана, которые, будучи въ Москвѣ и поставляя здѣсь нашихъ патріарховъ, не только будто бы восхваляли русское благочестіе, какъ высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, но и до конца уничижили тогдашнее греческое благочестіе, признали, что правая вѣра, во всей ея полнотѣ, сохраняется теперь не у грековъ, а только у русскихъ. Такъ соловецкіе челобитчики, напримѣръ, пишутъ государю: „сами вселенскіе патріархи, Іеремія цареградскій и Θеофанъ іерусалимскій, ихже глаголютъ всякими добродѣтелями украшенныхъ сущихъ, и бывшимъ имъ въ московскомъ государствіи довольно время, отъ нихже и первопрестольники соборныя и апостольскія церкви, Іевъ митрополитъ и дѣдъ твой, великаго государя, блаженный Филаретъ Никитичъ, въ твоемъ, великаго государя, російскомъ московскомъ царствіи на патріаршескій престолъ возведени быша, и видѣвше истинную нашу православную непорочную вѣру, зѣло похвалили; своюжъ они греческую вѣру, отъ нея же нынѣ исправленія ищемъ, до конца сами унижили, яко же въ книгѣ, глаголемей Кормчей, московской печати, о семъ свидѣтельствуетъ, что де у нихъ во Іерусалимѣ и во всѣхъ тамо сущихъ восточныхъ странахъ конечное православныя вѣры греческаго закона отъ агарянъ насиліе и погубленіе, и церковамъ Божіимъ запустѣніе и разореніе, но точію единъ на всей вселенней владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовы христіанскій самодержавный великій государь благочестіемъ всѣхъ превзыде и вся благочестивая въ твое государево едино царство собрашеся“ [1]).

Совершенно справедливо, что разные греческіе іерархи постоянно заявляли московскому правительству о крайнебѣдственномъ положеніи православной церкви на востокѣ, вслѣдствіе разныхъ притѣсненій со стороны турокъ. Такъ патріархъ Мелетій Пигасъ въ 1590—1593 г. пишетъ царю Θеодору: „восточная церковь и четыре патріархаты православные не имѣютъ другого покровителя, кромѣ твоей царственности; ты для нихъ какъ бы второй великій Константинъ. Посему и мы въ нуждахъ нашихъ, послѣ Бога, взи-

---

[1]) Матер. III, 169. VI, 276—277, 331. VII, 247.

раемъ къ тебѣ, и если бы не помощь твоей царственности, то, вѣрь православнѣйшій царь, православіе нашлось бы въ крайней опасности, также какъ и эта патріархія... Да будетъ твое царское величество общимъ попечителемъ, покровителемъ и заступникомъ церкви Христовой и уставовъ богоносныхъ отцевъ". Въ другомъ письмѣ къ царю Өеодору, въ 1593 году, Мелетій пишетъ: „мы знаемъ твое священное царство, какъ предуготованное предвѣденіемъ всевидящаго Бога всяческихъ, знаемъ и тебя царя, какъ написаннаго въ книгѣ живыхъ не чернилами, но перстомъ всевышняго Бога, а вашу церковь, какъ избранную о Христѣ до сложенія міра, въ наслѣдіе святыхъ во свѣтѣ... Горячо заботься о ней (восточной церкви); чтобы она, порабощенная и разсѣянная среди ассиріянъ, вавилонянъ и египтянъ, не исчезла до конца, подавляемая чрезмѣрными угнетеніями и нуждами" [1]).

Такъ говорилъ александрійскій патріахъ Мелетій Пигасъ въ письмѣ къ царю Өеодору Ивановичу. Возможно, что и константинопольскій патріархъ Іеремія, будучи въ Москвѣ, тоже указывалъ на важное значеніе для всего православія русскаго царя, какъ единаго теперь православнаго царя въ цѣломъ мірѣ, хвалилъ и прославлялъ русскихъ за ихъ горячую приверженность къ православію и приблизительно можетъ быть говорилъ тѣ слова, какія въ его уста влагаютъ русскія извѣстія. „Во всей подполнечной, заявлялъ Іеремія, одинъ благочестивый царь; впередъ что Богъ изволитъ, здѣсь подобаетъ быть вселенскому патріарху; а въ старомъ Цареградѣ за наше согрѣшеніе вѣра христіанская изгоняется отъ невѣрныхъ турокъ". Въ уложенную грамоту объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, какая была составлена на Москвѣ отъ лица греческихъ и русскихъ іерарховъ, внесена была и такая рѣчь, будто бы сказанная Іереміею: „понеже убо ветхій Римъ падеся аполинаріевою ересью, вторый же Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы, отъ безбожныхъ турокъ, обладаемъ; твое же, о благочестивый царю, великое россійское царствіе, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая царствіе въ твое въ едино собрася, и ты единъ подъ небесемъ христіан-

---

[1]) Мелетій Пигасъ—Малышевскаго, т. 2-й, № II и IV, стр. 4—10.

скій царь именуешись во всей вселенней, во всѣхъ христіанахъ, и по Божію промыслу и пречистые Богородицы милости, и молитвъ ради новыхъ чудотворцевъ великаго россійскаго царствіа, Петра и Алексѣя и Іоны, и по твоему царскому прошенію у Бога, твоимъ царскимъ совѣтомъ, сіе превеликое дѣло (учрежденіе патріаршества) исполнитца". Несомнѣнно, что рѣчи Іереміи въ нашемъ документѣ приданъ очень уже замѣтный русскій колоритъ, почему она является скорѣе произведеніемъ московскаго приказнаго искусства, чѣмъ рѣчью греческаго патріарха, хотя и въ настоящемъ своемъ видѣ она совсѣмъ не заключаетъ въ себѣ того, чтобы Іеремія, восхваляя русское благочестіе, въ то же время „свою греческую вѣру до конца уничижилъ". Для правильнаго сужденія о московскихъ рѣчахъ и дѣятельности Іереміи нужно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что кромѣ нашихъ русскихъ оффиціальныхъ правительственныхъ извѣстій о пребываніи въ Москвѣ Іереміи и объ учрежденіи имъ у насъ патріаршества, сохранились и другія современныя извѣстія, принадлежащія, что особенно важно, спутнику Іереміи, монемвасійскому митрополиту Іероѳею, и рисующія всю обстановку учрежденія у насъ патріаршества и дѣятельность Іереміи въ нѣсколько иномъ видѣ, нежели какъ объ этомъ говорятъ русскіе документы. Іеремія, по словамъ Іероѳея, усиленно желалъ самъ остаться патріархомъ въ Москвѣ, и когда это оказалось неудобнымъ, онъ *противъ воли* согласился на поставленіе патріарха изъ русскихъ. Самая грамота объ учрежденіи патріаршества въ Россіи составлена была только одними русскими, и написана только по русски, какъ имъ желалось. Когда дьякъ Андрей Щелкаловъ поднесъ ее для подписи Іереміи, тотъ не читая, такъ какъ не зналъ русскаго языка, подписался подъ грамотою. Не такъ относился къ дѣлу монемвасійскій митрополитъ Іероѳей. Онъ возмущался неосторожнымъ и нѣсколько легкомысленнымъ поведеніемъ въ Москвѣ Іереміи, котораго, по его мнѣнію, русскіе просто обманывали и хитростію заставляли дѣлать то, что имъ хотѣлось. Онъ предостерегалъ Іеремію отъ необдуманныхъ поступковъ и самъ дѣйствовалъ очень осторожно. Когда дьякъ Щелкаловъ обратился къ нему съ просьбою подписаться подъ уложенною грамотою объ учрежденіи у насъ патріаршества и сказалъ,

что патріархъ Іеремія уже подписался, Іероѳей возразилъ: „что это за грамота, и что я въ ней долженъ подписывать?“ Щелкаловъ отвѣтилъ: „написано, какъ вы поставили патріарха и какъ вы пришли сюда“. Іероѳей замѣтилъ: „приличнѣе было-бы написать ее по гречески, а не по русски, да и предложить ее выслушать“, и затѣмъ рѣшительно отказался подписать грамоту изъ опасенія, *чтобы не раздѣлилась церковь Божія, не настала другая глава и не произошла великая схизма.* Однако Іероѳей все таки принужденъ былъ подписать грамоту. На православномъ востокѣ, какъ и предполагалъ Іероѳей, къ поставленію въ Москвѣ патріарха отнеслись съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и порицали за это Іеремію. Тотъ же самый Мелетій Пигасъ, который писалъ вышеприведенныя письма къ царю Ѳедору Ивановичу, по поводу учрежденія въ Москвѣ патріаршества писалъ въ Константинополь къ патріарху Іереміи слѣдующее: „я очень хорошо знаю, что ты погрѣшилъ возведеніемъ московской митрополіи на степень патріаршества, потому что тебѣ небезъизвѣстно (если только новый Римъ не научился слѣдовать древнему), что въ этомъ дѣлѣ не властенъ одинъ патріархъ, но властенъ только синодъ и притомъ вселенскій синодъ; такъ установлены всѣ до нынѣ существующія патріархи. Поэтому ваше святѣйшество должно было получить единодушное согласіе остальной братіи, такъ какъ, согласно постановленію отцовъ третьяго собора, всѣмъ надлежитъ знать и опредѣлять то, что слѣдуетъ дѣлать всякій разъ, когда разсматривается вопросъ общій. Извѣстно, что патріаршій престолъ не подчиняется никому иному, какъ только каѳолической церкви, съ которою онъ соединенъ и связанъ исповѣданіемъ единой и неизмѣняемой православной вѣры. Я знаю, что ты будешь поступать согласно этимъ началамъ, *и то, что ты сдѣлалъ по принужденію, по размышленіи, уничтожишь словесно и письменно.* Но такъ какъ наши слова не приводятъ тебя ни къ чему доброму, а только къ смущенію, гнѣву и ихъ послѣдствіямъ, то я избавляю ваше святѣйшество отъ моихъ упрековъ и самого себя отъ хлопотъ, и молю Бога быть милостивымъ къ вамъ во всемъ на будущее время“.

Очевидно, что греки совсѣмъ не желали и не думали возвеличивать и восхвалять русскихъ на свой собственный

счетъ, никогда не думали уничижать и дѣйствительно не уничижали своего благочестія, никогда не признавали какую-то неполную чистоту своихъ православныхъ вѣрованій, которыя будто-бы сохранились теперь у однихъ русскихъ. Въ дѣйствительности они всегда думали какъ разъ наоборотъ. У грековъ существовалъ взглядъ, подсказанный имъ вѣковыми традиціями и національною гордостію, которому они старались придать даже каноническій характеръ,—что только древніе четыре патріархата (пятый римскій) должны существовать въ православномъ мірѣ, и что все настоящее христіанство заключено въ предѣлахъ этихъ четырехъ патріархатовъ, которые должны находиться исключительно въ рукахъ грековъ. Въ окружномъ посланіи константинопольскаго патріарха Каллиника, заключавшемъ въ себѣ соборное постановленіе по дѣлу синайскаго архіепископа Ананіи (присутствовавшаго у насъ на соборѣ 1667 года), стремившагося сдѣлаться автокефальнымъ, говорится, что находиться внѣ четырехъ патріархатовъ значило то же, что находиться внѣ христіанства, „внутрь бо четырехъ патріархатовъ все христіанство ограждается“, хотя въ это время существовалъ пятый православный патріархатъ—московскій, который, очевидно, на греческій взглядъ, былъ ненастоящій, совсѣмъ не то, что четыре древніе греческіе патріархаты. И ранѣе обстоятельства вынуждали грековъ, вопреки ихъ желаніямъ, учреждать патріархаты—болгарскій и сербскій, но, при первой возможности, они уничтожали ихъ какъ учрежденія противныя національнымъ греческимъ интересамъ. Поэтому и рѣчи Константинопольскаго патріарха Іереміи о превосходствѣ русскаго благочестія въ цѣломъ мірѣ, о превосходствѣ русскаго православія, какъ болѣе чистаго и совершеннаго, чѣмъ греческое, о чемъ постоянно говорятъ противники церковной реформы Никона, простая осторожность требуетъ признать не рѣчами самого Іереміи, а мѣстнымъ московскимъ издѣліемъ, хотя и возникшимъ, вѣроятно, на основѣ дѣйствительныхъ дипломатично-хвалебныхъ рѣчей грека Іереміи предъ русскимъ правительствомъ, отъ котораго ему желалось получить возможно щедрую милостыню [1]).

---

[1]) Подробности объ учрежденіи у насъ патріаршества можно найти въ

То же самое нужно сказать и о рѣчахъ іерусалимскаго патріарха Өеофана, поставившаго у насъ въ патріархи Филарета Никитича. До насъ дошла очень любопытная записка современника очевидца о томъ: „какъ служилъ Өеофанъ іерусалимскій съ русскими митрополиты и со архіепископы“ (въ 1619 году) [1]). Въ этой запискѣ подробно описывается, какъ самъ Өеофанъ, и сослужившіе ему вмѣстѣ съ русскими греки, дѣлали разныя ошибки противъ тогдашняго русскаго церковнаго чина и обычая, и какъ русскіе въ своей сердечной простотѣ серьезно поучали самого Өеофана и другихъ служившихъ грековъ, что и какъ имъ нужно дѣлать и поступать, чтобы церковная служба отправлялась по настоящему, т. е. по московски. Өеофанъ подчинился своимъ русскимъ руководителямъ и поступалъ такъ, какъ ему показывали. Когда, по окончаніи службы, Өеофана изъ собора до келіи провожали служившіе съ нимъ русскіе іерархи онъ, обратившись къ нимъ, сказалъ: „просвѣтили де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много челомъ бью“. Эта полная ироніи благодарность Өеофана за его просвѣщеніе особымъ русскимъ благочестіемъ и русскимъ благочестивымъ ученіемъ, была принята однако русскими за чистую монету, и они были искренно увѣрены, что дѣйствительно поучили грековъ и самого іерусалимскаго патріарха настоящему православному церковному чину, такъ какъ греки, наивно поясняетъ записка, „по грѣху позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина“.

Но если греки не могли уничижать въ Москвѣ и дѣйствительно никогда не уничижали своего благочестія и вѣры предъ русскими, то какъ же нужно понимать ихъ усиленныя восхваленія русскаго благочестія и правовѣрія, ихъ признаніе, что русскій царь, единый теперь православный царь въ цѣломъ мірѣ, служитъ единственною опорою и защитою всего православія, что безъ его реальной помощи и покровительства оно можетъ окончательно погибнуть на востокѣ отъ турецкихъ притѣсненій?

нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, гл. II, стр. 34—60.

[1]) Эта записка полностію напечатана въ нашей книгѣ: Патріархъ Никонъ, стр. 32—34, въ примѣчаніи.

Все дѣло объясняется, съ одной стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что разные греческіе іерархи и лично и письменно обращались въ Москву въ качествѣ просителей милостыни, и, желая получить ее отъ московскаго правительства какъ можно больше, старались, какъ и всякіе просители—милостынесобиратели, всячески угодить и понравиться своимъ благодѣтелямъ, ради чего и говорили по ихъ адресу только одни пріятныя для русскихъ вещи, старались восхвалить и подчеркнуть ихъ высокія христіанскія качества и всякія добродѣтели, чтобы расположить русскихъ къ нескудной милостынѣ своимъ страждущихъ единовѣрцамъ. Съ другой стороны, когда греческіе іерархи, являясь въ Москву, всячески хвалили русское благочестіе, говорили, что теперь только въ московскомъ царствѣ вполнѣ процвѣтаетъ истинное благочестіе; то этимъ они вовсе не хотѣли сказать того, какъ это думали русскіе патріоты, что у грековъ истинная вѣра и благочестіе уже замутились, не сохранились во всей полнотѣ и чистотѣ, а только то, что положеніе православія на Москвѣ во всѣхъ отношеніяхъ находится въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ оно уже не находится у грековъ, порабощенныхъ турками. На Москвѣ православіе можетъ проявлять себя безъ всякой помѣхи во всей своей силѣ и мощи, не только съ внутренней стороны, но и съ внѣшней,—русскіе на началахъ православія могутъ построить всю свою частную и общественную жизнь и дѣятельность, могутъ придать внѣшнимъ проявленіямъ православія всякій блескъ и всю полноту и ширину церковнаго величія, чего не можетъ быть у грековъ, находящихся подъ турецкимъ игомъ. Но это сознаніе вовсе не означало, чтобы греки признали по существу, по внутреннимъ, такъ сказать, качествамъ русское благочестіе въ какомъ либо отношеніи высшимъ и совершеннѣйшимъ чѣмъ тогдашнее греческое; имъ и въ голову конечно не приходило признавать, чтобы полное и совершеннѣйшее православіе и благочестіе теперь сохранилось только у русскихъ, а не у грековъ. Въ этомъ отношеніи греки думали какъ разъ обратное русскимъ. Даже о характерѣ благочестія выдвигающагося русскаго церковнаго реформатора—грекофила Никона, константинопольскій патріархъ и соборъ, какъ мы видѣли, составилъ, на основа-

ніи вопросовъ Никона къ константинопольскому патріарху Паисію, не особенно высокое представленіе.

Такимъ образомъ противники церковной реформы Никона, когда имъ пришлось точно и опредѣленно формулировать свои воззрѣнія на современныхъ грековъ, создать и прочно обосновать свои взгляды на отступленіе грековъ отъ истиннаго православія, — оказались не на высотѣ предстоящей имъ задачи. Они рѣшали вопросъ очень поверхностно, разнорѣчиво и даже противорѣчиво и, въ большинствѣ, очень несогласно съ исторической дѣйствительностію, которую они или плохо знали, или не умѣли ею пользоваться какъ слѣдуетъ. Но если все, сообщаемое ими объ отпаденіи грековъ отъ православія, освободить отъ разныхъ противорѣчій и несообразностей, встрѣчающихся у отдѣльныхъ писателей, а ихъ руководящія мысли привести въ порядокъ; то получится слѣдующая теорія отступленія грековъ отъ православія, созданная первыми церковными противниками Никона:

а) Уже древніе греки очень падки были на всякія ереси,— у нихъ, съ древнѣйшихъ временъ, много было еретиковъ: царей, патріарховъ, архіереевъ и другихъ лицъ всякихъ общественныхъ ранговъ и положеній. Въ этомъ отношеніи даже древніе греки представляютъ полную противоположность русскимъ, у которыхъ никогда не было еретичествующихъ царей и архіереевъ.

б) Греки, еще задолго до завоеванія Константинополя турками, были уже народомъ нравственно глубоко испорченнымъ и развращеннымъ. Даже въ чисто церковной жизни у нихъ господствовали очень крупные пороки: сребролюбіе, симонія и т. под.

в) На такой, уже растлѣнной раннѣйшими ересями и пороками почвѣ, легко было возникнуть флорентійской уніи, когда греки, въ лицѣ своихъ высшихъ свѣтскихъ (царя) и духовныхъ представителей (патріарха и большинства бывшихъ на флорентійскомъ соборѣ греческихъ іерарховъ) отступились отъ родного православія и соединились съ латинами.

г) Правда флорентійская унія съ самаго начала не была принята большинствомъ греческаго народа, а потомъ совсѣмъ отвергнута всею греческою церковію, но она уже сдѣлала въ православной греческой средѣ свое злое дѣло.

Латинство, какъ тонкій ядъ, незамѣтно стало приникать во всѣ поры греческой церковной жизни, постепенно отравлять ее и передѣлывать на свой ладъ. Къ тому же у латинянъ явились два могучія орудія для воздѣйствія на грековъ,— печать и школа, эти два канала, которые непрерывно изливали въ греческую православную среду струи латинскаго отравляющаго ученія, что и повело къ появленію въ греческой церковной практикѣ и въ самомъ вѣроученіи различныхъ латинскихъ новшествъ.

д) Если латинство дѣйствовало отравляющимъ и разлагающимъ образомъ на внутреннюю сторону православія, вводя въ православное вѣроученіе латинскія новшества, то завоеваніе Константинополя турками сыграло туже разлагающую роль относительно внѣшней церковно-обрядовой стороны греческой жизни и всего церковнаго быта грековъ. Турецкое иго не касалось внутренней стороны вѣрованій грековъ, но зато турки раззоряли ихъ монастыри и церкви, запрещали грекамъ торжественно и публично совершать различныя церковныя службы и церемоніи, до крайности стѣснили и принизили всю вообще ихъ церковную жизнь, которая по необходимости являлась во всемъ нѣсколько урѣзанною и умаленною сравнительно съ древнимъ временемъ.

е) Если латинство и турецкое иго дѣйствовали разлагающимъ образомъ на внутреннюю и внѣшнюю церковно-религіозную жизнь грековъ, то само собою понятно, русскимъ никакъ не слѣдуетъ копировать позднѣйшіе греческіе церковные порядки, что дѣлалъ Никонъ, а слѣдуетъ держаться своихъ русскихъ порядковъ, которые восприняты нами отъ грековъ въ лучшую пору ихъ церковной жизни и доселѣ хранятся у насъ въ ихъ прежнемъ неизмѣненномъ видѣ. Очевидно измѣнять наши русскіе церковные порядки по образцу современныхъ греческихъ, значитъ завѣдомо ихъ портить, а не улучшать.

Изложенная нами теорія отпаденія грековъ отъ православія нигдѣ однако и ни однимъ изъ первыхъ литературныхъ противниковъ церковной реформы Никона не была изложена въ цѣломъ видѣ, ясно, опредѣлено и послѣдовательно формулирована. Они всегда высказывали свои воззрѣнія по этому предмету отрывочно, эпизодически, по тому или другому частному и отдѣльному случаю, такъ что изслѣдова-

телю приходится собирать разбросанныя въ ихъ сочиненіяхъ части и изъ нихъ уже самому составлять стройное цѣлое.

Отрицая церковную реформу Никона, какъ во всѣхъ отношеніяхъ безполезную, несостоятельную и очень зловредную, защитники старины въ то же время признавали однако нужду въ реформѣ вообще, но реформѣ такой, которая была бы направлена только на исправленіе и улучшеніе народной жизни, зараженной многими пороками, языческими суевѣріями и т. под., такъ что они находили нужнымъ и желали исправлять, какъ выражается протопопъ Аввакумъ, не книги, а нравы. Точно также защитники старины признавали, что въ нашей церковной жизни есть много нестроеній и непорядковъ, требующихъ исправленія. Они, какъ мы знаемъ, уже ранѣе обличали зазорную жизнь приходскаго духовенства, его небрежное отношеніе къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, нарушеніе имъ, при совершеніи церковныхъ службъ, устава. Позднѣе они съ особою силою стали указывать на непорядки въ самой нашей высшей церковной іерархіи и на происходящія отсюда разныя прискорбныя явленія въ церковной жизни. Они смотрѣли на архіереевъ какъ на людей ведущихъ не монашескій роскошный образъ жизни, думающихъ только о себѣ и своихъ удовольствіяхъ, какъ на людей не слѣдующихъ правдѣ, допускающихъ всякія злоупотребленія по епархіальному управленію вообще и, особенно, по замѣщенію разныхъ церковныхъ должностей, и въ то же время какъ на льстецовъ предъ царемъ и сильными міра, готовыхъ, ради личныхъ интересовъ и выгодъ, поступиться рѣшительно всѣмъ, даже самымъ святымъ. Они собирали, особенно о нелюбимыхъ ими архіереяхъ, всякіе ходячіе разсказы и сплетни и, не задумываясь, передавали ихъ какъ историчическіе факты,—личные нападки на нѣкоторыхъ архіеревъ были обычны у нихъ. Дьконъ Өедоръ, напримѣръ, пишетъ: „сами начальники и отсупницы (т.-е. архіереи) не дверію внидоша во дворъ овчій, но тако, яко татіе суть и разбойницы, по словеси Христову;—прескочиша ограду священныхъ правилъ: попы бывше въ міру, и растлѣнно житіе проходяще. Таковыхъ святая правила отнюдь отсѣкаетъ ихъ не быти епископомъ мірскому попу постригшемуся; ниже патрахили имъ прощаютъ наложити, не-

токмо на архіерейство дерзати таковымъ. А они вси мірстіи попы бывше, кромѣ малыхъ; и каковы сами преступницы отеческихъ преданій и законовъ, таковыхъ же и въ причетъ поставляюще, неускусныхъ писанію простяковъ, воровъ же и пьяницъ, и гнустное житіе отъ юности проходящихъ многихъ, и дѣтямъ неискустнымъ вручающе страшное таинство, 9 лѣтъ и меньше въ чтецы и пѣвцы поставляюще, и таковыми блуда исполниша церковь... Во діаконы ихъ 15 лѣтъ поставляютъ, въ попы 20-ти лѣтъ, овыхъ и меньше! А священная правила вся сія отмещутъ беззаконія и анаѳемѣ предаютъ... Сія бо имъ подобаше исправляти, а не догматы отеческія превращати". Инокъ Авраамій пишетъ: „и радуются (архіереи) одѣющеся въ брачна цвѣтная одѣянія, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры въ рукахъ позлащены имуще, воцаритися надъ людьми хотяще, параманды такожъ златомъ вышивающе. Се есть монахъ! се есть учитель! се есть наша вѣра. Таковіи суть нынѣ законоучители—блазнители и прелестницы!"... [1]).

Противники церковной реформы Никона, если и не всѣ, то лучшіе изъ нихъ и болѣе свѣдущіе, тоже признавали порчу старыхъ русскихъ книгъ и нужду ихъ исправленія. Дьяконъ Ѳедоръ пишетъ: „а письменныя книги многія прочтохъ, идѣже видѣхъ ихъ: *и много искажены*,—въ той тако, а въ иной инаково о святомъ Духѣ", и затѣмъ указываетъ на самыя разночтенія въ символѣ о святомъ Духѣ, взятыя изъ различныхъ видѣнныхъ имъ книгъ. Въ виду этого дьяконъ Ѳедоръ не только признавалъ описки и ошибки въ нашихъ старыхъ книгахъ и нужду въ ихъ исправленіи, но даже ссорился по этому случаю съ Аввакумомъ (и отчасти съ Лазаремъ), когда тотъ говорилъ ему: „ты де старыя книги хулишь и передѣлывать мнѣ велишь, а я де за нихъ мучуся отъ никоніянъ давно прежде тебя". Но если Ѳедоръ и признавалъ порчу старыхъ книгъ и нужду ихъ исправленія, то онъ существенно расходился съ Никономъ, въ пониманіи самого характера книжныхъ исправленій. Ѳедоръ говоритъ: „не то диво, еже и въ старыхъ книгахъ какія описи бываютъ и есть, и тому бываетъ правое разсужденіе и по-

---

[1]) Матер. VI, 68—69, 201—202, 260—328. VII, 98—99, 203, 216, 339, 373.

слѣди исправляется отъ искусныхъ мужей. Ово бо опись, ово же превращеніе и премѣненіе книгамъ и догматамъ церковнымъ. За опись бо кую въ книгѣ какой и погрѣшенное слово не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти; а за превращеніе книгъ старыхъ и догматовъ правыхъ измѣненіе подобаетъ всякому христіанину и страдати и умирати, обаче съ разумомъ, испытавъ вещь всякую опасно писаніемъ святыхъ отцевъ". [1]).

Нельзя не признать того, что противники церковной реформы Никона совершенно справедливо указывали, что вся тогдашняя нравственно-религіозная и церковная жизнь страдала очень и очень многими и притомъ самыми серьезными недостатками, и что именно она прежде всего нуждалась въ исправленіи, въ реформѣ, а не книги и обряды. Для вѣры и благочестія, для нравственности человѣка рѣшительно безразлично—крестится ли онъ двумя перстами или тремя, двоитъ или троитъ аллилуія, отправляетъ ли церковную службу по новоисправленнымъ или по старымъ до никоновскимъ книгамъ: пороки и безнравственность въ общественной жизни, непорядки и нестроенія въ жизни церковной, не могутъ ни уменьшаться, ни исчезать отъ того, если мы одинъ церковный обрядъ замѣнимъ другимъ. Чисто внѣшняя, церковно-обрядовая реформа Никона нисколько не дѣлала тогдашняго общества болѣе религіознымъ, благочестивымъ и нравственнымъ; оно и послѣ реформы оставалось при прежнихъ своихъ порокахъ и разныхъ недостаткахъ. Въ виду этого: внѣшней обрядовой реформѣ Никона ея противники съ полнымъ правомъ могли бы противопоставить другую—свою реформу, направленную на улучшеніе народной нравственности, на искорененіе грубыхъ языческаго характера народныхъ нравовъ, обычаевъ, увеселеній, на просвѣтлѣніе и возвышеніе всей вообще христіанской жизни вѣрующихъ, на всецѣлое и всестороннее проникновеніе ея истинно христіанскими началами. Въ этомъ смыслѣ и духѣ они могли бы съ успѣхомъ выставить свою программу и противопоставить ее программѣ Никона. Но у нихъ на такое дѣло не хватало ни правильнаго взгляда на истинно христіанскую жизнь, ни пониманія тѣхъ причинъ и условій,

---

[1]) Матер. VI, 10, 127—128.

благодаря которымъ и при которыхъ она создается и можетъ существовать, ни умѣнья, исходя изъ извѣстныхъ христіанскихъ принциповъ, на основаніи ихъ создать для жизни вѣрующихъ стройную послѣдовательную систему нравственно-религіозной дѣятельности. Если иногда они и говорятъ, что нужно исправлять не книги, а нравы и самую жизнь, то говорятъ это только мимоходомъ, въ видѣ эпизодическихъ случайныхъ замѣчаній, они нигдѣ нарочито и прочно не устанавливаютъ этой своей точки зрѣнія, не развиваютъ и не противополагаютъ ее, какъ болѣе вѣрную и для жизни необходимую, внѣшне-обрядовой реформѣ Никона. Они слишкомъ увлекаются полемикой, желаніемъ во что бы то ни стало доказать несостоятельность никоновской реформы, показать и выяснить ея отрицательныя стороны, причемъ совсѣмъ опускаютъ изъ виду положительную сторону своихъ собственныхъ воззрѣній, которыя они могли бы противопоставить программѣ Никона. Отсюда и результатъ ихъ критики получился только отрицательный, а не творчески-созидательный: въ жизни не нужно ничего новаго, слѣдуетъ жить всегда только старому, ничего въ немъ не измѣняя,— только одно старое полезно и спасительно, а все новое вредно и гибельно.

Противники церковной реформы Никона не съумѣли правильно поставить и выяснить вопросъ о книжныхъ исправленіяхъ при Никонѣ. Въ исправленіи книгъ при Никонѣ они хотѣли видѣть сознательное и намѣренное искаженіе старыхъ книгъ, желаніе этими исправленіями замутить чистое русское православіе, внести въ него различныя ереси. Въ дѣйствительности конечно ничего подобнаго не было. Никонъ былъ такой же строгій поборникъ и ревнитель православія, какъ и его противники, онъ такъ же далекъ и чуждъ былъ отъ всякой ереси, какъ и они. Все различіе между ними заключалось только въ томъ, что Никонъ увѣровалъ въ троеперстіе, какъ единственно правильную форму перстосложенія для крестнаго знаменія, въ троеніе, а не двоеніе аллилуіи, въ правильность написанія имени Христа Іисусъ, вмѣсто прежняго Ісусъ, въ порчу русскихъ церковныхъ книгъ и т. под., тогда какъ его противники по прежнему вѣровали въ двоеперстіе, въ сугубую аллилуію, въ писаніе имени Христа Ісусъ и т. под. Ни какой дѣйствительной вѣроиспо-

вѣдной разности между ними не было и обѣ враждовавшія стороны были одинаково православны, одинаково далеки отъ какихъ бы то ни было неправославныхъ, а тѣмъ болѣе еретическихъ воззрѣній и вѣрованій. Но Никонъ, какъ скоро онъ увѣровалъ въ большую правильность троеперстія, троенія, а не двоенія аллилуіи и под., естественно, какъ ревностный къ процвѣтанію православія архипастырь, постарался энергично реформировать русскую церковную старину сообразно своимъ новымъ вѣрованіямъ, причемъ Никонъ вполнѣ искренно вѣрилъ, что своею реформаторскою дѣятельностію онъ только еще болѣе возвышаетъ старое русское православіе, несознательно усвоившее было въ послѣднее время кое-что неправое и нововводное въ сферѣ церковнаго обряда и чина. Въ этихъ именно видахъ, а не ради своего еретичества, онъ и началъ свои книжныя исправленія. Къ сожалѣнію Никонъ задачу исправленія книгъ понялъ не въ томъ смыслѣ, что нужно исправлять въ нихъ только ошибки, описки, происшедшія отъ небрежности или невѣжества переписчиковъ, разныя темныя, неточныя и устарѣвшія слова и выраженія, что было бы ему по силамъ, а значительно шире. Онъ, вовсе не знавшій греческаго языка, рѣшилъ однако дѣлать новые переводы съ греческихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, причемъ, конечно, самъ не могъ ни контролировать, ни провѣрять правильность новыхъ переводовъ, а всецѣло зависѣлъ въ этомъ дѣлѣ отъ случайныхъ переводчиковъ, которые неизбѣжно были настоящими господами положенія. Главнымъ переводчикомъ и справщикомъ книгъ при Никонѣ былъ извѣстный Арсеній грекъ. Защитники старины постоянно и съ особою настойчивостію указываютъ на то обстоятельство, что Арсеній грекъ былъ еретикъ, что онъ научалъ еретичеству Никона, что онъ, переводя и исправляя книги, нарочно вносилъ въ нихъ все соблазнительное и еретическое. Въ дѣйствительности же это дѣло стояло такъ: Арсеній, до своего пріѣзда въ Москву, проживая въ Кіевѣ, нѣсколько выучился говорить по малороссійски. Прибывъ въ Москву и будучи сосланъ на Соловки, онъ здѣсь практически выучился понимать русскую рѣчь и говорить по русски. Какъ грека образованнаго и знающаго русскій языкъ, Никонъ охотно сдѣлалъ Арсенія справщикомъ книгъ, поручилъ въ то же время ему вновь переводить книги съ

греческихъ. Но несомнѣнно, что Арсеній, какъ иностранецъ-грекъ, не настолько однако владѣлъ русскимъ языкомъ, чтобы постичь всѣ его тонкости, понимать всѣ его особенности и оттѣнки, умѣть всегда подыскать нужное слово, нужный оборотъ рѣчи, чтобы точно, ясно выразить ту или другую мысль, точно и вѣрно, по строю рѣчи, формулировать извѣстное ученіе. Многое и, конечно, очень многое для Арсенія, какъ иностранца, оставалось въ русскомъ языкѣ непонятнымъ и закрытымъ, почему его переводы естественно во многомъ отличались отъ старыхъ, нерѣдко уступали имъ въ ясности, точности, въ умѣстности того или другого выраженія, казались иногда двусмысленными и соблазнительными. Но, очевидно, всѣ недочеты книжныхъ переводовъ Арсенія, слѣдуетъ объяснять не его еретичествомъ, а его недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка, и умѣньемъ владѣть имъ, какъ слѣдуетъ. Другимъ виднымъ переводчикомъ при Никонѣ и послѣ него, былъ Епифаній Славинецкій. Этотъ переводчикъ извѣстенъ какъ крайній приверженецъ букволизма въ переводѣ,—онъ, въ жертву буквализму, приносилъ ясность и понятность самой рѣчи, сочинялъ собственныя слова и ихъ сочетанія очень искусственныя и маловразумительныя, лишь бы ближе быть къ подлиннику, отъ чего его переводы всегда неуклюжи, нерѣдко темны и малопонятны, такъ что смыслъ нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ пѣсней и сейчасъ усвояется съ трудомъ. Вполнѣ естественно было поэтому, что переводы книгъ Арсенія и Епифанія иногда дѣйствительно во многомъ уступали старымъ, ранѣе имѣвшимся у русскихъ, переводамъ, и что новоисправленныя при Никонѣ книги способны были вызвать разныя недоумѣнія. Вотъ именно съ этой—реальной точки зрѣнія и слѣдовало сторонникамъ старины критиковать и оцѣнивать книжныя исправленія при Никонѣ, совсѣмъ оставивъ въ сторонѣ при этомъ всѣ свои фантастическіе домыслы о еретичествѣ Никона, о сознательной и намѣренной порчѣ и растлѣніи имъ старыхъ русскихъ церковныхъ книгъ. На указанной реальной почвѣ ихъ критика книжныхъ исправленій Никона была бы гораздо убѣдительнѣе, дѣйствительнѣе и для всей русской церкви полезнѣе, чѣмъ ихъ странная, но очень ожесточенная борьба противъ воображаемыхъ ересей,

будто бы всюду насѣянныхъ въ новоисправленныхъ никоновскихъ книгахъ.

Нельзя не замѣтить еще и того, что критика противниковъ церковной реформы Никона нерѣдко ведется ими слишкомъ тенденціозно и пристрастно, съ явнымъ намѣреніемъ во что-бы то ни стало уронить своихъ противниковъ, хотя бы средства для этого пришлось употребить и не совсѣмъ пригодныя. Вотъ одинъ изъ примѣровъ подобнаго рода. Защитники старины въ своихъ сочиненіяхъ обыкновенно рѣшительно отрицаютъ авторитетъ современныхъ имъ русскихъ архіереевъ, на томъ, между прочимъ основаніи, что почти всѣ тогдашніе архіереи ранѣе были бѣлыми священниками, а потомъ, постригшись въ монахи, сдѣлались епископами. Но по церковнымъ-де правиламъ, говорятъ они, кто былъ въ міру священникомъ и потомъ постригся въ монахи, уже не можетъ быть священникомъ, а тѣмъ болѣе епископомъ: мірской священникъ, по постриженіи въ иноки, обязательно становится только простымъ старцемъ и совершать священническое служеніе не можетъ [1]). Но если это дѣйствительно справедливо, то какимъ же образомъ возможно было, что самые первые и важнѣйшіе противники церковной реформы Никона: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь, Даніилъ, Логинъ, за своими руками подавали челобитную царю, чтобы онъ, на мѣсто умершаго патріарха Іосифа, поставилъ въ патріархи своего духовника—протопопа Стефана Вонифатьевича? Какимъ образомъ возможно было, что тѣ же самыя лица, когда протопопъ Стефанъ отказался отъ патріаршества, подали, за своими руками, новую челобитную, чтобы въ патріархи былъ поставленъ Никонъ, ранѣе также бывшій мірскимъ священникомъ? Если Никонъ и нѣкоторые другіе современные ему русскіе архіереи, какъ бывшіе ранѣе мірскими священниками, чрезъ правила святыхъ отецъ чинъ на себя восхищаютъ, не дверьми входятъ во святую церковь, но дирою влазятъ, яко татіе", если они стали архіереями, дѣйствительно „перескочиша ограду святыхъ правилъ"; то почему же защитники старины признаютъ настоящимъ патріархомъ, и чуть не святымъ—Гермогена, который ранѣе былъ приход-

[1]) Такъ и именно говорили: Лазарь, Өеодоръ, Авраамій. Матэр. IV, 262, VI, 68—69, 199—201. VII, 216, 339.

скимъ священникомъ въ Казани, а потомъ, овдовѣвъ, постригся въ монахи и сдѣлался казанскимъ митрополитомъ, а затѣмъ и патріархомъ московскимъ? Значитъ, въ такомъ случаѣ, и патріархъ Гермогенъ „не дверьми вошелъ на патріаршество, а дырою, какъ тать, перескоча ограду святыхъ правилъ“? Очевидно, защитники старины тотъ порядокъ, при которомъ и бывшіе мірскіе священники ставились въ архіереи и даже патріархи, находили вполнѣ допустимымъ и законнымъ, не видѣли въ немъ нарушенія церковныхъ правилъ и обычаевъ, когда въ архіереи ставились ихъ сторонники и единомышленники, какими они признавали тогда и Стефана и Никона. И послѣ только того, какъ Никонъ и нѣкоторые другіе архіереи отнеслись къ нимъ враждебно и стали ихъ преслѣдовать, они вспомнили, что Никонъ и нѣкоторые другіе архіереи ранѣе были мірскими священниками и потому не имѣли право на епископство. Если бы отношенія къ нимъ Никона были другія—дружескія, они, конечно, вовсе не вспомнили бы тогда правила о томъ, что бывшій мірской священникъ никакъ не можетъ быть патріархомъ, какъ они пе помнили этого правила, когда рекомендовали въ патріархи бывшихъ мірскихъ священниковъ—Стефана и Никона.

Указанная, съ нашей точки зрѣнія не очень удачныя, критика церковной реформы Никона ея противниками, нисколько однако не мѣшала успѣху ихъ литературныхъ произведеній, распространенію ихъ пониманія дѣла и ихъ воззрѣній въ тогдашнемъ обществѣ—ихъ произведенія, несмотря ни на что, на многихъ производили очень сильное впечатлѣніе. Это потому, что реформы Никона самымъ рѣшительнымъ образомъ ниспровергали исторически сложившіяся народныя представленія о чистотѣ и высокости православія у русскихъ, объ ихъ совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мірѣ благочестіи. Они прямо низводили русскихъ, этого новаго израиля, съ ихъ прежней высоты, въ разрядъ низшихъ, несовершеннолѣтнихъ въ религіозномъ отношеніи народовъ, для которыхъ нужна еще опека и водительство со стороны, такъ какъ предоставленные только самимъ себѣ, они способны, благодаря своему неразумію и невѣжеству, привнести въ свою церковно-религіозную жизнь разныя новшества, искаженія, чуть не ереси, въ родѣ армянскаго пер-

стосложенія въ крестномъ знаменіи и т. п. Понятно, какъ трудно и тяжело было русскимъ признать справедливость этого жестокаго, суроваго приговора надъ всею ихъ прошлою самостоятельною церковною жизнію, о которой они доселѣ имѣли такое преувеличенно высокое представленіе; понятно какъ трудно и тяжело было имъ снова признать заподозрѣнныхъ ими грековъ за своихъ неизбѣжныхъ, въ дѣлахъ вѣры и церкви, опекуновъ и руководителей, ихъ голосъ, простое указаніе—за законъ для себя, всякое ихъ заявленіе за несомнѣнную, недопускающую противорѣчія истину,—и это даже въ томъ случаѣ, хотя бы все родное, вся собственно русская старина говорила иначе. [1]) Понятно отсю-

[1]) Соловецкіе, напримѣръ, челобитчики говорятъ: „греческими книгами они православную нашу христіанскую вѣру истребили до толика, будто и слѣдъ православія въ твоемъ государствѣ, россійскомъ царствіи, до сего времени не именовалося, и учатъ насъ нынѣ новой вѣрѣ, якоже Мордву и Черемису, невѣдущихъ Бога и истинные христіанскіе православныя вѣры". Они же заявляютъ государю: „а нынѣ, государь, видя вѣсно ихъ греческаго ученія въ православной нашей христіанской вѣрѣ смятеніе и церквамъ Божіимъ неумиреніе и повсядневное премѣненіе, многіе иноземцы намъ посмѣхаются и говорятъ, будто мы христіанскіе вѣры по сю пору не знали, а буде-де и знали, и по нынѣ заблудили, и о томъ, что де ваша вѣра и нынѣ (книги) всѣ перемѣнены по новому, и съ прежними вашими книгами, кои при прежнихъ царехъ были, нынѣшніе книги ни въ чемъ ни сходяща. И намъ, государь, противъ ихъ ругательства отвѣту дать нечего, потому что они видятъ наше непостоянство, поносятъ насъ дѣломъ, неточію тѣмъ противимся, и отъ нихъ отходимъ, и говоримъ, что у насъ истинная православная христіанская вѣра отъ крещенія русскія земли, прародителя твоего государева, благовѣрнаго и равно апостоламъ в. кн. Владимера, лѣтъ съ семсотъ до Никонова патріаршества и до учениковъ ево, и до нынѣшнихъ греческихъ учителей, стояла нерушима и непоколебима"... Они же, соловецкіе челобитчики, заявляютъ, что ихъ Соловецкая обитель доселѣ „стояла непоколебима и подъ зазоровъ въ православіи отъ греческихъ и русскихъ архіерей ни въ чемъ не бывали; наипаче же отъ начала во святой обители нашей самихъ тѣхъ греческихъ и русскихъ и кіевскихъ властей: митрополитовъ, и архіепископовъ а архимандритовъ, и игуменовъ присыльныхъ бывало много и нынѣ есть; а присылаются всѣ греческія власти того ради, чтобъ имъ навыкнути у насъ въ обители православныя христіанскія вѣры истиннаго благочестія и иноческаго чина. И аще бы, государь, до сего времени у насъ была неправая вѣра, то бы ихъ, греческихъ властей, для исправленія къ намъ подъ начало въ Соловецкой монастырь не присылали. И о семъ съ клятвою вси тебѣ, великому государю, пишемъ, и свидѣтеля Христа Бога на души своя, представля-

да съ какой чуткостію, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ долженъ былъ не потерявшій вѣры въ свое прошлое русскій прислушиваться ко всякому смѣлому и энергичному голосу тѣхъ, которые говорили ему, что въ дѣйствительности права во всемъ русская старина, что не только нѣтъ никакой нужды отказываться отъ своего испытаннаго, исторически доказаннаго и оправданнаго прошлаго, въ пользу болѣе чѣмъ сомнительнаго современнаго греческаго, но что такое отступленіе отъ своей святой старины было бы прямо измѣною православію, тяжкимъ гибельнымъ преступленіемъ. Понятно сколько сильныхъ побужденій, какъ много охоты и желанія было у русскихъ вѣрить именно врагамъ Никона, ихъ глазами смотрѣть на всѣ произведенныя имъ реформы, тѣмъ болѣе, что способъ, какимъ Никонъ производилъ реформы, помимо существа дѣла, уже сильно раздражалъ и оскорблялъ народъ, искони отличавшійся приверженностью къ освященнымъ вѣками обрядамъ и обычаямъ и въ измѣненіи ихъ видѣвшій одно нечестіе, премѣненіе вѣры. Самъ Никонъ въ рѣчи, сказанной имъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ при оставленіи патріаршей каѳедры, такъ опредѣляетъ отношеніе народа къ его реформаторской дѣятельности: „когда я ходилъ, говорилъ онъ своей паствѣ, съ государемъ царевичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Колязинъ монастырь, и въ ту пору на Москвѣ многіе люди, къ лобному мѣсту собирались *и называли меня иконоборцемъ*, что многіе де иконы я ималъ и дралъ, и за то де хотѣли меня убить, а я ималъ иконы латинскія, которымъ нельзя покланятися, а вывезъ тотъ переводъ нѣмчинъ изъ нѣмецкой земли. И указалъ въ соборной церкви на Спасовъ образъ: мощно де сему вѣрить и покланятися, а я де не иконоборецъ. И послѣ де того времени *называли меня еретикомъ*: новые де книги завелъ. И

емъ, яко неточію они, гречаня простыя чернецы, но и самыя ихъ начальнѣйшія власти, архіереи, кои у насъ подъ началомъ бывали и нынѣ есть, нимало истиннаго благочестія и иноческаго чина и церковнаго и келейнаго начала не знаютъ, донележе у насъ благочестію навыкнуть, и лица своего перекрестити по подобію не умѣютъ; а иныхъ старцевъ гречанъ привозятъ къ намъ безъ крестовъ, и кресты накладываемъ на нихъ здѣ, у себя во обители“. (Матнр. III, 217, 253—260 274—275).

то ради моихъ де грѣховъ чинится. И я вамъ предлагалъ многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, и въ не послушаніи окамененіемъ сердецъ своихъ *хотѣли меня каменіемъ побить*“ [1]). Такимъ образомъ самъ Никонъ, при оставленіи имъ патріаршей каѳедры, принужденъ былъ съ горечью публично сознаться и засвидѣтельствовать, что паства не понимала смысла и значенія его реформаторской дѣятельности, называла за нее Никона то иконоборцемъ, то еретикомъ, а когда онъ указывалъ ей на авторитетъ въ церковныхъ дѣлахъ греческихъ патріарховъ, она хотѣла побить его камнями. Понятно теперь, при указанной настроенности народа, какое сильное впечатлѣніе должна была производить на всѣхъ обширная антиниконовская литература, которая, къ тому же долгое время ни откуда не встрѣчала себѣ должнаго, хотя бы сколько-нибудь соотвѣтствующаго литературнаго отпора. Въ виду этого противникамъ церковной реформы уже казалось, что скоро наступитъ новое время, когда новый патріархъ отмѣнитъ всѣ Никоновы „затѣйки“ и на Руси опять водворится та церковная старина, какая была до Никона.

---

[1]) Показаніе патріаршаго ризничаго: Дѣло о патріархѣ Никонѣ. № 11 стр. 38.

ГЛАВА XI.

Отрицательное отношеніе къ реформамъ Никона въ средѣ православныхъ.

Протестъ противъ церковно-реформаторской дѣятельности Никона въ средѣ русскихъ іерарховъ. Непризнаніе новоисправленныхъ Никономъ книгъ большинствомъ бѣлаго и чернаго духовенства. Признаніе Никона бывшими въ Москвѣ учеными греками церковнымъ новаторомъ и разорителемъ древнихъ церковныхъ обычаевъ. Общее печальное состояніе тогдашней церковно-богослужебной практики, какъ слѣдствіе церковной реформы Никона.

Запутанное положеніе церковныхъ дѣлъ послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры еще болѣе осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что противъ церковной реформы Никона возстали не одни только члены бывшаго кружка ревнителей благочестія, но и многіе изъ приверженцевъ церкви, вовсе не думавшіе о какомъ либо отдѣленіи отъ нея, принадлежавшіе къ ея клиру и даже къ высшей церковной іерархіи. Если бы протестъ противъ реформаторской дѣятельности Никона исходилъ только отъ членовъ бывшаго кружка ревнителей благочестія и ихъ сторонниковъ, то въ этомъ протестѣ можно было бы видѣть одни личные счеты такихъ людей, которые ранѣе были очень близки къ Никону, возлагали на него, какъ патріарха, свои честолюбивые и эгоистичные расчеты, но которые рѣшительно обманулись въ немъ и потому возненавидѣли его. Въ виду этого, протестамъ противъ никоновской реформы со стороны Неронова, Аввакума, Лазаря и другихъ подобныхъ лицъ, можно было бы, пожалуй, и не придавать особенно важнаго значенія, какъ протесту тенденціозному, подсказанному только лич-

ными сторонними самому дѣлу мотивами. Но совсѣмъ другое впечатлѣніе получалось, когда противъ реформы Никона стали высказываться уже не Нероновъ, Аввакумъ и подобные имъ, но сами русскіе архіереи, когда къ новоисправленнымъ книгамъ отрицательно отнеслось большинство бѣлаго и чернаго духовенства, когда даже сами ученые греки, бывшіе тогда въ Москвѣ, признали Никона церковнымъ новаторомъ, разорителемъ старыхъ священныхъ церковныхъ обычаевъ.

Извѣстный старообрядческій дѣятель и писатель Денисовъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Виноградъ Россійскій", заявляетъ, что подъ соборнымъ опредѣленіемъ о книжныхъ исправленіяхъ нѣкоторые архіереи подписались только изъ страха и послѣ раскаялись въ этомъ. „Макарій митрополитъ новгородскій, говоритъ Денисовъ, тако скорбяше, тако сѣтоваше о оныхъ новинахъ, яко и рукополагающихся священники укрѣпляше, еже новинъ не пріимати: аще азъ и подписахся, рече, трепетомъ мученій объятый, но вы крѣпко держитеся древлецерковнаго благочестія. И не инако самъ служаше и благословляше, но яко исперва пріятъ, яко отъ млада научися. Сице и во всемъ градѣ, при онаго бытности, не бѣ гоненія, ниже нужды, но вси по первому обычаю совершаша службы. Аще отъ Никона многажды оный архіерей зазираемь и досаждаемь бѣ, нѣкогда же и во узахъ терпяше, обаче аще и не явно за страхъ, но въ тай древнее похваляше благочестіе. Тако и Маркелъ архіепископъ вологодскій подписався на соборѣ ономъ страха ради Никонова, но послѣжде раскаявся, вельми тужаше и зѣло печаловася о семъ, и въ своемъ градѣ никаковыя нужды, ниже гоненія, ни насилія никакова о древлецерковномъ благочестіи людемъ содѣла. Тако и Александръ епископъ вятскій, аще на соборѣ страхомъ преклоненъ, подписался, но послѣди и плакаше и рыдаше о семъ, новинъ весьма ненавидяше. Свидѣтельствуетъ о семъ яственно того посланіе жалобное ко государю царю, поданное на Никоно во 171 годѣ, въ немъ же Никоновы прегорчайшія плоды, огорчившія русскую землю, изрядно объявляетъ" [1]).

Это заявленіе Денисова, что нѣкоторые архіереи не сочув-

---

[1]) По рукописи нашей (Московской духовной) Академіи, л. 48—49.

ствовали церковной реформаторской дѣятельности Никона,—подтверждается прямыми современными свидѣтельствами. Уже по вопросу о поклонамъ противъ Никона открыто выступилъ коломенскій епископъ Павелъ. Суровая расправа Никона съ Павломъ подавила на время оппозицію Никону среди архіереевъ, но не уничтожила ее окончательно и пострадавшаго отъ Никона своего собрата—Павла архіереи называютъ потомъ „божественнымъ страдальцемъ“ [1]). Нѣкоторые изъ іерарховъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1655 года, хотя и неоткрыто, однако говорили, по свидѣтельству Павла Алепскаго, по поводу заявленія Никона о необходимости согласовать русскія церковныя книги, чины и обряды съ тогдашними греческими: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле. Однако, замѣчаетъ Алепскій, они не смѣютъ говорить открыто, ибо гнѣвъ патріарха неукротимъ“. Когда потомъ Никонъ въ Успенскомъ соборѣ на виду у всѣхъ перемѣнилъ русскій клобукъ на греческій, то, по свидѣтельству того же Павла Алепскаго, присутствовавшіе при этомъ въ соборѣ епископы, игумены, священники и народъ подняли ропотъ и говорили: „смотрите, какъ онъ перемѣняетъ одѣяніе архіереевъ, которое они приняли по внушенію Святаго Духа съ того времени, какъ мы сдѣлались христіанами чрезъ святаго Петра. Какъ земля не поколеблется подъ нимъ! ибо, одѣваясь доселѣ по московски, онъ сдѣлался грекомъ“ [2]).

Оставленіе Никономъ патріаршей каѳедры развязало руки недовольнымъ іерархамъ и они теперь открыто выступили и лично противъ Никона и противъ его церковной реформы. Изъ нихъ своимъ открытымъ протестомъ особенно выдается вятскій епископъ Александръ. Правда Александръ присутствовалъ на соборахъ 1656 года, бывшихъ въ апрѣлѣ, маѣ и октябрѣ, и подписался подъ опредѣленіями этихъ соборовъ, одобрившихъ Скрижаль, новоисправленный требникъ, наложившихъ проклятіе на двоеперстниковъ, на Неронова и его единомышленниковъ. Но это обстоятельство не помѣшало потомъ Александру открыто выступить противъ того самаго

---

[1]) Такъ называетъ Павла Коломенскаго самъ мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ Питиримъ. Гиб. II, 606.

[2]) Мурк., вып. III, 171, IV, 109.

новоисправленнаго требника, который онъ самъ одобрилъ къ печатанію на соборѣ 1656 года, одобрилъ, очевидно, только изъ страха предъ грознымъ Никономъ, изъ боязни испытать за несогласіе съ патріархомъ участь епископа Павла коломенскаго.

Епископъ Александръ написалъ направленное противъ Никоновскихъ книжныхъ исправленій особое изслѣдованіе, которое онъ потомъ намѣренъ былъ представить на разсмотрѣніе и рѣшеніе отцовъ собора 1666 года [1]). Въ предисловіи къ своему изысканію епископъ Александръ обращается къ отцамъ собора съ слѣдующею рѣчью: „Велицыи отцы и братія, преосвященніи митрополити, архіепископи и епископи! Меньшій братъ вашъ, смиренный Александръ епископъ вятскій, молю святительство ваше и всего священнаго собора архимандритовъ и игуменовъ, священниковъ и иноковъ, протопоповъ, іереовъ и дьяконовъ, разрѣшите, молю боголюбіе ваше, въ сомнительныхъ о книгѣ потребникѣ новомъ моя вопрошенія, и дадите на писанныя моя вопросы, яко пастыріе Христова стада, писанныя отвѣты отъ дарованныя вамъ благодати, не скрывающе ничтоже, но многотрудне о мирѣ святыя, соборныя и апостолсскія церкве полезное имуще и и не смиреніе мое точію, но и весь православный россійскій народъ пользующе. Много бо она книга въ рѣчахъ перебита, и чины и написанія несходны, и умъ имущимъ, пачеже простѣйшимъ, смущенію виновна: съ прежними бо нашими книгами въ царствующемъ градѣ Москвѣ тисненіемъ печатнымъ изданными, отнюдь не согласна и превратовъ исполнена, кіево же печерскаго потребника чинми мало сходна, и съ тѣми въ рѣчахъ перебита и согласія мало имать. И сихъ ради мнози правовѣрніи, пачеже и христолюбивіи, смущающеся зазираютъ намъ — архіереомъ, якоже не брегущимъ Христова стада. Пачеже во страхъ приведе мя вселеннѣй проповѣдникъ Іоаннъ, ясно зовый, глаголя: возлюбленніи, да не презираемъ соблазняющихся, да не пресѣченіе сотворимъ благовѣстію Христову и погубимъ спасеніе наше.... Сихъ ради вонмите, молю, не свой бо разумъ составити ищу, но полезное церкви и вѣрнымъ людямъ, смотряя въ сомни-

---

[1]) Дѣйствительно, на соборѣ 1666 г. было цѣлое особое засѣданіе по дѣлу вятскаго епископа Александра. Мат. для ист. раск. т. II, стр. 79.

тельныхъ, разрѣшенія прошу въ Божію воистину славу, и вамъ самѣмъ на вѣчную похвалу: тщащимися многотрудне взыскати полезное церкви и вѣрныхъ Христовыхъ людей отъ соблазна премѣняюще и во едино мудрованіе совокупляюще, не нужею, но волею и по Бозѣ; многими бо времяны утверженныя обычаи небезбѣдно поколебати первое убо блазненное опорочити и потомъ благимъ совѣтомъ соборнѣ исправити; дерзостію бо творимое нетвердо, но блазненно воистину и смущенію виновно, совѣтомъ же исправленное— пользуетъ, и вѣрно трудившіися похвалу пріобрѣтаютъ въ родѣ и родъ и милости Бога сподобляются, аминь“. Послѣ этой вступительной рѣчи епископомъ Александромъ предлагается на рѣшеніе собора сначала 26 вопросовъ, а потомъ еще 22.

Въ первыхъ 26 вопросахъ исправленнный при Никонѣ требникъ сличается съ кіевскимъ требникомъ Петра Могилы, рѣже съ прежними московскими печатными изданіями и еще рѣже съ рукописями. При этомъ сличеніи указываются разности и несогласія никоновскаго требника съ требникомъ Могилы, при чемъ замѣчается обыкновенно, что въ новомъ требникѣ, сравнительно съ кіевскимъ, „въ рѣчахъ перебито и превраты исполнена“, при чемъ епископъ спрашиваетъ: „возвѣсти ми, молю, который въ нихъ премудрѣе Петръ ли Могила, или Никонъ?“ Или, напримѣръ, Александръ замѣчаетъ: „а иныхъ рѣчей (въ новоисправленномъ требникѣ) противъ прежнихъ нашихъ нѣтъ, а иныя писаны странно“. Встрѣчаются и такія замѣчанія по поводу положенныхъ въ новоисправленномъ требникѣ новыхъ монашескихъ именъ, не употреблявшихся доселѣ у насъ и у грековъ, говорится: „взыскати лѣпо, и аще они (имена) не обрѣтаются въ греческихъ и въ кіевскомъ потребникѣ, и у насъ въ великой Россіи, то гдѣ обрѣсти возможно: явѣ въ римскомъ костелѣ у латинника папы, и у жидовъ, а иные у еллинъ; но сихъ подражати намъ вѣрнымъ не буди, да не радость тѣмъ будетъ, вѣрнымъ же плачь. Но и у жидовъ дерзость таковая не бывала, еже звати человѣки Херувимъ и Серафимъ, кто бо сицевая отъ вѣрныхъ слышавъ, паче же видѣвъ, не соблазнится и окаянна дерзости исполненнаго нарицати не будетъ“. Или, напримѣръ, у него встрѣчается такое замѣчаніе: въ чинѣ погребенія говорится, что іерей „наливаетъ верху

мощей елей отъ кандилы, или сыплютъ пецелъ отъ кандилницы и тако покрываютъ гробъ,—и посему ихъ мудрованію уштo единy силу имутъ елей отъ кандилы и пепелъ отъ кандилницъ? И мнози облазнившеся въ правду, умъ иступившихъ нарицаютъ сице мудрствующихъ и глаголющихся быти мудри объюродѣвшихъ, и сице облазнившихся презрѣти-ли подобаетъ?“ Или, напримѣръ, сличая чинъ погребенія священниковъ въ новомъ требникѣ съ кіевскимъ, замѣчаетъ: „прочія же 12 икосовъ смѣха и мятежа полны и невѣдомо откуды взяты, и св. апостолъ и св. отецъ разуму и мудрованію отнюдь противны, и мню, яко врагъ церкви нѣкто сія расположивый, строя пагубу душамъ Христова стада,—кто бо отъ богословцевъ таковая мудрствова когда?“

Во второй серіи вопросовъ епископъ Александръ указываетъ на неисправности и погрѣшности и въ прежнихъ печатныхъ московскихъ требникахъ 7131, 139 и 159 годовъ, находитъ въ называемой Кирилловой книгѣ разныя погрѣшности и даже „оригеневой ереси „мудрованіе“, и наконецъ одинаково осуждаетъ потребники и Никона и Петра Могиты. Онъ говоритъ: „Петра Могилы мудрованіе“ въ потребникѣ его напечатано имя Господа нашего Ісуса Христа—Іисусъ, такожде и въ московскомъ Никоновѣ потребникѣ,—Петръ Могила и Никонъ оба въ семъ поблудиша, и не въ семъ точію, но апостольскіе и евангельскіе рѣчи перебили, единъ другаго злѣйши, такожде въ молитвахъ и въ ектеньяхъ отнюдь согласія нѣсть, ни съ прежними московскими печатными потребники, ни Петра Могилы съ Никоновымъ“. Или, напримѣръ, такое замѣчаніе: „како самыя Спасовы слова, и апостольскія и отеческія, Петръ Могила и Никонъ смѣютъ превращати?“ Онъ прямо и рѣшительно защищаетъ старообрядческія мнѣнія: зачѣмъ, напримѣръ, напечатано „несотворенна“, вмѣсто прежняго: „а несотворенна“; и въ Духа святаго Господа животворящаго, съ пропускомъ „истиннаго“, вмѣсто: „нѣсть конца“, напечатано: „не будетъ конца“.

Итакъ вятскій епископъ Александръ находитъ неисправными не только никоновскія новоисправленныя книги, но и южно-русскія—Петра Могилы, и даже нѣкоторыя московскія, напечатанныя до Никона. Откуда же, по его мнѣнію, призошли погрѣшности и превраты въ никоновскія новоисправ-

ленныя книги, и какъ же бы слѣдовало и съ какихъ именно книгъ исправлять погрѣшности въ печатныхъ московскихъ книгахъ? Отвѣтъ на это епископъ Александръ даетъ въ 20 вопросѣ первой серіи, гдѣ онъ сличаетъ чинъ погребенія священника никоновскаго потребника съ кіевскимъ. Здѣсь онъ говоритъ: „что много глаголати: во всякомъ стихѣ несогласія и превраты, у многихъ стиховъ концовъ нѣтъ, а во инѣхъ въ срединѣ многихъ рѣчей нѣтъ, весь чинъ превратовъ исполненъ и съ кіевскимъ несогласенъ. Много паче препамятовати лѣпо блаженныя памяти святѣйшаго Іосафа патріарха московскаго и всея Росіи, онъ убо сіе священническое погребеніе отложилъ, и недѣйствительно показалъ, Еремы болгарскаго попа еретика мудрованіе сіе нарекъ. И въ лѣпоту и намъ не преходити предѣлъ и своя комуждо не мудрствовати, но исправляти право истины. Правое убо ни откуду показатися имать, аще со древними согласно не будетъ,—новый же сей потребникъ ни съ кіевскимъ, ни съ прежними нашими московскими согласія не имать. Откуду убо явится истинна? Зане мы въ Венецыи печатанныхъ книгъ греческихъ огребатися должны есмы, и въ неволи живущимъ грекомъ у латинниковъ и у еллиновъ, обычаевъ и чиновъ пріимати нѣсмы должны, но просвѣтившаго насъ святымъ крещеніемъ равноапостольнаго, благовѣрнаго великаго князя Владиміра, нареченнаго во святомъ крещеніи Василія, благія нравы подражати, и при немъ и по немъ церковнымъ учителемъ, и преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ, въ знаменіяхъ и чудесѣхъ просіявшихъ въ великой Росіи, послѣдовати, и благія ихъ нравы и чисти и равноангельское житіе подражати, тако же и чины и преданія ихъ должны есмы хранити, яко отъ самого Бога свидѣтельствованныя. Древнія же греческія книги, ихже пріятъ благовѣрная княгиня Ольга, нареченная во святомъ крещеніи Елена, баба Владимірова, отъ Фотія патріарха цареградскаго, такоже и Владиміръ, ихъ же пріятъ отъ цареградскаго патріарха и отъ корсуньскаго епископа, пріемлемъ. Много паче послѣдуемъ словенскому учителю блаженному Константину философу, нареченному во мнишескомъ чину Кирилломъ, и брату его Меѳодію, епископу моравскому, и приведенныя тѣми великими и святыми отцы святыя книги отъ греческаго языка на словенскій, лобызаемъ и на нихъ утвердимся,

непоколебимое убо тѣ намъ святыя книги утвержденіе, ихже крѣпко взыскати должни есмы, такожде и святое евангеліе, вверженное во огнь и не сгорѣвшее вначалѣ просвѣщенія Росіи, взыскати лѣпо и тѣмъ святымъ книгамъ послѣдовати, а не въ Венецыи печатаннымъ отъ еретикъ. Откуду убо мнящимся премудрымъ ослѣпленіе таково? Явѣ, яко отъ небреженія спасенія своего, отъ растлѣннаго житія: вси бо мнящіися столпи настоящаго сего времени другъ со другомъ въ чинѣхъ церковныхъ согласія не имутъ, у каждаго бо ихъ свое мудрованіе, отнюдь смиренномудрія чужее, вся бо каждо гонимъ тщеславію виновное, и яко да вѣка сего покоя и славы и чести не отпадемъ, Христово же стадо небрежемъ и о спасеніи тѣхъ не промышляемъ, зане смущающихся тѣхъ о несогласіи церковномъ духомъ кротости исправити не тщимся, но въ своихъ обычаехъ утверждаемся, ратующе Христово стадо, древнія же церковныя чины отмѣтающе и новои необычно начинающе, вредимъ ихъ же лѣпо пользовати“.

Такимъ образомъ по мнѣнію вятскаго епископа Александра русскія церковныя книги никакъ не слѣдуетъ исправлять по еретическимъ венеціанскимъ изданіямъ, какъ это дѣлалъ Никонъ, не слѣдуетъ и русскіе церковные чины и обряды исправлять по современнымъ греческимъ, какъ это опять дѣлалъ Никонъ и его продолжатели. Для русскихъ руководствомъ въ ихъ религіозной жизни должна служить, по мнѣнію епископа Александра, исключительно своя родная, святая старина: можно вѣрить и греческимъ книгамъ, но только тѣмъ, которыя были привезены на Русь еще святыми Ольгою и Владиміромъ, а лучше исключительно утвердиться на книгахъ, которыя переведены на славянскій языкъ святыми братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ жизни и нравахъ слѣдуетъ подражать святымъ угодникамъ „въ знаменіяхъ и чудесѣхъ просіявшимъ въ великой Росіи“; слѣдуетъ „и чины и преданія ихъ хранити, яко отъ самого Бога свидѣтельствованныя“, а не мѣнять ихъ на сомнительныя современныя греческія. Тѣмъ болѣе необходимо поступать такъ, что измѣняющіе теперь русскую церковную старину, чины и обряды, эти „мнящіися столпи настоящаго сего времени“, сами „другъ со другомъ въ чинѣхъ церковныхъ согласія не имутъ“, ибо отвергнувъ родную святую

старину, которой бы имъ слѣдовало твердо держаться, они потеряли подъ собою твердую надежную почву, благодаря чему у каждаго изъ нихъ явилось „свое мудрованіе, совершенно чуждое смиренномудрія“, они, побуждаемые тщеславіемъ, заботятся по преимуществу о томъ, „яко да вѣка сего покоя и славы и чести не отпадемъ“. Многіе „отъ вѣрныхъ“ соблазняются „вправду“ новоисправленными книгами и сильно смущаются возникшими церковными несогласіями, такъ какъ новоисправленныя книги дѣйствительно заключаютъ въ себѣ много поводовъ къ соблазну, а между тѣмъ пастыри церкви вовсе не заботятся исправлять такихъ смущающихся „духомъ кротости“, а только „ратуютъ Христово стадо“, вредятъ тѣмъ, „ихъ же лѣпо пользовати“. Въ виду этого епископъ Александръ желаетъ, чтобы соборъ уничтожилъ въ новоисправленныхъ книгахъ все превратное и соблазнительное, и чтобы это новое исправленіе книгъ совершилось „благимъ совѣтомъ соборнѣ“, такъ какъ „дерзостію творимое не твердо, но блазнено воистину и смущенію виновно, совѣтомъ же исправленное—пользуетъ“. Очевидно, что этими своими заявленіями о недостаткахъ церковной реформы Никона епископъ Александръ какъ нельзя болѣе сближался съ воззрѣніями и заявленіями принципіальныхъ противниковъ церковной реформы Никона, которые поэтому оказывали ему свое особое расположеніе, охотно списывали его вопросы и, съ своей стороны, пользовались его расположеніемъ [1]). Но въ то же время, между ними и Александ-

---

[1]) Нероновъ въ своей челобитной государю заявляетъ: „ревнитель же воистину закона, блаженный Александръ епископъ вятскій, во всѣхъ писаніяхъ къ тебѣ, великому государю, явѣ блудню Никонову показа... и въ тисненіи печатномъ книги ево, Никонова мудрованія, ересей полны показа и блуженія, рекше, превратовъ“. (Митр. I, 187). Игуменъ Ѳеоктистъ, нѣкоторое время проживавшій въ Вяткѣ у Александра, пишетъ къ извѣстной боярынѣ Морозовой, чтобы она сама и чрезъ своихъ знакомыхъ всячески похлопотала о дѣлахъ епископа Александра. Между арестованными у игумена Ѳеоктиста бумагами значатся и вопросы Александра къ собору. (Ibid. стр. 230, 308—315). Дьяконъ Ѳедоръ пишетъ: „святитель Александръ вятскій епископъ, иже прежде коломенскій бывъ, по Павлѣ исповѣдникѣ, разумѣвъ все коварство и неправду сборища ихъ погибельнаго, пріѣхавъ въ свою область, не служаше по новымъ книгамъ, и сельскимъ попомъ всѣмъ запрещаше. И нѣцыи попове, бояще страха царева, извѣщаша нѣцыи царю о томъ нань, и истязаніе бысть

ромъ было и существенное различіе, именно: хотя Александръ и признавалъ серьезныя недостатки въ книжныхъ исправленіяхъ Никона, однако не находилъ эти недостатки на столько важными, чтобы ради ихъ погибло православіе на Руси, чтобы изъ-за нихъ слѣдовало отдѣляться отъ церкви, или, чтобы ради ихъ признать Никона и его послѣдователей еретиками, съ которыми не слѣдуетъ сообщаться. Кромѣ того Александръ находилъ неисправными не только книги напечатанныя при Никонѣ, но и книги напечатанныя при его предшественникахъ, почему и желалъ, чтобы всѣ наши книги вновь были исправлены, но обязательно на соборѣ, общимъ совѣтомъ, а не единолично. Само собою понятно, что возраженія епископа Александра противъ новоисправленныхъ книгъ, хотя относительно и сдержанные, должны были однако производить и на православныхъ, т. е. уже принявшихъ новоисправленныя книги, очень сильное впечатлѣніе, такъ какъ нападеніе на никоновскія книги исходило отъ православнаго епископа, который не только находился въ полномъ общеніи съ церковію, управлялъ самостоятельно цѣлою епархіею, но и былъ однимъ изъ выдающихся іерарховъ, отличавшійся, какъ видно, недюженнымъ умомъ, начитанностію, горячею ревностію о благочестіи и высокимъ, сравнительно, пониманіемъ своихъ архипастырскихъ обязанностей.

Кромѣ вопросовъ вятскаго епископа Александра до насъ дошло еще „Обличеніе на Никона патріарха“, написанное послѣ его удаленія съ каѳедры однимъ изъ русскихъ архіереевъ. Обличеніе состоитъ изъ тридцати статей и подано было государю въ видѣ челобитной отъ лица русскихъ архіереевъ. Въ четвертой статьѣ обличенія говорится: „отнележе бо онъ, Никонъ, начатъ вводити смущенія догматы, не имамы чисты молитвы къ Богу“. Въ двадцать первой статьѣ говорится: „кого бы отъ архіерей и святыхъ отецъ единомудрствующихъ имѣя съ собою Никонъ? Ей, никого“. Въ статьѣ двадцать пятой: „благочестивый царю! Онъ, Ни-

ему. Онъ же страха Божія паче убояся и непослушаша лукаваго сборища ихъ, и отрекся новозаконія ихъ, и остави епископію, отъиде въ монастырь свой на Вычегду, и каяся до смерти о прежнемъ своемъ поползновеніи, за еже сообщися съ ними“ (Матер. VI, 256).

конъ суемудренный, смысли, учимъ воистину древнимъ человѣкоубійцею діаволомъ, и съ нимъ совѣтуя всегда, рѣяхъ, ко отчаянію привести тщася и всѣхъ погубити хотя". Но особенно для насъ важна и интересна послѣдняя—тридцатая обличительная статья. „Пишетъ Никонъ, о благочестивый царю, заявляетъ обличеніе, что оныхъ трехъ иноковъ проклялъ, будто они наругаются исповѣданію православныя вѣры, присланнаго ему отъ святѣйшаго Паисея, цареградскаго патріарха; и во святѣй-де литургіи въ божественныхъ таинствахъ недовѣруютъ и недружбы чинятъ противъ того, что онъ исправилъ думою и благословеніемъ святѣйшихъ вселенскихъ патріархъ, а во благости де своей никогда же хотѣлъ ни прибавить, ни убавить отъ церкве, опрочѣ правилъ св. апостолъ и св. отецъ; еже есть: Кормчую книгу въ тисненіи печатномъ перебилъ и со старыми писмянными книгами отнюдь несходны устроилъ; единъ выходъ былъ, а самый несогласный: и съ которыя будто и печатаны, и съ тою несходны. Также и прочія книги, при патріаршествѣ его тисненіемъ печатнымъ изданныя, мятежа и смущенія исполнены, и 6-бо выходовъ служебниковъ мудрованія его сами въ себѣ согласія не имутъ. Но и скрижаль духовная сама въ себѣ несогласна, существа перебиты, а толкованіемъ съ нашими древними печатными служебниками во многомъ несходно. Да аще онъ, Никонъ, отъ цареградскаго патріарха Поисея вѣрѣ научился и исправити потшася: царствующцаго града Москвы благочестивіи и христолюбивіи цари и великіе князи, и князи и боляра, и преже его бывшіе 5 патріарховъ, и преосвященныя митрополиты, и архіепископы и епископы, священноархимандриты и игумены, протопопы, іереи и діаконы, и святыхъ великихъ обителей и прочихъ монастырей мнихи, пачеже и старцы, и христолюбивый російскій народъ,—ушто до него, Никона, неправо вѣровали и безкровную жертву Господеви всегда приносили туне? Оле дерзости и безстудія! Ненасытився, убивая вѣрныхъ душъ, глаголетъ, яко исправляя и не хотящихъ послѣдовать его прелестному мудрованію, проклинаетъ. Не ново убо начинающе святіи они старцы, но древнее святыхъ отецъ преданіе утвержающе, вѣрныхъ души отъ смущенія соблюдати тщашеся. Глаголяй же, яко не хотѣлъ прибавить, ни убавить, опрочѣ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ вселен-

скихъ соборовъ, приказывалъ: какъ ни есть, только не по старому. О книгахъ убо, благочестивый царю, что извѣщалъ преосвященный Паисія (т. е. Лигаридъ) тебѣ, благочестивый царю, которыя отъ многихъ странъ собраны, заперты безпожиточно,—пишетъ Никонъ, что въ ево далныя монастыри отвезены,—не въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Почто, христолюбивый царю, попусти сице,—не реку человѣку, но звѣрю, и ни малаго добра смыслившу святѣй церкви и державѣ царствія твоего?“ [1])

Вотъ что заявляли русскіе архіереи царю Алексѣю Михаиловичу по поводу церковной реформы Никона, какъ они представляли это дѣло себѣ и старались въ челобитной разъяснить царю, какъ ему слѣдуетъ смотрѣть на церковно-реформаторскую дѣятельность Никона; она, по ихъ мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ есть дѣятельность преступная, какъ наносящая непоправимый вредъ русской правой вѣрѣ и русскому истинному благочестію, и потому заслуживаетъ не признанія и одобренія, а полнаго отрицанія и осужденія со стороны всѣхъ истинно вѣрующихъ и благочестивыхъ людей. Между указанными воззрѣнія русскихъ іерарховъ на церковныя исправленія Никона и воззрѣніями тогдашнихъ принципіальныхъ защитниковъ русской церковной старины, трудно найти какое либо различіе: русскіе іерархи—челобитчики и защитники старины слились въ этомъ отношеніи въ нѣчто однородное и неразличимое по своему существу. Справедливость однако требуетъ сказать, что приведенная нами челобитная русскихъ архіереевъ государю, въ которой они рѣшительно осуждаютъ всѣ Никоновскія церковныя исправленія, какъ несостоятельныя и очень вредныя для церкви, были написаны архіереемъ — заклятымъ врагомъ Никона—тѣмъ же вятскимъ епископомъ Александромъ, которымъ были написаны и приведенные нами выше вопросы, направленные противъ книжныхъ исправленій Никона и предназначенные Александромъ для прочтенія на соборѣ 1666 года. Правда Александръ говоритъ въ челобитной отъ имени всѣхъ архіереевъ, но несомнѣнно, что тогда были

---

[1]) Рукописный сборникъ Москов. синод. библіотеки, № 294. Лѣтопись рус. лит. и древн.—Тихонравова, т. V, и Матер. для ист. раск. т. VII, стр. 148 и слѣд.

архіереи, которые никакъ не могли согласиться съ воззрѣніями Александра на реформы Никона, такъ какъ они были горячими и убѣжденными поклонниками всѣхъ никоновскихъ церковныхъ исправленій. Такими сторонниками и защитниками реформъ Никона были тогда, намъ извѣстные, крутицкій митрополитъ Павелъ, рязанскій архіепископъ Иларіонъ и, конечно, другіе. Но, съ другой стороны несомнѣнно и то, что епископъ Александръ былъ не одинъ, что между тогдашними архіереями и у него были сторонники, которые, покрайней мѣрѣ въ первое время послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, отрицательно относились не только лично къ Никону, но вмѣстѣ и къ его реформѣ. Поэтому Александръ и могъ въ своей челобитной государю говорить, если не отъ лица всѣхъ, то отъ лица извѣстной группы тогдашнихъ архіереевъ.

Такимъ образомъ, нѣкоторые русскіе архіереи, по крайней мѣрѣ вначалѣ, относились отрицательно къ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, и это свое отношеніе къ реформѣ, которое они по страху скрывали во время патріаршества Никона, послѣ оставленія имъ каѳедры, уже открыто, въ лицѣ вятскаго епископа Александра выражали публично и даже въ особой челобитной государю.

Отрицательное отношеніе къ новопечатнымъ Никоновскимъ книгамъ въ приходскомъ духовенствѣ и въ монастыряхъ сначала было почти всеобщимъ, хотя только у нѣкоторыхъ, и даже очень немногихъ лицъ, оно проявлялось сознательно, какъ сопротивленіе предполагаемому еретичеству, внесенному будто бы Никономъ въ новоисправленныя книги. У большинства же, какъ бѣлаго приходскаго духовенства, такъ и чернаго монастырскаго, новоисправленныя никоновскія книги встрѣтили или открытое, или молчаливое—пассивное непризнаніе по мотивамъ чисто практическимъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ правовѣрію или неправовѣрію. Дѣло въ томъ, что тогдашнее бѣлое и черное духовенство, особенно духовенство сельское и рядовое монастырское, было въ своемъ большинствѣ малограмотно, оно съ трудомъ и съ значительными усиліями пріучалось кое-какъ брести по привычнымъ книгамъ, исправлять по нимъ церковныя службы, и всегда готово было сильно споткнуться и даже совсѣмъ остановиться, если привычную книгу замѣ-

нить другой, отличной отъ старой. И отъ такихъ-то малограмотныхъ лицъ вдругъ потребовали, чтобы они отправляли всѣ церковныя службы по новымъ книгамъ, къ которымъ они, въ виду своей малограмотности и привычки къ разъ усвоенному, не знали какъ и пристать. Имъ теперь приходилось переучиваться, отвыкать отъ затверженнаго ранѣе и твердить новое. Дьяконъ Ѳедоръ, какъ очевидецъ, разсказываетъ, что когда по рекомендаціи Павла митрополита Крутицкаго, ставили въ архіереи на Вологду игумена Свирскаго монастыря Симона, то онъ, при чтеніи символа, неожиданно прочелъ по старому: „рожденна, *а* несотворенна". Тогда, повѣствуетъ Ѳедоръ, „нехотѣ его царь поставити во архіепископы; озрѣлся, стоя, на Павла митрополита онаго, и съ яростію пыхнулъ, рекъ: ты мнѣ хвалилъ его; не хощу его азъ! И пойде съ мѣста своего. Павелъ же льстецъ припаде къ нему и рече ему съ клятвою: никако, государь, нѣсть въ немъ того, но промолвился. И повелѣша Симону паки символъ глаголати. Онъ же справилъ рѣчь ту по новому реченію. Царь же возвратися на мѣсто, и поставиша его во архіепископы" [1]). Если уже кандидатъ въ архіепископы, значитъ человѣкъ, по тогдашнему времени, болѣе образованный, при своемъ ставленіи, не смотря конечно на тщательную предварительную подготовку, всетаки въ чтеніи символа сначала сбился на привычное старое, то чего же можно было требовать отъ лицъ малограмотныхъ, какими въ то время были почти всѣ сельскіе священно и церковнослужители и рядовое монастырское монашество. Для многихъ изъ нихъ читать и служить по новоисправленнымъ книгамъ было просто не по силамъ, они не умѣли, да и не могли перейти на новое, а потому по необходимости крѣпко держались за старое. Въ соборномъ приговорѣ соловецкихъ иноковъ, въ іюнѣ 1658 года, говорится: „во обители, по преданію чудотворцевъ, преподобнаго Зосимы и митрополита Ѳилиппа, какъ былъ игуменомъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и какъ прежніе игумены изстари служили, повыкли и мы божественныя литургіи служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы и сперва учились и привыкли. А нынѣ и по тѣмъ служебникамъ мы, старые священницы, очередей сво-

---

[1]) Матер. VI, 229—230.

нихъ недѣльныхъ держати не сможемъ, а по новымъ служебникамъ для своей старости учитца не сможемъ же, да и некогда,—которое и учено было и того мало видимъ. А которые мы священницы и діаконы маломочны и грамотѣ неавычны и къ ученію косны, по которымъ служебникамъ старымъ многія лѣта училися, а служили съ великою нуждею и Бога славили, а по новымъ книгамъ служебникамъ, что прислалъ изъ Колмогоръ старецъ Іосиѳъ, намъ—чернцомъ коснымъ и непереимчивымъ—сколько ниучиться, а не навыкнуть, лутче будетъ съ братьею въ монастырскихъ трудахъ быти“ [1]). Бывшій строитель Лысковскаго Покровскаго монастыря Аврамій на соборѣ 1666 года заявлялъ, что доселѣ онъ служилъ по старымъ служебникамъ“, а не служилъ по новоисправнымъ служебникамъ для того, что обыкъ по старымъ служебникамъ служить, а символъ вѣры по се время говорилъ по прежнему“, но впредь обѣщается служить по новоисправленнымъ книгамъ [2]).

Въ то время какъ значительная часть малограмотнаго—„коснаго и непеременчиваго“ духовенства рѣшительно заявляла, что ему „сколько ни учиться, а не навыкнуть“ отправлять службы по новоисправленнымъ книгамъ, въ это время всѣми уважаемыя и авторитетныя лица, извѣстныя самому царю и имъ чтимыя, открыто и рѣшительно стали увѣрять и всюду проповѣдывать, что новыя книги Никономъ не исправлены, а только испорчены, что въ нихъ внесены разныя ереси, что въ интересахъ сохраненія православія на Руси, въ интересахъ своего личнаго спасенія, каждому нужно крѣпко держаться именно старыхъ книгъ, старыхъ обрядовъ и чиновъ, что нужно обязательно отвергнуть все новое, введенное Никономъ, какъ еретическое измышленіе,—словомъ они учили, что перемѣнять въ старомъ ничего не нужно, никакъ не слѣдуетъ и учиться новому, какъ гибельному для правой вѣры и истиннаго благочестія. Этотъ призывъ—крѣпко держаться стараго и отвергать все новое, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ настроенности малограмотнаго духовенства, рѣшалъ жгучій и жизненный для него вопросъ въ самомъ желательномъ и благопріятномъ для него

---

1) Матер. III, 5—6.

2) Матер. I, 459.

смыслѣ, вполнѣ оправдывалъ его въ собственныхъ его глазахъ, такъ какъ убѣждалъ его, что противленіе новому и удержаніе стараго не есть проявленіе его малограмотности и косности, а дѣло высокое, богоугодное и спасительное. Такъ подъ сопротивленіе малограмотнаго невѣжества положена была высокая идея—охраны правой вѣры и истиннаго благочестія. Теперь невѣжды подняли опущенную было голову, онѣ подвысились и, такъ сказать, облагородились въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ какъ иное дѣло—держаться за старое въ силу малограмотности и косности, и иное—во имя спасенія русскаго неповрежденнаго православія и истиннаго благочестія отъ гибели,—изъ малограмотныхъ невѣждъ они превращались теперь въ героевъ, призванныхъ спасти и вѣру и отечество.—Никонъ и продолжатели его дѣла, уже по своему оффиціальному положенію, должны бы были хорошо знать и понимать, съ какимъ матеріаломъ, въ лицѣ большинства тогдашняго духовенства, они имѣютъ дѣло, когда, разсылая новоисправленныя книги, они требовали, чтобы духовенство служило только по нимъ, тогда какъ всякому сколько нибудь знавшему тогдашнее наше духовенство ясно было, что въ значительномъ большинствѣ оно не станетъ служить по новымъ книгамъ единственно только потому, что по своей малограмотности оно не съумѣетъ отправлять по нимъ церковныхъ службъ, и потому всячески будетъ держаться за старыя привычныя для него книги.

Введеніе новоисправленныхъ книгъ въ церквахъ не могло совершиться быстро и скоро даже по матеріальнымъ, такъ сказать, причинамъ, безотносительно къ тому, желало или не желало принимать ихъ и слѣдовать имъ тогдашнее духовенство. Церквей—соборныхъ, приходскихъ, домовыхъ, монастырскихъ, а также часовенъ, замѣнявшихъ собою во многихъ мѣстахъ церкви, было у насъ очень много, а средства единственной тогда у насъ правительственной московской типографіи были очень ограничены; она могла, за другими работами, выпускать новоисправленныя книги только въ небольшомъ относительно количествѣ экземпляровъ, такъ что требовалось очень и очень много времени, чтобы новоисправленныхъ книгъ хватало на всѣ тогдашнія церкви и чтобы всѣ онѣ могли ими обзавестись. Съ другой стороны,

книги тогда были очень дороги и для бѣдныхъ церквей пріобрѣтать цѣлый кругъ новопечатныхъ церковныхъ книгъ часто было не подъ силу, а потому по необходимости многія церкви очень долго продолжали пробавляться имѣвшимися въ нихъ прежними старыми книгами. Нижегородскаго Лысковскаго Богородичнаго монастыря черный попъ Авраамій, на соборѣ 1666 года, „прощенія просилъ, что онъ новоисправные печатные книги не держалъ скудости ради“ [1]. Естественно, что тогда не мало было и такихъ священниковъ, современниковъ Никона, которые успѣли умереть не имѣя даже случая увидать новоисправленныя книги; естественно, что очень долгое время и послѣ реформы Никона во многихъ церквахъ, особенно сельскихъ и захолустныхъ, церковныя службы продолжали совершаться по старымъ книгамъ единственно потому, что не было подъ руками новоисправленныхъ книгъ.

Въ самой Москвѣ, даже въ Кремлѣ, т. е. на глазахъ царя и всѣхъ высшихъ церковныхъ властей, въ нѣкоторыхъ церквахъ еще продолжали употреблять старыя книги вплоть до самаго рѣшенія этого вопроса соборомъ 1666 года. Игуменья Вознесенскаго въ Кремлѣ монастыря, Маремьяна Пальчикова, въ челобитной государю 1666 года заявляла: „по твоему, великаго государя, указу и по соборному уложенію, указалъ ты, великій государь, вездѣ по монастырямъ и по прихоцкимъ церквамъ, по новому соборному уложенію, въ церквахъ по книгамъ пѣть и честь, по новому соборному уложенію, на рѣчь. И мы, нищіе царскіе твои богомольцы, по книгамъ говорили по старому, а пѣли обѣдни и всякое пѣніе по новому, а книгъ, государь, твоего царскато жалованья къ намъ новыхъ въ Вознесенскій дѣвичій монастырь въ прежніе годы не пресыловано. А въ нынѣшнемъ, государь, во 174 году, по твоему, великаго государя, указу присланы къ намъ въ монастырь книги по новому твоему, великаго государя, соборному уложенію къ священницамъ, и тѣ, государь, священницы и крылошанки по книгамъ по старымъ и по новымъ говорятъ; а заповѣди и заказу отъ тебя, великій государь, къ намъ въ дѣвичій Вознесенской монастырь объ этомъ не бывало, что по старымъ книгамъ

---

1)—II. 13.

не говорить" [1]). На соборѣ 1666 года черный попъ Ѳаддей показывалъ: „года де тому съ два, или больши, былъ онъ въ нижегородскомъ уѣздѣ въ селѣ Лысковѣ въ монастырѣ пречистые Богородицы Казанскіе у строителя чернаго попа Аврамія въ кельѣ, и въ разговорѣ похвалялъ книги новоисправной печати, и тотъ де черный попъ Аврамій противъ того говорилъ: и старые книги добры, вѣдь де они свидѣтельствованыжъ, *и на Москвѣ по новоисправнымъ книгамъ не всѣ служатъ,—еще де не установилося*, да и патріаршъ де казначей, старецъ Тихонъ, не вовсе *за новоисправныя книги приниматца велитъ.*" Другой старецъ, Гавріилъ, показывалъ, что когда онъ уговаривалъ Аврамія держаться новоисправленныхъ книгъ, тотъ ему на это отвѣтилъ: „не единъ де я такъ служу (т. е. по старымъ книгамъ), какъ де во всѣхъ церквахъ будутъ служить (по новымъ книгамъ), тогда де и я буду". Въ 1657 году въ Соловецкій монастырь были присланы новоисправленныя книги. Получивъ книги, монастырскія власти никому не показали ихъ, а сложили въ казенную палатку, гдѣ книги спокойно и лежали, а службы продолжали отправляться по прежнему—по старымъ книгамъ и никакая власть этому не препятствовала. Соловецкій старецъ, Герасимъ Фирсовъ, на соборѣ 1666 года показывалъ: „по новоисправленнымъ служебникамъ въ Соловецкомъ монастырѣ не служилъ для того, что великаго государя указу не было". Бывшій соловецкій архимандритъ Варѳоломей тоже на соборѣ 1666 года показывалъ: „а кресты де на просвирахъ въ Соловецкомъ монастырѣ и до нынѣ постарому, и о томъ де къ нимъ указу не бывало". Только послѣ собора 1666 года послѣдовалъ въ Соловецкій монастырь указъ объ обязательномъ отправленіи всѣхъ церковныхъ службъ исключительно по новоисправленнымъ книгамъ, что и повело къ возмущенію соловецкихъ монаховъ [2]).

Если въ самой Москвѣ, послѣ удаленія Никона, съ новоисправленными книгами „еще не установилося", почему благоразумныя московскія духовныя лица, спрашивавшимъ ихъ провинціаламъ, „не вовсе за новоисправныя книги приниматься велятъ", если въ Москвѣ, и даже въ самомъ Кремлѣ, попрежнему безпрепятственно еще продолжали служить по

[1]) Православ. Обозрѣніе, 1885 г. т. II, стр. 66—67.

[2]) Матер. I, 460, 463. III, 3—7, 108, 111, 117.

старымъ книгамъ и царскаго указа о замѣнѣ ихъ новыми не было; то какихъ либо особыхъ специальныхъ мѣръ о замѣнѣ старыхъ книгъ новыми конечно не предпринималось архіереями и въ ихъ епархіяхъ,—служили, кто какъ хотѣлъ: или по новому, или по старому, большинство, понятно, по старому. Изъ дошедшихъ до насъ архіерейскихъ грамотъ видно, что епархіальные архіереи, до собора 1666 года, вовсе не настаивали на томъ, чтобы въ ихъ епархіяхъ обязательно служили по новымъ, а не по старымъ книгамъ. Въ 1658 году вологодскій архіепископъ Маркеллъ предписываетъ наблюдать соборному протопопу, „чтобы въ церкви Божіи всякое пѣніе пѣли и говорили единогласно", причемъ вовсе не говоритъ того, чтобы пѣніе въ церквахъ совершалось по новоисправленнымъ книгамъ, о послѣднихъ грамота совсѣмъ умалчиваетъ. Въ 1660 году въ царской грамотѣ новгородскому духовенству предписывается: „и вы бъ—архимариты, игумены и протопопы—приходскихъ всѣхъ церквей попомъ и дьякономъ и всякихъ чиновъ людемъ приказывали съ великимъ разсмотрѣніемъ и подкрѣпленіемъ, чтобъ во всѣхъ церквахъ Божіихъ божественное пѣніе было единогласно, со страхомъ Божіимъ". Объ обязанности пѣть по новоисправленнымъ книгамъ опять не упоминается. Въ 1661 году новгородскій митрополитъ Макарій, въ грамотѣ къ архимандриту Тихвинскаго монастыря предписываетъ ему сдѣлать крѣпкій наказъ всему духовенству, „что бъ пѣли и говорили по всѣмъ святымъ Божіимъ церквамъ единогласно, а не во многіе гласы". О новоисправленныхъ книгахъ не упоминается. Это неупоминаніе грамотъ до 1666 года объ обязанности духовенства отправлять службы именно по новоисправленнымъ, а не по старымъ книгамъ, было не случайностію, а естественнымъ послѣдствіемъ и обнаруженіемъ общей неувѣренности принятія церковію новоисправленныхъ никоновскихъ книгъ, неувѣренности, которая прекратилась лишь со времени собора 1666 года, что сейчасъ же и отразилось въ послѣдующихъ архіерейскихъ грамотахъ. Такъ новгородскій митрополитъ Питиримъ въ 1671 году предписываетъ учинить крѣпкій наказъ попамъ и причетникамъ, чтобы они „пѣли и говорили единогласно *по новоисправленнымъ книгамъ*". Тотъ же митрополитъ узнавъ, что „въ Вожской десятинѣ духовные поютъ и говорятъ не единогласно

и по книгамъ старыя печати, а не по новоисправленнымъ" предписываетъ отправлять службы единогласно по новоисправленнымъ книгамъ. Въ 1683 году устюжскій архіепископъ Геласій предписываетъ, чтобы въ церквахъ Божіихъ „пѣли и говорили единогласно и нарѣчно, а не мятежно, по новоисправленнымъ нарѣчнымъ книгамъ" [1]). Такимъ образомъ, какъ до собора 1666 года, когда относительно новоисправленныхъ книгъ „еще не установилося", архіерейскія грамоты требуютъ отъ духовенства только пѣть единогласно, совсѣмъ не упоминая при этомъ о новоисправленныхъ книгахъ; такъ послѣ собора 1666 года наоборотъ: во всѣхъ подобныхъ архіерейскихъ грамотахъ всегда уже говорится, чтобы духовенство пѣло и читало въ церквахъ единогласно и обязательно по новоисправленнымъ, а не по старымъ книгамъ.

Но что особенно характерно и любопытно: колебанія и неувѣренность, царившія тогда въ русскомъ обществѣ относительно законности и доброкачественности церковной реформы Никона, поддерживали сами греки, по указаніямъ и подъ руководствомъ которыхъ, какъ мы знаемъ, Никонъ производилъ свои грекофильскія реформы. Теперь, по удаленіи Никона съ патріаршей каѳедры, нѣкоторые греки перешли на сторону враговъ Никона и стали изображать его, подобно старообрядцамъ, церковнымъ самочиннымъ новаторомъ, нарушителемъ священной церковной старины и обычаевъ. Грекъ іеродіаконъ Мелетій, посланный государемъ приглашать восточныхъ патріарховъ въ Москву для устройства русскихъ церковныхъ дѣлъ, изобразилъ Никона предъ іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ церковнымъ новаторомъ, почему Нектарій, въ своей грамотѣ государю, отъ 20 марта 1664 года, между прочимъ пишетъ: „о Никонѣ же сказалъ (Мелетій) нѣкоторыя важныя дѣла, почти неизвинительныя, *кои всѣ суть нововведенія*, которыя намъ кажутся не очень достовѣрными... Киръ Никонъ (будто бы) *выдумалъ нѣкоторыя новости касательно церковнаго порядка и желаетъ, чтобы сіе противъ обыкновенія принято было*" [2]). Въ виду такихъ представленій о Никонѣ, полученныхъ восточными патріархами отъ царскихъ посланцевъ къ нимъ—грековъ, они въ

---

[1]) Ак. ист. IV, № 151. Ак. археогр. эк. IV, №№ 105, 115, 184, 188, 275.
[2]) Рус. Архивъ, 1873 г., кн. 9, 1610—1611.

своихъ отвѣтахъ на царскіе вопросы, имѣя въ виду сдѣланныя имъ сообщенія о самочинныхъ церковныхъ новшествахъ Никона, пишутъ: патріарху не должно „въ церковныхъ дѣлѣхъ совѣтовати или измѣняти древнія узаконенія или обычаи, или новая священнослуженія вводити въ божественную церковь, или измѣняти и отдаляти чины святыхъ литургій, развѣ тѣхъ установленныхъ и узаконенныхъ, сирѣчь: святаго Златоустаго и великаго Василія и прежде священныхъ, но хранити убо правую къ царю вѣру, къ церковнымъ же преданіямъ и обычаемъ держати умъ неизмѣненъ и ни чесоже обновляти въ нихъ“ [1]). Но особенно любопытно познакомиться, въ чемъ, между прочимъ, обвинялъ Никона самъ называвшій себя ученѣйшимъ—газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, игравшій тогда при московскомъ дворѣ особенно выдающуюся роль. Въ докладной запискѣ государю, въ которой онъ оправдывается отъ обвиненій, взведенныхъ на него Никономъ, Паисій перечисляетъ вины Никона и между ними указываетъ: „яко новыхъ чиновъ употребилъ есть (Никонъ), древнія чины оставя и отринувъ“ [2]). Паисію Лигариду царемъ поручено было составить докладную записку о дѣлѣ Никона для ѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ. Паисій составилъ эту записку и въ ней обвиняетъ Никона въ томъ, „что онъ перемѣнилъ обычаи прежнихъ московскихъ патріарховъ не только тѣмъ, что вмѣсто синихъ скрижалей сталъ носить червленыя и что не поминалъ торжественно вселенскаго попрежнему, но и тѣмъ, что ввелъ новые обряды и томы (опредѣленія), переоблачался во время божественнаго тайнодѣйствія (имѣя восемьдесять саккосовъ, за одной обѣдней перемѣнялъ ихъ до двѣнадцати). Что бъ не казаться ниже Бога всяческихъ, чудовищно придумалъ онъ для пѣснопѣнія служебные чины или лики, назвавъ нѣкоторыхъ отроковъ херувимами и серафимами, которые прислуживали ему внутри страшнаго олтаря, гдѣ онъ чесался передъ зеркаломъ. Изъ олтаря онъ сдѣлалъ преторію, въ которой снималъ цѣпи съ закованныхъ іеродіаконовъ. Онъ отмѣнилъ пѣсни троичныя, сложенныя патріархомъ Митрофаномъ и воспѣваемыя обык-

---

[1]) Гиб. II, 674.

[2]) Большой моск. арх. мин. ин. дѣлъ,—Греческія дѣла, 7175 г. № 2.

новенно каждое воскресенье; между тѣмъ 2-й канонъ 6-го собора повелѣваетъ пѣснямъ, слагаемымъ святыми отцами, оставаться неизмѣнными. Какъ же не подвергнется *тройной анаѳемъ Никонъ*, который велѣлъ, противъ порядка церковнаго, совершать единожды освященіе богоявленское, которое велѣно совершать дважды, а именно: въ навечеріе и самый праздникъ... Какой человѣкъ разсудительный будетъ отвергать, *что Никонъ нововводитель, когда онъ поколебалъ уставъ и древнее церковное преданіе?* Онъ былъ рукоположенъ во второй разъ, когда сдѣлался патріархомъ, а двухъ архіереевъ, прежде отставленныхъ, снова рукоположилъ, вопреки 67 канону апостолъ, отлучающихъ за такое рукоположеніе и поставляющаго и ставленника... Остается Никону признать одно изъ двухъ: или что онъ никогда не былъ поставленъ въ Новгородѣ, потому что патріархъ Іосифъ еретикъ (что ложно и неразумно), или же, что былъ снова поставленъ, *онъ никогда не былъ законнымъ патріархомъ*. Сверхъ того, поставленія имъ совершенныя, не имѣютъ силы, потому что совершены мужемъ, снова рукоположеннымъ" [1]).—А между тѣмъ все это о Никонѣ писано было не какимъ нибудь фанатичнымъ и невѣжественнымъ поборниковъ старины, какъ естественно было бы подумать, а ученымъ грекомъ—митрополитомъ Паисіемъ Лигаридомъ, писано имъ по особому порученію царя съ цѣлію ознакомить восточныхъ патріарховъ съ личностію и церковной дѣятельностію патріарха Никона.

Такимъ образомъ, послѣ удаленія Никона съ патріаршаго престола, мы встрѣчаемъ въ тогдашнемъ обществѣ очень сильное и распространенное теченіе, отрицательно относившееся къ церковно-реформаторской дѣятельности Никона, стремившееся признать ее во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельною и даже вредною и гибельною для церкви. Эти отрицательные взгляды на реформу Никона исходили не отъ однихъ только принципіальныхъ противниковъ новыхъ церковныхъ порядковъ, но были распространены и въ церковно-православной средѣ, и не только между низшимъ бѣлымъ и черннымъ духовенствомъ, но и между архіереями и даже между учеными греками, въ то время проживавшими въ Москвѣ.

---

[1]) Сочиненіе Паисія Лигарида. О соборномъ осужденіи Никона, ч. II, гл. 11.

Смута, неувѣренность и колебанія, существовавшія тогда въ обществѣ относительно признанія или непризнанія церковныхъ реформъ Никона, рѣзко проявляли себя прежде всего въ тогдашней церковно-богослужебной практикѣ.

Реформы Никона круто подорвали прежніе привычные церковно-богослужебные порядки, въ первое время не давъ однако на мѣсто стараго чего-либо прочнаго и всѣми признаваемаго новаго: старое и новое вступило въ ожесточенную борьбу между собою за право существованія, причемъ въ однихъ случаяхъ побѣждало старое, въ другихъ—новое, часто новое и старое своеобразно—пестро перемѣшивалось между собою и никто хорошо не зналъ, чего слѣдуетъ держаться: одинъ тянулъ въ одну сторону, другой—въ другую, третій думалъ совмѣстить и то и другое. Въ отправленіи ежедневныхъ церковныхъ службъ всюду проявилась безпорядочность, крайняя во всемъ неустойчивость, соблазнительное разнообразіе и произволъ отдѣльныхъ лицъ. Самъ Никонъ на упрекъ, сдѣланный ему въ 1663 году Паисіемъ Лигаридомъ и Одоевскимъ: зачѣмъ онъ издалъ три служебника и всѣ они разнятся между собою? отвѣтилъ: „нынѣ-де поютъ такъ, кто какъ хочетъ, а то-де чинится отъ непослушанія". Царь Алексѣй Михаиловичъ, въ своемъ повелѣніи въ 1662 году о созваніи по дѣлу Никона собора и о приглашеніи на него восточныхъ патріарховъ, говоритъ: „Никону убо отшедшу и пребывающу въ новопостроенныхъ отъ него обителяхъ, о вдовствѣ ея (церкви) не радящу, также и о несогласіи церковнаго пѣнія и о службѣ божественныя литоргіи и о иныхъ церковныхъ винахъ, которыя учинились при бытіяхъ патріаршества его, и потому дѣйствуются и до нынѣ, и отъ того нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстехъ и расколы". Посланный царемъ на востокъ подъячій Перфилій Оловениковъ, отъ имени государя говорилъ іерусалимскому патріарху Нектарію: „на Руси митрополиты, архіепископы, и епископы и весь церковный чинъ въ несоглашеніи, въ церквахъ Божіихъ служатъ всякій своимъ нравомъ". [1]) Вятскій епископъ Александръ въ челобитной государю пишетъ: „вси мнящіися столпи настоящаго времени другъ съ другомъ въ чи-

[1]) Гиб. I, 242—243. II, 628, 765.

нахъ церковныхъ согласія не имутъ, у когождо бо ихъ своемудрованіе... смущающихся о несогласіи церковнемъ, духомъ кротости исправити не тщимся, но въ своихъ обычаяхъ утверждаемся, ратующе Христово стадо, древнія же церковныя чины отметающе и новыи необычно начинающе, вредимъ, ихъ же должно пользовати“ [1]) Соловецкій архимандритъ Варѳоломей заявляетъ, что когда онъ ѣхалъ въ Москву, то, „по грѣхамъ нашимъ, послѣ моего поѣзду къ Москвѣ, учинилась въ монастырѣ, въ братьѣ и мірскихъ людяхъ, великая смута, будто священницы и діаконы почали службу служити не такъ, какъ было при мнѣ, архимандритѣ, и въ службу ввели чины нововводные, и подаяніе божественныхъ и животворящихъ таинъ, тѣло Христово, учали подавати священницы священникомъ и діякономъ иной съ сѣверную страну, а иной съ лѣтьную страну, и о томъ у нихъ въ церкви Божіи и въ олтарѣ во время божественныя службы и святаго причащенія стала смута и вражда велія“. [2]) Въ „повѣсти о блаженной жизни преосвященнѣйшаго Иларіона митрополита суздальскаго“ разсказывается, что когда Никонъ разослалъ приказъ служить по новоисправленнымъ книгамъ, то преподобный, бывшій въ то время настоятелемъ Флорищевской обители, „зѣло усомнѣвашеся о томъ,

---

[1]) Рук. Моск. синод. библ. № 294, л. 115.

[2]) Матер. III, 40. Съ своей стороны и Нероновъ въ челобитной государю 1660 года объ избраніи новаго патріарха пишетъ: „смущеніе убо веліе, государь, въ великой Росіи о церковныхъ вещѣхъ, яко же и самъ вѣси, благочестивый государь царь, во всѣ убо седмь лѣтъ, тысящи тысящъ, душъ христіанскихъ, сомнѣнія ради церковныхъ вещей, чужи общенія пречистыхъ таинъ, и ученія нѣсть, паче же и согласія ради церковныхъ учителей. Помилуй ко отчаянію близь сущихъ и спастися желающихъ“. Инокъ Авраамій пишетъ царю: „воззри, христолюбче, убо аще нелѣностенъ еси, обращеши-ли гдѣ правѣ напечатанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ какую ни есть книгу отъ Никона бѣшенова начальства лѣтъ 15 и больши? Непорочныя же старыя книги обезчествованы. Къ сему же: обрящеши ли чинъ и послѣдованіе по указанному святыхъ и богоносныхъ отецъ взаконенію? Обряшеши ли судъ и отмщеніе въ вещехъ церковныхъ, или строителя, или начальника правѣ исправляюща слово истины, и по чину вся бывающая въ церкви? Но вѣмъ, яко неудобь обрѣсти возможеши, не точію въ соборныхъ градскихъ церквахъ, но ниже во епископіяхъ, паче же ни въ монастырѣхъ. Виждь убо, аще не плача достойна сія окаянная времена наша, въ няже, увы, достигохомъ?“ (Матер. I, 170. VII, 93—94).

глаголя: писано есть: аще кто прибавитъ или убавитъ, анаѳема да будетъ, и начатъ о томъ со слезами ко Господу Богу молитися прилежно, да ими же вѣсть судьбами открыетъ ему о семъ... Богъ же не призрѣ моленія раба своего, откры ему сицевымъ образомъ:" когда Иларіонъ рѣшился отслужить по новоисправленнымъ книгамъ одну обѣдню, и, по окончаніи ея сталъ вытирать губою святой патиръ, то увидалъ, что внутри патира выступила кровь, „выступила та же кровь и на внѣшнюю сторону патира". Тогда недоумѣвающему о явленіи Иларіону былъ гласъ: „елико крови обрѣтеся внутри чаши, толико и на внѣшней странѣ чаши; тако разумѣй и о исправленіи книжномъ и о прочемъ: аще по прежнимъ, или по новоисправленнымъ служебникамъ, обаче ни чимъ же новоисправленная служба меньши первыя". Увѣрившись такимъ чудеснымъ образомъ въ одинаковомъ достоинствѣ новоисправленныхъ книгъ съ старыми, Иларіонъ не только самъ сталъ служить по новымъ книгамъ, но и требовать того же отъ своихъ учениковъ. Одни повиновались ему, „овіи же упорствомъ многимъ возразишася, и даже до смерти совѣщастася въ своемъ упорствѣ стояти, укоряюще самого преподобнаго, якобы самому ему съ праваго пути совратитися, глаголюще ему со укоризною: яко самому тебѣ прежде учити насъ даже до смерти о семъ стояти. Преподобный же нѣкоего ученика—Пестяковца проста и письма не умѣющаго, многимъ постомъ и поклонами и плинѳы на выю его повѣсивше, смиряше". [1]) Но подобнаго чудеснаго увѣренія въ одинаковомъ достоинствѣ старыхъ и новыхъ книгъ удостоивались, конечно, очень и очень немногіе, большинство же колебалось и не знало чего ему слѣдуетъ держаться.

Очень живую и яркую картину нестроеній, колебаній и пестроты въ отправленіи разныхъ церковныхъ службъ рисуетъ намъ современникъ—суздальскій священникъ Никита Добрынинъ (Пустосвятъ) въ челобитной государю. „Во многихъ градѣхъ твоея благочестивыя державы, наипачеже въ селѣхъ, пишетъ онъ государю, церкви Божіи зѣло возмущены, еже есмь много ходахъ, и не обрѣтохъ дву, или трехъ церквей, чтобы въ нихъ единочинно дѣйствовали и пѣли, но во всѣхъ разнствіе и велій раздоръ: въ той цер-

[1]) Рукопись моск. румянц. музея, по указанію Ундольскаго, № 418, л. 20.

кви по книгамъ Никоновымъ служатъ и поютъ, а въ иной по старымъ, и гдѣ на праздники, или на освѣщеніе церкви, два или трое священниковъ литоргію Божію служатъ, и дѣйствуютъ по разнымъ служебникамъ, а иные точію возгласы по новымъ возглашаютъ, и всяко пестрятъ. Наипачеже въ просфиромисаніи священнодѣйствуютъ и просфиромисаютъ сѣмо и овамо: овіи отъ нихъ постаринѣ агнецъ Божій прободаютъ, иніи же—по никонову толкованію, въ другую страну, и богородичну часть съ девятью частьми полагаютъ, а прочіи части вымаютъ и полагаютъ что и сказать невѣдомо какъ,—овіи отъ нихъ троеугольно части вымаютъ, иніи же щиплятъ копіемъ и части всѣ смѣшаютъ въ груду. Ктому и діаконы со іереи не согласуются: овъ священнодѣйствуетъ по новому, а другій по старому. Иніи же священники, противъ 52 главы никоницкіе книги, велятъ дьякономъ агнецъ вымати. И о томъ въ смятеніи вси. Такожде и пѣвцы межъ собою въ несогласіи: на клиросѣ поютъ тако, а на другомъ инако. И во многихъ церквахъ служатъ и поютъ ни по новымъ книгамъ, ни по старымъ. И евангеліе и апостолъ и пареміи чтутъ и стихѣры кананархистаютъ ни греческимъ, ни словенскимъ согласіемъ: понеже старое истеряли, а новое не обрѣли. И священнотаинственная Божія служба и весь чинъ церковный мнется: одни служатъ и поютъ тако, иніи же инако, или—нынѣ служатъ тако, а наутріе инако. И указуютъ на никоновы печатныя книги и на розные и непостоянные указы. Такожде и въ прочихъ во всѣхъ службамъ раздоръ и непостоянство... И во всемъ, великій государь, въ христоименитой вѣрѣ благочестиваго твоего государства расколъ и непостоянство. И отъ того, великій государь, много христіанскихъ душъ, простой чади, малодушныхъ людей, погибаетъ, еже во отчаяніе впали и къ церквамъ Божіимъ поoскуду учали ходить, а иніи и не ходятъ, и отцевъ духовныхъ не учали имѣть“ [1]).

Не только въ церковныхъ службахъ, но даже въ самой одеждѣ архіереевъ, священниковъ, дьяконовъ, а также и иноковъ, явилось, со времени реформъ Никона, раздѣленіе и разнообразіе: одни изъ духовныхъ одѣвались по-старому, другіе по-новому, треть ипросто по-мірски, что невольно всѣмъ рѣзко бросалось въ глаза, вызывало недоумѣнія, разные

[1]) М. тер. IV, 155—157.

толки и соблазнъ. Священникъ Никита пишетъ царю: „богомольцы твои, святителіе Христовы, межъ собою одеждою раздѣлилися: ови отъ нихъ носятъ латынскіе рясы и новопокройный бѣлый клобукъ на колпашныхъ камилавкахъ, иніи же, боясь суда Божія, старины держатся. Тако же и черныя власти и весь священническій чинъ одеждами раздѣлилися жъ: овіи священники и діяконы ходятъ въ однорядкахъ и скуѳьяхъ, иніи же по иноземски въ ляцкихъ рясахъ и въ римскихъ, и въ колпашныхъ камилавкихъ, а иные, якожъ простые людины, простоволосы ходятъ и шапку съ соболемъ съ заломы носятъ; а иноки не по иноческому чину, но—поляцки—безъ манатей, въ однихъ рясахъ, аки въ жидовскихъ кафтанахъ, и римскихъ рогатыхъ клобукахъ". По этому поводу Никита дѣлаетъ такое замѣчаніе: „въ томъ странномъ одѣяніи невѣдомо—кое попъ, и кое чернецъ, или пѣвчій дьякъ, или римлянинъ, или ляхъ, или жидовинъ" [1]). Соловецкіе иноки пишутъ государю: „святительскій бѣлый клобукъ, изъ Риму принесенный, иже отъ самаго Господа нашего Іисуса Христа на прославленіе истиннаго нашего православія русійскому царствію преданный, перемѣнили, а священническій и иноческій чинъ до конца обругали: попы мірскіе, яко никонова преданія ревнители, нарицаеміи никоніане, ходятъ поримски безъ скуѳей, оброслыми главами и волосы распускавъ по глазомъ, аки паны, или опалные тюремные сидѣлцы, а иные носятъ вмѣсто скуѳей колпаки черные, и шапки кумыцкіе, и платье все не русское же; а чернцы ходятъ въ церковь Божію и по торгомъ безъ манатей, безобразно и безчинно, аки иноземцы, или кабацкіе пропойцы, не по преданію святаго Василія Великаго". Инокъ Авраамій про современныхъ ему архіереевъ пишетъ: „одѣющася въ брачная цвѣтная одѣянія, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры въ рукахъ позлащены имуще, воцаритися надъ людьми хотяще, параманды такожъ златомъ вышивающе. Се есть монахъ! се есть учитель! се есть премудръ! се есть наша вѣра! Таковіи суть нынѣ законоучители—блазнители прелестницы!" [2]).

---

[1]) ibid. стр. 146, 157.

[2]) „ III, 303—304. VII, 98.

Тяжелое наслѣдство оставилъ Никонъ своему бывшему „собинному“ другу—царю Алексѣю Михаиловичу. Все въ тогдашней нашей церковной жизни, сверху донизу, находилось въ полномъ смятеніи и какъ бы разложеніи, ни въ чемъ не было устойчивости, опредѣленнаго порядка и прочности, все какъ бы шаталось, всюду видны были только рознь, раздоры, взаимная ненависть и борьба. Общая нелюбовь лично къ Никону перешла и на его реформу: большинство, какъ мы показали, относилось къ ней отрицательно, сами архіереи сначала видѣли въ ней только личное дѣло одного Никона, только проявленіе его патріаршаго самовластія и самочинія. Даже ученые греки смотрѣли на Никона, за его церковно-реформаторскую дѣятельность, какъ на опаснаго новатора, какъ на разорителя вѣковыхъ священныхъ традицій и обычаевъ, достойнаго за это всякаго порицанія и осужденія. Казалось, что наступило время, когда должны были сбыться слова Іоанна Неронова, нѣкогда сказанныя имъ Никону патріарху: „что ты единъ не затѣваешь, то дѣло некрѣпко; по тебѣ иной патріархъ будетъ, все твое дѣло передѣлывать будетъ: иная тогда тебѣ честь будетъ, святый владыко“; казалось, что возвращеніе къ дониконовскимъ церковнымъ порядкамъ дѣйствительно было бы, при тогдашнемъ состояніи умовъ, самымъ подходящимъ выходомъ изъ запутаннаго положенія церковныхъ дѣлъ, такъ какъ оно вполнѣ соотвѣтствовало бы желаніямъ и настроенности значительнаго большинства тогдашняго общества и, повидимому, способно было внести въ него необходимое умиротвореніе и успокоеніе. Дѣло съ реформою Никона, казалось, висѣло на волоскѣ. Но реформа Никона однако не погибла, такъ какъ весь дальнѣйшій тотъ или другой ходъ этого дѣла зависѣлъ теперь прежде всего и главнымъ образомъ отъ царя Алексѣя Михаиловича, который, послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, сдѣлался единственнымъ фактическимъ управителемъ всей русской церкви, почему исключительно именно отъ него зависѣло признать или не признать церковную реформу Никона. Какъ повелъ это дѣло и къ какому концу привелъ его царь Алексѣй Михаиловичъ, это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго нашего изслѣдованія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

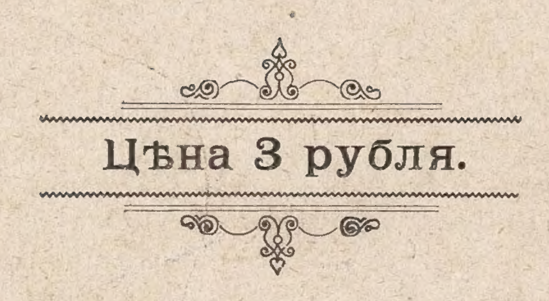
ГЛАВА XI. Отрицательное отношеніе къ реформамъ Никона въ средѣ православныхъ.

Протестъ противъ церковно-реформаторской дѣятельности Никона въ средѣ русскихъ іерарховъ. Непризнаніе новоисправленныхъ Никономъ книгъ большинствомъ бѣлаго и чернаго духовенства. Признаніе Никона бывшими въ Москвѣ учеными греками церковнымъ новаторомъ и разорителемъ древнихъ церковныхъ обычаевъ. Общее печальное состояніе тогдашней церковно-богослужебной практики, какъ слѣдствіе церковной реформы Никона.

ОПЕЧАТКИ.

Здѣсь отмѣчаются только такія опечатки, которыя искажають самый смыслъ рѣчи.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Нужно читать.*
69.	3 сн.	перенодами	переводами
72.	19 св.	Дамаскинъ, Птицкій	Дамаскинъ Птицкій
86.	3 св.	Іосифу	Іоасафу.
95.	23 св.	бывали	бивали
97.	20 сн.	наибольшее	на большее
105.	2 сн.	за соборомъ	за сорòмъ
369.	18 св.	мистическое	миѳическое
502.	10 сн.	были написаны	была написана
505.	19 св.	непеременчиваго	непереимчиваго.



Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Москвы и Петербурга. Выписывающіе отъ автора (Сергіевъ посадъ, Московской губ.), за пересылку не платятъ.